

П.С. Гуревич

ПСИХОЛОГИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений*

Москва • 2012

УДК 159.923(075.8)
ББК 88.4я73-1
Г95

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Гуревич, Павел Семенович.
Г95 Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для
студентов вузов / П.С. Гуревич. — М.: ЮНИТИ-ДАНА,
2012. — 495 с. — (Серия «Актуальная психология»).

ISBN 978-5-238-01246-9
Агентство СІР РГБ

Огромные массы людей в России прошли через опыт экстремальных ситуаций (войны, землетрясения, взрыв атомного реактора, террористические акты, миграция). Их численность постоянно возрастает. Психологические последствия любого социального кошмара всегда сильнее самого события. Психологическая реабилитация позволяет человеку вернуться к нормальной психической жизни. Психология чрезвычайных ситуаций изучает не только процессы «больной», «изуродованной» психики — она имеет отношение к проблемам личностного роста, возвышения и духовности.

Книга адресована не только психологам и специалистам по чрезвычайным ситуациям, но и широкому кругу читателей.

ББК 88.4я73-1

ISBN 978-5-238-01246-9

© П.С. Гуревич, 2007

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2007

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в Интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2007

Опыт экстремальных событий

Любимая, молю влюбленный:
Переходите на зеленый,
На красный стойте в стороне;
Скафандр наденьте на Луне.
А в сорок первом, Бога ради,
Не оставайтесь в Ленинграде...
Вот все, что в мире нужно мне

Александр Аронов

Небоскребы, обрушенные самолетами. Дети, бегущие к крану с водой, но достигнутые пулями террористов. Взорванные дома. Неожиданная и жестокая война на истребление. Как это неожиданно ворвалось в нашу жизнь! Кто же защитит нас от ужаса? Как вести себя в чрезвычайных ситуациях? Что, наконец, должны знать психологи, которые призваны оказывать помощь пострадавшим?

Разбился авиалайнер в Греции, прогремел взрыв в Дагестане, упал вагончик в Австрии, затоплен и практически стерт с лица земли город Нью-Орлеан. Журналистка Людмила Письман пишет:

Житель многомиллионного мегаполиса, выйдя из дому, на каждом шагу подвергается массивной стрессовой атаке. Город перегружен техногенными объектами, всегда готовыми взорваться, загореться, обрушиться. Мы постоянно напряжены и ожидаем «удара в спину» — экстремальной ситуации, коварно притаившейся за углом, вируса паники, мгновенно захватывающего толпу. Даже не запланированную остановку поезда между станциями уже можно назвать сильнейшим стрессом. А вдруг впереди случилось что-нибудь страшное?¹

Волна терактов, прокатившаяся по стране, показала, как нужны России специалисты по экстремальным ситуациям. Поставила те же проблемы и война в Чечне, борьба с терроризмом. Вроде бы, с одной стороны, такие люди есть. Скажем, в Главном управлении воспитательной работы Министерства обороны РФ создана группа психологической помощи и реабилитации. Различные подразделения такого типа есть и в крупных ведомствах и клиниках. Московская служба психологической помощи населению была создана

¹ Письман Людмила. Прививка от агрессии // Литературная газета. 2005. № 39—40. С. 6.

в 2003 г. Комитетом по делам семьи и молодежи г. Москвы. И все-таки между различными службами нет координации, отсутствует продуманная сеть и структура таких социальных институтов.

Министерство чрезвычайных ситуаций было создано после неслыханного землетрясения в Армении и помощи его жертвам. Мы не могли похвалиться наличием службы спасателей, но прибывали специалисты с собаками из других стран и показывали чудеса помощи и спасения на развалинах армянских городов. Действительно, Армения и Чернобыль послужили толчком для создания спасательной службы. С.К. Шойгу, нынешний министр МЧС, руководил крупным строительством в Сибири и отправлял в Спитак и Лениканан людей и стройматериалы.

Эти катастрофы заставили всерьез задуматься. Если у нас в России сейчас 200 тыс. ликвидаторов последствий чернобыльской катастрофы и 18 тыс. из них уже нет в живых — профессиональная служба просто обязана была появиться.

Укрывшись одеялом, человек пытается заснуть. Однако тишина кажется ему гулкой. Вот где-то заворчал водопроводный кран, скрипнула дверь, упал на пол какой-то предмет. Человек покрылся потом. Он вспомнил, что вечером видел у подъезда какого-то подозрительного человека. Тот стоял возле дерева и внимательно смотрел на детскую площадку. Возможно, для отвода глаз. Слесарь, который приходил из ЖЭКа, тоже не внушал доверия. Чего это он так долго возился возле щитка?...

Ягодка так соблазнительно спряталась под листиком. Она крупная, спелая. Так хочется ее сорвать. Но рука тревожно застывает над кустиком. Ведь здесь недалеко зашкаливала радиация. Нет ли в этой ягодке смертоносной силы?

Мой знакомый вернулся из Чечни. Его не ранили, он не контужен. Но на глазах у него друг подорвался на mine. Теперь во сне он покрывается потом, рот кривится в мучительном крике... После войны во Вьетнаме появился термин — «посттравматическая реабилитация». Сейчас в стране число тех, кому нужна помощь психологов, становится все больше и больше.

Огромные массы людей в России прошли через опыт экстремальных ситуаций (война, землетрясение, взрыв реактора или зданий, миграция, терроризм). Их численность постоянно возрастает. Однако в нашей стране нет учреждений или пунктов, которые занимались бы психологической реабилитацией таких людей. Психологическая реабилитация — это система мер, которые позволяют

человеку вернуться к нормальной психической жизни. К сожалению, многие рекомендации, которые можно встретить в печати, не соотнесены с психологическим знанием. Это в основном житейские советы, которые не всегда уместны в экстремальной ситуации. Психология нередко опровергает здравый смысл, потому что человеческая психика представляет собой сложный и чрезвычайно парадоксальный объект. Люди часто действуют так, словно не осознают своих мотивов и не чувствуют реальной опасности.

Проблема приобретает особую остроту в связи с тем, что последствия исключительных ситуаций обнаруживаются далеко не сразу. Многим кажется, что травматическое событие забывается, утрачивает свое значение в жизни многих людей. Однако именно со временем многие процессы обостряются, обретают деструктивную мощь. В результате общество имеет дело с неожиданными феноменами, которые разрушают нормальное течение событий в разных регионах, порождают массовые стрессы и наносят ущерб психическому здоровью людей.

Когда говорят о психологии чрезвычайных ситуаций, то, прежде всего, имеют в виду события, связанные со стихийными бедствиями, террором. Но порой более опасными для общества могут оказаться реальные события повседневности, которые совсем не исключительны, но по прошествии времени обнаруживаются как требующие незамедлительной коррекции или исправления. Чрезвычайные ситуации — это не только ураган или землетрясение. Академик Дмитрий Львов пишет:

С беспрецедентной поспешностью была уплачена огромная цена за проведение так называемых реформ: потеряна управляемость экономикой, нанесен громадный ущерб производству и жизненным интересам десятков миллионов наших сограждан. Люди продолжают находиться в тисках усиливающегося эмоционального стресса, который связан с резкой деформацией сложившегося уклада жизни. Неудивительно, что в последние годы у многих россиян выработалась чудовищная приспособительная реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести, — *синдром вживания в катастрофу*. Вырвать людей из этого состояния невероятно трудно. Они порой с раздражением, даже агрессивно реагируют на такие попытки. Но и оставаться в нем губительно!¹

¹ *Львов Дмитрий*. Экономика должна быть нравственной // Литературная газета. 2004. № 52—53.

Прошло почти два столетия (без четверти века) с тех пор, как пушкинский Мефистофель с изумлением отозвался о новой науке. Сейчас, когда мы вошли в полосу катастроф и потрясений, хочется спросить: что сегодня с психологией в России? Разумеется, это академическая дисциплина, имеющая своих корифеев и свои традиции. Но, увы! Психология так и не стала оселком общественного сознания. Трагедия, которая произошла с подводной лодкой «Курск», пожар в Останкино, уничтожение Басаева вызвали шквал нравственных, политических и организационных оценок. Толковали о целесообразности тех или иных событий, о экономической стороне катастроф, о нравственных аспектах. Невостребованной оказалась только психология. Этот ракурс событий остался без разносторонней экспертизы.

Между тем мы получили настоящую психологическую фантазмагорию, в которой множество феноменов, — взрыв массовых чувств, публичное переживание смерти, эффект психического онемения, неуклюжие попытки сублимировать охвативший нас ужас. И тут оказалось, что не только политики и общественные деятели, но и все мы игнорируем хрупкость и сложность человеческой психики, не располагаем азами знаний о ней. При каждой новой трагедии события развиваются по однотипной схеме. Поразительно, что при этом показывают даже действия психиатров и других специалистов, излагают их оценки. Но круг заклатья не разорван...

Когда случается катастрофа, разумеется, трудно ожидать от людей адекватного восприятия событий. Но ведь пора научиться хоть как-то ориентироваться в экстремальных ситуациях. Иначе — в ком рассудок уцелеет? Прежде всего, нужны специальные усилия, чтобы избежать скопления людей, захваченных одним и тем же потрясением. Это хорошо известно со времен французского психолога Густава Лебона, который раскрыл механизм коллективных панических состояний. Однако люди, принимающие разного рода решения, порою просто содействуют разрастанию психического кошмара. К месту происшествия стягиваются не только журналисты, но и массы других — родственников, начальников.

Что заставило внезапно осиротевших людей рвануть в Североморск? Какая сила потянула зевак к Останкино, когда там случился пожар? Отчего на месте катастрофы приземлившегося самолета в Иркутске случились массовые манифестации? Само собой разумеется — отсутствие ясной и спокойной информации. Представьте

себе, если бы «Скорая помощь», вызванная к истекающему кровью больному, время от времени истерично восклицала: «кажется, жив», «нет, уже умер», «надежда есть», «никаких шансов», «врачи теряются в догадках». Что случилось бы с пострадавшим? Не надо обрушивать на людей множество безумных версий. К чему, например, без всяких оснований подогревать массовые чувства подозрением насчет «чеченского следа». Ведь такое известие, даже если оно и сугубо предположительное, пробуждает сложный замес переживаний. Журналистам, ясное дело, не прикажешь. Но ведь есть назначенное государством ответственное лицо. Если оно рождает недоверие из-за манеры держаться, выражать эмоции, нести достоверную информацию, надо немедленно менять этого человека. Однако в нашей практике этого не происходит.

У психиатров есть такое понятие — *«индукция»*. Когда люди собираются вместе, энергия распада взаимно подхлестывается и непомерно разрастается. Никто из ответственных чиновников в целом ряде катастроф даже не попытался остановить этот поток. Более того, когда случилось бедствие с атомной лодкой «Курск», некоторые политиканы даже стали публично бичевать правительство за то, что оно не помогало родственникам прибыть к месту катастрофы. Почему не остановили эту невольную концентрацию ужаса и отчаяния? Разве никому не известно, какие фантомы рождаются в коллективной душе? Что могли увидеть близкие в морской пучине? Но наш подход «устаканился» еще с ранних времен. К месту событий подбросили шприцы и активно воспользовались ими.

Существует гипотеза о том, что во время народных волнений — революций, восстаний, мятежей — участники событий вырабатывают некую энергию, энергию страсти. Она выплескивается в ноосферу и бурлит, перекачивается, ищет себе применения¹. То же самое происходит и на месте катастроф.

Когда экран рвал наше сердце возможностью спасения экипажа, особенно мучительно было осознавать, что наши политики, что уж говорить о военачальниках, принимающие то или иное решение, видят перед глазами не живую особь, а некий макет с примитивными инстинктами. Дико и несуразно, когда должностные лица с огромным усердием начинают втолковывать людям, еще не успевшим до конца впустить в себя трагедию, что их близких уже нет

¹ *Калинина Юлия*. Роковой месяц. МК, 25 августа 2006 г.

в живых. Психологи знают, что потрясенная психика не способна принимать такие сообщения. Между тем ответственные лица приходили в состояние гнева и растерянности, когда в ответ на ясное оповещение о смерти, люди продолжали вести себя так, словно не поняли, что им сказали. Это рождало желание у начальников слегка «подхлестнуть» события», втолковать родственникам, что о благополучном исходе не может быть и речи. И никто не подумал о том, что в данном случае речь идет об эффекте *мортификации* (психологического онеменения — см. третью часть книги).

Чиновники, естественно, не знают, как обеспечить постепенный выход из состояния *мортификации*. Поэтому они изо всех сил настаивают на факте смерти, с которым не может примириться смятенное сознание, вразумляют непонятливых, даже испытывают публичное раздражение...

Кому неясно, что безмерное горе принято встречать в кругу близких? Можно устроить скорбное застолье, можно пойти в церковь, можно оросить слезами родное плечо. Но собрать несчастных людей в одном месте, настаивать, не предъявляя тел, на том, что смерть уже реальность, объявлять траур, а потом вспомнить о разнице во времени. Но, оказывается, отменить траур невозможно, потому что во Владивостоке уже скорбят. На месте ли наша крыша?

Если в доме покойник, никто из пришедших на погребальную церемонию не станет вопить о том, что собирается оказать осиротевшим материальную помощь. Это говорится обычно вскользь, все понимают, что никакая щедрость не возместит утраты. На наших экранах беспрерывно толкуют о бескорыстии правительства, называют размеры вознаграждений. Все это, по логике чиновников, должно вызвать положительные эмоции. Но неужели неясно, что такая «компенсация» вызывает дополнительный взрыв горечи. Ведь никакая щедрость не возместит утраты. Кроме того, в нашей стране полно обездоленных, осиротевших. Есть опасность, что чиновники немедленно начинают сооружать столы с едой, но не думают о смятенных душах...

Еще одна заскорузлая тенденция. Мы издавна учились немедленно, сей же час, превращать трагедию в героику. С одной стороны, это правомерное использование механизма *сублимации*, о котором пойдет речь в третьей части книги. Но в этом случае опять-таки требуется точный расчет, психологическая грамотность. Однако, когда произошло бедствие с «Курском», начальники, воспитан-

ные в духе политработы, еще не дав людям выплакаться, понесли ордена, стали толковать о морском братстве. И вот адмирал, не справившийся с эмоциями, произносит несурзное: «Воспитывайте своих сыновей!» Это как скрежет рвущейся обшивки. Мол, пусть дети идут на флот, мы их с почестями похороним.

Трагедия показала, как много у нас плакальщиков и во пленниц. Сколько же обнаружилось провокаторов, которые на одних связках, без реальных эмоций, пытались сорвать коросты и окропить их солью! Конечно, нужно делать выводы из того, что произошло. Но ведь надо проявить и сдержанность. Нельзя же по любому поводу поднимать «ярьость масс». Осознает ли, к примеру, кинорежиссер С. Говорухин, недавний участник президентского марафона, чем может обернуться его публичное предложение В.В. Путину сложить с себя полномочия командующего Вооруженными силами страны, сколь скоро подводная лодка затонула?

Разумеется, психологические ресурсы человека огромны. Люди могут долго пребывать в межпланетном пространстве. Они способны обживать океанские глубины. Человек подолгу живет без воды и пищи, выдерживает зной и холод. Но сегодня, можно полагать, мы живем на пределе наших возможностей. Люди утратили чувство защищенности. Они боятся ночевать в своей квартире, избегают общения с врачом, милиционером, все чаще погружаются в глубокую депрессию.

Психологические последствия любого социального кошмара всегда сильнее самого события. Их дальное действие нельзя оставить без внимания. Конечно, это страшно, когда из рукотворных сооружений человека вырывается поток всепоражающих частиц, когда гигантская башня охвачена дымом, когда безмолвствует морская глубь. Но ужас наступает нас позже, когда мы видим всеведущие глаза младенца, изуродованного смертоносной стихией, когда боимся сорвать ягоду с куста, поднять упавший плод, когда, по слову поэта, подводная лодка уходит в наше подсознание...

В нашем представлении чрезвычайная ситуация связывается обычно с террором, стихийным бедствием, неожиданной катастрофой. Однако как показывают опыт и новейшие теоретические разработки, резкое преобразование ценностей в любом социуме вызывает многочисленные деструктивные процессы. Кажется парадоксальным, что если окажется порушенной даже абстрактная картина ми-

ра, которая существует в головах людей, возникает кризисная ситуация. Что же говорить, если неожиданно преобразается вся система ценностей, присущая той или иной культуре, тому или иному обществу!

Русский философ Н.О. Лосский (1870—1965) писал:

В общественной жизни почти всякая реформа, иногда даже и незначительная, всякое смелое предприятие может привести к осложнениям и опасностям, ведущим за собой страдания или гибель людей... Столкновение личной жизни человека с могучей жизнью государства потрясающе выражено в гениальной поэме Пушкина «Медный всадник», где изображено безумие маленького чиновника, невеста которого погибла во время наводнения, вспышка ненависти его при виде памятника Петру Великому и совершенное разрушение его судьбы¹.

После терактов любая уважающая себя газета печатала в те трагические дни комментарии психологов, которым пришлось иметь дело с жертвами злодеяния. Но нередко можно было прочесть и нечто обескураживающее. Вот один из специалистов рассуждает о том, что в психологической реабилитации нуждаются в основном взрослые. А дети? — Они, мол, уже через полчаса включаются в азартные игры и забывают обо всем на свете. Но психологи знают, что такое представление глубоко ошибочно. У ребят другое восприятие событий. Но дело не только в этом. События оставляют глубокий след в еще неокрепшей детской психике. Другой психолог убеждает нас в том, что актуально проведенная терапия способна незамедлительно развеять образ катастрофы, но он не знает о возможных дальних последствиях событий. Третий глубокомысленно замечает: если человек не может вспомнить свое имя — не беда. Шок скоро пройдет, а вот пациента нужно тщательно осмотреть. Осмотр нужен, но дело не только в том, что человек не может назвать себя. Возможно, у него разрушен весь процесс идентификации (см. третью часть книги).

Если ориентироваться на газетные публикации, можно полагать, что специалистов по экстремальным ситуациям у нас мало. Да и откуда им взяться? На психологических факультетах вузов страны такой спецкурс читается крайне редко. Классические западные работы на эту тему не переведены. Вот почему на месте катастрофы

¹ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 198.

нередко оказываются энтузиасты, подвижники. Огромное им спасибо за помощь. Однако дилетантство настораживает. Во всем мире, кроме России, психология экстремальных ситуаций развивается стремительно. Там есть свои «отцы-основатели», осмысливается накопленный опыт.

В настоящее время МЧС проводит огромную работу по оказанию психологической помощи людям, которые пострадали в экстремальных ситуациях. Однако у Министерства нет возможности проследить действие психологических последствий различных бедствий. В результате после оказания первой помощи участникам экспедиций приходится отправляться на другие объекты, а поскольку основные механизмы, связанные с чрезвычайными ситуациями, начинают действовать значительно позже, огромные массы людей оказываются вне наблюдения. Психическое онемение, которое испытывают люди, со временем заменяется осознанием глубины трагедии. Вот когда всепостижение катастрофы пронизывает все наше существо. Именно в этот момент, когда спадает психическое онемение, пострадавший реально сталкивается с реальностью случившегося. Но в это время рядом нет ни психолога, ни наставника. Нет сомнений в том, что наши спасатели ведут огромную работу, которая требует самоотверженности, подвижничества. Но вот в районе бедствия оказана нужная помощь, люди отправлены в больницы, похоронены те, кого уже нельзя вернуть к жизни, отданы последние распоряжения. И группа прибывших отбывает в другом направлении — там уже полыхает пламя, рыдают люди. А те, кто остался на месте? Озабочены ли местные власти тем, чтобы вести посттравматическую деятельность? Государственный подход к проблеме требует иного подхода. Иначе общество терпит огромные убытки, ведь на поверхности социальной жизни обозначаются такие явления, как массовая истерия, разочарование, глубокая депрессия. В итоге мы расплачиваемся за это серьезными психическими травмами. Такой подход нельзя признать государственным. На местах не проводится никакой реабилитационной работы. Именно поэтому затраты на восстановление нормального состояния многих людей, попавших в зону страданий, оказываются огромными.

Опыт экстремальных ситуаций исследован многими крупными специалистами. Назовем прежде всего работы американского психолога Б. Беттельхайма, который изучал поведение заключенных в

немецких лагерях. В 1967 г. вышла в свет книга крупного американского психолога и психиатра, профессора Йельского университета Роберта Лифтона «Смерть при жизни. Пережившие Хиросиму». Это первый серьезный опыт исследования состояния людей, которые перенесли атомную бомбардировку. Опыт на уровне современной психологии. Когда специалисты начали изучать опыт психических потрясений, психология обогатилась множеством открытий. Спектр психологического знания чрезвычайно расширился.

Утром первого сентября 2004 г. террористы захватили всех пришедших на праздничную линейку школы № 1 в осетинском городе Беслане — от первоклассников до десятиклассников, всех учителей, сопровождающих детей родителей, родственников — общим числом более тысячи. Через три дня во время штурма погибло более 300 человек, среди них 170 детей. «И хотя это не первый масштабный террористический акт в современной жизни нашей многострадальной страны, но именно после него с особой очевидностью стало ясно, что пройдена какая-то незримая черта и мы вступили в новую эру, которую вчера еще нельзя было себе представить. Время дало трещину, разрыв, отдаляющий отныне «до» и «после»¹. Рассматривая эту ситуацию как вызов всей цивилизации, автор цитирует толстовские строчки — «мелкие несчастья выводят нас из себя, большие возвращают нас к себе».

Минувший век принес множество чрезвычайных событий, которые поставили под угрозу существование цивилизации. Это Первая мировая война, Октябрьский переворот, временное торжество немецкого фашизма и Вторая мировая война. Франсуа Мориак вспоминал о временах немецкой оккупации во Франции:

...не всегда самое сильное воздействие оказывают на нас те события, в которых мы непосредственно участвовали... Самым страшным впечатлением тех мрачных лет остались для меня вагоны с еврейскими детьми на Аустерлицком вокзале... И однако я сам их не видел: мне рассказала об этом жена, все еще под впечатлением пережитого ужаса. В то время мы еще ничего не знали об изобретенных нацистами методах уничтожения. Да и кто мог бы такое вообразить! Но уже эти невинные агнцы, силой оторванные от своих матерей, превосходили все, что прежде казалось нам возможным. Думаю, что в тот день я впервые прикоснулся к тайне зла, откровение которого, вероятно, отметило конец одной эпохи

¹ *Братусь Б.С.* Современный мир и психология (размышления о психологической реальности) // Мир психологии. 2005. № 1. С. 51—52.

и начало другой. Мечта, которую западный человек создал в XVIII в. и восхождение к которой — как ему казалось — он наблюдал в 1789 г., мечта, которая до 2 августа 1914 г. укреплялась благодаря развитию знания и достижениям науки, окончательно развеялась для меня при мысли об этих вагонах, переполненных детьми. А ведь я отдаленно не представлял себе, что им придется заполнить газовые камеры и крематории¹.

Что касается XXI, то он, как и XX в., начался не по официальному календарю, а позднее. Если XX в. дал старт в августе 1914 г., когда разразилась Первая мировая война, то XXI век, по-видимому, можно считать «действующим» с 11 сентября 2001, когда свершилось дерзкое нападение террористов на Нью-Йорк. В этот день самолеты, захваченные террористами, вонзились в близнецы-небоскребы Даун-тауна, принадлежащие Всемирному торговому центру. Они превратили эти 110-этажные машины в груды развалин, в которых погибли более трех тысяч человек. Когда в США произошел теракт, президент Дж. Буш пребывал в прострации. Но его поддержала даже оппозиция. И эта поддержка мгновенно вылилась на улицы. Была наглядная демонстрация здоровья политической системы, умеющей в критический момент мобилизовать все политические ресурсы страны. Поднять дух национальной солидарности.

Небоскребы-близнецы были символом западной цивилизации, явная амбиция которой заключалась в том, чтобы распространиться на весь мир. Но «войны» исламской цивилизации уничтожили этот символ, поставив Америку на позорное место. «Одних лишь хитрости, терпения и даже огромных денег не хватило бы, чтобы устроить акцию 11 сентября и серию менее масштабных терактов в разных странах. Тут нужны люди, добровольно идущие на смерть. И таких добровольцев у мусульман хоть отбавляй, чему способствует сама их религия»².

Мы видим, таким образом, что трудноотвратимой опасности подвергается не только биология человека. Болезненную остроту приобретают психологические проблемы. С глубокой древности разрабатывались методы управления человеческим поведением. В XX в. возникло убеждение, что возможности манипулирования человеком едва ли не безграничны. Можно с помощью психотропных

¹ *Мориак Ф.* Предисловие к повести Э. Визеля «Ночь» // Мориак Ф. Благая весть. СПб. 2000. С. 25.

² *Тростников Виктор.* Тайная миссия ислама // ЛиФ. 2006. Сентябрь.

средств, массовой пропаганды, приемов суггестии запрограммировать человеческое поведение. (Психотропные средства — лекарственные вещества, оказывающие преимущественное влияние на психические функции человека. Суггестия — внушение.)

Вместе с тем рождается предположение, что проникнуть в ядро человеческой психики крайне трудно, а порой и просто невозможно. Даже в состоянии гипноза индивид не переступает ценностных предпочтений, обнаруживает странную неподатливость поведения. В глубинах своего естества человек остается неизменным, не поддающимся внешнему воздействию.

Стремление вытравить из человека личностное содержание нередко оборачивается неожиданным эффектом. В гитлеровских концлагерях пытались создать идеального заключенного, способного безропотно выполнять команды. Этой цели фашисты добивались из всех сил. Но вот незадача: «идеальный заключенный», как правило, оказывался совершенно нежизнеспособным существом. После «ампутации личности» в нем разрушались такие качества индивидуальности: атрофировались способности, притушился даже инстинкт самосохранения. «Идеальный заключенный» был истощен, но не испытывал чувства голода, пока надзиратель не крикнет: «Ешь!». Он двигался машинально, безропотно, слабел и, наконец, что называется «весь вымирал»

Психическое здоровье, таким образом, в значительной степени связано со становлением личности и гармонией ее внутреннего мира. Психология чрезвычайных ситуаций изучает, стало быть, не только процессы «больной», «изуродованной» психики. Она имеет отношение к проблемам личностного роста, возвышения и духовности человека.

Есть все основания полагать, что современный мир и дальше будет сталкиваться с экстремальными ситуациями, вызванными не только усилиями террористов, но и негативными последствиями технического прогресса. Чтобы спасти наши души, нужна продуманная и скоординированная программа. Нельзя поручать это дело дилетантам или людям, которые случайно оказались под рукой. Надо создавать сеть консультационных пунктов, выпускать необходимую литературу, заняться массовым психологическим просвещением чиновников и всего общества.

Часть I
**ЛЕТОПИСЬ ПСИХОЛОГИИ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ**

Шок от будущего

Все перемелется,
Все переменится,
Травы под снегом сгниют,
Сердце отмается, брага отпенится,
В прах разлетится уют.

Лариса Васильева

Вы просыпаетесь утром и обнаруживаете, что мир, который долгие годы воспринимался как фон вашей жизни, переменился. Все, к чему вы привыкли, становится совсем иным. Причем в рекордные сроки, буквально ежесекундно. Скажем, еще в прошлом году этот день именовался великим праздником. Вы сидели у экрана и смотрели демонстрацию. Вам звонили друзья, почтальоны приносили открытки. Этот день все еще считается праздником. Однако никто не звонит, не поздравляет. Осталась одна проформа. Зачем она?

Вы идете в магазин и поражаетесь, как выросли цены. Нет, можно привыкнуть, что этот день совсем не праздник, но такие цены... Кто мог предвидеть, что пучок лука... Или, допустим, баночка с вазелином... Пора бы, наверное, смириться, ведь впереди еще множество испытаний. Но душа не поспекает за переменами. Мир кажется враждебным и страшит непостижимым.

Звонит знакомая и рассказывает, что пигалица из их класса стала валютной проституткой. Вы долго обсуждаете этот вопрос и даже успеваете поинтересоваться, как здоровье ее такой благовоспитанной мамы. А тот, кто сидел с пигалицей за одной партой и мечтал стать академиком, теперь, оказывается, ходит в роскошной кожаной куртке. Он подрабатывает дворником...

Сместились все представления. Знакомая назвала дурой приятельницу, которая поступила в аспирантуру. Подземный переход оглушает вас звуками аккордеона. Вы замедляете шаг. Несколько месяцев назад вы видели этого музыканта на обложке модного иллюстрированного журнала... Вечером на экране появляется телевизионный ведущий и комментирует обвальное крушение доллара, который теперь связан с вашими сбережениями. Другой оратор убеждает зрителей в том, что об иностранной валюте надо забыть. Шахтеры перекрывают железнодорожные магистрали. В пригородном районе столицы жители защищают свои квартиры от произво-

ла властей. Учителя и профессора ищут работу в коммерческих ларьках. Между тем газеты с энтузиазмом сообщают, что дополнительные три тысячи рублей, которые будут платить кандидатам наук, остановит «утечку умов» за границу.

Говорят, что волка может поразить инфаркт, если пространство, на котором он обитает, вдруг окажется обуженным. А что происходит с человеком, который вдруг узнает, что не может показаться в другом районе, где живут люди иной национальности? Разом преобразились все ценности. Учитель подчас не знает, что он должен теперь рассказывать детям — времена изменились. Ученый поражен тем, что утратил общественный статус. Рабочий еще недавно перспективного предприятия неожиданно оказался безработным. Красный директор, трижды орденосный, все еще надеется, что все вернется на прежний курс. Однако надежды становится все меньше...

Стремительно рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло смысл нашего бытия. Меняются ориентации. Специалист по атеизму носит православную бородку. Преподаватель научного коммунизма руководит фирмой. Низвергаются святыни. Девушка, поступившая на работу в фирму, неожиданно получает приглашение переспать с шефом. «С какой стати?» — спрашивает она. Ей отвечают: «Ты что, психованная?» Политические и домашние распри оборачиваются кровавыми расправами. Человек остается одиноким перед надвигающейся неизвестностью.

Когда в начале 70-х годов в советских журналах появились отдельные отрывки из книги *Элвина Тоффлера «Шок будущего»*, мы читали эти страницы как некий фантастический роман. Нам, живущим в ритме застоя, в архаических социальных структурах, все это казалось далеким, хотя и заставляющим отдалиться волнам воображения. Более тридцати лет прошло с тех пор, как вышла книга американского журналиста и социолога. Нужна ли она нам сегодня, в начале нового тысячелетия? Найдет ли она отклик в сердцах россиян? Наконец, сбылись ли прогнозы модного предсказателя? Ведь сам автор признавал, что его работа в потоке стремительных преобразований тоже окажется устаревшей. Книга Тоффлера — продукт яркого социального воображения. Хотя автор постоянно ссылается на научные публикации, статистику, бытовые примеры, его работа раскрывает во многом мир фантазии, продуктивного заглядывания в будущее.

Тоффлер написал о том, что человечество захватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздейст-

вию может быть приравнено к заболеванию. Есть у этой болезни и свое название *футурошок* — *шок будущего*. Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок.

Футурошок характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед близким грядущим. Еще до начала XXI в. миллионы обычных физически здоровых и психически нормальных людей внезапно оказались лицом к лицу с будущим. Смогут ли они приспособиться ко все более усиливающемуся давлению событий, знаний, науки, техники, различного рода информации? Способны ли вынести «противостояние» культур, религий? Не приведет ли это к серьезным социальным и психологическим последствиям?

Неужели человечество только теперь столкнулось с этими проблемами? Разве только в нашей стране человек вытолкнут из привычной ниши? Средневековому человеку будущее виделось как таинственная и темная сила. Даже радостный день он воспринимал с тревогой: а вдруг эти утехи обернутся казнями на Страшном суде? Войны, эпидемии, голод оценивались как признаки надвигающегося конца света. Фрески храмов, изображающие эпизоды Страшного суда, заставляли трепетать сердца верующих при одной мысли о том, что ждет их по ту сторону бытия, в загробном мире.

Пушкин сказал о своем герое: «И жить торопится, и чувствовать спешит». И в ту пору были люди, гонящиеся за модой, жаждущие перемен, склонные ощутить мимолетность в своих чувствованиях. Но у поэта все-таки сквозит ирония, проступает дистанция между героем и авторской оценкой. Мир был прочным или, во всяком случае, казался таким. Гоняясь за новизной, люди, тем не менее, жили в привычном окружении, в оковах предрассудков и привычном течении жизни. Однако в нашем столетии стали заметны поразительные преобразования. Тоффлер показывает, что темпы перемен неслыханно возросли. Мы теперь не можем даже представить, что произойдет, скажем, через пару лет.

Если бы несколько лет назад мне, в ту пору профессору Института философии, сказали бы, что напротив нашего здания на месте бассейна вырастет храм Христа Спасителя или что останки последнего русского царя будут хоронить с участием президента нашей страны, я бы, несомненно, испытал шоковое состояние. Да и Ельцин, в ту пору секретарь Московского горкома партии, наверное, страшно изумился бы, увидев из окна своего кабинета современную рекламу. Те времена стремительно миновали...

В советские годы была такая эстрадная шутка. Конферансье говорит: «Я люблю эту женщину на всю жизнь, пропишите ее в моей квартире на три месяца». Кто мог подумать, что спустя десятилетие Тоффлер будет всерьез обсуждать в своей книге идею временного брака как социологическую реальность. Человек может прописать в своей квартире не одну жену, а целый гарем: браки теперь не заключаются на небесах, не порождены любовью и вовсе не предполагают, что новобрачные станут жить вместе до конца своих дней.

По истечении многих веков, в начале иного тысячелетия человечество, казалось бы, уже не должно страшиться своего будущего. Вооруженные новейшей техникой люди научились прогнозировать свою жизнь на несколько лет и даже десятилетий. Но вот беда — прогноз безрадостен. До дна исчерпаны кладовые земли. Нечем насыщать нашу прозорливую техническую цивилизацию. А нефтяные насосы работают на полную мощность.

Создав мощнейшую технику, человек изменил ритм и течение своей жизни. И тут действительно оказалось, что главнейшая беда — вовсе не дефицит сырья для производства, не разрушение экологической среды, не угроза атомной катастрофы. Научная мысль пытается отвести эти катастрофы. Кошмар в ином: *психологические ресурсы человека не безграничны*. Дело не в том, что образуется озоновая дыра или иссякнет нефтяная скважина. И даже не в том, что, засыпая в одном государстве, вы можете проснуться совсем в ином... Раньше всего может не выдержать человеческая психика. Когда Фрейд начинал терапевтическую практику, расхожим персонажем был невротик. Сейчас психиатры все чаще сталкиваются с шизоидами, а процент шизофреников во всех странах растет в немыслимой прогрессии.

Несколько десятилетий назад газета «Известия» напечатала фельетон «Воздушные хулиганы». Там рассказывалось о том, как пилоты, проходя мимо памятника Пушкину в Москве, увидели у монумента пьяного. Они бережно подобрали его, внесли в самолет и, закончив рейс, положили, сердечного, возле памятника Тарасу Шевченко, уже в Киеве. Представляете шок протрезвевшего, когда он очнулся?.. Впрочем, теперь это детские шалости. Вся страна может встретить рабочее утро возле новых скрижалей...

Книга Тоффлера еще надолго останется бестселлером. Однако не следует читать ее как безоговорочное откровение. Блестящему сочинению явно не хватает метафизической проработанности. Исследование весьма уязвимо с точки зрения психологии, культурологии и философской антропологии. Говоря о многообразии как воплощении свободы, автор опирается на чрезвычайно обуженный

культурологический фон. Социолог заворочен американской моделью жизни. Бог немислимых преображений — культ новизны — рожден именно в этой стране.

Тоффлер убежден, что сверхиндустриальная цивилизация — универсальный феномен. Но ведь в мире существуют сегодня самые разнообразные культуры. Станет ли модернизация вселенским процессом? — на этот вопрос человечество пока не располагает ответом. Да, многие страны Азии — Япония, Китай, Корея — продвигаются к сверхиндустриальной модели. Однако культурное своеобразие не стирается, не устраняется. Остается разным во многих культурах и образ времени.

Не случайно родился другой американский бестселлер, который предрекает не только мучительный процесс схождения цивилизаций, но и их грядущий конфликт. Читатель, возможно, догадался, что речь идет о концепции американского социолога *Самюэля Хантингтона*. Проблема человечества не только в том, чтобы привыкнуть к переменам. Она в ином — как сохранить ценностно-психологическое ядро культуры. В нашей стране тоже психологический взрыв от перемен. Но мы испытываем шок не только от будущего, но и от прошлого. Для нас это далеко не психологическая только проблема...

Мир не внял предостережению Тоффлера. Мало ли чем может испугать нас современный футуролог. Только отдельные здравомыслящие люди поспешили изменить стиль жизни, точнее сказать, постарались оградить себя от радикальной динамики. Тоффлер не обращается к философской антропологии. Он, по существу, не пытается поставить вопрос о том, какова же человеческая природа. Кто человек по своей натуре — новатор или консерватор? Или иначе — какие тенденции в обществе могут преобладать? Не должны ли они находиться в некоей гармонии?

Не случайно после выхода книги Тоффлера во многих западных странах начала набирать силу консервативная волна. Философы, политики стали размышлять о том, насколько приспособлен человек к этим переменам как биологическое, психологическое существо. Неоконсерваторы заговорили о том, как важно для человека ощущать прочность бытия.

Тоффлер не ставит вопрос о том, что такое психологическая норма. Он полагает, что человек, мало приспособленный к меняющейся реальности, психологически ущербен. Ему надо разъяснить, что мир постоянно преобразуется. Если он хочет адаптироваться к

реальности, ему важно перестроить свою психику, избежать футурошока. Но предположим, людям это удалось. Никто не ощущает дискомфорта от того, что все вокруг стремительно преобразуется. Можно ли сказать, что человек, приладившийся к действительности, это не невротик, а полноценная личность?

Разве это психологическая норма — человек, выбитый из лона семьи, из привычного ландшафта, утративший привязанность и ощущение стабильности? Скорее всего такой человек, реализующий беспредельную свободу, как раз и окажется психопатом. Пожалуй, лучше всего об этом рассказывает наша российская жизнь.

Человек, рожденный в яранге, способен поступить в вуз и обрести совсем иной статус. Он же может вернуться в родное селение и привнести в его жизнь элементы еще незнакомой культуры. Тоффлер видел исток футурошока только в машине, в технологии. Это ее скорость рождает неслыханные темпы мутаций. Вот почему, как он считал, миллионы людей охвачены возрастающим чувством тревоги. Они не могут ориентироваться в окружающей жизни, теряют способность разумно управлять событиями, которые стремительной лавиной обрушиваются на их головы. Безотчетный страх, массовые неврозы, не поддающиеся разумному объяснению поступки, необузданные акты насилия — все это, по мнению американского эксперта, лишь слабые симптомы болезни, которая ожидает нас впереди.

Реальность российской действительности и тех стран, которые еще недавно составляли с ней единое пространство, значительно изменила экспертизу Тоффлера. Дело не только в машинах, не в темпах жизни, которые навязывает нам техническая цивилизация. Преобразуется социальное и культурное бытие. Человек не просто включается в темп неслыханных ускорений. Он вообще катапультируется, причем многократно, в иные миры.

Вчера еще уважаемый индивид вдруг становится изгоем. Тот, кто привык к земле предков, оказывается беженцем. Православный попадает в исламское окружение. Человек, который всю жизнь взращивал в себе нравственность, неожиданно обнаруживает, что ему надлежит обитать в воровской шайке. От бомжа ждут, что он развернет в себе качества умелого коммерсанта. Жертва синдрома «раскрестьянивания» приговаривается к владению земельным участком. Человеку, готовому променять свои акции на спирт и пачку гречки, предназначают роль совладельца капитала. Индивиду, который впал в нищету от того, что задерживают пенсию, предлагают оплачивать жилье по западным стандартам. Человеку, который

едва сводит концы с концами, реклама предлагает волшебные туры в заповедные места. Уборщице нашептывают: «купи новый автомобиль, ты этого достойна...»

Опять спросим: только ли нашему времени свойственно это явление? Конечно, похожие феномены можно проследить в любой исторической эпохе. Представьте себе состояние варвара-скифа, захваченного в плен и проданного в рабство в какой-нибудь город античной Греции или Рима. Отрезанный от привычной среды, столкнувшийся лицом к лицу с незнакомой ему культурой, этот человек должен был пережить состояние шока.

Или пример другого рода. Вспомним известную повесть Марка Твена «Принц и нищий». Безродный и неимущий мальчик оказывается в положении наследного принца. Но вместо того чтобы возблагодарить судьбу, он испытывает постоянную тревогу, страх перед непривычной действительностью.

Однако большинство людей, попадающих в незнакомую обстановку, живут надеждой на возвращение в родную страну с привычным укладом жизни или находят утешение в том, что в любой момент могут оказаться в своей среде. Жертвы футурошока этой утешительной мысли лишены. В нашей стране масштабы социальных и культурных метаморфоз фантастически огромны. К тому же тот мир, куда зовет красноречивая мечта и надежда, безвозвратно утрачен. Позади руины, впереди психологически непереносимые муки.

Оторвите человека от родной культуры и бросьте в совершенно новое окружение, где ему придется мгновенно реагировать на множество совершенно новых представлений о времени, пространстве, труде, сексе и т.п., и вы увидите, какая поразительная растерянность овладеет им. А если вы еще отнимете всякую надежду на возвращение в знакомую социальную обстановку, растерянность перерастет в депрессию. Психологическое онемение — жуткий синдром сегодняшних дней.

Возле Иванова разбился самолет. Погибли пассажиры, экипаж. Отказала техника? Ничуть не бывало. Печальное стечение метеорологических условий? Фатальное совмещение грозных факторов? Не гадайте... Эксперты обвинили во всем командира экипажа. Он действовал правильно, грамотно. Но в состоянии какой-то потрясающей медлительности. Командиру экипажа можно инкриминировать только одно — он руководил полетом в состоянии психологической прострации... Однако вменяем ли он? Грамотно ли действовали летчики, погибшие на иркутском аэродроме, или виновата техника?

Машинист метрпоезда промчался мимо очередной станции: он спал, потому что накануне ночью готовился к экзамену.

Не достойны ли эти случаи внимательного постижения? Томимые безмерной человеческой усталостью, требуют увеличения зарплаты авиадиспетчеры. На последнем пределе действует оператор ядерного щита. Безропотный клерк превращается в маньяка, последним всплеском истерзанной психики пытающегося восстановить утраченное равновесие. Спускается в забой шахтер, доведенный до отчаяния бессмысленностью борьбы за своевременную полчку. Чиновника охватывает экстаз моментального обогащения путем неслыханного отката...

Представим себе, какой может оказаться дезориентация человека, если наступит хаос и вся иерархия ценностей станет постоянно меняться. Вообразим, что в обрисованный нами мир перенесли не отдельного человека, а целое общество разновозрастных людей, включая самых слабых, наименее интеллигентных, наименее приспособленных. Результатом будет не просто футурошок, а нечто большее, не имеющее пока своего обозначения.

Перемены, происходящие вокруг нас, приняли характер грандиозного снежного обвала. Большинство людей совершенно не подготовлены к ним. Бабушка, которая всю жизнь копила на похороны и теперь осознавшая, что уйдет в иной мир без должного погребения. Жильцы кооперативного дома, откладываящие деньги на капитальный ремонт дома и прознавшие, что этих денег едва хватит на побелку. Академик, пестовавший атеизм. Физик, привыкший презирать «пириков», которому не видать отныне заказов на исследования... Беременная женщина, неожиданно столкнувшаяся с тем, что, несмотря на все обещания, закон не охраняет ее право на материнство. Учитель, который потерял уверенность в том, что его знания нужны современным молодым людям.

Дело не только в том, что мы расширили сферу перемен, сделали их масштабнее — *мы изменили их темп*. На нас обрушивается лавина быстро меняющих друг друга событий, что приводит к преобразению нашего восприятия времени. Мы «ощущаем» жизнь иначе, чем наши предшественники, и именно в этом отличие современного человека.

Нафантазируем такую ситуацию... Средневековый рыцарь увидел на турнире прекрасную даму и влюбился. Добиваясь взаимности, он пишет ей страстные послания, и его гонец с величайшими ухищрениями доставляет письма своего господина в замок дамы,

живущей на другом конце королевства. Представьте себе, сколько времени должно пройти, прежде чем она получит это послание и, тщательно все обдумав, напишет нежный ответ, который с еще большими предосторожностями переправит своему возлюбленному.

В течение этого времени чувства как бы замирают. Наши герои способны переживать состояние, охватившее их в момент первой встречи, бесконечное число раз... Неизменной остается ситуация, в которой они находятся. Медленно поступает информация, которая могла бы привести к перемене их чувств. Подобный роман может длиться годами, совсем не развиваясь. У несчастных влюбленных Средневековья гораздо больше шансов умереть раньше своей любви, чем у наших современников.

Нашим современникам, имеющим в своем распоряжении сотовый телефон, почту и другие средства связи, нет необходимости долгое время переживать волнение, охватившее их во время первого свидания, так как за ним стремительно следуют все новые и новые события. И часто у современных влюбленных просто не остается времени, чтобы разобраться в собственных чувствах. Однако представим себе ситуацию в духе рассуждения Тоффлера о превратностях брака, о том, что брак будет многоразовым. Допустим, пушкинская Татьяна говорит Онегину: «Как хорошо, что ты вернулся. Мой брак с генералом как раз завершается. Теперь я могу быть с тобой в течение нескольких лет...».

Получается диалог совсем в духе Бернарда Шоу:

— Можно ли вас на минуточку?

— Хоть на целую вечность, если это ненадолго...

Жизнь современного молодого человека мало чем напоминает жизнь его отца. Пропасть, разделяющая поколения, стремительно расширяется. В прошлые века жизнь текла гораздо медленнее. История прекрасной дамы могла произойти как с ее прабабушкой, так и с ее внучкой. Размеренный ритм жизни крепко связывал поколения друг с другом, не давая прерываться «связи времен».

Современные люди, ускорив темпы перемен, навсегда порвали с прошлым. Мы отказались от прежнего образа мыслей, от прежних чувств, от прежних приемов приспособления к изменяющимся условиям жизни. Именно это ставит под сомнение способность человека к адаптации — выживет ли он в новой среде? Сможет ли приспособиться к иным императивам?

Размахом коррупции в стране уже никого не удивишь. Оценены суммы годовых взяток, которыми обложены бизнес и народ. «Известны конкретные ставки: сколько нужно дать в лапу в институте,

в военкомате, в больнице, в милиции, в земельном комитете, в министерстве за лицензию, в таможне за «зеленый коридор»¹. У моего шефа украли машину. Он звонит высокому чину в милицию. Оттуда раздается нечто утешительное: «Если угнали с ведома милиции, поможем, найдем. Но если это неорганизованная преступность, извините, не отыщем...» Как приспособиться к новому статусу стражей порядка?

Нарастание темпов перемен оказывает губительное воздействие на нашу психику. Оно нарушает внутреннее равновесие, меняет образ нашей жизни. Таким образом, внешнее ускорение переходит во внутреннее... Убыстрение перемен сокращает длительность жизненных ситуаций. Это оказывает разрушительное воздействие на психику.

Затевая социальные нововведения, обсуждая детали дальнейших «реформ», мы совершенно не учитываем симптомы названного нами феномена. Здесь царит полнейшее благодушие. Полнейшую апатию принимают порой за спокойное здравомыслие. Психологическое онемение — за верноподданничество. Интеллигенция более истерична, чем народ, вещает с экрана руководитель правительственной команды. Народ хочет стабильности и настаивает на продлении полномочий президента, — несется с другого канала.

«Не драматизируйте ситуацию», — увещевают нас. Хочется писать о лучезарном. Но означает ли это, что мы должны проходить мимо грозных и неотвратимых предвестий, о которых говорится в книге Тоффлера.

Еще один аспект книги Тоффлера — в ней много говорится о *научных открытиях*, которые ставят массу этических и философских проблем. С некоторым промедлением, нежели предполагал Тоффлер, заговорили о клонировании человека, о возможностях модульного принципа человеческих отношений. Совсем недавно биологи открыли ген, который несет в себе завершение жизни природного организма. Именно в нем заложена информация, которая исчерпывает себя в распаде клетки, в смерти индивида. Вот она, тайна конечности человеческого существования, заведомый приговор к гибели. Кстати, ген опознан, и с помощью лазера можно выжечь его. Человек станет бессмертным? Возможно. Не исключено, что в кругозоре биологии проблема выглядит предельно ясной...

А в доминионе философии? Может быть, только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство жизни

¹ ЛиФ. 2006. № 25. С. 8.

и смерти. Только философ благодаря своему призванию обязан представить на суд специалистов древние интуиции-предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Лишь философу надлежит придать проблеме обостренное метафизическое звучание.

Философия — кладезь всяких возвещений, многие из которых вообще не имеют под собой теоретических оснований. Подчас эти откровения наивны, лукавы, безрассудны, оскорбительны для здравого смысла. Но если пресечь эту фонтанирующую мощь воображения, человек перестанет быть самим собой. Оскудеет и его разум. Сознание утратит собственный метафизический потенциал.

У Тоффлера есть замечательный образ. Он рассказывает о том, что карты Средневековья способны вызвать сегодня усмешку. Но без них не было бы современного видения мира. Через догадку, через воображение, через философское постижение люди идут к распознаванию мира.

Но надо ли абсолютизировать скорость, перемены, смену ситуаций, возможность перемены мест. Помню, в годы застоя мне удалось поехать в Монреаль на Международный философский конгресс. Вернувшись, я с воодушевлением рассказывал всем о неожиданных впечатлениях, об открытии иных культурных стандартов. Знакомый художник остудил меня фразой, смысл которой все чаще открывается мне теперь: «Один радуется, что пробежал по проспектам эксцентричного города, а другой счастлив, что разглядел куст под окном».

Столетие назад французский социолог Гюстав Лебон писал в своей классической работе «Психология толпы»:

Истинная причина великих потрясений, которые предшествуют смене цивилизаций — например, падению Римской империи и возвышению арабов, — есть кардинальное обновление мыслей... Все сколько-нибудь значительные исторические события — видимые результаты невидимых сдвигов в человеческом мышлении... Настоящее время — один из тех критических моментов, когда человеческая мысль претерпевает трансформацию¹.

В современной публицистике все чаще мелькает слово «умострой». Оно выражает базовые ценности, которые не меняются на протяжении длительного времени.

¹ *Le Bon Gustave. The Crowd. N. Y., 1960, P. 13.*

Литература

1. *Гуревич П.С.* Философия. Учебник для психологов. М., 2003.
2. *Гроф К., Гроф С.* Духовный кризис. Когда преобразование личности становится кризисом. М., 2003.
3. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
4. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2004.
5. *Фукуяма Фрэнсис.* Конец истории и последний человек. М., 2004.

Вопросы для повторения

1. Какие факторы вызвали к жизни концепцию футурошока?
2. Почему концепцию футурошока можно считать выражением еще одной «глобальной проблемы»?
3. Что такое невидимые сдвиги в человеческом мышлении?
4. Как футурошок воздействует на психику людей?
5. Как проявляет себя «человеческий фактор» в современных технологиях?

Темы рефератов

1. Новации в области техники и их воздействие на культуру?
2. Техника и психика человека.
3. Социальные последствия технического прогресса.
4. Феномен футурошока.
5. Футурошок и конец истории.

Тема 2

Ситуации социального кризиса

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь о тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусу.

Данте. Ад. Песнь первая

В истории человечества можно выделить эпохи, когда развитие было медленным, еле ощутимым. В Древнем Китае традиции регулировали весь образ жизни. Тысячелетиями древние китайцы воспроизводили привычный уклад жизни. Никто не смел нарушить предустановленный ритуал, даже император — он весь опутан вековыми заповедями. Уже изобрели коромысло, но крестьянин все еще носил воду без него, как это делали его предки. При этом он, очевидно, думал: «Кто знает, к чему приведет это вроде невинное нововведение?» И не случайно древние цивилизации предупреждали: «Проклятие жить в эпоху перемен».

Любой поступок был ритуально обусловлен. Как пишет известный французский синолог *Марсель Гране*:

Ни один из китайских философов не хотел рассматривать время как постоянную величину. Пространственная протяженность представляла то размытой, то сжатой. Отрезки временной длительности также воображались не всегда одинаковыми. Приписываемая ей прерывистость отнюдь не была плодом того, что умственная работа у разных лиц протекала по-разному. Она не была ни беспорядочной, ни повсеместной... Китайское видение времени смешивается с видением литургического порядка. Годичный цикл сезонов не служит его прообразом. Литургическим порядком охватывался момент истории, скажем династия, царствование, часть царствования, отличавшиеся правилами жизни или, точнее, моделью жизни, характерной именно для данной эпохи цивилизации¹.

Время, казалось, остановилось и в Древнем Египте, поколение за поколением вели сходную жизнь. Египтяне, по свидетельству О. Шпенглера, хорошо чувствовали образ времени, его точный ход. Они сохранили свое прошлое в памяти, в камне и иероглифах. Се-

¹ Гране М. Китайская мысль. М., 2004. С. 69.

годня, когда прошло уже четыре тысячелетия, мы можем с точностью определить годы правления их царей. Увековечены их великие фараоны — потрясающий символ времени — они и теперь лежат в музеях с прекрасно сохранившимися чертами лица. *Ритм* — один из фундаментальных принципов бытия, означающий периодическое повторение каких-либо явлений через определенные промежутки времени. В глубокой древности было замечено, что вся живая и неживая природа подчиняются определенным ритмам. По мнению американского социолога Л. Мамфорда, именно в Древнем Египте реализовалась магия ритма.

Попробуем представить развитие человечества в виде бега на дистанцию 60 километров, условно приравняв каждые 10 тыс. лет его истории к одному километру. Большая часть этой дистанции окажется за пределами цивилизации. Лишь на 58-м километре появятся первые орудия труда и пещерные рисунки — зачатки культуры. Лишь на 60-м километре обнаружим признаки земледелия, а за 200 метров до финиша — римскую дорогу, покрытую каменными плитами. Последние 10 километров начинаются при скудном освещении керосиновых ламп, но на финишном броске, на самых последних метрах произойдет ошеломляющее чудо: электрический свет заливает города, мчатся автомобили, в небо взмывают реактивные лайнеры, и пораженного бегуна ослепляют вспышки «блицев» и «юпитеров» фото- и телекорреспондентов.

Время обрело немыслимую динамику. И это, несомненно, отразилось и на массово-психологических процессах. В отечественной литературе за последнее время обнаружился интерес к понятиям «*социальная ситуация*», «*ситуации социального кризиса*». По мнению С.Н. Михалкина, использование понятия «социальные ситуации» могло возникнуть только на определенной стадии развития процесса познания и общественных связей. С помощью данного понятия обозначалось наличие в обществе любых социокультурных обязательств индивидов и групп по отношению друг к другу и позволяло уже говорить о том, что общество является живым организмом, обладающим рядом собственно социальных характеристик¹.

Французский социолог *Эмиль Дюркгейм* ввел в оборот понятие «*социальная связь*». Это позволило характеризовать общественные отношения в их совокупности и в определенный промежуток времени, а также конкретные действия индивидов в этом промежутке

¹ См. *Михалкин С.Н.* Социальные ситуации: содержание и роль в жизни общества // Вопросы философии науки и образования: Сб. ст. Вып. № 2. М., 2003. С. 49.

времени как социальную ситуацию¹. Если члены сообществ соблюдали обязательства или принятые, утвердившиеся нормы, такую ситуацию можно характеризовать как позитивную и для общества и для ее отдельных членов. Если же этого не происходит, есть основания говорить об «аномии»².

В современной науке феномен дезорганизации общества (социокультурной патологии, конфликтности, кризисности) исследуется преимущественно в рамках социальной философии, социологии конфликта и культурологии. Выдающиеся мыслители Древней Греции Пифагор, Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель развивали идеи равенства и справедливости как регулятора социальных и политических отношений. Кризисные ситуации характеризуются масштабом и глубиной конфликтов, взрывоопасностью, разрушительностью.

Еврейский философ *Мартин Бубер* различал в истории человеческого духа эпохи обустроенности и эпохи бездомности³. Можно толковать обустроенные эпохи как время стойких, прочных ценностных ориентаций. «Человек живет во Вселенной как дома». Иное дело — эпохи бездомности. Люди обитают как в диком поле, где и колышка для палатки не найти. Картина мира оказывается разрушенной. Это рождает чрезвычайную ситуацию, если говорить о самочувствии людей такой эпохи.

Разрыв социального и культурного циклов произошел, по мнению многих исследователей, в прошлом веке. Иначе говоря, в один и тот же социальный период происходила смена культур. Это, по существу, одна из исторических закономерностей нашего времени. Темпы культурных перемен стали более быстрыми. В прошлом социальный цикл был гораздо короче культурного. Человек, появившись на свет, заставлял определенную структуру культурных ценностей. Она не менялась в течение многих столетий, регулируя жизнь ряда поколений.

Теперь же на протяжении одной жизни может чередоваться несколько культурных эпох. Катастрофически быстро рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло смысл нашего бытия. Меняются ориентации, низвергают-

¹ См.: *Дюркгейм Э.* Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Сб.2. СПб., 1914. С. 47.

² Там же.

³ *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995. С. 165.

ся святыни. Рвутся нити, связывающие нас с близкими людьми... Человек остается одиноким перед надвигающейся опасностью.

Именно об этом предупреждал цитированный нами Элвин Тоффлер. Он писал, в частности, что человечество охватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Есть у этой болезни и свое название — *футурошок* (шок от будущего).

Резкое ускорение темпов жизни все менее укладывается в рамки нормального человеческого существования, под ее напором сотрясаются все социальные институты общества. Но наиболее губительное воздействие нарастания темпов перемен оказывает на нашу психику, нарушая внутреннее равновесие, меняя образ нашего мышления и жизни.

Кризис культуры и экзистенциальное самоощущение человека

Кризис в развитии каждой культуры — обязательный и закономерный этап. Она не может обрести самоидентичности без преодоления возникающих в ее русле внутренних коллизий. Поэтому переломные процессы внутри культуры далеко не всегда свидетельствуют о коррозии, распаде, крушении и тем более окончательной гибели культуры. В этом смысле кризис следует понимать в том значении, которое это слово имеет в медицине, как тяжелое переходное состояние.

Сущность кризиса — переоценка и перекомпоновка слагаемых духовно-смыслового ядра культуры. Он способен парализовать культурную динамику, вызвать безвременье, болезненные, мучительные феномены жизни. Это может привести к краху культуры в ее прежнем облике. Но кризис нередко сопряжен с самоопознанием культуры, с обнаружением ее потенциала, возможностей внутреннего развития. Вот почему, как свидетельствует мировая практика, рождению новой культуры зачастую предшествуют кризисные явления.

Характеризуя природу кризиса, немецкий философ Э. Гуссерль отмечает:

Так вот, различие между здоровьем и болезнью явно имеет место и в отношении общностей, народов, государств. Соответственно напрашивается вопрос: почему же в таком случае не возникла медицинская наука, которая занималась бы народами и наднацио-

нальными общностями? Европейские народы больны, да и сама Европа, как говорят, переживает кризис¹.

Как же провести разграничение между процветанием культуры и ее упадком? Отчего жизнь, творящая культуру внутри непрерывного исторического процесса, наталкивается на определенные помехи, глубинные противоречия, приводящие к кризису? Можно, следовательно, говорить о благоденствующих культурах и о культурах, находящихся в стадии упадка. Что же служит критерием для такой демаркации? Прежде всего, вероятно, внутреннее самоощущение человека внутри культуры. Если оно психологически комфортно, гармонично, говорить о кризисе культуры рано. Напротив, крайне обостренное чувство одиночества, хрупкости и неустойчивости, рождающееся в душе человека, говорит о подорванности самой культуры.

Внутри одной и той же эпохи могут возникнуть самые различные *экзистенциальные самоощущения*. На фоне господствующей установки благополучия может родиться тревожная ситуация, и, напротив, душевная озабоченность и тревога могут в «бездомную» эпоху обрести нотки вселенского успокоения, желания не утратить оптимизм и мужество. Американский социолог и психолог *Д. Белл* считает, что у истории было мало периодов, когда человек чувствовал, что мир его прочен и надежно размещен, как сказано в христианской аллегории, между хаосом и небесами².

По описанию американского исследователя *Дж. Мюррея*, эллинский период был временем недостатка мужества. Обнаружили себя пессимизм, утрата уверенности в себе, упадок веры в обыкновенное человеческое усилие. Можно ли отсюда сделать вывод, что эпоха процветания — крайне редкий феномен? Такое умозаключение было бы неверным. Существуют многочисленные культурные эпохи, когда вызревшая идея развертывает свое богатейшее содержание, реализует заключенный в ней потенциал. Кризисные процессы, возможно, обнаруживают здесь свой скрытый ход. Однако говорить о какой-то подорванности культуры преждевременно. Следовательно, критерий, предложенный *М. Бубером*, позволяющий определить процветание культурной эпохи по экзистенциальному ощущению человека, выглядит зыбким.

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философии // Культурология, XX век: Антология. М., 1994. С. 5.

² Bell D. The end of ideology. On the exhaustion of political ideas in the fiftieth. N. Y., 1960. P. 369.

Кризисные процессы в культуре нередко связывают с поиском ее адекватного раскрытия, *самоистолкования*. «Присущая грекам склонность видеть мир замкнутым пространством, — пишет М. Бубер, — где отведено место и человеку, нашла завершение в геоцентрической системе сфер Аристотеля, а преобладание зрительного восприятия над всеми другими чувствами (принципиально новый момент в истории духа) — то самое преобладание, что давало грекам способность выводить жизнь из образа и строить на основе образа культуру, — определило и облик их философии»¹.

Культура, стало быть, находится в стадии процветания, когда она имеет внутренне устойчивое представление о самой себе. Напротив, кризис свидетельствует о распаде постоянного образа, об утрате самотождественности. Культура, грубо говоря, перестает понимать, что она собой представляет. Возникает тоска по прочному архетипу. Рождается тревожное, смятенное сознание. Постепенно вырабатывается новый образ культуры.

Тема кризиса неразрывно связана с представлением о внутреннем богатстве культуры. Процветание культуры — это выражение ее самодостаточности, сцепленности и соразмерности ее различных ингредиентов. Ощущение кризиса рождается именно поэтому в результате рассогласования изначального космоса культуры. Ее динамика предполагает множество альтернатив, и при этом далеко не каждая из них имеет шанс на воплощение.

Итак, кризис культуры напрямую связан с экзистенциальным самоощущением человека, с поиском ее устойчивого ядра, с самим процессом социодинамики. По отношению к культуре, кроме того, обнаруживают себя и внешние факторы. Так, по мнению отечественного философа *Г.С. Померанца*, в течение тысячи лет накапливающиеся процессы: рационализация отношений с природой, дифференциация культуры, социальная дифференциация, рост производительных (в том числе и разрушительных) сил, рост населения — «расшатывают единство общества и тождество человека с самим собой»².

Такова в целом совокупность факторов, которая порождает переоценку ценностных ориентаций, возрождает чувство некоего единства, воссоединяет человека, по словам Г.С. Померанца, с собственной глубиной и людей — друг с другом. Примитивные, архаические общества имеют прочные культурные интеграторы. Но как

¹ Бубер М. Два образа веры. М., С. 165.

² Померанц Г.С. Кризис цивилизации // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 10. С. 117.

только выявляет себя развитие, начинается эра кризисов в культуре. Еще раз подчеркнем: кризис в культуре вовсе не случайный феномен, не наваждение, не соскальзывание с выверенного магистрального пути. Культура не может развиваться без кризисов. Они сопровождают ее на всем пути исторического процесса.

Кризис культуры (К. Ясперс)

Немецкий философ Карл Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» связывает кризисные эпохи с распадом интегрированного единства. Человек создавал для себя картину целого: сначала в виде мифов (в теогониях и космогониях, где человеку отведено определенное место), затем в картине божественных деяний, движущих политическими судьбами мира (видение истории пророками), затем как данное в откровении целостное понимание истории от сотворения мира и грехопадения человека до конца мира и Страшного суда (Августин Блаженный).

Кризис культуры связан, по Ясперсу, с распадом конкретного типа целостности (мифологической, религиозной). О. Шпенглер определяет время существования культуры в тысячу лет. А. Тойнби не считает, что оно может быть определено. Внутри культуры, по Шпенглеру, происходят метаморфозы, которые характеризуют различные стадии развития культуры.

Первым великим кризисом в истории мировой культуры было время разрушения обособленных культур и создание империй. Что представляли собой великие исторические культуры древности? По словам Ясперса, почти одновременно в трех областях земного шара возникают древнейшие культуры: (1) шумеро-вавилонская, египетская и эгейский мир IV тыс.; (2) открытая в раскопках доарийская культура долины Инда III тыс. (связанная с Шумером); (3) смутно сквозящий в воспоминаниях, оставивший скудные следы архаический мир Китая II тыс. до н.э.

Как полагает немецкий философ, этим культурам был неведом тот духовный переворот, который он определил как *осевое время*, создавшее тип нового, современного нам человека. С названными культурами можно сопоставить культуры Мезоамерики, расцвет которых, правда, относится к более поздним тысячелетиям. Они исчезли при одном только возникновении западной, выросшей из осевого времени, культуры.

Кризис культуры привел к глубочайшему разделению народов, который определялся тем, как они относятся к великому прорыву осевого времени. *Осевые народы* — это те, которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично ро-

дидлись в нем, тем самым заложив основы духовной сущности человека и его подлинной истории. К этим народам можно отнести китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков.

Можно ли рассматривать кризисы в культуре как *феномен* мировой культуры? Или правильнее считать, что переломные эпохи характерны только для Европы? На Западе сменяют друг друга совершенно различные культуры: сначала это среднеазиатские и египетские, затем греко-римская и, наконец, германо-романская. Меняются географические центры, территории, народы. В Азии же всегда остается нечто незыблемое. Модифицируясь только в своем явлении, погружаясь в глубины катастрофических потрясений, оно все время вновь возникает на неизменной основе, вечно тождественное самому себе.

Все же и восточные культуры знают кризисные процессы. Сохраняя свой традиционный облик, стабильность, эти культуры поддаются преобразованиям. Здесь возникает иная тема — традиционализм и динамизм в культуре. Восточные культуры в большей степени, нежели западные, опираются на эту традицию. Европейская культура более мобильна. Однако культурные преобразования, взятые даже в эволюционной форме, несут на себе печать преодоления кризисных явлений. Последние присущи всей мировой культуре. При такой точке зрения складывается представление, что к востоку от Инда и Гиндукуша царит не знающая исторического развития стабильность, к западу — динамическое движение истории.

По мнению К. Ясперса, можно говорить о двойственном отношении *Ф. Ницше* к христианству. Его мысль выросла из христианства под воздействием христианских же импульсов. Борьба Ницше против христианства отнюдь не означает стремления просто выбросить его на свалку, отменить или вернуться в дохристианские времена. Напротив, как замечает Ясперс, Ницше желает обогнать христианство, преодолеть, опираясь на те самые силы, которые принесло с собой христианство — и только оно¹. Таким образом, можно говорить о двух кризисных эпохах в культуре в связи с христианством — во-первых, характеризующая противостояние христианства язычеству, и, во-вторых, описывая возможности неоязычества в конфронтации с христианством.

Кризисы в культуре, по мнению Ницше, прежде всего отвергают идею прогресса в культурном развитии человечества. В культуре возможны сбой, возвраты в прошлое, тупиковые движения. Следо-

¹ См.: Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994. С. 7.

вательно, не всякое преодоление человеческого духа — есть непременно поступательный ход. Не исключены паузы и провалы.

Человечество не представляет собою развития к лучшему, или к сильнейшему, или к высшему, как в это до сих пор верят. Прогресс есть лишь современная идея. Телерешный европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения, поступательное развитие не представляет собой какой-либо необходимости повышения, усиления¹.

Ницше полагает, что кризисы культуры возникают не только тогда, когда прежняя культура изживает себя. Возможны неожиданные, злонамеренные и неудачные повороты в социодинамике. Столь же не исключены и умышленные «чистки» культуры, освобождающие ее от порчи. Кризис современной европейской культуры первым изобразил именно Ницше. Ясперс показывает, что признаки такого надлома теперь стали общим местом: образование подменяется пустым знанием. Душевная субстанциальность — все-ленским лицедейством жизни «понарошку». Скука заглушается наркотиками всех видов и острыми ощущениями. Всякий живой духовный росток подавляется шумом и грохотом иллюзорного мира духа. Все говорят, но никто никого не слышит. Все пробалтывается и предается. «Не кто иной, как Ницше, показал пустыню, в которой идут сумасшедшие гонки за прибылью; показал смысл машины и механизации труда; смысл нарождающегося явления — массы»².

Но эти признаки кризиса Ницше рассматривает как внешние. Главные события происходят в глубине. Говоря о смерти Бога как признаке кризисного сознания, Ницше не ограничивается психологической констатацией растущего безверия. Он наблюдает следствия этого главного факта: все беспочвенное и нездоровое, двусмысленное и изолгавшееся, все лицедейство и суетливая спешка, потребность в забвении и дурмане — характерны для этой эпохи.

Из текстов Ницше можно составить связную историческую картину возникновения, извращения и дальнейшего развития христианства. Ницше проводит различие между действительным Иисусом и домыслами о нем. Христианство, выходит, есть полное извращение того, что было истиной для Иисуса. Христианство как воплощение кризиса стоит на совершенно иных принципах и родилось из иных истоков. На протяжении всех христианских столетий не прекращались попытки вернуться из ложного состояния отпадения

¹ *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству // *Ницше Ф.* Соч. в двух томах. Т.2. М., 1990. С. 634.

² *Ясперс К.* Указ. соч. С. 13.

к подлинному Новому Завету через возрождение, восстановление изначальной веры.

Но для Ницше извращение христианства отнюдь не отпадение, проявляющееся лишь постепенно и вследствие исторических изменений. Оно составляет сущность христианства и присутствует в нем с самого начала. Сами Евангелии, весь корпус Нового Завета — уже извращение. Кризис, который воплощается в христианстве, отнюдь не в миролюбивом отказе Иисуса от всякой борьбы.

Корни христианства, — отмечает Ясперс, — раскрывающие природу ценностного кризиса, — в совсем ином стереотипе человеческого мироотношения, который именно в той исторической констелляции смог обрести невиданное доселе могущество: это рессантимент неудачников и ничтожеств, злоба всех угнетенных и униженных, зависть всех серых и посредственных¹.

По мнению К. Ясперса, здесь Ницше принадлежит честь психологического открытия, а именно рессантимент немощи, гнездящейся в самой немощи, бессилии и унижении, способен стать творческой силой, порождающей новые ценности, идеалы и понятия. В пафосе моралиста Ницше видит скрытую подлость, стремящуюся взять реванш. В фанатизме справедливости — тайную вражду мщения; в идеальных ценностях — подспудную борьбу против всего действительно высокого.

Внезапность кризисов культуры вовсе не означает, что у них не было предпосылок. На самом деле в недрах здорового язычества росло антиязычество — уродливые и больные религиозные формы, против которых боролся еще Эпикур. Христианство «проглотило и усвоило» учения и обряды всех подземных культов Римской империи. Языческий мир позволил этому антиязычеству, этому «дохристианскому христианству» расцвести на вершинах своей философии. Сократ и Платон — первые провозвестники этого явления.

Можно говорить о провозвестии кризиса в культуре. Античность сама породила христианство, это ее родное дитя. Христианство напало на нее извне. Христианство вобрало в себя все мистерии, все поиски спасения — жертвенность, аскетизм, теории двух миров и философию мироотрицания — все проявления ущербной и угасающей жизни. Это удалось христианству благодаря его специфическим историческим корням, благодаря его происхождению непосредственно из иудаизма.

Ницше постоянно возвращается к описанию различных сторон того длительного, непрекращающегося в истории процесса извра-

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 27.

нения, который он называет денатурализацией или обезъестествлением ценностей. История христианства отмечена для Ницше увлечением все большего числа душ с помощью извращения ценностей, взятого христианами на вооружение с самого начала. Кризисы для Ницше сопряжены с колоссальным напряжением духа. Приветствуя возможность нового взлета человечества, Ницше считает, что без этой предельной мобилизации духа человечество, преодолев христианство, никогда не узнало бы, какие у него шансы.

Христианство для Ницше — лишь один из многих феноменов во всемирной истории. В этом историческом целом христианство представляется Ницше однажды свершившимся роковым несчастьем. А с христианством в нашу нынешнюю эпоху ворвалась и античность. Как только уйдет христианство, уйдет и понимание античности. Приметы такого культурного кризиса, по мнению Ницше, можно отыскать повсюду.

Сила и бессилие, жизненный упадок и подъем, господа и рабы, священство и нигилизм обнаруживаются везде. Ницше сравнивает аналогичные феномены в буддизме и исламе, в классической античности и законодательстве Ману. И в каждом случае он обнаруживает ложь. Не случайно Ницше провозглашает XIX в. «моментом высочайшего самосознания» перед лицом совокупной истории человечества. Таково предназначение кризиса в истории.

Литература

1. Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 165.
2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философии // Культурология, XX век: Антология. М., 1994.
3. Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Сб.2, СПб., 1914.
4. Марсель Гране. Китайская мысль. М., 2004.
5. Михалкин С.Н. Социальные ситуации: содержание и роль в жизни общества // Вопросы философии науки и образования: Сб. ст. докторантов, аспирантов, соискателей и молодых ученых МГОУ. Вып. № 2. М., 2003. С. 49.
6. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Соч. в двух томах, Т.2, М., 1990. С. 634.
7. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
8. Померанц Г.С. Кризис цивилизации // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 10. С. 117
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
10. Ясперс Карл. Ницше и христианство. М., 1994.

Вопросы для повторения

1. Чем определяются ритмы истории?
2. Почему в Древнем Китае родилась поговорка «Проклятье жить в эпоху перемен»?
3. Каково китайское видение времени?
4. Что такое кризисные процессы в культуре?
5. Как вы понимаете «рессантимент» немощи по Ницше?

Темы рефератов

1. Истоки истории и ее цель.
2. Кризис в культуре.
3. Распад целостностей в культуре.
4. Понятие социальной связи.
5. Экзистенциальное самоощущение в культуре.

Как на войне, только еще страшнее

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей

Г. Державин

Впервые отношение психоанализа к вопросу о происхождении войн было высказано З. Фрейдом в его очерке «Современные размышления о войне и мире» (1915), где, несмотря на объективно научный тон, легко обнаружить глубокое разочарование в культуре. Война, по Фрейду, разрушила иллюзии о разумности человека и его приверженности к культуре, и в этом Фрейд находил своего рода мрачное утешение. «Неужели можно поверить, — писал тогда З. Фрейд, — что то море жестокости и лжи, которое разливается сегодня по цивилизованному миру, могло быть порождено горстью беспринципных карьеристов и развращенных политиков». В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), тоже тесно связанной с Первой мировой войной, Фрейд уже развивает свою «мифологическую», по его же словам, теорию об извечной борьбе между влечением к жизни (Эросом) и влечением к смерти (Танатосом). С такой точки зрения, войны представляются неизбежными как необходимый биологический клапан для деструктивных влечений.

Однако у подавляющего большинства психоаналитиков эти теории позднего Фрейда не получили признания как относящиеся не к психологии, а к тем положениям натурфилософии, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Танатос, согласно Фрейду, сам по себе не может быть обнаружен, но проявляет себя в различных сторонах индивидуальной и массовой агрессивности: в самоубийствах, мазохизме, потребности в наказаниях, действиях во вред самому себе, в сопротивлении пациентов процессу лечения.

Эта теория еще в 20-годы была подвергнута резкой критике со стороны ученика Фрейда В. Райха. Согласно Райху, человек по своей природе является здоровым и гармоничным существом, однако его здоровые влечения претерпевают вторичные искажения со стороны репрессивной социальной системы, приобретая деструктивно-садистские формы. Самоубийство, по Райху, не есть проявление

влечения к смерти, но бессознательная месть другому человеку или способ преодоления непереносимой ситуации. Невротический страх смерти чаще всего проявляется в молодом возрасте и также не является первичным.

Аргументацию Райха полностью переняли неофрейдисты, прежде всего Э. Фромм и К. Хорни, которые тоже исходили из неспорченности человеческой природы, искажающейся под воздействием культуры или социальной системы. В своих работах неофрейдисты не особо останавливались на биологической стороне человеческого существования.

Переходный этап от биологической к более или менее социально ориентированной психоаналитической теории отражен в многочисленных работах А. Митчерлиха. Он выдвинул целый ряд факторов проявления агрессивности в западном обществе, как биологических, так и социальных: первичный и вторичный нарциссизм, стремление к оральному обладанию, зависть, жажда власти и конкурентная борьба, отчуждение в изолированной нуклеарной семье и механизированной производственной структуре и т.д. Однако Митчерлих делает оговорку: «Решающее зло, вероятно, только во вторую очередь происходит из общества».

Фиксация на саморазрушительной природе индивида долгое время делала для психоанализа невозможным сколько-нибудь широкий подход к проблемам *войны и мира*. Однако развитие не только социальных наук, но и современной психологии животных (этологии) показало, что выведение агрессивности человека из его биологической природы несостоятельно. Выяснилось, например, что у целого ряда животных агрессивность подавляется посредством ритуальных действий. Так, по описанию австрийского ученого, одного из основоположников этологии (науки о поведении животных) *Конрада Лоренца*, в драках между волками волк, который чувствует себя побежденным, ложится и подставляет шею противнику, однако победитель, вместо того, чтобы загрызть его, с воем убегает.

Сходное поведение отмечено и на ранних стадиях развития человеческого общества. Этнографами были описаны ритуальные войны среди примитивных племен в центре Новой Гвинеи, которые не преследуют целей захвата чужой территории или имущества. В Древней Греции также практиковались ритуальные бои, или агонии. Наконец, концепция агрессивности, выводимая как из биологической природы, так и из предшествующих фрустраций (согласно представлениям Йельской школы), совершенно не приложима к атомной войне. Тот, кто сбрасывает бомбы или нажимает на кнопку пуска ракеты, вообще в этот момент ничего не испытывает, ни-

чего не видит и не чувствует. О садистическом самоудовлетворении влечений здесь не может идти и речи, хотя атомное оружие способно принести страдания миллионам.

Биологические установки раннего психоанализа претерпели глубокие изменения за последние полвека под воздействием развития смежных дисциплин: политических и социальных наук, исследований в области процессов социализации и этнопсихоанализа. Эти науки опровергли положения о казуальной связи между войной и врожденными деструктивными влечениями. Например, в работах Ж. Франка по психологическим аспектам войны и мира был собран обширный материал о тех манипуляциях с человеком, которые начиная с детства производятся в интересах экономической, военной и политической элиты через воспитание, систему социальных принуждений, идеологию и пропаганду и ведут к самоотречению и развитию коллективных психозов.

Одним из первых психоаналитиков, выступивших с призывом предотвратить войны, был Э. Фромм — представитель социального фрейдизма, считавший, что агрессивность имеет социальное, а не биологическое происхождение и ее при настойчивом желании можно преодолеть. Он же первым из психоаналитиков обратился к проблеме атомной угрозы. Э. Фромм в последний период своей жизни принимал активное участие в группах движения за мир, примыкая при этом к меньшинству движения, выступавшему с позиции одностороннего разоружения.

Свои взгляды на проблему разоружения и психологические аспекты атомной войны он изложил в специальной статье, впервые опубликованной в томе трудов Американской академии искусств и наук в Бостоне. Уже в начале 60-х годов прошлого века Фромм обосновал доктрину одностороннего разоружения, исходящую из того, что риск от продолжения неограниченной гонки вооружений намного превышает риск одностороннего разоружения. Та держава, которая первой предпримет шаги в этом направлении, позволит преодолеть барьер мышления, блокирующий выход из порочного круга поисков мира с помощью угроз и контругроз. Это должно привести к радикальному изменению методов переговоров о многостороннем разоружении, которые ведутся традиционными методами торга, когда всякая уступка с одной стороны зависит от равноценной и гарантированной уступки с другой, что не позволяет разморозить застывшие мыслительные стереотипы.

Предложения о полном одностороннем разоружении выдвигались на основе религиозных, моральных или пацифистских соображений В. Голландцем и группами квакеров. Их поддержали затем

Бертран Рассел и Райт Миллс, которые не исходили при этом из принципиальной недопустимости применения силы в любых обстоятельствах, но бескомпромиссно выступали против ядерной войны. Первые следовали религиозно-гуманистической традиции, вторые традициям нетеистического гуманизма, восходящего к идеям просвещения и через них к стоической традиции. По мере того, как войны становились одновременно все более бессмысленными и более опустошительными, позиции религиозных пацифистов, гуманистов и прагматиков, сопротивляющихся наращиванию вооружений, сближались. В той или иной мере все эти группы объединяют некоторые общие представления: вера в примат индивида по отношению к государству, убежденность в разумности человека, упования на единство человеческого рода.

Сегодня уже нет смысла, писал Фромм, вести игры в догадки, какая часть населения Земли может быть уничтожена — 30, 60 или 90%. Не требуется также большого воображения, чтобы представить себе психологические последствия неожиданного массового разрушения и гибели значительной части американского или русского населения и угрозы медленной гибели для всех остальных. Это вызвало бы также приступы паники, ярости и отчаяния, перед которыми бледнеют даже массовые психозы, вызванные «черной смертью» в Средние века. Травматический эффект такой катастрофы привел бы к новой форме примитивного варварства, к выходу на поверхность сознания наиболее архаических элементов, потенциально заложенных в человеке. Для многих, изучающих человеческую природу или психопатологию, выход из подобной ситуации представляется крайне невероятным. То, что жестокость обладает ожесточающим эффектом и приводит к еще большей жестокости, есть просто психологический факт, писал Э. Фромм.

Даже в том случае, если силы устрашения срабатывают, это в конечном счете не меняет положения вещей. Длительное пребывание под постоянной угрозой всеобщей гибели порождает у большинства людей одни и те же последствия — страх, враждебность, всеобщую подозрительность, бездушие и очерствление и в конечном счете безразличие ко всем существующим ценностям. Это должно будет привести к новому варварству, пусть даже оно будет иметь на вооружении самые совершенные механизмы. Если мы всерьез полагаем, говорит Фромм, что наша цель заключается в сохранении свободы, то должны признать, что эта свобода будет потеряна, независимо от того, сработают или нет средства уничтожения.

В дискуссиях по вопросам контроля над вооружением аргументы исходили из представлений о возможном, а не вероятном. Раз-

личие между этими двумя способами мышления то же самое, что между параноидальным и нормальным мышлением. Непокколебимая убежденность параноика в достоверности его бреда основывается на том, что он логически возможен. Так, логически допустимо, что жена, дети или коллеги ненавидят пациента и замышляют убить. Пациента нельзя убедить, что его бред невозможен, ему можно только сказать, что этот бред в крайней степени маловероятен. Но поскольку последняя установка требует проверки и оценки фактов, а также известной веры в жизнь, то параноик не приемлет ее, оставаясь на своей позиции, принимающей в расчет лишь чистую возможность. Современное политическое мышление, — пишет Фромм, в целом страдает от такого рода параноидных тенденций. Между тем мы должны быть озабочены в первую очередь не возможностями, а вероятностями. Это — единственно здоровый и реалистический тип поведения на уровне не только индивидуальной, но и национальной жизни.

В психологическом плане возникает и непонимание идей радикального разоружения, как это видно из многочисленных дискуссий. Прежде всего такая позиция воспринимается как пораженчество. Между тем пацифисты, как и гуманисты-прагматики, исходят из того, что одностороннее разоружение может быть лишь следствием глубоких духовных и моральных перемен в нас самих. Для них — это акт смелости и сопротивления, а не сдачи или трусости.

Те же мотивы стоят и за переменами во взглядах на сопротивление агрессии. Гандисты выступают за ненасильственное сопротивление, которое требует, несомненно, максимума веры и смелости. Они ссылаются на пример индийского сопротивления против Британии и норвежского сопротивления нацистам. Другие, напротив, допускают вооруженное сопротивление, защиту своей жизни и своей свободы с помощью холодного и огнестрельного оружия. Как насильственное, так и ненасильственное сопротивление могут быть избраны в качестве средства для борьбы с агрессией. Но это отнюдь не означает солидарности с теми, кто полагает, что применение термоядерного оружия способно обеспечить «победу демократии».

Новая книга Элвина и Хейди Тоффлер посвящена *войне*. Авторы предостерегают человечество о том, что идет война кошмарная. Причем не только по способам истребления людей, но и по фантастической возможности манипулирования сознанием народов. Книгу можно рассматривать как колоссальное предостережение, связанное с судьбами человечества. Отнеситесь к войне с полной серьезностью, заклиняют авторы, она этого заслуживает. Сразу вспоминаются строчки французского философа Ж.П. Сартра: «когда чело-

век зачарованно начинает смотреть в бездну, бездна начинает смотреть на него».

Конечно, многие важные проблемы, стоящие перед человечеством, еще не получили соответствующей оптики. Много традиционного, заскорузлого, стереотипного. Надо срочно осознать сложившуюся ситуацию. Читатель не найдет в этой работе анализа самого феномена войны, не отыщет никаких психологических или антропологических откровений. Война — это реальность. Надо сразу переходить к анализу современного состояния вещей.

Но что создает сегодня опасность войны? Во всем мире обсуждается сегодня гипотеза профессора Гарвардского университета Самюэля Хантингтона о том, что современная мировая политика вступает в новую фазу. По его мнению, в нарождающемся мире источником конфликтов станет уже не идеология и не экономика. Он полагает, что важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. По мнению С. Хантингтона, *столкновение цивилизаций* станет доминирующим фактором мировой политики.

Элвин и Хейди Тоффлер упоминают эту концепцию, однако бегло и вскользь. У них другое видение истории. Читатель, не знакомый с предыдущими работами Э. Тоффлера на русском языке (*Шок будущего*, 2001, 2004; *Третья волна*, 1999; *Метаморфозы власти*, 1999), возможно, не сразу поймет логику представленной книги. Авторы считают, что мир формируется своеобразными волнами социального развития. Техника, как они считают, обуславливает тип общества и тип культуры. Причем влияние техники имеет волнообразный характер. Прослеживается логика трех волн.

Тоффлер анализирует различные стороны общественной жизни, но при этом берет за доминанту преобразования в техносфере. Третья волна не только заменила образчики синхронизации Второй волны. Она атаковала также основную особенность индустриальной жизни — стандартизацию. Сдвиг в сторону от традиционного массового производства сопровождается параллельной демассификацией рынка, покупки и продажи товара, потребления. Пользователи начинают делать свой выбор исходя не столько из того, какую специфическую материальную или психологическую функцию выполняет товар, сколько из того, как он соответствует той конфигурации продуктов и сервиса, которую они хотели бы иметь. Эти индивидуальные конфигурации временны, так как зависят от стиля жизни, который они же помогают реализовать.

Авторы проанализировали самые разнообразные феномены общественной жизни — технику, капитал, насилие, деньги, власть, образ жизни. И вот теперь новая актуальная тема — ВОЙНА. И что

поразительно. Если мы возьмем политический словарь, мы сразу натолкнемся на устаревшее определение войны. К примеру, «война — вооруженная борьба между государствами или общественными классами за осуществление их экономических и политических целей, продолжение политики насильственными средствами»¹. Такое определение авторы книги определенно отнесли бы к периоду Второй волны. Ведь сегодня воюют не только государства или классы. Конфликты возникают между народами, социальными, конфессиональными и другими группами. Но главный конфликт современности, по мнению супругов Тоффлер, это противостояние различных «волн». Ведь они не просто сменяли друг друга, уступая место новому образу жизни. Эти волны представлены в панораме нового века. Они динамичны. Они сталкиваются. Когда сталкиваются волны истории, обнаруживается смертельная схватка цивилизаций.

На протяжении истории войны постоянно сопровождали человечество. Ратники, витязи, рыцари, стрельцы, янычары, генералы и простые солдаты шествуют военным парадом перед нами. Не откажется человечество от истребительной бойни вообще? Такой вопрос, по существу, не обсуждается. Речь в книге идет только о том, что надо учесть новые реальности и воевать с использованием ультрасовременных военных и идеологических средств. Не следует морализировать по поводу войны. Кому нужна эта гуманистическая риторика? Давайте поближе познакомимся с новейшими военными доктринами, «индустрией истребления», возможностями опережения противника.

Но так ли безупречны доводы авторов книги? Война не является неотъемлемым элементом всех цивилизаций, а частота войн — отличительная черта каждой из них. Война была причиной гибели всех рухнувших цивилизаций и одновременно непрерывной и постоянной предпосылкой их глубокой взаимосвязи. Война — одновременно дочь, убийца и мать цивилизаций. Главная функция войны — разрушение. Если война не достигает своей цели, то есть разгрома одной из конфликтующих сторон, то происходит обмен разрушениями, ускоренное потребление материальных и людских ресурсов с обеих сторон. Такая война завершается миром, основанном на взаимном компромиссе. Если же война завершается разгромом одного из противников и победитель не руководствуется соображениями гуманизма и «высокой политики» поддержки своего соперника, то побежденная цивилизация претерпевает глубокие пре-

¹ Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000. С. 149.

образования своих внутренних демографических, политических, экономических, национальных и даже духовных структур.

Однако в истории бывали случаи, когда цивилизация, разгромленная в военном и экономическом отношениях, продолжала оказывать сильное воздействие на завоевателя. Например, Древняя Греция, побежденная Римом, сохранила огромное духовное и культурное влияние на него. Некоторые цивилизации, например Индия, нередко завоевывались, но при этом сохраняли свою самобытность. Что касается Китая, то он в конечном счете ассимилировал своих завоевателей.

Войны, которые привели к уничтожению цивилизаций, повлекли за собой преобразования не только политического, социологического и культурного характера, но и «антропологического», то есть имели значение не только для отдельных цивилизаций, но и для человечества в целом. Это не обязательно были самые крупные войны истории. Так, «крайне дорогие» войны Карла V не затронули структурных элементов цивилизации (языки, национальности, религии, политические традиции, народные ценности и т.д.). Они привели лишь к «перемещению богатства» между странами. Напротив, происходившие в тот же период военные экспедиции небольшого масштаба (например, экспедиции Кортеса и Писарро в Америку) привели к глубочайшим преобразованиям великих цивилизаций. То же можно сказать об экспедициях европейцев в Африку, Австралию и Америку в конце XIX в.

Апологеты войны выдвигают тезис о ее положительной роли как «экзамен для нации», когда изжившие себя и исторически обреченные социальные формы, государства, народы, расы и правительства освобождают место свежим силам и новым формам организации общества. Однако война далеко не всегда выполняет подобную функцию. Хотя сила и способствует рождению нового общества, но она же уничтожает его в самом зародыше. Военное насилие нередко обрекало человеческие цивилизации на топтание на месте, а порой отбрасывало назад.

Распространенное определение войны как действительного или возможного насилия значительного масштаба и длительности и как формы отношений между политическими и организованными системами является неполным. Истории известны войны, на протяжении которых не велось военных действий. Исследователи выделяют «геометрическую» и «психологическую» шкалы в понимании путей достижения победы в войне. Согласно первой, битвы выигрываются благодаря размещению и передвижению войск, согласно второй они выигрываются в умах командующих, достигающих психологи-

ческого превосходства над противником. Наиболее известный сторонник «психологической» точки зрения — фон Клаузевиц.

В XIX в. широко обсуждался вопрос о пользе или вреде войны. Многие немецкие, французские, американские военные теоретики считали войну условием прогресса, высшим достижением цивилизации. Либеральные экономисты, например Дж.С. Милль, считали, что войны возникают из-за торговых барьеров и что общество свободной торговли должно быть свободно от войн. К. Маркс, напротив, полагал, что, начиная с XIV—XV вв. войны возникают из-за капиталистической конкуренции за ресурсы и рынки.

Можно выделить четыре точки зрения на причины войн: (1) согласно «дарвинистской» концепции, война есть борьба за жизнь и, как таковая, свойственна всем биологическим видам, в том числе и человеку; (2) сторонники концепции «первородного греха» считают, что именно отход человека от первоначального идеального состояния привел к конфликтам; (3) марксистская точка зрения исходила из того, что источником войны является институт эксплуатации; (4) с позиций «теории великого человека» война есть следствие того, что агрессивные личности навязывают свою волю пассивной массе.

Исследователи указывают на неосновательность широко распространенных дарвинистских и фрейдистских концепций изначальной агрессивности человека. Палеоантропологические данные (например, наскальные рисунки) подтверждают тот факт, что древнейшие люди использовали оружие для охоты, но не для убийства. В древности существовала такая традиция: воины враждебных племен, вооруженные копьями и дубьем, вставали друг против друга, и начинали выкрикивать воинственные слова, размахивали оружием. Однако после «выплеска агрессии» все расходилось...

Этологи нашли, что и среди животных практически отсутствует внутривидовая агрессивность.

Американский исследователь А. Сторрс предложил модель «детской зависимости» для объяснения агрессивности: длительная зависимость детей и подростков от взрослых создает у молодежи чувство фрустрации, которое и находит выход в агрессивности. Однако эта гипотеза не объясняет, почему лишь немногие из людей прибегают к агрессии. Более приемлемой для объяснения агрессивности можно считать теорию «фрустрации-агрессивности», рассматриваемой в социальном контексте. Согласно этой теории, случаи линчевания негров в южных штатах США учащались в те годы, когда падала цена на хлопок.

Фрустрация массы белых бедняков находила выражение в более активном участии их в действиях ку-клукс-клана, когда их гнев обращался на негров, а не богачей. Но в ситуациях, когда фрустрация масс сочеталась с влиянием «фокусирующей» революционной идеологии, народ выступает против действительных угнетателей, о чем свидетельствовали революции в Мексике, Китае, Испании, России, Вьетнаме.

Определенные значения для объяснения агрессивности имеют также модели «стресса», «скуки», «подражания» (например, тот факт, что негры в США совершают в 15 раз больше убийств, чем белые, может объясняться влиянием насилий, пережитых в детстве). Нельзя признать верным представление, будто поведение убийцы обязательно связано с чувствами ненависти к жертве. Знаменитый эксперимент Милгрема в Йельском университете продемонстрировал значение модели «приказа-подчинения» в агрессивном поведении. Испытуемым сообщали: то, что они будут делать, имеет большое научное значение, и приказывали причинять нарастающие болезненные ощущения человеку, за переживаниями которого они могли наблюдать (при этом испытуемым не сообщали, что страдания этого человека были фиктивными). Большинство испытуемых с готовностью участвовало в жестоком эксперименте, не смущаясь страданиями своей жертвы.

Психиатры полагали, что лишь один человек из 1000 будет готов проводить эксперимент до конца. На деле же из этого числа такую готовность продемонстрировали 600 человек. Повторение эксперимента Милгрема в Германии, Италии, Австралии, ЮАР показало, что уровень подчинения там еще выше, причем женщины проявляли не меньшую готовность к насилию, чем мужчины, а организованные группы — большую, чем одиночки. Отсюда был сделан вывод, что в военной ситуации большинство действует просто из подчинения приказам, в то время как лидеры могут быть движимы фрустрацией, стремлением сохранить статус или идеологическими мотивами.

По мнению многих исследователей, эволюция человека, способность к кооперации оказывает в деятельности людей решающее воздействие на формирование враждующих групп («банд»). Можно сослаться на выводы социальных психологов, проводивших эксперимент, в ходе которого детский лагерь был разделен на две группы («бульдоги» и «красные дьяволы») — между ними вскоре развернулась острая конкуренция. В ходе другого эксперимента было установлено, что даже восприятие опасности (признаков пожара) в значительной степени зависит от окружающих. Из подобных примеров можно сделать вывод, что, например, поведение американских сол-

дат во вьетнамской войне было результатом образования двух социально-психологических групп («мы» и «они»), подчинения общему мнению и авторитету начальства.

На протяжении столетий война была своего рода спортивным состязанием великих держав. По подсчетам К. Райта (1942), из 2600 важнейших сражений, имевших место за 500 лет, Франция участвовала в 47%, Австро-Венгрия — в 34%, Англия и Россия — в 22%. Подсчеты Смолл-Сингера за период 1816—1965 гг. также показывают преимущественную вовлеченность великих держав в военные действия. В указанный период великие державы участвовали в 80% войн.

Основным фактором нарушения «системы великих держав» можно считать «глобальные» войны, то есть конфликты, затрагивающие структуру «глобальной политической системы». Это не обязательно самые крупные войны, но непременно войны мирового значения, например война за независимость Голландии в XVI в., войны Людовика XIV в XVII—XVIII вв., Семилетняя война, две мировые войны в прошлом столетии. На глобальные войны приходится две трети всех сражений за последние четыре столетия.

Для объяснения характера «неклассических» и современных конфликтов можно ввести понятия «национальных» и «субнациональных» войн. К категории «национальных» можно отнести войны, связанные с формированием национальной политической системы. Таковы гражданская война в Корее, Вьетнаме, на Ближнем Востоке, индо-пакистанские и др. «Субнациональными войнами» являются локальные конфликты, возникающие тогда, когда подразделения большой политической системы не удовлетворены ее устройством. Обычно это «сепаратистские» войны.

С появлением ядерного оружия открывается новая эра в истории человечества. Речь идет не просто о изменении масштаба взрывной силы оружия, а о кардинальном изменении. Это уже не простая модификация в непрерывной эволюции вооружений, а подлинная революция, глубокая и тотальная.

Но в том-то и дело, по мнению авторов книги, что ядерный конфликт — не единственный, который может захватить человечество. Существует невероятное множество способов истребления людей. Тиранические и нестабильные режимы могут обрести химическое и биологическое оружие. Возможна война роботов. Освобожденные от моральных терзаний и инстинкта самосохранения, роботы способны стать замечательными, идеальными террористами. Авторы рисуют воображаемую картину. Тысячные толпы приближаются к зданию посольства, но вдруг падают пораженные неведомой силой. Испытан усовершенствованный инфразвуковой генератор для умирения толпы. Можно вспомнить и Герберта Уэллса. Из

марсианского корабля выбегают мириады механизированных, металлических муравьев или солдат на треножниках. Надо ли здесь описывать ужасы «звездных войн» или «ядерной зимы».

Однако читая про все эти кошмары, хочется процитировать американского фантаста Роберта Шекли, его рассказ «Абсолютное оружие»:

Они вошли в огромную комнату, где горами лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации. Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого уже давно все отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы — все говорило о титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письма рассказывали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных. Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой¹.

Культура перестает быть собой, если исчезает человек. Обломки марсианской цивилизации — часть природного ландшафта, не более того. Такова мысль Шекли. Какой смысл в абсолютном оружии, если исчезает цивилизация? Так могли бы думать земляне, которые прилетели на Марс и пытаются понять ход событий марсианской истории. Однако у Шекли другой финал. Земляне погибают. Тот, кто заморожен «туманом войны», судя по всему, обречен...

Чего недостает книге супругов Тоффлер? Простого и естественного вопроса — «Почему война?». Именно так названа известная переписка З. Фрейда и А. Эйнштейна. Потрясенные Первой мировой войной, они пытаются осмыслить неизбежность войны. Наивный Фрейд полагал, что войны могут быть предотвращены наверняка, если человечество объединится в установлении центральной власти, которой будет передано право вершить правосудие над всеми конфликтами интересов. Существуют два необходимых для этого условия: создание верховной власти и наделение ее необходимой силой. Примерно так же рассуждают и супруги Тоффлер. Установить контроль, обеспечить наблюдение. Вразумить. Однако мы знаем сегодня, что наличие ООН и наделение ее всякими правами вовсе не помешало НАТО бомбить Югославию.

¹ Шекли Роберт. Рассказы. Повести. М, 1968. С. 36.

В наши дни рассуждения Фрейда вызывают легкую улыбку. Пытаться избавиться от агрессивных склонностей людей бесполезно. Нет такой расы или такого региона земли, где жизнь проходит в спокойствии и там нет ни принуждения, ни агрессивности. Не возникает вопроса о полном избавлении от человеческих агрессивных импульсов. И все же, достаточно, мол, изменить их направление до такой степени, чтобы эти инстинкты не искали своего выражения в войне. Против разрушения следует пустить в ход Эрос. Все, что способствует росту эмоциональных связей между людьми, будет работать против войны. Следует также подчинить инстинктивную жизнь диктатуре разума. Наивно. Однако это не избавляет социологов, философов, прогнозистов и психологов от постановки такого вопроса.

Но в книге можно усмотреть еще один парадокс. Написанная с радикальных и современных позиций, она стремительно отстает от реальной жизни. Рассказывая о древних попытках людей оградить детей от войны, они еще не знают, что в Беслане террористы станут расстреливать бегущих детей. Устрашая нас боснийским мальчиком, которому взрывом оторвало пол-лица, авторы вряд ли могли предположить, что заложники в школе получают массовые увечья. А у входа в школу еще долго будут стоять откупоренные бутылки с водой, напоминая об адских мучениях.

«Смерть приносит дивиденды», «Перекуем орала на мечи», «Кровавая бойня». Можно ли в этом потоке слоганов успешно бороться против новейшей кошмарной войны. А может быть, есть смысл обратить взор на человеческую деструктивность, на возрастающую агрессивность, на смертоносные побуждения?

Начался новый век. В этом веке можно будет массы людей спасти от голодной смерти. В этом веке опустошительные загрязнения индустриальной эры удастся убрать и создать новые, более чистые технологии для службы человечеству. В этом веке в создании будущего более широкое участие примут разнообразные культуры и народы. В этом веке будет поставлен заслон перед чумой войны.

А вместо этого мы будто погружаемся снова в темные века племенной вражды, всепланетного опустошения, и войны умножаются на войны. И как мы справимся с этой угрозой, в существенной степени определит, как будут жить — и умирать — наши дети. Однако многие виды нашего интеллектуального оружия для создания мира безнадежно устарели — как и многие армии. Разница в том, что армии по всему миру рвутся соответствовать реалиям нового века. Миротворцы же пытаются применить методы, более уместные в далеком прошлом.

Тезис, который выдвигает Э. Тоффлер, предельно ясен: *способ ведения войны отражает способ создания богатств*; а способ борьбы с войной должен отражать способ ведения войны

Войны сегодняшнего дня поднимают или опускают цены бензина на заправке, продуктов в супермаркетах, акций на бирже. Они разрушают экологию. Они врываются в нашу гостиную с телеэкрана. Войны прошлого тянут к нам руки и меняют нашу сегодняшнюю жизнь. Потоки крови, пролитые сотни лет назад из-за причин, ныне забытых, сторевшие, разбитые, разрушенные, сожженные, посаженные на кол или разлетевшиеся в пыль тела, дети со вздутыми животами и палочками рук и ножек — все это формировало мир, в котором мы живем. Вот отдельный и нечасто замечаемый пример: войны, которые велись тысячу лет назад, привели к изобретению командных иерархий — форме власти, знакомой сегодня миллионам работников. И даже войны будущего — планируемые или всего лишь воображаемые — могут сегодня украсть не один доллар из наших налогов.

Неудивительно, что воображаемые войны владеют нашей мыслью. Рыцари, самураи, янычары, гусары, генералы и «простые солдаты» неумолимым парадом шагают по страницам истории и коридорам нашего разума. Литература, живопись, скульптура и кино показывают ужасы, героизм и моральные дилеммы войны, настоящей и не настоящей.

Информированный взрослый человек, если его спросить, какие войны происходили после Второй мировой войны, без труда назовет Корейскую войну (1950—1953), Вьетнамскую (1957—1975), Арабо-израильские войны (1967, 1973, 1982), Войну в Персидском заливе (1990—1991) и, быть может, несколько других.

Но мало кто знает, что от 150 до 160 (зависит от того, как считать) международных и внутренних конфликтов бушевали с момента заключения мира в 1945 г. Или что при этом были убиты примерно 7 млн 200 тыс. солдат. Это только убитые — не считая раненых, замученных или изувеченных. Сюда также не входит еще большее число жертв среди мирного населения. Не входят и пропавшие без вести. Как ни странно, за всю Первую мировую войны число убитых солдат лишь ненамного больше: примерно 8 млн 400 тыс. Из этого следует довольно любопытная вещь: в терминах потерь убитыми, даже если допустить, что ошибка достаточно велика, мир с 1945 г. претерпел нечто вроде Первой мировой войны. А если добавить жертвы мирного населения, цифры становятся астрономическими: от 33 до 44 млн — опять-таки не считая раненых, изнасилованных, угнанных, потерявших здоровье или ввергнутых в нищету. Люди стреляли, закалывали, бомбили, травили газом и иными спо-

собами убивали друг друга в Бурунди и Боливии, на Кипре и в Шри-Ланка, на Мадагаскаре и в Марокко. Сейчас насчитывается около 200 стран-членов ООН. И более чем в 60 из них имели место военные действия. Стокгольмский Институт мирных исследований насчитал 31 вооруженный конфликт за один только 1990 г. На самом деле за 2340 недель, прошедших между 1945 и 1990 гг., всего три недели на земле не было ни одной войны. Назвать годы с 1945-го и до сегодняшнего дня «послевоенной» эпохой — значит объединить трагедию с иронией.

Первой реакцией на развал парадигмы холодной войны был тяжелый случай коллективного экстаза. Почти полстолетия тикали часы Судного дня, и мир, затаив дыхание, ждал. Поэтому легко понять безумную радость, которой был встречен конец холодной войны, символизируемый рухнувшей Берлинской стеной. Трезвомыслящие ранее политики запели оды неожиданно пришедшей эпохе мира. Знатоки писали фразы вроде «разразился мир». Ожидались крупные «мирные дивиденды». В частности, никогда не будут воевать между собой демократии. Некоторые мыслители даже высказывали суждение, что вскоре война займет свое место в музее выброшенных иррациональностей рядом с рабством и дуэлью.

Это был не первый такой приступ неуправляемого оптимизма. «Ничто, — писал Г. Дж. Уэллс в 1914 г., — не могло бы быть более очевидным для людей начала двадцатого века, как быстрота, с которой война становится невозможной». Увы, это оказалось не так очевидно для миллионов, которые вскоре погибли в окопах Первой мировой войны — «Войны ради того, чтобы больше не было войн».

Когда эта война закончилась, снова дипломатический эфир заполнили прогнозы неунывающих оптимистов, и в 1922 г. тогдашние великие державы торжественно договорились потопить многие из своих военных кораблей, чтобы замедлить гонку вооружений. В 1928 г. Генри Форд заявил, что «люди становятся слишком умными, чтобы заводить еще одну большую войну. В 1932 г. энтузиазм по поводу разоружения заставил американского президента Герберта Гувера заговорить о необходимости уменьшить «сокрушительное бремя вооружений, лежащее сейчас на плечах народов». Его цель, говорил он, чтобы «все танки, химическое оружие и большие самоходные орудия, все бомбардировщики были упразднены».

Через семь лет разразилась самая разрушительная война в истории — Вторая мировая. Когда она в 1945 г. закончилась ужасом Хиросимы и Нагасаки, была создана Организация Объединенных Наций, и снова мир ненадолго был ослеплен иллюзией, что вечный мир не за горами, — но тут началась холодная война и ядерное противостояние.

На протяжении всей истории человечества люди воевали так же, как работали. Вопреки романтическому поверью, что жизнь в древних племенных общинах была гармоничной и мирной, кровавые битвы наверняка случались и в досельскохозяйственных, кочевых и пасторальных группах. В своей книге «Эволюция войны» Морис Р. Дейви пишет о «непрестанной межгрупповой вражде, из которой столь многие первобытные племена» никогда не вылезали. Эти малые группы воевали ради мести за убийство, ради захвата женщин, ради доступа к богатой дичи. Но насилие не есть синоним войны, и лишь впоследствии конфликт принял истинный характер войны как таковой — *кровавого* столкновения между организованными государствами.

Когда аграрная революция запустила первую великую волну перемен в человеческой истории, она постепенно привела к образованию самых ранних досовременных обществ. Она породила постоянные поселения и многие политические и социальные новшества. И среди них, несомненно, одним из важнейших явилась сама война.

Конечно, не все прежние войны велись ради экономических целей. В литературе о причинах войн их указываются десятки — от религиозного фанатизма до врожденной агрессивности вида.

Как действовать с бесконечными вспышками «малых войн», из которых не будет двух похожих друг на друга? Кто будет править космосом? Можем ли мы предотвратить или сдержать кровавые войны на полях сражений, набитых «виртуальными реальностями», «искусственным интеллектом» и автономным оружием — таким, которое, получив программу действий, само решает, когда и куда стрелять? Должен мир запретить или приветствовать целые классы нового оружия, предназначенного для бескровной войны?

Новая форма войны не выскочит в готовом виде из чьего-нибудь доктринального труда, как бы хорош он ни был. Не возникает она и из исследования опыта какой-то одной войны. Поскольку она отражает возникновение новой системы создания богатств и — фактически — целой новой цивилизации, она тоже возникает и развивается по мере того, как новая система и новая цивилизация распространяется по миру. Сегодня мы можем провидеть траекторию изменений самой войны по мере того, как углубляется и расширяется форма войн Третьей войны.

Итальянский политолог Гаэтано Моска спрашивал, почему политики, журналисты, специалисты по международным отношениям, гуру всех мастей поражены или удивлены насилием, вспыхнувшим по всему миру после холодной войны. «Когда кончается война большого масштаба, — писал он в 1939 г. в книге «Правящий

класс», — разве не оживает она в малом масштабе в виде ссор между семьями, классами и деревнями?». Оказывается, Москва был недалеко от истины, пусть даже оконченная война была не горячей, а холодной.

Сегодня мы видим ошеломляющее разнообразие сепаратистских войн, насилия на этнической и религиозной почве, государственных переворотов, пограничных споров, гражданских бунтов и террористических актов, толкающих толпы пораженных бедностью и сорванных с места войной эмигрантов (а с ними и орды наркокурьеров) через национальные границы. В современной все более глобальной экономике эти с виду малые конфликты порождают серьезные вторичные эффекты в окружающих (и даже отдаленных) странах. И потому сценарий «много малых войн» заставляет стратегов многих армий свежим взглядом посмотреть на так называемые «специальные операции» или «специальные силы» — тех, кто будет воевать в войнах за ниши завтрашнего дня.

Фильмы вроде «Рэмбо», ставящие бицепсы выше мозгов, давно устарели. Война получит новые технологии. Рассматриваются паразитические возможности. В июле 1992 г. генерал-майор Сидни Шэчноу из командования специальных операций запланировал к 2020 г. нечто вроде разработки «идентификации скрыто добытой ДНК», «полной замены крови» и даже «синтетической телепатии».

Что-то из этого может оказаться всего лишь фантастикой. Но другие новшества, не менее паразитические, наверняка ждут впереди. Мир должен сейчас начать думать не только о таких технологиях, но и о будущем «нишних войн» вообще и о форме войн Третьей волны, частью которых эти «нишние войны» являются. О более глубоких последствиях «нишних войн» Третьей волны едва ли даже задумываются правительства, борцы за мир и подавляющее большинство военных мыслителей. Каковы геополитические и социальные последствия быстрого развития сложных технологий «нишних войн»? Что будет с десятками тысяч обученных солдат специальных сил, выпущенных в гражданское общество?

«Те, кто мечтают о более мирном мире, должны перестать муссировать старые кошмары «ядерной зимы» и более свежим взглядом, давая волю воображению, подумать о политике, морали и военных реалиях «нишних войн» двадцать первого столетия»¹. В средневековой еврейской легенде рассказывается про автомат по имени Голем, который таинственным образом ожил, чтобы защищать своего владельца. Сегодня на горизонте новое поколение големов —

¹ Тоффлер Э. Война и антивоина. М., 2005. С. 151.

военные роботы, — и ни одно серьезное рассуждение о войне или борьбе с ней в Третьей волне не может не уделить им внимания.

Разговоры о роботах на поле боя идут давно, и цена им невысока. Еще с Первой мировой войны делались попытки построить военных роботов, и эти попытки налетали на всяческие препятствия. Неинформированная общественность по-прежнему представляет себе боевых роботов по фантастическим фильмам вроде «Робокопа» или «Терминатора-2», а офицеры-традиционалисты сохраняют скептицизм. И тем не менее военные мыслители всего мира начинают смотреть на эту технику свежим взглядом. Новые условия, как говорят они, создадут гораздо более сильные стимулы к роботизации. Роботы могут не только заменить пилотов рекогносцировочных вертолетов или водителей танков. Помимо сбора различных разведанных и целеуказания, их можно использовать для вывода из строя или обмана радаров противника, сбора данных о нанесенном противником ущербе, ремонта оборудования и оборонительных сооружений.

Издавна бывшие прерогативой макулатурных фантастических журналов и фильмов вроде «Проект Форбина», роботы, умеющие думать (или имитировать мыслительный процесс), сейчас впервые начинают серьезно рассматриваться людьми, которые разрабатывают военные технологии не слишком отдаленного будущего. Идеологический конфликт идет между сторонниками роботов «с человеком у руля» и «автономных» боевых роботов, достаточно разумных, чтобы действовать самостоятельно.

Роботы, лишённые морали и совести, полностью избавленные от страха самоубийства, могут стать идеальными террористами. Использование механических убийц наверняка породит панику и озабоченность среди жертв и даст террористам рекламу, в которой они так нуждались. Роботы могут принимать решения со скоростью, недоступной человеку, а это критически важно при ускорении темпа боя. Отсюда стремление создать робота, который сможет учиться на своем опыте.

Еще задолго до того как Леонардо да Винчи начал возиться с идеями летающих машин и фантастических предшественников танка, ракеты и огнемета, творческие умы старались представить себе оружие будущего. Сегодня, несмотря на сокращение военных бюджетов многих (но никак не всех) стран, военное воображение работает по-прежнему усердно. Если спросить военных мыслителей, что понадобится войскам в предстоящие годы, они из ящиков стола повытаскивают оглушительный список оружия мечты.

Армия США ждет «умной брони» для танков. При подлете снаряда сетка сенсоров, установленная на танке, измерит и определит тип снаряда и немедленно передаст эту информацию в бортовой компьютер. Миниатюрные взрывчатые «плитки» на броне танка будут отстрелены компьютером для отклонения или уничтожения снаряда. Такая усовершенствованная броня сможет отклонять и кинетические, и химические боеголовки. Другие стратеги рисуют полностью электрифицированное поле боя, предсказывая для артиллерии конец пороховой эпохи. В этом сценарии электроэнергия перемещает снаряд, а электроника наводит его на цель. Все машины электрические, подзаряжаемые, быть может, с самолета, который летает сверху и передает им заряды энергии.

Совсем по-другому будет выглядеть и солдат. Разрабатывается защитный костюм, который будет защищать от ядерного, химического и биологического оружия, будет снабжен прибором ночного видения и наголовным дисплеем. В него также будет входить система нацеливания, отслеживающая движение глаз, и она сможет навести оружие на любой предмет, на который смотрит солдат.

Эти и другие возможности будут все объединены в костюме, будто взятом из лаборатории спецэффектов Голливуда, — разумный экзоскелетный костюм, в порядке самообучения запоминающий повторяющиеся движения солдата, так что солдат сможет отшагать десять миль и при этом подремать по дороге. Костюм, увеличивающий силу своего обладателя в несколько раз. Как формулирует это генерал Харрисон: «Я этого парня посажу в экзоскелетный костюм, который позволит ему одним прыжком перепрыгивать дома». Не выходя за рамки известных физических законов, можно найти еще более поразительные возможности. Например, микромашин. Сегодня патентуются первые такие — например, робот размером с муравья, приводимый в движение электромотором меньше миллиметра. Не надо особого воображения, чтобы оценить, что может сделать такая армия муравьев с радарной установкой противника, или с двигателем его самолета, или с компьютерным центром.

Но эти микромашинки — огромные и громоздкие гиганты по сравнению с ожидаемым поколением наномашин. Если микромашинки будут манипулировать с клетками, то наномашинки — с молекулами, из которых клетки построены. Нанороботы будут достаточно малы, чтобы плавать в кровяном русле человека подобно подводной лодке, и смогут, среди прочего, выполнять хирургические операции на молекулярном уровне.

Работа над нанотехнологиями ведется в США и в Японии. Ученые Етаро Хатамура и Хироси Миросита подготовили труд по Пря-

мой Связи Между Наномиром и Миром Людей. Согласно обзору 25 ученых, работающих над нанотехнологиями, в ближайшие 10—25 лет мы не только научимся создавать устройства молекулярного масштаба, но и научим их самовоспроизводиться — то есть будем их разводить. Но чтобы увидеть новые ужасы, не надо ждать появления самовоспроизводящихся наномашин. Существует угроза, что задолго до того быстрое распространение передовых научных знаний превратит обычное химическое и биологическое оружие в так называемую «атомную бомбу для бедных». Сейчас по-прежнему есть трудности в работе с химическим и биологическим оружием, в его применении таким образом, чтобы не подвергнуть опасности собственные силы, но вряд ли это остановит завтрашних саддамов и пол потов.

Предостережение о расоспецифическом оружии приобретает особую актуальность в свете научного прогресса, связанного с инициативой «Геном человека», направленной на раскрытие секретов ДНК. Если глянуть на шаг дальше, то можно предвидеть создание с помощью биоинженерии или генной инженерии «паралюдей» для боя. Конечно, фантастика. Но уже не за пределами возможного. А есть еще экологическое оружие. Когда Саддам Хусейн поджигал нефтяные поля Кувейта, он делал лишь то, что, как утверждают некоторые историки, делали римляне, засевая солью поля Карфагена, или русские со своими полями в период Великой Отечественной войны, проводя политику «выжженной земли», чтобы оставить нацистских захватчиков без продовольствия. Да, конечно, США делали то же самое во Вьетнаме с помощью дефолиантов.

Но эти акты примитивны по сравнению с воображаемыми (и уже воображенными) возможностями развитого экологического оружия. Например, можно дистанционно вызывать землетрясения или извержения вулканов с помощью определенных электромагнитных волн; отклонять ветра, посылать в определенном направлении генетически измененных насекомых для уничтожения посевов; лазером прожигать дыры в озоновом слое над территорией противника; даже управлять погодой.

Разговоры о глобальном потеплении создали страшные картины подъема береговой линии по всему миру от таяния полярных шапок. Но сегодня мало кто помнит захватывающий план растопить льды Арктики, который приписывается Ленину вскоре после Русской революции.

Чтобы оценить возможности несмертельного оружия, если оно будет систематически развиваться, необходимо представить себе ситуации, в которых оно может быть применено. Можно вообразить, например, нападение на посольства западной страны толп

разъяренных фанатиков-экстремистов, скажем, в Хартруме, столице Судана. Эти толпы громят посольства, но, вопреки выкрикам «Смерть Америке!», американское посольство остается нетронутым, и ни один американец не захвачен в заложники.

Тысячные толпы приближаются к окруженному стеной посольству, и вдруг вожаки падают на землю, испражняясь и бляя. Сотни бунтовщиков сгибаются пополам и не могут ничего понять. Никто не подходит к посольству ближе чем на полквартила. Число пораженных рвотой и поносом растет, толпа рассыпается и постепенно рассеивается. Кто-кто кричит, что это наказание Аллаха.

Известно, что во Франции и других странах недавно был испытан усовершенствованный генератор для усмирения толпы. Он испускает звуки очень низкой частоты, которые можно настроить так, чтобы они вызывали потерю ориентировки, тошноту и утрату контроля над кишечником. Лазерные винтовки — не фантазия, они могут повреждать оптическую и инфракрасную аппаратуру противника. При использовании против человека они вызывают временную слепоту. Точно так же усыпляющие средства бывают не только в фильмах про Джеймса Бонда.

Литература

1. *Даниленко В.И.* Современный политологический словарь. М., 2000.
2. *Природа* против войны. Научные чтения, посвященные подготовке конференции, М., 1997.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего, М., 2004.
4. *Тоффлер Э.* Третья волна, М., 1999.
5. *Элвин и Хейди Тоффлер.* Война и антивоина. М., 2005.

Вопросы для повторения

1. Что такое современная война?
2. Как война связана с Третьей волной по Тоффлеру?
3. Какую роль в современной войне могут играть средства массовой информации?
4. Каков основной пафос книги Элвина и Хейли Тоффлеров «Война и антивоина»?
5. Что сказал о войне французский философ Ж. Бодрийяр?

Темы рефератов

1. Феномен войны.
2. Имитация войны.
3. Цивилизация и война.
4. Психологическая война.
5. Современные средства истребления.

Тема 4

Болезнь «колючей проволоки»

Ты меня научил не смиренню.
А чему, мы еще помянем.
Я пройду быстроходною тенью
Люциферовым темным огнем

Евгений Рейн

После Второй мировой войны многие психологи обратились к изучению экстремального опыта, который был связан с пребыванием в концентрационных лагерях. Они хотели получить ответ на вопрос: как повседневная жизнь в концлагере отражалась на психике рядовых узников? В поле зрения исследователей оказались не большие и знаменитые лагеря, а мелкие, в которых осуществлялась большая работа по реальному уничтожению людей. Появились работы, в которых речь шла не о страданиях и смерти великих людей и мучеников, не о выдающихся капо — узниках, занимавших привилегированное положение, или широко известных узниках. Психологи рассказывали не о страданиях сильных мира сего, но мучениях и смерти великой армии безымянных жертв. Это были рядовые заключенные, не носившие отличительных знаков на рукаве, и которые фактически презирали капо.

В то время как у этих обыкновенных узников было мало или совсем не было еды, капо никогда не были голодными. Фактически многие из капо питались в лагере лучше, чем когда-либо раньше в жизни. Часто они были более грубыми по отношению к узникам, чем охранники, и избивали их более жестоко, чем эсэсовцы. Эти капо, разумеется, выбирались из таких узников, которые по своему характеру подходили к подобного рода службам, и если они не соглашались с тем, чего от них ожидали, их немедленно убирали с этой должности. Они вскоре становились совершенно подобны эсэсовцам и лагерным охранникам и могли оцениваться на той же психологической основе.

Внешнему наблюдателю легко получить неверное представление о лагерной жизни, представление, искаженное сентиментальностью и жалостью. Он мало знает о трудной борьбе за существование среди узников. Это была непрестанная борьба за хлеб и саму жизнь, за собственное спасение и спасение своего друга. Австрийский психиатр и психолог *Виктор Франкл* (1905—1997), прошедший ужасы Ос-

венцима, в книге «Основы логотерапии. Психотерапия и религия» рассказывает о транспорте, который официально был предназначен¹ перевозить определенное число узников в другой лагерь. Но было трудно догадаться, что его конечным пунктом назначения были газовые камеры. Отобранные больные и слабые узники, не способные к работе, посылались в один из больших центральных лагерей, оборудованных газовыми камерами и крематорием. Процесс селекции был сигналом для борьбы среди всех узников или группы против группы. Имело значение лишь только то, чтобы твое имя и имя твоего друга было вычеркнуто из списка жертв, хотя каждый знал, что вместо одного спасенного человека нужно было найти другую жертву.

Определенное число узников должно было быть отправлено с каждым транспортом. Не имело значения, кто именно, так как каждый из них был не чем иным, как номером. По прибытии в лагерь (по крайней мере, так было в Освенциме) все их документы отбирались вместе с другими вещами. Каждый узник, следовательно, имел возможность назвать свое фиктивное имя или профессию; и по разным причинам так многие делали. Администрацию интересовали лишь номера заключенных. Эти номера часто татуировались на коже и также должны были нашиваться на одежду. Любой охранник, который хотел дать работу узнику, лишь бросал взгляд на его номер, но никогда не спрашивал его имя.

Не было ни времени, ни желания принимать во внимание моральные или этические соображения. Каждый, по словам Франкла, был во власти одной мысли: спасти свою жизнь ради ожидавшей дома семьи и избавить от смерти друзей. Без колебаний, таким образом, он готов был сделать так, чтобы другой узник, другой «номер» занял его место в транспорте (с. 118). Но кроме капо и эсэсовцев, существовал еще самоотбор, который происходил все время среди заключенных. В общем только те узники могли остаться в живых, которые за годы пребывания в разных лагерях утратили всякую совесть в борьбе за существование. Они были готовы воспользоваться любыми средствами, честными и нечестными, даже грубой силой, воровством и предательством своих друзей ради того, чтобы спасти самих себя. Это означало, что лучшие из узников не могли вернуться.

Многие описания фактов из жизни концентрационных лагерей уже хорошо известны. Франкл пытается сохранить такие примеры,

¹ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.

которые составляют часть переживаний человека. Бывшие узники часто говорили: «Мы не любим говорить о своих переживаниях. Никакие объяснения не нужны для тех, кто был там, а другие не поймут ни того, как мы чувствовали себя там, ни того, как мы чувствуем себя теперь».

Чтобы понять суть дела, нужна определенная мера отстраненности. Но разве человек, который делает свои наблюдения, обладает определенной отстраненностью? Такая отстраненность обеспечивается внешнему наблюдателю, но он слишком отдален, чтобы делать какие-либо реально ценные утверждения. Реально знание возможно лишь через познание изнутри. Суждения при этом не могут быть объективными, оценки — неискаженными. Это неизбежно.

Виктор Франкл тем не менее пытается внести вклад в психологию тюремной жизни, которая появилась после Первой мировой войны и которая познакомила нас с синдромом «колючей проволоки». Мы обязаны Второй мировой войне обогащением нашего знания «психопатологии масс», потому что война явилась для нервов войной и дала нам концентрационный лагерь.

Три фазы психических реакций узников

Когда изучаешь обширный материал, собранный в результате наблюдений и переживаний многих узников, становятся очевидными три фазы в развитии психических реакций заключенных на их лагерную жизнь: фаза, имеющая место непосредственно после заключения в лагерь; фаза адаптации и фаза, следующая за освобождением.

Первая фаза — шок

Симптомом, характеризующим первую фазу, является *шок*. При некоторых обстоятельствах шок может даже предшествовать формальному прибытию в лагерь. Вот как иллюстрирует это сам В. Франкл.

Полторы тысячи человек везли поездом несколько дней и ночей; в каждом купе находилось по восемнадцать человек. Всем приходилось лежать на своем багаже — немногих остатках личных вещей. Вагоны были настолько переполнены, что только верхние части окон пропускали немного света. Все ожидали, что поезд движется в направлении какой-нибудь фабрики, на которой нас будут использовать в качестве рабочей силы. Пронзительный свисток локомотива звучит жутко, подобно крику о помощи, крику сострадания к этой массе несчастных, обреченных на гибель людей.

Потом поезд свернул на запасной путь, очевидно, приближаясь к большой станции. Внезапно в толпе встревоженных людей раздается крик: «Смотрите — Освенцим». Должно быть у каждого в этот момент замерло сердце. Освенцим — за этим названием стояло все самое ужасное: газовые камеры, крематорий, жестокие избиения. Медленно, словно нехотя, поезд движется так, как будто хочет как можно дольше оттянуть момент осознания несчастными пассажирами ужасного факта — Освенцим!

С наступающим рассветом начали выступать очертания огромного лагеря: бесконечные, в несколько рядов ограждения из колючей проволоки, сторожевые вышки, прожектора и длинные колонны закутанных в лохмотья человеческих фигур, бредущих по прямым и пустынным дорогам неизвестно куда и зачем. Тут и там раздавались отдельные свистки и выкрики команд. Мы не знали, что они значили. В воображении Франкла возникли образы виселиц с висящими на них людьми. «Мне сделалось страшно, но в этом был и положительный момент, потому что шаг за шагом мы постепенно привыкали к безмерным ужасам (с. 121)».

Наконец, поезд прибыл на станцию. Раздавались крики команды. Отныне эти грубые, пронзительные крики придется слышать постоянно во всех лагерях. Они звучали почти подобно последнему крику жертвы, и все же как-то по-другому: сипящие и хриплые, словно вырывающиеся из горла человека, который кричит так непрерывно, человека, которого все время убивают. Двери вагона рывком распахиваются, и в него врывается группа заключенных. Они одеты в полосатую одежду, наголо остриженные, но выглядят вполне сытыми. Они говорят на всех возможных европейских языках и не без определенной дозы юмора, который в этой ситуации выглядит гротескно. «Подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, мой природный оптимизм (который часто руководил моими чувствами даже в самых отчаянных ситуациях) ухватился за мысль: эти заключенные выглядят совсем неплохо, они явно в хорошем настроении и даже смеются. Как знать? Возможно, и мне будет не так уж плохо» (с. 122).

Психиатрии известно определенное состояние так называемой *иллюзии «помилования»*. Приговоренный к смерти перед казнью начинает верить, что он будет помилован в последний момент. Прибывшие еще не знали, что существует специальная «элита», группа заключенных, предназначенная для того, чтобы встречать прибывшие составы с людьми, забирать их багаж и сохранившиеся драгоценности. Освенцим, видимо, был необычным местом в Европе в последние годы войны. Там собирались уникальные богатства: зо-

лото и серебро, платина и алмазы, не только на складах, но и в руках СС.

Всех нас, полторы тысячи человек, загнали в сарай, рассчитанный самое большее, вероятно, человек на двести. Мы были замершие и голодные, и не было достаточно места для каждого, чтобы сидеть на голом полу, не говоря уже о том, чтобы лежать. Один кусок хлеба весом в пять унций был нашей единственной за четыре дня пищей. Наибольшие выгоды, конечно, можно было получить в обмен на водку. Я теперь не помню точно, сколько тысяч марок стоило такое количество шнапса, которое требовалось для «веселого ужина», но я знаю, что долго находившиеся в лагере узники нуждались в шнапсе. При таких условиях кто мог бы обвинить их за стремление одурманить себя алкоголем? Была другая группа узников, которые получали спиртное в почти неограниченных количествах от СС: это были люди, занятые в газовых камерах и крематории и которые знали очень хорошо, что когда-нибудь их заменят другими людьми и что они оставят свою вынужденную роль экзекутора и сами станут жертвой (с. 123).

Почти каждый узник жил иллюзией, что приговор будет отменен, что все будет хорошо. Заключение не понимали смысла происходящего. Им велели оставить багаж в поезде и построиться в две колонны — женщины с одной стороны, мужчины — с другой. Быть посланным направо означало работу, путь налево — для больных и неспособных к работе, которые отправлялись в специальный лагерь. Так выглядела первая селекция относительно последующего существования-несуществования. Для огромного большинства это означало смерть. Их приговор приводился в исполнение в ближайшие несколько часов. Те, что были посланы налево, отправлялись со станции прямо в крематории.

Описывая события лагерной жизни, В. Франкл показывает, как иллюзии разрушались одна за другой. Затем большинство людей оказались охваченными мрачным юмором. Помимо этого странного чувства, заключенными овладело и любопытство как интенсивная реакция на некоторые обстоятельства. Холодное любопытство преобладало в Освенциме, каким-то образом отделяя разум от окружения, которое воспринималось с определенного рода объективностью. Приходилось культивировать данное состояние психики как средство защиты. Человеку, попавшему в чрезвычайную ситуацию, интересно, что случится в следующий момент, что будет следствием. Франкл отмечает, что много подобных сюрпризов ожидало тех, кто прибыл в Освенцим. Люди медицинской профессии поняли прежде всего следующее: «Учебники говорят неправду!» Где, например, говорится, что человек не может жить без сна такое-то ко-

личество часов. Совершенно неверно! Первую ночь в Освенциме они спали на нарах по девять человек, прямо на досках. На девять человек было выделено по два одеяла. Заключенные могли лежать лишь на боку, тесно прижатые друг к другу. Автор описывает удивительные вещи. Заключенные не могли чистить зубы и, несмотря на это и тяжелый авитаминоз, десны были более здоровыми, чем когда-либо раньше. Им приходилось носить рубаху по полгода, до тех пор, пока она не утрачивала вид рубахи. Помногу дней они не умывались из-за замерших водопроводных труб, болячки и ссадины на руках, которые были грязными от работы в земле, не гноились (по крайней мере, если руки не были обморожены). Люди, которые прежде спали чутко, теперь могли уснуть при огромном гуле, и не просыпались всю ночь.

Если бы теперь, подчеркивает Франкл, кто-нибудь спросил нас относительно истинности утверждения Достоевского, которое определяет человека как существо, способное привыкнуть ко всему, мы бы ответили: «Да, человек может привыкнуть ко всему, но не спрашивайте нас, как». Психологические исследования не продвинулись так далеко. Но узники находились пока на первой фазе своих психологических реакций.

Мысль о самоубийстве появлялась почти у каждого из заключенных, хотя бы на короткое время. Она порождалась безнадежностью ситуации, ежедневно и ежечасно подстерегающей угрозой смерти и близостью смерти многих других. Выживал, однако, только тот, кто говорил себе: «Я не брошусь на проволоку». Это лагерное выражение, обозначавшее самый частый метод самоубийства в лагере — прикосновение к колючей проволоке, находящейся под током высокого напряжения. Такое решение не представляло особой трудности. Однако в совершении самоубийства было мало смысла, так как для рядового узника жизненные ожидания, объективное вычисление всех возможных шансов представлялись крайне неутешительными. Он не мог с какой-либо надеждой рассчитывать остаться в числе тех немногих, кому удалось выжить, пройдя все селекции. Узник Освенцима во время фазы шока вообще не боялся смерти. Даже газовые камеры через несколько дней переставали вызывать ужас — в конце концов они избавляли от необходимости совершить самоубийство.

Вот что говорил своим друзьям один из опытных узников:

Но об одном я вас умоляю, если это вообще возможно, даже если для этого придется пользоваться куском стекла... даже если ради этого нужно будет отдать последний кусок хлеба. Вы будете выглядеть моложе, а от бриться ваши щеки будут выглядеть красно-

ватами. Если хотите остаться в живых, есть только один способ: выглядеть годными для работы. Если вы даже только хромаете, потому что, скажем, у вас на пятке мозоль, и эсэсовец заметит это, он отошлет вас в сторону, и на следующий день вы наверняка будете отправлены в газовую камеру. Вы знаете, кого здесь называют словом «мусульманин»? — Человека, который выглядит несчастным, жалким, больным и истощенным и который не может больше справляться с тяжелой физической работой. Раньше или позже, обычно вскоре, каждый «мусульманин» отправляется в газовую камеру. Потому помните: бриться, стоять прямо и ходить энергично; тогда вам можно не бояться газовой камеры. Все вы, стоящие здесь, даже если вы были здесь всего лишь двадцать четыре часа, можете не бояться газовой камеры.

Немецкий философ XVIII в. *Г. Лессинг* говорил: «Существуют вещи, которые могут заставить вас потерять разум, или же его вообще нет, чтобы потерять».

Ненормальные реакции на ненормальную ситуацию — это нормальное поведение. Даже психиатры готовы к тому, что реакции человека на ненормальную ситуацию, как, например, помещение его в психиатрическую больницу, будут ненормальными пропорционально степени его нормальности. Реакция человека на помещение его в концентрационный лагерь также представляет собой ненормальное состояние психики и типичную реакцию на данные обстоятельства.

Вторая фаза — относительная апатия, или эмоциональная смерть

Помимо уже описанных реакций узник испытывал безграничную тоску по дому и семье. Это чувство могло стать таким острым, что заключенный ощущал себя совершенно психически истощенным. Потом рождалось отвращение ко всему безобразию, которое его окружало, даже в его простых внешних формах. Большинство заключенных было одето в истрепанную униформу, придававшую человеку такой вид, по сравнению с которым пугало выглядело элегантным. Было принято вновь прибывавшего в лагерь включать в рабочую группу, в обязанности которой входила чистка уборных и устранение сточных вод. Если, как обычно бывало, во время транспортировки по ухабинам экскременты, выплескиваясь, попадали на его лицо, то за любое проявление отвращения или попытку стереть нечистоты узник получал удар от капо. И таким образом ускорялось отмирание нормальных реакций.

Сначала заключенный отворачивался, если видел наказание других людей. Он не мог видеть, как другие заключенные часами маршируют взад-вперед по грязи, направляемые ударами охранников. Дни или недели спустя положение вещей изменялось. Вот заключенного сбили с ног и избивают. У него был жар, но он не сообщил об этом своевременно. Теперь его наказывают за попытку получить освобождение от работы. Но заключенный, перешедший на вторую фазу психологических реакций, теперь уже не отводит свой взгляд в сторону. С этого момента его чувства притуплены, и он все созерцает бесстрастно.

Другой пример: заключенный ожидает своей очереди в лазарете, надеясь получить разрешение на пару дней легких работ на территории лагеря из-за травмы или температуры. Он равнодушно наблюдает, как вносят двенадцатилетнего мальчика, которого заставляли часами стоять в снегу или работать с голыми ногами, потому что обуви в лагере для него не было. Ноги у него были отморожены, и доктор отрезал почерневшие от гангрены ноги одну за другой. Отвращение, ужас и жалость — эмоции, которые уже не свойственны эску. Страдания, умирание и смерть через несколько недель становятся для него настолько привычным зрелищем, что уже не могут его волновать.

Заключенный может без какого-либо эмоционального возбуждения наблюдать с полным равнодушием, как тащат труп. Апатия, притупление эмоций и чувство безразличия ко всему были симптомами, которые появлялись во время второй стадии психических реакций и которые делали в конечном счете заключенного бесчувственным к повседневным и ежечасным реакциям. Таким образом, узник вскоре окружал себя совершенно необходимой защитной скорлупой. Избиениям узники подвергались по малейшему поводу, иногда и совершенно без всякой причины. Например, хлеб разделялся на порции, и узники устраивались в очередь. И здесь за малейшее отклонение от симметрии мог последовать удар. Это вызывало духовное страдание, причиненное несправедливостью, бессмысленностью происшедшего.

Довольно странно, но иногда удар, который не оставляет следа, при определенных обстоятельствах вызывает страдание большее, нежели удар, оставляющий след.

Однажды, пишет В. Франкл, — я стоял на железнодорожном полотне во время метели. Несмотря на непогоду, наша команда должна была продолжать работать. Я работал вполне усердно, засыпая полотно гравием, так как это был единственный способ согреться. На один только момент я остановился, чтобы перевести

дыхание и очистить мою лопату. К несчастью, охранник обернулся как раз в этот момент и подумал, что я бездельничаю. Страдание, которое он мне причинил, вызвано не оскорблениями и не ударами. Этот охранник считал ниже своего достоинства говорить что-либо, даже произносить ругательства по адресу оборванной, изможденной фигуры, стоящей перед ним и, вероятно, лишь смутно напоминавшей фигуру человека. Вместо этого, он, забавляясь, поднял с земли камень и бросил в меня. Это, в моем представлении, напоминало способ привлечения внимания домашнего животного, с которым имеют столь мало общего, что даже наказывают его (с. 132).

Рассказывая эти истории, Франкл отмечает, что бывают моменты, когда возмущение может вспыхнуть даже, по-видимому, у бесчувственного узника, — возмущение, вызванное не жестокостью или болью, но связанными с ними оскорблениями. И все-таки апатия, главный симптом второй фазы, была *необходимым механизмом самозащиты*. Восприятие действительности притуплялось, и все эмоции центрировались на одной задаче: сохранение собственной жизни. Было привычным при возвращении с рабочего места в лагерь слышать вздох облечения и фразу «Слава Богу, еще один день позади». Легко понять, что такое состояние напряжения, связанное с постоянной необходимостью концентрироваться на собственной жизни, приводило к тому, что внутренний мир человека оказывался примитивным. Речь шла о «регрессии» заключенных в лагере — возврате к более простой форме психической жизни. Их желания и стремления с очевидностью выражались в сновидениях.

Что снилось заключенному чаще всего? Хлеб, пирожные, сигареты и приятная теплая ванна. Это не было в реальности и являлось оно в грезе. Были ли полезны такие сновидения — другой вопрос; сновидец должен был, просыпаясь, переходить из мира сновидений к реальности лагерной жизни, к ужасному контрасту между этими двумя мирами.

Я никогда не забуду, как однажды проснулся от стонов соседа, который метался во сне, очевидно, в кошмарных мучениях. Так как я особенно беспокоился о людях, которые страдали кошмарными сновидениями, или бредом, я хотел разбудить несчастного. Внезапно я отдернул свою руку, готовую уже взяться за плечо товарища, испугавшись того, что собирался сделать. В этот момент я вдруг отчетливо осознал, что никакое сновидение, даже самое ужасное, не может быть столь кошмарным, как реальность лагеря, которая окружала нас и к которой я хотел его вернуть (с. 136).

Когда исчезали последние слои подкожного жира и узники становились похожими на скелеты, обтянутые кожей и одетые в лох-

мотя, тела начинали сами поедать себя. Организм переваривал свой собственный протеин, и мускулы исчезали. Тело тогда уже утрачивало силу сопротивления. Люди умирали один за другим. Каждый из узников мог с точностью рассчитать, чья очередь будет следующая и когда придет его собственная. Узники знали симптомы, которые делали прогнозы реальными. «Он не протянет долго» или «Этот будет следующим», — шептали они друг другу. Каждый думал о себе: «Это мое тело? Что стало из меня? Я превратился в маленькую порцию серой массы человеческой плоти»

Узники нередко говорили об еде. Самые сильные тосковали по тому времени, когда можно было вдоволь поесть вкусной пищи, но не ради самой хорошей пищи, а только для того, чтобы не думать о том, что наше существование скоро кончится. Те, кто не прошел через подобные переживания, едва ли могут представить себе ту разрушающую душу и силу воли психологические конфликты, которые переживает голодный человек. Им трудно понять, что это значит стоять в траншее и копать землю, слушая, когда прозвучит сирена, означающая небольшой перерыв, когда будут распределять маленькие порции хлеба (когда это еще было возможно), спрашивая вновь и вновь десятника (если это был доброжелательный человек) о времени; нежно ощупывать кусок хлеба в кармане, сперва поглаживать его замерзшими пальцами, потом отломить крошку и положить ее в рот, потом последним усилием воли дать себе обещание сохранить этот кусок хлеба на полдник.

Узники могли вести бесконечные дебаты о том, как лучше всего поступить с маленькой порцией хлеба, которая в последнее время выдавалось только раз в день. Было два направления мысли. Одно выступало за то, чтобы съесть хлеб немедленно. Этот способ имел двойную выгоду: уменьшение самых тяжелых мучений голода на очень короткое время, и исключение возможной кражи или потери хлеба. Другая группа, выступавшая в пользу разделения порции, приводила иные аргументы. Самым ужасным моментом из двадцати четырех часов лагерной жизни было пробуждение, когда еще в ночной час три резких свистка безжалостно вырывали узников из тяжелого сна и томлений, вызванных сновидениями. Потом узники начинали бороться с мокрой обувью, с трудом втискивая в нее изъязвленные и распухшие от болезни ноги.

У узников отсутствовало сексуальное влечение. Если не считать эффекта состояния шока во время первой фазы психических реакций, это можно объяснить феномен, который психологам приходилось наблюдать в этих условиях: в отличие от всех других строго мужских учреждений, например армейских казарм, здесь было мало

случаев сексуальных перверсий. Даже в сновидениях узников сексуальное влечение, по-видимому, не давало себя знать, хотя их фрустрированные эмоции и более тонкие и высокие чувства находили в них определенное отражение.

У большинства заключенных примитивность жизни и сосредоточенность всех усилий на стремлении спасти свою жизнь вели к полному игнорированию всего, что не служило этой цели. Это и было причиной полного отсутствия чувственности. В лагере обычно была «культурная спячка». Исключение составляли две темы: политика и религия. О политике говорили повсюду и почти постоянно; обсуждения основывались главным образом на слухах, которые моментально подхватывались и быстро распространялись. Слухи о военном положении обычно были противоречивыми. Они быстро сменяли один другой и лишь подогревали войну нервов, которые кипели в уме каждого узника. Много раз надежды на скорое окончание войны, которые освежались оптимистическими слухами, сменялись разочарованием. Некоторые из узников теряли всякую надежду, а неисправимые оптимисты были теми, кто больше всего раздражал товарищей.

Религиозный интерес у заключенных, возникнув и развившись, становился необычайно искренним. Глубина и сила религиозной веры часто удивляла и трогала вновь прибывших заключенных. Наибольшее впечатление в этой связи производили импровизированные молитвы и службы в углу барака или в темноте скрытого грузовика, на котором эков везли в лагерь с отдаленных рабочих участков, уставших, голодных и замерших в нашей изодранной одежде.

Зимой и весной 1945 г. свирепствовала эпидемия тифа, которым заразились почти все узники. Велика была смертность среди слабых, которые должны были оставаться на своей тяжелой работе так долго, как могли. Бараки для больных были совершенно необорудованными, практически не было ни лекарств, ни обслуживающего персонала. Некоторые из симптомов болезни были крайне неприятными: непреодолимое отвращение даже к кусочку пищи (что было дополнительной опасностью для жизни) и ужасные приступы бреда.

Самым тяжелым делирием страдал мой друг, — пишет Франкл, — который думал, что умирает, и хотел молиться. В состоянии делирия он не мог найти слов для того, чтобы молиться. Чтобы спастись от приступов делирия, я, как и многие другие, старался не засыпать большую часть ночи. Часами я мысленно сочинял речи. Фактически я начал восстанавливать рукопись, утраченную в де-

зинфекционной камере в Освенциме, записывая стенографически ключевые слова на маленьких клочках бумаги (с. 140).

Время от времени в лагере вспыхивали научные дебаты. Однажды Франкл был свидетелем такого действия, с каким никогда ранее сталкиваться не приходилось даже в нормальной жизни, хотя оно и было где-то близко к профессиональным интересам психолога: спиритического сеанса. В. Франкла пригласил принять участие в сеансе лагерный доктор (тоже заключенный), который знал о его специальности. Сеанс состоялся в маленькой комнате в больничном бараке. Собрался небольшой кружок, и даже, совершенно незаконно, явился офицер из санитарной команды.

Один из участников начал вызывать духов посредством некоего рода молитвы. Лагерный писарь сидел перед чистым листом бумаги безо всякого сознательного намерения писать. В течение ближайших десяти минут (по происшествии которых сеанс был окончен по причине неспособности медиума вызвать дух) его карандаш чертил на бумаге линии, образовавшие вполне разборчивое «*vae v*». Утверждалось, что он никогда не учил латынь и никогда не слышал слов «*vae victis*» — горе побежденному.

Вопреки вынужденной физической и психической примитивности лагерной жизни, можно было наблюдать углубление духовной жизни. Сенситивные люди, привычные к богатой интеллектуальной жизни, сильно страдали от боли (часто они были деликатной конституции), но нарушение их внутренней «самости» было меньше. Они были способны уходить от ужасного окружения к внутренне богатой жизни и духовной свободе. Только таким образом можно объяснить кажущийся парадокс, состоящий в том, что некоторые узники менее крепкого сложения часто, казалось, были способны лучше переживать лагерную жизнь, нежели люди физически крепкие.

Виктор Франкл рассказывает, как однажды узникам пришлось двигаться к работе. Они спотыкались в темноте о большие камни и замершие комья грязи, шагая по дороге из лагеря. Сопровождавшие охранники подгоняли криками и прикладами винтовок. Заключенные с больными ногами шли, опираясь на плечи товарищей. Шли молча, ледяной ветер не способствовал разговорам. Когда они шли, спотыкаясь, скользя на обледенелых местах, поддерживая друг друга: каждый думал о своей жене.

Меня пронзила мысль: впервые в жизни я увидел истину, воспетую многими поэтами, провозглашенную многими мыслителями. Истину, что любовь есть окончательная и высшая цель, к которой может стремиться человек. Тогда я понял смысл величайшей тайны, которую смогли раскрыть человеческая поэзия и человеческая

мысль и вера: спасение человека — в любви и через любовь. Я понял, как человек, которому ничего не оставалось в этом мире, еще может познать блаженство, хотя бы только на краткий миг; в созерцании того, кого он любит. В состоянии крайней покинутости, когда человек не может выразить себя в позитивном действии, когда его единственным достижением может быть лишь то, что он мужественно выдерживает свое страдание, — в таком положении человек может в любящем созерцании образа того человека, которого он любит, достичь своей духовной исполненности. Потому, что впервые в моей жизни был способен понять смысл слов: «Ангелы теряются в непрерывном созерцании бесконечного великолепия (с. 142).

Эта интенсификация внутренней жизни помогала узнику найти спасение от пустоты, покинутости и духовной бедности его существования, позволяя ему уходить в прошлое. Получая свободу, его воображение играло прошлыми событиями, часто незначительными, пустяковыми случаями и мелочами. Ностальгическая память преображала их, украшала, и они приобрели удивительный характер. Их мир и их существование казались очень далекими, и дух человека страстно устремлялся к ним. Когда внутренняя жизнь узника становилась более интенсивной, он также переживал красоту искусства и природы, как никогда прежде. Под их влиянием он иногда даже забывал о собственных страшных обстоятельствах. Если бы кто-нибудь увидел их лица во время переезда из Освенцима в баварский лагерь! Они смотрели на горы Зальцбурга с их вершинами, залитыми лучами заходящего солнца, через маленькие зарешеченные глазки тюремного вагона. Трудно было поверить, что это лица людей, утративших всякую надежду на жизнь и свободу.

В лагере узник также мог привлечь внимание работающего товарища к красивому зрелищу солнечного заката, сияющего над высокими деревьями баварских лесов (как на знаменитой акварели Дюрера), тех самых лесов, в которых они строили огромную скрытую фабрику военного снаряжения. Серо-грязные бараки составляли с этим резкий контраст, в то время как лужи на грязной земле отражали полыхающее красками небо. После несколько минут молчания один из заключенных сказал: «Как прекрасен мог бы быть мир»»

В последнем отчаянном протесте против безнадежности неминуемой смерти, — пишет Франкл, — я почувствовал, что мой дух проникает сквозь окутывающий мрак. Я почувствовал, как он выходит за пределы этого безнадежного, бессмысленного мира, и тут я услышал победное «Да» в ответ на мой вопрос о существовании последней цели... Все больше и больше я испытывал чувство, что

она присутствует здесь, что она со мной, что я прикоснулся к ней, взял ее руки в мои. Чувство было необычайно сильным: она была здесь. В этот самый момент откуда-то появившаяся птица опустилась прямо перед мной, села на кучу земли, выкопанной мною из канавы, и стала пристально смотреть на меня (с. 144—145).

Время от времени в лагере устраивалось импровизированное кабаре. Барак временно расчищался, несколько деревянных скамей составлялись вместе, сочинялась программа... Звучали песни, стихи, шутки, некоторые с сатирическим в отношении лагеря подтекстом. Все задумывалось, чтобы помочь экамам забыть, и это действительно помогало. Представление было настолько эффективным, что многие приходили посмотреть зрелище, несмотря на усталость и даже лишались своей порции пищи. Любое занятие искусством в лагере заключало в себе что-то гротескное. Реальное впечатление, производимое чем-либо, связанным с искусством, возникало лишь из контраста между представлением и фоном безутешной лагерной жизни. В концентрационном лагере существовало некое подобие искусства. В лагере можно было обнаружить даже и чувство юмора. Он был одним из средств борьбы за самосохранение. Хорошо известно, что юмор больше, чем что-либо иное в человеческой природе, может способствовать дистанцированию и способности подниматься над любой ситуацией, даже если только на несколько секунд. Иногда кто-нибудь из узников придумывал забавные сновидения о будущем, как, например, о том, что на званом ужине они могут забыть и попросить хозяйку зачерпнуть «со дна».

Попытки развить чувство юмора и способность видеть вещи в юмористическом свете являлись одним из важных способов овладения искусством жизни. И это было возможно даже в концентрационном лагере, в условиях непрерывного страдания. Можно провести аналогию: страдание человека напоминает поведение газа. Если определенное количество газа накачивается в пустую камеру, он заполняет камеру полностью и равномерно, независимо от того, сколь велика комната. Так и страдание заполняет душу и сознание человека независимо от того, большое это страдание или незначительное. Следовательно, «размер» этого страдания относителен.

Всякая пустячковая вещь может стать причиной огромной радости. Заключенные боялись, что их везут в лагерь, близко связанный с лагерем Дахау. Ходили слухи, что их везут в Маутхаузен. Напряжение становилось все больше и больше, по мере того, как они приближались к тому мосту через Дунай, по которому поезд должен был пройти, чтобы прибыть в Маутхаузен. Но как плясали от радости узники, увидев, что транспорт не пошел через мост, но вместо

этого направился «только» в Дахау. Когда узники прибыли на место, первой важной новостью было то, что в этом сравнительно небольшом лагере (в нем было 2500 заключенных) не было ни «печи», ни крематория, ни газовых камер! Это означало, что заключенный, который становился «мусульманином», не мог быть отправлен прямо в газовую камеру. Он должен был ожидать, пока будет организован специальный транспорт с больными обратно в Освенцим. Этот радостный сюрприз привел всех в состояние восторга.

Масштаб относительного счастья простирался еще дальше. Даже среди рабочих отрядов, работавших вне лагеря, были такие, которые считались хуже других. Можно было завидовать человеку, которому не нужно было продвигаться в глубокой слякотной глине на крутом склоне, прочищая рельсы небольшой железнодорожной ветки по двенадцать часов в день. Большинство несчастных случаев происходило на таких работах, и они часто заканчивались фатально. Узники были благодарны за малейшее проявление милосердия. Они были рады, когда наступало время избавиться от паразитов перед тем, как лечь спать, хотя само по себе это не составляло удовольствия, поскольку при этом приходилось оставаться голым в нетопленном бараке, в котором сосульки свисали с потолка. Но эски были благодарны судьбе, если не случалось воздушной тревоги во время проведения этой операции и не выключался свет.

Скудные радости лагерной жизни обеспечивали род негативного счастья, «свободы от страдания», по определению Шопенгауэра, и даже это лишь в относительном плане. Реальные позитивные удовольствия, даже мелкие, были крайне редкими. Много лет спустя после возвращения к нормальной жизни (то есть после освобождения из лагеря) один человек показал Франклу иллюстрированный еженедельник с фотографиями узников, тупо глядящих на зрителя со своих нар. «Разве это не ужасно, эти страшные оцепенелые лица и все это?». Но так ли? Ведь узники были довольны, прижимаясь друг к другу, чтобы сберечь тепло.

Характер человека подвергался таким воздействиям и трансформировался в результате до такой степени, что угрожало всем усвоенным ранее ценностям и ставило их под сомнение. Под влиянием условий, в которых не признавалась ценность человеческой жизни и человеческое достоинство, которые лишали человека его воли и делали его объектом, подлежащем уничтожению (спланированному, однако, таким образом, чтобы сначала использовать его до последней капли его физических ресурсов), — под эти влиянием утрачивались в конце концов личностные ценности.

Если человек в концентрационном лагере не боролся изо всех сил за то, чтобы спасти свое самоуважение, он утрачивал чувство своей индивидуальности, разума, внутренней свободы и личностной ценности. Тогда он начинал воспринимать себя лишь как часть огромной человеческой массы; его существование регрессировало до уровня существования животного. Человек становился частью стада, гонимого то в одно, то в другое место, то собираемого, то разделяемого, — подобно стаду овец без собственных мыслей и собственной воли. Небольшая, но опасная шайка сторожила их со всех сторон, изошренная в методах истязания и садизма. Они непрерывно гоняли стадо туда и сюда окриками, пинками, ударами. А овцы думали лишь о том, как спастись от злых псов и получить немного пищи.

Так же овцы жмутся к середине стада, так и каждый из узников старался попасть в середину нашего стада. Это давало больше шансов избежать ударов охранников, идущих по обеим сторонам, впереди и сзади колонны. Дополнительным преимуществом находящегося в середине была защита от холодного ветра. Это делалось автоматически. Но в других случаях это было вполне сознательным усилием со стороны заключенных, соответствующим одному из самых императивных законов самосохранения в лагере: не выделяться.

Бывали случаи, разумеется, когда было возможным и даже необходимым держаться в стороне от толпы. Хорошо известно, что вынужденная скученная жизнь, когда все время приходится обращать внимание на другого человека, вызывает непреодолимое стремление изолироваться, хотя бы на короткое время. Узник жаждет остаться наедине с самим собой и своими мыслями. Он стремится к уединению и одиночеству.

Внешнему наблюдателю трудно понять, как мало стоила человеческая жизнь в лагере. Узник концлагеря становится зачерствевшим, но, быть может, больше всего он начинал осознавать свое полное пренебрежение к человеческому существованию, когда организовывался обоз для отправки больных людей. Истощенные тела больных бросали на двухколесные тележки, а другие узники тащили их много миль, часто в метель, до другого лагеря. Если кто-нибудь из больных умирал еще до отправки, его все равно бросали на тележку — список должен быть точным! Список был единственным, что имело значение. Человек считался лишь постольку, поскольку был лагерным номером. Человек буквально становился номером: мертвым или живым: неважно; жизнь «номера» не имела никакого значения. Что стояло за этим номером и за этой жизнью, значило даже еще меньше — судьба, история, имя человека.

Отправляемых «мусульман» беззащитно осматривали, чтобы определить, не были ли у них пальто и обувь лучше собственных, чтобы обменяться с ними. В конце концов их судьба была решена. Но те, кто оставались в этом лагере, те, которые еще были способны выполнять какую-то работу, хотели использовать любые средства, чтобы увеличить свои шансы на выживание. Они не были сентиментальными. Узники ощущали себя полностью зависимыми от настроений охранников, игрушками судьбы, и это делало их еще менее человеческими, чем это могло быть оправдано обстоятельствами.

В лагере начинался канибализм.

Разве это не приводит на ум историю о Смерти в Тегеране? — пишет В. Франкл, — Богатый и могущественный персианин гулял однажды в своем саду с одним из своих слуг. Вдруг слуга воскликнул, что он только что повстречался со Смертью, которая напугала его. Он стал умолять своего господина дать ему самую лучшую лошадь, чтобы он мог ускакать в Тегеран, куда он смог бы попасть в этот же вечер. Господин согласился и слуга галопом ускакал в Тегеран. Вернувшись домой, господин сам повстречался со Смертью и спросил ее: «Зачем ты так напугала моего слугу?» — «Я не пугала его, я только удивилась, встретив его здесь, в то время как я рассчитывала встретиться с ним сегодня вечером в Тегеране (с.156).

Узники лагеря боялись принимать решения и проявлять какую бы то ни было инициативу. Это проистекало из чувства, что находишься во власти судьбы и что не следует пытаться каким-то способом влиять на нее; вместо этого лучше позволить судьбе определять ход событий. В дополнение к этому развивалась сильная апатия, в немалой степени влияющая на чувства заключенных. Иногда необходимо было принимать мгновенные решения, — решения, определяющие жизнь или смерть. Узник предпочитал предоставить судьбе делать выбор вместо себя. Эта тенденция проявлялась особенно ярко, когда необходимо было принимать решение за или против попытки побега. В такие минуты — а решение всегда должно приниматься в считанные минуты — узник испытывал муки ада. Должен ли он попытаться совершить побег? Следует ли пойти на риск?

Апатия узников, помимо ее роли как защитного механизма, обуславливалась также и другими факторами. Голод и недостаток сна способствовали ей (как это бывает также и в нормальной жизни), а также появлению *общей раздражительности* — другой особенности психического состояния узников. Недостаток сна частично был связан с тем, что переполненные бараки кишели паразита-

ми из-за полного отсутствия санитарии и гигиены. Тот факт, что у них не было ни кофеина, ни никотина, также способствовал апатии и раздражительности.

Помимо этих физических причин были также психические, представленные различными комплексами. Большинство узников страдало от некоторого рода комплекса неполноценности. Мы все когда-то были «кем-то» или, по крайней мере, считали себя «кем-то». Здесь же с эсками обращались так, как будто бы они представляли собой абсолютно ничто. (Осознание собственной внутренней ценности коренится в более высоких, более духовных слоях и не может быть разрушено лагерной жизнью. Но многие ли свободные люди, не говоря уж о заключенных, обладают им?). Не думая осознанно об этом, в то же самое время рядовой заключенный чувствует себя крайне деградированным. Это становится очевидным при наблюдении контраста в отношении обособленной социологической структуры лагеря.

Наиболее «выдающиеся» узники (капо, повара, кладовщики и лагерные полицейские) вовсе не чувствовали себя неполноценными, как большинство узников, но, напротив, испытывали чувство достигнутого успеха. У некоторых даже развивалась мания величия в миниатюре. Психические реакции зависти и злости у большинства по отношению к этому привилегированному меньшинству выражались различными способами, иногда посредством анекдотов.

Всякий раз, когда деградированное большинство и привилегированное меньшинство сталкивалось в конфликте (а для этого возможностей было больше чем достаточно, начиная с распределения пищи), результаты были взрывоподобны. Следовательно, общая раздражительность усиливалась в результате этого психического напряжения. Неудивительно, что это напряжение часто разряжалось общей дракой. Поскольку узники постоянно были свидетелями сцен избиения, импульсы к насилию усиливались.

Пытаясь дать психологическое описание и психопатологическую трактовку типичных характеристик узников концентрационного лагеря, можно создать впечатление, будто бы человек оказывался под полным и неизбежным влиянием его окружения. (В данном случае окружением являлась уникальная структура лагерной жизни, вынуждавшая узника приспосабливать свое поведение к определенному набору моделей.) Но что же сказать о человеческой свободе? Разве не существует духовной свободы в отношении поведения и реакций на любое окружение? Разве соответствует истине теория, которая считает человека не более чем продуктом многих обуславливающих факторов среды — будь то биологической, пси-

хологической или социологической природы? Является ли человек всего случайным продуктом этих факторов? И самый важный вопрос: доказывают ли реакции узников на своеобразный мир концентрационного лагеря, что человек не может избежать влияний окружающей среды? Что человек не имеет выбора действий в подобных обстоятельствах?

Опыт лагерной жизни показал, что у человека имеется возможность выбора действий. Было достаточно примеров, часто героического плана, доказывающих, что апатия может быть преодолена, раздражительность подавлена. *Человек может сохранить частицу духовной свободы*, независимости разума даже в таких ужасных условиях психического и физического стресса.

Узники лагерей поддерживали других, делились с ними последним куском хлеба. Их могло быть немного, но они являют собой доказательство того, что все можно отнять у человека, за исключением одного: последней частицы человеческой свободы — свободы выбирать свою установку в любых данных условиях, выбирать свой собственный путь. И там всегда можно было сделать выбор. Каждый день, каждый час давал возможность принять решение, которое определяло, подчинишься ли ты или нет тем силам, которые грозили лишить тебя твоей самости, твоей внутренней свободы, которое определяло, станешь ты или нет игрушкой обстоятельств, отказавшись от свободы и достоинства. С тем чтобы стать сформированным по образцу типичного узника.

Психические реакции узников концентрационных лагерей представляют собой нечто большее, чем просто выражение определенных физических и социологических условий. Даже если условия, такие как недостаток сна, пищи и всевозможные психические стрессы, навязывают узникам определенные способы реагирования, в конечном счете становится очевидным, что личность заключенного обуславливается собственными внутренними решениями, а не единственно влиянием лагерных условий.

В принципе, следовательно, любой человек может, даже в подобных обстоятельствах, решать, каким он станет психологически и духовно. Он может сохранить человеческое достоинство даже в концентрационном лагере. Достоевский сказал однажды: «Есть только одна вещь, которой я боюсь: не быть достойным моих страданий».

Многие люди оказывались достойными своих страданий. То, как они их принимали, оказывалось их достижением. Именно эта *внутренняя свобода*, которая не может быть отнята, является тем, что сообщает жизни смысл и целенаправленность.

Активная жизнь служит человеку возможностью реализации ценностей в творческой свободе, в то время как пассивная жизнь радостного созерцания дает ему возможность достичь самоосуществления в переживании красоты, в искусстве или природе. Но существует цель и в такой жизни, которая почти лишена как возможности творчества, так и наслаждения красотой. Эта цель связана с возможностью высокоморального поведения, а именно с установкой человека в отношении его существования, ограниченного внешними силами. Творческая жизнь и жизнь радостного созерцания недоступны ему. Но не только творчество и наслаждение красотой обеспечивают смысл существования. Если есть смысл жизни вообще, то должен быть смысл и в страдании. *Страдание* — неотъемлемая часть жизни, так же как судьба и смерть. Без страдания и смерти человеческая жизнь не может быть полной.

По мнению Виктора Франкла, способ, каким человек принимает свою судьбу и страдания, которые она приносит, то, как он несет свой крест, дает ему немалые возможности, даже при самых трудных обстоятельствах, придать более глубокий смысл своей жизни. Он может остаться мужественным, достойным и бескорыстным. Или же в ожесточенной борьбе за самосохранение он может забыть свое достоинство и стать не более чем животным. Здесь имеется шанс для человека либо использовать, либо упустить возможность осуществления моральных ценностей, которые ему предоставляет трудная ситуация. И этим определяется, будет ли он достоин своих страданий или нет.

Не следует думать, подчеркивает Франкл, что эти рассуждения слишком далеки от реальной жизни. Это верно, что лишь немногие люди способны к достижению таких высоких моральных стандартов. Из заключенных лишь немногие сохранили свою подлинную внутреннюю свободу и достигли тех ценностей, которые позволяли достичь их страдания, но даже один такой пример был бы достаточным доказательством, что внутренняя сила человека позволяет ему подняться над его внешней судьбой. Такие люди были не только в лагере. Повсюду человек сталкивается с судьбой, с шансом превратить свои страдания в достижение.

Внутреннюю самость узника определяли не столько психофизические причины, сколько результат свободного решения. Психофизиологические наблюдения заключенных показали, что только те из них, кто окончательно утрачивал внутреннюю моральную опору в лице духовной самости, падали жертвой дегенерирующих влияний лагеря. Теперь возникает вопрос: что может или должно составлять эту «внутреннюю опору»?

Бывшие узники, которые писали или рассказывали о своих переживаниях, согласны в том, что из всех влияний наиболее угнетающим было то, что узник не мог знать, сколь длительным будет его заключение. У него не было никакого представления о том, что как долго ему придется ждать освобождения — подчас даже не имело смысла говорить об этом. Фактически срок заключения был не только неопределенным, но и неограниченным. Один известный психолог говорил, что жизнь в концентрационном лагере может быть названа «временным существованием». Можно добавить, что это временное существование не имело обозначенных границ.

Вновь прибывающие заключенные обычно ничего не знали об условиях в лагере. Те, кто возвращались из других лагерей, были обязаны молчать, а из некоторых лагерей не возвращался никто. С прибытием в лагерь в психике заключенных происходила трансформация. С концом неопределенности возникала неопределенность конца. Было невозможно предугадать, окончится ли, и если да, то как скоро, эта форма существования.

Латинское слово *finis* имеет два значения: конец или финиш и цель, которую надо достичь. Человек, который не мог предвидеть конца своего «временного существования», не мог ставить перед собой какую-либо значительную цель жизни. Он переставал жить, ориентируясь на будущее, в отличие от людей, живущих в нормальных условиях. Следовательно, вся структура его внутренней жизни претерпевала изменения; обнаруживались признаки деградации, знакомые нам из других сфер жизни. Безработный, например, находится в подобном положении. Его существование стало временным, и в определенном смысле он уже не может жить для будущего, для реализации значимой перспективной цели. Исследования безработных шахтеров показали, что у них происходит определенная своеобразная деформация чувства времени — внутреннего времени, обусловленная их положением в качестве безработных.

Узники также испытывали это специфическое искажение чувства времени. В лагере небольшая единица времени, например день, наполненная ежечасными мучениями и усталостью, казалась бесконечной. Большие единицы времени, например неделя, казалось, проходили очень быстро. Сколь парадоксальным было переживание времени! В этой связи вспоминается «Волшебная гора» Т. Манна, произведение, в котором можно найти некоторые очень точные психологические замечания. Манн анализирует духовное развитие людей, которые находятся в аналогичном психологическом положении, то есть пациентов туберкулезного санатория, которые также

не знали дату своей выписки. Они переживали сходное существование — без будущего и без цели.

Чувство безжизненности усиливалось еще другими причинами: во времени это была неограниченность срока заключения, которая переживалась наиболее остро — в пространстве — узкие границы лагеря. Все за пределами колючей проволоки становилось отдаленным, недостижимым и, следовательно, нереальным. События и люди за пределами лагеря, вся нормальная жизнь там, вовне, приобретала в восприятии узника призрачный характер. Внешняя жизнь, таким образом, насколько он мог ее видеть, представлялась ему почти так, как могла бы казаться покойнику, наблюдающему ее с того света.

Человек, который деградировал, потому что не видел в будущем цели, погружался в ретроспективные мысли. В различной связи уже говорилось о тенденции уходить в прошлое, чтобы сделать настоящее, со всеми его ужасами, менее реальным. Но в лишении настоящего его реальности кроется определенная опасность. При этом не замечаются возможности сделать нечто позитивное из лагерной жизни, возможности, которые действительно существуют. Восприятие нашего «временного существования» как нереального само по себе было существенным фактором, обуславливающим потерю узниками опоры в жизни; все некоторым образом становилось бессмысленным. Эти узники забывали, что часто именно такая исключительно трудная внешняя ситуация дает человеку возможность духовно перерасти самого себя. Вместо того, чтобы воспринимать трудности лагеря как испытание их внутренней силы, они не принимали свою жизнь серьезно и начинали пренебрегать ею как чем-то несущественным. Они предпочитали закрывать глаза и жить в прошлом. Жизнь для таких людей становилась бессмысленной.

Естественно, лишь немногие люди были способны достичь великих духовных высот. Но немногим был дан шанс достичь такого человеческого величия, даже через их, по видимости, мирскую неудачу и смерть, которого в обычных обстоятельствах они никогда бы не достигли. К другим, рядовым и малодушным, применимы слова Бисмарка: «Жизнь подобна приему у зубного врача. Вы все еще думаете, что самое худшее впереди, а тем временем все уже сделано».

Перефразируя, можно было бы сказать, что большинство людей в концентрационном лагере верило, что реальные возможности жизни уже позади. Однако на самом деле перед ними была возможность и вызов. Человек может сделать победу из этих пережи-

ваний, превратить жизнь во внутренний триумф, или же игнорировать этот вызов и просто деградировать, как большинство узников.

Любая попытка преодоления психопатологических влияний лагеря на узника посредством психотерапевтических и психогигиенических методов должна была быть нацелена на то, чтобы сообщить ему внутреннюю силу, указав будущую цель, к которой он мог бы стремиться. Инстинктивно некоторые из узников сами пытались найти себе такую цель. Важнейшей особенностью человека является то, что он может жить, только лишь глядя в будущее — *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности). И в этом заключается его спасение в самые трудные моменты его существования, хотя иногда он вынужден собрать все свои душевные силы для решения этой задачи.

Узник, терявший веру в будущее — его будущее, сам себе подписывал *приговор*. С потерей его веры в будущее он также утрачивал свой духовный стержень; он ломался и деградировал физически и психически. Обычно это случалось внезапно, в форме кризиса, симптомы которого были хорошо знакомы заключенным. Обычно это начиналось с отказа узника одеваться и умываться утром и выходить на плац. Ни уговоры, ни удары, ни угрозы не имели ни малейшего эффекта. Он оставался лежать на нарах без движения. Если этот кризис совпадал с началом заболевания, больной отказывался от перемещения в барак для больных и от любой помощи. Он просто сдавался. Так он оставался лежать в собственных экскрементах, и ему ни до чего больше уже не было дела.

Тем, кому известно, сколь тесно связаны состояние психики человека — его мужество и надежда, или их полное отсутствие — и состояние иммунитета его тела, будет вполне понятно, что внезапная утрата мужества может вести к смертельному исходу. Вот как описывает В. Франкл наблюдения главного врача лагеря. Дело в том, что в период между Рождеством 1944 г. и новым годом 1945 г. наблюдалось резкое увеличение смертности среди узников концлагеря. По его мнению, этот феномен не был обусловлен ни ухудшением условий работы, ни ухудшением питания, ни изменением погоды, ни новой эпидемией. По мере приближения праздников и в силу отсутствия обнадеживающих известий узники утрачивали мужество и впадали в отчаяние. А это оказывало опасное влияние на их силы сопротивления, и в результате для многих из них смертельный исход становился неизбежным.

Любая попытка восстановления внутренней силы узника предполагает в качестве важнейшего условия успеха отыскание некоторой цели в будущем. Слова Ницше «*Тот, у кого есть для чего жить,*

может выдержать почти любое как» могли стать руководящим девизом для любых психотерапевтических и психогигиенических усилий в стремлении помочь узникам. В любом случае, когда была для этого возможность, необходимо было помочь им обрести это для чего — цель для их жизни, — с тем, чтобы дать им силу выдержать ужасное *как* их существования, а значит терял всякую точку опоры. Вскоре он погибал. Типичным ответом такого человека на все подбадривающие аргументы было «Мне нечего ждать от жизни». Что можно сказать на это?

Что действительно было необходимо в этих обстоятельствах, так это изменение установки к жизни. Узники должны были научиться сами и научить отчаявшихся товарищей, что реально значимым является не то, чего мы ожидаем от жизни, но скорее то, чего жизнь ожидает от нас. Надо перестать спрашивать о смысле, а вместо этого начать думать о самих себе, как о тех, кому жизнь задает вопросы ежедневно и ежечасно. Наш ответ должен состоять не в разговорах и размышлениях, но в правильных действиях, и жизнь означает в конечном счете принятие ответственности за нахождение правильного ответа на ее проблемы и решение задач, которые она постоянно ставит перед каждым индивидом.

Эти задачи, по мнению В. Франкла, и, следовательно, смысл жизни, различаются от человека к человеку и от момента к моменту. Таким образом, невозможно определить смысл жизни в общем. На вопросы о смысле жизни никогда нельзя дать ответ в общих выражениях. «Жизнь» не означает нечто неопределенное, но всегда является чем-то реальным и конкретным, точно так же, как и жизненные задачи всегда реальны и конкретны. Они формируют судьбу человека, которая у каждого отлична от других и уникальна. Ни одного человека с его судьбой нельзя уподобить никакому другому и никакой другой судьбе. Ни одна ситуация не повторяется, и каждая ситуация требует иного решения.

Иногда обстоятельства, в которые попадает человек, заставляют его *формировать свою собственную судьбу посредством действия*. В другом случае предпочтительнее для него воспользоваться *возможностью созерцания* и таким способом реализовать свои возможности. Иногда от человека требуется просто принять свою судьбу, нести свой крест. Каждая ситуация отличается своей уникальностью, и всегда существует лишь один правильный ответ на проблему, содержащуюся в данной ситуации.

Когда человек видит, что ему судьбой предназначено страдать, он должен принять свое страдание как свою задачу, единственную и уникальную. Он должен осознать тот факт, что даже в страдании

он единствен и уникален во вселенной. Никто не может освободить его или заменить в его страдании. Его уникальная возможность определяется тем, каким образом он несет свое бремя. Для многих уже позади та стадия, когда можно задаваться вопросом, в чем состоит смысл жизни, та наивная позиция, которая исходит из понимания жизни как достижения определенной цели через творческое достояние и достижение чего-то ценного. Смысл жизни охватывает широкие круги жизни и смерти, страдания и умирания.

После того как смысл страдания претерпел переоценку в наших глазах, — писал Франкл, — мы отказывались минимизировать или смягчать лагерные мучения посредством игнорирования их, или питая ложные иллюзии и демонстрируя искусственный оптимизм. Страдание стало задачей, от которой мы уже не хотели отворачиваться. Мы осознали его скрытые возможности для достижения возможности, которые побудили поэта Рильке написать: «Как много существует страданий, через которые надо пройти!». Рильке говорил о «прохождении через страдания», как другие говорили бы о «прохождении через труд». У нас было великое множество страданий, через которые надо было пройти. Следовательно, было необходимо изменить полной мерой всю полноту страдания, постаравшись свести до минимума моменты слабости и пролитых укордкой слез. Но незачем было стыдиться слез, ибо слезы свидетельствовали о том, что человек являет величайшее будущее — мужество страдания. Лишь немногие сознавали это. Стыдясь, некоторые иногда признавались, что они плакали, как например товарищ, который ответил на мой вопрос, как ему удалось справиться со своей болезнью ног, признавшись: «Я выплакал ее из моего организма» (с. 173—174).

Незначительные попытки психотерапии и психогигиены, когда они в лагере вообще были возможны, были либо индивидуальными, либо коллективными. Индивидуальные попытки часто имели характер «жизнеспасающей процедуры». Эти усилия обычно были направлены на предотвращение суицида. В лагере было строжайше запрещено спасать пытающихся совершить самоубийство. Было запрещено, например, перерезать веревку, на которой заключенный пытался повеситься. Следовательно, особенно важно было предупреждать подобные попытки.

Возможности для коллективной психотерапии в лагере, естественно, были ограниченными. Непосредственное поведение всегда было более эффективным. Но иногда и слово оказывало сильное воздействие. Ведь психическая восприимчивость была повышена некоторыми внешними обстоятельствами. Бывает так, что страда-

ния и смерть полны смысла. Жертвенность ведь тоже имеет глубочайший смысл.

Третья фаза — психология узника после его освобождения

Человеческую доброту можно встретить везде. Границы между группами частично перекрываются. Заключенные воспринимали отсутствие сострадания со стороны охранников особенно болезненно. Но их также трогало малейшее проявление доброты со стороны этих людей. Жизнь в концентрационном лагере вскрывает человеческую душу и обнаруживает ее глубины. Удивительно ли, что в этих глубинах мы снова находим лишь те человеческие качества, которые по самой их природе представляли смесь добра и зла? Граница, разделяющая добро и зло, проходит через всех людей и становится очевидной даже на дне пропасти, которая открывается в концентрационном лагере.

То, что происходило с узниками, на психологическом языке можно было бы определить понятием *деперсонализации*. Все казалось нереальным, непохожим ни на что, — как во сне. У тела меньше ограничений, чем у психики. Оно воспользовалось вновь обретенной свободой с самого начала. Оно принялось с жадностью поглощать пищу, часами и днями и даже по ночам.

Путь, который вел от сильнейшего психического напряжения послелагерных дней (от этой войны к психическому миру), определенно не был свободен от препятствий. Было бы ошибкой подумать, что освобожденный узник больше не нуждался в духовной поддержке и заботе. Человек, который столь долго находился под таким огромным психическим давлением, естественно, после освобождения находится в большой опасности, особенно в тех случаях, когда давление снимается внезапно. Эта опасность (в смысле психологической гигиены) представляет аналог кессонной болезни. Точно так же, как физическое здоровье водолаза было бы в опасности, если бы его подводная камера поднималась слишком быстро. Так и у человека, который внезапно освободился от психического давления, могли возникнуть нарушения его морального и духовного здоровья.

Во время этой психологической фазы можно было наблюдать, как люди более примитивного склада не смогли избежать пагубных влияний кошмарных условий жизни в лагере. Теперь, оказавшись свободными, они думали, что могут использовать свою свободу со всей распушенностью и безжалостностью. Единственное, что изме-

нилось для них, было то, что теперь они из угнетенных превратились в угнетателей. Если они прежде были объектами насилия, то теперь стали теми, кто сами применяют насилие и допускают несправедливости. Они оправдывали свое поведение собственными ужасными переживаниями. Подобная установка часто обнаружилась в кажущихся незначительных событиях.

С трудом удавалось довести до таких людей элементарную истину, что ни один человек не имеет права поступать несправедливо, даже если так поступали с ним. Надо было помочь этим людям осознать такие истины. Помимо моральной деформации, обнаружившейся после внезапного снятия психического давления, были два других фундаментальных переживания, которые угрожали деформированием характера узника: горечь обиды и утрата иллюзий, когда он возвращался к своей прежней жизни. Горечь обиды вызывалась рядом вещей, с которыми человек сталкивался, вернувшись в родной город. Ведь многие встречали их равнодушием.

Переживание утраты иллюзий носит иной характер. Здесь были не другие люди (чья поверхностность и черствость были столь отвратительны, что в конце концов вызывали такое чувство, что хотелось бы заползти в нору и больше не видеть и не слышать ни одного человеческого существа), но сама судьба, которая казалась такой жестокой. Человек, который в течение нескольких лет думал, что он достиг абсолютного предела возможных страданий, теперь видел, что страдание не имеет границ и что он может страдать еще больше и еще сильнее.

Для некоторых людей оказывалось, что никто их не ждал. Горе тому, кто узнавал, что человека, память о котором единственно давала ему мужество для существования в лагере, больше не было! Горе тому, кто находил, когда день осуществления его грез наконец наступал, что действительность столь сильно отличалась от того, по чему он так тосковал! Быть может, он ехал домой, как делал это мысленно тысячи раз за эти годы и только лишь мысленно, нажимал кнопку звонка, как тысячи раз в своих грезах и снах, только лишь для того, чтобы узнать, что человека, который должен был открыть дверь, уже нет и никогда не будет.

Узники не были готовы к отсутствию счастья. Эта утрата иллюзий, которая ждала немалое число узников, была таким переживанием, которое оказалось для этих людей слишком тяжелым, чтобы пройти через него.

У каждого времени свои невроты — и каждому времени требуется своя психотерапия. По мнению Виктора Франкла, сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребно-

стей, как во времена Фрейда, а с *фрустрацией потребностей экзистенциальных*. Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты. В. Франкл называет это «экзистенциальным вакуумом»¹.

В отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно. Но в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие (конформизм), либо делает то, что другие от него хотят (тоталитаризм). За этими двумя следствиями важно не упустить и не забыть третье, а именно появление специфических невротических заболеваний, которые В. Франкл обозначил как *ноогенные неврозы*. В отличие от неврозов в узком смысле слова, являющихся, по определению, психогенными заболеваниями, ноогенные неврозы проистекают не из комплексов и конфликтов в традиционном смысле слова, а из *угрызений совести, из ценностных конфликтов* и (не в последнюю очередь) из *экзистенциальной фрустрации*, проявлением и воплощением которой может в том или ином случае выступить невротическая симптоматика.

При ноогенных неврозах имеет место иная картина болезни, которая не только в диагностическом, но и в терапевтическом аспекте не вмещается в границы компетенции традиционной психиатрии. Как известно, существует так называемая *глубинная психология*. Где же, однако, «вершинная психология», включающая в поле своего зрения стремление к смыслу? Во всяком случае от стремления к смыслу нельзя отмахнуться, как от простого хотения, смиренного пожелания. Скорее речь идет о «самоосуществляющемся пророчестве», как называют американцы рабочую гипотезу, которая сама выступает причиной того, что в ней же прогнозируется.

Американский психолог *Абрахам Маслоу* ввел различие низших и высших потребностей, имея в виду при этом, что удовлетворение низших потребностей является необходимым условием для того, чтобы были удовлетворены и высшие. К таким потребностям он причисляет и стремление к смыслу, называя его даже при этом «первичным человеческим побуждением». Это свелось, однако, к тому, что человек начинает интересоваться смыслом жизни лишь тогда, когда жизнь у него устроена («сначала пища, потом мораль»). Этому, однако, противоречит то, что мы имеем возможность посто-

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 24.

янно наблюдать в жизни: потребность и вопрос о смысле жизни возникает тогда, когда человеку живется хуже некуда. Свидетельством тому являются умирающие люди из числа наших пациентов, а также уцелевшие бывшие узники концлагерей и лагерей для военнопленных.

Вместе с тем, разумеется, не только фрустрация низших потребностей порождает вопрос о смысле, но и удовлетворение низших потребностей, в частности, в «обществе изобилия». Стремление к смыслу представляет собой мотив по определению, который несводим к другим потребностям и невыводим из них. Мы встречаемся здесь с феноменом, который можно считать фундаментальным для понимания человека: с самотрансценденцией человеческого существования! За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания.

У человека, который особенно добивается наслаждений и развлечений, оказывается, в конечном счете фрустрировано его стремление к смыслу, или, говоря словами Маслоу, его «первичные запросы». Если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов. На самом деле нормальное ощущение счастья не выступает в качестве цели, к которой человек стремится, а представляет собой скорее просто сопутствующее явление, сопровождающее достижение цели. Это сопутствующее явление, этот «эффект» может быть, однако «уловлен», и принятие алкоголя дает такую возможность.

Фрейд писал в одном из своих писем:

Когда человек задает вопрос о смысле и ценности жизни, он нездоров, поскольку ни того, ни другого объективно не существует, ручаться можно лишь за то, что у человека есть запас неудовлетворенного либидо.

Однако на самом деле специфически человеческим проявлением можно считать не только постановку вопроса о смысле жизни. Можно ставить под вопрос и существование этого смысла. В част-

ности, привилегией молодых людей является демонстрация своей взрослости прежде всего тем, что они ставят под сомнение смысл жизни, и этой привилегией они более чем активно пользуются.

Эйнштейн как-то заметил, что тот, кто ощущает свою жизнь лишенной смысла, не только несчастлив, но и вряд ли жизнеспособен. Действительно, стремление к смыслу обладает тем, что в американской психологии получило название «ценность для выживания».

Не последний из уроков, который мне удалось вынести из Освенцима и Дахау, — пишет В. Франкл, — состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать. Позднее американские психиатры получили этому подтверждение на материале военнопленных, находившихся в японских, северо-корейских и северо-вьетнамских лагерях. Не должно ли то, что является верным по отношению к отдельным людям, быть верно и по отношению к человечеству в целом? И не должны ли мы в рамках так называемых исследований проблем мира уделить внимание вопросу: не заключается ли единственный шанс человечества на выживание в общей для всех задаче, в одном общем стремлении к одному общему смыслу? (с. 36)

Попытка дать человеку смысл свелась бы к морализированию. А мораль в старом смысле слова уже доживает свой век. Через какое-то время мы уже не будем морализировать, мы онтологизируем мораль. Добро и зло будут определяться не как нечто, что мы должны делать или соответственно делать нельзя; добром будет представляться то, что способствует осуществлению человеком возложенного на него смысла, а злом будем считать то, что препятствует этому осуществлению.

Смысл нельзя дать, его нужно найти. Процесс нахождения смысла подобен восприятию гештальта. Уже основатели гештальт-психологии К. Левин и М. Вертгеймер говорили о побудительном характере, присущем каждой отдельной ситуации, в которой мы сталкиваемся с действительностью. Вертгеймер зашел даже так далеко, что приписал содержащемуся в каждой ситуации требованию объективный характер. Т. Адорно, впрочем, также ясно говорит: «Понятие смысла включает в себя объективность, несводимую к деятельности».

Отличает нахождение смысла от восприятия гештальта следующее: в отличие от восприятия просто фигуры, которая бросается нам в глаза на «фоне», при восприятии смысла речь идет об обнаружении возможности на фоне действительности. И эта возможность всегда единственна. Она преходяща. Однако лишь возмож-

ность является преходящей. Если она осуществлена, если смысл реализован, то уже раз и навсегда.

Смысл должен быть найден, но не может быть создан. Создать можно либо субъективный смысл, простое ощущение смысла, либо бессмыслицу. Тем самым понятно и то, что человек, который уже не в состоянии найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убягая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл. Если первое происходит на сцене (театр абсурда!), то последнее — в хмельных грезах, в особенности вызванных с помощью ЛСД. Однако, это сопряжено с риском пройти в жизни мимо истинного смысла, истинного дела во внешнем мире (в противоположность сугубо субъективному ощущению смысла в себе самом).

Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его *совесть*. Одним словом, совесть — это орган смысла. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации.

Совесть принадлежит к числу специфически человеческих проявлений, и даже более чем специфически человеческих, ибо она является неотъемлемой составной частью условий человеческого существования, и работа ее подчинена основной отличительной характеристике человеческого существования — его конечности. Совесть, однако, может и дезориентировать человека. Более того, до последнего мгновения, до последнего вздоха человек не знает, действительно ли он осуществил смысл своей жизни или лишь верит в то, что этот смысл осуществлен. Пусть даже совесть держит человека в неизвестности и относительно того, постиг ли он смысл своей жизни, такая «неизвестность» не освобождает его от «риска» повиноваться своей совести или по крайней мере прислушиваться к ее голосу.

С упомянутой «неизвестностью» связан, однако, не только этот «риск», но и смирение. То, что мы даже не на нашем смертном одре не узнаем, не вела ли нас наша совесть — орган смысла — по ложному пути, означает также и то, что одному человеку не дано знать, были прав другой, поступая по совести. Истина может быть лишь одна, однако никто не может похвастаться знанием, что этой истиной обладает именно он и никто другой. Смирение означает также терпимость, однако терпимость не тождественна безразличию; ведь чтобы уважать иные верования, отнюдь не требуется идентифицировать себя с ними.

Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты. Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл. Из всего этого вытекает, что смысл, о котором идет речь, должен меняться от ситуации к ситуации, так и от человека к человеку. Однако смысл вездесущ. Нет такой ситуации, в которой нам не была предоставлена жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не содержала бы наготове какое-нибудь дело. Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим.

В жизни не существует ситуаций, которые были действительно лишены смысла. Это можно объяснить тем, что представляющиеся нам негативными стороны человеческого существования — в частности, трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть, — также могут быть преобразованы в нечто позитивное, в достижение, если подойти к ним с правильной позиции и с адекватной установкой.

И все же дело доходит до экзистенциального вакуума. И это — в сердце общества изобилия, которое ни одну из базовых, по Маслоу, потребностей не оставляет неудовлетворенной. Это происходит именно оттого, что не только удовлетворяет потребность, но не реализует стремления к смыслу. Общество изобилия порождает и изобилие свободного времени, которое, хоть, по идее, и предоставляет возможность для осмысленной организации жизни, в действительности же лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума.

Ныне мы живем в эпоху разрушающихся и исчезающих традиций. Поэтому, вместо того, чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бессцельности и пустоты, или экзистенциальным вакуумом. Тем не менее, даже если все универсальные ценности исчезнут, жизнь остается осмысленной, поскольку уникальные смыслы остаются не затронутыми потерей традиции. Конечно, для того чтобы человек мог найти смыслы даже в эру отсутствия ценностей, он должен быть наделен в полной мере способностью совести. Можно, следовательно, утверждать, что в такие времена, как наши, во времена, можно сказать, экзистенциального вакуума, основная задача образования состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а и в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы.

Сегодня образование не может оставаться в русле традиции, оно должно развивать способность принимать независимые аутентичные решения. Во времена, когда десять заповедей теряют, по-видимому, свою безусловную значимость, человек более чем когда-либо должен прислушиваться к десяти тысячам заповедей, возникающих в десяти тысячах уникальных ситуаций, из которых состоит его жизнь. И в том, что касается этих заповедей, он может опираться и полагаться только на совесть. Живая, ясная и точная совесть — единственное, что дает человеку возможность сопротивляться эффектам экзистенциального вакуума — конформизму и тоталитаризму.

Все больше людей жалуются на то, что они называют «внутренней пустотой». В противоположность предельным переживаниям, так хорошо описанным Маслоу, экзистенциальный вакуум можно считать «переживанием бездны».

Этиология экзистенциального вакуума вытекает из следующих фактов. Во-первых, человеку в отличие от животного никакие побуждения и инстинкты не говорят, что ему нужно делать. Во-вторых, в противоположность прошлым временам никакие условности, традиции и ценности не говорят, что ему должно делать. И часто он не знает даже, что он, по существу, хочет делать. Вместо этого он хочет делать то, что делают другие, или делает то, чего хотят от него. Он, так сказать, вносит свою лепту в конформизм и тоталитаризм; первый более характерен для Запада, второй — для Востока.

Экзистенциальный вакуум — это феномен, который одновременно усиливается и распространяется. Как с ним справиться? Можно предположить, что нам следует поддерживать здоровую философию жизни, чтобы показать, что жизнь реально имеет смысл для каждого человека. Основные проявления экзистенциальной фрустрации — скука и апатия — стали вызовом образованию, так же как и психиатрия. В эпоху экзистенциального вакуума образование не должно ограничиваться и удовлетворяться передачей традиций и знаний, оно должно совершенствовать способность человека находить те уникальные смыслы, которые не задеты распадом универсальных ценностей.

Образование должно давать человеку средства для обнаружения смыслов. Вместо этого, однако, образование часто вносит свою лепту в экзистенциальный вакуум. Чувство пустоты и бессмысленности у студентов часто усиливается из-за того, как им представляются достижения науки. В сознание студентов внедряются механическая теория человека и релятивистская философия жизни.

Литература

1. *Белкин А.И.* Вожди или призраки. М., 2001.
2. *Бёрн Э.* Психоанализ и психотерапия для несведущих. М., 2002.
3. *Гуревич П.С.* Теория и практика психоанализа. М., 2000.
4. *Улыбина Е.* Страх и смерть желания. М., 2003.
5. *Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000.
6. *Франкл В.* Психотерапия на практике. СПб., 2000.

Вопросы для повторения

1. Что такое синдром «колючей проволоки»?
2. Как вы понимаете фразу Г. Лессинга: «Существуют вещи, которые могут заставить вас потерять разум, или же его вообще нет, чтобы потерять»?
3. Какую роль в концепции В. Франкла занимает феномен страдания?
4. Что такое «экзистенциальный вакуум»?
5. Каков смысл жертвенности в судьбе отдельного человека и человечества в целом?

Темы рефератов

1. Феномен жертвенности.
2. Экзистенциальный вакуум.
3. Страдание в истолковании современных психологов и философов.
4. Духовные уроки лагерной жизни.
5. Существование в экстремальной ситуации.

Поток психобиографий

То в мертвых лесах
ледяное бесплодие корней

Людмила Абаева

Психоистория — это новая психологическая дисциплина, которая родилась на стыке истории и психологии. Ее создатель — американский психолог *Эрик Эриксон* (1902—1994). Психоисторики считают, что жизнь человека обусловлена его историческим контекстом, но при этом огромную роль играет и внутренний мир человека. Психология эпохи, которая порождается во многом психологией личности, оказывается важнейшим фактором социальной истории. Психоистория сложилась под влиянием идей эго-психологии (Г. Гартман), которая подчеркнула роль адаптивных функций психики, и сравнительной культурантропологии (М. Мид), показавшей культурную специфику и разнообразие биологически обусловленных форм поведения человека. На формирование психоистории огромную роль оказала также клиническая практика в США. Психоисторики поставили задачу изучить социокультурные параметры исторической эпохи, прежде всего характерных особенностей ее духовной атмосферы. Продолжая традиции психобиографий выдающихся деятелей мировой культуры и политики, созданные Фрейдом и биографики К. Яспера, психоисторики совершили примечательный поворот в этой области. Они отказались от функций классического исторического анализа. Задача психоистории сводилась к тому, чтобы показать, что отдельные личности обеспечивают духовный климат эпохи. Внутриличностные конфликты творческих людей — Мартина Лютера, Томаса Джефферсона, Махатмы Ганди, Бернарда Шоу, Максима Горького — Э. Эриксон изучал как выражение социально-психологических проблем их времени и культуры. Главной методологической установкой психоистории стал своеобразный принцип, который постулировал принцип *психосоциального соотношения интимно-личностных и социально-исторических коллизий*. Таким образом, фиксировался важнейший «исторический момент», который определял судьбы истории.

Психоистория получила достаточно быстрое развитие. В Германии вышло немало трудов о нацизме. Психоистория исходит из положения, что существуют бессознательные императивы челове-

ских действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые уже не осознаются субъектом, но в то же время способны воздействовать на его поведение. При этом мы часто оказываемся свидетелями конфликтов между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и на массовом уровне. Социально-политическая история часто не получала адекватного объяснения. Однако применение методов психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии изменило положение. Психоисторический метод часто называют *генетическим*, поскольку он подчеркивает значение предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности настоящего непрерывно динамически взаимодействуют на бессознательном уровне с личным и коллективным прошлым. Для психоисторика важно не только понимание неких вневременных универсальных фантазий, но и выявление их специфических выражений в данном месте и времени. Они показывают, как социальные травмы — война, голод, экономические кризисы, эпидемии — отличаются по своему воздействию друг от друга, обуславливая вместе с тем характер функционирования группы и стиль лидерства. Американские специалисты не раз применяли методы культурантропологии, и в частности концепцию «модельной личности», к изучению германского национального характера. Психоистория оказалась также полезной для понимания массовых фантазий и движений, основанных, в частности, на рабской ненависти.

Психоистория и исторические биографии

Методы современной социальной психологии были впервые применены к истории для объяснения феномена нацизма. Уже в год прихода к власти нацистов появилась работа австрийского психоаналитика *В. Райха* «Массовая психология фашизма». Здесь Райх впервые прослеживает связь между сексуальным давлением в семье и возникновением авторитарных систем власти, крайней формой которых является фашизм. Райх настаивает на том, что фашизм — глобальная проблема, и вместе с тем прослеживает специфически германский вариант фашизма и его истоки в авторитарной, особенно в мелкобуржуазной немецкой семье. Эту семью он именуется подлинной фабрикой по выработке авторитарных идеологий. Такая семья ведет к формированию в ребенке компульсивной структуры характера, которую отличает абсолютное повиновение авторитетам, механическое подчинение наряду с навязчивым чувством долга, исключение эмоционального начала наряду с иррационализмом мышления. До сих

пор не оценено глубокое влияние этой работы Райха на известное исследование авторитарной личности Т. Адорно.

Довольно рано в психоисторических работах нашла применение *психоаналитическая характерология*. Так, П. Эрганг применил фрейдовскую модель анального характера (триада: любовь к порядку, мелочность, упрямство) к изучению личности прусского короля Фридриха Вильгельма I (1688—1740), которого он называет родоначальником прусского милитаризма. Автор подчеркивает его исключительную любовь к военной муштре, мелочную экономию и навязчивое влечение к чистоте, отмечая, что Фридрих мылся и менял свою военную форму по пять раз в день. Им были заложены основы жесткой военной дисциплины и прусской системы бюрократии. Эрганг подробно останавливается на том, как анально-компульсивный синдром Фридриха Вильгельма отразился на его отношениях с кронпринцем, будущим Фридрихом II, который постоянно третировался за его «женственные» интересы к литературе и музыке. Фридрих публично бил тростью 18-летнего наследника и с откровенным садизмом заставил его присутствовать на казни его молодого друга и любовника фон Катте.

Эрнст Леви рассматривает этот классический пример конфликта между отцом и сыном в терминах позднейшей *эго-психологии*, подчеркивая трансформацию характера Фридриха II в результате его конечной идентификации с отцом (механизм «идентификации с агрессором»). В результате действия этого механизма интернализации отцовских ценностей достигла такого уровня, что сам Фридрих II становится агрессивным милитаристом, мелочным администратором и воплощением долга — «первый слугой государства».

Б. Беттельхейм на основании личного опыта описал крайние формы той же идентификации с агрессором в нацистских лагерях. Он отмечал, что некоторые заключенные усваивали идеологию СС, их жаргон и черты поведения и даже старались нацепить на себя детали эсесовской униформы¹ (см. об этом в части третьей данной книги).

Истерический тип характера отличается от компульсивного бурным (уместным или неуместным) проявлением эмоций, некоторые сами служат защитой от сексуальных травм (истерическая псевдосексуальность). Наряду с этим развиваются конверсии (замещения психического конфликта физиологическими симптомами). Так, Р. Бинион отмечает истерический характер слепоты, по-

¹ Bettelheim B. The informed heart: Authority in mass age. Glencoe, 1960.

разившей Гитлера при известии о революции и поражении Германии в Первой мировой войне.

Напротив, при так называемом нарциссическом типе характера имеет место крайняя холодность, сдержанность или агрессивность межличностных отношений наряду с самоуверенностью и высокомерием во внешнем поведении. Этот тип характера, по Райху, использует агрессивность как защитный механизм против психической регрессии. О. Пфланце применял тот же подход для трактовки личности Бисмарка. Он отмечал утрированную «мужественность» Бисмарка, выразившуюся в его дуэлях, участии в попойках и т.д., а с другой стороны — его регрессивные тенденции (чрезмерное курение, обжорство), а также его склонность к депрессиям, когда он сталкивался с сильным противодействием. Швенингер, врач Бисмарка, применял в подобных случаях метод терапии, который можно назвать регрессивно-инфантилистским. Врач завертывал его во влажные простыни и крепко сжимал его руки, пока тот не засыпал. Согласно выводам автора, «железный канцлер» имел в себе больше крови, чем железа.

Психоанализ может значительно дополнить данную М. Вебером характеристику норм поведения в протестантской капиталистической культуре (контроль над эмоциями, педантизм, трудолюбие наряду с агрессивностью и чувством вины). Впоследствии Э. Фромм и Г. Маркузе использовали эти положения Вебера для своих радикальных социологических построений. Однако до сих пор не было попыток применения выводов Вебера специально к немецкой истории, где этот «протестантский синдром» получил достаточно яркое выражение.

Попытки выявить отношение между теориями самого М. Вебера и его личностной структурой могут служить примером применения психоанализа к конкретным аспектам индивидуальной психологии. Так, Г. Герт и Райт Миллс полагали, что острое нервное заболевание Вебера было следствием его бурного столкновения с отцом, приведшего к смерти старшего Вебера. Как отметил Э. Эриксон, такого рода конфликт был типичен для немецкой семьи, будучи связан с переходом от ранней идентификации (отождествлении) с мощным «имперским» отцовским образом. Артур Мицман, опираясь на это положение Эриксона, пытался установить уровни отношений между личной психодинамикой Вебера, его социологией и предвоенным германским обществом. По Мицману, сама веберовская система социологии отражает в себе как психосоциальные, так и личные конфликты его автора.

До сих пор в целом наиболее разработано применение психоистории к области исторических биографий. С другой стороны, оно может стать полезным и для понимания массовых фантазий и движений, основанных, в частности, на расовой ненависти. Феномен лидерства выводится при этом не только из личных установок самого лидера, но прежде всего из процесса взаимодействия между вождем и психическими устремлениями массы и его последователей. Успешное лидерство дает выход уже существующим неосознанным потребностям данной культурной или социальной среды.

Первый опыт психологического объяснения нацистского лидерства был сделан уже через год после прихода Гитлера к власти. При этом высказывалась мысль о роли феномена массового сексуально-го вытеснения и наличии у самого Гитлера навязчивой фиксации на матери (с перенесением ее на образ Германии). Жестокости штурмовиков объяснялись как проявление гомосексуального садизма.

Виднейший английский психоаналитик *Эрнест Джонс* выпустил единственную в своем роде работу, в которой образ Гитлера рассматривался с точки зрения восприятия его коллаборационистами из оккупированных стран Европы. Джонс трактовал квислингизм как результат идентификации с Гитлером в качестве мощного образа отцовского типа. Такого рода подчинение отцовскому образу истолковывалось как утонченная гомосексуальная форма решения эдиповского конфликта. При этом Джонс отмечал, что пассивность и мазохизм играют существенную роль в генезисе гомосексуализма. Лица, наиболее подверженные воздействию нацистской пропаганды, — это, по Джонсу, прежде всего те, кто не обрел зрелой независимости от отцовского образа и вместе с тем не смог достичь нормального развития влечений в результате фиксации на матери.

Э. Эриксон в широко известной работе отмечает, что в «Моей борьбе» Гитлер создал псевдоисторический образ молодого человека, борющегося с тиранией дурного отца во имя защиты любимой матери. Этот образ должен был апеллировать к бессознательным фантазиям, порожденным специфическими особенностями немецкой семьи¹.

«Смерть при жизни», утрата идентичности

Уже отмечалось, что книга Р. Лифтона «Смерть при жизни. Пережившие Хиросиму» — одна из классических работ по психологии

¹ *Erikson E.N. Hitler's imagery and German youth // Psychiatry, Baltimore, 1962, vol. 5, p. 475—493.*

чрезвычайных ситуаций. Автор книги — известный американский психолог и психиатр, профессор Йельского университета Роберт Лифтон пытается поставить актуальные проблемы массово-психологических процессов, связанных с травматическим эффектом, вызванными чрезвычайными обстоятельствами. Психологические следствия любой катастрофы, ее патопсихологические последствия в сильной степени зависят от момента внезапности и степени внутренней подготовленности. Москвичи, ставшие жертвами теракта, тоже испытали огромный шок от злодеяния, которое оказалось непредвиденным.

Это не только катастрофа. Это встреча со смертью. Весь дальнейший психологический опыт выживания определяется первоначальными мгновениями «погружения в смерть» и оставленной им неизгладимой «печатью смерти». Любая своевременно примененная терапия не избавляет от длительной психологической работы с жертвами. В качестве примера, который наглядно демонстрирует глубинные патопсихологические процессы, американский исследователь взял атомное нападение американцев на Японию.

Автор, проживший несколько лет в Японии, в начале 60-х годов был занят изучением психологических особенностей японской молодежи, в частности, участников антивоенного студенческого движения. При этом он был поражен тем, какую большую роль играют в их жизни неосознанные образы войны и атомной бомбардировки, хотя подавляющая часть молодежи не испытала этого лично. В то же время выяснилось, что за 17 лет, прошедших после гибели Хиросимы, не было серьезных попыток выявления ее психологических и социальных последствий. В имевшихся работах содержались главным образом технико-статистические или чисто медицинские сведения, например, о воздействии на организм атомной радиации. С другой стороны, было написано немало книг, полных чисто человеческой симпатии к жертвам атомной бомбы, но эта симпатия, казалось, почти лишала авторов возможности высказать суждения на профессиональном уровне и не затрагивала порожденный катастрофой психологический комплекс во всей его сложности. Было очевидным, что исследования такого рода сами наталкиваются на серьезный эмоциональный барьер.

Работе в Хиросиме автор посвятил около шести месяцев (в 1962 г.) В основу был положен систематический опрос двух групп населения. В первую группу включался каждый из пятисотый из списка лиц, переживших атомную бомбардировку (яп. «хибакуся»), число которых составляло в это время в городе 90 тыс. человек. Вторая группа состояла из специально подобранных групп из числа уче-

ных, причем вскоре выяснилось, что психологические реакции обеих групп были тождественны... Беседы велись на японском языке в присутствии ассистента-японца и записывались на магнитофонную ленту, с которой затем перепечатывался текст и давался в английский перевод. Во время интервью частично применялись полуаналитические методы — так, использовался метод свободных ассоциаций и поощрялись спонтанные выражения чувств и мыслей.

Разработанная программа вопросов была направлена на выявление основных трех тем: восстановление первоначального опыта катастрофы и связанных с ним воспоминаний; долгосрочное воздействие травмы на психические состояния и поведение; борьба выжившего за преодоление травматического опыта. При этом следовало учитывать неизбежность искажений и вторичных разработок, а также выявить общий характер и направление этих искажений, что в ходе работы выделилось в отдельную задачу. Это дополнялось анализом собственных реакций автора, особенно сильных во время первых опросов. Полученные данные сопоставлялись с материалами о психологических реакциях во время природных катастроф (таких, как торнадо и землетрясений).

Успех работы во многом определился тем, что автор смог преодолеть первоначальное недоверие испытуемых и японских коллег, внушив им, что проводимое исследование могло бы способствовать как достижению контроля над атомным оружием, так и общему росту наших знаний о человеке. Это поставило автора в лучшее положение по сравнению с другими американцами, на которых смотрели как на сборщиков военной информации для американских властей.

Наряду с этим автор рассматривает данную работу как вклад в разработку еще более обширной темы, посвященной «комплексу выживания», и выявление его роли в истории¹. В теоретическом плане данный труд должен служить опытом конкретного применения выдвинутой Э. Эриксоном и Р. Лифтоном «психоисторической модели» исторического процесса. Если при этом работы Эриксона посвящены преимущественно изучению роли личности в истории (его книги о Лютере 1958 г. и о Ганди в 1969 г.), то Лифтон главное внимание уделяет выявлению скрытых массовых тенденций, подлежащих эмпирическому изучению психологическими методами. Этот подход был уже применен автором в его работе об общих психологических особенностях у лиц, прошедших процедуру «промывки мозгов» в Китае².

¹ *Lifton R.J. Modern history and survival. N.Y., 1970.*

² *Lifton R.J. The thought reform in China. N. Y., 1961.*

Работа Лифтона представляет собой вклад в обширную тему «комплекса выживания» и выявление его роли в истории. В понедельник, в 8 часов 15 минут утра 6 августа 1945 г. полковник ВВС США Пол Тиббитс, сидя в своем бомбардировщике B29 «Энола Гэй» (так звали его мать), отдал приказ: «Пора!» Створки люка раскрылись, и вниз упал Little Boy («Малыш») — урановая бомба весом в 60 кг. Пролетев некоторое расстройство, «Малыш» взорвался на высоте 600 м — почти 80 000 жителей Хиросимы погибли в первую же минуту. Ударная сила смела почти все строения, превратив город в пылающую пустыню, уцелели, серьезно пострадав, лишь около ДЕСЯТИ зданий. Исследовавшие мертвый город эксперты Минобороны США предрекли: «Вряд ли в ближайшее время в этом городе сможет существовать что-то живое. Неизвестно даже, когда трава будет расти. Тут только один пепел, и он до сих пор висит в воздухе».

Эти прогнозы не сбылись. Спустя 60 лет Хиросима — город, где жизнь бьет ключом, кругом много зелени, на крохотных островках в реке — причудливо красивые деревья, облюбованные стаями журавлей, а ночью зажигаются огни караоке-баров. Дома вокруг все новые. Более-менее выдержав удар, сохранился лишь «Купол» — здание коммерческой выставки, возведенное чешским архитектором в 1915 г.; его так и оставили с зияющими дырами в крыше и оплавленными стенами — как память. В Музее мира в Хиросиме царит полумрак. Стены стилизованы под куски домов, разрушенных при взрыве.

Самое страшное было — никто не понимал, что происходит, что случилось: ночью кто-то сказал, что это Солнце упало на Землю и все поверили. Там было много обугленных детских черепов, я выбрала один, чтобы похоронить. Уже неважно, кто это был, в любом случае, я хоронила его как своего ребенка». Юрико Хироки говорит об этом спокойно, без слез. Говорит, потом городские власти собирали «хибакуся» в центрах психологической помощи и объясняли: так случилось, потому что была война, а на войне, так уж заведено, люди убивают друг друга. Поэтому не надо ненавидеть тех, кто сжег ее детей, а надо простить.

В новеньких японских учебниках, по которым учатся дети в Хиросиме, напечатано: «по словам Соединенных Штатов, удар был оправдан — иначе погибло бы еще больше людей вследствие затяжного сопротивления». Также приводятся слова тогдашнего секретаря кабинета министров Хисацуне Сакомицу: «Атомная бомба — золотой подарок Японии, давший ей возможность закончить войну».

Эриксон считал, что изменение социокультурных условий существования личности ведет к утрате прежней идентичности. Тогда возникает потребность *создать новый образ самого себя*. Иногда это приводит к глубоким личностным затруднениям и «потери себя». На основании этого Эриксон делал вывод об обусловленности массовых неврозов глубокими потрясениями в жизни общества на поворотных этапах истории (войны, революции и т.д.). В духе своей концепции он толковал жизнь великих людей, чтобы доказать, что их личностные кризисы на «переломах истории» имеют одинаковую с социальным кризисом структуру.

Поскольку опыт такого рода, включенный в обширный «комплекс выживания», охватывает огромный контингент лиц, испытавших последствия войны, политических преследований, отчасти и природных катастроф, и способен распространяться не только на их участников, то здесь открываются возможности для выявления скрытых исторических тенденций в момент их зарождения на «молекулярном» или индивидуально-психологическом уровне.

Работа Лифтона получила высокую оценку как в США, так и в Японии. В многочисленных отзывах отмечалось, что автор раскрыл почти неизвестный психологический аспект атомного оружия. Значителен его общий вклад в область психологии и социологии массовых бедствий. В 1969 г. книга получила премию американской Национальной академии наук как лучшее научное сочинение года.

Психологические следствия любой катастрофы, ее травматический эффект в сильной степени зависят от момента внезапности и степени внутренней подготовки. Уже в этом отношении положение Хиросимы было исключительным. Ни предвидение, ни прошлый опыт не были в состоянии подготовить к тому, что должно было произойти. «Мы были готовы к чему угодно, но не могли и вообразить ничего подобного», — отвечали многие из опрошенных.

Зона массового поражения простиралась по радиусу на 2 тыс. м. от гипоцентра взрыва. Еще ближе к гипоцентру, где железо и камень расплавились, все живое было мгновенно испепелено и развеяно взрывной волной. Вокруг этой зоны по радиусу 3 тыс. м. мгновенно вспыхнули пожары. Точное число погибших в Хиросиме определить уже невозможно. Официальная цифра — 78 тыс. чел., но город Хиросима придерживается цифры в 200 тыс. (по разным подсчетам погибло от 25 до 50% дневного населения города, которое, однако, также в точности неизвестно и составляло по разным оценкам от 227 до 400 тыс. чел.

Весь дальнейший психологический опыт выживания определяется этими первоначальными мгновениями «погружения в смерть»

и оставленной им неизгладимой «печатью смерти». Дело при этом идет не столько о тех или иных эмоциональных состояниях, чувстве беспомощности, замешательства, но прежде всего о более глубоком и внезапном разрушении самого «способа существования в мире», исчезновении естественного порядка вещей (один из опрошенных сравнил это с мощным коротким замыканием).

Этот развал как бы самой структуры существования составляет самый тяжелый опыт выживания, который выживший должен затем его преодолевать, нередко в продолжении всей жизни. Он порождает «неизгладимый образ» катастрофы навязчивого характера, который преследует пережившего.

Многие из выживших передавали о своих первых ощущениях как о внезапном осознании собственного конца, конца мира, или же о внезапной гибели мира. Протестантский пастор выражал свой опыт в образах Апокалипсиса, другие — в образах буддийского ада. Возможна гибель цивилизации и человечества вообще в результате ядерной войны, духовного падения, уничтожения природной среды обитания.

Для некоторых катастрофа связывалась с навязчивым запахом, который преследовал их долгое время спустя (возможно, однако, что это было связано с массовыми кремациями, которые проводились по всей Хиросиме в последующие дни). Хотя лишь на большом расстоянии от гипоцентра можно было различить ослепительную вспышку, появление огненного шара и, наконец, вставшее над городом многоцветное облако, однако и на таком расстоянии широко отмечался эффект «ситуационного эгоцентризма», то есть ощущение того, что все совершилось в самой непосредственной близости, что связывается с внезапной потерей иллюзий собственной неуязвимости и вызванными этим нарушениями восприятия (Подобное явление наблюдается, например, на флоте, когда на довольно большом участке каждому из бойцов может показаться, что мина летит именно на него)¹.

Один из опрошенных говорил о внезапном появлении перед ним образа матери (то есть о попытке противопоставить катастрофе первичную форму человеческой связи). Поразительным явлением, отмечавшимся уже и ранее при других бедствиях, было то, что многие бесцельно устремились к центру катастрофы, преодолевая на своем пути развалины, а позднее и специально поставленные посты (явление, не получившее объяснения и в работе Р. Лифтона, видимо, внутренне связанное с эффектом «ситуационного эгоцентризма»).

¹ *Wolfenattein M. Disaster. A psychological study. Giencoe, 1957. P. 51—52.*

ма»). При переживании образов смерти совершается переход к новому, противоестественному порядку вещей, в котором начинают причудливо сплетаться образы жизни и смерти. Это то, что автор называет состоянием прижизненной смерти (смерть при жизни, в русском варианте — «ни жив, ни мертв»). Большинство свидетелей говорят не об охватившей их панике, как это можно было бы ожидать, но о наступившей после взрыва «мертвой тишине» и об особом чувстве замедленности времени и нереальности всего происходящего, причем люди приобретали движения автоматов.

Д-р Хашийя, автор уже ставшего классическим «Хиросимского дневника», пишет о жуткой тишине, которая царила в госпитале, куда он попал. Врачи и сестры выполняли свою работу в полном молчании, «как будто все происходило в каком-то жутком немом кино». В одной японской танке также говорится о «вспышке пламени, охватившей город подобно мгновенному сну». Эта жуткая и нереальная атмосфера тесно связана с общей потерей чувства собственного «я», а равно и с разрушением города, внезапным исчезновением привычного «поля существования».

К потере идентичности вела абсурдная гротескность этих «ни живых, ни мертвых» человеческих фигур, с которыми выживший тесно отождествляет себя. «Вид у них был... тот еще. Вся кожа почернела от ожогов, волосы на голове сгорели. Они протягивали руки вот так (поскольку прикосновение к ожогам причиняло сильную боль), и нельзя было сказать, смотрите вы на них спереди или сзади».

Психоистория и лидерство

Каждый исторический кризис или катастрофа, как правило, вызывает к жизни лидеров, способных указать другим выход из кризиса, помочь в разрешении конфликтов своих сограждан, «направив их желания на новые цели» (Э. Эриксон). В конечном счете задача таких лидеров — указать новые пути подхода к проблеме жизни и смерти (что, впрочем, автор считает одной из главных, хотя обычно не замечаемых задач великих людей в истории).

Однако в данном случае тотальность катастрофы, ее чисто технологический нечеловеческий характер привели к тому, что Хиросима не выдвинула и не могла выдвинуть крупных лидеров такого типа. Все это лидеры местного значения, сила которых внутренне подорвана (что не столь видно в примере № 1).

Автор рассматривает семерых деятелей послевоенной Хиросимы (не приводя их имен), каждый из которых представляет определенный тип лидерства. Это, как он считает, позволяет выявить некото-

рые дополнительные аспекты психоисторического опыта Хиросимы и может представлять интерес для социологии лидерства в целом.

Пример № 1. Тип героя. Примером лидера, поставившего своей задачей борьбу с последствиями катастрофы, может служить один крупный чиновник, который развил бурную деятельность уже в первые часы после взрыва, в обстановке всеобщего замешательства. Позднее он принимает активное участие в программе возрождения города, создания мемориального комплекса и т.д. В нем лучше различимы классические черты мифа о герое — «пробуждении героя» в обстановке бедствия, «путь испытаний» и их конечное преодоление.

В основе здесь лежит редкая способность к реакции действия в состоянии кризиса. Сама манера сопровождать слова мимикой и жестами (необычная для японца) говорила о настоящей потребности обращать любую мысль в действие. Наряду с этим сам автор отмечает в нем черты «протеического жизненного стиля» — как в способности соединять старые японские традиции со смелым новаторством, так и в умении ладить с оккупационными и с центральными властями, и с «хибакуся» (хотя он и не избегал обычного с их стороны обвинения, что «торгует Хиросимой», «торгует своими погибшими родственниками» и т.д.) В целом это наиболее удавшийся лидер из числа лично переживших бомбардировку (3 тыс. м. от эпицентра).

Пример № 2. Мистический целитель. Другой стиль лидерства в условиях бедствия представлен одной уже не молодой женщиной. Для генезиса этого типа важен испытанный ею интенсивный опыт «чудесного выживания», избавления казалось бы, от неминуемой смерти, порождающей чувство сверхъестественного вмешательства. Она организовала групповые подходы к горячим источникам, около одного из которых объявилась статуя Будды, сходная с той, которая предстала ей в видении и где возникло нечто подобное «хиросимскому Лувру». Биография ее оказалась сходной с типичной биографией женщин-святых и женщин-шаманок (хорошо известных японской народной традиции) — одиночество и несчастья в прошлом, чувство своей особой миссии и др. Встреча со смертью и победа над ней — классический путь шамана или святого целителя. Вера в действие целебных вод также универсальна в связи с символикой воды, как оживляющего начала. Однако вера целителя в свой личный миф представляется автору далеко не полной, что можно было вывести из защитных интонаций в ее речи («конечно, может быть вы и не поверите, в наш научный век это должно звучать так странно...») Это, конечно, ставит предел ее силе как целителя и лидера в целом.

Пример № 3. Духовный авторитет. Это буддийский священник, известный в Хиросиме как теолог и выдающийся оратор. Когда он говорит об атомной бомбе, его речь обретает большую внутреннюю силу и в то же время особую интимность. Это порождено необычностью его личного опыта. Дело в том, что утром 6 августа он находился в храме и совершал молитву всего в 1700 м. от гипоцентра. В тот момент, когда все колонны храма рухнули, причем ни одна из них его не задела, он не прервал свои медитации и только отметил: «теперь я иду на свершение религиозного подвига». Как нередко случается, чудесное выживание становится источником осознания своей особой миссии. Ряд лет он стремился освоить атомный опыт в рамках буддийской теологии. По данному им толкованию, атомная бомба есть крайнее воплощение четырех основных элементов зла и появилась она в момент максимального удаления от Будды. Бояться следует не бомбы самой по себе, а этого отхода от позиции истины. В целом воздействие его как лидера основано на преобразовании «комплекса жертвы» в чувство своей особой миссии и способность передать это чувство другим. Однако, по мере того, как эта спонтанно возникшая установка замыкалась в традиционные богословские рамки, его влияние падало.

Пример № 4. Научный авторитет. Научная интерпретация призвана играть особую роль в отношении такого «научного продукта», как атомная бомба. Примером такого научного лидера явился один физик, ставший в Хиросиме влиятельным лицом. При всем том он испытал серьезный конфликт, связанный с его идентичностью атомного физика. С одной стороны — это чувство своей неполноценности в сравнении с американскими коллегами, с другой — специальный тип комплекса вины: сознание «научной вины», того, что физик, создавший атомную бомбу, по словам Оппенгеймера, «познает, что такое грех». В целом он должен признать, что наука сама по себе не может стать средством для преодоления пережитого опыта.

Пример № 5. Атомный моралист. Моральный протест против перевооружения и продолжения атомных испытаний выдвинул в Хиросиме ряд деятелей. Один из них — в прошлом профессор этики, тесно связанный с идеологией милитаризма. Он самосознает связь своей деятельности с остаточным чувством вины за прошлое. В движении за мир он стремится избежать двойного стандарта в отношении ядерных испытаний — велись ли они с американской или с советской стороны (позднее еще и с китайской). Это раскол, пишет автор, вообще сильно ослабил все японское движение за мир. Позднее он радикально изменил стиль своих протестов, обратясь к старым традициям японского буддизма. Протесты при этом выразались в многодневном сиде-

нии в позе лотоса (дза-дзэн) перед кенотафом ядерных жертв. Он развил и свою доктрину, согласно которой «цепная реакция духовных атомов должна восторжествовать над реакцией материальных атомов», за что и был прозван каким-то американцем «человеком-реактором». Обращение к старым японским традициям действительно избавляло от ряда конфликтов, но оно не могло стать средством массового убеждения. Вообще, пишет автор, любые формы протеста сами по себе несостоятельны как средство для преодоления хиросимского опыта.

Пример № 6. «Жертва атомной бомбы № 1». Так именует себя содержатель лавки «атомных сувениров», соорудивший ее рядом с мемориальным комплексом. Занятие торговлей такого рода сделало его самым одиозным примером человека, «торгующего атомной бомбой» и «торгующего Хиросимой» — тяжелого обвинения для «хибакуся». Однако он держится вызывающе, охотно вступает в дискуссии с посетителями, часто в виде аргумента обнажая тело и демонстрируя свои «атомные стигматы». Он организовал первичную ячейку среди «хибакуся». Данный стиль лидерства связан с необычайной способностью к развитию реактивных образований на комплекс жертвы и чувство вины, которое должно было быть интенсивным (будучи сам ранен, он спасся с женой, переплыв реку и оставив на берегу раненого отца, который вскоре умер). Это, видимо, достаточно редкий пример того, что атомная травма могла явиться средством для преодоления прежних конфликтов и дать выход подавленной агрессивности. Комбинация тяжелых телесных повреждений со склонностью к эксгибиционизму позволила выработать свой язык телесного протеста и новый жизненный стиль, сделавший его привлекательным для определенных кругов. Развитием этого негативного стиля явилась и выдвинутая им идея — начать «движение отчаяния» («мы должны сказать всему миру: вы можете продолжать свои атомные испытания, а если вам этого мало, то и сбрасывать атомные и водородные бомбы»).

Пример № 7. Зелот атомной бомбы. Этот стиль лидерства построен на полной отдаче себя борьбе с последствиями бомбардировки. Данный лидер известен как руководитель «Клуба бумажных журавлей» — традиционного японского символа бессмертия. Он организовал, в частности, широкую помощь нуждающимся «хибакуся». Полную отдачу себя на службу другим Лифтон также считает одним из средств для достижения символического бессмертия. Это связано с особой способностью обращать внутреннюю тревогу и чувство вины, порожденное опытом выживания, в энергию спасения других, направленную на борьбу с самими силами зла (что в терминах классического психоанализа можно было бы назвать удавшимся реактивным образованием). Ему при-

суща особая эмоциональная подвижность (важная одинаково для художника и политического лидера), быстрые переходы от любви к ненависти (близкое к тому, что в Эго-психологии именуется «регрессией на службе Эго»). Однако суть дела автор видит не в самой регрессии, а в достижении художником или лидером особого состояния всеохватывающей эмоциональности при игнорировании традиционных форм биологического выживания и «перенесения всего процесса на уровень почти космических идентификаций». В личности данного лидера также выступают элементы универсального мифа о герое, хотя в конечном счете он все не становится «избавителем». Само это сочетание непрерывных усилий с недостижимостью поставленной цели выражает «сизифову дилемму каждого послеатомного лидера», одержимого борьбой со смертью, источником и двигателем которой выступают сами образы смерти.

Хотя в опыте переживших атомную катастрофу легко выявить черты, общие для всех массовых бедствий, атомное оружие создало новый уровень выживания, «изменило статус выжившего как человеческого существа». Как показали Хиросима и Нагасаки, уцелевший не просто подвергается тем или иным травматическим воздействиям, но и теряет свою прежнюю идентичность. Преодоление прежнего опыта становится неизмеримо более трудным. Здесь нет надобности говорить о том, какую эволюцию претерпело ядерное оружие после Хиросимы. Опыт Хиросимы касается теперь всех и составляет «универсальный психоисторический факт современной эпохи». Совсем не в метафорическом смысле можно сказать, что «все мы — это выжившие в Хиросиме».

В прошлом великие перевороты совершались теми, кто выжил в исторических катастрофах. Прорыв через порожденную катастрофой зону психического омертвения вел к новому восприятию мира и расширял горизонты сознания. Так, после крушения античного мира и после великих эпидемий средних веков, породивших духовные течения предреформации, можно сказать, что на этот раз будет не так. Мы уже не имеем права надеяться на мудрость тех, кто выжил бы в будущей атомной катастрофе. И здесь открывается единственный смысл Хиросимы — это последняя катастрофа, из которой еще можно извлечь какой-то урок.

Литература

1. *Белянин В.П., Бутенко Н.А.* Антология черного юмора. М., 1996.
2. *Гримак Леонид.* Гипноз и преступность. М., 1997.
3. *Гуревич П.С.* Страх — молитва души // *Философские науки.* 1992, № 2.

4. *Демина Наталья*. Тайна, которая в вас самих. М., 1998.
5. *Кениг Карл*. Когда нужен психотерапевт. М., 1998.
6. *Лоренц Конрад*. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
7. *Мей Ролло*. Любовь и воля. М., 1997.
8. *Нордау Макс*. Вырождение. — М., 1995.
9. *Тоффлер Э.* Футурошок. М., 1999.
10. *Хелл Даниель, Фишер-Фельтен Магрет*. Шизофрения. Основы понимания и помощь в ориентировке. М., 1998.

Вопросы для повторения

1. Когда и в связи с чем возникла психоистория?
2. Каков вклад психоистории в психологию чрезвычайных ситуаций?
3. Почему психоистория обратила внимание на феномен лидерства?
4. В чем специфика психологического портрета Гитлера, данная Э. Эриксоном?
5. Почему после атомной бомбежки в Хиросиме появилась целая галерея лидеров разного типа?

Темы рефератов

1. Возникновение психоистории.
2. Феномен лидерства в психологии чрезвычайных ситуаций.
3. Личность и духовная атмосфера эпохи.
4. М. Ганди как лидер.
5. Психоисторический метод.

Тема 6

Владычество смерти

Еще не вечер...
Звонкой пустотой
еще нагрянет наше вымиранье

Юнна Мориц

В XIX в. главным социальным табу был секс. В 1900 г. в конце викторианской эпохи Фрейд выпустил свою знаменитую книгу о сновидениях, в которой, анализируя сны, обнаружил в них сексуальную символику, которую он рассматривал как самый глубокий источник человеческой мотивации и как источник неврозов. По сравнению с нынешним это было спокойное время, когда еще не было мировых войн, ни атомного оружия. Большинство умов владело чувством благополучия и вера в прогресс. В то время то, чем люди, казалось, были не способны овладеть, была их собственная сексуальность. Викторианский обычай покрывать скатертью ножки столов из-за их «сходства» с человеческим телом», ни одна часть которого не должна быть открыта, отражал эту тревогу, окружавшую все, что могло быть связано с сексом.

Многое из написанного Фрейдом более века назад сохраняет свою актуальность и сегодня, поскольку и сегодня многие, несмотря на все «сексуальные революции», испытывают трудности в сексуальном самовыражении. Однако в целом отношение к сексу в современном мире глубоко изменилось. Вместо того чтобы скрывать секс, развилось стремление выставлять его напоказ, экспериментировать с ним или искать новых видов опыта с его помощью.

Однако постепенно место секса заняло новое социальное табу, связанное со смертью и со всем, что ее окружает. Оно порождено как угрозой атомного уничтожения, так и ослаблением традиционных религиозных учений, социальных символов и ритуалов, помогавших прежде справиться с мыслью о неизбежности смерти.

Сам стиль жизни современного общества позволяет максимально отделять от себя смерть. Сегодня в США большинство людей умирают в больницах, а не дома, в кругу семьи. Смерть детей, рожениц была прежде постоянным явлением. Весь жизненный цикл был на виду, и старение и смерть воспринимались как естественные стадии этого цикла. Сама проблема старения переживается гораздо острее там, где, как в США, старые люди все более изолируются от

семьи и общества. При исчезновении семьи, объединяющей людей разных поколений, само ощущение жизненного цикла ослабевает, смерть становится всегда преждевременной.

Отношение к смерти всегда есть производное от того психоисторического контекста, в котором оно имеет место. Современная эпоха принесла не только осознание «преждевременности» индивидуальной смерти, но и возможности гибели всего человеческого рода, летальности человечества. И в прежние века возникали апокалиптические видения всеобщей гибели, но тогда подобные угрозы приписывались высшим, сверхчеловеческим силам. Сегодня гибель уже не мифологизируется, она выступает в обнаженном виде как порождение человеческой техники.

Оружие прошлых веков — пуля или стрела — тоже убивало или ранило, но всегда оставалось ощущение предела их действия, не разрушалось чувство непрерывности жизни и истории. Однако суть атомного оружия и современных средств уничтожения в том, что оно не только разрушает, но способно разрушить и сами границы разрушения. Положение еще осложняется тем, что сегодня, видимо, все труднее провести границу между трезвой оценкой опасности и самой дикой фантазией. Человек способен вообразить конкретную смерть, но не всеобщее тотальное уничтожение.

Вьетнамская война, заменившая прежние победы и поражения математическими расчетами числа убитых (*body count, kill ratio*), также явилась наглядным примером технизированного насилия, продемонстрировала абсурдность смерти в современной войне, где уже не может быть героев. Не случайно ни одно военное предприятие в истории США еще не встречало такого морального осуждения.

Переживание стадий жизненного цикла

Но если смерть в современной войне стала абсурдной, то и смысл жизни оказался проблематичным. Все традиционные институты, которые на протяжении истории создавали и поддерживали этот смысл — семья, религия, государство, образование, — сегодня уже поставлены под сомнение. Когда ослаблена ценность общественных институтов, переходные критические этапы жизненного цикла воспринимаются острее и тревожнее. Что означает брак перед лицом современной статистики разводов, что означает стремление обрести профессиональное призвание, когда ценность науки, образования и даже сама идея работы стали предметом острой критики? Необходимость обрести взрослый статус вызывает сегодня не

меньше тревог у молодежи, чем у взрослых перспектива старения. Так искажается само переживание стадий жизненного цикла.

С точки зрения психоисторика, жизненный цикл есть процесс непрерывного создания и пересоздания системы образов и символов, способных стать руководством к действиям, сделать жизнь осмысленной. Однако в результате всех травм и исторических сдвигов современной эпохи возник своего рода «символический разрыв». Можно сказать, что сама способность к символическому осмыслению жизненного опыта уже не выдерживает гонки со скоростью исторических изменений.

В современной Америке появилась прямо противоположная тенденция — стремление табуировать, спрятать подальше от глаз все, что связано со смертью.

Вытесненная сексуальность ведет к *перверсиям*. Викторианская эпоха наряду с ханжеством породила богатую порнографическую литературу. Сегодня стремление «похоронить смерть» порождает новый тип патологии, то, что американский антрополог назвал «порнографией смерти»¹.

Знаменитое кладбище, именуемое The Forest Park, в Южной Калифорнии может служить выражением этой весьма специфической формы порнографии. На этом самом большом в мире кладбище само слово «смерть» подвергнуто запрету. Умершие именуется только «возлюбленными». Их бальзамируют, одевают в модные платья, украшают с помощью косметики, придают лицам радостные улыбки и т.д.

Даже в больницах смерть часто воспринимается как профессиональный дефект, провал для медицины. Сегодня психологи все больше озабочены тем, что масса пациентов в больницах обречена на полное одиночество и отчаяние, умирая среди трубок и сложных механизмов, будучи лишены в то же время человеческого общения. По словам одного крупного инженера, в конце концов мы полностью справимся с проблемой старения, так что единственным видом в Америке будет смерть от несчастных случаев. Последний опыт в этом направлении — «движение друзей крионики», которые исходят из сомнительной предпосылки, что замороженные сегодня, они некогда будут воскрешены и излечены от болезней, которые пока еще неизлечимы.

Для дальнейшего изложения необходимо сначала выяснить вопрос: какого рода знания человек может иметь о смерти? Речь идет

¹ Gorer G. The pornography of death // Identity and anxiety, Glencoe, 1960.

при этом не об отвлеченном знании факта смерти и ее неизбежности — речь идет о формировании внутренней (бессознательной) образно-символической системы, складывающейся из ряда полярных представлений: связь — отделение, движение — неподвижность (стасис), целостность — дезинтеграция. К ним позднее прибавляется четвертая пара: непрерывность — разрыв непрерывности.

Формирование этой системы начинается уже с первых дней жизни, до того как у ребенка возникает знание факта смерти и ее необратимости (в 5—8 лет). Современные работы, основанные на наблюдениях движения зрачков во время сна, показали, что уже новорожденный способен реагировать во сне на внутренние образы, а значит, и способен к их формированию, хотя мы не можем точно представить себе природу этих образов. Однако можно утверждать, что самым ранним «ведущим образом» является образ соединения с матерью как источником жизни, чем противостоит образ отделения от матери, неизменно порождающий страх, который можно считать за прообраз смерти.

Непрерывность и энергичность движений — свойство всех здоровых детей. Таким путем через систему непрерывных упражнений вырабатывается мышечная координация. Так, движение связывается у ребенка с представлениями о жизни, а неподвижность (стасис) — с потерей жизни. Сон — минимум движений — первоначально оказывается для ребенка неотличим от смерти, а бессознательное символическое уравнение смерти и сна сохраняется и в дальнейшем.

Третья пара противоположностей связана с формированием телесного образа (*bodily image*), что сопровождается страхом перед всем, что угрожает этой целостности, — отсюда, в частности, страх телесных повреждений, потери крови, часто непропорционально большой по сравнению с реальной опасностью. Постепенно из названных компонентов складывается система образных представлений о смерти (*death imagery*).

В течение жизни эта образность усложняется, обретает более сублимированные формы. Связь с миром — это уже не физическая привязанность к матери, но система жизненных связей, преданность какому-либо делу или идее. Движение включает не только физическое движение, но и идею непрерывного развития, чему противостоит угроза стагнации. Сохранение физической целостности (что может принять форму постоянной озабоченности своим здоровьем) теперь включает и потребность сохранить свою этическую целостность.

В юношеском возрасте вся эта образная система активизируется. Подростков часто характеризуют как тупых, ленивых, агрессивных, энергичных и т.д. Однако гораздо чаще они оказываются и теми и другими одновременно. Особое значение приобретает упор на экспериментальную проверку подлинности тех или иных жизненных установок. Современная ситуация делает эксперименты с ролями и жизненными стилями одновременно и необходимыми, и очень острыми. В качестве образца для подражания подросткам требуется новый идеальный образ взрослого человека, но стать действительно «взрослым» в наше время не так легко. Отсюда обычные для этого возраста конфликты с родителями, связанные с гиперкритичностью, присущей этому возрасту. Любые слабости и изъяны взрослых воспринимаются как нечто непростительное. Обычно родители воспринимают это как признак плохого к ним отношения. Если в ряде случаев так и бывает, то гораздо важнее другое. Эти конфликты отражают внутреннюю борьбу за достижение новой аутентичной формы взрослого статуса, но вместе с этим — страх и сомнение в своих способностях ее добиться. Юность — время крайней уязвимости, когда смена настроений может резко и непредвиденно меняться, а приступы бурной энергии сменяться депрессиями.

Отношения между поколениями всегда отличались известным напряжением, однако они всегда протекали в рамках определенной критической ситуации, и в периоды быстрых исторических изменений конфликты между поколениями всегда возрастали. Уже этот факт не позволяет выводить их из первично данных и неизменных бессознательных импульсов и влечений.

В наше время юношеский кризис отношений еще нередко осложняется тем, что совпадает с возрастным кризисом самих родителей, которым обычно в это время бывает по 40—50 лет, что отмечает переход от зрелого возраста к старению. Отвлеченное знание о неизбежной смерти становится тогда личной реальностью. Этот обостренный страх смерти часто ведет к негативным последствиям. Однако интересно для нашей темы то, что в некоторых случаях он может вести к подъему энергии и обновлению жизненного стиля.

Наконец, старость — время близкой смерти, а у стариков много, обычно слишком много времени для того, чтобы думать об этом. Однако и старые люди сохраняют способность к общению и стремятся разделить с другими не только свою жизненную мудрость, но и радости жизни. Лишенные прочных связей с обществом, они чувствуют себя более свободными и более способными к восприятию новых идей. Часто их внуки, которые находят своих

родителей совершенно невыносимыми, встречают в них больше понимания.

Для достижения полноценной жизни все три поколения нуждаются друг в друге. В этой связи столь распространенное теперь в Америке раздельное проживание, разделение поколений само характеризуется как форма проявления мортификации, порождающая негативные психические последствия.

Символическое бессмертие, или иммортализация

Огромную роль в жизни людей играет *символическое бессмертие (иммортализация)* и сменяющие друг друга способы ее достижения. Только наличие в человеке такой внутриспсихической структуры или системы иммортализации, осознанной или неосознанной, делает возможной полноценную жизнь перед лицом неизбежной смерти. Еще до недавнего времени вопросами такого рода занималась или художественная литература или теология — дисциплина, довольно далекая от науки. Лишь в последнее время ими активно заинтересовались психологи.

В свое время Фрейд свел идею бессмертия к инфантильным иллюзиям, которые взрослый человек должен отбросить во имя принципа. Переломным моментом оказались здесь работы *Карла Густава Юнга*. Исследуя мифологические представления многих народов мира, он отметил необычайную близость представлений о посмертном существовании в разных культурах и в разные времена. Отсюда он пришел к выводу, что эти представления должны иметь глубокий психологический смысл. Юнг считал, что на самом глубоком психологическом уровне — *коллективного бессознательного* — нет ничего, что отвечало бы представлениям о времени, и из этого выводил идею бессмертия.

Особую жизненную силу «примитивных» племен Юнг видел в их способности жить в соответствии с коллективным бессознательным. Религиозно-мифологическим представлениям он придавал прежде всего психотерапевтическую роль, а в восстановлении потерянных современным человеком связей с этим глубинным психическим слоем, необходимых для поддержания психического здоровья, он видел главную задачу своей системы терапии. Однако, не проводя четкого различия между психической ролью символов и их объективной реальностью, Юнг занял довольно двусмысленное положение между религией и наукой.

Сама потребность в выработке символов ни в коей мере не иллюзорна. Способность к символизации — непрерывному созданию и пересозданию внутренних форм и образов (то, что он именует

психоформирующим процессом) есть необходимое условие для поддержания жизни.

Р. Лифтон и Э. Ольсен выделяют пять модусов, или категорий, иммортализации.

1. *Биологическое бессмертие* — надежда на жизнь в потомстве. Особую роль эта форма бессмертия играла в традиционных и восточных культурах. Сама идея рода, семейного имени выходит за рамки биологии, человек смотрит на себя только как на передатчика священных традиций, унаследованных от далеких предков. В этом случае правильнее было бы говорить уже о биосоциальном бессмертии.

2. *Творческое бессмертие* — надежда на продолжение жизни в своих делах или в своих созданиях. Помимо художественного, научного и, наконец, технического творчества сюда же можно отнести деятельность воспитателей (передача другим унаследованных традиций или знаний), врачей (благотворное воздействие на жизнь других) — в целом все виды деятельности, способные создавать «эффект иммортализации»

3. *Теологическое бессмертие* — исторически самая значительная его форма. Свои устремления и волю к бессмертию человек традиционно выражал посредством языка религии. Однако в различных религиях само понятие бессмертия отражало различный смысл (бессмертие души, воскресение тела, перевоплощение). Причем в основе всех наиболее влиятельных религий лежит идея трансцендирования смерти через установление своей связи с вечными духовными ценностями. Христианство требует для этого личных духовных достижений. Однако опасность этого модуса бессмертия — в склонности легко терять символическое качество и утверждать себя буквально.

4. *Натуралистическое бессмертие* — через соединение с природой. Так, в японской культуре сама природа рассматривалась как воплощение божественных сил. Красота японских садов отражает это культурное наследие. В Индии боги также всегда изображались среди гор и долин, которые составляли их духовный дом. Растущая сегодня озабоченность сохранения природной среды свидетельствует, что эта форма иммортализации не утратила своего значения.

5. *Чувственная трансценденция* — этот модус отличен от всех остальных, поскольку он основан исключительно на прямом личном опыте — преодолении чувства времени, просветлении или расширении повседневной жизненной сферы и, наконец, достижении экстаза или потери ощущения своего сознания с собственным телом, что способно восприниматься как пребывание «по ту сторону

смерти». Данный модус имеет множество уровней. Изменения, хотя бы кратковременные, повседневного уровня сознания — не только универсальная психическая возможность, но и психическая необходимость, что признавалось во всех культурах прошлого. Празднества, фестивали, карнавалы способны дать чувство свободы от рутинных ограничений. В традиционных обществах они связывались с тем, что М. Элиаде назвал «мифологическим временем», возвращением к первым дням творения, что несло с собой опыт перерождения и обновления. Годовщины — своего рода дни рождения для общества, с помощью которых оно стремится почувствовать себя обновленным через возвращение к своим истокам.

С древнейших времен человек применял многообразные методы для достижения подобного опыта. Помимо многих психоактивных веществ растительного происхождения к ним относились различные виды аскетической техники (вплоть до самоистязания), посты и лишение сна, длительное пребывание в одиночестве, гипноз, экстатические танцы, медитации и т.д. Однако развитие синтетической психохимии сделало достижение подобного опыта несравнимо более легким и доступным.

Для нашей темы, особенно важно подчеркнуть неразрывную связь этого модуса с четырьмя другими. Хорошо известно, что качество психоделического опыта зависит далеко не от одних психохимикалиев, которые могут являться здесь пусковыми механизмами. Качество опыта определяется в первую очередь уровнем внутренней подготовки и самим характером экспектаций, а также и внешним окружением. Не менее важно и то, с кем разделяется опыт, поскольку полноценный опыт достигается только в межличностном поле, но не в одиночестве. Иными словами, опыт включается в широкий символический контекст, уже существовавший до принятия химикалиев, и там интегрируется со всеми предыдущими модусами и, что самое важное, ведет к их укреплению и интеграции.

Удавшийся опыт такого рода всегда включает в себя мощные интенсификации всех форм сенсорного опыта и ведет к внутреннему просветлению, связанному с расширением сознания или «жизненного пространства». В длительном плане, иногда уже после первого сеанса, это порождает чувство обновления, даже нового рождения, укрепляет чувство уверенности в себе и связь с другими людьми. В основе здесь лежит перестройка символической системы иммортализации, иначе говоря, укрепление жизненной силы во всех ее трех основных формах — осознании своей связи с миром, целостности и движении.

Парадоксально, что сама образная система, связанная с восприятием смерти (отделение от мира, потеря своей целостности, оцепенение), побуждает человека к созданию противостоящей ей системы символического бессмертия. По словам современного английского романиста Е. Форстера, «смерть разрушает человека, а идея смерти спасает его». Но фактически в каждый момент жизни складывается тот или иной баланс между этими обеими системами. В случае резкого преобладания негативной образности или особо неблагоприятных внешних условий те же психохимикалии способны даже привести к активации образов смерти, порождая чувство изоляции, страха и параноидной паники.

В целом измененные формы сознания имеют огромный диапазон — от просмотра захватывающего фильма до гипнотического транса. Рядом с подлинными существуют и формы ложной трансценденции. Некоторые наркотики (кокаин, героин, морфин) вместо ожидаемого освобождения приводят к новым, нередко более тяжелым формам зависимости. Прием больших доз алкоголя вместо ожидаемого подъема может привести сначала к бесчувствию, а затем к депрессии.

Дзэн-буддизм предлагает своим адептам «окаменеть, чтобы слушать камни» (впрочем, не имея подобного опыта, трудно судить, о каком именно состоянии здесь идет речь). У некоторых лиц трансценденция может вести к страшному смещению позитивного и негативного опыта, так что они, употребляя религиозные метафоры, попеременно оказываются то в раю, то в аду. Одним из худших вариантов может стать потеря самого чувства новизны — образа жизни как движения, что порождает тяжелые формы психической мортификации.

В целом, несмотря на возможные негативные аспекты, опытная трансценденция остается ключом к иммортализации всех типов. В основе ее лежит не желание уйти от мира, но потребность в активации жизненных сил посредством того, что можно было бы назвать «прикосновением к вечности».

Тот или иной баланс, складывающийся между двумя антагонистическими образными системами, порождается не только личным опытом индивида, но в значительной мере психоисторической ситуацией в целом. В период резких исторических смещений с их обязательной переоценкой традиционных социальных ценностей неизменно повышается стремление к новым «экспериментальным» методам иммортализации, с другой же стороны, все, что может говорить об усилении системы негативных представлений, воспринимается особенно остро. Так, самоубийство никогда не оставалось

только частным делом, но свидетельством о дефектах в самой системе социальных ценностей. По существу это отчаянная иррациональная попытка покончить разом со страхом смерти, который становится невыносимым. Но даже здесь можно выявить и парадоксальную попытку утвердить свою целостность — верность идеям или каким-либо жизненным принципам.

То, что самоубийство не только акт отчаяния и разрушение всей системы ценностей, свидетельствует хотя бы традиционная японская практика ритуальных самоубийств (харакири), что рассматривалось как способ утверждения своего социального достоинства. В свое время крупный японский писатель Юкио Мисима пытался оживить эту традицию. Он покончил с собой только ради того, чтобы внушить японцам, насколько они отошли от своих национальных идеалов. Результат этого эксперимента оказался двойственным: если на одних он произвел глубокое впечатление, то другие нашли подобные действия совершенно абсурдными.

Конечно, не все самоубийцы обладают таким высоким моральным кодексом, как самураи, но самоубийство всегда есть парадоксально-негативное утверждение каких-либо жизненных ценностей. Однако едва ли когда оно было способно укрепить жизненные ценности в других, поскольку в основе здесь лежит стремление к невозможному — попытка «убить свою смерть».

Хотя общество состоит из индивидов, история общества есть нечто большее, чем сумма историй составляющих его лиц. Поэтому психологический подход к истории требует прежде всего разработки концептуальной системы, которая могла бы связать действие отдельных индивидов с коллективными процессами.

Понятие «*негативная символическая система*», выдвинутое Лифтоном, может оказаться здесь полезным. Человек никогда не был способен преодолеть разрушительное действие этой системы в одиночестве. Возникает проблема, равно связанная как с индивидом, так и с обществом, — как соединить индивидуальный жизненный «проект» с коллективным историческим «проектом». Последний термин здесь уместен, поскольку он предполагает наличие как целей, так и методов их достижения. С точки зрения индивида, этот проект сводится к достижению осмысленных отношений с теми ценностями и символами, через которые он способен утвердить свое символическое бессмертие. Цель *коллективного проекта* — поддержание этих модусов бессмертия среди его членов.

В различных культурах могут возникать проекты разного типа. Во многих древних обществах примитивные религии развивали механизм радикального отрицания смерти, не допускающей самого существования естественной смерти. Однако сам этот миф оказы-

вался источником постоянного напряжения в обществе, порождал страх порчи или колдовства. В древних культурах предков утверждалось способность прямого воздействия умерших на живых. Наделять умерших предметами, имеющими жизненный смысл, значило отрицать реальность самой смерти.

По мере того как символика такого рода теряла свою эффективность, возникала более сложная задача — поддержание жизни перед лицом неизбежной смерти. Чтобы тот или иной модус бессмертия сохранял свою значимость, он должен тесно соотноситься со специфическим опытом, присущим данному историческому периоду. Отсюда непрерывная перестройка и новое утверждение этих модусов, параллельное с изменениями условий существования. Для современных американцев, например, потеряли свою убедительность не только те модусы, которые удовлетворяли древних греков, но и те, которые успешно действовали еще в XIX в. Общая тенденция религиозной и этической мысли заключается при этом в постепенном переходе от решающей роли безличных природных сил или сверхъестественных сил к более сложным символическим построениям, более психологичным и теснее связанным с жизнью индивида.

Несовместимые друг с другом жизненные ценности способны, однако, сосуществовать и вступать в конфликты. Традиционная для США социальная модель связана с высоким уровнем образования, постоянной работой, хорошими жизненными условиями и с достижением высокого социального статуса. Противостоящая ей контрмодель, напротив, подчеркивает экспериментирование ролями и жизненными стилями, достижение самовыражения взамен обретения социального статуса, реализацию в настоящем взамен самоограничений во имя будущего. Нередко, однако, сейчас встречаются и комбинации новой и традиционной модели, что облегчает обретение своего индивидуального жизненного стиля. Переходные эпохи всегда выделяются богатством и многообразием жизненных типов.

Вместе с тем параллельно с падением престижа социальных и культурных институтов идет процесс выработки новых символов и ревитализации старых. Однако, как еще раз показал опыт молодежных движений 60-х годов, — это длительный и болезненный процесс, который неизбежно сталкивается как с внутренними, так и с внешними трудностями.

Преобразование модусов бессмертия

Поворотными пунктами в истории можно назвать моменты радикальных изменений или глубоких изменений или глубоких мо-

дификаций прежних модусов иммортализации. Но чтобы сделать такую перестройку возможной, старые ценности должны отмереть как на социальном, так и на индивидуальном уровнях.

Одним из самых радикальных изменений в истории явилась культурная революция в Китае, вызвавшая радикальные изменения всей системы ценностей наряду с попытками создания новой, нашедшей свое крайнее выражение в цитатниках Мао. Биологический модус бессмертия, освященный древней конфуцианской традицией, стремятся при этом заменить культом всего китайского (ханьского) этноса как единой революционной общины. Идею творческого бессмертия, которая поддерживала в прошлом столь высокий уровень китайского ремесла, тоже стремились заменить идеей работы на пользу революции, в которой отдельный человек теряет всякую индивидуальную ценность. Наконец, метод опытной трансценденции получил свое уродливо-искаженное выражение в период «культурной революции».

Если духовные герои прошлого (Будда, Христос или Лао-Цзы) были сакральными моделями, олицетворяющими для своих последователей уже достигнутую победу над смертью, то лидеры нигилистически-деструктивного типа, как Мао или «победитель смерти» Гитлер, способны указать только на ложные пути к бессмертию.

В целом во всех «испорченных символических системах», жизненная сила которых угасает, происходит неизбежная фрагментация как самого образа мира, так и человека. Это, однако, двойственное явление, которое создает возможности для новых комбинаций и перестройки. Ослабление казавшихся прежде незыблемыми социальных институтов порождает столь же противоречивое чувство: с одной стороны, почти все дозволено, а с другой — почти ничего нельзя достичь.

Президент Трумэн, узнав о действии атомной бомбы на Хиросиму, воскликнул: «Это величайший акт в истории!» Обращает на себя внимание, что многие ученые, присутствующие при первом атомном взрыве в Лос-Аламосе, выражали свои впечатления на языке, который можно было назвать по существу религиозным. «В этот момент время остановилось, и над ним нависла вечность. Казалось, что небеса раскрылись, как будто ты оказался свидетелем рождения нового мира».

Поскольку опыт религиозного обращения предполагает изменение образа Космоса и места человека в мире, подобные реакции первых свидетелей можно назвать религиозными. Возникло чувство наступления «радикально нового» и нового контакта с бесконечным. Только роль прежнего божества взяла на себя бомба сверхче-

ловеческой силы, способная изменить сам ход истории. В последующие годы среди политиков, военных и части ученых Запада возникло нечто подобное новой вере, то, что можно именовать «религией нуклеаризма». В основе ее лежит стремление к идентификации с новой сверхчеловеческой силой. Это специфическая форма патологии силы и даже новая форма ложной иммортализации, сходная по своей природе с тоталитаризмом.

Дискуссия об атомном оружии и атомной дипломатии — яркий пример извращения логики, к которому привело изобретение атомного оружия. Нуклеаристское мышление вторглось в сферу международных отношений. У ряда американских политиков в первые послевоенные годы возникла уверенность в том, что большая атомная «дубинка» способна разрешить все мировые политические проблемы или стать гарантом всеобщего мира. Когда же стало ясно, что США не смогут защитить себя от ядерного оружия в случае новой войны, возникли бурные дебаты о том, сколько останется выживших в этой войне, строить или не строить атомные убежища. Создатель водородной бомбы Э. Теллер, например, заявил, что выжившие не только не будут завидовать погибшим, но и сохранят идеалы демократии.

Реальный опыт Хиросимы при этом почти не принимался в расчет. В свете этого опыта, однако, очевидно, что сам вопрос был поставлен неправильно. Следовало не пытаться определить, какая часть населения переживет атомную войну и будут ли выжившие чувствовать себя мертвыми. У переживших Хиросиму взрыв оставил неизгладимую «печать смерти», породил сильнейшую степень психического онемения или мортификации, при которой сама граница, отделяющая жизнь от смерти, стирается и теряется способность к осмысленному восприятию окружающего. По мере того как это состояние ослабевало, его место занимал страх радиоактивного излучения и чувство вины, порожденное тем, что после взрыва оставшиеся в живых буквально оцепенели и были неспособны оказать помощь раненым или оказавшимся под обломками родным и согражданам. Между тем бомба, поразившая Хиросиму, была еще очень «слабой», по современным критериям.

Постепенно и многие политические деятели стали осознавать, что атомное оружие не способно служить ни средством сдерживания, ни наказанием для нарушителей международного права. Как писал один журналист, полисмены, вооруженные атомной бомбой, не смогут предотвратить даже нападения на один дом, не разрушив при этом целый город.

Однако, быть может, худшее заключается в том, что само существование атомного оружия и без его применения, одно сознание

того, что человеческий род ныне сам способен себя уничтожить, ослабевает или подрывает все существующие модусы человеческого бессмертия. Биологический модус подорван в наибольшей степени. Однако оказался затронутым и теологический модус. Дело в том, что надежды на посмертное существование обесцениваются, если они не сопровождаются гарантией земного выживания.

При отсутствии или минимальном числе живущих само обещание духовного выживания теряет свою символическую и утешающую силу. Показательно, что в Японии ни одной из религий не удалось дать осмысленной формулировки атомной катастрофы. Возможность атомной катастрофы повреждает тот заложенный в человеке глубинный слой «базисного доверия к миру» (Э. Эриксон), к которому апеллирует религиозная символика. Воздействие атомного оружия на современные религиозные течения оказалось глубоко двойственным. С одной стороны, возросла тяга к натурализму, гуманизации религиозных представлений. Подчеркивается религиозный смысл земного призвания человека и его ответственность. Однако в то же время имеет место подъем экстремистских и апокалиптических течений, выступления проповедников, возвещающих осуждение человеческого рода или призывающих ко всеобщему покаянию.

Творческое бессмертие также неизбежно подрывается, поскольку оно связано с надеждой на длительное сохранение результатов своих трудов. Особенно ослабевает благотворное воздействие науки и научно-технического прогресса вообще.

В этих условиях возрастает значение натуралистического бессмертия. Однако, с другой стороны, растет и сознание того, что природа, как и человек, уязвима к действию атомного оружия и загрязнению. В этой ситуации исследование космического пространства приобретает специфическую символическую нагрузку. Стремление человека расширить почти до бесконечности свое естественное окружение, распространение спекулятивных теорий о возможности жизни на других планетах или в иных галактиках создает самое приемлемое, хотя и иллюзорное разрешение проблемы сохранения жизни.

Подрыв всех отмеченных четырех модусов бессмертия повысил значение пятого модуса — опытной трансценденции, поскольку этот модус обращен на настоящее и не в такой мере связан с сохранением непрерывности и исторической перспективы, как четыре первых модуса. Неизменно повышается роль всех тех средств, которые дают более интенсивные переживания настоящего. Крайние формы этой трансценденции (буддийское самадхи или психодели-

ческий экстаз), однако, неизбежно связаны с достижением жизненных пределов и соприкосновением со смертью как условием для обновления жизни (ревитализации), что связано с универсальной символикой смерти и возрождения. Однако «под сенью атомного оружия» сама смерть способна обесмысливаться, поскольку разрушается бессознательная символическая связь образа смерти и «нового рождения».

Уже отмечалось, что смерть стала запретной темой в западной цивилизации. Однако ныне это табу заметно ослабевает. Растет осознание того, что изучение темных глубинных сторон человеческой психики и системы бессознательных представлений, связанных со смертью, позволяет лучше выявить те опасности, которые подстерегают человека в ядерный век. Изучение процессов умирания и жизненной роли универсальной символики смерти — воскресения стало сейчас в США предметом пристального внимания ряда психологов и психиатров (а также и теологов), хотя слова о «прогрессе» в подобной области и звучат достаточно парадоксально.

Когда в свое время Фрейд продемонстрировал наличие сексуальной символики в фантазиях и сновидениях и показал, что человек сплошь и рядом способен наделять символическим сексуальным значением явления и предметы, не имеющие к сексуальности решительно никакого отношения, он этим сделал нечто гораздо большее, дал только оценку роли сексуальности. Этим он впервые продемонстрировал почти неограниченные способности человека к символизации, возникающей на основе главных биологических жизненных фактов. Сами эти биологические факты наделяются таким образом сложной психологической нагрузкой, жизненно важной как для отдельных индивидов, так и для целых культур.

Альтернативные формы выживания — поиск «нового рождения» и мортификация

Жизненный цикл — от рождения до смерти — есть сам по себе биологический факт, который, однако, способен нести также мощную символическую нагрузку. Связанная с ним символика смерти и возрождения — самая универсальная форма человеческой символики. Особая сила ее в том, что она обретает свою энергию из близости к биологическим фактам рождения и смерти, которые всегда неотделимы от друга, как и начало жизненного цикла смыкается с его концом (тема, специально разработанная Эриксоном в его учении о стадиях жизненного цикла). Вместе с тем надежда на новое рождение и обновление жизни — универсальное стремление большой психической силы. Те же образы смерти и воскресения, как и

наступление дня после ночи или весны после зимы, также непрерывно сопутствуют человеческой жизни.

Эта символическая система связана с глубокой надеждой, но она не имеет ничего общего с поверхностным оптимизмом, поскольку и жизнь и смерть здесь неотделимы друг от друга. Обретение нового смысла жизни требует соприкосновения со смертью. Образ героя, победившего смерть и вернувшегося к людям, чтобы передать им полученные знания, относится к числу самых универсальных человеческих образов. По принятой терминологии, герои такого рода — это «выживатели», близко соприкоснувшиеся со смертью и в силу этого испытавшие крушение прежних форм иммортализации, — и являются истинными творцами в истории. Выживший неизменно ищет новых — внутренних психологических и внешних жизненных форм, поскольку старые формы для него уже потеряны.

Эти поиски, однако, требуют эксперимента и риска для достижения нового символического прорыва, они могут сами принять опасное и разрушительное направление, но само по себе бедствие еще не есть гарантия возрождения. Задача затрудняется и тем, что сам выживший может быть настолько «затронут смертью», что не находит в себе силы для нового творчества. Если новые формулировки пережитого опыта не достигаются или не ненаходимы, неизбежно наступает *психическое онемение, мортификация*. По своей сути это есть провал процесса символизации и форма парциальной смерти, защищающей от травматического внешнего опыта. Эти альтернативные формы выживания — поиск «нового рождения» и мортификация — часто выступают рядом.

Оба этих типа выживания были специально изучены на основании анализа большого числа ветеранов вьетнамской войны¹. Эта была война без героев, в которой невидимый враг был растворен среди того населения, которое они были призваны защищать. Это война, в которой не было побед, а единственным показателем успеха служил гротескный и фальшивый *body count*, и в то же время в этой технически бедной стране мощная американская техника теряла свою эффективность. Сама война в таких условиях становилась гротескной, почти абсурдной.

Все это прежде всего порождало неизбежную переоценку обычных представлений о противнике как о человеке низшей природы, по типу американских ниггеров. Это осознание жертв как неполно-

¹ *Lifton R.Y.*, Home from war. Vietnam veterans — neither victims nor executioners. — N. Y., 1973.

ценных людей может порождать депрессию и чувство вины, но вместе с тем и стремление переосмыслить полученный опыт и сделать его достоянием других. Этот процесс имеет две стороны, будучи направлен как во внутрь самого себя, так и вовне, может быстро перерасти в критику общества, переходя от психотерапевтического на психоисторический уровень.

Вьетнамская война послужила катализатором для процессов, уже давно шедших в американском обществе. Эти процессы сами глубоко противоречивы, поскольку разрушительные (и саморазрушительные) аспекты в них тесно переплетаются с созидательными.

Многие из американских ветеранов вскоре включились в психологический стиль, который можно назвать экспериментальным. Он заключается в непрерывном поиске новых жизненных форм и отношений. Этот стиль, названный *протеическим*, включает в себе творческие возможности, но вместе с тем таит и опасности, поскольку поиск новых ценностей может переходить в поверхностное касание и легкую адаптацию к непрерывно меняющимся модам, к поиску перемен ради них самих.

Реакцией на протеический стиль стал неоконсерватизм, стремление замкнуться в старых формах как в скорлупе, протест против любых новшеств и изменений. Это столкновение двух стилей имеет более широкий смысл, чем конфликт поколений, поскольку то же разделение можно обнаружить и в среде самой молодежи.

Модусы бессмертия в исторической перспективе

Как же соотносится протеический стиль с пятью модусами и символического бессмертия.

1. *Биологический и биосоциальный модус.* С ним связаны и изменения прежних представлений о мужских и женских ролях и радикальная переоценка представлений о мужественности и женственности. Американский, часто утрированный идеал агрессивного, физически сильного, экстравертированного мужчины, всегда бодрого и никогда не имеющего права проявлять сомнения, уступает место более «мягкому», открытому или «артистическому», интровертированному типу. Женский идеальный тип претерпел прямо противоположную эволюцию. Современные феминистки часто перенимают мужские ценности — энергичность, физическую силу и даже агрессивность, направленную как против мужчин, так и всех «женственных» женщин. Нет сомнения, что эти эксперименты с сексуальными идентичностями особенно часто ими легко приобретают самые гротескные или абсурдные формы. Однако, несомненно, что по-

пытки экспериментально исследовать истинную природу мужского и женского начала касаются одного из самых трудных и кардинальных психологических вопросов.

2. *Теологический, или духовный модус.* Протеический стиль очевиден в необычайно широком диапазоне существующих ныне религиозных форм — от религиозно-политического активизма до увлечения экзотическими восточными религиями и оккультизмом. Идеолог «нового религиозного стиля» католический теолог Дж. Дюнн говорит об исследовательском или экспериментальном религиозном типе, который обращается к религиозным традициям других культур ради обновления собственной религии. Однако если упор делается на самом поиске новых и более глубоких доктрин, это превращается уже в самоцель и, очевидно, не может найти завершения. Это способно подорвать и саму религиозность.

3. *Творческий модус.* Здесь выдвигаются два крайних тезиса — превращение работы в удовольствие или отрицание ее ценности вообще (идеал «общества праздности», где все работы будут выполнять роботы). Важнее то, что в очень широких масштабах растет требование осмысленности работы, а также, чтобы работа по возможности сближалась с игрой. Ведутся и довольно широкие эксперименты с рабочими коммунами и иные поиски новых форм организации труда, в частности, с возвращением к домашнему труду с помощью новой электронной техники.

4. *Природный модус.* Озабоченность разрушением природной среды возрастает из года в год. Растет также стихийное движение бегства из городов, чтобы стать землевладельцами или дровосеками. Конечно, кажется абсурдным искать разрешения проблем супериндустриального общества, уходя в леса Вермонта или дебри Скалистых гор. Однако и здесь не следует упускать из поля зрения существо дела — стремления к духовному обновлению через новое соприкосновение с природой и ее живительными ритмами.

5. *Опытная трансценденция.* «Психоделическая революция» 60-х годов была очень показательна как стремление выйти за пределы повседневных форм сознания. Гораздо важнее самих психхимикалиев, которые лишь одно из многих средств, способных изменять состояния сознания, — это самое стремление к достижению новых более интенсивных форм межличностного общения. Ныне вокруг «опытного радикализма» идет острая борьба. Если одни критики оценивают его как прорыв к реальности, то другие — как бегство от нее. Однако правильнее сказать, что созидательные и разрушительные аспекты присущи всем поискам иммортализации, как неотделимы друг от друга и образы смерти и возрождения.

Парадоксально, но сам современный масштаб опасности может стать источником жизненной силы, тогда как стремление «похоронить смерть» не могло служить таким источником. Ростки этих новых жизненных сил сегодня заметны во всех областях. Кроме того, мы благодаря современной глубинной психологии гораздо больше знаем о природе тех разрушительных сил, которые заложены как в индивидуе, так и в обществе. Это вселяет некоторый осторожный оптимизм, хотя сегодня едва ли кто решился бы с точностью предсказать конечный итог.

Литература

1. *Бейли А.А.* Душа и ее механизм. М., 1999
2. *Гуревич П.С.* Клиническая психология. М., 2001
3. *К.Г. Юнг* и современный психоанализ: Хрестоматия по глубинной психологии. М., 1997
4. *Лоуэн А.* Страдание. Минск, 1999
5. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998

Вопросы для повторения

1. Что такое «табу смерти»?
2. Как вы представляете себе символическое бессмертие?
3. Перечислите модусы иммортализации?
4. Что такое негативная символическая система?
5. Как вы представляете себе «протеический стиль»?

Темы рефератов

1. Жизненный цикл.
2. Смерть и бессмертие.
3. Модусы символического бессмертия.
4. Влечение к бессмертию как инфантильное переживание.

Психология террора

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром?
Слышу ваш топот чугунный
По еще неоткрытым Памирам

Валерий Брюсов

Социальный кошмар

Терроризм — одна из самых отвратительных язв современной жизни. Он является страшной, но безусловной реальностью сегодняшнего дня. Терракты следуют один за другим в клочковатом противоречии Израиле и в сонно-благополучной Австрии, в постиндустриальных Англии, Франции и Америке и в полуфеодалных Шри Ланке, Египте, Индии, под палящим солнцем Алжира и в заснеженной Швеции. Террористы выступают одиночками, группами, партиями, чуть ли не странами. Терроризм держит в страхе миллионы обывателей. Борьба с ним становится едва ли не международной проблемой.

Террор в переводе с латинского означает страх, ужас. В политическом лексиконе Европы это слово появилось в XIV в., когда с латыни на французский были переведены сочинения древнеримского историка Тита Ливия. Особенно популярным оно стало во времена Французской революции, которую еще называют «эпохой террора». В XIX в. центром терроризма была Россия: народовольцы и народолюбцы убили самого царя.

В разные исторические эпохи слово «террор» использовалось для определения совершенно различных насильственных действий.

Именно по ночам, не всегда, впрочем, лунным, собирались в своем штабе на улице Сент-Оноре террористы-якобинцы, чтобы разрабатывать планы разрушения цивилизации, именуемой Францией. В отличие от диггеров якобинцы открыто требовали кровопролития. В первую очередь им нужно было убить королевскую семью, священников, дворян, поэтов, ученых, трудолюбивых крестьян и ремесленников, а также судей. Одновременно разрушать монастыри, церкви, памятники старины и память о славе предков.

Затем создать республиканский календарь и заменить христианские праздники революционными¹.

После Французской революции этим понятием стали обозначать самые разные явления — насилие и репрессии, осуществляемые в ходе войны, политические покушения и убийства, массовые казни. Понятие терроризма, как показывает Г.А. Улупова, выделялось лишь в качестве специфического действия — терроризм как осуществление террора². Начиная с 70-х годов XIX в., после серии политических покушений и убийств видных государственных деятелей Европы, понятие «терроризм» обозначает определенный вид политической борьбы. Так называют политические убийства, совершенные оппозицией. А сам термин «террор» закрепляется за репрессивными действиями государства.

XX век («век-волкодав») вошел в историю как время крушения традиционных устоев, острейших социальных противоречий, террористической экспансии. Наряду с политическим стал реальностью цивилизационный, экономический, психологический, информационный, социальный (бытовой) терроризм. Процессы глобализации вывели терроризм в мировое пространство и можно сказать, что он маркирует XXI век.³ Терроризм с его непредсказуемостью, хаотичностью, фанатизмом, сложностью становится глобальным дестабилизирующим фактором для мирового сообщества.

Русские террористы (с которых все и началось) убивали русских императоров и губернаторов. Халтурин, взрывая Зимний, закладывая огромную бомбу под царскую столовую, знал, что убивает не только императора, но и всех его детей, гувернанток, официанток (погибли сорок невинных солдат и офицеров обслуги). Французские террористы ОАСовцы взрывали французов, охотились на кумира Франции — де Голля. ИРА — ирландцы пролили море крови в Великобритании; баски — в Испании; еврейские террористические организации убивали англичан в Палестине, добиваясь их ухода. «Аль-Каида» и десятки других мусульмано-арабских террористических организаций.

До начала нового тысячелетия специалисты анализировали в основном политический терроризм. Достаточно прочно устоялось понимание международного терроризма, как действий, направленных на причинение ущерба другим государствам, вмешательства в

¹ *Карабутенко Иван*. Робеспьер в лунном свете. Мистика террора и его реалии // Независимая газета, 2 июня 1999 г.

² Там же.

³ *Улупова Г.А.* Терроризм как социальный феномен. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филос. наук. Тверь, 2003. С. 1.

их внутренние дела. События 11 сентября 2001 г., открывшие историю нового века, показали, что человечество столкнулось с проблемой транснационального терроризма, чьи цели и методы значительно отличаются. Жертвами разрушительных актов становятся страны с различным уровнем экономического и социального развития, несхожими социокультурными, религиозными традициями и историческими судьбами, неравномерностью цивилизационного развития.

Современный терроризм приобретает такие черты, как глобальность (масштабность акций в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., захват заложников на Дубровке в Москве), темпоральность (частота применения насильственных действий), тотальность (последствия разрушительных результатов — физические, психические, психологические, финансовые, экономические, информационные, антропологические). Терроризм XXI в. становится все более анонимным, его результаты все более устрашают, число возможных участников безгранично.

«Нам объявлена война», — заявляет российский президент. Действительно, по мнению специалистов, всемирная террористическая сеть — это сотни разнокалиберных организаций. Из них только на Ближнем и Среднем Востоке около 200, в России — 20. Они периодически взаимодействуют друг с другом. Самым крупным образованием можно считать структуры, которые соединены радикальным исламским мировоззрением. Всемирная антитеррористическая система представляет собой нечто вроде планетарной пирамиды. Ее вершина состоит из 11 организаций глобального масштаба, объединяющих подавляющее большинство государств. Основа пирамиды — антитеррористические подразделения отдельных стран, их примерно 200, каждое из которых входит в 3—5 международных объединений разного уровня.

Террористы — кто они?

Террористы — кто они? Фанаты, некрофилы, шизоиды? Вряд ли можно ограничиться моральной экспрессией: они — нелюди, сумасшедшие, безумцы... Но ведь террористы демонстрируют конкретно выраженную волю, трезвый расчет и планомерность. Нам явно не хватает и психологических знаний. Трудно судить о ядре иной культуры. Возникают сложности, связанные с цивилизационной идентификацией.

Но есть и другие опасности. Можно говорить об интенсивности демографических диспропорций: прирост населения богатых стран за счет собственных ресурсов практически прекратился, а темпы

прироста населения в беднейших и перенаселенных странах Азии, Африки, Латинской Америки не только не снижаются, а даже растут. Авторы американской книги «Терроризм 2000 г: будущее лицо террориста» считают, что «завтрашние террористы будут вдохновляться не политической идеологией, а яростной этнической и религиозной ненавистью».

Можно говорить о разных видах терроризма. *Идеологический терроризм.* Его носителем являются представители групп, которые исповедуют идеологию меньшинства, исходящую из того, что существующий режим реакционен, преступен, вреден и незаконен. Он, следовательно, вообще отжил свой век. Именно поэтому против него и против любых его представителей, даже против любых граждан, которые покорно поддерживают данный режим, возможны любые способы их устранения. Примеры такого терроризма: русские народовольцы, французские анархисты, германские консерваторы, большевики, фашисты, теракты неофашистов в Италии в конце 70-х годов прошлого века, «красные бригады» и «Фракция Красной Армии» в ФРГ. Этот вид терроризма можно отыскать в любом другом терроризме. Он, по существу, встроен в него.

Этнический терроризм. В данном случае речь идет о национальном меньшинстве, включенном в состав национального большинства. Оно отказывает меньшинству в определенных правах — чаще всего в праве на этнополитическое самоопределение. Поэтому существующая политическая система приравнивается к политической структуре мажоритарной нации, то есть к большинству. Следовательно, этнические меньшинства рассматривают терроризм как единственную возможность заявить о своих правах в условиях, когда полноправное политическое участие в определении собственной судьбы иным путем невозможно. В данном случае можно говорить даже о расизме, поскольку теракт направлен против любых представителей большинства. Они предумышленно демонизируются, наделяются темными и злыми свойствами¹. Самые яркие примеры этнотерроризма — баски (ЭТА), сицилийские сепаратисты, ирландцы, курды и в новейший период — карабахские армяне и чеченцы.

Политический терроризм. Предполагается полное закабаление других стран или народностей. Примером может служить покорение индейцев в Америке. Индейцы как единого народа или этноса никогда не было. Речь идет о всех, кто жил в Америке. Акалуфы и яганы, достигшие Огненной Земли, эскимосы на своих лодках, жи-

¹ Лебедев Валерий. Террор. Массовое безумие или вечные поиски золотого века. // Независимая газета от 14 августа 1996 г.

тели Скалистых гор и долины Теуакана со своими кукурузными плантациями. США как государство возникло в результате политико-этнической чистки. Коренные жители были изведены с таким же усердием, как леса, которые следовало вырубить, освобождая место для пахоты.

Об исламе нельзя говорить одномерно. Само слово «ислам» означает «мир». Проблема в том, что исламские лидеры и организации, стоящие на умеренных позициях, не оказывают заметного влияния на политику. Влияют на нее исламисты. Они представляют собой меньшую по удельному весу, но значительно более активную часть исламского мира. Именно они, заявляя претензии на политическую власть, предлагают своим сторонникам простые и быстрые решения накопившихся социально-этнических проблем. Крайне болезненно реагируют на любые попытки навязать им западные образцы бытия.

Терроризм сегодня не имеет мусульманских корней, так же как католических (баски) или протестантских (Северная Ирландия). Он использует религиозный фанатизм. Политические цели ставит перед собой и современный ислам. Межнациональная рознь прямого отношения к террору не имеет. Нынешний террор — совсем иное. Масштаб терроризма, ассоциирующегося с радикальным исламом, несопоставим с масштабом, скажем, ИРА или ЭТА. Но во всех случаях терроризм остается лишь инструментом для достижения политических целей. Организаторы терактов не могут считаться верующими, к какой бы конфессии они себя не относили. Методы, которыми руководствуются террористы, очень опасны, поскольку провоцируют религиозные и межэтнические войны. Они же оказываются жестокими и кровавыми.

Несколько лет назад началась война ислама со всем миром. Сначала локальные взрывы дипломатических миссий, отелей, самолетов, захваты отдельных заложников. Однако постепенно фронты войны расширялись. На языке ислама она называется «джихад» (борьба за веру) или «газават» (война, набег на веру). Исламисты убивают нас, потому что мы чужие. Сегодня у них миллионы бойцов, громадные финансовые средства, мощная система пропаганды и контрпропаганды, с успехом использующая даже ведущие каналы российского телевидения.

Религиозный терроризм. Носителем террора, как правило, выступает религиозное меньшинство. Они придают своему террору теологическую окраску. Здесь можно назвать терроризм неортодоксальных религий, культовых объединений. Члены различных неинституциональных религий объявляют себя истинными верующими,

которым суждено спасение в отличие от тех, кто не придерживается данных религиозных убеждений. Классическим образом такого подхода может служить арабский терроризм в Палестине

Общественное мнение и терроризм

В 2006 г. Институт социологии Российской академии наук провел масштабное исследование по терроризму. В ходе опроса ученые пытались выяснить, какой смысл граждане вкладывают в само понятие «терроризм» и как к нему относятся, что за эмоции проявляют, как влияют на их отношение к терроризму их собственные беды, болезни и потери, насколько оно осведомлено о деятельности различных структур (в том числе силовых) в борьбе с терроризмом. Социологов также интересовало отношение людей к правовой базе противодействия терроризма и к освещению терактов в СМИ.

Террористы утверждают, что их главная цель — шоковыми методами заставить общество принять некие «сверхидеи», а государство — пойти на уступки «идейным борцам». Образ «мученика за веру» — самый расхожий, когда террористы пытаются подвести под свои действия какую-то базу. А что думают по этому поводу наши сограждане?

Граждане же в большинстве своем (79%) считают «мучеников» обычными бандитами — наемниками. Кстати, в ходе опроса выявилась заметная разница между жителями мегаполисов и прочими россиянами. Первые вдвое чаще видят в террористах проводников деструктивных идей международного терроризма — 26% против средних по России 12.

Что считать терроризмом, а что нет? Вопрос на самом-то деле не праздный — как показали уголовные процессы, иногда с трудом удается сформулировать обвинительное заключение. Около трети опрошенных (33%) считают, что терроризм — это не только запугивание людей, но и насилие над ними вплоть до физического уничтожения. Примерно столько же (30%) считают, что терроризм — это то, что базируется на глубоких убеждениях, фанатической преданности фундаменталистским идеям, когда человек или группа готовы идти не только на физическое уничтожение других, но и готовы сами «уходить в мир иной». 24% убеждены в том, что суть терроризма состоит в порождении страха у всего общества, а 13% — в устрашении политических, идеологических, религиозных противников.

Зачем им надо взрывать нас и взрываться самим? Подавляющая часть опрошенных (88%) считает, что теракты (взрывы жилых домов, самолетов, захват заложников и др.) представляют собой не что

иное, как насильственные действия наемников, 55% связывают теракты с этническим терроризмом (территориальными и экономическими претензиями одних наций внутри страны к другим). 51% уверен, что теракты в России — это часть борьбы международного терроризма против политических и социально-экономических вызовов глобализации, а 42% считают, что теракты в России прикрываются псевдорелигиозными мотивами.

Кстати, люди в активном трудоспособном возрасте (30—45 лет) чаще остальных сущность терроризма видят в борьбе с «глобализмом» (63 против 51%); а жители других типов поселений (70% против 55%) связывают его с экономическими причинами: передел собственности, рынков, сфер влияния и т.д. Существенно ниже среди жителей мегаполисов доля тех, кто считает, что в основе терроризма лежат религиозные мотивы: 31% против 42 в среднем по России.

История развивается, как известно, по спирали. Россия уже переживала дни, когда царей, премьер-министров, полицейских и т.д. убивали революционеры-террористы. И, помнится, дореволюционное российское общество весьма резко реагировало на подобные злодеяния.

«А Вы лично склонны осуждать или оправдывать подобные действия?» — спросили социологи у россиян. Как выяснилось, половина опрошенных однозначно осуждает эти факты истории страны, лишь 4% поддерживают, а еще почти половина связывают теракты того времени с особенностями внутривосточной ситуации. Примечательно, что однозначно осуждающих упомянутые выше факты нашей истории больше среди респондентов с высшим образованием. В целом же можно сказать, что история терактов в России лишь усиливает возмущение наших современников.

Не стоит называть наших людей «черствыми». Узнав о том, что в какой-то другой стране (не в России) совершен очередной теракт, более 80% наших сограждан чувствуют, по их словам, сопереживание, либо глубокую досаду, скорбь. Лишь 2% равнодушны, а 9 стараются не подключать чувства, не думать об этих известиях, полагая, что на сей раз беда их миновала.

А вдруг не минует? Глубинное беспокойство на этот счет — примета времени. Только 8% опрошенных считают теракт в том месте, где они живут, «практически невозможным», маловероятным — 38%, а вполне возможным — 54%. Часто ловят себя на мысли о том, что они сами или члены их семей могут оказаться жертвами терактов, около 15%. К 50% эта мысль приходит в основном после

трагических случаев, а вот 35% наших сограждан практически никогда или весьма редко об этом задумываются.

Как и ожидалось, мужчины тревожатся меньше женщин (48% против 59), молодежь беспечнее старших, а малообразованные люди — те, кто обременен вузовскими дипломами. Кроме того, среди сельских жителей считают теракт вполне возможным 42%. В районах цифра выше — 55%, в областных столицах — 60%, а в мегаполисах — уже 64%. И эти данные вполне закономерны. Ведь вероятность теракта выше в местах компактного проживания населения. Интересно, что наличие несовершеннолетних детей или внуков (в отличие от возраста или прописки) никак не влияет на характер ответов.

Как это неудивительно, но всего 16% опрошенных считают, что терроризм неистребим, поскольку это явление связано с природной агрессивностью и жестокостью людей. Зато половина респондентов полагает, что терроризм можно ограничить и даже в основном искоренить, если за это возьмутся совместно и основательно все цивилизованные страны. При этом более трети опрошенных (34%) сложность борьбы с терроризмом связывают с наличием глубоких экономических, геополитических, религиозных и других противоречий. Интересно, что оптимисты из предложенного им в анкете списка методов борьбы с терроризмом уверенным большинством в 62% выбирают пункт «подъема экономики» и связанный с ним рост социальной защищенности граждан.

Многое зависит от уровня образования людей. Респонденты с начальным и незаконченным средним образованием гораздо больше уповают на армию и силовиков и в меньшей степени — на политическую стабильность, чем «средний россиянин». А вот жителям мегаполисов политическая стабильность кажется крайне важной (47% против средних 35), равно как и воспитание в обществе терпимости и способности к компромиссам (22 против средних 15 и всего 9 — у сельских жителей, которые, вместе с тем, не должны становиться оборотной стороной политики уступок и соглашательства.

На себе, конечно, не показывают. Однако социологи попросили граждан войти в так называемую прожективную ситуацию, то есть представить, что в заложники попали они сами или члены их семьи. Что тогда? Какие действия властей они бы одобрили?

Спецоперацию силовых структур по собственному освобождению «предпочли» 63%. При этом к силовому методу больше склонялись мужчины, чем женщины (68% против 59).

В качестве превентивных мер 63% граждан согласны мириться с некоторым ограничением своих прав и свобод. Категорически не хотят поступиться свободой ради «интересов безопасности» только 6%, а остальные в раздумьях. Примечательно, что лишь 17% опрошенных считают лучше не будить лихо, пока оно тихо и не обучать людей навыкам поведения в условиях теракта, дабы не привлекать к проблеме излишнего внимания и не усиливать общую напряженность. Но подавляющее большинство россиян — 83% — занимают противоположную позицию. Они считают, что знания в этой области люди должны получать главным образом в школе, в вузах, на специальных занятиях по месту работы, из печати и по телевидению, из спецлитературы.

Люди у нас в общем-то жалостливые. Но любой гуманизм кончается, когда речь заходит о террористах. Хотя 62% опрошенных признались, что практически ничего не знают о законах, противодействующих терроризму (хотя осведомленных оказалось всего 4%), «кос-что представляющих» — 34), люди полагают, что наказание для террористов должно быть крайне суровым. 55% россиян считают, что для террористов надо отменить мораторий на смертную казнь. Карать столь же сурово распространителей экстремистских идей и скрытую информацию о подготовке терактов — 82 и 87% соответственно. Смягчить уголовную ответственность пособникам террористов и «умалчивающим» считают необходимым лишь 3—4%, милость к террористам проявили лишь 15% из опрошенных 3 тыс., то есть всего 0,5%. При этом женщины столь же бескомпромиссны, как и мужчины, а старшее поколение — не меньше молодежи.

Террористы планируют свои акции в расчете на «массовое устремление». Без громкого резонанса они теряют смысл. Уже неоднократно в нашем обществе начинались дискуссии о том, до каких допустимых пределов могут доходить в освещении подобных тем и сюжетов СМИ. По данным социологов, наибольшая ответственность в данном случае лежит на телевидении — его смотрят 93% россиян, 58% часто слушают радио (никогда его не включают 28%), а прессу как источник информации используют намного реже. При этом лишь 16% опрошенных полностью удовлетворены тем, как СМИ освещают теракты, имевшие место в России. Лишь 30% убеждены, что в данном случае СМИ свободны от «погони за сенсациями». Примерно равным — около 20% оказалось количество тех, кто уверен в объективности СМИ и, наоборот, обвиняющих масс-медиа в излишнем нагнетании напряженности.

Гораздо требовательнее граждане к власти — именно она, по их убеждению, должна защитить их от угрозы терроризма и экстремистских акций. Причем основную ответственность опрошенные возлагают на правоохранительные органы и службы, правительство, президента России. Однако значительная часть граждан — 45—50% — сомневается, что исполнительная власть сможет защитить страну не только от террористов, но и от преступности как таковой, от коррупции и произвола чиновников. Думается, что ежегодное Послание президента РФ Федеральному Собранию, с которым В.В. Путин выступил 10 мая 2006 г., и действия ряда федеральных ведомств, последовавшие вслед за этим по очищению высокопоставленной бюрократии от коррупционеров, снизят долю сомневающихся.

Перед угрозой терроризма все в общем-то равны. Однако, естественно, на оценках деятельности властей сказываются политические пристрастия граждан, их социальная и политическая активность. Впрочем, на симпатии со стороны приверженцев какой-то из партий террористам лучше не рассчитывать. В сознании абсолютно большинства террорист — это жадный и жестокий наемник. Две трети опрошенных считают достаточно высокой опасность политического экстремизма, угрожающего стабильности страны. Паника и хаос не привлекают никого, никакие «высокие цели» оправданием для этого служить не могут. Поэтому копаться в «тонких движениях души» террориста, пытаться понимать, объяснять и уж тем более оправдывать их поступки у общества сейчас желания нет. И вряд ли оно когда-нибудь появится¹.

Синдромы террориста

Особенность терроризма — его эффективность. Пока несколько человек с автоматами или взрывчаткой могут навязать свою волю государству, желающие воспользоваться этим найдутся всегда. К тому же терроризм многолик и динамичен: он постоянно меняет форму, содержание, идеологию, географию. Это не тот противник, которого можно обозначить на военных картах и штабных мониторах. Мировое сообщество не готово к этой войне. Оно ждало ядерной войны, а тут случилось иное.

Понятие «синдром зомби» у нас закрепилось за вполне определенной категорией военнослужащих в ходе Афганской и Чеченской войн. В армейской среде это слово имеет отрицательный смысл.

¹ Более подробно об этом см.: *Российская газета* от 24 мая 2006 г.

Этот синдром проявляется в постоянной органичной сверхбоеготовности, глубокой враждебностью к образам врага, параноидальной устремленностью к боевым действиям. В жизни это — своего рода «синдром бойца», который постоянно нуждается в самоутверждении и подтверждении своей состоятельности. Люди с «синдромом зомби» постоянно живут «на войне». Даже когда нет боевых действий, они всячески избегают мира и покоя, ищут и охотно сами создают обстановку боевого конфликта. Оружие — их любимая игрушка, в боевой ситуации они чувствуют себя органично, свободно. Прекрасная физическая и боевая подготовка позволяет представителям этого психологического типа практически без трудностей переносить тяготы военного быта. Они настолько привыкают к тяготам жизни, что считают их естественными и неустранимыми. В то же время они оказываются совершенно беспомощными в простых житейских вопросах. Особенно трудно им общаться с представителями противоположного типа. Им нередко свойственна регрессия. Они способны регрессировать к уровню 10—12-летнего ребенка.

Синдром Рэмбо стал расхожим после цикла фильмов об американском ветеране войны во Вьетнаме, который вернулся домой, но не сумел найти себя в послевоенной жизни. В данном случае речь идет об устойчивой невротической структуре личности, раздираемой конфликтом между стремлением к острым ощущениям и переживанием вины за свое участие в них. Ключевая характеристика этой структуры состоит в осознании своей миссии, которую он добровольно приемлет ради благородных, альтруистических обязанностей. Именно этот долг позволяет ему реализовать агрессию без того, что казнить себя за насилие. Сознание причастности к некоей «корпорации» позволяют ему рисковать жизнью, но не предъявлять себе никаких обвинений за вспышки агрессивности.

С одной стороны, почти любой террорист либо совершает революцию, либо спасает человечество, либо освобождает свой народ. Именно поэтому его миссия всегда высока, масштабна и благородна. Она ставит его в особое положение, возвышает над другими людьми. С другой стороны, почти каждый террорист больше всего дорожит тем, что он принадлежит конкретной группе или организации. Террорист понимает, что его действия оцениваются отрицательно окружением. Но это и усиливает групповой конформизм. Он полагает, что профессиональные обязанности надо выполнять спокойно, выражая готовность к самопожертвованию. В то же время сторонник Рэмбо избавляет себя от мазохистских тенденций, от

моральных терзаний. Такой «герой» убивает не просто так, ради самого палачества. У него — высокая миссия. Представители такого психологического типа всегда с трудом привыкают к спокойной, рутинной повседневности. Она рождает «скуку», «пресность». Вот почему он старается «взвинтить» ситуацию, зажечь себя праведным пламенем, устранить простоту и рутинность жизни. По мнению специалистов, эти люди имеют рельефное стремление к сексуальной самореализации в экстремальных ситуациях.

Синдром камикадзе-шахида. В 1993 г. движение шейха Ясина впервые устроило теракт с использованием смертника. С тех пор подобные трагедии происходят в еврейском государстве с чудовищной регулярностью. Согласно принципам «Хамас», абсолютно все граждане Израиля — даже дети — «виновны» в преступлениях перед палестинским народом. В 2004 г. Израиль нанес по движению целый ряд ударов, ликвидировав шейха Ясина и ряд его коллег. Но «мученическая» смерть основателя «Хамас» лишь усилила популярность его детища. Террористов-смертников, которые уничтожают себя вместе с противником, называют камикадзе по японской традиции, связанной с военными, которые бросали свою жизнь на заклание. Эти люди обнаруживают экстремальную готовность к самопожертвованию. «Синдром шахида» — исламская разновидность «синдрома камикадзе. Движение «Хамас» вразумляет своих боевиков: «Аллах велик, и ты — острое его меча. Смерть за Аллаха — дорога в рай».

Психология шахида базируется на вере в религиозную идею святости «муджахетдина», «воина Аллаха», который без колебаний бросает свою жизнь на алтарь жертвенности и победы. В раю его ожидают роскошные еда и напитки, а также 70 девственниц для неслыханных сексуальных утех.

Регулярно имеющие дело с шахидами спецслужбы Израиля обнаружили, что у сохранившихся трупов исламских террористов половые члены бывают обмотаны тряпками и, поверх тряпок, проволокой. Это должно предотвратить семяизвержение, которое может быть вызвано перевозбуждением в момент террористического акта. Душманский вариант камикадзе не столь прост. Предполагается, что именно готовность к смерти может защитить его и даже предотвратить кончину. Известны случаи, когда тело террориста испещрено изречениями из Корана. Пуля не может пробить такое тело, полагают шахида. Молодых солдат убеждают, что пуля не может поразить тело. Нередко смертникам дают освященные па-

троны, гранаты, камни, которые призваны в решающий миг проявить свою божественную силу.

С младенческого возраста шахид вырастает в абсолютно мифологизированном мире. Мир для него разделен на наших (клан, род) и чужих. Наши — на стороне Добра, Света, Чистоты. Другие — на стороне Зла, Тьмы, Нечисти. Шахид в своих собственных глазах, в глазах его окружения — не убийца. Он — очистительный огонь. У террористов другая система мотивации. В глазах шахиды предстоящая ему смерть — вовсе не смерть, а секундное преодоление боли перед обретением вечной жизни в раю. Он расстается с близкими, но в раю когда-нибудь встретится с ними, его подвиг и им зачтется. У них иначе запрограммирована психика. Они не ощущают себя отдельной личностью. Они не воспринимают себя как отдельное Я.

Литература

1. *Батышев А.С., Батышев А.А.* Российское общество и терроризм: постижение истины. М., 2005.
2. *Лакер У.* Терроризм. М., 1977.
3. *Лакер У.* Новый терроризм. М., 1999.
4. *Носов Юрий.* Никто не хочет слушать пророков. Дело Засулич как зеркало грядущего всемирного терроризма Н.Г. от 01.04.98 г.
5. *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. М., 2002.
6. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1975.

Вопросы для повторения

1. Какой век поэт Осип Мандельштам назвал «веком-волкодавом»?
2. Почему сегодня терроризм рассматривается не только как политический феномен?
3. Можно ли победить терроризм «жестокими мерами»?
4. Какие факты свидетельствуют о том, что терроризм обрел глобальный характер?
5. Когда появилось само понятие «терроризм»?

Темы рефератов

1. Терроризм как феномен.
2. Феномен фанатизма.
3. Международный терроризм.
4. Психологический терроризм.
5. Корни терроризма.

Опасность духовного обморока

Крик прорезал великолепие
Снятых ужасов. Се ля ви.

Андрей Вознесенский

Механика фальшивок

В начале Первой мировой войны в немецкой печати сложилась своеобразная форма подачи материала. Публиковались фотографии с короткими или развернутыми подписями, носящими характер комментария. Снимки воспроизводили картины военных действий, мучения солдат, попавших в плен, сцены грабежа и пыток. Эти материалы произвели огромное впечатление на общественное мнение, вызвали гнев различных слоев населения.

Читатели полагали, что имеют дело с правдивой, непроверяемой информацией. Но неожиданно выяснилось, что эти сообщения не соответствуют действительности. Снимки не были какой-либо инсценировкой и воспроизводили картины подлинных событий. Однако подписи к ним строились с расчетом на преднамеренную фабрикации общественного мнения. Текст зачастую состоял из лживых обвинений, заведомых провокаций. Например, сцена захоронения солдат подавалась как картина изощренных пыток...

Разоблачение этих фальшивок, механика их повседневно тиражирования буквально потрясли читателей. Оказывается, органы информации вполне могут вводить в заблуждение огромные массы людей, не прибегая при этом к сложной технике «сотворения мифа». Вполне достаточно слегка исказить текст комментария, чтобы вызвать бурю страстей, сознательно инспирированных настроений. Выяснилось, что человек во всеоружии разума и трезвости беззащитен перед пропагандой.

Мы снова после пожара на Останкинской башне смотрим программы на разных телевизионных каналах. Заискрился темный безмолвный квадрат. А мы так и не успели поразмыслить, какую роль играют в нашей жизни телевизионные образы? Была недолгая возможность уяснить, зачем нам телевидение, что оно обозначает в нашей повседневности, как влияет на наше гражданское сознание. Не упущен ли шанс?

В начале прошлого века, выступая на социологическом конгрессе, Макс Вебер сообщил такой факт. Несколько столетий назад

дотошный английский журналист проник в святая святых — британский парламент и дал в газету отчет о заседании. Лорды заставили шустрого писаку явиться в парламент, встать на колени и принести свои извинения за оповещение людей о том, чем занимается парламент. Комментируя этот факт, Вебер заметил: сегодня ситуация радикально преобразилась. Теперь уже лорды могут стать на колени, если пресса обойдет молчанием их деятельность, которая заведомо нуждается в публичности.

Эфир ежесекундно обрушивает на нас поток сообщений. Информировывает, предостерегает, советует, вразумляет. Тревожит рассказами о судьбах других людей и народов. Требуя причастности. Взывает к нашим гражданским чувствам. Настаивает на воодушевлении, энтузиазме. Убеждает, внушает, рассчитывает на наше участие.

А что произошло бы, если бы телеэкраны вдруг погасли? Пламя мерцающих колб обратилось бы в серебристые точки и, помаячив у домашних экранов, растаяло бы навсегда? Исчезли бы мгновенно каскады высоких энергий, стихли незримые духовные токи. Зияющие антенны утратили бы свое значение символа XXI в., став безжизненными метками обособленности. Мощные излучатели перестали бы посылать ветер изображений на паруса экранов. Распалась бы связь синхронных телеизмерений. Планета потеряла бы очевидность своих картин и образов.

Что случилось бы с океаном духовных ценностей, омывающих планету? В эфире смолкли бы голоса, звуки, шифры... Исчез бы поток мыслей и образов, эмоций и панорам. Весь этот вихрь творчества, несущийся к людям, к их воображению, памяти, сознанию, миновал бы пики антенн и растворился бы необозначенный, незафиксированный... Эфир стал бы пустыней, безгласной, необозримой, какой он казался, наверное, изобретателю радио русскому инженеру Александру Попову...

Такая мысль об исчезновении радио 80 лет назад пришла в голову русскому поэту Велемиру Хлебникову. И он отметил: исчезни это средство общения, и человечество испытало бы духовный обморок, временную утрату сознания. Радио поэт считал духовным солнцем страны. Великим чародеем и чарователем. Если пользоваться сегодня словами Хлебникова, то телевидение в наши дни приобщает людей к великой душе человечества, к ежесуточной духовной волне, которая проносится над страной каждый день... Радио, писал поэт, скует непрерывные звенья мировой души и сольет человечество...

Что там говорить, мы действительно превратились в «мировую деревню»! Скорость «электрической коммуникации» столь велика, что поток кадров обрушивает на зрителей множество образов. Ежесекундно будоражит волна новых сообщений. Но как ведут себя люди в этой ситуации? Возрастает ли интерес к политике, к активной гражданственности в результате могучего круговорота новостей? Многочисленные исследования, которые проведены в разных странах, не в состоянии ответить на эти вопросы последовательно и однозначно.

Политические психозы

Зафиксировано быстрое распространение в массах политической терминологии. Отмечены масштабы коллективных психозов — шовинистического угара, общественного «воодушевления», всеобщей паники. Обнаружена и противоположность этих явлений — массовая апатия и аполитичность. Поток сообщений позволяет современному человеку быть на уровне века. Но ведет ли это к росту гражданственности? Существует ли прямая связь между информированностью населения и глубиной демократии?

Американские теоретики СМИ Роберт Мертон и Поль Лазарсфельд пришли к убеждению, что интерес к информации, к проблемам массовых политических размежеваний чаще всего маскирует массовую апатию. Они даже сочли необходимым описать так называемую «наркотизирующую» функцию современных средств информации. Человек, получая массу сообщений, практически, по их словам, утрачивает чувство реальности:

- Лидеры «восьмерки» капитулировали перед антиглобалистами...
- Фидель Кастро отмечает свой юбилей...
- Останкинскую башню сожгли лондонские банкиры...
- Августовских потрясений не будет...

Способен ли человек с неизменной внутренней убежденностью и полной самоотдачей реагировать на все эти сообщения? Предположим, он полон сочувствия к голодным африканским детям. Но как помочь им? Узнал о правительственном перевороте. Можно ли разобраться в этой веренице политических фактов, постоянных потрясений? С негодованием отвергает смертоносное химическое оружие. Но в какой форме протестовать? Как сделать этот процесс действенным?

Поставляемая радио, телевидением, прессой информация может поразить воображение, удивить столкновением фактов, воспламенить чувства. Но между фактом и реальным откликом на события — огромная дистанция.

Человек попросту не может психологически «приводить себя» в состояние «непосредственной реакции». Отчаявшись повлиять на события, аудитория привыкает относиться к фактам «спокойно». Рождается психологическая усталость. И не восприимчивость к сообщениям, к их патетике, к их призывам... Все это приводит к деполитизации, к снижению гражданских чувств. Не здесь ли важнейшая причина, которая объясняет отсутствие оппозиции современному российскому режиму?

Именно этот феномен отметили российские социологи, когда обратились к аудитории в дни угасших экранов год назад. Зрители страдали от разлуки с сериалами, тосковали по новостям, но из их ответов было ясно, что и политические новости они воспринимали по законам мыльных опер. Индивид, выключенный из потока новостей, перестает быть гражданином автоматически, ибо трудно мыслить патриотично, проявлять зоркость и участливость, не ведая, что происходит в мире.

Но информировать можно по-разному. Если передавать в эфир сообщения о катастрофах, переворотах, катаклизмах, действуя на оголенные нервы зрителей, но без трезвости и анализа, нетрудно создать впечатление, будто страна действительно полна иррациональных, необъяснимых событий, надвигающихся угроз. Если посылая поток сообщений, вызывающих тревогу и возмущение, не связывать эти чувства с реальными возможностями личного участия, личной ответственности, естественно, это приведет к психологической усталости, к безразличию и социальной апатии.

Отечественные политические лидеры осознали, что без *средств массовой информации* невозможно рекрутировать сторонников и единомышленников. В стране началась борьба за каналы массового влияния. Кажется, заполучив нужную кнопку, можно решительно повести за собой массы. Но это победа может оказаться пирровой. Синдром усталости может свести на нет все усилия. Мы можем заполучить аудиторию, которая, несмотря на массивную обработку, так и не выйдет из состояния духовного обморока.

Однако есть и другие опасности, которые связаны с войной. Супруги Тоффлер отмечают, что новые СМИ изменили не только реальность. Они, что еще важнее, изменили наше восприятие реальности. Средства массовой информации начинают создавать ощущение нереальности в тех случаях, когда речь идет о реальных событиях. Известный французский философ Жан Бодрийяр отмечает, что война США в Персидском заливе выглядела гигантской имитацией, а не подлинным бедствием.

Картина, которую рисуют супруги Тоффлер, совсем иная. Что там говорить, мы действительно превратились в «мировую деревню»! Ежесекундно на нас накатывает новая волна сообщений. Но как ведут себя люди в этой ситуации? Возрастает ли у них интерес к политике, к активной гражданственности? Многочисленные исследования, которые проведены в разных странах, не дают последовательного и однозначного ответа на этот вопрос.

Как и многие другие явления, порожденные Третьей волной, от интерактивного телевидения до геномной инженерии, нелетальные технологии несут с собой не только гуманитарные преимущества, но и определенные риски вместе с моральными сложностями. Прежде всего не может не бросаться в глаза, что многие виды такого оружия, оказавшись в руках террористов или уголовников, а не «положительных героев», могут многократно увеличить их силы. Даже в малом масштабе — что могут натворить террористы или безответственные политические оппозиционеры с уязвимыми строениями города, аэропорта или плотины, имея в руках войлочный тампончик или баллончик со спреем, содержащие «рассыпающийся» агент? Представьте себе сегодняшних авторов граффити с подобными штуками в руках. Гуманно думать о выводе танков с помощью покрытия, уничтожающего сцепление с дорогой, но можно себе представить, что сделают «городские партизаны» с полицейскими машинами, припаркованными возле участков. Сегодня социопаты-хакеры умеют заражать компьютеры вирусами; на что они или им подобные окажутся способны, получив в руки микроволновое оружие?

Но ведь это самое оружие может быть применено и репрессивными государствами против мирных демонстраций. Некоторые виды этих технологий настолько подходят для управления толпами и разгона демонстраций, что демократическим государствам придется написать новые правила для своей полиции.

Пропаганда, как пишет историк Филипп Тейлор, «достигла зрелости еще у древних греков». Но она снова достигла зрелости, когда промышленная революция породила средства массовой информации. Войны Второй мировой волны сопровождалась односторонними новостями, ретушированными фотографиями и тем, что у нас называется «маскировка» и «дезинформация» во всех СМИ. В Первой мировой войне и Германия, и Британия старались привлечь Америку на свою сторону. Британские воины фронта знаний оказались куда искуснее и тоньше немецких и не пропускали ни одного события, которое могло бы представить немцев как антиамериканцев. Когда немецкая подводная лодка потопила «Лузитанию» —

корабль, который, как мы теперь знаем, вполне мог вести боеприпасы англичанам, американское общественное мнение негодовало. Но настоящее негодование было устроено британцами годом позже.

Узнав, что некий немецкий художник отлил бронзовую медаль в прославление этого корабля, британцы наштамповали копии медали, упаковали в коробочки и разослали сотням тысяч американцев вместе с пропагандистскими листовками. Кончилось, разумеется, тем, что Америка вступила в войну на стороне Британии, и немцы были обречены. Это решение, продиктованное финансовыми и другими интересами Америки того времени, не может быть, конечно, полностью записано в заслугу британской пропаганде. Но эта пропаганда стратегического уровня помогла сделать это решение желанным для американцев.

Совсем недавно во время войны в Заливе президент США Буш эффективно привлек на свою сторону ООН и пропагандистски оформил всю кампанию так, что США действуют не в собственных интересах, а просто выполняют поручение ООН. Стратегической целью этой компании была дипломатическая изоляция Ирака, и цель эта была достигнута.

Боеприпасы пропаганды

Пропаганду можно вести на оперативном уровне или на уровне театра войны. Режим Саддама Хусейна был резко секулярным, а не исламским, но министерство информации Ирака постоянно разыгрывало исламскую карту, рисуя Ирак защитником веры, а Саудовскую Аравию, поддержанную Америкой, — предательницей религии.

И наконец, на *тактическом уровне*: военные психологи США сбросили 29 млн. листовок, содержащих тридцать три разных сообщения, над иракскими войсками в Кувейте. Солдатам объясняли, как сдаваться в плен, обещали гуманное обращение, призывали бросать технику и предупреждали о грядущих атаках.

Умные регуляторы точно знают, какие цели они себе ставят: стратегические, оперативные или тактические, и действуют соответственно.

Все эти годы регуляторы в погонах использовали одни и те же шесть инструментов. Это как гаечные ключи, предназначенные для выкручивания мозгов. Один из наиболее употребительных — *обвинение в зверствах*. Когда пятнадцатилетняя кувейтянка свидетельствовала перед Конгрессом США, как иракские солдаты в Кувейте убивали недоношенных детей, а инкубаторы забирали в Ирак, у многих это затронуло струну в сердце. Миру не было сказано, что это дочь кувейтского посла в Вашингтоне, член монаршей семьи;

не сказано было и то, что ее появление было срежиссировано пиаровской фирмой «Хилл и Ноултон» по поручению кувейтцев.

Конечно, пропаганда не обязана быть ложной. Широковещательные заявления о зверствах иракцев в Кувейте были подтверждены репортерами, прибывшими туда после изгнания иракских войск. Но истории о зверствах — истинных и ложных, — стержень военной пропаганды. Как пишет Тейлор в своей превосходной истории военной пропаганды «Боеприпасы разума», пропагандисты союзников постоянно рисовали «образы раздувшегося прусского «людоеда»... деловито распинаящего солдат, насилующего женщин, калечащего младенцев, оскверняющего и грабящего церковь».

Через полстолетия важную роль играли истории о зверствах во вьетнамской войне. Сообщения и подробности о резне в деревушке Май-Лай, устроенной американскими солдатами, возмутили широкие слои американской общественности и разожгли антивоенную лихорадку. Рассказы о зверствах, истинных и ложных, витали в воздухе во время сербо-боснийского конфликта.

Второй употребительный инструмент — *гиперболизация*, раздувание ставок, стоящих на кону в битве или в войне. Солдатам и гражданским говорят, что под угрозой все, что им дорого. Президент Буш рисовал войну в Заливе как войну за новый и улучшенный мировой порядок. Не просто независимость Кувейта была поставлена на карту, не защита нефтяных полей, не устранение потенциальной ядерной угрозы со стороны Саддама — судьба всей цивилизации, как утверждалось, решалась в этой войне. А Саддам воевал не потому, что не хотел возвращать миллиарды долларов, одолженные у Кувейта в течение ирано-иракской войны. Нет, говорил он, дело идет об всем будущем «арабской нации».

Третий гаечный ключ в сумке военного регулятора — *демонстрация* и (или) дегуманизация противника. Для Саддама, как и для его соседей-врагов иранцев, Америка — это «Большой Сатана», Буш — «Дьявол в Белом доме». А для Буша Саддам был «Гитлером». Багдадское радио называло американских летчиков «крысами» и «хищными зверями». Американский полковник так описывал воздушный налет: «Почти как если выключить свет на кухне: тараканы выползают из щелей, а мы их убиваем».

Четвертый инструмент — *поляризация*. «Кто не с нами, тот против нас».

Пятый — *заявление о божественной миссии*. Саддам облакал свою агрессию в исламский балахон, но и Буш тоже взывал к поддержке Господа. Как указала марокканский социолог Фатима Мернисси, заклинание «Боже, благослови Америку» пронизывало всю

американскую пропаганду и возымело странный и непредвиденный эффект, когда достигла ушей простонародья на улицах мусульманских городов и деревень. Привыкшие считать Америку столпом материализма и атеизма, люди, как она пишет, «столбенели», услышав, что Буш взывает к Богу. Неужто американцы верят в Бога? И еще больше становилось смятение умов, когда Бога привязывали к демократии. Что это, религия такая?

И наконец, самый, может быть, мощный ключ из всех — это *метапропаганда*, то есть пропаганда, направленная на дискредитацию пропаганды противника. Представители Коалиции в Заливе постоянно и верно указывали, что Саддам Хусейн обладал тотальным контролем над иракской прессой, что иракскому народу не давали знать правду, что эфир Ирака был наполнен ложью. Метапропаганда, в частности, сильна тем, что не ставит под сомнение истинность того или иного сообщения, — она отрицает истинность всего, что исходит от врага. Ее цель — недоверие оптом, а не в розницу.

Что более всего поражает во всем списке способов военной пропаганды — это их выраженная принадлежность ко Второй волне. Все эти «ключи для выкручивания мозгов» рассчитаны на использование средств массовой информации, чтобы пробуждать эмоции масс в массовом обществе.

Эти «классические» инструменты регулятора вполне могут действовать и дальше в войне между государствами, обладающими централизованными СМИ Второй волны. Но в обществах Третьей волны революция СМИ переписывает все правила.

Начнем с того, что экономика стран Третьей волны создала колоссальное разнообразие каналов, по которым могут вливаться как информация, так и дезинформация. Сотовые телефоны, компьютеры, копировальные машины, видеокамеры, цифровые сети могут пропускать колоссальные объемы данных, голосов, графиков по множеству дублированных децентрализованных каналов, до которых зачастую трудно дотянуться правительственным или военным цензорам.

И возникают еще тысячи компьютерных «досок объявлений», объединяя миллионы людей по всему миру в бесконечном разговоре об всем — от секса до рынка акций и политики. Они возникают как грибы, не признавая национальных границ, и способствуют формированию групп, занятых чем угодно: астрологией, музыкой, экологией — или полувоенной деятельностью неонацистского и террористического толка. Перекрывающиеся и переплетенные сети, на которых держатся эти системы, практически невозможно выкор-

чевать. Учитывая разветвленность этих новых средств, грубая централизованная пропаганда, накачиваемая сверху, может легко оказаться сдутой снизу.

Спецэффекты информации

В новых СМИ просматривается тенденция рассредоточения силы. Одна видеокассета, снятая любителем, об избиении чернокожего полицейскими в Лос-Анджелесе, повлекла за собой столько жертв и разрушений, сколько могла бы вызвать небольшая война. Видеокамеры все чаще используются для фиксации злоупотреблений властью, совершаемых органами местной власти и национальными правительствами. Материалы расходятся если не по телевидению, то на видеокассетах. Новые СМИ ослабляют централизованный контроль. Еще сильнее он будет ослаблен интерактивностью, которая позволит клиентам отвечать центральным властям. Ток-шоу на радио и телевизионные «магазины на диване» — лишь бледные предвестники этого процесса.

Телевизор будет заменен устройством (может быть, беспроводным), объединяющим компьютер, сканер, факс, телефон и настольный прибор для создания мультимедийных сообщений, и эти приборы будут объединены в сеть. Возможно, эти «телекомпьютеры» вместо клавиатуры будут управляться устными командами на естественном языке.

Все это дает картину мира, где миллионам людей доступно по желанию создание голливудских спецэффектов, имитация на основе виртуальной реальности и других мощных сообщений — чего не было в прошлом ни у правительств, ни у киностудий. Мир будет разделен, как и был, на доэлектронные общества, настолько бедные, что даже телевизор там редкость, на общества с обычными телевещательными сетями, где телевизор есть почти у каждого, и сетевые сообщества, где телевизор останется в далеком прошлом.

Оглядываясь на войну в Заливе, первую, где решительно были применены элементы военного дела Третьей волны, мы видим, что в некотором смысле не война была средоточием репортажей. Сами СМИ стали «звездами» этого спектакля. Как говорил бывший генерал-майор Перри Смит, тоже личность из CNN: «За шесть недель войны больше людей провело у телевизора, больше чем бывало за всю историю человечества»

Но как бы это ни было поразительно, другие измерения еще более важны. СМИ сливаются в интерактивную систему, где идеи, информация и образы неустанно перелетают с одного носителя на другой. Например, телеклипы с военными новостями дают матери-

ал для редакционных статей; фильмы о войне, например, «Несколько хороших людей», порождают печатные комментарии, радио — и телеинтервью. Телевизионные сериалы рисуют журналистов за работой, газетные фотографии (настоящие или инсценированные) с поля боя попадают на телевидение. Все больше идет слияние разных СМИ в одну большую систему.

В этой зародышевой системе телевидение (пока что, но именно пока что) задает повестку дня, особенно в освещении войны. Некоторые американские продюсеры новостей все еще могут просматривать заголовки «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост», решая, какую из политических или дипломатических историй выпускать в эфир, но в остальном влияние печати падает.

Кое-что вполне очевидно. Точно нацеленная информация важна не менее высокоточного оружия, а новые носители позволяют ее нацелить с беспрецедентной точностью. Выбирая аудиторию в обществе Третьей волны, завтрашние манипуляторы, как и завтрашние рекламные агенты, будут вынуждены свои послания демассифицировать, кроя разные версии для разных сегментов аудитории: одно для афроамериканцев, другое для выходцев из Азии, третье — для врачей, четвертое для одиноких матерей и так далее. Липовые истории о зверствах будут, несомненно, точно также лепиться с расчетом на аудиторию, и в каждой «жертвы» будут разными, чтобы у каждой группы зрителей вызвать максимальный гнев или сочувствие.

Но эта сегментация почтовой рекламе лишь полшага к окончательной цели — индивидуализации. Здесь уже каждое сообщение будет обработано так, чтобы максимально воздействовать на одного человека, а не на группу. Метод «Дорогая Мэри» сегодняшних рекламщиков в прямой — будет расширен и развит с помощью множества коммерческих и правительственных баз данных, позволяющих построить профиль личности. Вооружившись данными, взятыми из кредитной карточки, налоговых записей и медицинской карты, завтрашний регулятор окружит намеченную личность скоординированной, персонализированной и тонкой продуманной системой сообщений из печати, телевидения, видеоигр, баз данных и других носителей информации.

Пропаганда войны или борьбы с ней, иногда рожденная за полмира от ее распространителей, иногда с замаскированным источником, будет продуманно проникать в новости, как сегодня проникают туда развлечения. Да и обычные развлекательные программы можно изменить, чтобы они содержали скрытую пропаганду, рассчитанную на конкретную личность или семью.

Сегодня это кажется невозможным или невероятно дорогим, но завтра такая индивидуализация СМИ станет вполне осуществимой, когда СМИ и телекоммуникации Третьей волны раскроют свои возможности. Новые СМИ изменили не только реальность. Они, что даже важнее, изменили наше восприятие реальности — а потому и контекст, в котором ведется пропаганда и войны, и мира. До промышленной революции неграмотные и рассеянные в провинции крестьянские массы довольствовались рассказами путешественников, церковными проповедями и мифами, чтобы строить собственные образы далеких мест и времен. СМИ Второй волны приблизили далекие места и времена, и сообщаемые новости стали давать ощущение «ты там находишься». Мир рисовался объективно и «реально».

А СМИ Третьей волны начинают создавать ощущение нереальности относительно реальных событий. Ранние критики телевидения сетовали на погружение зрителя в искусственный мир мыльной оперы, консервированного смеха, фальшивых эмоций. Завтра эти тревоги покажутся мелочью, потому что новая система СМИ создаст целиком «фиктивный» мир, на который правительства, армии и целые народы реагируют как на реальный. Их реакция также обрабатывается СМИ и вставляется в вымышленную электронную мозаику, которая направляет наше поведение.

Растущая «фикционализация» реальности обнаруживается не только там, где ей место — в ситкомах и мыльных операх, — но в программировании новостей, где это может привести к самым мрачным последствиям. Такая опасность уже обсуждается во всемирном масштабе.

Марокканская газета «Ла Матен», выходящая в Касабланке, недавно опубликовала заставляющую задуматься статью, где цитировался французский философ Бодрийяр по поводу того, что война в Заливе выглядела гигантской имитацией, а не реальным событием. «Медиатизация, — соглашается газета, — усиливает фиктивный характер событий, и они кажутся чем-то нереальными»

Нереальность еще усилилась во время войны в Заливе из-за «телевизора в телевизоре», (ТВ) 2. Мы постоянно видели у себя на экранах видеоэкраны, показывающие нацеливание и попадание. И военные считали этот видеоряд настолько важным, что, как утверждает один флотский капитан, пилоты иногда перестраивали свои видеодисплеи в кабинете так, чтобы они лучше выглядели на Си-эн-эн. Оказалось, что некоторые виды оружия телегеничнее других. Например, ракеты ГАРМ наводятся на системы ПВО противника и поливают их мелкой дробью. Но результат их работы в телевизоре

выглядит не очень эффектно. Камеры хотят другого: кратеров от больших бомб на шоссе.

Инсценировка событий

Новые технологии имитации позволяют инсценировать фиктивные пропагандистские события, с которыми люди могут работать интерактивно, события потрясающе яркие и «реальные». Новые СМИ дают возможность снимать целые битвы, которых не было, или показывать совещания (липовые) высшего руководства противника, на которых отвергаются мирные переговоры. В прошлом, бывало, агрессивные правительства устраивали провокации для оправдания военных действий. В будущем их достаточно будет имитировать. В этом быстро наступающем будущем не только правда, но и сама реальность станет жертвой войны.

Тут есть и хорошая сторона: публика настолько привыкла пользоваться имитацией для многих других целей — дома, на работе, в игре — что может усвоить: «видеть» и даже «ощущать» — еще не значит верить. Люди освоятся с изощренной техникой СМИ со временем и, можно надеяться, станут менее доверчивыми.

И наконец, не следует обманывать себя обычным сейчас мнением, что новые СМИ сделают мир однородным, устроят различия и отдадут колоссальное предпочтение немногим — например, Си-эн-эн будет запихивать западные ценности и американскую пропаганду в пять миллиардов глоток.

Сегодняшнее господство CNN в мировом масштабе — вещь временная, поскольку уже возникают конкурирующие сети. Через десять-двадцать лет можно будет ожидать появления множества глобальных каналов и диверсификации СМИ, что уже и происходит в странах Третьей волны.

Домашние спутниковые тарелочки будут когда-нибудь принимать вечерние новости откуда угодно — из Нигерии или Нидерландов, Фиджи или Финляндии. Автоматический перевод позволит немецкой семье смотреть игровое шоу из Турции, переведенное на немецкий в реальном времени. На греко-католиков Украины посыплются спутниковые передачи Ватикана, призывающие их присоединиться к Римско-католической церкви. Молитва аятоллы в Куме войдет в дом правоверных Кыргызстана и Конго — или Калифорнии, если на то пошло.

И вместо горстки централизованно управляемых каналов, которые смотрит весь мир, возникнет головокружительное разнообразие доступных людям источников информации, не знающих границ, таких источников, которые политические или военные хозяева лю-

дей и знать не хотели. Можно предположить, что немного пройдет времени, пока манипуляторы и регуляторы, не говоря о террористах и религиозных фанатиках, начнут творчески обдумывать использование новых СМИ.

В начале 90-х годов средства массовой информации сообщили о том, что якобы создано психотропное оружие, способное подавлять человеческую волю. Психотропное оружие можно разделить на пассивное и активное. К первому относятся способы добывания информации из мозга человека вопреки его воли. Ко второму — способы воздействия на мозг для того, чтобы внушить определенные мысли. Пассивным видом можно считать созданный в НИИ психотехнологий Российского университета дружбы народов компьютерную психотехнологию «Mind reader», что можно перевести как «читалка мыслей». Суперкомпьютер способен выуживать информацию из подсознания. В принципе технически реально использовать визуальные информационные каналы (тот же Интернет) для тайных внушений. В США уже сейчас продается устройство, внушающее что угодно через акустический канал. Даже телефонная сеть пропускает этот спектр.

«Представляете, — рассказывает заведующий кафедрой психоэкологии Российского университета дружбы народов И. Смирнов, — вам домой звонят и спрашивают, какой сегодня фильм в вашем кинотеатре. Вы отвечаете, что это не кинотеатр, и кладете трубку. Но почему-то после этого короткого разговора идете в супермаркет и покупаете зубную пасту строго определенной формы. Так же поступают еще тысячи людей, чей номер набрали «по ошибке».

Литература

1. Адорно Т. О технике и гуманизме // *Философия техники в ФРГ*. М., 1989.
2. Багаутдинов А.М. Становление духовной культуры молодежи. Уфа, 2005.
3. Глюксманн Андре. *Философия ненависти*. М., 2006.
4. Гриценко В.П. Семиотическая реальность, семиотическая машина и семиосфера. Краснодар, 2000.
5. Гуревич П. *Приключения имиджа*. М., 1991.
6. Жиленко М.Н. *Культура массовых коммуникаций*. М., 2004.
7. Зоркая Н.М. *Уникальное и тиражированное*. М., 1980.
8. Мрочко Л.В. *Теория и практика массовой информации*. М., 2006.
9. Расторгуев С.П. *Анатомия причинно-следственных связей*. М., 2003.
10. Расторгуев С.П. *Философия информационной войны*. М., 2003.
11. Фромм Э. *Иметь или быть?* М., 1990.

Вопросы для повторения

1. Что такое эффект бумеранга?
2. Как вы понимаете словосочетание «мировая деревня»?
3. Что вам известно о «наркотизирующей» функции средств массовой информации?
4. Как французский философ Ж. Бодрийяр трактовал войну в Персидском заливе?
5. Какие манипулятивные приемы пропаганды названы в данной главе?

Темы рефератов

1. История пропаганды.
2. М. Вебер о судьбе и социальной информации.
3. Информация и пропаганда.
4. Массовые идеологические процессы.
5. Деструктивная роль каналов информации.

Часть II
**ПРЕДЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ
ПЕРЕЖИВАНИЯ**

Тема 9

Психические состояния

О, небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла

Осип Мандельштам

Язык эмоций

Медицинское знание — это знание человека о свойствах его организма и его возможностях. В современной медицине принято деление болезней на болезни души и болезни тела. Это деление определяет и особые способы получения данных о функциях организма, когда речь идет о болезнях тела, и об изменении функции сознания, когда речь идет о болезнях души, то есть соответственно различные способы получения знаний, когда человек имеет дело с заболевшим органом и с заболевшей душой и возможностью воздействия на них. Это знание особым образом оформляется и в истории культуры, и в индивидуальной жизни человека. Как и виды психологического знания, виды медицинского знания в нашей культуре существуют в нескольких вариантах. Это то знание, которое человек получает сам, это знание о своем организме, основанное на самоощущении. Переживая свое присутствие в жизни как организма со всеми свойственными ему функциями, человек уже получает особый вид знания, который можно назвать медицинским.

Необходимость оформлять знание в виде системы наук, а именно такой предстает сегодня медицина, в истории медицины была связана с тем, что человек тогда начинал обращать внимание на функции своего организма, когда в нем что-то нарушалось, что-то происходило или, иначе говоря, появлялась болезнь.

История зарождения способов получения данных о болезни органов и функциональных систем человеческого организма насчитывает тысячелетия и равно истории жизни человеческого тела. У человека, как и у животных, в ситуации боли появляется поисковая активность, которая направлена на снятие боли. Особенность человеческой активности в этом плане состоит в том, что человек ищет помощи у другого человека. Становясь бессильным в ситуации боли или болезни, он обращается за поддержкой к другим. В истории

человечества повелось так, что люди, обладающие наблюдательностью и возможностью воздействия на другого человека, могли избавлять человека от боли, то есть излечивать.

Психические состояния (фрустрация, стресс) — психологическая категория, которая охватывает разные виды интегрированного отражения различных воздействий на человека как внутренних, так и внешних стимулов без ясного и дифференцированного осознания их содержания. К психическим состояниям можно отнести бодрость, усталость, апатию, депрессию, эйфорию, отчуждение, утрату чувства реальности, переживание вроде «уже видел», скуку. Это понятие было введено в психологию *Н.Д. Левитовым*. Оно раскрывает многообразие состояний, присущих человеку и имеющих своеобразие. Человек — унитарное создание и поэтому происходящее в его психике характеризует и телесность. Если человек подавлен мыслями об охватившем его отчаянии, о своей беспомощности и неудачах, то и его тело тоже будет демонстрировать подобное же подавленное состояние. Это будет проявляться в снижении импульсивности, стесненном дыхании и сниженной двигательной активности.

Маленькие дети обычно целиком открыты чувству радости. Они прыгают и скачут — в самом буквальном смысле этих слов. Редко удается увидеть человека зрелого или пожилого возраста, который переживает такие психические состояния. Взрослые гораздо больше ограничивают себя в выражении психических состояний, нежели дети, и это ведет к снижению интенсивности испытываемых им чувств. Человек способен находиться под воздействием увиденного им заката или картины, пережить конкретные психические состояния. Другим существам неведомо чувство стыда или ощущение вины. Никакое иное животное существо не судит самого себя. Оно не в состоянии оценить себя как «хорошее» или «плохое».

Ребенок, живущий в страхе, напряжен, обеспокоен и зажат. Такое состояние является для него болезненным, и чтобы не испытывать боль или страх, ребенок будет стремиться стать бесчувственным. Любовь описывалась многими психологами как самое великое и самое сладкое состояние, придающее жизни ее сокровенный смысл. Но если любовь отвергнута или утрачена, то она же воспринимается как источник самой нестерпимой боли. Первобытный человек находился в весьма сильной эмоциональной связи со своим окружением, поскольку от этого зависело выживание каждого человека. Современный человек утратил истинную связь с самим собой, с землей и вселенной. Эйфория представляет собой экстраординарное чувство для большинства взрослых людей, жизнь которых вращается вокруг обыденных, обычных поступков и не менее обыденных вещей.

Эти вещи и поступки могут доставлять нам удовольствие, но сопутствующее этому возбуждение редко достигает высот эйфории. Гнев является одним из аспектов жизненной страсти. Страстный человек будет страстно защищать право каждого человека на жизнь, свободу и поиски счастья. Рассмотрение психических состояний особенно значимо в прикладных областях психологического знания — в педагогической, военной, политической психологии. Ценность знаний о психических состояниях важна и для психологии чрезвычайных ситуаций.

Фрустрация

Фрустрация — это состояние тревоги или напряжения, которое возникает в результате расстройств планов, неосуществленных надежд. Для фрустрации характерно психологическое состояние тревожности и отчаяния. Это одна из форм психологического стресса. Она рождается в ситуации, когда цели, воспринимаемые личностью, оказываются под угрозой. Фрустрация сопряжена с целым спектром отрицательных эмоций: гневом, раздражением, чувством вины. Фрустрация понимается нередко как задержка в удовлетворении влечений или препятствия на его пути. Она нередко влечет за собой различные формы агрессивности. За последние годы стремительно развивается новая форма психологических знаний — *экстремальная психология*.

Люди все чаще попадают в нестандартную ситуацию, которая требует предельного напряжения сил и часто завершается для человека психологическим срывом. Как помочь тому, что оказался в зоне взрыва, пожара, наводнения? Каким образом человек может справиться со страхом смерти, если на него уже было совершено покушение? Но есть и другой круг вопросов. Он связан с работой психолога. Что он должен делать, оказавшись на месте катастрофы? Нередко специалисту не хватает элементарных знаний. Читаю в газете рассуждения одного спасателя. Он наставляет: в первую очередь нужно оказывать помощь взрослым. Дети легко забывают травмы. Только что обрушился дом, а они уже развлекаются на другой детской площадке. Но ведь этот совет, как уже отмечалось, неверен. Дети реагируют на катастрофу не так, как взрослые, но их психика сильнее подвержена разрушительным последствиям.

Известно, что в экстремальной ситуации люди ведут себя по-разному. Одни впадают в ступор. Другие, напротив, в панике мечутся среди пожарища, рискуя погибнуть. К кому бросаться в первую очередь? К тому, кто, не помня себя, устремился в лоно огня,

или к тому, что окаменел в непосильном испытании? Прежде всего, нужно выставить оцепление, чтобы те, кто обезумел от горя, не оборвали собственной жизни в нелепой мельтешне. Но неотложная помощь нужна и тем, кто находится в состоянии психологического онемения. Их психологические ресурсы не выдержат, когда они осознают меру бедствия.

Долгое время психологи имели дело с обычными психологическими состояниями людей. Они изучали эмоции и чувства, различные психические процессы (познавательные, волевые, коммуникативные, эмоциональные). Скажем, специалиста может интересовать, каковы пределы человеческой памяти, как влияет на восприятие и запоминание скорость передачи информации и т.д.

Однако за последние десятилетия психологи все чаще обращаются к таким психологическим состояниям, которые нарушают привычное течение внутренней жизни. Возьмем для примера такое понятие, как «фрустрация» (лат. — «обман», «расстройство», «крушение надежд»).

З. Фрейд всегда рассматривал человека в его отношениях с другими людьми, но эмоциональные отношения казались ему подобными экономическим отношениям. Подобно тому, как люди вступают в хозяйственные связи, они устанавливают и эмоциональные узы. Здесь царствует расчет. Э. Фромм имел иную точку зрения. Он высказывал предположение, что ключевой проблемой психологии является особого рода связанность индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация тех или иных человеческих влечений и потребностей.

В центре фроммовского анализа не отдельные фрустрации того или иного инстинктуального влечения, а общая скованность, которая препятствует спонтанному (произвольному, свободному) развитию человека и проявлению его чувственных, эмоциональных и интеллектуальных возможностей.

Рассматривая приход фашизма в Германии, Э. Фромм подробно анализировал факторы, которые привели тогда к социальной фрустрации. А факторы были таковы. После Первой мировой войны резко упал не только экономический уровень среднего класса, но и его социальный престиж. Пошатнулась семья. Обнаружилось крушение прежних символов власти и авторитета — монархии и государства. Усиление социальной фрустрации вызывало такие психологические последствия, которые стали важным фактором появления и укрепления национал-фашизма.

Толкуя данный феномен, Э. Фромм показал, что представители среднего класса в Германии, где зарождался нацизм, не сознавали,

что глубокий экономический и социальный кризис непосредственно затрагивает, прежде всего, этот общественный слой. Они считали, что их судьба — это удел всего народа. Поражение Германии и Версальский договор стали теми символами, которыми они подменили свою подлинную фрустрацию — социальную.

По мнению Фромма, рано или поздно происходит разрыв между социальным характером (социальный характер — обозначение Фроммом стабильной и четко выраженной системы ориентации) и социальной структурой общества. Традиционный склад характера еще существует, но возникают новые экономические условия, при которых прежние черты личности становятся бесполезными. Люди стремятся действовать в соответствии со своим складом характера, но при этом их поведение превращается в помеху для достижения экономических целей, либо просто не в состоянии осуществляться согласно своей «природе».

Добродетели прежнего среднего класса — экономность, бережливость, осторожность, недоверчивость — в современном бизнесе гораздо менее ценны, чем инициативность, способность к риску, агрессивность. Экономическое развитие шло быстрее, и разрыв между экономической и психологической эволюцией привел к тому, что в процессе обычной экономической деятельности психологические потребности уже больше не удовлетворялись.

Однако эти психологические потребности существуют, они не исчезают, и приходится искать какие-то другие способы их удовлетворения. Тогда узкоэгоистическое стремление к собственному преимуществу, характерному для низов среднего класса, переходит, по мнению Фромма, из личной плоскости в национальную. Садистские импульсы, прежде находившие применение в конкурентной борьбе, усиленные фрустрацией в экономической сфере, выходят на общественно-политическую арену, а затем, освободившись от каких-либо ограничений, находят удовлетворение в политических преследованиях и в войне. Таким образом, психологические силы, слившись с раздражением, вызванным общей фрустрирующей ситуацией, превратились из цемента, скреплявшего общественный строй, в динамит, который и использовали группы, стремившиеся разрушить политическую и экономическую структуру демократического общества.

Верно, что человек меняется под влиянием изменений экономической и социальной структуры общества, но верно и то, что его приспособляемость, в том числе и к такого рода изменениям, не безгранична. Кроме определенных физиологических потребностей, удовлетворение которых является императивной необходимостью,

существуют еще и неотъемлемые психологические свойства, также нуждающиеся в удовлетворении и фрустрация которых вызывает соответствующие реакции.

Что же это за свойства? По-видимому, важнейшее из них — тенденция к росту, развитию, реализации способностей, возникших у человека в ходе истории, например, способности к творческому и критическому мышлению, «тонким» эмоциональным и чувственным переживаниям. Каждая из этих способностей имеет собственную динамику. Однажды возникнув в ходе эволюции, все они стремятся к проявлению в реальной жизни. Эти тенденции могут фрустрироваться и подавляться, но такое подавление приводит к новым реакциям, в частности к появлению разрушительных стремлений.

Общая тенденция к росту служит психологическим эквивалентом аналогичной биологической тенденции. Вероятно, она-то и приводит к таким специфическим тенденциям, как стремление к свободе и ненависть к угнетению, поскольку свобода — основное условие любого роста. Но стремление к свободе опять-таки может быть подавлено, может исчезнуть из сознания индивида, но и в этом случае оно продолжает существовать в потенциальной форме, заявляя о своем существовании сознательной или подсознательной ненавистью, всегда сопровождающей такое подавление.

Некоторые психологи подчеркивают взаимозависимость фрустрации и агрессивности. Так, американский исследователь Дж. Доллард утверждает, что возникновение агрессивного поведения всегда обусловлено наличием фрустрации и, наоборот, а наличие фрустрации всегда влечет за собой какую-нибудь форму агрессивности. Сделано такое допущение, что фрустрация может вызывать множество различных реакций и что агрессивность лишь одна из них.

Э. Фромм в работе «Анатомия человеческой разрушительности» отмечал, что понятие «фрустрация» имеет многочисленные толкования. Главными же остаются два значения: (1) фрустрация как следствие прекращения начатой целенаправленной деятельности (пример с мальчиком, которого вошедшая в комнату мать застала в тот момент, когда он запустил руку в коробку с печеньем; или пример с прерванным половым актом); (2) фрустрация как отрицание желания, вожделения, страсти, «отказ» (пример с мальчиком, который просит у матери печенье, а она отказывает ему; или с мужчиной, который делает женщине предложение и она его отвергает).

В обыденном языке слово «фрустрация» чаще всего употребляется во втором значении, к которому можно было бы еще добавить и психоаналитическое толкование (например, потребность ребенка в любви оказывается «фрустрированной» его матерью). Фрустрация

в первом смысле, видимо, встречается довольно редко, ибо для нее необходима такая ситуация, когда преднамеренная деятельность уже началась. В любом случае серьезного подтверждения или опровержения этой теории можно ожидать только от новых научных данных. Относительно другой теории, опирающейся на второе значение слова «фрустрация». Фромм высказал такое мнение: складывается впечатление, что она не выдерживает проверки эмпирическими фактами. Вспомним хотя бы простейший жизненный факт: ни одно важное дело в жизни не достигается без фрустрации. Как ни симпатична идея о возможности обучения чему-либо без всяких усилий, без труда, но она явно недостижима, особенно если речь идет о получении высокой квалификации. И если бы человек не обнаружил способности справляться с фрустрациями, то он бы, вероятно, вообще не мог совершенствоваться.

А разве опыт жизни не показывает нам, что люди ежедневно страдают, получая отказы, но при этом вовсе не проявляют агрессивных реакций. Люди, простаивающие в очереди ради получения билета в театр, верующие во время поста, люди на войне, вынужденные мириться с отсутствием качественной пищи, эти и сотни подобных случаев фрустрации не ведут к росту агрессивности.

На самом деле важнейшую роль играет психологическая значимость фрустрации для конкретного индивида, которая в зависимости от общей обстановки может быть различной. Когда, например, ребенку запрещают есть конфеты, то такая фрустрация может и не вызвать никаких агрессивных реакций, если родители любят ребенка. Но если в этом запрете ребенок обнаружит родительское своеволие (младшей сестренке в его присутствии принесли печенье, а ему нет), то такая ситуация может привести к настоящему взрыву гнева. Следовательно, агрессивность вызывается не фрустрацией как таковой, а ситуацией, в которой присутствует элемент несправедливости.

Важнейшим фактором для прогнозирования последствий фрустрации и их интенсивности является характер индивида. Обжора будет негодовать, если не получит вдоволь еды. Жадный становится агрессивным, если ему не удастся выторговать что-то и купить по дешевке. Самовлюбленная личность испытывает фрустрацию, если не получает ожидаемых похвал, признания и восхищения. Итак, от характера человека зависит, во-первых, что вызывает в нем фрустрацию, и во-вторых, насколько интенсивно он будет реагировать на фрустрацию.

Обычно фрустрации сопряжены с конфликтной ситуацией. И дело не только в объективных трудностях или обстоятельствах, но и в

характере и особенностях личности. Фрустрации у детей появляются в тех случаях, когда их целенаправленное действие наталкивается на препятствие. *Непрекращающиеся или частые фрустрации сказываются на характере, на проявлениях агрессивной и повышенной возбудимости.*

Стресс

Понятие «стресс» было введено канадским физиологом *Гансом Селье* (1907—1982). Так в 1936 г. он назвал, во-первых, неспецифический ответ организма на любое предъявленное к нему требование. Функциональное состояние напряжения (stress по-английски — напряжение, давление), реактивности организма возникают у человека и животных в ответ на воздействие сильных организмов. Например, старый волк умирает не от болезни или слабости. Он понимает, что уже не может больше жить в стае, и от этого напряжения погибает. Физиология любого организма такова, что природа вычеркивает живую особь, если она уже не может больше отвечать жизненным стандартам.

Человек постоянно ощущает недостаток времени. Он переживает состояние одиночества. Его тяготит ответственность, которая во сто крат возросла. Он не видит реальных возможностей выйти из жизненного кризиса. Ему кажется, что он вышиблен из жизни. Все это создает особое эмоциональное напряжение. Стрессы подхлестывают организм. В результате наступает срыв. Изучая экстремальные (исключительные) ситуации, психологи выработали и развили понятие психологического стресса.

Попробуем перечислить жизненные ситуации, которые приводят к стрессу: смерть близкого человека, развод, супружеский разрыв, обнаружение супружеской неверности, серьезное заболевание, увольнение с работы, невозможность найти работу, уход на пенсию, ожидание ребенка, конфликт на работе, конфликт с коллегами, неприязнь начальника, сексуальное насилие или домогательство. Современный человек испытывает постоянные психические нагрузки дома, на работе, на улице, во время отдыха.

Психологи разных стран пытаются уточнить, какие именно события, потрясения современной жизни вызывают наиболее тяжелый стресс. Американские специалисты ввели даже понятие «стрессор». Это причина стресса, постоянный фактор напряжения. Именно стресс порождает такие расстройства здоровья, как бронхиальная астма, язвы желудочно-кишечного тракта, мигрень, гипертония. Он является также причиной автомобильных катастроф, всякого рода аварий.

Разумеется, психологические ресурсы человека неисчерпаемы. Был такой случай. Полярники оставили своего коллегу возле самолета и ушли в экспедицию. Оставшись один, тот почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Обернувшись, он увидел белого медведя. От страха полярник бросился к самолету и запрыгнул на крыло, где он был в безопасности. Друзья, вернувшись, избавили его от страшного напряжения. Однако они никак не могли понять, впрочем, как и сам полярник, как он смог совершить такой баснословно мощный прыжок.

Может быть, современный человек стал иным, нежели наш далекий предок, утратил стойкость? Шведские психологи долго спорили по этому вопросу. Оказалось, что за последние 40 тыс. лет человек практически не изменился. Его нервная система, его мозг по физическим характеристикам остались прежними. Скажем, если бы удалось оживить неандертальского мальчика, который вырос бы в современной семье, то мы вряд ли могли бы отличить его от сверстников.

Стрессовые расстройства в период боев описаны военными медиками впервые более ста лет назад. Их приметы — отсутствие концентрации внимания, гнев, сверхбдительность (человек спит с оружием и готов стрелять во сне). Послевоенный стресс дает знать о себе через 4—8 недель после возвращения домой и радостной встречи с близкими. Возникают тревога, навязчивая жажда возмездия, рассеянность, запой, агрессия. Скажем, человек был на войне. Его не убили, не ранили, но на его глазах взорваны люди. Какая невообразимая психическая травма. Если в этом случае не приходит помощь, наступает следующая стадия (уже из области психиатрии) — пережитое замещает реальность, изменяется личность.

Термин «*посттравматические стрессовые расстройства*» появился в Америке в 80-е годы. Так завершилась упорная борьба ветеранов войны во Вьетнаме за внимание к проблемам тех, кто приобрел мучительный стрессовый опыт во время вьетнамской экспедиции. Эти проблемы получили освещение и в отечественной литературе. Психолог Леонид Китаев-Смык посвятил множество работ психологии войны. Он, в частности, писал, что раны солдат, армия которых побеждает, заживают намного скорее, чем такие же раны солдат из армии, терпящей поражение. «Причина — два разных состояния души (психики) у победителей и у побежденных, состояния, различно влияющие на тело и на то, как общаются солдаты, и, конечно, на их боеспособность».

С древнейших времен европейским и азиатским врачам было известно, что в экстремальных ситуациях многообразие челове-

ских различий утрачивается. Люди, по сути дела, реагируют на опасность либо активным, либо пассивным способом. Еще Гиппократ отмечал: крайняя форма активности — мания (от греч. «безумие», «восторженность», «страсть») — психическое расстройство, которое характеризуется повышенным возбуждением, также — патологическое стремление, влечение, страсть), пассивность — депрессия (от лат. подавление) — аффективное состояние, которое характеризуется отрицательным эмоциональным фоном).

Первые исследования военного стресса были проведены Эрнстом Кречмером (1888—1964) во время Первой мировой войны. Активную форму военного стресса он именовал «двигательной бурей». Она могла обнаружиться в форме слабого беспокойства, суетливости, мнительности, бессмысленной беготни, паники в поисках спасения. Пассивную форму военного стресса Кречмер называл «мнимой смертью». Она проявлялась в слабости, ослаблении силы и тонуса мышц до полной неконтролируемой расслабленности. Надо заметить, что последующие исследования подтвердили эту точку зрения Кречмера.

Ганс Селье, который более 30 лет изучал военный стресс, подчеркнул, что в психологическом смысле стресс — это превращение «обычного» поведения в активное либо пассивное.

Во время Второй мировой войны, в период «малых войн» во Вьетнаме, в «горячих точках» планеты, в Афганистане, на Ближнем Востоке, в Чечне. «На чеченской войне, — пишет Л. Китаев-Смык, — с января по апрель 1995 г. (именно в этот период) невообразимо большим был поток информации об ужасе смерти (вид множества окровавленных трупов, крики раненых, слухи о коварстве и жестокости чеченцев, нехотят нагнетаемые армейскими политработниками). И еще — вакуум информации, усиливающий, множащий страхи войны».

Один из современников Маяковского В. Мануйлов вспоминал, что наш знаменитый поэт живо интересовался вопросами техники, а также любил подискутировать о планировке больших городов, о транспорте и влиянии скоростей будущего на психику человека. «К слову, в начале прошлого столетия о пресловутом влиянии скоростей было много разговоров. Ученые мужи предупреждали: человеческий организм не может вынести те перегрузки, которые создаст автомобильный транспорт. Что уж говорить об авиации. К счастью, с перегрузками физическими человек легко справился. Время показало, что куда страшнее перегрузки нервные»¹.

¹ Писаренко Дмитрий. Стресс, передающийся транспортным путем // АиФ, 2005, № 4. С. 17.

Психологические следствия любой катастрофы, ее травматический эффект в сильной степени зависят от момента внезапности и степени внутренней подготовки. Ни предвидение, ни прошлый опыт не были в состоянии подготовить к тому, что может произойти. «Мы были готовы к чему угодно, но не могли и вообразить ничего подобного», — отвечали многие из «жертв» катастрофы.

Многие рассматривают стресс как своеобразную патологическую реакцию организма на психологические и социальные раздражители, связанные прежде всего с родом деятельности человека и его окружением. Однако специалисты по стрессовым ситуациям считают, что это лишь часть правды. Вопреки широко распространенному мнению, понятие стресса не ограничивается лишь нервным напряжением или последствиями психологической травмы, и не всегда следует избегать стрессов. Всемирной Организацией Здравоохранения одобрено такое определение стресса: «Это неспецифическая реакция организма на любое предъявляемое к нему требование».

Из этого следует, что стресс — явление отнюдь не безусловно отрицательное. Напротив, стресс может оказывать благотворное воздействие, побуждая человека к действию и даже повышая его работоспособность. Существует множество подходов к проблеме стресса. По одной из таких теорий, стресс — это, безусловно, следствие, а не первопричина, такое состояние организма, то есть физического тела, которое возникает в результате нагрузок, близких к пределу сопротивляемости, либо превышающих этот предел. Здесь напрашивается аналогия с понятием «усталость металла» как следствие чрезмерных физических нагрузок. Другие исследователи, наоборот, определяют стресс как первопричину таких нагрузок. Кроме того, стресс можно рассматривать как субъективный фактор, связанный с конкретным психологическим и эмоциональным состоянием.

Последними исследованиями доказано, что стресс — *естественная* составляющая человеческой жизни. По аналогии с употреблением приправ в кулинарном искусстве, все дело — в правильной дозировке: блюдо становится неудобоваримым, когда приправ слишком мало, либо чересчур много. Каждый человек нуждается в собственной, строго индивидуальной «дозе» стресса, тогда он идет на пользу и положительно влияет на здоровье. В самом деле, только покойники не подвержены стрессу!

Однако избыток стресса, этого неперемного компонента нашей жизни, может в самом прямом смысле обойтись слишком дорого. По статистическим данным, экономика США ежегодно теряет

миллиарды долларов из-за проблем, так или иначе связанных со стрессом. Он заставляет людей преждевременно уходить на покой, является причиной множества несчастных случаев на производстве, да и просто создает массу осложнений как психологического, так и физиологического свойства.

Стресс отрицательно влияет на иммунную систему человека, благодаря ей организм становится более подверженным инфекциям, различного рода проявлениям аллергии, он может вызвать и более серьезные заболевания. Стресс воздействует на пищеварительную систему и связанные с ней органы, создает условия, благоприятствующие возникновению язвенной болезни, колитов, запоров, диабета. Он подвергает чрезмерному напряжению опорно-двигательный аппарат, вызывает боль в суставах и позвоночнике, часто служит причиной головной боли и артрита, а все это вместе взятое усугубляет вероятность различного рода несчастных случаев. Кроме того, стресс отрицательно влияет на сердечно-сосудистую систему, провоцируя инфаркт, гипертонию и мигреневые головные боли.

Многие специалисты считают, что стрессовой можно назвать любую ситуацию, которая требует от человека корректировки его психологических и поведенческих норм, иными словами, когда возникает необходимость приспосабливаться к обстоятельствам. Их спектр весьма широк: от мелких каждодневных неприятностей до серьезной болезни, утраты близкого человека или, к примеру, развода. На физиологическом уровне реакция на возникновение подобных обстоятельств очевидна, поддается измерению и проявляется в виде учащенного сердцебиения, повышения кровяного давления, более интенсивного дыхания, вплоть до одышки, сильного прилива крови к мышцам. Такие физиологические изменения, в их совокупности и взаимосвязи, нередко служат проявлением вполне определенной поведенческой модели, когда организм, в ответ на внешнюю угрозу, готовит себя либо к отступлению, либо к борьбе.

Многие согласятся с тем, что именно благодаря такой способности к напряжению своих сил человек выдержал многие тысячелетия непрерывной борьбы за выживание. В повседневной жизни такое состояние «готовности к бою или к отступлению» часто ассоциируется с повышением работоспособности. Подсознательно в него себя приводят, например, спортсмены перед ответственными соревнованиями или студенты накануне экзамена. Точно так же в

современном бизнесе «принять бой или уклониться от него считается ключом к выживанию и успеху.

В то же время подобная мобилизационная готовность может иметь и нежелательные последствия. В прежние времена человек, в случае возникновения опасности, стоял перед элементарным выбором: либо драться, либо бежать. Так, пещерный человек вряд ли подавлял или смягчал естественную реакцию на нападение дикого зверя. Однако в современном мире многие виды опасности не столь очевидны, напротив, довольно расплывчаты, абстрактны, когда совсем не ясно, с кем или с чем следует бороться и от чего бежать. В результате наш современник в значительной степени утерял эту способность к немедленному, спонтанному реагированию, его реакция часто подавлена, замедлена.

Если инстинкт «бороться или бежать» слишком часто проявляется у человека, который, по тем или иным причинам, не в состоянии сделать ни того, ни другого, возникает хронический стресс, и следовательно, целый букет заболеваний. Физиологически такой подавленный, загнанный внутрь стресс, разрушает кровеносную систему, легкие, мышцы, суставы, значительно ускоряет процесс старения организма. То есть, если не встретить, условно говоря, опасность лицом к лицу и не найти иного решения возникшей проблемы, то стресс иссушит оставшиеся беззащитными тело и мозг.

«Перегретый котел»

Что же проявляется в человеке, живущем в местах боев и бомбежек, когда спрашиваешь его, тестируешь, когда живешь бок о бок, — спрашивает Леонид Китаев-Смык, — ешь, что он, прячешься вместе со всеми в подвале, и твоя душа также замирает от близких бомбовых разрывов¹? Проследуем за наблюдательностью автора. Нет равнодушных глаз. В них тлеет, как огонь под пеплом, решимость в дымке морщин. У всех военная чернота на лице... землистая или с синевой, особенно вокруг глаз. Все, что может, заостряется: нос, подбородок, скулы. И вялый человек, таких большинство, и порывистый сразу смотрят тебе в глаза, прожигают насквозь. В этом что-то от затравленного зверя. И нет возможности скрыться от такого взгляда. Навстречу ему надо смотреть спокойно,

¹ *Китаев-Смык Л.* Мирное население в разгар гражданской войны // Архетип, философский и психологический журнал. М., 1997. № 2—4. С. 5.

решительно, честно. Если нет в тебе скрытности, злобы или страха, то на лице человека отразится благодарность и жажда сближения. И брови собеседника остались насупленными, и губы до белизны сжаты, но если ты несешь искренность, с тобой захотят постоять, помолчать, обменяться словом, почувствовать тепло твоей души, разделить с тобой напряженность или горе.

Чем тревожнее обстановка, тем сильнее концентрируется внимание и интересы на самом важном сейчас и здесь. Это — общее у людей на войне, но у них много «востребованных» войной (лишениями, горем, опасностями) различий в эмоциональности поведения, в экспансивности поступков, в устремленности и надеждах.

Многие мужчины и женщины эмоционально подавлены, молчаливы, грустны. В их позах безнадежность, в движениях усталость. Они незаметны, как тень. Только приглядевшись, можно увидеть, что таких «придавленных» в любой группе, в толпе — большинство. «Придавленные» — депрессированы, парализованы укоренившимся в них страхом. Все старики кажутся намного старше своих лет, они больше всех других изнурены войной, многие ощущают свою жизнь как беспросветное «доживание».

Л. Китаев-Смык считает, что у многих мирных (и не «мирных») чеченцев во время войны (а вернее задолго до нее) сформировался синдром «скрытой озлобленности» («латентной брутальности»). При этом человек может спокойно жить в привычной ему обстановке и казаться себе и окружающим людям вполне умиротворенным. Но достаточно незначительного события, пробуждающего отрицательные эмоции, и человек закипает от ярости, взрывается бешеными ожесточенными действиями.

В таком человеке постепенно накапливается неосознаваемый им конфликт, например, между традиционным укладом жизни и привносимыми чужеродными новациями, которые он даже мог осознавать, как казалось бы, полезные, престижные и неизбежные. Но в скрытых глубинах такого человека зреет разрушительный, правильное сказать — освободительный потенциал громадной силы. Взорвавшись, он освобождает людей от навязанного им внутриспсихического конфликта, от сил, давящих на жизненные устои народа. Это феномен «перегретого парового котла». Он стоит себе, но стоит пробить в нем отверстие — котел взрывается, круша все вокруг на большом расстоянии.

Среди жестокостей и страхов войны расцветает жажда счастья. Возникает карнавальное наслаждение жизнью и риском потерять

ее. Среди разрухи и беды долгожданными оказываются и светлые, и горькие, и грозные улыбки. Тяга к радости может быть глупа, эротична, жестока. Может быть и «умной». Ничего не забывая, она вырывает людей из тисков страха.

Карнавальность на войне — это «выпрыгивание» из военного состояния сосредоточенности. Все силы человека, сосредоточенные «здесь и сейчас», не могут выдержать своей концентрации и всплескиваются в экстазе триумфа победы, которой еще нет, предвзято ее: чтобы освеженные радостью люди смогли опереться на будто бы случившуюся победу, чтобы дальше терпеть и бороться, будучи уже заведомым победителем.

Психоаналитикам видится в карнавалах, нужных людям время от времени, примирение индивидуального Я с социальным сверх-Я. Первое — стремление к радости инстинктов, любовных наслаждений. Второе — выращенная в человеке склонность к самоограничениям ради традиций и правил, ради других людей. Ради удобства жизни с ними, используя их. Это и склонность уподобляться им в общих упорядоченных действиях. Во время традиционных карнавалов социальные запреты отменяются. Больше того: правила карнавалов предписывают разнузданность, но в пределах традиций, то есть никому не во вред. Ослаблены самоограничения сверх-Я в угоду инстинктивной эротичности Я¹.

На войне — иначе. Потенции я и сверх-Я мобилизуются и объединяются психологическими механизмами войны.

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Практическая психология. М., 1997.
2. *Дильман В.* Большие биологические часы. М., 1986.
3. *Завилянский И.Я., Завилянская Л.И.* Деонтология в психиатрии. М., 1988.
4. *Завьялов А., Плотников В.* О путях вовлечения психологии в практическую медицину // Психологический журнал, 1996, № 4.
5. *Конечный Р., Боухал М.* Психология в медицине. Прага, 1985.
6. *Магазинник Н.* Искусство общения с больными. М., 1991.
7. *Селье Г.* Когда стресс не приносит горя // Неизвестные силы в нас. М., 1992.
8. *Селье Г.* Стресс без болезней // Стресс жизни. СПб, 1994.

¹ *Китаев-Смык Л.* Указ. соч. С. 11.

9. Китаев-Смык Л. Мирное население в разгар гражданской войны // Архетип, философский и психологический журнал, М., 1997, № 2—4.
10. Хартли М. Как превратить стресс из врага в союзника. София, 1992.
11. Чарлтон Э. Основные принципы обучения здоровому образу жизни // Вопросы психологии, 1997, № 2.

Вопросы для повторения

1. Каково содержание понятия «психические состояния»?
2. Как Э. Фромм анализирует феномен фрустрации в социально-историческом аспекте?
3. Каковы многочисленные истолкования понятия «фрустрации»?
4. Когда появилось понятие «посттравматические стрессовые расстройства»?
5. В чем смысл метафоры «перегретый котел»?

Темы рефератов

1. Специфика предельных эмоциональных состояний.
2. Фрустрация как психологическое понятие.
3. Стресс как психологическое понятие.
4. Карнавальность на войне.
5. Психология озлобленности.

Тема 10

Страх как феномен

На земле-то жить нельзя.
И недаром у Шагала
Пешеходов крайне мало,
Все живут, летя, скользя
Над поверхностью земной.
И фигуры Боттичели
Не к земной стремятся цели,
А к какой-нибудь иной

Лариса Миллер

Мы продвигаемся вдоль череды рухнувших зданий. Повсюду обломки кирпичей, цементных блоков. Подземный толчок в этом поселке был столь сильным, что не устояло ни одно сооружение. Впереди нашей группы бежит овчарка. Немецкие спасатели время от времени посылают ей команды. Овчарка неожиданно бросилась под каменные своды. Там, в руинах кто-то есть. Начинаем разбрасывать камни, продвигаемся медленно, на лицах усталость и тревога. Неожиданно выглянуло солнце. В просвете показалась фигурка девочки. Услышав немецкую речь, знакомую по фильмам, растерянная, испуганная девочка делает шаг нам навстречу и поднимает ручки вверх.

«Страх всегда сопровождал общество в переходные (или губительные) периоды истории, и все же таких масштабов и многообразия форм он прежде не имел. Фактически речь идет о прочном смещении жизненных приоритетов в сторону ценностной системы «небезопасного» общества (У. Бек). Перемены, происходящие в мире, приняли характер грандиозного снежного обвала. В такой ситуации трудно найти точку опоры и человек фактически оказывается в состоянии бифуркации. Он будто занес ногу для шага вперед: прежнего устойчивого положения лишился, следующего еще не достиг (и вопрос об его устойчивости остается открытым), а нынешнее — совершенно неопределенное — вызывает лишь чувство страха, Движущей силой общества становится установка «Я боюсь!»¹.

¹ Фролова О.С. Проблема страха в современном обществе // Актуальные проблемы социального функционирования транзитивного общества. Ростов-на-Дону, 2003. С. 316.

Страх как эмоциональное состояние

Почуввав опасность, животное убегает. Иногда ничто реальное ему не грозит. Однако оно поднимается с места: мало ли по какому поводу хрустнула ветка. Человек также стремится предугадать угрозу. Но в отличие от других созданий он может испытывать страх без видимой причины. Более того он способен культивировать его в себе. Очевидно, страх вырастает у него из некоей страсти. Она — нечто, к чему неодолимо тянется душа, без чего бытие неполно.

Верно ли, что страх владеет каждым человеческим существом без исключения? Что он обладает всепроникающей мощью? Что он — глубочайшая бездна, в которой гибнут люди и народы? Наконец, можно ли преодолеть это чувство или человечество пожизненно обречено влачить на себе вериги многоликого ужаса?

Люди начали размышлять о страхе, едва задумавшись о мироздании. Какая леденящая тайна заключена в звездном небе? Почему так величествен и грозен просверк молнии? Отчего неумолим огнедышащий вулкан? Можно ли умилостивить вездесущих духов?

Позже, обратив взор на самого себя, человек стремился разгадать собственные наваждения. Какая неодолимая сила приковала меня к земле, когда появились враги? Отчего ужас заставляет трепетать сердце? Почему рождается странное, неотвязное искушение, побуждающее разглядывать лик ужаса?

Попробуем поразмышлять, что называется, от Адама. Не вооруженные опытом поколений, разглядываем недавний газетный снимок. Перед нами мальчик — жертва чернобыльской катастрофы. Нога, похожая на обрубок, однорукое тело... Но настоящий страх мы ощущаем лишь в то мгновение, когда видим глаза ребенка — осмысленные, чистые, страдальческие...

Мир, вообще говоря, полон уродств. Вселенная перенаселена эксцентричными созданиями. Но разве эти существа способны внушить ужас самой равнодушной природе? Только человеку заповедано поражаться потрясающей рассогласованности мира, испытать жуткое несоответствие желаемого и реального. Наш первый вывод таков: безотчетный страх возникает вместе с человеком. Это удостоверяет наше сознание. Человек — особый род сущего. Без него некому содрогнуться от того, что сотворила природа и сам он, Адамов потомок.

Но принесенный человеком страх образует целую вселенную. Он гнездится на всех ярусах человеческого существования. Стоглавый и сторукий, страх заполняет не только сознание, но и бездны подсознания. Армянская девочка, которая в 1989 г. подняла ручки, услышав немецкую речь, продемонстрировала страх, который гнез-

дится в глубинах психики. Для выражения различного спектра страхов существуют разные слова: страх, тревога, тревожность. Слова, как видим, разные. Но предполагается нечто глубинно сходное. Напомним еще раз, что речь идет не о психологических основах неких отрицательных эмоций. Экзистенциальный страх нельзя ни вылечить, ни изжить. Его можно лишь испытать полной чашей. Ведь он порожден не физической опасностью, в нем обнаруживается не малодушие человека, не его готовность укрыться от беды. Это метафизический ужас, в основе которого неустранимое горькое откровение, своего рода прозрение.

Экзистенциалисты, таким образом, отвечают на вопрос: что заставляет человека испытывать страх как некую страсть? Если подлинное существование обретается узрением беспредельной бездны бытия, то отчего не сойтись поближе с образами страха, не разглядеть его причудливую вязь, не проникнуть в сердцевину всепожирающего ужаса? Только в тревоге я постигаю себя как существо свободное.

Разумеется, внутреннее, напряженное и интимное влечение к страху имеет экзистенциальный смысл. Но было бы, вероятно, неразумным ограничиться только этим объяснением. Метафизический страх погружает человека в самые немислимые состояния. Он даже заставляет пережить сладчайший миг блаженства. Здесь и возникает простор для самовластья человеческой фантазии. Образы ужаса рождаются как бы впрок, как преображение огромной психической энергии человека. Кочущие архетипы словно заслоняют человека от возможного саморазрушения, фрустрации.

Глубинное влечение

Но правомерно ли назвать страх глубинным, трудноутолимим побуждением человека? Неужели, преодолевая его, человек сам бессознательно устремляется к нему? Какие тайны человеческого существа открываются при этом? Люди отнюдь не пытаются отогнать переживание страха. Они хотя и изведать его в полной мере.

В патриархальных, языческих культурах существовали особые культы страха. Древние мистерии, мы помним, предлагали участникам испытать ужас символических событий прошлого. Так почему люди хотят еще раз пережить то, что безвозвратно ушло? По мнению Фридриха Ницше, античного грека особо привлекал «чудовишный ужас, который охватывает человека». Человек античной культуры прекрасно знал о таких эмоциональных состояниях экстатического (экстаз — состояние крайней степени восторга, доходящего до иступления) восторга, когда страх переживался как опьянение.

Ответственно за это, по мысли Ницше, дионисийское (восходящее к богу Дионису состояние опьянения и безумия) начало в человеке. Страх древнего человека был метафизическим, а не возникающим из-за реальной сиюминутной опасности.

Грек знал и ощущал страхи и ужасы существования: чтобы иметь возможность жить, он вынужден был заслонить себя от них блестящим порождением грез — олимпийцами. Необычайное недоверие к титаническим силам природы, безжалостно царящая над всем познанным Мойра. Коршун великого друга людей — Прометей, ужасающая судьба мудрого Эдипа, проклятие, тяготеющее над родом Атридов и принудившее Ореста к матерубийству, короче, вся эта философия лесного бога со всеми его мифическими примерами, от которых погибли меланхолические этруски, — непрерывно все снова и снова преодолевалась греками при посредстве того художественного междумирия олимпийцев или во всяком случае прикрывались им и скрывались от взоров.

По мнению Ницше, первобытный порядок, установленный богами ужаса — титанами, посредством начала красоты был преобразован в олимпийский порядок богов гармонии и радости. Ужас и хаос были ограждены гармонией. Аполлон победил Тифона, а Пегас — Химеру. Однако боги ужаса, низвергнутые в бездны Тартара, живы, ибо они бессмертны. И бездны эти — в душе человека, который предстает, таким образом, существом катастрофическим, сотрясаемым невиданными по силе страстями и желаниями. Все в нем смешано. Человек в трактовке Ницше предстал как крайне противоречивое существо. «Если бы мы могли представить себе во-человечение диссонанса, — а что же иное и представляет собою человек? — то такому диссонансу для возможности жить потребовалась бы какая-нибудь дивная иллюзия, набрасывающая перед ним покров красоты на собственное его существо».

Затаенная тяга к страху не растворилась в архаических культурах. Она отчетливо обнаруживается и в христианстве. Не случайно, по-видимому, понятие грехопадения вызвало к жизни многочисленные варианты исторических описаний и всемирно-исторических перспектив от «Града Божьего» Августина Блаженного до трудов современных теологов.

Христианство стремится разбудить в людях страх перед собственными прегрешениями, делая особый акцент на покаянии. Христианин буквально загипнотизирован ужасами ада, вселием демонических сил и эсхатологическими (эсхатология — религиозное учение о конце мира) перспективами. Райское блаженство обретает смысл только на фоне адских мучений.

Да и у многих современных мыслителей, ученых, писателей отмечается тяга к эсхатологическим темам, мотивам вселенской катастрофы и гибели человечества. Люди по-прежнему со всей страстью предаются страху. Но что это за причуда? Какая неприродная потребность рождает столь всепроникающее влечение? Человек способен культивировать в себе страх, переживать такое состояние, когда реальной причины для беспамятства нет. Страх как фантазия, как обыкновенное состояние души — это, строго говоря, что-то неприродное.

Постижение страха

Современная психология обнаруживает обостренный интерес к проблеме эмоций. Эмоции присущи и животным и людям. Они являются неотторжимой составной частью психики. К природным эмоциям относятся такие, как радость, возбуждение, любопытство, ожидание, надежда, интерес, удивление, горе, страдание, депрессия, гнев, агрессия. Они являются врожденными. Высшие эмоции человека формируются в ходе воспитания. Эмоции выполняют роль регуляторов общения и деятельности. Они выражаются жестами, мимикой, позами, интонациями и другими средствами.

Как отмечал К. Ясперс в работе «Общая психопатология», часто сообщается о фиксируемых в начале болезни отдельных моментах, таких, как изолированные обманы восприятия, явное изменение уровня впечатлительности. На ранних стадиях процесса иногда — особенно среди относительно образованных людей — обнаруживается страх перед помешательством, сопровождающийся крайним беспокойством и попытками развеять свои опасения путем испытывания окружающих. Пример: больной отправляет палец своей подруги себе в рот, чтобы посмотреть, не выкажет ли она признаков страха. Она не боится, что он ее укусит, — значит она считает его вполне здоровым; на какое-то время этот вывод его успокаивает. Далее, страх перед душевной болезнью и ощущение надвигающегося безумия — это обычные, но объективно никак не обоснованные симптомы, встречающиеся, в частности, у лиц с психопатиями и слабо выраженной циклотимией, — то есть у тех, кого, по существу, не приходится считать больными.

Многие мудрецы, от античного философа Демокрита до современного мыслителя Ж.П. Сартра, пытались проникнуть в природу страха. Художественная литература коснулась различных граней этого феномена человеческой природы. Упоминание о страхе можно встретить в работах мыслителей Древнего мира, античности, Нового времени и современности. Многие из них исследовали при-

роду человека в целом: Аристотель («О душе»), Р. Декарт («Страсти души»), Б. Спиноза («Этика»), Д. Юм («Трактат о человеческой природе») и др. Теории, которые были созданы в рамках философии до возникновения психологии как науки (конец XIX в.), можно отнести к классическим теориям эмоций: Платон, Аристотель, Эпикур, Т. Гоббс, Р. Декарт, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Д. Юм, К. Гельвеций, П. Гольбах, И. Кант.

Страх при этом рассматривался в рамках конкретных концептуальных систем. Но наиболее важными и интересными можно назвать, пожалуй, холистические (то есть пронизанные идеей целостности) устремления Аристотеля, взгляды Р. Декарта (страх — это крайняя степень трусости, изумления и боязни), учение Б. Спинозы о происхождении и природе аффектов, его системный подход к пониманию страха. Д. Юм диалектически соединил «поверхностные» (ситуационные) и базисные (индивидуальные) причины страха. Описание сущности страха и роли, которую он играет в человеческой жизни на духовном уровне можно встретить в художественной литературе и в работах экзистенциалистов.

Согласно Платону, в идеальном государстве страх распространен неравномерно: философам-правителям чужд страх, так как они не имеют корысти; воины не должны испытывать страх, так как стремятся к славе; а третье сословие не может не стремиться к наживе и корысти, и потому оно должно жить в страхе. Именно обладание собственностью, по Платону, порождает страх. По Аристотелю, страх — это один из аффектов (страстей души), который имеет две крайности (порока): трусость и безудержную отвагу. Добродетель же здесь определяется средней мерой страсти, которая достигается посредством разумной части души и называется мужеством.

Эпикур считал, что для достижения высшего блага (счастья) необходимо избегать страха посредством разума. Страх у Эпикура дифференцируется: страх перед богами, страх перед необходимостью, страх перед смертью. Страх перед богами порожден ложным мнением, что боги вмешиваются в человеческую жизнь. Страх перед судьбой может быть уничтожен признанием наличия ниш свободы в результате самопроизвольного отклонения атомов от прямой линии. Абсурдность страха смерти доказывается тем, что в смерти отсутствует ощущение, а все хорошее и плохое в ощущениях. В стоицизме страх рассматривается в качестве «родовой» страсти. Стоическая апатия в качестве идеала также предполагает борьбу со страхом, наряду с другими «родовыми» страстями: скорбью, наслаждением и желанием. Борьба со страхом предполагает преодоление его составляющих: ужаса, робости, испуга, потрясения, мучения.

Согласно христианской трактовке, выделяются три вида страха: Божий (который признается добродетельным), боязнь, ложный страх (которые признаются порочными). По Библии, страх появляется как следствие грехопадения Адама и Евы. В Ветхом Завете прослеживаются два аспекта страха: с одной стороны, страх есть следствие нарушения божественной заповеди, недолжного отношения человека к Богу, он порождает чувство вины и возвращает верующего под сень Закона; с другой стороны, страх Божий является основополагающей характеристикой должного отношения к Творцу и выражается в трепетном благоговении перед тайнами божественного бытия.

В эпоху Возрождения с изменением взгляда на человека, Страх Божий перестает восприниматься как добродетель (Д. Пико делла Мирандола). Декарт противопоставляет страх надежде, понимая его как склонность души, направленную на убеждение о несбыточности желаемого. Т. Гоббс считал страх атрибутом естественного состояния человека. Страх преодолевается лишь в обществе, основанном на договоре, хотя и здесь не исчезает полностью. По Ж.-Ж. Руссо же, наоборот, естественное состояние характеризуется отсутствием вражды и страха, а общественное — их наличием. Б. Спиноза провозгласил целью достижение в человеческом поведении состояния, управляемого не смутными влечениями (в том числе страхом), а ясным знанием его действительных причин. Свобода человека несовместима со страхом, который преодолевается разумом. Л. Фейербах связывал страх с религиозным отчуждением; преодоление страха возможно через реализацию принципа «человек человеку Бог». По Ф. Ницше, христианская мораль основана на страхе: человек «отвоевал себе право быть жалким и недостойным в абсолюте». Страх развивается до состояния ressentiment, трактуемого как соединение бессилия, зависти и страха. Этой морали, по Ницше, следует противопоставить мораль сверхчеловека, основанную на бесстрашии и правдивости.

Экзистенциализм о страхе

Экзистенциальная трактовка страха представлена Кьеркегором, М. Хайдеггером, А. Камю, Ж.-П. Сартром. Кьеркегор различал два вида страха: безотчетный страх — тоску, ужас, жуть (дат. Angst) и страх — боязнь (дат. Furcht), который вызывается конкретным предметом. Человек конечен и знает об этом, поэтому в отличие от животного испытывает страх перед Ничто. Страх порождает этическое и сопровождает этическое состояние. Выводя состояние страха из невинности, Кьеркегор там самым устраняет чувство вины из

переживания страха. В крайней степени с отчаяния происходит преодоление этического религиозным.

Для Кьеркегора именно свобода выбора, а отнюдь не покоящийся на атеизме мир вызывает страх и тревогу. Когда я вижу свои возможности, писал он, я испытываю тот страх, который есть головокружение от свободы. И свой выбор я делаю, будучи охвачен страхом и трепетом.

Больше выбора — больше осознание выбора — больше тревоги. Особенно большую тревогу испытывают творческие натуры — это происходит оттого, что акт творчества предполагает необычайные возможности для выбора. Рядовые же индивиды пытаются его избежать. Попав в трудную ситуацию, они говорят: «Это невозможно. Ничего нельзя сделать. Они пытаются раствориться в развлечениях, спорте, сексе, пьянстве, в чем угодно, лишь бы избежать осознания свободы. Не случайно

Кьеркегор говорил о XIX веке как об «эпохе трусливых», в которую «каждый делает все возможное, чтобы путем различных увеселений и янычарской музыки, всякого рода шумных предприятий удерживать в стороне ненужные мысли, подобно тому, как в лесах Америки они не подпускают к себе диких зверей при помощи факелов, пронзительных воплей и звуков цимбал...»

Однако все попытки избежать тревоги обречены на неудачу. Совершая это, писал Кьеркегор, человек тем самым теряет прекрасную возможность для формирования собственной личности, для становления ее. Если бы человек был зверем или ангелом, то состояние тревоги было бы ему незнакомо. Но поскольку он и то и другое, то, стало быть, подобное состояние ему известно, и чем более тревога, тем значительнее человек. Кьеркегор считал тревогу школой, которая приучает людей встречать смерть лицом к лицу и искренне воспринимать положение, в котором человек оказался.

Проблема страха нашла отражение и в философии Хайдеггера. Согласно этому философу, страх порождается бытием-присутствием (*Dasein*) и, в отличие от боязни, указывает на него и открывается ему. Как таковой страх также отличается от ужаса, понимаемого Хайдеггером как одно из фундаментальных философских настроений. Посредством страха раскрывается последняя возможность экзистенции — смерть.

Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, спрашивает Хайдеггер, которая способна приблизить его к самому Ничто?¹ Фи-

¹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 20.

лософ отвечает: «Это может происходить и действительно происходит — хотя достаточно редко, только на мгновения, — в фундаментальном настроении ужаса». Под «ужасом» Хайдеггер понимает не ту слишком частую способность ужасаться, которая по сути дела сродни избытку боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного существа, которое нам в том или определенном отношении угрожает. Страх перед чем-то касается всегда каких-то определенных вещей. Поэтому боязни и страху присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связаны вещами, среди которых находятся. В стремлении спастись от чего-то — от этого вот — они теряются и в отношении остального, т.е. в целом «теряют голову».

При ужасе для такой сумятицы, подчеркивает Хайдеггер, уже нет места. Чаще всего, как раз наоборот, ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хоть ужас это ужас всегда перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть, по Хайдеггеру, не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить. Она дает о себе знать в нижеследующей общеизвестной формуле.

В ужасе, говорим мы, «человеку делается, жутко». Что «делает себя» жутким и какому человеку? Мы не можем сказать, перед чем человеку жутко. Вообще делается жутко. Все вещи и мы сами тонем в каком-то безразличии. Тонем, однако, не в смысле простого исчезания, а вещи поворачиваются к нам этим своим оседанием как таковым. «Проседание существа в целом насаждает на нас при ужасе, подавляет нас. Не остается ничего для опоры. Остается и захлестывает нас — среди ускользания существа — только это «ничего»¹.

Ужасом приоткрывается Ничто. В ужасе «земля уходит из-под ног». Точнее: ужас уводит у нас землю из-под ног, потому что заставляет ускользать сущее в целом. Отсюда и мы сами с общим провалом существа тоже ускользаем сами от себя. Жутко делается поэтому в принципе не «тебе» и «мне», а «человеку». Только наше чистое присутствие в потрясении этого провала, когда ему уже не на что опереться, все еще тут.

Ужас, считает Хайдеггер, перебивает в нас способность речи. Поскольку сущее в целом ускользает и надвигается прямое Ничто, перед его лицом умолкает всякое говорение с его «есть». То, что, охваченные жутью, мы часто силимся нарушить пустую тишину

¹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 21.

ужаса именно все равно какими словами, только подчеркивает подступание Ничто. Что ужасом приоткрывается Ничто, человек сам подтверждает сразу же, как только ужас отступит. С ясностью понимания, держащейся на свежести воспоминания, мы вынуждены признать: там, перед чем и по поводу чего нас охватил ужас, не было, «собственно» ничего. Так оно и есть: само Ничто — как таковое — явилось нам.

Хайдеггер показывает, что Ничто о себе дает знать в настроении ужаса — но не как сущее. Равным образом оно не выступает и как предмет анализа. При ужасе сущее в целом становится шатким. В ужасе происходит отшатывание от чего-то, но это отшатывание — не бегство, а оцепенелый покой. Отшатывание происходит от Ничто. Ничто не затягивает в себя, а сообразно своему существу отсылает от себя.

Сартр дифференцирует два вида страха: страх экзистенциальный и страх перед самим собой. Последний преодолевается принятием отчаяния в форме ответственности за все, что происходит с человеком в жизни. Страх перед самим собой обусловлен страхом выбора. Для Сартра и его последователей жизнь не имеет ни смысла, ни цели, но вместе с тем индивиды могут «внушить» смысл своему существованию, прибегая к выбору, который утвердит их как личности. Первый и наиболее опасный вариант выбора состоит в следующем: а не совершить ли самоубийство. Поскольку последнее отвергается, то жизнь превращается в последовательную цепочку выборов... И это — выбор между добром и злом. Положение человека, как это виделось Сартру, абсурдно и гротескно, но люди все-таки в силах достигнуть чистоты, величия и доблести. Согласно Камю, страх преодолевается осознанием абсурда жизни, проявляющегося в форме метафизического бунта.

Феномен страха в русской философии

В русской религиозной психологии проблеме страха также уделялось большое внимание. Л.Н. Толстой в своей концепции непротivления противопоставлял страху перед Богом страх перед государственными организациями в качестве приоритетного. И.А. Ильин же отмечал, что такая оппозиция невозможна, так как божественные заповеди исполнимы лишь при некотором экзистенциальном утрашении злодеев государственными законами.

Н.А. Бердяев считал, что в числе многих определений человека есть и определение его как существа, испытывающего страх. И это можно сказать про все живое.

Страх животных ужасен. Тяжело смотреть в глаза животного, испытывающего страх. Страх связан с опасным, угрожаемым положением жизни в мире. И чем совершеннее, чем индивидуализированнее жизнь, тем более она угрожаема, тем большим опасностям подвержена и тем более участь ее — смерть. Нужно все время защищаться от опасностей. Организм в значительной степени построен для защиты. Борьба за существование, которой полна жизнь, предполагает страх¹.

Философ полагал, что храбрость и страх не исключают друг друга. Храбрость есть не столько отсутствие страха, сколько победа над страхом и при том в определенном направлении. Человек может быть очень храбрым в одном отношении и трусом в другом: например, очень храбрым на войне и трусом перед собственной женой, не бояться смерти и испытывать страх перед мышью или заразной болезнью. Бывают люди очень храбрые физически и трусливые морально, и наоборот. Человек может достигнуть высокого состояния храбрости в определенной сфере жизни, оставляя в состоянии страха другие сферы.

Победу над страхом Н.А. Бердяев считал духовной задачей. Неисчислимое количество насилий и жестокостей в человеческой жизни, по его мнению, порождается страхом. Террор есть страх не только тех, на кого он направлен, но и тех, кто его практикует. Известно, что одержимый манией преследования не только испытывает страх, но и начинает преследовать других и ввергать в состояние страха. Самые страшные люди — это люди, одержимые страхом.

Бердяев предлагал различать страх животный, связанный с низшими состояниями жизни, и страх духовный, связанный с высшими состояниями. Религиозная жизнь человека наполнена страхом, хотя можно было бы сказать, что цель религиозной жизни есть победа над страхом. Страх, по словам философа, правит миром. Власть по природе своей пользуется страхом. Человеческое общество построено на страхе. Страх ада в религиозной жизни и страх революции или потери собственности в жизни социальной все обесценивает. Человек живет в страхе жизни и в страхе смерти.

Но вот что главное, по мысли философа, — страх искажает истину. Между тем бесстрашие перед истиной есть величайшее достижение духа. Героизм и есть бесстрашие перед истиной и смертью. Н.А. Бердяев считал, что страх связан со страданием. Он переживается как страдание. Он есть боязнь страдания. Нельзя оторвать страх от этого центрального явления человеческой жизни. Но страх

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М., 1999. С. 114—115.

унижает человека и извращает человеческое¹. Н.А. Бердяев подчеркивал, что путем страха, даже если это страх перед Богом, невозможно достижение спасения. Отсюда Бердяев делал вывод о необходимости противопоставить легалистской этике закона благодатную этику искупления и этику творчества. В творчестве человека реализуется попытка Божественной любви к твари и преодолевается страх как следствие греха и разделения жизни на добро и зло.

Фрейд также проводил различие между боязнью, испугом и страхом. Боязнь означает определенное состояние ожидания опасности и приготовления к ней, даже если она еще не известна. Испуг — состояние, возникающее при опасности, когда человек к ней не подготовлен. От испуга человек защищается страхом. Страх предполагает объект, которого бояться. Готовность к страху целесообразна; развитие его нецелесообразно.

В целом Фрейд различал реальный и невротический страх. Реальный страх — это страх перед известной человеку опасностью. Он рационален, представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, является выражением инстинкта самосохранения. Невротический страх связан с опасностью, неизвестной человеку. Он возникает на основе восприятия внутренней, а не внешней опасности. От внешней опасности можно спастись бегством. Попытка бегства от внутренней опасности — дело трудное, чаще всего завершающееся болезнью.

Было сказано: в пустыне нет красоты, красота — в сердце бедуина. В той же мере в грандиозной вселенской драматургии, в ее взрывах и протуберанцах, в угасании звезд и космическом сжатии нет никакого ужаса. Страх живет только в душе грешного, чувствующего, отверженного и смертного человека. Это он соразмеряет неисчислимы обнаружения бытия с собственной участью. Он прилагает ко всему окружающему человеческие мерки и ужасается бездушию Вселенной.

Человек — песчинка мироздания. Его окружают грозные природные стихии. Небо осыпает людей кометами. Недра земли извергают огненную лаву. Человек постоянно испытывает предательство земной тверди. Однако источник страха, как можно полагать, вовсе не в игре природных смещений. Он только в помышлении человека о них. Миг прозрения рождает оцепенение.

Уменьшение слоя озона над планетой угрожает прорывом смертоносных излучений. Ужас не в самом этом природном катаклизме, а в человеческом осознании неотвратимых последствий содеянного.

¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 118.

В наши дни из рукотворных сооружений человека вырывается поток поражающих все живое частиц. И вот уже страх наступает нас, когда мы видим глаза младенца, изуродованного смертоносной стихией, когда боимся сорвать ягоду с куста, поднять упавший плод. Постигание кошмара пронизывает все наше существо.

Психология страха — неизбежный спутник западной цивилизации. Видный немецкий философ и социолог Макс Шелер заметил:

В истории еще не появился такой великий психоаналитик, который освободил бы человека от этого смертоносного ужаса, не от мифологического грехопадения и вины, а от того конститутивного чувства страха, который является эмоционально-импульсивной основой этого специфически иудейско-христианского мира идей.

Выходит, страх — пожизненный удел человека, бремя избранной им свободы. Но почему тогда мы называем это чувство страстью? Ведь многие мудрецы прошлого и современные ученые (сошлемся хотя бы на книгу итальянца А. Моссо «Страх», изданную в Полтаве в 1887 г.) считали, что страх — это болезнь, которую надо лечить. Издавна такое состояние человека изучали психологи, толковавшие страх как отрицательную эмоцию, обнаруживающую себя при возникновении реальной или мнимой опасности.

Плиний Старший (23 или 24—79 гг.) в «Естественной истории» рассказывал, как из двадцати гладиаторов едва можно было найти двух, которые не моргнули бы при угрожающем жесте. Историк иронизирует: ничего себе храбрцы...

Страх парализует волю. Героем считали того, кто способен внутренней силой побороть в себе чувство ужаса. Страх представляли в виде демона или божества, для умилостивления которых приносили жертвы. Так, отправляясь на битву, Александр Македонский приносил жертвы демону страха. В Туринском музее и сегодня можно видеть римские медали, на одной из которых вычеканена женщина в состоянии ужаса, а на другой мужчина, объятый страхом. Они были отлиты консулами в подтверждение обетов, данных, чтобы умилостивить страх.

Позже этот феномен пытались объяснить, изучая человеческую физиологию. Первая такая книга принадлежит Декарту. Утверждая, что древняя философия Аристотеля не решила ни одного вопроса, связанного с постижением человеческой природы, Декарт приступил к физиологическому исследованию души. Он полагал, что страх имеет чисто физические причины, и поэтому искал в мозгу следы впечатлений от пережитого.

Романтики XVIII — XIX в. приковывали внимание к теневой стороне души, к ее зловещим обнаружениям. Целая эпоха тяготела

к скорбным, мучительным, сатанинским образам, призванным открыть человеку запретные зоны страха. Особо привлекали богоборческие мотивы. У английского поэта XVII в. Дж. Мильтона читаем:

Разве я просил тебя, творец,
Меня создать из праха
человеком?
Из мрака я ль просил меня
извлечь?

Сатана, Люцифер, Мятежник демонстрировали не только омраченность духа, химеры нечеловеческих измышлений, но и готовность прямой встречи с роком и ужасом. Романтизация страха составила примечательную черту такого сознания. Оно стремилось уловить тончайшие оттенки данного переживания, которое обрело самые причудливые формы, рождались фантазмагорические образы страха.

Безотчетная тревога

Есть безотчетная тревога, постоянно живущая в душе человека и взыскующая все новых и новых образов. Но есть и страх, порожденный конкретными угрозами. Комментируя это различие, Ж.-П. Сартр приводит впечатляющие примеры. Головокружение у края пропасти можно назвать тревогой, но вовсе не потому, что я боюсь сорваться в бездну, а потому, что не могу поручиться, что сам в нее не брошусь...

Ситуация может вызывать страх, угрожая мне какими-то переменами извне, но она нагнетает тревогу, когда я начинаю опасаться в этой ситуации самого себя.

Артобстрел перед наступлением противника пугает солдата, который попал в полосу огня, но тревога овладевает им, только когда он попробует понять, как вести себя под обстрелом, когда он задается вопросом: сумеет ли он «выстоять»?

К примеру, человек внезапно получил тяжелый удар судьбы. Ну, скажем, в результате финансового кризиса лишился своих доходов. Такой человек может испытать страх перед грозящей нищетой. Это еще не тревога, способная окрасить собою все человеческое бытие. Но вот наступает день, и человек в полной мере осознает реальность происшедшего. Он восклицает: «Но что мне теперь делать? Мне-то что предпринять?». Это означает, что его наполнила тревога...

Попытаемся вслед за Сартром разобраться, что такое тревога в приведенных примерах? Обратимся к головокружению у края обрыва. Оно начинается со страха: я нахожусь на узкой, без огражде-

ния тропе, тянущейся вдоль пропасти. Бездна дана мне как то, чего надо обязательно избежать, в ней смертельная опасность. Вместе с тем я усматриваю некоторый ряд причин, способных обратить опасную возможность в реальность: может случиться, я сорвусь в пропасть, поскользнувшись на камне. Не исключено, что грунт под ногами окажется рыхлым и обвалится.

В русле этих опасений я дан себе как вещь. Я пассивен относительно такого рода возможностей. Они обступают меня извне, поскольку я существую. Между прочим, и как объект в мире, подверженный закону тяготения. Все эти возможности мне лично не принадлежат. В этот момент является страх, он есть мое постижение себя, исходя из заданной ситуации.

Как я могу поступить в приведенном случае? Прежде всего я начну действовать рефлексивно. Стану, например, внимательно следить за камнями под ногами, буду держаться по возможности дальше от края обрыва. Это означает, что я осуществляю себя как индивид, который всеми силами противится опасной ситуации, я проектирую наперед способы поведения, чтобы отвести от себя угрозу внешнего мира. Эти способы поведения есть не что иное, как мои возможности, Я избавлюсь от страха, помещая себя в план, где вместо трансцендентных сил, не оставляющих места человеческой активности, обнаруживаются мои собственные возможности.

Но именно потому, что эти способы поведения есть не что иное, как мои возможности, они являются мне как нечто беспричинное. Они ведь не определяются никакими сторонними причинами. У меня нет уверенности не только в эффективности проектируемых мной действий, я не вполне уверен и в том, что эти действия вообще состоятся.

И здесь возникает некий парадокс. Необходимым условием названных возможностей оказываются другие вероятности, которые продиктованы противоречивыми действиями. Что я могу? Не обращать внимания на камни, бежать, думать о чем-то другом. Наконец, вполне допустима возможность броситься в пропасть. Не правда ли, когда человек долго смотрит в пропасть, она начинает «смотреть» в человека. Альтернативные способы поведения, становящиеся моими конкретными возможностями, предстают таковыми, когда они отобраны из всей совокупности логически предполагаемых способов поведения, мыслимых в данной ситуации. Но отвергнутые возможности, в свою очередь, не имеют иного бытия, кроме того, что порождено мною. Они только мною в бытии и держатся...

Какие выводы следуют из этих рассуждений? Прежде всего страх рассматривается в данном случае как нечто постоянно сопутствующее человеческой жизни.

В этом контексте он и оказывается в числе основных понятий экзистенциализма, одного из впечатляющих философских течений нашего столетия.

Психоанализ о страхе

В психоанализе З. Фрейда страх подразделяется на два вида: аффективное состояние ожидания опасности (Angst) и страх перед каким-нибудь объектом (Furcht). Источником страха выступает Сверх-Я (Идеал-Я). В отличие от Фрейда, Э. Фромм считал источником страха — общество. Ранний психоанализ различал рациональный страх (страх перед какой-то опасностью) и иррациональный страх, являющийся следствием нереализованных жизненных стремлений и проявляющийся как способ функционирования супер-эго.

Фрейд рассматривал проблему страха в «Лекциях по введению в психоанализ» (1915). Он проводит различие между невротическим и реальным страхом. Для этого Фрейд вводит понятие *опасности*. Оказывается, страх имеет отношение не только к неврозу, но и к опасности. Однако почему далеко не все реакции страха невротичны? Как вообще провести различие страха реального и невротического?

Реальный страх можно считать чем-то рациональным и понятным. Он оказывается откликом на внешнюю опасность, которая нам хорошо известна. Поэтому такой страх демонстрирует действие инстинкта самосохранения. Но всегда ли реальный страх разумен. Ведь для этого нужно вести себя целесообразно перед лицом угрозы. Но что тут может помочь оценить ситуацию? Наверное, оценка наших собственных возможностей, нашей силы перед опасностью. Не исключена также и беспомощность, которую приходится признавать, испытывая страх перед нападением.

Реально оценивая опасность, можно принять и решение. Это может быть защита, бегство и даже нападение как ответ на угрозу. Однако если страх беспределен, то он не сгодится для самосохранения, поскольку может парализовать любое действие, в том числе и бегство. Стало быть, целесообразная реакция на опасность соединяет аффект страха и защитного действия. Подвергать себя страху нецелесообразно и пагубно.

Теперь о *невротическом страхе*. Его причина вовсе неизвестна. Поиск ее приводит к ощущению опасности, исходящей от влечения. Фрейд показывает, что понятие страха многозначно. Он отли-

чает страх от боязни, испуга. Боязнь опять-таки всегда связана с конкретным объектом. Испуг указывает на опасность. Страх же — это чисто субъективное состояние, которое возникает как раз в результате развития страха. Это состояние отмечено особой аффективностью.

Страх — это, стало быть, специфическое аффективное состояние. Ядром же всякого аффекта оказывается повторение какого-то определенного значительного переживания, которое могло быть очень ранним впечатлением. Оно способно также относиться даже к доисторическому периоду не самого индивида, а всего человеческого вида. Выходит, с психоаналитической точки зрения, аффективное состояние сходно с истерическим припадком, который кристаллизует «осадок воспоминаний».

Фрейд пытается также классифицировать невротический страх. Он выделяет две его формы: невроз страха, который он относит к актуальным неврозам и фобии, связанные с истерией страха. Невроз страха можно характеризовать как свободный беспредметный страх, который Фрейд называет «страхом ожидания». Такие люди склонны искать различные несчастья. С другой стороны, страх тоже ищет их. Когда он находит свой объект, то превращается в боязнь.

Фобии всегда сопряжены с конкретными объектами и ситуациями. Можно выделить ситуативные фобии (например, боязнь высоты, закрытого пространства). В них поражает не столько их содержание, сколько интенсивность. Фрейд пишет: «Страх фобий чрезмерен». Он анализирует также фобии, связанные с животными. Здесь явно нет связи между страхом и опасностью.

Разумеется, Фрейд усматривает связь между либидо и страхом. Накопление либидо, по его мнению, не находящего естественного использования, рождает соматические процессы. Итак, если нормальный страх — это реакция на опасность, то невротический страх можно квалифицировать как ненормальное обнаружение либидо. Стало быть, можно в конечном счете выявить связь между реальным и невротическим страхом через понятие опасности. Развитие страха при неврозе оказывается результатом реакции Я на требование своего либидо. Эту внутреннюю опасность Я воспринимает как внешнюю и совершает попытку бегства от своего либидо. Таким именно способом Я прибегает к симптому (например, бегству в болезнь), который сковывает страх.

Литература

1. Ажажа Владимир. Иная жизнь. М., 1998.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
3. Делоно Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивили-

зации Запада (XIII—XVIII века). Екатеринбург, 2003.

4. *Страх*. Страсти человеческие. Философские маргиналии П.С. Гуревича. М., 1998.
5. *Сартр Ж.* Бытие и ничто. М., 2001.
6. *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия. СПб., 2003.

Вопросы для повторения

1. Каждый ли человек испытывает чувство страха?
2. Почему можно сказать, что страх образует целую вселенную?
3. Отчего страх считается человеческой страстью?
4. Как выражен страх в архаических структурах?
5. Что такое страх как экзистенциал?
6. С чем связана романтизация страха?
7. Кому нужна апокалипсическая культура?
8. Чем вызван беспричинный страх?
9. Что такое страх иррациональный?

Темы рефератов

1. Инстинкт страха.
2. Страх как глубинное человеческое влечение.
3. Современный апокалипсис.
4. Феноменология страха.
5. Экзистенциалистская концепция страха.

Тревожность как феномен

Пройдут года, но не сотрется
Тот след во мгле густых стеблей.
Еще яснее отзовется
В душе — сквозь холод лет и дней

Василий Казанцев

Страх как иррациональное состояние

Я боюсь смерти, темноты, воды, высоты, что бросит любимый, не будет денег, боюсь гаишников, тараканов, мошенников, старости, одиночества, собак, внезапно растолстеть, впасть в маразм, что расскажу анекдот, и никто не будет смеяться. Поэтому анекдотов никогда не рассказываю Никому, — пишет журналист Инна Осинская.

В неотрейдизме (К. Хорни, Э. Фромм) страх — это глобальное иррациональное состояние, связанное с иррационализмом социальных структур. Согласно К. Хорни, страх выступает в качестве фактора формирования невротических типов личности, хотя ему присущи также и конструктивные характеристики. Последователи Фрейда также различали страх, который обусловлен внешними факторами, и страх глубинный, иррациональный. Тревога, чувство бессилия и ничтожности, особенно сомнения относительно своей участи после смерти — все эти факторы создают, по мнению психоаналитиков, гнетущее душевное состояние, которое практически никто не может выдержать. Трудно представить себе человека, который бы испытывал такой страх и при этом был бы способен радоваться жизни и спокойно смотреть в будущее.

В неотрейдизме обсуждение проблемы страха все чаще замещается изучением тревожности человека. Он рассматривается в качестве динамического центра неврозов. Начиная с работ американской исследовательницы *Карен Хорни* (1885—1952), которая указывает на различие между страхом и тревогой, многие психоаналитики стали уделять преимущественное внимание психологическим условиям, которые рождают тревогу. Они изучают механизмы защиты от тревоги, пути и возможности разрешения внутренних конфликтов, основанных на тревожности, ведущих к неврозам.

Хорни ставила такие вопросы: каковы же признаки невротических страхов и защит, которые делают их специфически невротиче-

скими? Или, может быть, невротические страхи мнимы? Отвечая на эти вопросы, Хорни называет два фактора. Первый — *жизненные условия* в каждой культуре порождают некоторые страхи. Они могут вызываться внешними опасностями (природа, враги), формами социальных отношений (рост враждебности вследствие угнетения, несправедливости, вынужденной зависимости, фрустраций), культурными традициями (традиционный страх перед демонами, нарушениями табу). Второй связан с *иррациональностью*.

Хорни использует термин «тревожность» как синоним «страха», указывая таким образом на родство между ними. Оба эти термина в действительности обозначают эмоциональные реакции на опасность, которые могут сопровождаться такими физическими ощущениями, как дрожь, учащенное дыхание, сильное сердцебиение. Эти ощущения могут быть столь интенсивны, что внезапный сильный страх может привести к смерти¹.

Однако между «тревогой» и «страхом» есть различие. Когда мать, обнаружив у своего малыша прыщик или повышение температуры, боится, что ее ребенок из-за этого умрет, мы говорим о тревожности. Но если мать боится смерти ребенка, который серьезно заболел, можно назвать такую реакцию страхом.

Некоторые невротики вполне осознают, что их переполняет тревога. Ее проявления варьируются в громадном диапазоне. Она может проявляться в форме неясного чувства, в форме приступов страха. Она может быть привязана к определенным ситуациям или действиям, может иметь определенное содержание, например, опасение сойти с ума, заболеть раком, проглотить иголку².

Другим признаком тревоги является ее иррациональность. Для некоторых людей сама мысль о том, что какие-то иррациональные факторы могут руководить ими, является совершенно непереносимой. Так что они не потерпят на сознательном уровне наличия каких-либо иррациональных моментов. Кроме индивидуальных мотивов эта последняя реакция, по мнению Хорни, содержит в себе влияние культурного фактора, поскольку наша культура оказывает огромное воздействие на рациональное мышление и поведение.

Человек может быть более или менее подвержен страхам, пишет Хорни, но в целом можно с уверенностью предположить, что они навязываются каждому индивиду, живущему в данной культуре, и что никто не может их избежать. Невротик, однако, не только разделяет страхи, общие всем людям в данной культуре, но вследствие

¹ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993. С. 33.

² Там же. С. 36.

условий своей индивидуальной жизни, которые переплетены с общими условиями, он также испытывает страхи, которые качественно или количественно отличаются от страхов определенного культурного образца.

Для отражения страхов, существующих в данной культуре, в общем имеются определенные способы защиты, в том числе табу, ритуалы, обычаи. Как правило, эти защиты представляют собой более целесообразный способ борьбы со страхами, чем защиты невротика, построенные иным способом. Отсюда вывод: нормальный человек может наилучшим образом воспользоваться возможностями, которые предоставляет ему культура.

Разумеется, разграничение страха и тревоги условно. Сама К. Хорни признает это, когда говорит, что пропорциональна ли реакция на угрозу, зависит от среднего уровня познания, достигнутого в данной культуре. Кроме того, невротик всегда сможет привести множество рациональных доводов, которые подтверждают его страхи. Дикарь из племени, в котором существуют табу на употребление в пищу определенных животных, будет смертельно напуган, если случайно съест запретное мясо. Разумеется, человеку со стороны это будет казаться странным. Однако если войти в мир самой этой культуры, посмотреть на ситуацию изнутри, оценки могут оказаться иными.

По мнению К. Хорни, существует также различие между тревогой дикарей, представителей архаической культуры, и тревогой, которую сегодня можно назвать невротической. Содержание невротической тревоги, в отличие от тревожности у дикарей, не соответствует общепринятым представлениям. Надо прояснить ситуацию, т.е. понять смысл тревоги. Например, есть люди, которые испытывают постоянный страх умереть. С другой стороны, поскольку они все время страдают по этому поводу, то бессознательно испытывают тайное желание умереть.

Отсюда вывод: как страх, так и тревога являются адекватными реакциями на опасность, но в случае страха опасность очевидна, а в случае тревоги она скрыта и субъективна. Иначе говоря, интенсивность тревоги пропорциональна тому смыслу, который для данного человека имеет данная ситуация. Причины же его тревоги в сущности ему не известны.

Можно ли убедить невротика в том, что его тревога беспочвенна? Увы, нет. Что же делает в этом случае терапевт? Он пытается выявить тот смысл, который имеет для невротика определенная ситуация. Обыкновенный человек в нашей культуре плохо представляет себе значение тревоги в своей жизни. Когда невротики

говорят о своей тревоге, то аналитики получают довольно пеструю картину.

Обнаружения тревоги многообразны. Она может проявляться в виде неясного чувства, в форме приступов страха. Помните у Пушкина: «Не дай мне Бог сойти с ума...» Другие осознают, что время от времени испытывают тревогу. Они могут знать, а могут и не знать про те обстоятельства, которые ее вызывают. Наконец, есть невротики, которые осознают лишь тот факт, что у них депрессия, чувство неполноценности, расстройства в сексуальной сфере. Но они не вполне отдают себе отчет в том, что испытывали когда-нибудь или испытывают сейчас чувство тревоги. Однако анализ помогает этим невротикам осознать свою тревожность или воскресить в памяти тревожные сновидения и те ситуации, которые вызвали у них чувство страха. Стало быть, мы можем испытывать тревогу, не зная об этом.

Корни тревоги

Если рассуждать последовательно, то можно прийти к мысли, что необоснованной тревоги нет вообще. То, что человек впал в невротизм, имеет некую причину. Допустим, девочка в детстве пережила сильный стресс. Из-за того, что ее родители были репрессированы, в один миг жизнь изменилась, семье пришлось оставить родные края и уехать в ссылку. Разумеется, все это оставляет страшный след в психике. Появляется бессознательное ощущение хрупкости бытия, которое может быть разрушено в одночасье.

Теперь представим себе, что эта девочка уже взрослая женщина. Жизнь ее сложилась в целом благополучно. Семья была реабилитирована. Сама она вышла замуж, сделала карьеру, у нее прочная семья. Но достаточно одного маленького потрясения, чтобы эта женщина быстро впала в невротическое состояние тревоги. Ведь у нее есть опыт, как может неожиданно обрушиться жизнь. Аналитику будет казаться, что страхи этой женщины преувеличены: никакой объективной опасности нет. Повод, вызвавший тревогу, недостаточно основателен. Но так ли это на самом деле?

Подчас наши чувства привязанности, гнева, подозрительности столь мимолетны, что едва достигают сознания, и столь преходящи, что мы забываем о них. Однако за ними также может скрываться громадная динамическая сила. Степень осознания чувства абсолютно ничего не говорит ни о его силе, ни о его значении. Тревога, замечает К. Хорни, может быть определяющим фактором нашей жизни, оставаясь в то же самое время неосознанной нами.

В действительности мы, по-видимому, делаем все возможное для того, чтобы избежать тревоги. Для этого имеется много причин, и самой общей из них оказывается та, что интенсивная тревога — чрезвычайно мучительный аффект. Пациенты, которые прошли через сильные приступы тревоги, нередко говорят, что лучше умереть, чем пережить это заново. В состоянии тревоги человек чувствует себя беспомощным.

Однако чем безнадежнее ощущает себя человек, пишет К. Хорни, опутанный паутиной своего страха и защитного механизма, и чем сильнее ему приходится цепляться за иллюзию, что он во всем прав и совершенен, тем сильнее он инстинктивно отвергает всякий — даже самый отдаленный и глухой — намек на то, что с ним что-то не так и необходимо что-то изменить.

Хорни называет четыре основных способа избежать тревоги, которые существуют в нашей культуре.

Первый способ — *рационализация*, наилучший способ оправдать свое уклонение от ответственности. Он заключается в превращении тревоги в рациональный страх. Скрытую тревогу рации будет мотивировать реальными причинами. Аналитик будет изо всех сил доказывать, к примеру, матери, что ее тревожность не имеет фактических оснований. Но мама в ответ выставит батарею аргументов. Разве вы не слышали, что в одном из районов Москвы объявился сексуальный маньяк? Нужно ли доказывать, что среди учителей много людей с различными отклонениями? Почему этот человек угощает детей сладостями? Какие у него намерения?

Мы постоянно сталкиваемся с яростной защитой иррациональных установок. Вместо того чтобы чувствовать себя беспомощной жертвой своих эмоций, такая мать считает, что она может активно действовать в данной ситуации. Она никогда не признается в иррациональности собственных настроений. Напротив, она будет считать их абсолютно рациональными и обоснованными. Вместо того чтобы изменить себя, невротик будет продолжать переносить ответственность на внешний мир и, таким образом, уходить от сознания собственных мотивов тревоги.

Второй способ избежать тревоги состоит в *отрицании ее существования*, то есть в устранении ее из сознания. Оказывается, можно сознательно отрицать тревогу, пытаться умышленно ее преодолеть. Хорни иллюстрирует это таким примером. Скажем, девушка, которую вплоть до наступления полового созревания мучила тревога (она особенно боялась грабителей), приняла сознательное решение не обращать на эту тревогу внимания. Первое сновидение, которое

она предложила аналитику, открыло различные варианты такого отношения.

Оно содержало в себе различные ситуации, которые в действительности ее пугали, но на которые она всякий раз храбро реагировала. В одной из них она услышала ночью шаги в саду, вышла на балкон и спросила: «Кто там?» Ей удалось избавиться от своего страха быть ограбленной, но так как ничего не изменилось в факторах, вызывающих ее страх, остались другие проявления все еще сохраняющейся тревожности. Она оставалась робкой, продолжала жить обособленно, чувствовала себя лишней и не могла приняться ни за какую полезную работу.

Одна из моих пациенток рассказывала, что, стремясь преодолеть чувство страха, которое ее томит, она летом приступила к его «изживанию». Так, она заставила себя прыгнуть в речку с обрыва, хотя ей было страшно, пройти по карнизу дома. Она искренне считала, что эти меры помогут найти путь к исцелению. Броситься с обрыва ей удалось, но глубинные истоки тревожности остались. Мы еще долго шли с ней к их искоренению.

Очень часто у невротиков нет такого сознательного решения. Нередко этот процесс протекает непроизвольно. Однако отличие от нормы лежит не в степени осознания такого решения, а в достигаемом результате. Все, чего может достичь невротик, «беря себя в руки», — это устранять явные проявления тревожности, как в случае с девушкой, переставшей испытывать страх перед грабителями. По мнению Хорни, такой результат может иметь практическую ценность и может также обладать психологическим значением для повышения своей самооценки. Но — это очень важно — при этом остаются без изменения основные движущие силы личности и утрачивается действительный стимул для их проработки.

Третий путь избавления от тревоги Хорни связывает с *наркотизацией*. К ней могут прибегать сознательно, в буквальном смысле, принимая алкоголь или наркотики. Однако имеется множество путей и не столь очевидных. Одним из них является погружение в социальную деятельность под влиянием страха одиночества. Ситуация не меняется от того, осознается этот страх как таковой или предстает лишь как смутное беспокойство. Чрезмерная погруженность в работу, преувеличенная потребность в сне, сексуальная активность — вот формы такой наркотизации.

Четвертый способ уйти от тревоги наиболее радикален: он заключается в том, чтобы *избегать всех ситуаций, мыслей и чувств*, которые могут ее пробудить. Это может быть сознательный процесс. Человек, который боится плавать, не лезет в море. Боящийся

гор не занимается альпинизмом. Точнее говоря, человек может осознавать наличие тревоги и даже то, что он ее избегает.

Воплощенные узоры страха

Может ли страх приобретать реальные физические очертания? Способно ли знакомое всем нам чувство страха воплотиться в действительно существующие материальные объекты? Эти вопросы уже не кажутся праздными с тех пор, как широко распространились слухи о появлении на небе загадочных предметов — НЛО, или, говоря проще, «летающих тарелок».

Плотную завесу тайны, скрывающую от нас разгадку этого удивительного феномена, попытался приподнять выдающийся психолог и философ *Карл Густав Юнг* (1875—1961). Он выдвинул свое, на первый взгляд, невероятное объяснение небесных видений, которое теперь кажется вполне правдоподобным.

Видения НЛО не следует путать с теми групповыми галлюцинациями, которые встречались еще в далеком прошлом (примером такого типа галлюцинаций может служить заблуждение швейцарских пограничников во время Второй мировой войны, когда все они отчетливо видели надвигающиеся прямо на них немецкие танки, которые в действительности не существовали).

В случае же с НЛО мы имеем дело действительно с видимыми физическими объектами, которые, однако, ведут себя не как предметы, а как мысли. В самом деле трудно, почти невозможно представить себе галлюцинаторные образы или психические фантазии, которые были бы способны подавать сигналы о своем существовании, отражаясь на экранах радаров или проявляясь на фотопленке. Да и большинство очевидцев, наблюдавших подобное, явно не относятся к лицам, которых можно было бы заподозрить в мистификации.

Образ этих загадочных явлений зародился в глубинах человеческого подсознания под влиянием чувства страха — темного и иррационального. НЛО, по Юнгу, это воплощенные узоры страха.

Но ведь страх — всего лишь чувство. Оно может возникать при столкновении с чем-то реально существующим, способным встревожить или испугать. Оказывается, и сам страх способен выступать в роли первопричины видений, похожих на некую реальность. Глубинный, возникающий в подсознании, он может приобретать зримые очертания и преобразовываться в действительно существующие материальные объекты.

Здесь обнаруживает себя специфический механизм психики — механизм проекции, то есть переноса внутреннего состояния человека на объект проекции. В обычной жизни мы сталкиваемся с ним довольно часто. В основе массовых видений НЛО лежит именно механизм проекции. Аффективное напряжение, страх, копившийся в подсознании, неожиданно вырываются на свободу, принимая при этом совершенно причудливые формы. Причем так же, как и в повседневной жизни, видения, вызванные страхом, никак не связаны с причинами, его породившими. Зато они обретают визионерский облик, то есть предстают уже в виде предмета, имеющего конкретные очертания.

На протяжении жизни человека преследуют различного рода страхи. Причем не всегда его гнетет что-либо конкретное и определенное, как реальная опасность. Человека может пугать предстоящая смерть, хотя он еще довольно молод, он может приходить в отчаяние при мысли, что его разлюбит близкий человек, хотя никаких признаков этого пока нет. Человек боится как бы потенциально, загодя. Но его подсознательные страхи могут восприниматься и на уровне сознания и ассимилироваться им. «Я боюсь смерти, но все люди когда-нибудь умирают. К тому же я еще слишком молод, чтобы всерьез задумываться над этим» — вот типичный пример восприятия смерти как сознательного допущения.

В интересующем Юнга случае происходит разрыв между сознательными установками человека и противостоящими им бессознательными стремлениями. Бессознательное содержание психики опровергается резонами сознания, и оно находит другие лазейки, в обход логики. Тогда страх, с мастерством истинного художника, рисует узоры, неподвластные нашему разуму.

Возникающие при этом образы не усваиваются сознанием, и человек оказывается в ситуации крайнего психологического напряжения. На свободу вырываются видения, порожденные бессознательными импульсами. В мир привычных вещей вторгается что-то, что невозможно объяснить при помощи интеллекта, а наше рациональное сознание отторгает его от себя как можно дальше. Ум отказывается воспринимать и объяснять загадочные фантомы и тем самым превращает их в реально существующие объекты, но существующие как бы вовне.

Интересным и непонятным кажется также и то, что большинство наблюдавших необычайные явления оказываются людьми с трезвым практическим складом ума, которые раньше не верили в существование НЛО или были к подобным темам совершенно равнодушны. На самом деле ничего удивительного здесь нет. Ибо

именно у таких людей происходит наиболее резкий отрыв сознания от расположенных глубже слоев бессознательного.

Юнгу удалось сделать одно любопытное наблюдение. Оказывается, среди наблюдателей небесных миражей значительное число составляют летчики. Этот феномен довольно легко объяснить. С одной стороны, летчик имеет дело со сложной аппаратурой, которой он управляет, а с другой — его окружает безбрежная пустота космического пространства. Его сознание концентрируется на приборах, требующих тщательного наблюдения, но при этом оно нуждается и в каком-то заполнении окружающей пустоты. Профессиональная дисциплина и здравый смысл не позволяют летчику отвлечься на что-то, что помогло бы ему компенсировать эту пустоту и одиночество в небесном пространстве. Подобная ситуация — идеальное условие для спонтанного развития механизмов проекции. Всомогущее бессознательное как бы мстит летчикам за чрезмерно развитый рационализм и банальность ясной сферы сознания. Можно сказать, что подавленная духовная сфера психики человека компенсирует себя с помощью проекций, совершенно неожиданных для нашего здравого смысла.

Подобно тому как физический голод или жажда способны породить всякого рода галлюцинации, связанные с пищей и водой, точно так же и голод душевный может вызывать причудливые образы и символы. Особая психологическая природа феномена НЛО отличает его от всех известных прежде небесных явлений (метеориты, миражи, шаровые молнии и т.п.). Единственное, что можно с уверенностью сказать об НЛО: это современный живой миф. Но миф специфического типа, принадлежащий нашему просвещенному рациональному времени.

Обращает на себя внимание интересный факт: в конце первого тысячелетия христианской цивилизации человечество также жило в ожидании конца света. И наверняка страх, выползающий из темных лабиринтов подсознания, тоже приобретал причудливые очертания в виде непостижимых реальностей. Мысль о небесном вмешательстве соответствовала тогдашнему мировоззрению, однако ничего похожего на нынешнее НЛО замечено не было. Что же произошло в нашу эпоху?

Почему в небесном пространстве непрерывно циркулируют какие-то предметы, совершенно не похожие ни на порождение необузданной фантазии, ни на широко известные в прошлом видения ангелов — вестников божественной воли?

Природа страха не меняется, но формы его проявления зависят от культуры. В наше богатое техническими совершенствованиями и

научными открытиями время архетипный, то есть неизменный, образ страха старается принять как можно более соответствующую форму. Его узоры напоминают грандиозные сооружения, нечто технологическое. Это позволяет страху обмануть наше рационалистическое сознание и избежать неприличия банальной мифологической персонификации.

По мнению Юнга, разрыв между различными психическими уровнями сознательного и бессознательного достиг в современной цивилизации такого масштаба, который еще не наблюдался на протяжении всех предшествующих столетий. Это грозит человечеству потерей динамического равновесия между основными психическими компонентами. Мир темного и таинственного бессознательного проявляет себя в таких условиях как соперник сознания. Он предстает в виде внешней угрожающей силы.

В прошлом для сохранения равновесия между сознанием и глубинами подсознания люди имели возможность прибегать к помощи религиозно-магических действий, обрядов и ритуалов, которые помогали им избегать острых коллизий между сознанием и иррациональным. Нынешняя цивилизация освободилась от подобных «предрассудков» как от лишнего бремени. Современный человек, ведущий заурядный образ жизни, держится за все обыденное, очевидное, коллективно одобренное и потому наиболее достоверное. Душа для него не более чем неуловимый туман.

Бессознательное представляет собой самостоятельную, независимую сферу человеческой психики, хотя и взаимодействующую непрерывно с сознанием. Удивительным кажется нам то, что страхи, вырвавшиеся из подвалов подсознания, превращаются в реально существующие объекты. Еще более удивительно, что объекты эти имеют ярко выраженную геометрическую форму. И уж совсем поразительно, что из великого множества геометрических фигур таинственные видения выбрали круг и его очертания. Отсюда и родилось забавное название — «летающие тарелки». Ведь, по словам очевидцев, все загадочные небесные видения, которые им довелось наблюдать, имели форму круга или окружности. Мифы, когда-то созданные нашими далекими предками, вдруг оживают на глазах у современного человека. Один из таких мифических образов — «мандала», что означает «круг», «окружность». Мандала — это не просто геометрический знак, это сакральный символ.

Апокалипсическая культура

Утрачены ли эти традиции сегодня? Отнюдь. Литература последних столетий — готические романы, детективы, триллеры, ис-

тории ужасов — уже не просто удовлетворяет человеческую любознательность, пытливость в распознавании кошмаров. Она буквально обслуживает фантазию человека, обуреваемого страстью видеть, осязать, переживать страшное. Массовая культура наших дней немислима без сюжетики криминальных убийств, погони и воздаяния, расправы и некрофильских влечений. Это ли не страсть?

Наконец, невероятную притягательность приобрели в современной культуре эсхатологические темы, мотивы вселенской катастрофы и гибели человечества. Читаем у Томаса Манна:

Поистине существует апокалипсическая культура, до известной степени посвящающая иступленных в несомненные факторы и события, хотя это и наводит на мысль о странном психологическом феномене, заключающемся в повторяемости наития прошлого, в несамостоятельности, заимствованности, шаблонности иступлений.

Человечество со всей страстью предается страху. Что это за причуда? Какой потребностью рождено это всепроникающее влечение? Наконец, что такое свобода человека, если через нее в мир приходит ничто? Этот последний вопрос принадлежит Сартру. Ужас нередко порождается конкретными причинами: боимся смерти, разорения, предательства, нападения. Все это обуславливает смятение духа. Фактор враждебности, как говорится, налицо. Но есть и другой тип страха, когда реально никакой опасности нет, но человек все равно пребывает в предельном замешательстве. Это страх человека перед самим собой.

Трансперсональная психология о природе страха

Природу страха трансперсональные психологи выводят из состояний эмбриона в чреве матери. Они показывают, что начало рождения для плода сопряжено с ощущением смерти. Та же самая матка, которая во время нормальной беременности была относительно спокойной и предсказуемой, теперь совершает сильные периодические сокращения. Весь прежний мир эмбриона неожиданно рушится и сокрушает его, вызывая страх и огромный физический дискомфорт.

Субъективно переживание начала родов несет в себе сильный страх и ощущения нависшей смертельной угрозы. Кажется, будто вся наша Вселенная в опасности, но источник этой угрозы остается тайной, ускользающей от наших попыток понять ее. По мере развития и углубления переживаний угрозы у эмбриона может возникнуть ощущение гигантского водоворота и ощущение, что он находится в этой воронке и его неумолимо затягивает в ее центр. Может

также показаться, что земля разверзлась и поглощает невольного путешественника в темные лабиринты жуткого подземного мира.

Еще одна разновидность тех же переживаний — ощущение того, что тебя пожирает архетипное чудовище, ловит ужасающий спрут или огромный тарантул. Это переживание может достигать фантастических масштабов, словно поглощению подвергается не отдельный человек, а весь мир. Общая атмосфера создает впечатление апокалипсиса, разрушающего безмятежный внутриутробный мир и заменяющего океаническую и космическую свободу эмбриона мучительным заточением и ощущением пребывания во власти неизвестных внешних сил¹.

Человек, переживший полное развитие данной перинатальной (связанной с рождением) матрицы, ощущает себя запертым в вызывающем клаустрофобию мире кошмаров. Зрительное поле становится темным и зловещим, и общая атмосфера напоминает душевные и физические муки. Одновременно полностью теряется связь с линейным временем, и все происходящее кажется вечным, словно оно никогда не кончится.

Под влиянием этой матрицы человек избирательно настраивается на самые худшие и безнадежные аспекты существования. Он начинает остро осознавать захватывающие его психику темные, безобразные и злые аспекты Вселенной. Вся наша планета выглядит апокалиптическим местом, полным ужаса, страданий, войн, эпидемий, катастроф и стихийных бедствий. В то же время в человеческой жизни невозможно увидеть какие-либо положительные аспекты — такие, например, как любовь и дружба, достижения в области науки и искусства или красота природы. В этом состоянии человек видит красивых детей, играющих друг с другом, и думает о том, как они состарятся и умрут, а увидев восхитительную розу, представляет себе, как через несколько дней она завянет.

Данная матрица в почти мистическом смысле соединяет людей со страданиями мира и заставляет их отождествляться со всеми преследуемыми, униженными и угнетенными. В глубоких необычных состояниях, управляемых этой матрицей, мы действительно можем отождествлять себя с тысячами молодых людей, погибших во всех войнах в ходе человеческой истории. Мы можем уподобляться всем заключенным, когда-либо страдавшим и умирающим в тюрьмах, камерах пыток, концентрационных лагерях или приютах для умалишенных во всем мире. Среди тем, связанных с этой матрицей, часто встречаются сцены недоедания и голода, а также дис-

¹ См. *Гроф С. Холодотропное дыхание. Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь.* М., 2002. С. 64.

комфорта и опасности, исходящих от мороза, льда и снега. Это, по-видимому, связано с тем, что при сокращении матки прерывается снабжение ребенка кровью, означающей для него питание и тепло. Еще один аспект этой матрицы — атмосфера бесчеловечного, абсурдного и странного мира роботов, автоматов и механических устройств. Кроме того, к типичному символизму этой матрицы относятся образы человеческих увечий и уродств, а также бессмысленного мира игорных притонов.

Жало страха

Один из крупнейших теологов прошлого века *Пауль Тиллих* (1886—1965) в книге «Мужество быть» пытается найти выход из ситуации тотального страха. Он также исходит из уже сформулированного вывода, что страх и тревога различимы, но неразделимы. Они имманентно присущи друг другу.

Жало страха, — пишет он, — тревога, а тревога стремится стать страхом. Страх — это боязнь чего-либо, например, страдания, отвержения личностью или группой, утраты чего-то или кого-то, момента смерти. Но перед лицом угрозы, которой полны эти явления, человек боится не самого отрицания, которое эти явления в себе несут, его тревожит то, что, возможно, скрывается за этим отрицанием. Яркий пример — и нечто большее, чем просто страх, — это страх смерти¹.

По мнению Тиллиха, предвидение того, что, может быть, поджидает нас за порогом смерти и превращает в трусов, описанное в монологе Гамлета «Быть или не быть», страшно не конкретным содержанием, а своей способностью символизировать угрозу небытия — того, что религия называет «вечной смертью». Символы ада у Данте порождают тревогу не своей объективной образностью, а потому, что они выражают то «ничто», сила которого переживается в тревоге вины.

Страх смерти вносит элемент тревоги в любой другой вид страха. Тревога, на которую не повлиял страх перед конкретным объектом, тревога во всей своей наготе — это всегда тревога предельного небытия. На первый взгляд, размышляет Тиллих, тревога — это болезненно переживаемая неспособность справиться с угрозой, которая заключается в определенной ситуации.

Однако более тщательный анализ показывает, что тревога по поводу определенной ситуации подразумевает тревогу по поводу

¹ Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 31.

человеческой ситуации как таковой. Поэтому в тот момент, когда душой человека овладевает «голая тревога», прежние объекты страха перестают быть определенными объектами. Они оказываются тем, чем они отчасти были и раньше, а именно симптомами основополагающей тревоги человека. Как таковые они уже неуязвимы, даже если против них вести самую мужественную борьбу.

Эта ситуация вынуждает человека в состоянии тревоги строго определять объекты страха. Тревога стремится превратиться в страх, так как мужество способно его встретить. Конечное существо, считает Тиллих, неспособно терпеть голую правду более одного мгновения. Те, кто пережил подобные моменты, например, мистики, прозревшие «ночь души», или Лютер, охваченный отчаянием из-за приступов демонического, или Ницше-Заратустра, испытавший «великое отращение», поведали о невообразимом ужасе голой тревоги.

Избавиться от этого ужаса обычно помогает превращение тревоги в страх перед чем-либо, неважно перед чем. Человеческая душа — это не только фабрика идолов (как считал Ж. Кальвин), это также фабрика страха: первая нужна для того, чтобы скрыться от Бога, вторая — чтобы скрыться от тревоги. По мнению Тиллиха, между этими двумя способностями человеческой души существует взаимосвязь. Ведь встреча с Богом, который на самом деле есть Бог, означает также встречу с абсолютной угрозой небытия. «Голый абсолют» (это выражение М. Лютера) порождает «голую тревогу», а она означает прекращение всякого конечного самоутверждения и не может быть объектом страха и мужества. Но в пределе всякие попытки преобразовать тревогу в страх тщетны. Устранить основополагающую тревогу конечного бытия, вызванную угрозой небытия, невозможно. Эта тревога присуща самому существованию.

Феноменология страха

Впервые экзистенциальный страх открылся великому датскому философу *Сёрёну Кьеркегору* в 1844 г. О своем открытии Кьеркегор написал небольшую по своему объему книжечку, которую назвал «О понятии страха». Она стала классикой современного экзистенциализма. Само собой разумеется, что страх существовал и до того момента, когда о нем поведал Кьеркегор. Уже в сочинениях писателей древности встречаются описания состояний, вызванных страхом, тревогой. В произведениях Гиппократов перед нами предстают по меньшей мере два типа фобической личности. Первого из них охватывал ужас, когда он слышал звук флейты. Второго же мужчина никак не мог пройти вдоль даже самой мелкой канавы, хотя ему и не составляло труда «прогуляться» непосредственно по ней.

Несколько столетий назад были отмечены и признаки *навязчивых состояний*. В начале XVII в. Ричард Флекноу описал «нерешительную личность», которая колеблется в своем выборе, подобно пустым весам, не обремененным тяжестью приговора, долженствующего склонить одну из чаш. В том же самом столетии Роберт Бертон различал даже «патологический» страх и «нормальный». Об этом он сообщил в книге «Анатомия меланхолии».

И все-таки именно Кьеркегору приписывается первое описание страха как состояния неопределенного, расплывчатого беспокойства, отличного от обычного понимания страха тем, что хотя никакой очевидной опасности, казалось бы, и не существует, тем не менее она распространена повсюду и не дает спастись ни в развлечениях, ни в повседневной суете, ни в работе, ни в игре, ни днем, ни ночью.

Наш век называют веком тревоги. Это вызвано следующими причинами: безверие, скептицизм, упадок морали, кризис семейной и общественной жизни, разочарование в науке, чрезмерный индивидуализм, индустриализация, угроза ядерного уничтожения.

Литература

1. *Гайденок П.П.* Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозерцания Серена Кьеркегора. М., 1997.
2. *Гуревич П.С.* Психология. М., 2005.
3. *Левичева Е.Н.* Существование человека в контексте философии Кьеркегора // АСПЕКТЫ: сборник статей по философским проблемам истории и современности. М., Современные тетради, 2002. С.124—132.
4. *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. М., 1995.
5. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993.
6. *Юнг Карл Густав.* Один современный миф. О вещах, наблюдаемых на небе. М., 1993.

Вопросы для повторения

1. Почему страх — это глобальное экзистенциальное состояние?
2. В чем корни тревоги?
3. Какова трактовка тревоги у С. Кьеркегора?
4. Как объясняет тревогу К.Г. Юнг?
5. Как объясняет тревожность П. Тиллих?

Темы рефератов

1. Фантазии и узоры страха.
2. Психоаналитическая трактовка тревоги.
3. Юнгианская концепция тревоги.
4. Религиозные версии универсальной тревоги.

Тема 12

Столкновение со смертью

Пусть говорят: любовь крылата!
Смерть окрыленное стократ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят

Осип Мандельштам

За последние десятилетия тема смерти в европейской культуре подверглась значительному переосмыслению. Новейшая философия, начиная с А. Шопенгауэра, получила в свое распоряжение множество необычных воззрений и открытий. «Смерть — поистине гений-вдохновитель, или музагет философии», — писал Шопенгауэр¹. Если бы не было вечного успокоения, то не было бы и философии, считал немецкий философ. Вечно терзаемый мыслью о своей кончине, человек постоянно размышляет о тайнах бытия.

Радикальное преобразование этой темы содержится в классическом психоанализе. Учение З. Фрейда об Эросе и Танатосе позволило, во-первых, систематизировать огромный материал, который был накоплен философией, начиная с древнейших времен. Кроме того, феномен смерти, который обычно трактовался как внешний по отношению к человеку, обозначающий рубеж его жизни, в классическом психоанализе приобрел философско-антропологический статус. Это позволило создать характерный антропологический образ человека, который, говоря упрощенно, носит смерть в себе самом, оказывая сопротивление жизнестойким, жизнетворящим импульсам.

Философское постижение феномена смерти

Обсуждение различных граней смерти получило широкую трактовку в экзистенциальной философии.

И подобно тому как это обстоит согласно христианской терминологии, смерть обозначает также крайнее духовное страдание, — писал С. Кьеркегор, — тогда как само выздоровление означает вместе с тем смерть для мира².

¹ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Шопенгауэр А. Сборник произведений. Минск, 1998. С. 217.

² Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 252.

Проблема смерти относится к числу фундаментальных, затрагивает предельные основы бытия. Однако, по мнению Э. Кассирера, осознание феномена смерти произошло в человеческом сознании не сразу. Возвращаясь к «Федону» Платона, мы ощущаем громадные усилия философской мысли, направленные на то, чтобы дать ясное и неопровержимое доказательство бессмертия души.

Бурное оживление в области изучения смерти как феномена вызвали споры вокруг проблемы эвтаназии — намеренного прекращения жизни неизлечимого больного, чтобы избавить его от непереносимых страданий, не поддающихся лечению имеющимися методами и средствами медицины. Во-первых, применение в медицине новейших методов интенсивной терапии сделало массовыми ситуации продленного умирания больных, когда перед врачами встали совершенно новые в философском, морально-этическом плане — жив или мертв пациент с диагнозом «смерть мозга», поддерживать ли его вегетативное состояние. Во-вторых, распространение на сферу здравоохранения правозащитной идеологии обернулось тем, что в медицинской этике и медицинском праве центральной стала категория прав пациента, в том числе и «право на смерть» с достоинством.

Интерес к теме обусловлен также развитием психоанализа и особенно трансперсональной психологии. После работ С. Грофа и других авторов вновь в сферу философского размышления вошла проблема: «жили ли мы раньше?» Известно, что перевоплощение и карма — краеугольные камни главных религий Индии: индуизма, буддизма, джайнизма, сикхизма и зороастризма. Кроме того, с учением о перевоплощении и карме связаны тибетская ваджраяна, японский эзотерический буддизм и множество буддийских школ южной Азии.

Несколько важных философских школ Древней Греции тоже включали в себя веру в перевоплощение. К ним относились пифагорейцы, орфики и платоники. Эту же доктрину исповедовали ессеи, фарисеи, караимы и другие еврейские и полуеврейские общины. Вера в перевоплощение была принята неоплатониками и гностиками и составляла значительную часть теологии средневекового еврейства. Аналогичные идеи можно обнаружить в таких исторически, географически и культурно не связанных группах, как африканские племена, растафари Ямайки, американские индейцы, доколумбовские культуры, полинезийские кахуна, последователи браزيلской умбанды, галлы и друиды.

В современном западном обществе теория реинкарнации была принята теософами, антропософами и некоторыми спиритуалиста-

ми. На первый взгляд может показаться, что вера в перевоплощение чужда христианству и даже несовместима с ним. Однако это не всегда было так: вера в перевоплощение была частью раннего мистического христианства. Согласно св. Джерому, жившему в IV и V веках н.э. эзотерическое толкование вопроса о перевоплощениях было доступно только церковной элите.

Самым выдающимся христианским мыслителем, высказывавшемся по поводу существования душ, возвращающихся на землю, был Ориген — один из величайших отцов церкви всех времен. Его написанные в III в. н.э. работы (в частности, его книга «О началах») были осуждены Вторым Константинопольским Собором, созванным императором Юстинианом в 553 г. н.э. Вынесенный Оригену приговор гласил: «Всякий, кто утверждает мифическое предсуществование душ и принимает следующую для него чудовищную доктрину, должен быть предан анафеме!» Хотя этот указ, безусловно, способствовал признанию учения о перевоплощении ересью, религиозные исследователи находят следы аналогичных идей в сочинениях Августина Блаженного, Григория Нисского и Франсиска Ассизского.

Таким образом, философское постижение феномена смерти актуализирует различные философские традиции, захватывает круг проблем, которые исследуют философы, психологи, культурологи. Тема приобрела несомненную философскую значимость.

В рамках трансперсональной психологии проблемы смерти позволяют раскрыть глубинную связь всего живого, новую парадигмальную картину мира, которая включает в себя смерть как закономерный, но не универсальный феномен мироздания. Изучение смерти, по мнению представителей трансперсональной психологии, имеет ключевое значение для осознания психических процессов. Без близкого знакомства с переживанием смерти-возрождения невозможно понять религию, мистику, шаманизм, мифологию. Согласно различным мистическим школам, люди пережившие смерть или смертельную опасность и возвратившиеся к жизни, называются дважды рожденными. Соприкосновение со смертью изменяет отношение к ней независимо от того, является ли данное соприкосновение чисто символическим или происходит в действительности, например, в результате несчастных случаев либо в ходе событий, приводящих к клинической смерти¹.

¹ См. *Граф С.* Человек перед лицом смерти. М., 2002.

Образы смерти в различных культурах

Философы, которые обращались к теме смерти, нередко пишут о том, что в различных культурах эта тема переживается по-разному. Мы уже проследили развитие этой темы на протяжении разных эпох. Теперь возникает вопрос: реален ли страх перед смертью. В иные эпохи страх смерти и вовсе отсутствовал: люди находили в себе силы противостоять угрозе физического уничтожения. Античные греки, например, как уже подчеркивалось, учили преодолевать ужас небытия путем концентрации духа, усилием животворной мысли воспитывать в себе презрение к смерти. Людей Средневековья, напротив, предстоящая смерть доводила до иступления. Возможно, такое отношение к смерти вызывалось картинами массовой гибели людей в результате чумы или голодного мора. Ни одна эпоха, как свидетельствует нидерландский историк и философ Йохан Хейзинга, не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как XX столетие.

Если мы поставим вопрос: что служит основанием для того, чтобы сравнивать, как воспринимают смерть в различных культурах, эпохах, то обнаружится парадоксальная вещь. Как правило, сопоставляются философские высказывания. «Ведь какое-то чувство умирания может быть у человека, — пишет, например, Цицерон. — Все это мы должны обдумать еще в молодости, чтобы могли презирать смерть; без такого размышления быть спокоен душой не может никто; ведь умереть нам, как известно, придется — быть может, даже сегодня». Вот оно — презирать смерть... А средневековый мыслитель Мейстер Экхарт, напротив, пишет о том, как трудно дается человеку отрешенность от мирских благ...

Выходит, было время, когда смерти не боялись, страх перед угрозой физического уничтожения был не всегда. Но в какой мере можно доверять философской мысли? Ведь нередко выраженное в суждении презрение к смерти как раз и отражает ужас перед нею.

Психологи считают, что страх перед смертью заложен в самой человеческой природе, в самой тайне жизни. Он изначален, то есть коренится в глубинах человеческой психики. Однако в конкретной эпохе, через призму определенных духовных ценностей, этот страх обретает различные преобразенные формы. Вот они-то и находили отражение в стойких религиозно-практических установках.

Культура постоянно воспроизводит жизненные ситуации, с которыми встречаются во все времена. Речь идет о проблемах долга, любви, жертвы, трагедии, героизма, смерти. Однако культура вовсе не движется по кругу, возвращаясь вновь и вновь к одним и тем же мотивам. В каждую эпоху эти ценности приобретают новое содер-

жание, диктуемое не только постоянной — фиксируемой природой человека, но и социальной действительностью, в которой эта природа раскрывается. Точно так же проблемы смерти, хотя и преследуют человечество исстари, все же получают разное истолкование в различных религиозных традициях.

Каждая культура вырабатывает определенную систему ценностей, в которой переосмысливаются вопросы жизни и смерти. Она творит также определенный комплекс образов и символов, с помощью которых обеспечивается психологическое равновесие индивидов. Человек, разумеется, располагает определенным знанием о факте неотвратимой смерти. Но он пытается, опираясь на существующую в данной культуре символику, сформировать более конкретное представление о том, что делает возможной полноценную жизнь перед фактом неизбежной гибели.

Исследование Р. Лифтона

Мы уже говорили о том, что Р. Лифтон пытался соотнести опыт тех, кто уцелел в Хиросиме при атомной катастрофе, с общечеловеческим. Его исследование привело его к изучению символизма смерти. Он пришел к выводу, что атомное оружие наложило на японцев сильный отпечаток, который исторически и психологически передается от поколения к поколению. Одним из факторов, который проявился в психологии японцев, было возникновение некоего интенсивного чувства, завладевшего нацией. Многие исследователи, которые брались за эту тему, были настолько поражены человеческими страданиями, что приостановили свои усилия.

Исследователь разыскивал людей, которые могли бы рассказать о влиянии бомбардировки на город: ученых, писателей, художников, врачей и менеджеров, лидеров организаций, объединяющих людей, которые выжили при бомбардировке, руководителей пацифистских организаций. Почти все они сами пережили бомбардировку, а затем начали говорить от имени определенных групп, объединяющих более 90 тысяч уцелевших в Хиросиме. Он также говорил с европейцами и американцами, выслушивал разноречивые мнения. В результате сложилась картина, менее ясная, чем психологический калейдоскоп экстраординарного погружения в смерть, устойчивого образа страха, окружающего возможные последствия радиационного облучения. Здесь он обнаружил отчаянные попытки интегрировать событие со сложным переплетением его психологических последствий.

Люди, с которыми беседовал автор, по-прежнему живо и отчетливо помнили Вторую мировую войну. Но их восприятие было

специфичным. Он использовал слово «хибакуся» — устоявшее название, дословный перевод которого — «человек (люди), затронутый взрывом» — означает немного больше, чем просто переживший бомбардировку, и немного меньше, чем «получивший в результате ту или иную травму». Эта категория, в соответствии с официальным определением, включала четыре группы людей, которые, как считается, могли получить значительную дозу радиации: те, кто во время бомбардировок оказался в пределах существовавших на тот момент городских границ Хиросимы. Те, кто появился в городе в течение 14 дней после взрыва и оказался на определенной территории в радиусе примерно двух километров от эпицентра. Те, кто вступал в физический контакт с жертвами бомбардировок, оказывая разнообразные формы помощи или просто входил в телесный контакт с жертвами. Те, кто в это время находился в утробе матери.

Точное расстояние от эпицентра имеет огромное значение, когда речь идет о физических последствиях. Но оно значимо и для психологических ответов. Есть в японском языке слово, которое обозначает жертв и раненых и в то же время выражает идею страдания. Но чаще всего японцы пользуются именно словом «хибакуся». Несмотря на значительный предшествующий опыт работы с людьми, пережившими «экстремальные ситуации», и определенный объем начальных знаний о последствиях атомных бомбардировок, Лифтон оказался неготовым к тому, что услышал. Он обнаружил, что по окончании каждого из первых интервью переживал глубокий шок и эмоциональное истощение. Позже эти ужасы стали производить на него меньшее впечатление. Он понял, что важно сохранить психологическую дистанцию по отношению к страданию. Она диктовалась не только интеллектуальными, но и эмоциональными требованиями работы. Этот опыт был незабываемой демонстрацией «психического ухода в себя, который, как потом выяснилось, был отличительной характеристикой всех аспектов последствий, вызванных атомными бомбардировками. Он также показал Лифтону, как важно «придать смысл» данному событию, призвать на помощь все личностные и профессиональные ресурсы человека, чтобы облечь событие в некую форму и таким образом получить возможность как-то совладать с ним.

Основное внимание Лифтон уделял общим психологическим и историческим темам, которые отражаются через индивидуальный психологический опыт и неотделимы от него. Сами по себе эти феномены не являются ни патологическими, ни нормальными. Они, скорее всего, выражают последовательную человеческую адаптацию к последствиям атомных бомбардировок. Темы эти оказались сход-

ными с исследованиями других катастроф, но все они отличны от них.

Лифтон использовал принцип, который выражал трехстороннее взаимодействие любого группового поведения: анализ психологических тенденций, свойственных человеку в целом, тенденций, которые имеют значение в рамках определенной (в данном случае японской) культурной традиции и тенденций, которые характеризуют современные исторические силы. В экстремальных ситуациях универсальные формы выявляются с наибольшей выразительностью.

Развивая модифицированный психоаналитический подход, Лифтон использует символический аспект. Аналитическая составляющая оказалась весьма значимой, хотя, разумеется, не в том смысле, как это было в XIX в., когда все наблюдения соотносились с первичными объяснительными механизмами. Акцент в данном исследовании делался скорее на развитии психических форм, иначе говоря, на «психообразующей» перспективе. Чтобы понять наши отношения с холодным, нечеловеческим, полностью технологическим существом, которое начало свое разрушительное царствование с Хиросимы, нужен мифологический подход.

Нередко отмечалось, что статистические данные, касающиеся силы взрыва и даже числа погибших в Хиросиме, не в состоянии передать мысль о существе, утратившем человеческий облик, поскольку «статистика не кровоточит». Это утверждение истинно. Можно много сказать о феномене «психологического онемения» («окоченения»), который оно иллюстрирует. Но в каком-то смысле оно может и вводить в заблуждение. Ведь когда мы слышим отчеты о бомбардировке Хиросимы, наши эмоции совсем другие, нежели те, когда говорят о разрушениях в Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Дрездене или Токио. Разумеется, каждый из этих городов передает свой мессидж (послание) о способности человека совершать насилие над самим собой. Но в случае с Хиросимой (и ее забытой исторической сестрой, Нагасаки) присутствует и нечто большее: фактор тотальности, ощущение полного уничтожения всего — городов, государств, мира.

Это чувство может быть смутным, но оно имеет величайшее психологическое значение. Оно заложило, как считал Лифтон, основу новых параметров для размышлений о жизни и смерти. Конечно, сильное влияние на это восприятие оказывает фактор, который мы психически привносим в Хиросиму, — комплекс вины. Потребность в покаянии связана с тем, что там действительно произошло. Столкновение жителей Хиросимы с атомной бомбардиров-

кой повлияло на наше существование в атомном веке.

Люди были не подготовлены к атомной бомбардировке по многим психологическим параметрам: мгновенная релаксация, вызванная сигналом отбоя, чувство, что они каким-то особенным образом защищены, общее ощущение неуязвимости, в какой-то мере присущее любому человеку даже (или особенно) перед лицом опасности, и полная неспособность понять беспрецедентную силу оружия, которое должно было нанести по ним удар. Как выразился один из хикакуся: «Мы думали, что что-то произойдет, но никогда не представляли себе ничего подобного атомной бомбардировке».

Только те, кто находился на некотором расстоянии от взрыва, могли четко осознать последовательность событий: гигантская вспышка света, сопровождающаяся мучительным жаром огненного шара, затем звук и ударная сила взрыва и, наконец, впечатляющее разноцветное облако, поднимающееся высоко над городом. Это устрашающее зрелище было не лишено красоты.

Ослепительная... вспышка внезапно расколола небо... Я... рефлекторным движением ... бросился на землю. В самый момент вспышки я всей кожей ощутил палящий жар... Потом был провал во времени... мертвая тишина...наверное, несколько секунд... и затем... сильнейший «бум» ... словно грохот далекой грозы. В то же время яростный напор воздуха прижал мое тело к земле... Еще несколько мгновений пустоты... потом сложная последовательность оглушительных шумов...Я поднял голову и обернулся в стороны центра Хиросимы, на запад... Там я увидел огромную массу облака, которое быстро разрасталась и поднималась в небо. Потом его вершина распахнулась и повисла горизонтально. Она приняла форму чудовищного гриба, где нижняя часть выполняла роль ее ножки — хотя правильнее было бы назвать ее основанием торнадо. Под ним извергались все новые и новые бурлящие облака и разворачивались в разные стороны... Форма... цвет...все... непрерывно сдвигались и менялись...

Даже на таком расстоянии человек, как и другие, испытал то, что называется *«иллюзией центральности»*. Кажется, что вы находитесь в самом основании события, в его точке. Эта иллюзия, обычно приписываемая неожиданной потере ощущения неуязвимости, по сути представляет собой раннюю стадию восприятия. Конечно, люди ожидали обычных бомбардировок. Они знали, что японские города подвергаются нападениям с воздуха и могли судить о разрушительной силе американских налетов, видя уничтожение военно-морской базы в находящемся неподалеку Куре. Хотя цензура военного времени не позволяла им в полной мере знать, насколько отчаянно положение Японии, но уменьшение пайков и затишье во-

енной активности в самом городе свидетельствовали о серьезности ситуации. К тому же японцы не могли не заметить широкомаштабных подрывных работ, которые велись в самой Хиросиме для создания «огненных коридоров», позволяющим держать под контролем сильные пожары. Люди догадывались, что может настать и очередь Хиросимы.

Их однако сбивало с толку, что на их город фактически не падали бомбы, несмотря на его очевидное стратегическое значение, как района, откуда Япония могла начать военные операции в Китае и Юго-Восточной Азии, наличие большой популяции военных и множества военных заводов. Воздушные тревоги объявлялись довольно часто, когда над Хиросимой пролетали самолеты, направлявшиеся к другим целям, и когда одиночные самолеты сбрасывали относительно безобидные бомбы, что, как потом оказалось, было тренировкой перед главным событием. Постепенно осознавая, что Хиросима попала в число немногих крупных японских городов, не подвергавшихся сильным бомбардировкам, люди пытались объяснить такое странное положение дел. В результате стали циркулировать разные слухи.

Описывая тревожное сочетание затянувшейся удачи и ожидания какой-то катастрофы в Хиросиме, многие использовали японское слово *bukimi*, означающее «таинственный», «призрачный», «сверхъестественный». Люди вспоминали, как они говорили друг другу: «Это случится завтра или послезавтра». Эти «предчувствия» были отчасти попыткой психологической подготовки, отчасти — формой «представления худшего» как магического способа отвести несчастье. Так или иначе, жители Хиросимы не получили никаких предупреждений, касающихся атомной бомбардировки: американские политики, исходя из различных стратегических соображений, решили воздержаться от каких-либо уведомлений.

Весьма вероятно, что точная оценка числа жертв никогда не станет возможной, но можно утверждать, что все, кто был в Хиросиме, оказались непосредственно вовлеченными в атомную катастрофу. В точках, близких к эпицентру, температура была такой высокой, что металл и камень плавилась, а люди были буквально испепелены. Вся эта территория была охвачена огнем, раздутым неистовым «огненным ветром». Те, кто был ближе к эпицентру, как правило, могли вспомнить только внезапную вспышку, сильное ощущение жара, падение на землю или бросок на некоторое расстояние, после чего они обнаруживали, что прижаты к земле обломками или же просто приходили в себя после долгого беспмятства. Самой поразительной психологической особенностью этого

непосредственного опыта было *ощущение внезапного и абсолютного перемещения из нормального существования к ошелмляющему столкновению со смертью.*

Тема индивидуальной и групповой смерти перекрывала все остальные эмоции и состояния — растерянность, беспомощность, одиночество. Многие вспоминали свои первоначальные чувства, они были связаны со смертью и умиранием. Чаще всего возникал материнский образ, что и подтверждало основополагающий смысл человеческих отношений. Японских солдат во Второй мировой войне учили идти на смерть с фразой: «Да здравствует император!» на устах. А они в смертный час кричали «мама!»

В психологическом опыте жертв кроме образов смерти как таковых было распространено ощущение, что жизнь и смерть находятся в противофазе друг с другом, что их больше невозможно толком отличить друг от друга. В результате в городе воцарилась атмосфера сверхъестественности и нереальности. Эту ауру часто передавали те, кто находился в окрестностях города и вошел в нее уже после взрыва. В течение первых нескольких часов такое механическое и по существу пассивное поведение было характерно для многих. Частью названной ауры была «мертвая тишина». Большинство описывают не дикую панику, но мертвенное спокойствие и ощущение (истинное или иллюзорное) замедленности движения: тихие стоны тех, кто выбыл из строя, остальные бегут от разрушений, но, как правило, не слишком быстро, — к рекам, где, как они думают, можно отыскать своих родственников. Некоторые прыгали в реки, чтобы спастись от жара и огня. Других сталкивали в воду толпы на берегах рек, число утонувших было значительным. Многих, по видимому, влекло в центр катастрофы и они были готовы преодолеть множество препятствий.

Суммируя психологическое значение этой первой стадии контакта с взрывом, Лифтон подчеркнул неизгладимый отпечаток погружения в смерть, формирующий основу того, что станет постоянным столкновением с нею. Страх уничтожения «я» и индивидуальной идентичности наряду с чувством фактически пережитого уничтожения, разрушение нечеловеческой среды, поля или контекста существования человека, и, следовательно, всеобъемлющего человеческого ощущения «пребывания в мире» и замена естественного порядка жизни и смерти неестественным порядком жизни, в которой доминирует смерть.

Человек не способен на протяжении сколько-нибудь длительно времени оставаться открытым для опыта такой интенсивности. Очень скоро — иногда в пределах минут или даже секунд — хита-

куся начинали входить в процесс «психологического закрытия, то есть попросту говоря, переставали чувствовать, то есть впадали в бесчувствие. У них было ясное ощущение того, что происходит вокруг, но их эмоциональные реакции бессознательно отключались. Например, когда сержанта сделали старшим по группе и поручили производить массовые кремации, он легко взялся за это дело и смог ликвидировать трупы. «У меня не было эмоций... Благодаря испытаниям, через которые я последовательно прошел, у меня на время пропали эмоции». Такое бесчувствие распространялось даже на кажущиеся сверхъестественными события смерти, что резко контрастировало с ужасом «аутсайдеров», только что вошедших в зону катастрофы.

«Психическое онемение» захватило одного высокопоставленного городского чиновника в Нагасаки. Он немедленно погрузился в спасательные операции. Лишь поздно ночью, через тринадцать часов после падения бомбы, он вернулся домой, где обнаружил трупы жены и двоих детей, а на следующий день труп еще одного ребенка. Но он энергично отдался работе, у него не было времени «на личное горе». После того как его жену и детей кремировали, он хранил их останки при себе, в своем кабинете и в течение двух месяцев не имел возможности их похоронить...

«Психологическое закрытие» иногда растягивалось на месяцы, превращаясь в более устойчивое состояние «психического онемения». В последнем случае оно сливается с чувством депрессии и отчаяния, как произошло с одним физиком, который целую неделю ходил среди трупов, разыскивая тела своих родственников. Он пережил то, что назвал «состоянием пустоты». Это максимальное состояние может приобретать множество форм. В области обоняния психическое онемение может открыть в человеке способность не только принимать «запах смерти», но даже испытывать в нем потребность. «Психологическое закрытие» — это способ укрыться от самой смерти. Бессознательное послание таково: «Если я ничего не чувствую, то смерти нет». Но сам этот защитный механизм символизирует состояние смерти. Так, частое использование уцелевшим таких выражений, как «кошмар», «как во сне», «царство сна», «ходячие призраки», все его ощущение «неестественного порядка» — это часть «закрытия», средства создания эмоциональной дистанции между собой и невыносимым миром, непосредственно его окружающим.

Значимое само по себе «психологическое закрытие» никоим образом не могло в полной мере защитить уцелевшего от угрожающих стимулов, исходящих извне и изнутри. Последний приобретал фор-

му самоосуждения, вины и стыда. С момента атомной бомбардировки хикакуся испытывает потребность оправдать собственное выживание перед лицом смерти других, чувство вины из-за «приоритетности выживания. Похоже, глаза анонимной смерти осуждают других за неправильное поведение и дурной поступок, потому что он «эгоистично» остался в живых. Психологическое закрытие разрушается чувством самоосуждения, ощущением смертельной вины.

Дети, чьи родители были убиты, также испытывали интенсивное и длительное чувство вины. Одна женщина сказала: «Мы не сделали ничего плохого, а наши родители все равно умерли». Ребенок неизменно интерпретирует смерть родителя как форму наказания за плохое поведение. А поскольку любой ребенок, сердясь на родителей, может испытать и даже выразить желание их смерти, реальная смерть начинает восприниматься как исполнение проклятия. Подобные паттерны переживаний смертельной вины были сильны в ситуациях, когда дети не могли спасти родителей, особенно если родитель сначала оказал помощь ребенку.

Легенды, сложившиеся вокруг того, как умирали семьи, сами по себе могли быть выражением болезненной вины со стороны уцелевших. Вина могла стать значимо связанной с отвращением, которое уцелевшие испытывали по отношению к умирающим членам семьи, отвращением, соотношенным с сильной смертельной тревогой, мешавшей надлежащему прощанию. Во всех этих случаях вину усиливает недовольства, которые уцелевший чувствовал по отношению к кому-нибудь в семье, при этом никогда не был внутренне уверен, до какой степени его «пренебрежение» родителем, ребенком или супругом связано с этими предшествующими чувствами. Неведение, конфликтующие друг с другом обязательства, психологическое закрытие, — все вносит свою лепту в остроту виновности. Вина по отношению к членам семьи также могла выражаться косвенным образом. Например, некий мужчина с чувством сильного дискомфорта подробно рассказывал о своей неспособности спасти племянника, убитого в соседней комнате.

Лифтон приводит множество историй о родителях и детях, разлученных друг с другом, затем драматическим образом соединившихся и вновь утративших друг друга. Ему удалось обнаружить бессознательные ритмы (у детей и родителей, описывающих события) вины гнева — оставления, сменяющиеся облегчением — благодарностью восстановленной заботливостью, с особенно сильной переоценкой самой вины, когда один из участников этих событий неожиданно умирал. Подобные конфликты особенно остры в культу-

ре, которая ставит важный акцент на обязательности и взаимной ответственности, и внушает страх быть брошенным. Конфликты вины могут облегчать более или менее постоянные воссоединения членов семьи. Но бывали случаи, когда те, от кого требовалась забота, оказывались эмоционально неспособными ее предложить. Так, некая мать, оставшаяся с чувством, что ее бросили, после развода, который случился перед взрывом бомбы, внезапно обнаружила повышенную ответственность за своих детей. Чувство покинутости, беспомощности и смертельной тревоги мешали ей предложить материнскую заботу. А это привело к сильному чувству вины и, несомненно, отвращения (ко всем, кто, как она чувствовала, покинул ее, и к детям, которые предъявляли ей свои требования. Потеря сознания и длительный обморок были следствием этих состояний.

Большое значение для уцелевших, обремененных сочетанием смертельной вины и покинутости, имела встреча с теми, кто мог «вернуть» ощущение мира до бомбежки. Математик, переживший повреждение глаз, описывал, как, выйдя из больницы, чувствовал слабость, тошноту, неловкость. Вдруг он услышал голоса своих студентов. Они сказали ему «сенсей» (обычная форма, которая используется при обращении к учителю или старшему). Это слово сразу вызвало у него другие чувства. Он получил подтверждение своей прежней идентичности. Слово «сенсей» может передавать признание более высокого положения или искреннее уважение и даже привязанность, хотя может использоваться и в ироническом смысле.

Лифтон показывает, что при катастрофе такого масштаба экстремальные условия драматическим образом ограничивают возможности сотрудничества и акцентируют обычное стремление к самосохранению. Мысль о том, что первый и самый сильный импульс индивида направлен на собственное выживание, проявляется очень рельефно. Тип воспоминаний, которые охватывают отношение смерти к вине, проявляется в том, что Лифтон называл *предельным ужасом*. Уцелевший сильно идентифицирует себя с этим состоянием и они возбуждают в нем интенсивные чувства жалости и самоосуждения. Во многих образах предельного ужаса присутствуют женщины и дети, универсальные символы чистоты и уязвимости, особенно в японской культуре. Но эти образы могут включать в себя не только близких людей, но и безмянных фигур, которые оказались символом события в целом. Эти картины вызывают ужас, но они несут в себе и элемент очарования.

Одна из форм предельного ужаса часто встречалась и была особенно значимой — воспоминание о просьбах умирающих, которые невозможно было выполнить, особенно мольбы о нескольких глот-

ках воды. Ее не давали не только потому, что уцелевшие были поглощены собственным спасением, но еще и потому, что власти распространили сообщение о зараженной воде. Родственники раскаивались, что не дали воды жертвам, поскольку тем все равно было суждено умереть. Просьба о воде, помимо того, что была связана с физическим состоянием жертвы (шок и обезвоживание), имела особое значение в японской культуре. Она связана с древним верованием, что вода может восстанавливать жизнь, принося обратно только что расставшуюся с телом душу. Такая японская версия универсальной традиции уравнивать воду и жизнь. С этим верованием связано возникновение общего обычая, когда умирающий просит воды или ему самому предлагают воду. Следовательно, мольбы жертв были в той же мере психологическим выражением древней культурной символики.

Вина уцелевших усиливалась состоянием враждебности, присущей им. В момент событий они были настолько психически и эмоционально поглощены делами, что оказались неспособными на гнев. Однако некоторые утверждали, что в момент бомбардировки испытали чувства, которые можно выразить словами «Пропади они пропадом!», «Сволочи!». Имело место негодование, направленное на пилотов, которые сбросили бомбу, на американские власти, на местных властителей за то, что они обманули людей. Некоторые люди, получившие ожоги, обнаруживали негодование по отношению к тем, у кого этого не случилось. Характерные особенности Хиросимы сделали холокост настолько огромным и непостижимым, что невозможно было локализовать объекты ненависти. Как выразился один психоаналитик, выслушав описание событий, «невозможно ненавидеть магию»

Однако было бы упрощением сказать, что враждебность была просто «обращена внутрь». Здесь, вероятно, рождался порочный круг, в котором неспособность испытывать враждебность усиливает тенденцию к вине, в свою очередь тормозящую способность к вине. Косвенной манифестацией вины был акцент на «случаях выживания», факторах «случайности», благодаря которым один человек оставался дома, другой в последнюю очередь изменил свои планы и потому оказался на значительном расстоянии от взрыва. Подобные случаи часто внутренне связывались со смертью другого. Например, электрик, когда ему был задан вопрос о таких факторах случайности, ответил: «Мне хотелось бы, чтобы меня об этом не спрашивали. Во время бомбежки я потерял ребенка». Это было первое упоминание о потере, вопрос запустил в него чувство, что он уцелел *вместо* ребенка.

Результаты приписывались неведомым силам «судьбы», и удача выживания могла рассматриваться как особый род благосклонности или, в терминах психологии, неуязвимости, дарованной этими силами. Отношения между факторами вины и случайности в выживании могут быть сложными, что справедливо для опрошенной швеи и школьницы, которая накануне бомбардировки осталась дома и не явилась на «добровольные работы» из-за проблем с желудком. Ее чувства по поводу «случайного выживания» включали в себя чувство вины по отношению к родственникам, невыраженный гнев по отношению к ним, поскольку они не остались дома.

Здесь сказывается феномен, когда жертвы хотят полностью или частично отменить опыт бомбардировки. Однако в нем обнаруживается амбивалентность, поскольку уцелевший понимает, что если «переиграть» катастрофу, то придется умереть самой. Каким бы ни было чувство доброй или злой судьбы, что бы уцелевший не говорил о добродетели или внутреннем ощущении ее противоположности, беспокойство отражает глубинное чувство, что он спасен неведомым предопределением или судьбой. Теперь он обязан испытывать по отношению к ней трепет, поскольку эти же самые благосклонные к нему силы помогли смерти близких. Уцелевшие чувствуют, что они в «долгу перед смертью», не только перед богиней судьбы, но и перед реальными погибшими в результате катастрофы.

Все это возвращает уцелевшего к внутреннему вопросу: «Почему я жив, а они умерли?». Никто не может дать ответ на этот вопрос, но люди пытаются справиться с ними и даже доходят до того, что предлагают отменить приоритетность выживания. Например, некий писатель и предприниматель рассказывал Лифтону о своих чувствах при виде своего умирающего ребенка: «Если бы это было возможно, я хотел бы пожертвовать собой вместо своей дочери». Психологическая трудность заключается в том, что человек хочет пожертвовать собой и одновременно испытывает облегчение от того, что это невозможно. Выживание, и, хуже того, желание выжить, воспринимается как ненадлежащее, дурное, непростительное и даже отвратительное.

Уцелевший всегда внутренне не способен просто прийти к выводу, что для него, а не для других было логично и правильно выжить. Он, скорее, обременен бессознательным представлением об органичном социальном балансе. Он чувствует, что его выживание сделало возможным смерть других. Если бы не умерли они, это пришлось бы сделать ему. Если бы он не выжил, выжил бы кто-то другой. Такая вина, поскольку она связана с приоритетностью выживания, вполне может входить в число самых фундаментальных в человеческом существовании.

Вскоре после того, как упала бомба — иногда в пределах нескольких часов или даже минут, часто в течение первых двадцати четырех часов или следующих дней и недель — оставшиеся в живых начали замечать у себя и у других странную форму болезни. Она заключалась в тошноте, рвоте и потере аппетита; поносе с большим количеством крови в стуле; лихорадке и слабости; фиолетовых пятнах на различных частях тела от кровоизлияний в кожу (пурпура); воспалении и образовании язв во рту, горле и деснах (ротоглоточные поражения и гингивиты); кровотечениях во рту, деснах, горле, прямой кишке и мочевых путях (геморрагические проявления); потере волос на коже головы и других частях тела (эпиляция); чрезвычайно низком содержании белых кровяных телец по сравнению с нормой (лейкопения); и во многих случаях прогрессирующее течение, заканчивающееся смертью.

Эти проявления токсического действия облучения пробуждали в умах людей в Хиросиме особенный ужас, образ оружия, которое не только немедленно убивает и уничтожает в колоссальном масштабе, но также и оставляет в телах людей, подвергшихся его действию, смертельное влияние, которое может проявляться в любое время и сражать свои жертвы. Этот образ делался особенно ярким из-за замедленного проявления этих симптомов и смертей — от двух до четырех недель позже — у людей, которые сначала, казалось, были совершенно здоровы и внешне не затронуты.

Значительно больше, чем ожоги или ранения, симптомы радиации глубоко воздействовали на человеческие отношения. Облегчение, пережитое свободными от таких симптомов, становилось связанным с виной и с сильным бессознательным желанием отделить себя от пораженной болезнью группы.

Такие симптомы стали легко связывать с мифологией атомной бомбы — имела ли эта мифология отношение к определенным телесным реакциям жертв, или больше к общему качеству оружия — с «ядом», который она излучала, и ее воздействием на окружающую среду. Как верна всякая мифология, принятая вера обладает качеством психической правды, также как психической потребности, безотносительно к ее логической абсурдности.

Телесная мифология, зачастую сосредоточенная вокруг таких симптомов, была и опасной, и защищающей от опасности. Она часто включала своего рода «закон компенсации» — убеждений типа: «те, кто страдали от серьезных ожогов, были здоровее тех, кто получил незначительные ожоги»; «люди, имевшие ожоги, не получили пятен, а те, кто не имели ожогов, получили их»; и: «смерть приблизилась к тем, кто были слегка повреждены или не повреж-

дены вовсе... в то время как те, кто были ужасно сожжены, выжили» Эти убеждения были не только полезным вкладом в процесс психической защиты; они обеспечили крайне необходимый образ жизни, чтобы сбалансировать подавляющую смертельную тревогу и смертельную вину, а также упорядочение принципов, которые иначе могли быть охвачены необъяснимым беспорядком. И такие улучшающие жизнь формулировки могли соединяться с почти любым видом заметной телесной особенности.

Самой важной в этих мифологических идеях была тема детоксикации, избавления от «яда». Один способ избавиться от него заключался в том, чтобы пройти через специальный вид кровоизлияния, как описала разведенная домохозяйка, которая уехала со своей матерью после, по-видимому, жертвенной смерти своего отца.

Более мощная мифология окружила тех, кто в действительности умер. В дополнение к впечатлениям того, как люди умирали, были убеждения о специальных характеристиках трупов. Так как Хиросима походила на обширный открытый крематорий, этот тип трупной мифологии был широко распространен. Каков бы ни был интегральный аспект веры людей и мифологии трупов, ужасы «эпидемической атмосферы» были неуправляемы. Они нашли выражение в *трех широко распространенных слухах об общей окружающей среде Хиросимы*, которые доминировали над мифологической перспективой.

Первый слух просто держался того, что все, кто были подвергнуты воздействию бомбы в городе, умрет в течение трех лет. Иногда варьировалось время, но не сообщение, которое было таковым: ни один не может избежать яда; эпидемия тотальная; все должны в конечном счете умереть. Это — неприкрытая символика смерти, полученная главным образом из воздействия радиации.

Второй слух, даже более часто мне описываемый, и я думаю, что даже с большими эмоциями, был в том, что деревья, трава и цветы никогда снова не вырастут в Хиросиме; с того дня город не будет способен поддерживать растительность любого вида. Сообщение было такое: природа полностью засохнет; жизнь уничтожится в ее истоке. Это предполагало окончательную форму опустошения, которая включает не только человеческую смерть, но идет дальше. В культуре, включающей такой акцент на природу, эстетически охватывающей и активизирующей всю человеческую жизнь, такая символика имела большую эмоциональную силу — как показывают различные утверждения, сделанные хибакуса.

Третий слух, тесно связанный с двумя другими, касался того, что семьдесят пять (иногда семьдесят) лет Хиросима будет непри-

годна для жилья; никто не сможет жить там. Было ощущение, что таинственный яд, выделяемый оружием более или менее постоянно лишал город поддерживающей жизнь способности — делал Хиросиму буквально безжизненной. По крайней мере, частичная вера в этот слух была отражена во внезапном снижении цен на недвижимость, произошедшем в период сразу после взрыва бомбы, и в серьезных планах восстановить педагогический колледж Хиросимы (позднее университет Хиросимы) на близлежащем острове вместо центра Хиросимы, где он стоял перед этим. Одним фактором было наличие на острове сразу нескольких прочных зданий, когда новое строительство было почти невозможным, другим, как объяснил социолог, было «чувство, что Хиросима не будет безопасным местом, чтобы остаться... [потому что] слух, казалось, заставил людей чувствовать, что, если бы они остались в Хиросиме, они не смогли бы там долго жить...»

Сразу после взрыва бомбы существовало также много преходящих и случайных слухов в том смысле, что американские самолеты возвратятся и сбросят дополнительное оружие той же или даже большей мощности — слухи, согласующиеся со «страхом повторения», являются характерным признаком любого бедствия и связаны со смертельным беспокойством и со смертельной виной. Люди боялись новых американских нападений «ядовитыми газами» или «горящей нефтью», которые дальше опустошат город. Был также слух, что сбросив такую чудовищную «горячую бомбу», Америка затем сбросит «холодную бомбу» (или «ледяную бомбу»), которая просто «заморозила бы все» так, чтобы «каждый умер»; и другой..., что Америка сбросит «гнилых свиней» так, чтобы «все на земле распалось бы и стало испорченным». Эти дополнительные слухи выражали ощущение, что окружающая среда была так существенно нарушена, и индивидуальное чувство безопасности (и неуязвимости) — настолько под угрозой, что надо ожидать дальнейшего опустошения *любого воображаемого вида*. За ощущением, испытанным во всех бедствиях, что «возникла катастрофическая вселенная», было чувство, что *смертельная катастрофа не знает пределов*.

До какой степени этим слухам верили и основывались на них? Лифтон нашел, что люди различались по степени своей веры, но полностью их отвергнуть никто не мог. Относительно необразованные хибакуся часто воспринимали их абсолютно, в то время как у интеллектуалов были противоречивые и замысловатые реакции, которые были больше формой участия в общей атмосфере смерти, чем отчетливыми убеждениями. Как объяснил социолог, «эти слухи не говорили, что люди умрут, как только они вступят в Хиросиму,

но содержали общее чувство о будущем». А математик показывает конфликт между разумным сомнением и эмоциональной восприимчивостью даже в ученом, который кое-что знал относительно полной проблемы. У немногих хибакуса, утверждавших, что они полностью равнодушны к слухам, обычно имели место провалы памяти и другие признаки жесткого неприятия и продолжающейся неспособности сопоставлять фактический эмоциональный опыт.

Слухи упорствовали перед лицом противоположных фактов — зеленой травы, все еще видимой в частях города, и сорняков, вырастающих из-под руин. И опять, название источника заражения ограничивало эффект; как выразился социолог — «обычные люди говорили о яде, интеллектуалы говорили о радиации». Сообщения о слухах о вездесущей смерти и опустошениях после смерти имели достаточную символическую обоснованность, чтобы преодолеть какую-либо логику, которая могла быть собрана против них. Подобно большинству ранних мифологий атомной бомбы, власть слухов через несколько месяцев снизилась, особенно когда люди нашли в себе силы возвратиться к центру города и, так или иначе, возобновлять свою жизнь там. Но слухи оставались весьма активными и больше чем через год (отрезок времени, который требуется, чтобы цены на недвижимость существенно повысились) их психические остатки, как мы увидим позже, продолжали затрагивать жизнь в Хиросиме.

Происхождение трех главных слухов — особенно о сроке в семьдесят пять лет — остаются неясными для хибакуса даже сегодня. Один источник, упомянутый несколькими японцами, говорит, что слух остановился после 75 дней. Физик упомянул вещество, на которое он натолкнулся, и как считают, действие ядерного расщепления которого составляет 75 лет. Но определенный психологический интерес вызывало широко распространенное впечатление, что сами слухи пришли «извне», «возможно из Америки», «от ученых» или «от некоторого ученого, возможно — американского». Здесь имеет значение то, что Америка была источником не только смертельного заражения, но и предвидения его природы. А идея об академическом или научном источнике выражает их вес.

Сама атомная бомба как оружие вызвала дополнительные мифологические реакции. С момента ее воздействия хибакуса чувствовали сильную потребность вместить ее в некоторые рамки понимания.

Начальные формулировки многих вернулись к прошлому опыту более или менее «обычного» характера военного времени: «Я думал, что это должна быть ужасная огненная бомба»; «Я думал, что воз-

можно взорвалась фабрика оружия»; или «Я думал, что склад боеприпасов взорвался». Другие вызвали электрические образы, или как сравнение («Это было подобно электрическому короткому замыканию»), или как имеющие отношение к тому, что фактически случилось («Электрические провода были *сломаны* и возник большой пожар»). Некоторые думали о естественном бедствии («Это было похоже на землетрясение»), а еще были другие образы, которые предполагали сверхъестественное изменение природы («подобно фиолетовой молнии» или «подобно грому из основания земли»). Большинство быстро и тревожно осознали, что их образы были неадекватны, и что они не имели никакого адекватного опыта, чтобы на нем базировать свои впечатления.

Японские власти невольно поощряли мифологию атомной бомбы, отказываясь точно идентифицировать оружие, относя его просто к «специальному оружию» или «специальной бомбе». Это было сделано как мера цензуры военного времени, чтобы избежать испуга у населения Хиросимы и Японии вообще, и поддерживать заветную иллюзию, что ничто — ни даже это оружие — не было непредвиденно ими или было вне их способности иметь с ним дело. В некотором смысле политика представила своего рода «отрицательную мифологию» оружия которое, однако, не было достаточно революционно или разрушительно, чтобы нанести поражение неуязвимому духу Японии. (Последующее ограничение информации американскими властями, как мы позже обсудим, отражало их собственную форму отрицательной мифологии и также увековечивало мифы, окружающие оружие).

Ощущение потери на многих символических уровнях имело совокупное воздействие на оставшихся в живых и вызвало в большой степени разделенное психическое состояние. Эти символические потери не обязательно должны были быть непосредственно связаны с воздействием атомной бомбы. Для многих, особенно среди старшего поколения, речь императора о капитуляции девятью днями позже казалась большим сокрушением, чем бомба, как сообщила Лифтону пожилая вдова.

Разрушение человеческой матрицы

В пределах подлинных переживаний атомной бомбы можно очертить две степени потери: разрушение человеческой матрицы, групповых связей и скоординированных паттернов существования, которые составляют то, что мы обычно называем общественным

устройством или социальной структурой; и нечеловеческой окружающей среды, материальной среды, в пределах которой люди проводят свою жизнь. Распад нечеловеческой окружающей среды имел особенное значение в культуре, которая столь акцентирует задний план или контекст жизни, и которая рассматривает индивидуально-го человека как менее отделенное существо, чем расширение его среды. Таким образом, в пределах внутренней символики *хибакуся* материальное опустошение Хиросимы как места жительства сливалось с человеческим уничтожением в общем образе распада.

Этот объединенный образ доминировал над темами бегства из зараженного города, бездомного блуждания, случайных встреч и дальнейших потерь. Обстановка резюмировалась большим числом юных сирот, блуждающих по городу, жестоко отделенных и от человеческой и от нечеловеческой окружающей среды смертью родителей и разрушением домов. Эта молодежь собиралась в различных местах Хиросимы, особенно вокруг старого вокзала Хиросимы, где они сформировали ядро деятельности черного рынка и всяких иных видов антиобщественного поведения. Известные как фуру-джи, или бездомные бродяги, они передавали другим оставшимся в живых ощущение полного развала общества.

Мисс Ота сообщает также о воздействии на нее потери ориентиров Хиросимы, тех частей нечеловеческой окружающей среды, чье символическое значение было самое сильное. «Трупы истории» являются руинами значительных символов, в данном случае физических структур, которые усиливали ощущение неразрывности с историческим прошлым. Выбор слов мисс Оты предлагает еще раз неотделимость образов символических и телесных форм смерти. В ответ на этот общий паттерн распада *хибакуся*, казалось, не развивали четкий психиатрический синдром. Чтобы описать эмоциональное состояние, которое они развили, они часто использовали термин *kyodatsujotai*, что означает состояние отчаяния, рассеянности или пустоты, и может быть, переведено как «состояние краха» или «вакуумное состояние». Также уместно — связанное состояние, которое Мисс Ота описала как столь широко распространенное в ранних стадиях, чтобы ввести такой медицинский симптом, как *muokuganbo* — апатичность, замкнутое самообладание, «выражение нежелания ничего больше», или вызванный другими контекстами «тысячеликий пристальный взгляд». О состояниях подобных «вакуумному состоянию» или «тысячеликому пристальному взгляду» можно думать как об апатии, но также как о выражении глубокого отчаяния: формы серьезного и длительного психического оцепенения, в котором реакции оставшегося в живых

на окружающую среду сведены до минимума — часто лишь к необходимости поддержания жизни, и в котором он чувствует себя лишенным способности проявить желание или волю.

Образы природы и восстановления Хиросимы были, в некотором отношении, первоначальными формулировками опыта. Существовали также более индивидуальные формулировки, в которых бомба ощущалась, как фактор индивидуальной смерти и возрождения. Это могло быть результатом избавления от вводящих в заблуждение идеологических воззрений, болезненного процесса.

Иногда в течение этих первых месяцев имели место определенные поворотные моменты, которые позволяли хибакуся вернуться к существенным символам и к восстановлению их значения. Поворотный момент мог принимать форму значительной задачи, как в случае профессора образования, который в течение длительного периода времени был так погружен в заботы старшего коллеги и его семьи, что «действительно не мог думать о чем-либо еще» и в то же время следовал руководству этого коллеги в размышлении о будущем Японии вплоть до ощущения «вдохновения... идти новым путем в моей области».

Начальное психологическое возрождение происходило тогда и постепенно, и периодически, совершаемое как незаметно, так и сознательными усилиями. Требуется предварительные усилия для формулирования и апелляция к дорогостоящей психологической защите наряду с неожиданными ресурсами. Это должно было иметь место среди оставшихся в живых в Хиросиме, но было совершенно непредвиденным во внешних силах. Это было чрезвычайным достижением, поскольку это достигало предела мастерства по самому большому единственному в истории акту искусственного опустошения, но это должно было остаться болезненно испорченным множеством разнообразных физических и эмоциональных остатков, связанных с аурой смерти.

Литература

1. *Бородай Ю.М.* Этика. Смерть. Табу. М., 1996.
2. *Бубер М.* Два образа веры. М., 1999.
3. *Гроф С.* За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 2001.
4. *Гроф С.* Человек перед лицом смерти. М., Киев, 1996.
5. *Гуревич П.С.* Клиническая психология. М., 2001.
6. *Фролов И.Т.* Смерть // *Философский словарь.* М., 2001. С. 316.
7. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1991.

Вопросы для повторения

1. Почему смерть является важнейшей темой философии и психологии?
2. Объясните, что нельзя говорить о смерти как об определенном переживании?
3. Почему каждая культура имеет свой комплекс образов и символов о смерти?
4. Как атомная катастрофа в Японии подействовала на символику смерти в японской культуре?
5. Что такое разрушение человеческой матрицы?

Темы рефератов

1. Феномен смерти в европейской культуре.
2. Феномен смерти в японской культуре?
3. А. Шопенгауэр о феномене смерти.
4. Смерть и бессмертие.
5. Символика смерти.

Тема 13

Зачарованность смертью

Ничем не призовем твоей прискорбной тени;
Добычу не отдаст завистливый Аид,
Здесь онемение; все хладно, все молчит,
Надгробный факел мой лишь мраки освещает.

Константин Батюшков

Паранойя выживания

Студенты признавались исследователю, что после лекций о Хиросиме они с трудом слушают других преподавателей, трактующих более обычные темы. После убийства президента Кеннеди массу людей нельзя было оторвать от экранов телевизоров, пока передавались все детали убийства, траурных церемоний. Через несколько дней, когда телестудии вернулись к своим рутинным программам, они испытывали чувство особой пустоты. Сходный эффект обнаруживается и после серии торжественных похорон какой-нибудь знаменитой личности.

Неизгладимый образ катастрофы может насыщаться чувством вины, что приводит к формированию устойчивых визуальных образов навязчивого характера, которые можно было бы назвать лицом ужаса. Это образы, с которыми выживший в сильной степени отождествляет себя, возбуждающие в нем интенсивные чувства жалости и самоосуждения. Нередко это раненый, умоляющий о глотке воды. Вода символически отождествляется с жизнью или оживляющей силой («живая вода»). Отказать кому-то в глотке воды это означает лишить его жизни.

Не случайно после катастрофы многие люди в Хиросиме искали спасения в реках. При этом большинство из них утонуло. В тот же круг психологических представлений входит убеждение, будто 6 августа в Хиросиме никогда не бывает дождей. В литературе был описан случай, когда воспоминания бывшего заключенного обретали временами такую актуальность и силу визуализации (т.е. рождения конкретных зримых картин), что это приводило к смешению прошлого с настоящим. Стены нью-йоркской квартиры исчезали, и бывший заключенный как бы вновь видел себя в Освенциме.

Автор «Хиросимского дневника» д-р Хашийя передает, что раненые, которые находились в госпитале вместе с ним, рассказывали друг другу о пережитых ужасах. При этом их внимательно слушали,

и никто не останавливал, как будто бы эти жуткие сцены приносили слушателям психологическое облечение. Страх зачаровывает и снимает боль. Каждый невольно находил в этих рассказах подтверждение своей относительно счастливой судьбы. В той же мере тяга к образам ужаса рождала агрессивные и извращенные фантазии, которые сознание отвергало, углубляя чувство вины. Выживший испытывал определенную неловкость, что он остался жив. Отсюда и двойственное отношение к умершему. Живые стремились как можно быстрее избавиться от трупов своих близких.

Абсурдно-гротескные формы атомной смерти и страх физического заражения соединялись с более универсальной тревогой от возможности «заразиться» самой смертью. Похоронные церемонии призваны облегчить переход умершего в иной план существования. Однако есть бездомные или живые мертвецы («дикие души» и «голодные призраки» в Восточной Азии). Они считаются сугубо опасными для живых. О погибших в Хиросиме чаще всего думают именно как о бездомных душах. Они, не имеющие потомства, погибли насильственно, безвременно и во всех случаях без похоронного ритуала.

Психические и психосоматические нарушения у переживших Хиросиму относились к их неспособности преодолеть тот начальный момент катастрофы, о котором уже говорилось как о внезапном прекращении привычного существования. Люди мучительно переживают саму возможность неполного оплакивания умерших («отсутствие могил»). Поэтому специалисты склонны рассматривать подобную реакцию горя как *заболевание*. Однако источником «болезни» можно считать скорее не само оплакивание, а невозможность его завершения.

Следующий шаг, который характеризует течение болезненных психических процессов, это «паранойя выживания» (паранойя — психическое заболевание, которое характеризуется стойким систематизированным бредом). Рождается магическое средство, которое позволяет утвердить свою жизненную силу через преодоление страха и психического омертвения.

Переживший катастрофу испытывает параноидальные реакции. Он воспринимает себя персонажем универсального мифа о герое, который победил смерть, прошел через ряд испытаний и вернулся к народу, чтобы стать его избавителем. Порою возникает навязываемое влечение к образам гибели и разрушения. В известном смысле

каждое известие о смерти есть как бы подтверждение собственного приоритета выживания. Отсюда жадный интерес к известиям о катастрофах. Особое внимание привлекают некрологи и траурные объявления в газетах.

В то же время можно фиксировать поиски перерождения, т.е. стремление установить новые формы связи между «Я» и миром взамен утраченных. Многие люди стремятся обеспечить новую организацию внутреннего опыта. Они тяготеют к символическому перерождению. При всем многообразии форм этот процесс направлен на достижение трех целей: чувства органической связности с другими людьми и с миром в целом; достижение целостности своего «Я» и обретение смысла существования; возобновление чувства подвижности в пространстве и движения во времени.

По мнению Р. Лифтона, в прошлом великие перевороты осуществлялись теми, кто выжил в исторических катастрофах. Прорыв через порожденную катастрофой зону психического омертвения вел к новому восприятию мира и расширял горизонты сознания. Так было после крушения мира и после великих эпидемий средних веков, породивших духовные течения предреформации. Однако можно сказать, что на этот раз будет не так. Мы уже не имеем права надеяться на мудрость тех, кто выжил бы в будущей атомной катастрофе.

Погружение в смерть

Зона массового поражения простиралась по радиусу на 2 тыс. м от радиуса взрыва в Хиросиме. Еще ближе к гипоцентру, где железо и камень расплавились, все живое мгновенно было испепелено и развеяно взрывной волной. Вокруг этой зоны по радиусу 3 тыс. м почти мгновенно вспыхнули пожары. Точное число погибших в Хиросиме определить теперь уже невозможно. Официальная цифра 78 тыс. чел, но город Хиросима придерживается цифры в 200 тыс. чел (по разным методам подсчета погибло от 25 до 50% дневного населения города, которое, однако, также в точности неизвестно и составляло по разным оценкам от 227 до 400 тыс. чел.

Весь дальнейший психологический опыт выживания определяется этими первоначальными мгновениями «погружения в смерть» и оставленной им неизгладимой «печатью смерти». Дело при этом идет не столько о тех или иных эмоциональных состояниях, чувствах беспомощности, замешательства, но прежде всего о более глубоко и внезапном разрушении самого «способа существования в

мире», исчезновения естественного порядка вещей (один из опрошенных сравнил это с мощным коротким замыканием). Этот развал как бы самой структуры существования составляет самый тяжелый опыт выживания. Такой опыт потом приходится сублимировать в продолжении всей жизни. Он порождает «неизгладимый образ» катастрофы навязчивого характера, который преследует пережившего.

Многие из выживших передавали о своих первых ощущениях, как о внезапном осознании собственного конца, конца мира, или же о внезапной гибели веры. Протестантский пастор выразил свой опыт в образах Апокалипсиса, другие — в образах буддийского ада. Для некоторых катастрофа связалась с навязчивым запахом, который преследовал их долгое время (возможно, однако, что это было связано с массовыми кремациями, которые проводились по всей Хиросиме в последующие дни).

Хотя лишь на большом расстоянии от гипоцентра можно было различить ослепительную вспышку, появление огненного шара, и, наконец, вставшее над городом многоцветное облако. Однако и на таком расстоянии широко отмечался эффект *«ситуационного эгоцентризма»*, то есть ощущение того, что все совершилось в самой непосредственной близости (что связывается с внезапной потерей иллюзии собственной неуязвимости и вызванными этим нарушениями восприятия).

Один из опрошенных говорит о внезапном появлении перед ним образа матери (то есть о попытке противопоставить катастрофе первичную форму человеческой связи. Поразительным явлением, отмечавшимся уже и ранее при других бедствиях, было то, что многие бесцельно устремились к центру катастрофы, преодолевая на своем пути развалины, а позднее и специально поставленные посты (явление, несомненно, сублимационного свойства, но в то же время, видимо, внутренне связанное с эффектом «ситуационного эгоцентризма»). При переживании образов смерти совершается переход к новому, противоестественному порядку вещей, в котором начинают причудливо сплетаться образы жизни и смерти.

Это то, что автор называет состоянием преждевременной смерти (то же передается выражением «ни жив, ни мертв»). Большинство свидетелей говорит не об охватившей их панике, как этого можно было бы ожидать, но о наступившей после взрыва «мертвой тишине» и об особом чувстве замедленности времени и нереальности всего происходящего, причем люди приобретали движения автоматов.

Некрофилия

В психике каждого человека заложены две тенденции — любовь к жизни и любовь к смерти. Однако конкретный человек может быть ближе к той или иной ориентации. Иначе говоря, он может стать биофилом или некрофилом. Когда человек утрачивает стремление к жизни, торжествует инстинкт смерти. Если гаснет потенция к жизни, в человеке начинают преобладать некрофильские тенденции.

В наших обиходных представлениях слово «некрофильский» имеет только одно значение: подверженный сексуальному влечению к трупу. У Фромма это понятие гораздо богаче. Оно вообще строится не на сексуальной основе. В психике человека можно обнаружить конфликт двух начал. И сам человек далеко не всегда имеет реальное представление о накале этой борьбы, о ее фактическом течении. Живя в мертвом царстве, человек порою убежден, что существует в царстве жизни. В этих сплетениях, по мнению Фромма, можно найти ключ к анализу многих жизненных ситуаций. Но как человек осознает эту реальность, через какие опосредованные механизмы приходит к обнаружению прихотливой игры двух потенций?

Биофил — определенный психологический тип, характеристика которого по своей развернутости, к сожалению, уступает у Фромма своему антиподу. Философ показывает, что простейшая форма этой ориентации выражается в стремлении всех живых организмов к жизни. Фромм возражает Фрейдю, который полагал «инстинкт смерти» определяющим в выявлении мотивов поведения людей. По мнению американского исследователя, врожденным стремлением всех живых существ является тяга к жизни, интенсивное побуждение сохранить свое существование.

Понятие «биофил» у американского философа не тождественно характеристике жизнелюба, воссозданного, скажем, художественной литературой. Оптимизм, наслаждение жизнью — доминирующие психологические штрихи в образах, например, Фальстафа или Дон Жуана. Биофильство же, как оно трактуется американским исследователем, — это глубинная жизненная ориентация, которая пронизывает все существо человека. Биофил, в отличие от жизнелюба, не способен к тому, чтобы «раззять» действительность, увидеть ее в одном измерении. Принимая ее целокупно, ощущая всю сложность течения жизни, он ориентирован на все, что противостоит смерти.

Слово «некрофильский» в психологическом значении впервые употребил Мигель де Унамуно, а Фромм представил страсть к

уничтожению как трудноутолимую потребность человека. Некрофил — антипод биофила. Его неудержимо влечет ко всему, что не растет, не меняется, ко всему механическому. И движет его поведением не только тяга к омертвелому, но и стремление разрушить зеленеющее, жизнеспособное. Поэтому все жизненные процессы, чувства, побуждения он хотел бы опредметить, превратить в вещи. Жизнь с ее внутренней неконтролируемостью — ибо в ней нет механического устройства — пугает и даже страшит некрофила. Он скорее расстанется с жизнью, нежели с вещами, поскольку последние обладают для него наивысшей ценностью.

Некрофильские тенденции, как подчеркивает Фромм, демонстрируются не только отдельными людьми, но и деперсонализирующим укладом повседневной жизни. Они глубочайшим образом внедрились во внутренний строй индустриальной культуры, для которой характерно патологическое «низкопоклонство». Не случайно современная техника проявила свою эффективность не только в сфере жизненных интересов людей, сколько в области массового человекоубийства.

Некрофил — запоздалое дитя рассудочной эпохи. Отпрыск абстрактной логики, презревшей полнокровие жизни. Чадо мертвящих цивилизационных структур. Плод технического сумасшествия. Некрофил в изображении Фромма — следствие длительных культурных мутаций, явивших раковую опухоль, омертвление жизненных тканей. Он — неожиданный итог незавершенности, открытости человека, одна из альтернатив человеческой эволюции.

Данный персонаж стремится построить жизнь по законам смерти. Живая природа дарит нам смену естественных ритмов, где плодоношение замещает первоначальное цветение. Закат венчает процесс от рассвета до гулких сумерек. Жизнь — вечное круговращение, в котором вновь и вновь заявляет о себе «младая кровь» и увядание, жизнестойкость бытия и его закатные формы.

Многообразие естественных ритмов, если дополнить рассуждение Фромма, некрофил хотел бы подменить искусственной пульсацией, безжизненным шевелением, устремленным к окончательной остановке. Этот пункт назначения не имеет ничего общего с нирваной, где блаженство рождено воссоединением с духом. Здесь всевластие распада, самодержавие смерти... Бытие разворачивает себя в механических конвульсиях, предвещающих финальное распыление. Жизнь предстает как торжествующая трагедия смерти. И аналог

этих автоматических ритмов, понятное дело, можно отыскать в феномене техники.

Преклонение перед этой псевдожизненной пульсацией не упало с неба. Ему предшествовал некий вывих сознания, которое отвергло универсальность и полнозвучие бытия. Человек, по слову поэта, разъял вселенную на вес и на число. Освободил заклепанных титанов. Вселенная предстала перед ним как черный негатив. Прав был Максимилиан Волошин, сказав, что точно так осознала бы мир сама себя постигшая машина.

Сотворив надприродный мир, человек стал утрачивать естественные корни. Он устремился в мир артефактов. Природа оказалась растерзанной. Человек вдруг обнаружил в себе поразительный синдром разрушительности. Осознав, что натура — его единственный очаг, он в то же время начал жечь, испепелять, расщеплять, взрывать ее. В нем пробудились инстинкты погромности, вакханальные страсти.

Индустриальное общество располагает особой техникой инспирирования массовых некрофильских страстей. Современная цивилизация порождает миллионные массы отчужденных людей, каждый из которых воспринимает себя и свое тело как отвлеченные средства достижения собственных успехов. Все сферы человеческой жизнедеятельности механизированы и омерщвлены. Некрофильство — потенциальная опора диктатур. Без мобилизации некрофильских тенденций немислим ни один террористический акт.

Как же распознать некрофила? Фромм разъясняет: некрофила влекут к себе тьма и бездна. В мифологии и поэзии его внимание приковано к пещерам, пучинам океана, подземельям, жутким тайнам и образам слепых людей. Глубокое интимное побуждение некрофила — вернуться к ночи мироздания или к праисторическому состоянию, к неорганическому миру. Он, как подчеркивает американский философ, в сущности ориентирован на прошлое, а не на будущее, которое ненавистно ему и пугает его.

Жизнь никогда не является predetermined, ее невозможно с точностью предсказать и проконтролировать. Чтобы сделать живое предсказуемым, подконтрольным, его надо умертвить.

Фромм дал ориентиры для того, чтобы добавить к его констатациям иные, не менее точные характеристики некрофила. Массовая волна преступности, зомбизм позволяют этой проблеме стать одной из наиболее актуальных сегодня. Не человек творит машины. Ме-

ханизмы и технологии диктуют ему свои законы. И он тянется к искусственным структурам, потому что верит: пересотворенный мир, вздыбившийся над природой, окажется более комфортабельным, управляемым. Человек сам взращивает в себе комплексы некрофила. Немотивированная жестокость, безветрие души, дистрофия интуиции и чувств. Технизированный мир, мертвящая рутинная бюрократии, деперсонализация — вот приметы той среды, в которой пребывает некрофил.

По словам Макса Вебера, математически ориентированное мышление изгоняет смысл. *Шизоидное*, идолопоклонническое отношение к технике приводит к омертвлению души. Современный человек, как полагает Фромм, отчужден от себя, от ближнего, от природы. Человеческие отношения становятся механическими узлами, кое-как прилаженными друг к другу. Это цепи, сковывающие обреченных на унылое, бесцветное существование.

Опираясь на Фромма, мы могли бы сказать: в самом бытии некрофила заложено мучительное противоречие. Он живет, но тяготится жизнеспособным; развивается, как все биологическое, но тоскует по разрушению; ощущает богатство жизни, ее творческое начало, но глухо враждебен всякому творению. Лозунг его жизни — «Да здравствует смерть!». В сновидениях некрофилу предстают жуткие картины, насилие, гибель и омертвление... И в телевизионном зрелище ему тоже интересны прежде всего картины смерти, траура, истязаний.

Синдром некрофильства знаком и узникам концентрационных лагерей. Раздавленные силой, которая не знает жалости и сострадания, они зачастую чахли не потому, что не хватало еды для выживания. Жизнь утрачивала ценность. Потеряв личностную опору, эти люди не могли противостоять смерти...

Глубокое внутреннее влечение человека к осознанию собственного Я подменяется, по сути дела, фиктивным, иллюзорным самоуверением. Но если из общения уходит все уникальное, индивидуальное, оно поневоле превращается в нечто манипулятивное, стереотипное. Массовая коммуникация эксплуатирует чувства, которые как бы обретают надындивидуальный характер. Она перехватывает и «обобщает», то есть обезличивает, различные эмоциональные состояния — страстную любовь, глубочайшую тоску, иступленную ярость, безумную одержимость, отчаянную панику, радостное жизнелюбие и мертвящее оцепенение. Все это превращается в эмоциональные трафареты.

Фромм выделяет людей особого склада, из которых вербуются палачи, террористы, истязатели, надсмотрщики, надзиратели. Немалый интерес вызывает представленная Фроммом аналитическая биография Гитлера, которая демонстрирует историю болезни крайнего некрофила. Философ справедливо подчеркивает, что критиковать поступки знаменитых изуверов XX в., умертвивших миллионы человеческих существ, как поступки «бесов» — крайне непродуктивное дело. Такая трактовка ничего не дает для понимания зла в человеческой истории.

Литература

1. *Белянин Валерий*. Введение в психиатрическое литературоведение. М., 1996.
2. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
3. *Гарфилд Патриция*. Путь к блаженству. Метод мандалы и сновидений. М., 1998.
4. *Голубчик В.М., Тверская Н.М.* Человек и смерть. Поиски смысла. М., 1994.
5. *Гуревич П.С.* Возрожден ли мистицизм? М., 1984.
6. *Джеймс Уильям*. Воля к вере. М., 1997.
7. *Розин В.М.* Психология и культурное развитие человека. М., 1994.
8. *Рязанцев Сергей*. Танатология (учение о смерти). М., 1994.
9. *Страх*. Страсти человеческие. М., 1998.

Вопросы для повторения

1. Как обнаруживает себя паранойя выживания?
2. Почему отсутствие могил оказывается весьма печальным фактором в процессе выживания жертв катастрофы?
3. Кому принадлежит различие биофила и некрофила?
4. Каков психологический портрет некрофила?
5. Почему Фромм называет современное отношение к технике шизоидным?

Темы рефератов

1. Столкновение со смертью и зачарованность смертью: опыт терминологического различения.
2. Некрофилы и биофилы как психологические типажи.
3. Тяга к смерти как психологический феномен.
4. Погружение в смерть.
5. Образы катастрофы.

Часть III
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

Тема 14

Что должен знать человек, попавший в катастрофу

И вспарывают небо, как кинжалы
Сверхзвуковые лезвия беды...
Шторма, землетрясения, провалы,
Цунами и кислотные дожди...

Анатолий Парпара

Монстры паники

Прежде всего, *простую истину: не следует поддаваться панике*. В любой ситуации важно сохранить по возможности полное спокойствие. Предельная тревожность, предельное беспокойство легко передаются другим людям. Паника может только усугубить бедствие, но по существу не способна принести положительные результаты. В результате сумятицы люди утрачивают способность к осознанным действиям. Это приводит к тому, что действия спасателей, врачей, пожарных и других специалистов становятся малопродуктивными в силу возникающих трудностей.

Паника, вызванная радиопостановкой «Вторжение с Марса», едва ли не первый пример коллективного психоза, вызванного средствами массовой информации. Осенью 1937 г. в США при университете города Принстона по инициативе Фонда Рокфеллера была организована группа для изучения социально-психологического воздействия радио на различные слои американского общества. Руководителем этой группы был назначен известный социолог Поль Лазарсфельд, а участником группы Хэдли Кэнтрил. Радиопьеса «Война миров» в исполнении талантливых актеров театра «Меркьюри» создала неожиданную экспериментальную ситуацию для исследователей этой группы. В 8 час вечера 30 октября (канун Дня всех святых, когда принято пугать и разыгрывать окружающих) 1938 г. известный драматург Орсон Уэллс со своей небольшой труппой появился перед микрофоном в нью-йоркской студии радиовещательной компании «Коламбия». Он начал читать пьесу, написанную Говардом Кохом по роману Герберта Уэллса «Война миров».

Драматург и актеры намеревались развлечь радиослушателей невероятным рассказом. К великому изумлению участников передачи оказалось, что в их инсценировку о нашествии с Марса из 6 млн слушавших трансляцию, в реальность происходящего поверил 1 млн.

В течение нескольких часов население США было убеждено, что ужасные чудовища, вооруженные смертоносными лучами, действительно разрушают оборонительные укрепления США, что от них нет никакого спасения, что близится конец света...

На следующее утро газеты писали о «гигантской волне ужаса», сокрушившей нацию. Стало ясно, что паника охватила чуть ли не всю страну. Председатель Федерального комитета по радиовещанию назвал эту передачу «достойной сожаления».

Но что же такого было произнесено артистами во время часовой передачи? Что могло вызвать такую бурную реакцию? В начале трансляции диктор сообщил, что перед микрофоном выступает всем известный директор театра «Меркьюри» Орсон Уэллс со своими актерами. Спектакль был построен в форме репортажей с места событий. Через определенные интервалы он прерывался музыкальными вставками — отрывками из концерта известного испанского дирижера, гастролировавшего в это время в США. В конце передачи диктор снова объявил, что компания вела семнадцатую по счету передачу из серии драматических инсценировок с участием Орсона Уэллса и его театра «Меркьюри».

Спектакль начинался с того, что некий радиореporter Карл Филлипс берет интервью в Принстонской обсерватории у знаменитого астронома профессора Ричарда Пирсона в связи с участившимися странными вспышками на планете Марс. Во время их беседы профессору приносят телеграмму: недалеко от его обсерватории с неба упал какой-то странный предмет. Профессор и реporter сообщают, что они отправляются к месту падения, на ферму в районе Кроверз Миллз, и что в дальнейшем будут сообщать об увиденном оттуда.

И действительно, через несколько минут диктор объявил, что Филлипс и Пирсон «снова в эфире» и они сообщили, что издали рассматривают упавший с неба предмет, похожий на огромный цилиндр, что вокруг него уже собралась толпа любопытных, которую стараются отеснить от неизвестного объекта несколько полицейских.

Вдруг раздается испуганный крик репортера Филлипса — он увидел, как один конец цилиндра открылся и из него выползают какие-то существа, похожие на серых змей с огненными черными глазами. Что-то, похожее на губы, выпячено вперед, оно дрожит и пульсирует. Затем реporter с ужасом сообщает, что одно из чудовищ с помощью какого-то луча стало поджигать все вокруг — деревья, постройки на ферме, машины, людей. В микрофоне раздался страшный треск — и наступило полное молчание.

Затем голос диктора сообщил, что по телефону из района Кроверз Миллз на радио пришло сообщение: сорок человек, включая полицейских, погибли, обгорев до неузнаваемости. Погиб и реporter

Филлипс. Диктор предоставляет слово генералу Смитту, руководившему полицией, — генерал объявил о введении чрезвычайного положения в штате Нью-Джерси в связи с катастрофой.

Позже передается, что установлена связь со свидетелем трагедии, профессором Пирсоном. Он не может ответить на вопрос, что это за существа и зачем они прибыли на Землю. Но их страшное оружие позволяет сделать вывод, что в области научных знаний они намного опередили людей: они умеют каким-то образом генерировать тепло и с помощью особого зеркала посылать луч в нужном направлении. Подключаются военные, которые «овладели ситуацией», цилиндр с чудовищами окружен восемью батальонами вооруженной пехоты, оснований для паники нет — все чудовища вернулись в цилиндр, и он больше не открывается.

Однако очередной диктор сказал, что батальоны погибли и что из цилиндра на этот раз вылезли огромные металлические монстры совсем другой формы: они растаптывают своими железными лапами все вокруг себя либо все сжигают лучами. Железная дорога между Нью-Джерси и Пенсильванией будто бы разрушена полностью, а толпы бегущих в панике людей заполнили шоссе.

Диктор предоставляет слово госсекретарю США по обороне, который, обращаясь к гражданам страны, убеждает сохранять спокойствие, ибо правительство принимает все необходимые меры, чтобы защитить жизнь и собственность граждан и не допустить продвижения врага. Из следующих радиосообщений следует, что никакая армия не может справиться с чудовищами, самолеты не способны их бомбить, потому что их выводят из строя с помощью лучей. Кроме того, марсиане начали применять ядовитые газы, которые в виде черных клубов дыма поползли по земле.

Подключаются другие радиостанции, которые также оповещают население об отравляющем веществе, от которого не спасают даже противогазы. Один из дикторов объявляет уже якобы с крыши радиостанции Нью-Йорка о необходимости срочной эвакуации населения — марсиане приближаются. Голос диктора: «Вы слушаете радиопостановку пьесы «Война миров» по роману Герберта Уэллса!»

И снова раздается голос профессора Пирсона, описывающего картину жуткой разрухи вокруг, обгоревшие тела людей, животных, перевернутые машины, брошенные всюду вещи — полный хаос, все растерзано марсианами...

Но безжизненные тела и самих марсиан также валяются всюду! Исследования показали, сообщает профессор, что марсиане... погибли от болезнетворных бактерий! Они уничтожили мощные системы обороны страны, перед ними не могли устоять бронированные машины, но сами они не устояли против крохотных, невидимых глазом существ, которых «Господь своей мудростью поселил на этой земле...»

Как же реагировали на это радиослушатели? Многие, слушая передачу, молились, плакали, метались как безумные, стараясь спастись от марсиан, как утверждают свидетели. Одни побежали спасать своих близких, другие кинулись звонить по телефону, чтобы проститься, чтобы предупредить родных, друзей, знакомых, чтобы узнать подробности от редакций газет или радиоредакций, вызывали «скорую помощь», полицию.

Через несколько недель после радиопередачи в газетах появились различные публикации, где описывались шок и ужас, потрясающие жителей страны. Многие могли бы рассказывать о своих переживаниях и действиях в тот вечер. Делались и попытки объяснения странного поведения людей. Но, как правило, пишут исследователи, эти объяснения исходили от тех, кто сам не испугался и кто считал, что вправе делать выводы о психических и психологических особенностях людей, поддавшихся панике. Так, журналистка Дороти Томпсон в своей на шумевшей статье обвинила жертвы паники в «несусветной глупости», или, например, известный психолог высказал убеждение в том, что «интеллектуально развитой» человек не может впасть в панику. Были и такие, кто считал испугавшихся невропатами. Подобные скороспелые выводы, по мнению участников данного исследования, не только неверны, но даже опасны как в теоретическом, так и в социальном отношении, поскольку сложнейшие процессы человеческой психики в них сводятся к простейшей модели «стимул-реакция», затушевывая серьезные подспудные причины, гораздо более важные для понимания возникшей ситуации, чем то, что было лишь их внешним проявлением.

С помощью многочисленных интервьюеров и корреспондентов исследователи Центра Лазарсфельда собрали тысячи ответов, на основе которых проводились глубокие и разносторонние анализы феномена паники. Американские психологи посвятили этому феномену специальное исследование, которое легло в основу книги. В ней приводятся множество свидетельств тех, кто описывал как свое состояние и поведение, так и поведение других людей.

Мисс Фергусон, домохозяйка, штат Нью-Джерси:

Слушая радио, я поняла, что происходит что-то ужасное, я была очень сильно напугана, хотя точно не знала, что именно происходило. Не хотелось верить, что настал конец света. Я знала, что, когда придет конец света, все произойдет очень быстро — но тогда зачем Бог связался с дикторами радио?.. Когда нам было сказано, чтобы мы пошли по такому-то шоссе и поднимались на гору, дети начали плакать, и все решили, что пора уходить. Мы взяли одеяла, а внучка хотела взять с собой кошку и канарейку... Мы были уже во дворе, когда прибежал соседский

мальчик и сказать, что это была радиопьеса...

Миссис Деланей, католичка из пригорода Нью-Йорка, сообщает, что она слушала передачу и не могла оторваться от радиоприемника:

Никогда прежде я не слушала радио с таким вниманием, как в этот раз. Я держала в руке Библию и молилась, глядя в открытое окно в надежде увидеть падающий метеор. Я решила, что как только почувствую малейший запах газа, тут же закрою окно и замажу его водонепроницаемым цементом или еще чем-нибудь. Я решила оставаться дома, полагая, что я не задохнусь от газа. Когда же сообщили, что чудовища вброд пересекают Гудзон и идут на Нью-Йорк, я решила взобраться на крышу, чтобы посмотреть на них, но ... не могла отойти от радио, сообщавшего о разворачивающихся событиях.

Хелен Энтони, ученица старших классов из Пенсильвании:

Я всех спрашивала, что же нам делать? Что мы можем сделать вообще? И какая теперь разница, делать что-либо или не делать, если мы так скоро погибнем? Я была в полной истерике... Обе мои подруги и я — все мы горько плакали, обнявшись, все нам казалось бессмысленным перед лицом смерти. Было ужасно осознавать, что мы умрем в таком молодом возрасте... Я была уверена, что настал конец света...

Матери бросались спасать своих детей.

Меня беспрестанно трясло от страха, — пишет одна из них. — Я вытаскивала чемоданы, ставила их обратно, снова начинала упаковываться, но не знала, что брать. Нашла детские вещи, стала одевать ребенка, завернула его. Все соседи уже выбегали из дома, кроме верхнего жильца. Тогда я кинулась к нему, забарабанила в его дверь, Он закутал своих детей в одеяла, я подхватила его третьего ребенка, мой муж взял нашего, и мы все вместе выбежали наружу. Я не знаю почему, но я хотела взять с собой хлеба, потому что деньги есть не будешь, а хлеб необходим....

Студент колледжа вместе с однокурсником ехал в своей машине, когда услышал о том, что Пирсон сгорел и что ядовитый газ расползается по всему штату в северном направлении. Студенты, увеличив до предела скорость, поехали туда:

Я думал только о том, чтобы не задохнуться от газа и не сгореть заживо... Мой товарищ все время молился и плакал. Я понял, что все наши погибли, но больше всего меня потрясло, что, видимо, вся человеческая раса будет сметена, — эта мысль казалась мне особенно важной, важнее даже того, что и мы должны вот-вот умереть. Казалось ужасным, что все, созданное упорным трудом людей, должно исчезнуть навсегда. Диктор продолжал свои репортажи, и все казалось вполне реальным...

Сильвия Холмс, негритянка из Ньюарка:

Когда по радио предложили надеть противогазы, я чуть с ума не сошла... Решила срочно ехать домой, чтобы умирать вместе с мужем и племянником. На остановке автобуса всех спрашивала: «Кто знает, Нью-Джерси полностью разрушен немцами? Так говорят по радио...». Я была просто потрясена, я помнила, что Гитлеру не понравилась телеграмма, посланная ему президентом Рузвельтом пару недель тому назад...

Житель маленького городка Среднего Запада Джозеф Хэндли: «Эта воскресная передача повергла всю мою семью на колени. Все от страха стали молиться Богу и считали, что это последняя в их жизни молитва. То был серьезный урок для нас. Мать выбежала на улицу, чтобы посмотреть на Марс. Отец, человек скептический, его обычно трудно в чем-либо убедить, но тут он тоже поверил. Брат Джо был очень взволнован, хотя и сдерживался. Сестру вырвало от страха...Я уже не помню, что именно делал сам, но помню, что истово, как никогда прежде, молился Богу».

Джордж Бэйтс, неквалифицированный рабочий из штата Массачусетс, потратил свои сбережения, купив билет на поезд, чтобы скорее уехать. Узнав о проводившемся исследовании, он написал социологам:

Я подумал тогда, что лучше всего уехать из города, поэтому взял свои 3,25 долларов и купил на них билет. Отъехав около 60 миль, я понял, что это была радиописьма. Теперь у меня нет денег, отложенных на туфли. Не сможет ли мне кто-нибудь прислать черные туфли? Размер 9-В»

Итак, монстры паники. Надо ли ей поддаваться? С юности помню замечательный рассказ, но сейчас вряд ли смогу назвать автора. Люди оказались под обломками здания. Кое-кто начал уже причитать. И вдруг в тишине и мраке раздался чей-то уверенный голос. Один из пострадавших сказал: «Я был подводником и смогу, постукивая по трубе, вызвать спасателей». Среди жертв воцарилось спокойствие. А невидимый в темноте подводник стал посылать сигналы. Всем суждено было просидеть в развалинах несколько дней, но люди не падали духом. Ведь среди них был опытный человек, который предотвратил панику.

Когда же, наконец, пришли спасатели, оказалось, что никакого подводника среди пострадавших нет. А тот, кто предостерег и спас людей, оказался простым водопроводчиком.

Еще одна история из прошлого. В студенческие годы мы отправились в горный поход. Однажды один из студентов сорвался с тропы и повис над пропастью. Казалось, еще секунда, и он упадет в бездну. Все ужасно растерялись. Сохранил спокойствие только он

сам, страдалец. Его спокойный голос отрезвил нас. Прекратилась паника, мы делали все, что наказывал пострадавший, ровным, тихим голосом. В итоге спасли не только его, но и всех, кто мог, поддавшись панике, совершить массу безрассудных поступков.

Стандарты мышления

Сколько же человек тогда и в каких именно штатах слушали радио? Социологи получили ответ — 6 миллионов, и преимущественно в западных штатах. Перед исследователями стоит задача объяснить причины столь массового испуга? *Как может нормальный человек перепутывать выдумку и — реальность?* Никогда после не проводилось столь разностороннее исследование и поэтому можно сослаться на его результаты.

Конечно, не следует игнорировать особенности самой радиопередачи: с чисто драматической точки зрения, радиоспектакль был исполнен талантливо. Необычайный реализм его, по мнению ученых, объясняется прежде всего тем, что с самого начала его авторы опирались на существующие стандарты мышления слушателей. Под стандартами мышления имеется в виду тот «ментальный контекст», или концептуальный аппарат, который служит для человека основанием при интерпретации событий.

Передача была, по показаниям свидетелей, настолько реалистичной, что с первых же минут в нее поверили даже очень опытные и информированные слушатели. При этом нельзя было упускать из виду и то обстоятельство, что в чисто драматическом отношении передача была подготовлена блестяще.

Например, использовался такой прием. В Нью-Йорке в это время проходили гастроли знаменитого дирижера Романа Рахелло с оркестром, и трансляция этого реального события создавала ощущение реальности выдуманных событий. И когда диктор объявил, прерывая передачу действительно проходившего концерта: «Мы прерываем концерт, чтобы передать специальный выпуск Межконтинентальных радиоизвестий», то в этой ситуации слова «межконтинентальные известия» не вызвали подозрения, критическое отношение к передаче таким путем заметно снижалось.

Когда в дальнейшем концерт снова прерывался сообщением о том, что «Правительственный метеорологический комитет» извещает о падении в штате Нью-Джерси огромного огненного предмета, похожего на метеорит, то реальность последующих репортажей «с места событий» у многих не вызвала сомнений.

Те, кто был сильно испуган, говорили, что они обычно всегда доверяли радио и были убеждены, что оно должно использоваться

для передачи подобных важных событий.

Большое значение имело то, кто именно делает сообщение, его престиж и авторитет у слушателей. В данном случае упоминались имена профессоров — астрономов из разных университетов страны. Все имена были вымышленными, однако сообщение о том, что это ученые, астрономы, эксперты, убеждало, придавало оттенок еще большей реальности изображавшимся событиям.

Если вам нужно предотвратить панику, доверьте передачу сообщений известным и авторитетным людям

Когда ситуация требовала организованных действий, снова появлялись авторитетные лица — генерал Монтгомери Смитт, возглавлявший полицию в городке Трентон, госсекретарь по обороне США, которые описывали обстановку, давали приказы об эвакуации, призывали к спокойствию, к исполнению долга. При этом имени госсекретаря не называли, а имя генерала из небольшого городка не было особенно широко известно. Однако авторитет представителей власти имел большее значение, чем их реальные имена. Использование режиссером такого ловкого приема, как видим, дало громадный эффект.

Слушатели признавались: «Я сразу поверил радиопередаче, как только услышал о том, что говорили профессор из Принстона и официальные лица из Вашингтона». «Я понял, что опасность реальна и серьезна, когда услышал выступление военных и госсекретаря США по обороне». «Когда столько ученых-астрономов видели взрывы, я не мог не поверить, что это было реально. Они-то должны были знать правду».

Большое впечатление на слушателей произвели названия действительно существующих маленьких городков штата Нью-Джерси, которые многим были хорошо знакомы, как и названия известных улиц, дорог, шоссе... Замешательство слушателей усиливалось с увеличением замешательства у якобы очевидцев событий, когда, например, ученый был потрясен проявлениями чрезвычайного интеллекта у марсиан, то простой смертный не мог не поверить в это. При этом никакого объяснения событий не давалось.

Смирение и беспомощность в голосе госсекретаря призывавшего надеяться на Бога, также не стимулировали к активным действиям. Никакие «стандарты мышления» не помогли многим понять суть быстро развивающихся событий. Паника была неизбежной, утверждают ученые.

Можно было, наверное, понять тех, кто испугался, включив радио не в начале передачи, когда был объявлен спектакль. Однако было множество слушателей, кто включил приемник с самого начала, но тем не менее был сильно напуган. Опрос показал, что такие

радиослушатели были убеждены, что радиопьеса, как и концерт, прерывались репортажами о реальных событиях.

По результатам опроса радиослушатели были разделены на четыре типа по их способности контролировать свои действия:

- (1) люди, проявившие способность к внутреннему контролю;
- (2) люди, проявившие способность к внешнему контролю над своим поведением;
- (3) люди, не способные к внешнему контролю;
- (4) люди, полностью парализованные страхом.

Около трети людей оказалось неспособными предпринимать какие-либо действия, находились в шоке. Только пятая часть попыталась понять по содержанию пьесы, правда это или нет. Исследования выявили и такой интересный феномен: среди тех, кто получил дополнительную информацию о радиопередаче, только половина сумела разобраться, что это радиопьеса, а другая половина лишь укрепилась в своих заблуждениях.

Всем известно, что когда человек очень взволнован, встревожен или напуган, то он редко поступает более разумно, чем в состоянии спокойствия. Только специально натренированный боксер удерживается на ногах, несмотря на сокрушительные удары противника. Только очень опытный летчик-испытатель умеет сохранить самообладание, когда во время полета начинается гроза, а хороший солдат выполняет приказ, несмотря на смертельную опасность. В обыденной жизни встревоженный человек чаще всего совершает нелепые ошибки.

Исследования привели ученых к следующему выводу: люди, сумевшие контролировать себя и способные искать и получать дополнительную информацию о событиях, фактически сохранили спокойствие, а те, кто не сумел проконтролировать ситуацию, кто был вообще не способен к каким-либо поступкам, — были глубоко взволнованы. При этом не имела большого значения степень испуга, было выявлено главное — связь между испугом и поведением человека.

Степень критичности

Однако затем встал и такой вопрос: почему среди тех, кто включил приемник не в начале передачи, кто не слышал объявления о спектакле, были такие, кто не испугался? Какие из всех психологических качеств и особенностей человека способствуют осознанию панической ситуации? Конечно, здесь можно назвать ощущение краха, подавленность, интроверсию, эгоцентризм и множество других нюансов, важных с психологической точки зрения. Но

паника все-таки возникла из-за ошибок в мышлении, которые мы хотели бы понять и которые могли бы помочь слушателям правильно оценить обстановку.

Изучая этот круг вопросов, исследователи пришли к выводу, что для адекватной, правильной оценки ситуации большое значение имеет способность критически осмысливать ситуацию или информацию, не принимать ее на веру. Эта способность в человеке развивается не в последнюю очередь благодаря образованию. Сравнивались люди с разным уровнем образования и разным экономическим статусом. Вывод один: люди низкого, среднего и высокого экономического достатка вели себя одинаково при более высоком уровне интеллекта. Имел значение также и возраст: более молодые чаще оказывались и более интеллектуальными; именно эта категория слушателей больше других оказалась способной понять, что передавался спектакль. Люди с низким экономическим положением и люди менее образованные, как правило, воспринимали пьесу в качестве репортажа о реальных событиях. Однако большое значение имел образовательный уровень: независимо от экономического положения менее образованные ошибались чаще.

Эти выводы авторы стремились сделать еще более точными, считая, что и образование не всегда срабатывало: две трети из тех, кто сумел понять, что передавали спектакль, оказались выпускниками высшей школы и половина из тех, кто не сумел понять этого или проверить информацию, оказались люди с высшим образованием.

И тем не менее высокая степень критически осмысливать ситуацию присуща людям с высоким уровнем интеллекта. И даже такой вывод не удовлетворил ученых окончательно. Они задались вопросом: почему же образованные люди значительно чаще, чем необразованные, могли понять, что это был спектакль? Большинство из них считало, что все это было слишком фантастичным для правды. При этом они опирались на определенные стандарты мышления, которые, по их мнению, были неопровержимыми.

«Я одновременно и верил, и не верил», — говорил один из опрошенных. «Какие-то факты в передаче казались мне вполне возможными. Но как только я услышал о чудовищах и их щупальцах — я тут же перестал верить».

«Все, что описывалось, сначала казалось допустимым, но когда стали передавать, что полезли чудовища — это уже воспринималось как фантастика, и мы поняли, что это рассказ».

Часть образованных слушателей владела специальными знаниями, чтобы правильно воспринять передачу. Кто-то читал роман

Герберта Уэллса, кто-то помнил артиста и драматурга Орсона Уэллса, который играл профессора Пирсона. Были и такие, кто знал наверняка, что в данном штате вообще нет такого количества вооруженных сил. Кто-то ехал как раз по этим местам, о которых шел рассказ, но никаких признаков катастрофы не обнаружил. Все это, по мнению ученых, должно свидетельствовать о том, что способность к критическому восприятию зависит либо вообще от умения отличать правду от неправды, либо от владения специальной информацией, которая считается достаточно надежной, чтобы на нее опираться.

Как вели себя в данной ситуации люди с высоким уровнем образованности?

- (1) Выглядывали на улицу.
- (2) Крутили ручку приемника, искали другие станции.
- (3) Звонили друзьям.
- (4) Проверляли радиопрограмму по газетам.

Самым характерным для данной группы людей было последнее — обращаться к газетам и проверять радиопрограмму. Этот факт, по мнению ученых, особенно характеризует их способность к критическому анализу обстановки: тут, по-видимому, подключаются особые психологические процессы и даже целая комбинация их, считают они.

У человека может быть предрасположенность сомневаться в информации, пока он сам ее не проверит и не убедится в ее правдивости, опираясь либо на имеющиеся у него знания, либо на внутреннее доверие к этой информации. Если же человек не способен ставить факты под сомнение, у него может оказаться достаточно знаний, помогающих правильно понять противоречивость полученной информации.

Однако способность к критическому анализу была не единственной причиной, помогавшей интеллектуальной части слушателей правильно разобраться в ситуации, когда большинство впало в панику. Эта способность, умение быстро понять ситуацию характеризовали людей с более высоким образовательным статусом, хотя были и исключения. Например, молодой выпускник вуза был сильно напуган, он не сообразил даже переключить приемник на другую станцию для проверки ситуации. При опросе этого выпускника социологи обнаружили следующие его свойства: он практически не читал книг, журналов, газет, по радио слушал только танцевальную легкую музыку. Примеров с такими людьми, которые формально окончили высшие учебные заведения, а на деле оказались малообразованными субъектами со слаборазвитой способностью критически мыслить, было достаточно.

Итак, с точки зрения исследователей, среди всех наиболее важных психологических качеств человека именно способность критически мыслить, критически анализировать является наиболее важной, чтобы в состоянии всеобщей паники человек сохранил самообладание. И тем не менее ученые отмечают, что эта способность не может застраховать человека от паники окончательно, потому что он может оказаться в такой ситуации, которая существенно снижает его способность критически мыслить.

Выделяются два типа ситуаций: при одном типе главную роль играют личностные особенности человека, при другом — та обстановка, в которой радиослушатель подключился к передаче.

Почему люди, окончившие одни и те же вузы, обладающие одинаково развитыми аналитическими и критическими способностями, порой поступают диаметрально противоположно? Эти сохраняют самообладание, те теряют голову. В последнем случае, по мнению исследователей, верх берут менее интеллектуальные черты личности, которые подрывают критическую способность человека.

Для проверки подобных гипотез ученые применяли многочисленные тесты, но наиболее адекватной и реалистичной авторы исследования считают методику американского социолога *Поля Лазарсфельда* (1901—1976), лучше других помогающую понять причину паники. По этой методике главное внимание уделялось исследованию личностных характеристик людей, поддавшихся панике. Подробно изучался интуитивный процесс, процесс возникновения впечатлений у людей. С ее помощью были выявлены следующие семь типов наиболее характерных особенностей у тех, кто поддался панике:

- (1) повышенное чувство опасности — социальной, экономической, психологической;
- (2) чувство страха — люди часто испытывают разные типы страха: страх смерти, страх войны, боязнь высоты, боязнь пересечь улицу, боязнь воды, шума, страх остаться в одиночестве дома, страх перед лестницей и т.д.;
- (3) высокая степень тревоги;
- (4) неуверенность в себе;
- (5) фатализм;
- (6) вера в конец света;
- (7) вера в Бога как в высшую силу, управляющую судьбами людей.

Все эти психологические особенности в значительной степени определяют склонность людей к панике. Так же, как и уровень образованности, они определенным образом влияли на реакцию людей на данную радиопередачу. Особый тип чувствительности чело-

века вызывал и особый тип реакции. Он является характерной чертой психологического портрета личности.

Исследования показали, что люди менее чувствительные, менее возбудимые смогли лучше ориентироваться в опасной обстановке. Отсюда сделан вывод: психологические особенности личности играют более важную роль, чем уровень ее образованности. При объяснении феномена паники такая особенность личности, как уровень эмоциональной возбудимости, является существенным фактором.

Даже высокоразвитая способность человека критически мыслить может оказаться бесполезной, если его эмоциональная возбудимость окажется настолько сильной, что помешает проявиться интеллектуальным способностям. В критических ситуациях огромная опасность, грозящая человеку или его близким, может настолько сильно возбудить его эмоциональную сферу, что его интеллектуальные способности не успеют подключиться.

В ходе изучения психологических, социальных, социально-психологических причин паники было обнаружено, что на поведение людей большое влияние оказывают самые разнообразные причины, условия, в которых они оказывались. Нельзя было обнаружить одну определенную причину. Незрелая способность критически мыслить, психологические и эмоциональные особенности людей приводили к тому, что они были более подвержены страху, панике, больше верили в разные чудеса.

У некоторых людей существуют строго определенные стандарты мышления, которые способствуют тому, что любая информация воспринимается ими как правда. Глубоко религиозные люди верят в том, что все происходящее — будь то нашествие с Марса, гибель людей и т.д. — «есть воля Бога». Другие под влиянием информации о начавшейся войне готовы поверить в нашествие любой враждебной силы — японцев, Гитлера, марсиан...

У части людей вообще нет стандартов мышления либо они ложны, и поэтому такие люди не могут найти нужного ответа на новую информацию или незнакомую ситуацию.

Недостаток информации, знаний, как и формальное образование, пишут авторы исследования, не способствует формированию у людей достаточно обобщенных стандартов мышления, которые могли бы им помочь ориентироваться в сложных социальных явлениях и ситуациях их жизни.

Авторы исследования высказывают убеждение в том, что строй мыслей людей, стандарты их суждений глубоко коренятся в характере культуры, в контексте которой они живут. Именно социальная среда формирует стандарты суждений, стандарты мышления. На

этой основе ученые делают вывод, что социальный климат в США осенью 1938 г. был особенно благоприятен для распространения паники, если сравнить его с 20-ми годами прошлого столетия или с «золотым» XIX веком.

Социально-экономическая ситуация в стране в это время действительно была напряженной. Длительный экономический спад, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, безусловно, влияли на психологическое состояние людей. Депрессия длилась уже десять лет, многие остались безработными. Что будет дальше — никто не знал. Таинственное нашествие с другой планеты соответствовало непредсказуемости событий этого десятилетия в жизни страны.

Отсутствие авторитетного мнения о возможности наступления стабильности в экономической и политической жизни нарушало у многих людей чувство психологического равновесия, заставляло их искать какие-нибудь надежные стандарты суждения — способы объяснения происходящего, когда и в собственной стране и во всем мире происходили события, на которые люди не только не могли оказывать влияния, но зачастую не могли их даже понять.

Шла война. Сложные идеологические, классовые и национальные противоречия вели к кризисам. Обстановка везде была весьма серьезной и мучительно сложной для понимания. И тут — сообщение по радио о нашествии с Марса. Это тоже невозможно было осознать — существовавшие у многих стандарты мышления не помогли...

Как правило, легче поддаются внушению и верят во все, что услышат, люди, не имеющие никаких стандартов мышления. Следовательно, среди тех, кто принял передачу за правду, выделяются люди, у которых:

- (1) мыслительные стандарты полностью совпадали со стандартами самой передачи;
- (2) стандарты мышления были ложными и мешали понять правду;
- (3) вообще отсутствовали стандарты мышления, поэтому они верили авторитету радио и вообще любой информации.

Таким образом, исследования показали, что для возникновения паники большое значение имели описанные выше психологические и интеллектуальные особенности людей, но не менее важную роль играла и обстановка в стране и в мире в целом.

Когда культура является стабильной, находится в состоянии равновесия, то это означает, что система ценностей и система норм данной культуры вполне соответствуют друг другу. Одновременно это означает, что система ценностей служит надежным ориентиром в сложном мире, в котором люди живут, что она помогает им удов-

летворять их потребности. Однако это идеальная модель. Чаще всего для большинства культур характерны настроения беспокойства, неудовлетворенности, разочарования, невозможности удовлетворить потребности людей, потому что если не для всех, то для какой-то части населения нормы данной культуры не дают возможности удовлетворить ни физические, ни психологические потребности. Поэтому система ценностей отдельных людей либо не соответствует принятым в данном обществе нормам, либо не дает человеку возможность понять, почему он не удовлетворен жизнью и вообще как ему быть.

В то время, когда произошла паника из-за радиопередачи, для многих людей была характерна растерянность, непонимание многих событий в стране и в мире. Со времени Великой депрессии 1929 г. множество людей не были уверены, что они когда-нибудь окажутся в состоянии экономической стабильности, защищенности. Сложность финансового положения страны, противоречивость экономических и политических программ, выдвинутых «специалистами», угроза фашизма и коммунизма, длительная безработица многих миллионов американцев, как и другие особенности жизни страны в тот период, создали такую ситуацию, которую большинство не понимало и на которую не могло ни повлиять, ни изменить ее, хотя многие события непосредственно касались жизни этих людей. Психологические последствия такого состояния — рождение глубокого страха и душевной нестабильности.

Американский институт общественного мнения задавал людям следующий вопрос: если вы потеряете место, сколько времени вы сможете прожить в состоянии безработицы? Ответы показали, что больше половины населения страны на такой случай материально не обеспечены. Однако их представление о собственном экономическом статусе оказалось неверным: только 6 % из них считали себя принадлежащими к низшим социально-экономическим слоям общества.

Опросы, связанные с радиопередачей, выявили, что непонимание экономической, политической и социальной ситуации у людей явилось также и причиной их неспособности отличить спектакль от реальности. Чаще всего оказывалось, что для более бедных людей характерны ложные стандарты суждений, независимо от уровня их образованности.

На вопрос интервьюеров: «Какие катастрофы могут угрожать американскому народу?» — 3/4 из группы испугавшихся и 1/2 из группы неиспугавшихся ответили: война и революция. Среди испугавшихся многие постоянно с ужасом думали о войне.

Исследователи отмечали и такой любопытный факт: среди испугавшихся были и такие люди, которых известие о нашествии

марсиан ввергло в радостное состояние, потому что это событие объединяло их с другими, они получали возможность вместе со всеми бороться за все то, что они боролись в одиночку, — за свои права, за привилегии, за идеи. Были и такие, которые радовались, что погибнут все вместе... Хотя таких примеров немного, но они, по мнению ученых, служат «зеркалом нашего времени»: такого не могло быть в обществе зрелой демократии, где каждый играет значительную социальную роль, где каждому гарантировано материальное благополучие — еда, кров. То есть передача о нашествии марсиан не могла вызвать панику в обществе, где люди имели более высокий уровень образования, где у них была работа, удовлетворяющая их.

Исследователи задавались и такими вопросами: почему испугавшиеся впадали в истерику, начинали рьяно молиться, звонить по телефону, мчаться на огромной скорости на машине, почему люди начинали плакать, будить спавших детей, убегать из дома? Почему из множества моделей поведения люди избрали «наиболее бесполезные» и ничего не делали, чтобы ликвидировать причину кризиса? Дело в том, считают ученые, что когда гибнут главные ценности в жизни человека, то он не видит смысла жить дальше, потому что эти ценности — часть его самого. Патриот скорее умрет, чем допустит, чтобы разгромили его страну, мученик за идею скорее сгорит на костре, чем отступится от идеи, а революционер перенесет все тяжкие страдания, но не предаст свои мечты о новом социальном порядке.

Необычное поведение людей в связи с радиопередачей было связано с угрозой их главным ценностям, ставшим частью человеческого «я», люди ощутили свое полное бессилие справиться с «марсианами». Под угрозой оказались все главные ценности. Избежать паники в такой ситуации было невозможно, заключают исследователи.

Когда же наконец правда была восстановлена, многие еще долго не могли успокоиться. Интерес к событию не утихал даже долгое время спустя.

В заключение авторы книги пишут, что, по данным исследований, корни паники коренятся глубже — они и в особенностях данной культуры, и в личностных характеристиках человека. Однако, по их мнению, выводы будут неверны, если не ответить на вопрос о социальном значении паники, поскольку в ней отражаются наиболее существенные противоречия культуры.

Паника оказалась особым заболеванием «социального тела». Установив диагноз этого «заболевания», необходимо также ответить на вопрос о том, как его преодолеть и исключить панику из жизни общества.

По-видимому, невозможно объяснить масштабы паники только тем, что передачу слушали преимущественно более бедные люди с невысоким уровнем образования. Больше оснований считать, что страх и тревога, выявленные паникой, скрыто присутствуют у громадного большинства населения, а не только у тех, кто слушал в тот вечер радиопередачу и поддался страху. Исследования показали, что большую роль в возникновении паники сыграл ужас перед страной, который усилился в стране летом и осенью 1938 г.

И тем не менее исследователи подчеркивают главенствующую роль в эмоционально-психической нестабильности, облегчающей панику, тех социально-экономических условий жизни, которые выпали на долю американцев — все это: и затянувшаяся безработица, и низкие доходы большинства семей американцев, и неуверенность в завтрашнем дне. Большинство живущих в таких условиях, не обеспеченных материально, обычно оказываются и лишенными образования и других социальных привилегий.

Если человек долгое время живет в обстановке неуверенности, непонимания причин своего состояния, то возникают условия для рождения чувства страха, усиливается психическая напряженность. Такие люди легко поддаются внушению. Вся методика манипуляции сознанием и психикой, которой пользовался Гитлер, свидетельствует о том, какое большое значение он придавал умению успокоить встревоженных людей. Если же они были недостаточно встревожены, то соответствующие механизмы пропаганды всегда могли поднять градус тревоги на нужную высоту...

Маловероятно, что люди были полностью невосприимчивы к пропаганде войны и диктатуры, пока экономические и идеологические причины порождают войны и диктатуру. Точно так же нет оснований рассчитывать, отмечают исследователи, на то, что большинство людей можно полностью оградить от панических ситуаций, пока существуют причины для страха.

В канун Второй мировой войны психологи, столкнувшиеся с чудовищами, которые живут внутри нас, еще надеялись на ресурсы психотерапии: можно, вероятно, освободить человека от навязчивых фантазий, от излишней эмоциональности, вразумить относительно неоправданности тревоги.

Понятие выживания

«Выживание» — это совокупность естественных процессов и реакций организма и произвольных действий индивида, делающих возможным продолжение его жизни в условиях, в которых он оказался, — как по зависящим, так и по не зависящим от него причи-

нам. Здесь важно различать повседневные, изо дня в день повторяющиеся и практически одинаковые для всех членов одного общества ситуации (совокупности условий и факторов), и особые, выходящие за пределы повседневности, в которых может оказаться каждый, но оказываются далеко не все»¹.

Окажите помощь пострадавшим. Захваченные случившимся, люди в первую очередь думают только о своем спасении. Но их судьба зависит от того, как поведут себя другие. Дух солидарности — великий спаситель. Напомню кадры из фильма Сергея Бондарчука «Судьба человека». Бойцы попали в плен к немцам, их разместили в церкви. Кругом стоны, страх, всеобщее замешательство. Врач, случайно поставивший на место вывихнутый сустав у соседа, неожиданно осознает, что его помощь может оказаться нужной и другим людям, и обращается ко всем, кому нужен врач. Помните, что своевременно оказанная медицинская помощь позволит предотвратить или снизить тяжелые последствия — телесные и душевные.

Используйте все средства связи для оповещения о бедствии. Большинство людей, потерпевших аварию или катастрофу, впадают в ступор. Они полагают, что их обязательно должны спасти, поскольку нередко регрессируют на инфантильные стадии психического развития. Взрослый, плачет как ребенок, но пытается воспользоваться сотовым телефоном или другими средствами для того, чтобы известить о бедствии не только родных, но и тех, кто действительно обязан своевременно придти на помощь. Включите радио, телевизор или другие средства общения. Известно, что в 1938 г. возникла паника, вызванная радиопостановкой «Война миров». Огромное число людей восприняли радиоспектакль как информацию о подлинных событиях. Когда позже психологи пытались понять, как возникло такое массовое замешательство, то выяснилось, что люди могли понять абсурдность своей паники, если бы взяли из ящика газеты, в которых ни о каком марсианском нашествии не было и речи.

Выполняйте рекомендации специалистов (спасателей и пожарных, медицинских работников, общественных лидеров. В условиях сумятицы действия отдельных людей могут показаться вам абсурдными, несвоевременными. Однако специалисты на самом деле владеют информацией, имеют нужные навыки. Не время обсуждать с ними правомерность тех или иных действий. На месте катастрофы должна господствовать полная дисциплина.

Слово «психопатология» — это не только синоним «болезни» с медицинской точки зрения и не «грех» с точки зрения религии.

¹ Бондырева С.К., Колесов Д.В. Выживание: факторы и механизмы. М., 2005. С. 5.

Эти понятия затуманивают наше представление о том, что могла бы *выразить* психика через свою патологию, они не позволяют признать, что патологизация — одно из характерных проявлений души. А между тем анализ составных частей слова «психопатология» выявляет его изначальное значение: смысл (logos) страданий (pathos) души (psyche). Греческое слово pathos означает способность приходить в движение или двигаться; по своей сути это «нечто происходящее». Pathos и страдания — не обязательно одно и то же, но страданием может быть одно из движений души. Джеймс Хиллман искусно перевернул это в «выстраданный душой смысл» посредством своей «психопатологии» душа говорит о своем состоянии и, возможно, о своих намерениях через симптомы, сновидения, фантазии и поведение; она делает это и в индивидуальном, и в социальном контексте.

В момент катастрофы людям трудно сохранить самообладание. Представим себе ситуацию в Беслане. Сколько пленников, школьников, родителей, учеников? Каков процент жертв? Выбрасывают цифры. Все ложные. Обезумевшая толпа несется через экран, ничего не понимая; растерянные родители не знают, живы ли их дети, дети ничего не знают о родителях, официальные лица нагло лгут, солдаты стреляют из огнеметов, из ручных пулеметов... по битком набитой школе.

Такого рода экстремальные ситуации стали привычными. «Мальчонка в сползающей на глаза каске, с желтой звездой на груди, подняв руки, выходит из какой-то дыры в варшавском гетто; объятая пламенем вьетнамская девчужка бежит от пожирающего ее напалма; далекие, но слишком похожие на людей точки выбрасываются из манхэттенских башен. Сегодня окровавленные и обезумевшие малыши в коротких штанишках пытаются спастись меж двух огней. Все эти свидетельства бездны будут преследовать меня до могилы»¹.

За многие тысячелетия человеческая психика выработала немало механизмов, которые выполняют функцию психологической защиты. Если бы этих механизмов не было, сознание человека не выдержало бы предельных нагрузок. Однако благодаря этим возможностям, человек способен вынести страшные испытания и сохранить себя. Но данные механизмы не являются панацеей. Сами по себе они порой тоже таят опасные для человека состояния. Благодаря механизму сублимации депрессия может смениться ощущением радости. Но и состояние эйфории таит в себе возможность новых сумеречных пе-

¹ Глюксманн А. Философия ненависти. М., 2006. С. 31.

реживаний. Проективный механизм позволяет снизить безмерную тяжесть горя, но в то же время он способен направить разрушительную энергию по иному, не всегда правомерному руслу. В условиях катастрофы человеку важно сохранить свою идентичность, иначе говоря, не потерять себя как личность. Но чудовищные события могут породить в психике людей ложные образы самих себя. Вот почему психологу важно знать, как и в каких условиях действуют эти механизмы, каковы следствия их активности.

Литература

1. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Выживание. Факторы и механизмы. М., 2005.
2. *Гуревич П.С.* Человек будущего: мифы и реальность. М., 1979.
3. *Глюксманн Андре.* Философия ненависти. М., 2006.
4. *Каган Моисей.* Метаморфозы бытия и небытия. Санкт-Петербург, 2006.
5. *Логос живого и герменевтика телесности.* М., 2005.
6. *Страх.* Страсти человеческие. Антология. М., 1998.

Вопросы для повторения

1. Объясните понятие «латентные тревоги».
2. Каким образом паника связана со стандартами мышления?
3. Что такое ментальный контекст?
4. Почему степень критичности способствует выживанию?
5. Что такое равновесие в культуре?

Темы рефератов

1. Страх и выживание.
2. Паника как феномен социальной психологии.
3. Ментальный контекст и стандарты мышления.
4. Феномен самообладания.
5. Стандарты мышления и паника.

Тема 15

Механизм сублимации

Как крепнет нравственность,
Когда слабеет плоть

Вильям Шекспир

Переключение психической энергии

В современной психологии сохранились алхимические термины: *ficatio*, *sublimation*, *projection*. А описание состояний алхимическими терминами было взято из лексики, которая используется в повседневной жизни: «соединить вместе» (*conjunction*), «разъединиться и распасться на части» (*dissolution*, *separation*), «ощущение гниения» (*putrefactio*), «закрепиться» (*ficatio*).

Сублимация (от лат. *sublimo* — возвышаю) — переключение психической энергии с одного состояния на другое; процесс, в ходе которого инстинктивные энергии переключаются в неинстинктивные формы поведения.

С помощью теории сублимации Зигмунд Фрейд пытался объяснить образование высших форм деятельности человека, связывая их с первичными сексуальными побуждениями. Сублимация происходит тогда, когда эти побуждения направлены на объекты или цели, не имеющие никакого отношения к сексуальной сфере, но обладающие решающим значением и ценностью для жизни человеческого рода.

При этом либидозная энергия остается количественно постоянной, но ее качество коренным образом меняется, потому что ее объекты и ее способы действия иные. Человеческая деятельность, по Фрейду, обусловлена сексуальными влечениями, которые требуют удовлетворения. Но всегда ли можно реализовать свои сексуальные побуждения? Разумеется, нет. В этом случае психическая энергия сублимируется, то есть преобразуется в какие-то иные формы.

Допустим, молодая мама осталась без мужа. Ее сексуальность не реализовалась. Запасы ее энергии требуют выхлопа. В этом случае она может перенести свою нежность на сына, разыгрывая с ним драматургию невоплощенной чувственности. Бессознательно, она будет рассматривать своего сына как сексуального партнера. Как же в этом случае она будет воспринимать появление молодой соперницы? Тут уж вряд ли можно ждать беспристрастности.

В той же мере мама может сублимировать свою чувственность в неприязненное отношение к дочери. Возможно, она бессозна-

тельно будет считать свое дитя виновницей ее собственного горя-злосчастья. А может быть, станет испытывать чувство зависти к молодой жизни. Наконец, психическая энергия способна выплеснуться в убеждение: именно она является идеальной матерью, благородной наставницей, достойным примером для подражания.

Суть механизма сублимации хорошо выразили И. Ильф и Е. Петров в рассказе «Колумб причаливает к берегу». Сатирический замысел состоит в том, что Колумб посылает письма королеве из современной Америки и при этом описывает нравы открытой им страны:

Меня поразил один обряд, который совершается каждый вечер в местности, называемой Бродвей. Большое число туземцев собирается в большой хижине, называемой бурлеск. Несколько туземок по очереди поднимаются на возвышение и под варварский грохот тамтамов и саксофонов постепенно снимают с себя одежды. Присутствующие бьют в ладоши, как дети. Когда женщина уже почти голая, а туземцы в зале накалены до последней степени, происходит самое непонятное в этом обряде: занавес почему-то опускается, и все расходятся по своим хижинам¹.

Термин «сублимация» первоначально содержал представление о превращении инстинктивного влечения в нечто социально значимое. Главным образом слово выражало превращение «догенитальных» влечений в несексуальные установки. По Фрейдю, причина навязчивого желания сдерживать свои чувства лежит в неспособности предаваться своим сексуальным страстям. Изначальная половая холодность (фригидность) также приписывается последствиям ранних сексуальных травм или кровосмесительных фиксаций, гомосексуальных наклонностей, садистских или мазохистских элементов. Причем последние рассматриваются как сексуальные по своей сути феномены.

Сексуальное влечение способно менять свою ближайшую цель на более высоко оцениваемую в обществе. Вот почему, по замечанию Шекспира, мы становимся нравственными, когда слабее плоть... Подавленная сексуальность находит воплощение в общественно значимых действиях. Она выступает во всеоружии моральной агрессивности, воспитательного пафоса, нравоучительной экзальтации.

В конце 50-х годов американское телевидение показало цикл передач для молодых родителей. В них демонстрировалось, как пеленать ребенка, как его кормить. Самые известные в стране специалисты давали советы молодоженам. Затем был проведен опрос

¹ Ильф И. и Петров Е. Собр. соч. в 4 т. М., 1961. Т. 3. С. 80—81.

аудитории, чтобы выявить популярность цикла. Оказалось, что многие родители вообще не имели представления о программе. Зато бездетные телезрители смотрели телеуроки с нарастающим увлечением. Именно те, у кого не было детей, с наслаждением пеленали младенца, играли с ним, приобщались к азбуке родительского чувства.

Пример с телевизионным циклом способен обескуражить самого увлеченного теоретика. Ведь подразумевалось, что тот, кто творит себе кумира, в меру сознателен, по крайней мере, отдает себе отчет в своих поступках. А тут обнаружилась совсем иная картина. Оказывается, зритель живет в мире интенсивной, неосознанной мотивации: он радуется и страдает, одержимый подавленными влечениями, желаниями, стремлениями. Именно эти побуждения, а вовсе не критическое мышление обуславливают его поступки.

Между тем на практике мы уже учитываем данные психоанализа. Когда полярники уходят в рейс, для них снимают специальные фильмы, которые рассказывают о детях, о семье: пусть там, в далеком одиночестве, в условиях сенсорного голодания (дефицита эмоций) они всматриваются в разные лица на экране. Так же поступает и служба психологической поддержки, провожающая в рейс космонавтов. Прибыв на место катастрофы, спасатели обязаны не только оказать первую помощь, но и позаботиться о том, чтобы люди, попавшие в бедствие, имели возможность, как можно скорее, переключить свою психологическую энергию в иное русло. Возможность позвонить близким, послушать легкую музыку, вызвать в памяти светлые образы — таков диапазон данного защитного механизма.

На уровне здравого смысла это было известно давно. Представим себе вдову, которая идет за гробом любимого человека. Она окаменела, застыла в своем горе. Кажется, все жизненные силы покинули ее... Люди, которые поддерживают ее, шепчут ей: «поплачь, дорогая!». Все знают, что слезы могут смягчить горе, поскольку и являются тем спусковым механизмом, который вводит в действие сублимацию.

Спасатели, прибывшие на место бедствия, работают в режиме цейтнота. У них мало времени. Прежде всего, нужно нейтрализовать тех, кто, как говорится, совсем потерял голову. Эти люди совсем обезумели. Они мчатся в самое пекло, суетятся в местах массового скопления, теряют чувство опасности. Их нужно успокоить, отвести от того, что угрожает их жизни, снять синдром панической суеты. Но есть и такие люди, которые впали в ступор. Они не мешают работе, не лезут под руку, не топчутся в особо аварийных

местах. Однако их психическое состояние тоже нуждается в переключении. Важно вывести этих людей из состояния коллапса. Длительное психическое онемение приводит к разрушению психики. Поэтому нельзя оставлять таких участников бедствия без внимания.

Помню в юности, когда я работал в Улан-Удэ, в здание нашего учреждения на всех порах ворвался трамвай, у которого отказали тормоза. Продвигаясь со значительного возвышения, трамвай, утратив управление, впечатал в стену трех прохожих, которые проходили мимо зданий в этот момент и, взломав постройку, остановился у стола одного из редакторов. Когда мы вытаскивали этого человека из под обломков, он был совершенно спокоен, невозмутим и отчужден. Убедившись в том, что его тело не пострадало, ему вызвали его родных и отправили домой. Однако через полчаса он появился на месте аварии и сказал: «Ребята, где-то тут должны быть мои галоши, я их тут оставил». Пострадавший все еще находился в состоянии ступора, из вагона вытаскивали фрагменты человеческих тел, из здания тащили раненых. А этот человек, который по счастью легко отделался, невозмутимо искал галоши. Кто-то прикрикнул на него, подтолкнул к переулку. Через несколько дней после аварии сотрудники убедились в том, что у редактора действительно поехала крыша. Осознав, что он мог оказаться жертвой, этот человек не сумел переключить свою психическую энергию в спасительное русло. Его потом долго лечили.

Часто на месте аварии спасатели говорят: «отойдите от пострадавших, им сейчас тяжело». Это, разумеется, верно. Нельзя перегружать психику подробностями бедствия, не следует дергать и без того обезумевших людей. Словом, в доме повешенного ни слова о веревке. Однако это только половина правды. Есть возможность помочь пострадавшим, «разгрузить» их психику, сублимировать состояние окоченелости, закрытости, цепкой фиксированности.

Феноменология художественного творчества

Механизм сублимации наиболее отчетливо проявился в художественной литературе, посвященной атомной бомбе. Художественное воссоздание огромного исторического опыта имеет много общего с преодолением. Деятели искусства могут применять к этому опыту их особые эстетические традиции и личные таланты, чтобы выявить новые способы «видения» этого [опыта] и придания этому опыту художественной формы. В Хиросиме или где-нибудь еще сложно оценить отношение между количеством или популярностью художественных произведений и степенью общественного преодоления, но важно, что эти работы оказываются особой формой групповой

психической реакции, и эта реакция может и отражаться в их достоинствах и недостатках, и подвергаться влиянию.

Самые существенные попытки — по качеству, количеству и общему влиянию — были сделаны в литературе и в кино. Можно заметить важные различия между художниками-хибакуся и нехибакуся, но также удивительно согласующиеся примеры, связанные с природой опыта бомбардировки и труднопреодолимых барьеров, которые она ставит перед всем воссозданием.

Различия между воспоминанием и вымышленными превращениями очень важно. Можно выделить литературную проблему, в которой бомбардировка представляется как «чужеродный объект, удаленный из человеческого существа», то есть своим технологически порожденным расстоянием. Выяснилось, что прошлые литературные методы ... не подходят для переживания бомбардировки». Если вы описываете атомную бомбардировку обычным способом — через персональное отношение — ваше описание мало отличается от описания других катаклизмов — таких, как обычные бомбардировки или землетрясения. Но писатели чувствуют, что значение атомной бомбардировки особенно ... и отлично от этих других катаклизмов. Но, тем не менее, они не способны найти способ донести до нас это особенное значение. ...

Так называемая «литература бомбардировки» была создана в основном из-за непосредственного чувства негодования, злости, ненависти и раскаяния. Но японские писатели пришли к выводу, что надо прекратить писать об атомной бомбе вообще. Они рассуждали так: что важно для нас, так это не смерть, а любовь, романтика, мир, счастье. ... Для писателей важно серьезно думать о любви и романтике ... чтобы постараться понять смысл жизни. Литература не должна использоваться для особых целей, ни политический, ни научных, а «литература бомбардировки» использовалась для особых целей. ... Эта просьба о «миролюбивой» литературе индивидуально материального опыта отчасти являлась реакцией на самосознательно «целеустремленную», даже манипулирующую тенденцию многого из того, что было написано ранее. Проблема, конечно, была в том, что ее предложение подошло близко к пропаганде полного игнорирования уникальной истории Хиросимы. В последующих оживленных дебатах некоторые писатели жестоко осудили ее «эскапистскую позицию», в то время как другие более осторожно признали слабость существования «литературы бомбардировки», но настояли на ее огромном значении. «Было сказано все, что может быть сказано о «литературе бомбардировки» ... но это необязательно ее произвело».

В качестве способа выхода из этого литературного и психологического тупика некоторые предложили, что хиросимские писатели не будут писать только о жертвах и «опишут бомбардировку с другой стороны», то есть со стороны тех, кто сбросил бомбу, и, возможно, обратят внимание на историю пилота, который «сошел с ума», имея в виду, что «вполне возможно, что если бы у японцев была атомная бомба, они бы ее использовали».

«Город трупов»: литературная охота

До своей смерти в декабре 1963 г. мисс Йоко Ёта была, наверное, самым известным японским производителем «литературы бомбардировки». Она писала о бомбардировке более или менее постоянно с момента, когда сама прошла через нее. Ее книги, включая «Город трупов», на который мы так часто ссылаемся, «Клочки людей» («Нинген ранру») и «Город и люди вечерней тишины» («Юнаги но мачи то хито») — все по существу воспоминания. Она не только завоевала несколько литературных премий за эти книги, но постоянно призывала к обсуждению проблем бомбардировки в средствах массовой информации, с сохранением японской тенденции носиться с известными писателями и делать из них знатоков.

Однажды упав, атомная бомба тем не менее стала доминировать в ее литературном воображении. В бесчувственном состоянии вывезенная из дома матерью и сестрой с серьезными ранами на лице и шее («Мое лицо было похоже на тыкву»), затем потрясенная тем, что она увидела, и некоторое время пребывавшая на грани жизни и смерти, она начала писать о «миссии выжившего» и смысле того, что осталась в живых: Чтобы восстановить ее чувство достоверности как писателя, мы можем сказать, что атомная бомбардировка оказала на нее освобождающее действие. Мы вспоминаем, как она была «счастлива начать чувствовать огонь души писателя в себе» через три месяца после бомбардировки, наряду с ее заметным допуском быть «злее к невежественному империализму, который пытался разрушить мою писательскую жизнь тем фактом, что Хиросима разрушена». Больше злятся из-за того, что создает внутренние конфликты и презрение к самому себе, и в то время, как атомная бомбардировка тоже делала это, она снабдила ее способами эмоционального и литературного очищения. То есть она как заставила ее страдать, так и избавила ее от прежнего унижительного стеснения, так что это очищение (как она также говорила нам ранее) могло помочь растворить ее горе.

Ее склонность писать об атомной бомбардировке еще более возросла под влиянием последующих смертей других выдающихся

«писателей бомбардировки», чувства, что «я единственная, кто остался», так что «Когда я пишу о чем-нибудь еще, а не об атомной бомбардировке, образ Хиросимы возвращается ко мне. Я не могу оставить его». Эти смерти в конце концов породили повторения [темы] ее выживания в бомбардировке. Продолжающееся «преимущество выжившего» наряду с тем, какое бы удовлетворение она не получала от того, что стала неоспоримой главой «писателей бомбардировки», простимулировало ее чувство вины и чувство избранности.

Другими словами, заключенная актуальность опыта бомбардировки не дала ей возможность начать свое воображаемое воссоздание. Психическая правда вымысла стала «ложью»; только литературная историческая правда может быть свободна от осквернения. Ее последующий комментарий, что «вымысел об атомной бомбардировке не интересен», возможно, был бы поддержан большинством критиков и читателей — по меньшей мере относительно большинства беллетристики, написанной до этого. Но когда она быстро добавила самоуничижительное высказывание — «У меня нет сил. ... Может быть, я просто неспособна» — можно почувствовать еще раз вторжение ее литературного суждения, убеждения, что вымышленный подход к бомбардировке не может быть опущен, насколько сложным бы это ей не казалось. Она начала показывать информированность, что еще нерешительные эмоции бомбардировки служат помехой ее способности писать:

Она, другими словами, поймана образом смерти, его тревожными внутренними вопросами, которые в ее случае задавались в литературные периоды: «Есть ли у меня право на воображение? Могу ли я что-нибудь сказать о том, подлинна ли смерть?» Ее растущее неудовлетворение подходом воспоминаний к «литературе бомбардировки» и ее неспособность развить другой несомненно способствовали ее «злости» на атомную бомбу.

Она чувствует себя частично поддерживаемой, используя прошлое, чтобы выражать свое чувство избранности так, что оно обещает ей некую форму творческого бессмертия. Но непрочность этого формулирования ее отношения к атомной бомбардировке обнаружилось в том, что она сказала сразу же после этого. Она заявила, что страдает от «вида невроза», который заставляет ее общее физическое состояние «улучшаться, когда мир кажется устремленным к миру», так что «если бы не было Корейской войны, я бы чувствовала себя лучше, чем сейчас». В то время, как без сомнения верно, что внутренние конфликты, вызванные опасностями войны, могли ухудшить ее состояние, мы подозреваем, что она также боролась с

«неупоминаемыми» ответными желаниями и внутренними темами насилия.

Она начала описывать типичное для хибакуся чувство слабости («Я чувствую, что наполовину больна — моя кровать всегда готова») наряду с предчувствием смерти: «Я всегда была страстным, активным человеком, но сейчас я чувствую, как жизненные силы уходят». Такие предчувствия могут быть следствием точного понимания физического и умственного угасания, и в то время, как мы не можем знать точно, насколько последствия бомбардировки связаны со смертью мисс Ёта, мы можем предположить, что ее смертельная (по всей видимости коронарная) болезнь была психосоматическим процессом, в котором виды конфликта, который мы обсуждали, сыграли важную роль. В любом случае, другие неизбежно связывали ее смерть, как и ее жизнь, с опытом бомбардировки.

«Чинкон»

Писатель-врач, о котором мы упоминали, испытывает аналогичные литературные и психологические трудности. Но в отличие от мисс Ёта, он оказался не способен писать о бомбардировке. Он тоже серьезно подвергался бомбардировке (однако без серьезных ранений и последствий облучения, перенесенных мисс Ёта). В его памяти хранились смерти семьи друга в его доме, его матери где-то еще и такого большого числа соседей, что его семья была единственной оставшейся невредимой в той области. Появившееся из-за этого чувство вины в смерти глубоко повлияло на его подход к литературе бомбардировки.

Чтобы избежать «оскорбления душ умерших», он желал «отложить этот вопрос до тех пор, пока я не смогу быть уверен, что я смогу описать самую его суть». Он дал понять, что что-либо меньшее не сможет осуществить его «миссию выжившего» и усилит его чувство вины. Он частично понимал (но только частично), что эти высокие стандарты могут вылиться в затянувшееся на неопределенные сроки литературное молчание по поводу бомбардировки. Тем временем, он продолжал сталкиваться с этой проблемой, но делал это настолько косвенно, беспокоясь по более важному поводу взаимоотношений живых и мертвых. Натолкнувшись на сборник стихотворений токийского поэта, который потерял одного из сыновей в Тихоокеанской войне (1941—1945), он был поражен его заголовком — «Чинкон», обозначающим Реквием, или Утешение душ:

Я обнаружил, что идея *Чинкона* имела для меня особое значение — во-первых, из-за чувства, что мне следует писать с целью утешить души умерших [в бомбардировке], и во-вторых, что мне

следует писать с целью утешить или успокоить нечто в моих мыслях. И это то, что я называю писать о бомбардировке для себя, нежели по какой-то причине.

Вытекающее из древней религии синто, родной для Японии, слово «чинкон» передает буддистское влияние, и первоначально обозначало церемонию облегчения души человека, находящегося между жизнью и смертью, чтобы достичь покоя — как убедив ее не покидать тело, так и возратить ее телу, если она уже покинула его.

Как и с обычаем предлагать воду умирающему (что иногда являлось частью чинкона), это было обозначением сохранения жизни как в действительной, так и в символической продолжительности. В более позднем использовании слово также означало успокоение или даже обуздание душ, которые потеряли покой, заблудших и опасных для живых — как в результате того, что оказались забытыми, так и того, что их владельцы умерли неестественной или жестокой смертью. Чинкон предлагает нежную атмосферу уважения и любви, и среди всех *сочетание непрерывной связи с мертвыми и мирное отделение от них.*

Идея чинкона становится для него путем к литературной достоверности, способом как осуществить свою миссию выжившего, так и поддерживать уместный тон психологического несопротивления. Через осознание продолжающейся ответственности перед умершими он может осуществить психологическую *«работу скорби»*: постепенно разделять себя и умерших способом постоянного акцентирования на своей большей с ними целостности:

Успокоение души отдельного человека снабжает его необходимым чувством значения и большей символической структуры, чтобы сформулировать внутри нее жизнь и смерть.

Сублимация в массовой культуре

Довольно банальные ситуации, эксплуатирующие естественные побуждения людей любить, ненавидеть, надеяться, кино- и телекритики расценивают как примитивные поделки массовой культуры. Но почему массовый зритель проливает слезы, отчего не видит постоянно возобновляемой схемы? Ответ элитарно настроенной критики прост: так поступают люди, лишенные подлинных духовных запросов, утонченного эстетического вкуса.

Однако проведенные на Западе эмпирические исследования постоянно обнаруживают странную противоречивость в поведении людей. Был задуман сложный эксперимент. Предстояло изучить телевизионные предпочтения «яйцеголовых» (так в соответствии с изжившей себя дисциплиной — френологией, определявшей умст-

венный и духовный потенциал человека по форме черепа, называли интеллектуалов). Их стали расспрашивать о телевизионных программах, стремясь выявить их отношение к развлекательным программам, показу насилия на экране, принудительной эротизации культуры, паранойе персонификации.

Интеллектуалы сказали свое слово. Они воздали по заслугам всем этим фантомасам и тарзанам, есениям и агентам 007. Но техника опроса позволяла проследить, что же сами «яйцеголовые» смотрят вечерами, чему отдают предпочтение. Оказалось, что, согласно контрольным экспериментам, именно эти непритязательные кино- и телегерои поглощают все вечернее время интеллектуалов, запланированное для умственных занятий. Высоко оценивая немногочисленные просветительские циклы, «яйцеголовые», как выяснилось, часто пренебрегали ими.

Как объяснить такое раздвоение мотива и поступка, оценки и предпочтения? Некоторые исследователи, например П. Лазарфельд, ссылались на престижные соображения, на желание многих зрителей скрыть духовную невзыскательность.

Такое объяснение имеет известные основания: в современном западном мире действительно господствует престижная символика, статусное потребление. Поэтому-то многие участники опросов искусственно завышали свои культурные запросы.

Однако только ли в этом дело? Ведь игра в возвышенные запросы велась зачастую неосознанно, в ходе анонимных опросов. Более того, как показывали дополнительные исследования, люди даже не замечали своего лицемерия. В сознательной жизни они оставались вполне логичными противниками псевдокультуры.

У некоторых психоаналитиков возникло подозрение: а не воспроизводят ли участники опросов готовые оценки, стереотипы «культурного человека», сложившиеся в современном обществе? Если так, тогда, может быть, все дело в природе клишированных духовных образований? Правда, излагая свои культурные пристрастия, читатели и зрители обнаруживали вкус, пытались последовательно обосновать свои предпочтения, что в значительной мере противоречило представлениям об упрощенности, трафаретности мышления опрашиваемых. Пример с телевизионным циклом, рассчитанным на молодых людей, вообще не укладывался в эти социологические версии: ни один человек, заполняя анкету, не заявил бы, что хочет пеленать воображаемого младенца. А между тем такая потребность в нем жила, она была подтверждена популярностью названной серии.

Откуда же возникает у людей готовность поклоняться избраннику, удовлетворять с помощью массовой продукции свои запросы?

Из действия некоторых объективных закономерностей психики. Дело в том, что психический мир человека обладает способностью менять свое состояние. Если бы психика человека не располагала таким адаптационным механизмом, она просто не выдержала бы огромной нагрузки.

Однако когда психологическое напряжение достигает пика, психика может переключать свою энергию в иное русло. Так проявляет свое действие механизм сублимации, позволяющей справиться, например, с кризисной ситуацией, переключить психику на иной «канал». Многие революционеры, ученые, находясь в тюрьме, обращались к творческой работе. Так родились, скажем, «Тюремные тетради» Антонио Грамши. Советский ученый Н.И. Вавилов, находившийся несколько лет в тюрьме, читал своим сокамерникам лекции по научным проблемам биологии и генетики. Надо ли напоминать о Сервантесе, написавшим в тюрьме «Дон-Кихота»?

Известен пример, когда один советский архитектор построил в горнячком городке Дом культуры для шахтеров. Разрабатывая его проект, он, вероятно, думал так: чего хочет прославленный угольщик после трудовой смены? Наверняка он хочет оказаться в родной атмосфере. Вот почему Дом напоминал шахту: свисали с потолка шахтерские лампочки, маячил на стене отбойный молоток... Все было бы хорошо, но рабочие не торопились в этот Дом культуры. В его архитектуре и внутреннем убранстве явно не были учтены сложные переживания психики шахтеров.

Когда немецкий философ и психоаналитик *Т. Адорно* (1903—1969) обнаружил эффект сложного сплетения любви и ненависти к телевизионным персонажам, он с горечью пришел к выводу, что выявленные им и другими исследователями закономерности телевизионного восприятия гарантируют телевидению неслыханные возможности манипулирования сознанием.

Вот, скажем, сенсационный успех так называемых мыльных опер. (Речь прежде всего идет о радиосериалах, в которых рассказывается о любовных приключениях, о криминальных историях, о бытовых драмах). В чем причина такого успеха? А дело в том, что американская женщина, проводив мужа в офис, обычно остается в одиночестве. Ей нужен сублимационный эффект. И вот психоаналитики подсказали радиомагнатам: в эти часы можно передавать спектакли, желательно серийные, в которых будут обыгрываться трогательные жизненные ситуации. Скажем, такая. Бедная, но добродетельная девушка работает в магазине. Однажды сюда случайно заходит сын миллионера. Молодые люди полюбили друг дру-

га, но сколько препятствий возникло на пути этого великолепного, всепроникающего чувства!

Эффект превзошел все ожидания. Радиослушательницы не только следили за судьбой радиогероев. Они подражали им. Если трогательная героиня вскользь проговаривалась, что моется мылом такой-то фирмы, то спрос на это мыло неслыханно возрастал. (Отсюда и название феномена — «мыльные оперы»). Спонсоры сами решали, какое мыло рекламировать. А оперы почему? Потому что по мелодраматическому эффекту сюжеты напоминали опереточные страсти.

Анализируя стереотипы телевидения, Адорно пришел к выводу, что эмпирическая психология, даже если она изучает механику политической мифологии, то есть явления заведомо иррациональные, все же обращается к человеку более или менее сознательному, способному размышлять, излагать свои доводы и соображения. Но как получить эмпирически достоверное знание о поступках или намерениях человека, если его поведение обусловлено совсем иными механизмами, неосознаваемыми процессами?

Т. Адорно показал, что духовная жизнь человека во многом определяется тиранией бессознательного. Он ищет в телевизионном зрелище не вечных истин, не повода для разворачивания аналитических способностей, не возможности глубоких художественных впечатлений. Он тянется к телезрелищу под действием психологических влечений. В этом факте и скрывается, по мнению Т. Адорно, тайна раздвоенности сознания, присущего человеку. Так, отвергая насилие в качестве мыслящего субъекта, рядовой зритель находит в экранных преступлениях привлекательное зрелище, искупительное освобождение от повседневных переживаний.

Монотонная, изматывающая повседневность постоянно порождает в человеке чувство неудовлетворенности. Многие его стремления, ожидания не сбываются и потому вытесняются в сферу бессознательного. Все это рождает потребность в фиктивном осуществлении рухнувших замыслов, в отвлечении от неприятной действительности. Иначе говоря, человеку нужна психологическая компенсация. Такую функцию выполняют многие телесериалы вроде «Богатые тоже плачут», «Рабыня Изаура», «Санта-Барбара» и др.

Человек на экране — вовсе не проходной персонаж. Он призван возбудить любовь или ненависть, а порой сложный комплекс противоречивых чувств. Например, психологическое напряжение, вызванное неудовлетворенной сексуальностью, может стать побудительным импульсом творческой фантазии. Потребность в злодеянии, переживаемая неким человеком, способна получить фиктивное воплощение, если он станет теленаблюдателем кровавого зрелища.

В отечественной литературе бытует такой стереотип: чем больше преступлений на экране, тем больше их становится в жизни. Однако такая непосредственная зависимость не установлена. Напротив, психологи, накопившие обширный объем эмпирических фактов, утверждают, что, когда на мерцающих квадратах идут детективные, криминальные спектакли, число преступлений снижается. Дурные наклонности, говоря языком психоаналитиков, сублимируются.

Телевизионное зрелище, по существу, эксплуатирует сублимационные эффекты. Например, господин Дюмон, средний буржуа, раз в месяц отправляется в театр. Это мероприятие для него все равно что сон наяву, мечта, компенсирующая неполноценность его существования. Господин Дюмон, женатый на уже немолодой особе, прекрасно знает, что никогда не окажется на необитаемом острове в обществе очаровательной и наивной девицы. Это приключение ему предлагает театр или экран. «Красивая жизнь» на экране нужна рядовому человеку, чтобы отвлечься от суровой действительности, ее горестей и потрясений. Захватывающие приключения, справедливое воздаяние, отмщение переключают психическую энергию с реальных переживаний, накопившихся раздражений, боли, досады на воображаемые. Механизм сублимации обеспечивает противоречивый ландшафт массовой культуры.

Эти представления получили свое оформление в обстоятельном анализе так называемого «авторитарного человека». Адорно исходит из того, что в современном мире сложился новый тип личности. Особенность его состоит в том, что ему присуща двойственность поведения, неискоренимая разорванность сознания. Человек испытывает настроения подавленности, одиночества, у него появляется потребность в грезде. Но взрывная психологическая реакция то и дело превращает этого тихоню в мятежника и психопата. Таким образом, два полюса современной массовой культуры непосредственно порождены природой современного человека, совокупностью присущих ему духовно-психологических черт.

К тому времени, когда складывалась концепция Адорно, массовая культура и в самом деле демонстрировала разительное сочетание двух фабул — сюжетов удачи, неслыханного возвышения, безоблачного счастья и преследования, преступления, мести. Массовая культура показывала причудливую смесь покорности и фанатизма, доброты и злодейства, всепрощения и садизма.

С одной стороны, выходили так называемые фотороманы, иллюстрированные журналы для домохозяек. Многие солидные издания из номера в номер стали печатать романы-приложения, которые рассказывали о похождениях светских красавиц, переодетых принцев, явившихся, чтобы осчастливить бедную падчерницу.

Скромная девушка из народа выходит замуж за миллионера, жалкий воришка становится всемогущим графом или князем, а совсем простой человек возносится в члены правительства — таковы излюбленные темы этих романов. Сюжеты галлюцинаторного счастья приобрели огромный тираж.

Вместе с тем эксплуатируя иные психологические механизмы, солидные издания печатали уголовную хронику, истории с преступлениями, насилием, описаниями пороков. Многие журналы специализировались на произведениях полицейского жанра. Выпускались серии и детективные новеллы, в которых повествовалось о кровавых событиях, изобличались бандиты и растлители, прославлялись ловкие мстители.

Итак, психический мир человека обладает способностью менять свое состояние. Если бы психика человека не располагала таким адаптационным механизмом, она просто не выдержала бы огромной нагрузки. Однако когда психическое напряжение достигает пика, психика может переключать свою энергию в иное русло. Так проявляет свое действие механизм сублимации, переключаящий психику на иной «канал».

История отечественного телевидения содержит пример, который, думаю, заслуживает того, чтобы его занесли в хрестоматию по психологии. В середине 60-х годов отечественное телевидение, которое имело три канала, получило еще один. Это означало, что можно создать еще одну, четвертую телевизионную программу. Встал вопрос о ее профиле. Велись дискуссии о том, на основе какой концепции определить облик этой программы. Одни предлагали сделать ее многонациональной, другие — спортивной, третьи — развлекательной...

Свою программную концепцию сформулировали и журналисты, получившие работу в штате четвертой телевизионной программы. Они решили сделать программу элитарной. В эти годы в нашей стране появились многочисленные исследования, которые третируют телевидение как массовое зрелище, обесценивающее высокие образцы художественной продукции. Создавая свою программную концепцию, работники четвертой программы исходили именно из этой посылки. Они предлагали сделать хотя бы одну программу средоточием высокой культуры, рассчитанной на высокообразованных зрителей.

Предполагалось, что люди, занимающиеся напряженным интеллектуальным трудом, захотят, чтобы с экрана звучала классическая музыка, философские и искусствоведческие материалы, художественные трактаты. Мы видели на экране профессора Московской

консерватории, которая рассказывала зрителям о гармонических изысках в симфониях Малера, слушали лекции об итальянском театре дель арте так, словно оказались в ГИТИСе. Мы слушали лекцию известного философа М. Мамардашвили о пролегоменах в работах Канта.

Формулируя свою концепцию, работники четвертой телевизионной программы не проявили интереса к психологическим закономерностям телевизионного зрелища. В частности, не учли того факта, что образованный человек отличается от менее образованного не только своими запросами, но также избирательным отношением к каналам информации. Неграмотный человек может воспринять радио как единственный источник информации. Напротив, культурный человек знает и о других каналах получения информации. Любитель музыки обращается к музыковедческим трудам, специалист по театру — к монографии Бояджиева, он интересуется театральными просмотрами, выставками. В телевидении же такой человек ищет того, чего нет в других каналах информации, — зрелища, развлечения, сублимационного эффекта.

Четвертая программа Центрального телевидения вышла в эфир в октябре 1967 г. Она принципиально отличалась от первой и второй по верстке и структуре, по содержанию и тактике, по формам подачи материала. Хотя адресность программы никем официально не была определена, однако при знакомстве с документами, в которых получила свое оформление идея новой программы, видно, что она была рассчитана на подготовленного зрителя.

Вот так определяли ее творцы программы:

Развивая культурно-просветительские традиции первой и второй программ, эта «телевизионная академия науки и техники, культуры и искусства» ставит своей целью широкую пропаганду научно-технических знаний и культурно-художественных ценностей, необходимых для воспитания широко образованной, гармонично развитой личности. Ввести зрителя в сокровищницу общественной мысли, в беспредельный мир научного поиска, познакомить с диалектикой природы и диалектикой общественных процессов, показать выдающиеся памятники материальной культуры и художественного творчества всех времен и народов, научить творить жизнь «по законам красоты» — такая необъятная, но увлекательная задача четвертой программы.

Однако социологические опросы, проведенные научной службой Гостелерадио, показали, что стремление редакции ориентироваться на самые образованные слои населения не оправдало себя. Программа стала пользоваться немалой популярностью, но не сре-

ди интеллигенции, а среди людей, имеющих средний образовательный ценз. Дело в том, что самые образованные зрители не стремились приобщиться к Канту или Бетховену с помощью экрана. Они пользовались другими источниками, и телевидение им было нужно совсем в ином качестве.

Этот эксперимент показывает, что механизм сублимации существенно влияет на избирательность программ, на восприятие передач. Зрители не могут пребывать постоянно в ситуации предельного интеллектуального напряжения. Поэтому даже самые образованные, отличающиеся высоким уровнем запросов, порой ищут переключения психической энергии, разрядки. Это и необходимо учитывать при определении программной политики.

Подлинная Хиросима

Подлинность может, по-видимому, быть найдена только в смерти и страдании, и Ногучи сталкивается со многими личностями и семьями, обреченными на смерть от рака или чего-то другого. Но он получает особенно детализированную документацию этой «подлинной Хиросимы» от членов общества Ивы, небольшой группы хибакуся, которые вместе были госпитализированы вскоре после бомбардировки. Хотя группа взяла имя из китайской поэмы, описывающей, как «чужеземная бита будет выпускать новые побеги», более видят своим названием обдуманное, но найденное «немного чрезмерным», название: клуб уродов. Большинство его членов внешне изуродованы: у одного «уродливый шрам, идущий от запястья вверх по всей руке» и три пальца, «отодвинутые на совершенно неестественное место»; у другого «руки, раздувшиеся так, что потеряли форму»; а у третьей, «Женщины с вуалью» «множество несмываемых синих пятен на лице». Ногучи получает приглашение присоединиться к группе во время одного из ее «выездов», поездки на корабле в ресторан на море. Еще раз осязаемая красота движения корабля на фоне великолепных водных путей Хиросимы становится фоном для беспощадных деталей подвержения бомбардировки, так как члены группы рассказывают свои истории для Ногучи. Эти истории, часто рассказываемые с непристойным юмором, выделяют повсеместность смущения, психологического и морального разрушения, сопровождаемого разрушением тел. Например, мы слышим, как «один из самых известных и состоятельных людей в Хиросиме» начинал, продавая ценные вещи с трупов.

Здесь смыслом является то, что это психическое разрушение не уничтожается, только покрывается. Члены общества Ивы также выражают более общие мнения об атомных бомбежках Америки. Использование оружия в Нагасаки осуждается как «чрезвычайно зло-

стное массовое убийство», и необходимость использования его в Хиросиме также ставится под вопрос: «Если они хотели показать свою силу, они могли сбросить ее в море или в горах». Без особого пристрастия любой из этих позиций, автор настойчиво предлагает общий тон остаточной горечи. Есть, тем не менее, одна тщательная спекуляция, которая предостерегает от японской уверенности в своей правоте:

Он позволяет себе фантазию (очень похожую на фантазию чешского писателя Карела Чапека в книге «На войне с саламандрами»), в которой люцианы, «жертвы жестокости японцев на протяжении столь многих поколений», восстают и мстят. Они справляются с человеческой речью так же, как и с оружием, и маршируют армией «как воины в старом романе «Сказки[а] Хейке», чтобы объявить войну «миру людей». Но вопреки тому, что он оказался так поражен лицемерием членов этого ленча, которые истязали красных люцианов «с таким удовольствием», несмотря на то, что сами являлись «жертвами человеческой жестокости», он не брезгает делать то же самое: «Когда он увидел голову большого красного люциана (его зубы обнажились), плавающую в его тарелке с супом, его аппетит был пробужден его большими, сонными глазами, несмотря на праздные фантазии, которые только что пришли ему в голову».

Человек, другими словами — пожиратель — не только живет ради сладкого вкуса своей жертвы, но и подстегивается — «возбуждается» — беспомощностью жертвы. Мягкий, бледно-розовый интерьер специального экспресса уже казался другим миром, далеким от Хиросимы.

В «Наследии дьявола», романе-воспоминании, Агава использует присутствие американцев и отношения людей к этому, чтобы описать огромное количество различных формулировок бомбардировки — некоторые прочные, некоторые эфемерные — на протяжении лет существовали в Хиросиме. Но у нас остается впечатление, что сила воображения талантливого писателя притупилась под влиянием необходимости подобрать литературные свидетельства ко всем аспектам катаклизма. Насколько богат роман в элементах психики — ярости, чувстве вины и мучительного отождествления — они не переходят в царство «иллюзий» или «мнимой» (психической) правды, достигаемого в некоторых из других его работ. Эта книга таким образом довольно далека от чувства господства, выражаемого как искренне осознанным вымыслом, так и мудро истолкованной правдой. Поэтому она служит проблемам дисбаланса, полученными как от японских, так и от американских читателей, оставаясь в то же время ценным документом бомбардировки.

Каков практический аспект механизма сублимации? Наша психика в процессе своего развития выработала защитный механизм, который позволяет переключить психическое напряжение в другое состояние. Это объективный процесс. Но здесь нужны осторожность и профессионализм. Представим себе, что толпа, вооруженная камнями и ружьями, продвигается к зданию с намерением «наказать там всех», кого она считает виновными. Еще мгновение и может случиться непоправимое. Что делать? Если вы станете на пути толпы и попытаетесь ее остановить, она способна уничтожить вас. Но если в первой шеренге толпы специально инкорпорированные в эту массу начнут печатать шаг, то остальные невольно в силу механизма подражания станут маршировать. Через определенное время можно организованно отвести толпу в безопасное место.

Литература

1. *Гуревич П.С.* Приключения имиджа. М., 1991.
2. *Гуревич П.С.* Философия культуры. М., 2001.
3. *Зыкова М.Н.* Фольклоротерапия: структурирование жизни через обряд. М., 2005.
4. *Додельцев Р.Ф.* Концепция культуры З. Фрейда. М., 1989.
5. *Паниотова Т.С.* Утопия в пространстве диалога культур. Ростов-на-Дону, 2004.
6. *Соловьев Э.М.* Прошлое толкует нас. Очерки по истории и философии культуры. М., 1991.

Вопросы для повторения

1. Как З. Фрейд толковал механизм сублимации?
2. Какова экспертиза массовой культуры в трактовке Т. Адорно?
3. В чем особенности проявления механизма сублимации в японской литературе после Хиросимы?
4. Каковы способы переключения психической энергии из одного состояния в другое?
5. Почему массовая культура обнаруживает живучесть и стойкость?
6. Как обнаруживают себя негативные следствия сублимации?

Темы рефератов

1. Защитные механизмы и их происхождение.
2. Алхимия и ее психологический язык.
3. Феномен сублимации в культурной практике.
4. Художественная литература как сублимативный феномен.
5. Использование механизма сублимации в ситуации бедствия.

Механизм проекции

Добро есть зло, зло есть добро,
Летим, вскочив на помело.

Уильям Шекспир

Перенос собственных состояний

Проекция — приписывание другому человеку своих собственных качеств, чувств и желаний. Мы склонны считать, что мир таков, каким мы его видим, что и люди таковы, какими мы их себе воображаем. Собственные мысли, чувства, переживания люди переносят на других людей. Проекцию в этом смысле можно рассматривать как переложение субъективного внутреннего содержания на внешний объект. Этот процесс имеет бессознательный характер. Он обнаруживает себя как спонтанный, а не волевой акт.

Итак, приписывание происходит бессознательно: человек, осуществляя проекцию (например, будучи жадным, заведомо считает столь же жадным своего делового партнера), совершенно уверен в том, что другой человек обладает этими качествами. Проекции могут быть позитивными и негативными. В первом случае человек предполагает наличие в другом положительных качеств или чувств, во втором — отрицательных.

Как свойство человеческой психики проекция в той или иной степени присуща всем людям. Она была подробно описана в психоанализе, а затем в других, более поздних направлениях психотерапии. Хотя еще раньше она была подмечена многими писателями и послужила толчком для создания комедийных персонажей, попадающих в нелепые ситуации из-за своих фантазий по поводу других людей. Например, герой пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба», испытывающий панический ужас перед созданием семьи, но все же наконец решившийся на этот шаг, спрашивает своего слугу: «Был ли ты у своего портного?.. А не спрашивал ли портной, зачем барину новый кафтан? Не говорил ли он, не собирается ли, мол, барин жениться?... Был ли ты у сапожника. Не спрашивал ли он, зачем барину вакса для сапог — не собирается ли барин жениться?» и т.д. Он проецирует свое отношение к женитьбе на всех остальных, полагая, что и для них это событие столь же значительно.

Примеры комических ситуаций подобного рода можно встретить в народных притчах и анекдотах. Многие из них психотера-

певты используют в своей работе с клиентами. Прекрасно иллюстрирует проекцию восточная притча о торговце и попугае, записанная современным немецким психотерапевтом Н. Пезешкяном. У восточного торговца был говорящий попугай. Однажды этот попугай опрокинул бутылку с маслом, торговец страшно разгневался и ударил его палкой по голове. С тех пор попугай разучился говорить, потерял перья на голове и совсем облысел. И вот однажды к торговцу вошел лысый покупатель. Его вид привел попугая в страшное волнение. Он затрепал, захлопал крыльями и проговорил: «Ты тоже опрокинул бутылку с маслом и получил подзатыльник? Вот почему у тебя теперь нет волос!».

Механизм проекции показывает, как раздражение или аффект, переживаемый кем-то, могут получить ложную направленность. Вспомним А.С. Грибоедова: «Ах! Этот человек всегда причиной мне ужасного расстройства!» Но действительно ли «этот субъект» служит подлинным источником тех или иных болезненных чувств? Или в силу различных психологических закономерностей в качестве виновника оказывается совсем другое лицо или обстоятельство?

Помните, у советского писателя И. Ильфа (1897—1937) в записной книжке рассказывалось о некоей старой деве, которая боялась выйти на улицу, потому что там мужчины.

«Почему же вы боитесь мужчин?» — спрашивают у нее. Ведь они одетые. На что она непременно отвечает: «Да, но под одеждой они голые. Вы меня не собьете...» Старая дева, одолеваемая эротическими видениями, приписывает их другим людям, Ханжа обвиняет всех в распущенности. Тайный растлитель подозревает, что все люди таковы. Основываясь на проекции, человек создает сложную сеть взаимоотношений, которая часто не имеет ничего общего с самой действительностью. Однако данный механизм, несмотря на свою иллюзорность, облегчает межличностные отношения.

В какой-то мере проекция создает определенное удобство человеку, защищая его от неприятных переживаний. Ведь, скажем, считать виновником собственных неудач кого-то другого гораздо спокойнее, чем признать существование не слишком симпатичных свойств характера в себе самом. Кроме того, всегда существует соблазн переложить ответственность за свои огрехи на кого-нибудь другого. А вот для того чтобы избавиться от своих проблем, нужно прежде всего признать собственное несовершенство. Об этом рассказывается в притче «Грязные гнезда». Один голубь постоянно менял гнезда, поскольку от каждого из них исходил неприятный, острый запах, невыносимый для его тонких чувств. Как-то раз он с горечью пожаловался на это мудрому старому голубю. Тот все ки-

вал головой и наконец сказал: «Оттого, что ты постоянно меняешь гнезда, ничего не изменится. Запах, который тебе мешает, идет не от гнезд, а от тебя самого». Это пример негативной проекции. Но и в случае позитивной проекции вполне возможны ситуации, столь же анекдотичные для сторонних наблюдателей, сколь печальные для их участников. Вот еще одна притча. Одна пожилая супружеская пара праздновала золотую свадьбу. За завтраком жена подумала: «Вот уже пятьдесят лет я стараюсь угодить своему мужу. Я всегда отдавала ему верхнюю половинку хлеба с хрустящей корочкой. Но сегодня я хочу, чтобы этот деликатес достался мне». Она намазала себе маслом верхнюю половину хлеба, а другую отдала мужу. К ее огромному удивлению, он очень обрадовался, поцеловал ей руку и сказал: «Моя дорогая, ты доставила мне большую радость. Вот уже более пятидесяти лет я не ел нижнюю половину хлеба, ту, которую я больше всего люблю. Я всегда думал, что она всегда должна доставаться тебе, потому что ты так ее любишь». Как часто человек полагает, что его близкие любят то же, что и он, даже не догадываясь спросить их об этом! Более того, он проецирует на них свое хорошее отношение к чему-либо и от всей души старается им угодить, нередко встречая совершенно неожиданную для себя реакцию.

Иногда бывает так, что человек проецирует на кого-то другого не отдельное свойство характера или отношение, а целый образ, например, собственное представление о «друге», «муже», «ребенке» и т.д. Он бессознательно рисует в своем воображении этот образ (как правило, на его сознание влияют рассказы родителей или друзей о том, какими должны быть «друг», «жена» и т.д., а также художественные произведения, кинофильмы), а затем «видит» в окружающих людях не реальных людей, а нарисованные им образы. В результате у человека возникают неоправданные ожидания и надежды в отношении этих людей. О таком виде проекции хорошо говорится в анекдоте про одного художника. Однажды его спросили:

— Как вы поступаете, когда вам нравится человек?

— Я пишу его портрет и стараюсь, чтобы он походил на него, — ответил художник.

— Кто портрет?

— Нет, человек...

Осознание проекций, отделение собственных образов, чувств и отношений от реальных людей в психотерапии называют снятием (или возвращением) проекции. На это направлена значительная часть психотерапевтической работы. Знакомство с собственным бессознательным, его образами и фантазиями, понимание проис-

хождения и смысла негативных чувств и переживаний позволяют человеку глубже осознать свою ответственность за собственную жизнь, а не перекладывать ее на других, помогать более реалистично строить взаимоотношения с окружающими.

Любое идеологически ангажированное искусство стремится персонифицировать «пагубную силу», воплощая ее в образе конкретного человека или абстрактной сущности (дьявол, враг). Действительно, телевизионное зрелище нередко направляет психологическое напряжение по ложному адресу. В этом смысле средневековые судилища над «ведьмами» или политические процессы времен маккартизма в Америке, отраженные в телевизионных передачах, эксплуатировали одни и те же пружины психической жизни людей.

«Мы» и «они»

В нацистской Германии было немало причин для общественно-неудовольствия. Гитлер персонифицировал зло, он назвал виновниками всех болезненных процессов, происходящих в стране, евреев и коммунистов. Анализ его политических речей показывает, что, назвав однажды своих антиподов, он обычно говорил о них, прибегая к местоимению «они». «Они — вы знаете, о ком я говорю» — вот излюбленная форма фюрера, которая неизменно вызывала реакцию аудитории... «Знаем» — кричала в ответ возбужденная толпа.

«Поиск» такого рода позволяет пережившему хоть на время перестать чувствовать себя жертвой, превратив в жертву другого, но в конечном счете это лишь усугубляет его внутренние конфликты. Среди бывших узников нацистских лагерей отмечалось сильное возмущение против католической церкви, лидеров еврейских организаций и союзных держав, не сделавших ничего для предотвращения массовых убийств. Оставляя в стороне вопрос об их действительности ответственности, можно отметить, что поиск виновных при этом превращался в погоню за «козлами отпущения». Таким образом, ненависть направлялась в первую очередь не против прямых виновников — нацистов.

Американский президент Р. Рейган, искавший социальную базу для неоконсервативной программы в период первого президентского марафона, объявил носителями зла безработных. В самом деле, безработный жил в Америке той поры неплохо и вообще не перебивался с хлеба на кока-колу. В результате в американском обществе сформировался определенный социальный слой людей, которые сошли с дороги потребительской гонки. Обращаясь к избирателям, которым приходилось нести бремя социальных расходов, Р. Рейган избличал тех, кто, пользуясь общественным пирогом, не участво-

вал в процессе его создания. А ведь такое поведение противно духу капиталистического общества, где ценность представляют инициативные, предприимчивые.

Телевидение США мгновенно подхватило эту установку политического лидера. В спектаклях появились персонажи безработных, воплощающих в себе все пороки бездельников. Обозревая телевизионную продукцию тех лет, американские социологи подчеркивали: Америка не может обеспечить былую динамичность развития из-за безработных... Так работал механизм проекции. Политическому деятелю удалось переключить психическую энергию и пустить ее по ложному руслу. Режим объявил войну социальной сфере. Начался курс, который получил название «неоконсерватизм». Имелось в виду возрождение ценностей раннего капитализма — инициативности, предприимчивости, высокой ответственности.

А вот еще пример из американской действительности. В Америке получила распространение расистская пропаганда. Некоторые политики утверждали, что США — страна предельного динамизма. Однако в ней живут негры, пуэрториканцы, которые олицетворяют собой отсталость, нежелание пристроиться к темпу перемен. Так общественное негодование было перенесено на определенные слои населения, якобы ответственные за то, что в Америке возникли некоторые трудности.

С началом перестройки в нашей стране тоже чрезвычайно активизировались поиски «виновных» в серьезных трудностях ее развития. Одни в числе таких называли диссидентов, другие — коммунистов (большевиков), третьи — империалистов и т.д. Первые годы реформ породили новых «виновных»: у одних ими оказались «краснокоричневые», у других — «демократы», у третьих — «национал-фашисты».

Перемены, которые произошли в нашей стране, освободив общество от оков показного единомыслия, активизировали и группы, взявшие на вооружение механизм проекции. Нашли виновников всех наших бед сторонники «Памяти», небезызвестная Нина Андреева, не поступаясь принципами, указала отступников, у которых чуть ли не в генах заложено неприятие социалистических ценностей. Рост национального самосознания в республиках кто-то попытался представить как злой рок в виде националистов, «штурмовиков». Быстро отыскались «злые гении» и в речах г-на Жириновского.

В пору стремительного развития телевидения американские телезрители полюбили серии мультипликаций, главным героем которых был мышонки Микки Маус. В начале фантастической серии мышонку все время не везло. Всюду его подстерегали невероятные опасности. Но однажды, совершенно случайно, Микки отведал не-

кого снадобья, придающего необыкновенную силу. С тех пор все изменилось. Обретя могущество, он стал верным защитником всех гонимых и обездоленных. Разглядев с небесной высоты какое-нибудь бедствие, Микки, точно метеор, обрушивался на злодеев, спасая жертву в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях.

В этих сериях обыгрывался нехитрый набор однотипных ситуаций. Лукавые коты, кровожадные волки получали по заслугам каждый раз, как только намеревались обидеть мышат или овец. В каждой программе действие достигало остроты за счет одного и того же приема: злоумышленники были предельно близки к своей цели, но вездесущий Маус...Однако, несмотря на стереотипность образов и сюжетов, зрители не могли оторваться от зрелища¹.

Картины справедливой мести, заслуженного воздаяния доставляют аудитории острое чувство возбуждения и радости, заставляют переживать за гонимых и злорадно торжествовать над наказанным притеснителем.

Когда Т. Адорно обнаружил эффект сложного сплетения любви и ненависти к телевизионным персонажам, он с горечью пришел к выводу, что выявленные им и другими исследователями закономерности культурной продукции гарантируют неслыханные возможности для манипулирования сознанием. Если поведение человека определяется неконтролируемыми зонами психики, то манипулятор, минуя порог сознательности, может потакать стихийно складывающимся побуждениям, вызывать потребность в определенных наркотических эффектах и т.д.

Эксплуатация подавленных стремлений, массовое обслуживание фантазий, возникающих в голове человека, фабрикация иллюзий, утверждал Адорно, страшны не тем, что опираются на бессознательные пласты психики. Беда в том, что в повседневной реальности немотивированные поступки воспринимаются зрителями и читателями, социологами-эмпириками как следствие обдуманного решения, принятого индивидом. Таким образом, массовая культура не только деформирует представления аудитории, не только насаждает псевдокультуру. Она искажает, разрушает внутренний мир человека. Манипуляторы систематически имитируют сознательную жизнь личности, выдавая предрассудок за рассудок, аффект за трезвый выбор, немотивированный поступок за акт общественной зрелости. Все это и порождает, как полагал Адорно, самое трагическое следствие — разрушение духовности, которое, как он отмечал, сопутствует всей современной культуре.

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

Определенная заслуга Адорно состояла в том, что он пытался показать объективный характер многих явлений, связанных с манипуляторством. Он стремился, в частности, доказать, что в основе описанных процессов лежат социально-психологические механизмы.

Как видим, проекция может быть и общей причиной враждебности и единственным источником жизненной энергии.

В экстремальной ситуации может обнаружиться паранойя выживания, при которой выживший развивает психотический механизм проекции, направленной против «внешних врагов». В конечном счете это отчаянное магическое средство утвердить свою жизненную силу преодолением страха смерти и психического омертвения.

В целом паранойю можно считать все же более высокой формой адаптации в условиях катастрофы, нежели шизофрению. В Хиросиме близкие к параноидным реакции в ряде случаев могли служить средством защиты от одержимости страхом смерти или тяжелых форм психического омертвения.

Непохожее надо уничтожить...

В конце прошлого века философы и психологи сделали поразительное открытие: оказывается, развитию человечества мешают мировые религии. Величайшая догадка просветителя Иоганна Гердера о единой судьбе всех народов натолкнулась на рифы. В начале 70-х годов группа членов Римского клуба сделала специальные доклад о том, как внутренне соприродны друг другу различные религии. Заговорили о грандиозных кросскультурных контактах, о поисках межрелигиозного вселенского диалога. Но завершилось все это совершенно иным предположением: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию. «Непохожее надо уничтожить...» это фраза из романа отечественного писателя Александра Мелихова, со статьи которого и началась полемика в «Литературной газете».

Если до сих пор, начиная с эпохи Возрождения, развивался процесс секуляризации, то сейчас маятник качнулся в другую сторону. Расколдованный («разволшебствованный», по слову Макса Вебера) мир двинулся в сторону набожности. Начался «реванш богов» — именно так социологи назвали этот феномен. Взметнулась критика рационалистической традиции, возник обостренный интерес к вере.

Религиозный бум вовсе не сопряжен с экуменическими тенденциями. Он происходит в форме рехристианизации, реиндуизации и реисламизации мира. Рождаются мощные фундаменталистские

движения. Их природа оказалась двойственной. С одной стороны, фундаментализм апеллирует к традиции и, опираясь на нее, развенчивает прогрессистские иллюзии. С другой стороны, он предполагает не столько разматывание назад витков исторической спирали, сколько движение нового социального идеала.

Европа затрепетала от исламской угрозы. Восток возвестил кончину белой расы в исторической перспективе. Громко заявил о себе афроцентризм. Поэтизация расы нашла отражение в стремлении Японии вернуться в Азию, в «индуизации» Индии, в реисламизации Ближнего Востока. Американский социолог Самуэл Хантингтон предупредил человечество о том, что в современном мире грядет противоборство цивилизаций, вскормленных различными религиями. Взаимовлияние культур, которое Арнольд Тойнби называл «радиацией культуры», а Николай Данилевский — «почвенным удобрением», исчерпало себя. Теперь — отторжение.

В Древнем мире существовало многобожие. Потом возникли мировые религии, которые объединяли людей независимо от этнических, языковых или политических связей. Сегодня существует множество верований. Порой они эксцентричны, странны. В них подчас сплетены богомольные представления, заимствованные из разных религий.

Неужели все это призвано разъединять людей и даже спровоцировать их истребление? А ведь религия издревле считалась явлением мировой культуры. Философы всегда подчеркивали, что религия — это переворот в духовном развитии человечества. Религиозные верования отразились в многочисленных произведениях искусства. Религиозные культы оказали огромное воздействие на архитектуру, живопись, музыку. Весьма значительно влияние религии на мораль. Карл Ясперс называл рождение религий «духовной осью» человечества.

Немецкий философ и просветитель XVIII в. Готхольд Лессинг считал, что нравственный прогресс человечества соотносится с чередованием религий. Исторические эпохи, сменяя друг друга, разворачивают картину человеческого восхождения. По мнению мыслителя, своеобразными вехами в истории культуры, этапами развития человеческого рода стали язычество, иудаизм и христианство. Разумеется, просветитель рассуждал только о европейской истории. Но его мысль о постепенном возвращении морали, терпеливом продвижении к высшим ступеням духа не утратила глубинного смысла.

Неужели культуры, одухотворенные Божьим словом, обречены на конфликт и фатальное разъединение? Действительно ли мировые религии могут расколоть человечество? Попробуем взглянуть на проблему глазами психолога, чтобы через анализ психологических

механизмов понять, откуда берется образ врага, который принял сегодня зловещие формы?

Ни отдельный человек, ни культура в целом не могут существовать без ощущения своей тождественности. Глубинная, трудноуловимая потребность человека — воспринять свои корни, свою почву, прочность уз, связывающих его с другими людьми. Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, оказывается просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл человеческого бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая давала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образом.

Впервые такого рода механизм был рассмотрен в психологической концепции Зигмунда Фрейда, возникшей на основе психопатологического наблюдения, а затем распространенной на «нормальную» духовную жизнь. Фрейд рассматривал идентификацию как попытку ребенка (или слабого человека) перенять силу отца, матери (или лидера) и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью.

Современные исследования позволяют значительно расширить представление об этом механизме. Мир человеческих переживаний чрезвычайно сложен. В основе таких эмоциональных состояний, как любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто, неизменно предполагающий взгляд не только на себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому характеру своего проявления «открыты», направлены на другой объект.

То же самое относится и к культуре. Каждая из них пытается выразить собственное ценностно-смысловое содержание, осознать себя как некую особость. При этом рождается понятная отстраненность от тех, кто воспринимает мир, демонстрирует некие специфические черты. Как относиться к этой непохожести? Можно принять ее в качестве уникального, непостижимого. Можно увидеть иное глазами «гражданина мира» — как свидетельство разнообразия бытия.

Но можно принять и другой ход мысли. Платон считал, что варвары являются естественными врагами греков и с ними нужно вести борьбу вплоть до полного их порабощения. Аристотель полагал, что варваров следует оценивать как рабов по природе. Не испытывали ли язычники неизъяснимое блаженство, когда первых христиан, завернутых в промасленные ткани, превращали в пылающие факелы? Непохожее надо уничтожить...

Противопоставление, построенное по схеме «мы» и «они», — одно из древнейших. Сталкиваясь с другим жизненным укладом, другими традициями, непонятными нравами, люди культуры сопос-

тавляли все это с тем, что принято у них самих, и нередко агрессивно отвергали. Это иное заслуживало осуждения и искоренения. Манихеи учили, что мир изначально разъединен. Свое — это мир света, чужое — мир тьмы. Противостояние фатально...

Культурно-историческая перспектива показывает: все, что способно вызвать в конкретной культуре ненависть и неприятие, нередко оказывается проекцией собственных вытесненных представлений и чувств. Максимилиан Волошин пишет о средневековых кострах, которые «пылали вдохновенно», «очищая от одержимости и ересей заблудшие, мятущиеся души». Но где исток немислимой враждебности и неприязни к «ведьмам», «колдунам», «дьявольским прислужникам»? Вот что сказано у Волошина:

Душа в борьбе и муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.

Уже в Средние века «образ врага» был поставлен на поток. Он лепился истоиво, с использованием всех вытесненных влечений и враждебных импульсов. Ведь вождь протестантизма, по заключению Эриха Фромма, был авторитарной личностью. Чем обусловлена его безмерная ненависть к католицизму? Раздвоенностью натуры. Он ненавидел других, особенно «чернь», презирал себя, отвергал жизнь, и из этой ненависти выросло страстное и отчаянное стремление быть любимым. Вся его жизнь прошла в непрерывных сомнениях, во внутренней изоляции. На такой почве он смог стать глашатаем тех социальных сил, которые находились в аналогичном психологическом состоянии, — несли сокрушительный заряд неприязни.

После эпохи Ренессанса элитарное отвержение плебса выразилось в фигуре лапотника, смерда, холопа, рекрута «восстания масс». Идеологически ангажированная пропаганда стремилась персонафицировать «пагубную силу», воплощая ее в образе конкретного человека, массы или абстрактной сущности.

Теперь мало кто помнит, что слова «Враг жесток и неумолим» принадлежали Сталину. Он был подлинным маэстро в фабрикации врагов. Многоликий и неусыпный, враг взрывал заводы, отравлял колодцы, продавался империалистам. Нужна была предельная бдительность, чтобы узнать гада под маской. И эту бдительность возвращали в стране в немислимой концентрации.

Может ли общество существовать без лепки образа врага? Есть ли у человечества другие способы консолидации мыслей и чувств людей? Конечно, есть. Но, может быть, уже поздно нейтрализовать реальные психологические законы. Отработаны социальные техно-

логии, развернута индустрия имиджейкерства, созданы затейливые персонификации зла. Мир вряд ли может обойтись без исламской угрозы, без тоталитарных сект, без олигархов, на которых можно списать собственные просчеты...

Но ведь одна персонификация рождает другую. Демократы шли к власти, страшая реваншем коммунизма, современные государственники из всех сил старались вылепить злокозненный образ «дерьмократа». Сегодня звучат смехотворные заявления о том, что именно олигархи развалили армию... «Злые чечены», иноверцы, шахидки, проклятые фундаменталисты — спектр ненависти безграничен. Надо только вовремя канализировать общественное возмущение в общественное русло.

Возьмем, для примера, православных фундаменталистов. Некоторые из них иступлено доказывают, что правильно славят Бога только они. Разумеется, вера требует стойкости и ясности. Но надо ли при этом изобличать другие религии, доказывая их «чуждость» человеческой природе или культуре в целом. Читаем у ректора Санкт-Петербургской духовной академии епископа Константина:

Высокая правда христианства в том, что война для нас — явление столько ненормальное, как и грех, который так же, как и война, изначально присутствует в человеческой природе, начиная с сыновей Адама и Евы. В исламе же, зарождавшемся много позже других религий и именно как религия агрессии, война рассматривается как добродетель. Отсюда и пресловутые «восточные» зверства. Мало убить противника или взять в плен, нужно живот распороть, голову отрезать, произвести еще какое-нибудь садистское действие. И все это оправдывается практической этикой.

Характеризовать ислам, мировую религию, как религию агрессии, толковать о «восточных» зверствах... Разве поборник ислама не может нарисовать упрощенный образ христианства, памятуя о том, допустим, что воины Древней Руси шли на Куликово поле под знаменем Спаса Ярое Око с благословлением Сергея Радонежского? Напомнить о войнах в Афганистане или Чечне?

XX век вошел в историю философии как столетие концепции диалога, полифонии...Мы говорим сегодня о мире человеческих окликаный. Человеческое бытие хрупко, но стойкость его зависит от душевной или умственной отзывчивости. Услышать голос! Далекий, чуждый, и, возможно, неслышный. Выйти в мир другой человеческой вселенной. Ощутить посторонний голос как особую точку зрения. Как все это несовместимо с давней традицией вынашивания образа врага, меняющего свои лики, но возрождаемого в плодоносящем лоне.

Образ врага

Поиск врага — это действие механизма проекции. В США один из наиболее популярных ведущих прогнозов погоды остался без работы. Его «ушли» из-за того, что он на полном серьезе утверждал, будто ураган «Катрина», смывший Новый Орлеан, был инициирован еще старыми работами советских специалистов.

В современной психиатрии уже отмечалась связь параноидных реакций с предшествующей им «виктимизацией». Существенна внутренняя связь паранойи с депрессией, а через нее — вновь с темой оплакивания. Агрессивные импульсы, которые параноик проецирует во вне, в состоянии депрессии замыкаются на собственном «Я»

Склонности к самоубийству в состоянии депрессии отвечают убийства или фантазии о них при паранойе. Опасность смерти от истощения при тяжелой депрессии и отказ от пищи при слабых ее формах исходит из того же представления о «ложной опеке» или «отравленной помощи».

Отмечено, что при острых реакциях горя легко возникает ненависть к определенным лицам (зародыш ее во враждебных чувствах, которые обычно испытывает плакальщик к окружающим за ее равнодушие). «Нарушенное оплакивание» само способно проложить путь к паранойе. Р. Лифтон ссылается на случай, описанный Р. Куном и ставший уже классическим в экзистенциальной психиатрии, на котором показывается, как неизжитое прежнее горе может вести к убийству¹, причем та же мысль уже высказывалась Р. Рильке в одной из его поэм.

К тому же кругу относится нередкая фантазия параноика в том, что он остался единственным живым человеком на земле, что, впрочем, замечает Р. Лифтон, было в Хиросиме не так уж далеко от истины.

В редких случаях опыт «прохождения через смерть» способен усилить чувство собственной неуязвимости. Выживший начинает гордиться своим «знанием», недоступным для прочих людей (гибрис — гордыня, высокомерие — выживания). В таких случаях (например, среди активистов борьбы за мир) «хибакуся» окружают себя ореолом духовной элиты, «познавшей смерть» и вернувшейся, чтобы научить других людей властвовать над ней. При этом переживший как бы становится персонажем универсального мифа о герое, победившем смерть, прошедшем через ряд испытаний и возвратившемся к народу, чтобы стать его избавителем (Здесь Р. Лиф-

¹ См. Existence. Coll. by Rollo May. N.Y. 1960.

тон ссылается на работу Дж. Кемпбелла «Герой с тысячью лиц»).

Это чувство своей исключительности и отличия от прочих людей, однако, неустойчиво, ибо вместе с тем переживший чувствует себя и «неприкасаемым», носителем смерти (что усиливается еще страхом перед атомной радиацией).

Нередко появляется особое состояние «зачарованности смертью», навязчивое влечение к образам гибели и разрушения, некоторые из источников которого были уже отмечены. В известном смысле каждое известие о смерти другого есть подтверждение собственного приоритета выживания. О широком распространении такого типа реакций говорит жадный интерес к известиям о всякого рода катастрофах и то особое внимание, которое привлекают к себе некрологи и траурные объявления в газетах. В крайних случаях стремление утвердить свое «вечное выживание» может обратиться у параноидного лидера в постоянные поиски и убийства «врагов», как способ преодоления собственного страха смерти. (В следующей своей работе «Революционное бессмертие» Р. Лифтон демонстрирует действие паранойи выживания на примере Мао Цзе-дуна¹).

«Бусидо» — японский кодекс феодальной морали — прямо осуждает чувства «приоритета выживания», которые может испытывать вассал после смерти своего сеньора. Для преодоления их даже была введена практика преданности умершему господину (самый известный пример — самоубийство генерала Ноги и его жены после смерти императора Мэйдзи).

Страх заражения

Другим препятствием для нормальных связей между жертвами катастроф и окружением оказывается «страх заражения», который бессознательно испытывается к ним как к существам, «затронутым смертью» (что в Хиросиме еще усиливается страхом перед радиацией).

В связи с этим в некоторых культурах существовали прямые предписания об изоляции лиц, которым угрожает смерть. В некоторых случаях, например, во время великих эпидемий Средневековья страх заражения порождал фантастические образы носителей смерти, наделенных сверхъестественной силой. С ним же можно связать и универсальную тенденцию прославлять мучеников и относиться с недоверием к оставшимся в живых.

Страх заражения надолго задержал оценку психических последствий как атомного взрыва, так и нацистских преследований. Это неосознанно проявилось у исследователей в их склонности отри-

¹ Revolutionary immortality. N. Y., 1968.

цать проблемы, связанные с выживанием, ограничивая себя внешне формальной стороной дела или же, напротив, общим выражением сочувствия к жертвам.

Не случайно лишь через 20 лет после Второй мировой войны психиатры пришли к заключению о существовании особого «постлагерного синдрома» и специфических изменений личности после тяжелых преследований. Тот же страх заражения самих врачей поддерживает сохранение физикалистских и антипсихологических направлений в медицине и «объективных подходов» в психиатрии, вплоть до ее полной дегуманизации.

Японская программа помощи «хибакуся» вообще не предусматривает оказание психиатрической помощи. Немецкие врачи также весьма неохотно признают наличие специальных симптомов, связанных с прежними преследованиями или истязаниями. В США та же тенденция, напротив, проявляется в стремлении к узкопсихологическому подходу, при котором все объясняется разного рода нарушениями раннего детского возраста.

С тем же страхом связано многовековое стремление к строгой изоляции психических больных. В более широком плане этот страх заражения самих исследователей препятствовал вплоть до недавнего времени правильной оценке роли катастроф и массовых бедствий в истории и, в конечном счете, пониманию самой истории.

Любой опыт выживания (тяжелые личные потери, катастрофы и, в непрямой форме, — психические болезни) можно назвать «путешествием на край ночи». Последующее преодоление этого опыта есть, таким образом, попытка найти обратный путь к миру живых. На этом пути выжившего ждут многие препятствия и западни, ведущие к «дефектным формулировкам» его опыта, к действию механизма проекции.

Так, способность к прямому выражению гнева и ненависти сама по себе облегчает этот процесс (что наблюдалось у отдельных активистов антивоенного движения). Однако только ненависть становится фиксированной на определенном объекте и стиль протестов обращается в стереотип, становится препятствием для овладения пережитым. С одной стороны, растет жажда неподлинности, отравленности существования, а с другой — возникает «подпольная тема Хиросимы» — «желание сжечь весь мир» (как говорит П. Равич «обеспечить себе вечное алиби». Петр Равич, автор книги о нацистском терроре¹.)

Нередко бывает, что выживший направляет свой гнев не против прямых виновников, а против других лиц или групп, выступающих

¹ *Rawich P. Blood from sky. N.Y., 1964.*

в роли «козлов отпущения». Правда, в Хиросиме этот процесс выражен нечетко — в связи с полной безличностью и космической силой бомбы, но его легко обнаружить в других «виктимизированных группах».

Как показывает история эпидемий Средневековья, в состояниях бедствия ненависть и страх очень легко переносятся на тех или иных случайных лиц, которые наделяются огромной смертоносной силой, выступая в роли агентов сатаны. Нацисты широко использовали данный механизм в условиях, сложившихся после Первой мировой войны, объявив евреев виновниками поражения и «символической смерти Германии».

Своеобразный поиск «внутренних козлов отпущения» можно обнаружить в движении средневековых флагеллянтов-самоубийц в эпоху великих эпидемий. Непреодоленная «идентичность с мертвыми» способна вести в крайних случаях к формулировке, направленной на собственную смерть, с чем, быть может, связана высокая смертность бывших заключенных вскоре после освобождения или, напротив, в самом начале их испытаний. Более прямым путем пошли пережившие токийско-йокагамское землетрясение 1923 г., которые бросились убивать всех встречных корейцев как виновников землетрясения — яркий пример того, как поиск козлов отпущения в условиях массового бедствия приобретает явные черты паранойи.

Эскалация ненависти

То жгучая и грубая, то скрытая и ледяная, — пишет французский философ Андре Глюксманн, — неустанная ненависть неотступно преследует мир. Ее упорный и упрямый призрак крушит частные отношения и публичные дела. При каждом ее появлении мы делаем вид, будто с Луны свалились. Неожиданная агрессия: ребята друг друга там любили, а потом взяли и горло друг другу перерезали. Что за невообразимая жестокость подымает друг на друга таких нежных и ласковых любовников! Невероятное зверство губит семью, объединенную долгим совместным трудом и общими чувствами, факелы насилия приводят в замешательство благоустроенный и подновленный городок...¹.

Ненависть невозможно победить, пока есть ее герои и воспеватели. 11 сентября 2001 года американцы тысячами считают убитых одним махом за просто так. Без видимой причины. Они — черные, белые, желтые, домохозяйки, банкиры — туда просто бездумно

¹ Глюксманн А. Философия ненависти. М., 2006. С. 9—10.

пришли: на площадь, на работу, в бистро, чтобы без переключки и отбора оказаться игрушками убийства.

Однако граждане Соединенных Штатов, потрясенные, ошеломленные, удивились еще больше, узнав, что доброе большинство граждан мира проявляли в отношении виновников бедствия снисходительное понимание. Лишь остаток чувства приличия удерживал некоторых от рукоплесканий. Иные даже не стали сдерживать взрыв радости. Эстеты написали тома комментариев к потешным огням, только что поглотившим немало им подобных. Откуда столько ненависти?

Тремя годами и одной войной в Ираке позднее те же самые американцы обнаружили, что некоторые из них, в униформе, не скрывали своего подкрепленного фотосувенирами удовольствия от унижений и жестокостей, причиняемых беззащитным пленникам, голым, сбившимся в кучу, доведенным более чем до крайности, до состояния животного, скотского. Американский рядовой Линда Инглэнд была признана виновной в издевательствах над заключенными иракской тюрьмы Абу Граиб. Она позировала перед фотообъективом, победно подняв большой палец и улыбаясь на фоне коридоров Абу Граиб. Ее зловещее добродушие попало на первые страницы всех ежедневных изданий и заставило содрогнуться весь мир. Но ведь американская военная машина, по меньшей мере, сносила, если не поощряла, нравственно недопустимые, политически непродуктивные и стратегически бессмысленные жестокости.

Инфекция ненависти, отнюдь не чуждая культурному человеку, только и ждет, чтобы проснуться в каждом и в каждой. Наиболее искушенных наблюдателей, пристально изучающих этот позор, больше не удовлетворяют простые объяснения, приписывающие роковым обстоятельствам боя, обезьяньему подражанию дикости противника или какой-то привходящей панике внезапное преобразование храбрых солдат-освободителей в истязателей-тюремщиков.

Война стала спусковым механизмом, который обнаруживает мощные проективные механизмы. Даже в мирное время обычное функционирование американской тюремной системы обставлено сходными жестокостями, с которыми в нормальные периоды «хорошие парни» не стремятся свести знакомство. Не нужно читать труды французского философа Мишеля Фуко, чтобы сообразить, что зверство, открытое свету дня в военных тюрьмах, исключительно лишь своей публичностью и вызванным им негодованием. Ни собственно военная, ни исключительно американская — отнюдь, но неявно, но равно всеми разделяемая, ненависть говорит с нами каждый день.

Современность оказалась безжалостной. Могущество бесчеловечности и действенность ненависти претерпевает опасные мутации. Влюбленное в экологию поколение мучилось «выходом из ядерной эпохи» и вот, само того не зная, оказалось перед горизонтом, к которому еще труднее подступиться, чем к тому, откуда они собирались изгонять демонов. Снова приходится мыслить немислимое, оставить эру водородной бомбы, чтобы вступить в эпоху бомбы человеческой.

Рано или поздно, вольно или вынужденно, наши умственные и нравственные категории будут опрокинуты. После Хиросимы на протяжении полувека неслыханная способность положить конец приключениям человечества оставалась привилегией одной, потом двух и, наконец, семи ядерных держав. Пять миллиардов так или иначе причастных к этому землян предавались своим занятиям, передоверив — демократическим путем или нет — нескольким «избранным» последнюю заботу о своем выживании.

Сегодня эта удобная и всеобщая беззаботность отныне кажется неуместной. Начиная с 11 сентября 2001 г. все знают, на что способен любой из нас. Апокалипсическое умение свистнуть о конце игры, прежде отводимое богам, оказывается доступным широкой публике. Если можно сбить самолет с курса и обрушить его на Пентагон, то ни одной ядерной станции, похоже, не избежать удара. Опустошительная сила, собственность держателей «абсолютного» оружия, рассеивается и сыплется в заплечные мешки сколь угодно большого числа людей.

Как сдержать, вразумить, парализовать человеческую бомбу? Некогда терроризм вызывал букет тщательно продуманных мер — полицейские репрессии, экономические и социальные предосторожности. Сегодня вызов, не признающий границ, обращен здесь и сейчас к разумному обоснованию нашей жизни, к нашим надеждам на выживание и нашей отваге перед лицом смерти. Он тем более воспитывает нас, но сам не поддается воспитанию. Он вопрошает каждого о его отношениях к другим, к миру, к самому себе. Он стал нашей главной философской проблемой.

Человек-бомба — еще один исторический персонаж, воодушевленный механизмом проекции. Он упивается ненавистью, как вином. Эта потрясающая разрушительная энергия вырывает «готовящегося в герои» из норм повседневной жизни, чтобы включить динамику уничтожения окружающих вплоть до принесения в жертву самого себя. Занесение подобного суицидального решения в каталог умственных отклонений научно обосновано и общепонятно как ничто иное. Этот предрассудок украшает фоторобот убийцы-

ислаamista: человек-бомба должен быть каким-то чокнутым. Он якобы сочетает идейный фанатизм и нищету духа, ибо только придурок, шизик, параноик, обдолбанный отморозок — не знаю, кто еще — может покончить с миром, покончив с собой.

Однако человеческая бомба — это мыслящее существо с внутренней жизнью, столь же конфликтной, как у всякого; его стремление к разрушению отвечает сознательному выбору и логике, которую классические авторы, не столь простодушно брезгливые, как современные эксперты, кропотливо и старательно пытались вывести на чистую воду.

Литература

1. *Акимов О.Е.* Правда о Фрейте и психоанализе. М., 2005.
2. *Глюксманн Андре.* Философия ненависти. М., 2006.
3. *Гуревич П.С.* Приключения имиджа. М., 1991.
4. *Деструкция и перенос.* Материалы 4-й Международной психоаналитической конференции памяти С. Шпильрейн. Ростов-на-Дону, 2003.
5. *Лакан Ж.* Образование бессознательного. М., 2002.
6. *Мертенс В.* Ключевые понятия бессознательного. СПб, 2001.
7. *Ранк О.* Травма рождения. М., 2004
8. *Риман Ф.* Основные формы страха. М., 1999.
9. *Улыбина Е.* Страх и смерть желания. М., 2001.
10. *Французская психоаналитическая школа /* Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб., 2003.

Вопросы для повторения

1. Почему проекции могут быть позитивными и негативными?
2. Возможно ли снятие проекций?
3. Как механизм проекции используется в политической практике?
4. Чем вызвана эскалация ненависти в современном мире?
5. Каков психологический портрет человека-бомбы?

Темы рефератов

1. Механизм проекции в экстремальной психологии.
2. Эскалация ненависти как симптом нашего времени.
3. Разрушительное в человеке.
4. Амбивалентность проективных состояний.
5. Образ врага в истории культуры.

Механизм идентификации

Но лютее нет зверья,
чем субъект по кличке «Я».

Глеб Горбовский

Идентификация как психологический феномен

Идентификация — (от ср.-лат. *identificare* — отождествлять, устанавливать совпадение) — защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя другому образу. Идентификация реализуется на основе эмоциональной привязанности к другому лицу. Она проявляется в желании человека походить на то, кто кажется ему идеалом, кого он любит и боготворит. Уникальные свойства и качества другого человека, его облик, выражение лица, походка, повадки, стиль поведения и образ жизни становятся объектом подражания. Мальчик, который стремится быть похожим на отца. Тот берет сына на фабрику, они проходят через заводскую арку. Будучи высоким, отец вынужден склонить голову. Сын повторяет его жест, хотя он еще совсем маленький и арка для него высока.

В классическом психоанализе идентификация рассматривается как выражение эмоциональной близости и связи с отцом, матерью или другими членами семьи. Ребенок хочет быть похожим на родителей. Он идеализирует маму и папу, он хочет быть похожим на них. Именно благодаря этому механизму разворачивается социализация, а также происходит формирование собственного Я по лекалам другого человека. Психическая энергия «лепит» определенный образ. У каждого из нас есть представление об идеальном человеке. Оно рождается в результате эмоциональной привязанности к другому лицу. Рождается желание походить на избранника, возвеличить его.

Одно из глубинных потребностей человека, отмеченное Фроммом, — это стремление к уподоблению, поиск объекта поклонения. Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествлять себя с неким признанным образцом.

Впервые такого рода механизмы рассмотрены в психологической концепции Фрейда, возникшей на основе патопсихологиче-

ского наблюдения, а затем они были распространены на нормальную духовную жизнь. Фрейд рассматривал идентификацию как попытку ребенка (или слабого человека) перенять силу отца, матери (или лидера) и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью.

Современные исследования позволяют значительно расширить представление об этом механизме. Мир человеческих переживаний чрезвычайно сложен. В основе таких эмоциональных состояний, как любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на самого себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому своему проявлению открыты, направлены на иной объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы.

Разумеется, человек, прежде всего, ищет их в ближайшем окружении. Но оно так знакомо и подчас однообразно. Иное дело — экран. Здесь творится необычный, иногда эксцентричный образ, в котором зримо воплощаются мои собственные представления о естественности, нежности, глубине чувств. Вот, например, образ купринской колдуньи, созданный Мариной Влади (фильм «Колдунья», 1955). Скуластая, с прозрачными глазами, она пронзила сердца миллионов людей. Образ так убедительно символизировал возвращение к естественности: вот она, босоногая, с распущенными по плечам белесыми прядями, настоящее дитя природы...

Человек стремится понять самого себя. Все эти попытки найти в себе специфически человеческое свойство или дать автохарактеристику отражают в конечном счете действие механизма идентификации. Но это чувство весьма редкий феномен. Оно — удел избранных... Пожалуй, лишь чисто теоретически можно представить себе такую личность, которая проникла в ядро собственной субъективности, постигла себя, создала внутренне устойчивый образ своей индивидуальности.

Гораздо чаще человек — существо мятущееся, постоянно меняющее собственные представления о самом себе. Он живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора, необходимо соотносить свое поведение с персонифицированным образцом. Девочки играют в «дочки-матери». Это постоянно воспроизводимый, непреходящий ритуал игры. Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне. Пусть зыбкая, но мода. Партийный работник стремится уподобиться вышестоящему... Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблематикой... Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему сложившихся ритуалов, стереотипов, готовых образов.

На заре отечественного радиовещания пришла кому-то в голову мысль: а что если организовать в эфире уроки утренней гимнастики. Стал диктор призывать граждан начинать утро с бодрых телодвижений. Никто почему-то не торопился внять призывам диктора. Тогда решили поручить утренний комплекс самому популярному комментатору. Однако популярность гимнастики оставалась нулевой... Обратились к Николаю Гордееву. Из эфира полился звонкий, жизнерадостный голос. Встрепенулся народ, прислушался. В воображении слушателей рождался прельстительный образ. Вот он — подтянутый, энергичный человек, убежденный в том, что жизнь прекрасна, когда утро начинается с гимнастики.

Николай Гордеев — чудесник, герой своего времени... Однако он никогда не занимался спортом. Любимым его занятием было возлечение на диване и отвлеченное размышление о жизни. Что делать, у каждого свои склонности. Фигуру тоже имел далеко не спортивную. А юных радиослушательниц чаровал воображаемым стройным станом, готовностью встретить утро прохладой, а рабочий день — героическими свершениями. Такой уже в эфире складывался образ...

Прототип и его образ

Почему образ не похож на свой прототип? Как происходит процесс отчуждения сущности от явленного на экране? Отчего конкретный человек на экране вызывает массовое возбуждение, а другой — совсем даже нет? В 1943 г., например, американская радиозвезда Кэт Смит обратилась к слушателям с призывом приобретать военные облигации и добилась невероятного успеха. Миллионы женщин мгновенно отождествили себя с образом, который диктовался звучавшим из приемников голосом и который одновременно вырастал из внутреннего мира каждой радиослушательницы.

Богатую актрису, не имеющую семьи, сочли за скромную и бережливую хозяйку, за мать, встревоженную опасностью, которая угрожает ее детям. Так что же, создатели передачи сознательно стремились к такой мистификации? Ничего подобного. Она возникла стихийно, в результате коллективного заблуждения слушателей. Случай с Кэт Смит, с ее радиомарафоном может до конца объяснить лишь реальная ситуация, сложившаяся в Америке в канун военного кризиса, когда миллионы смятенных людей искали спасения в символах семьи, дома, прочного домашнего быта.

Откуда в человеке влечение к *персонифицированным* идеям, общению, образу? Да ведь он сам по себе, вне других, имеет весьма смутное представление о том, что он такое. Павел смотрит на

Петра как в зеркало. Это мысль Маркса. Вне общества себе подобных человек и не подозревает, что красив, умен, талантлив. Обо всем этом он узнает через других, поскольку рядом живут некрасивые, неумные, неталантливые. Отталкиваясь от них, он создает образ самого себя. И других тоже.

Психика человека постоянно порождает процесс очеловечивания. На земле, в небесах и на море она усматривает присутствие человека. Э. Фромм, обративший внимание на мультипликационную серию о Микки Маусе, пытался, как и Адорно, разобраться в популярности образа мышонка. Американский исследователь сформулировал собственную концепцию телевизионного зрелища, пытаясь осознать его эффекты, раскрыть причины воздействия на психику. Так же, как и Адорно, Фромм применил к анализу телевизионной продукции социально-психологическую методику.

Идентификация — сложный механизм. В нем проступает двойственность чувств. Мальчик, к примеру, любит своего отца, хочет во всем походить на него, но в глубинах его психики гнездится и враждебность к родителю. Ведь мальчик нежно относится к матери и хотел бы устранить соперника... Однако не следует думать, будто отождествлять себя можно лишь с любимым человеком. Скажем, девочка абсолютно поглощена своим отцом, но она понимает, к слову, что отец любит мать, и поэтому старается походить на нее. Девочка может, скажем, даже придумать себе какой-нибудь недостаток, станет прихрамывать или кашлять. А смысл? В том, чтобы привлечь внимание отца.

Идентификация тесно связана с феноменом персонификации. Так называется процесс осмысления своего «Я» в процессе социализации, поиска образца.

Почему зрители с такой инфантильностью (детской непосредственностью) погружаются в фантастическое зрелище? Отчего они столь доверчивы, так безмерно сочувствуют любимым персонажам? Чем объяснить, что картины справедливой мести, заслуженного воздаяния доставляют аудитории острое чувство возбуждения и радости? Что, вообще говоря, заставляет зрителей переживать за гонимых и злорадно торжествовать победу над наказанным притеснителем? За исследование сюжета известного мультсериала взялся психоаналитик Эрих Фромм.

Конечно, популярность серии мультфильмов, противоречивость восприятия зрелища (причудливое сплетение сочувствия и ненависти зрителей), потребность в постоянном продолжении цикла можно было бы объяснить и так: рядовой индивид, сталкиваясь с суровой действительностью и переживая психологическое напряжение, ищет в массовой культуре иллюзорное воплощение своих побужде-

ний. Ощущая себя песчинкой, человек стремится раствориться в образе Микки, почувствовать себя, хотя бы в воображении, все-сильным и удачливым. Вместе с тем он жаждет реванша, то есть расправы над теми, кому завидует, кого считает «счастливчиком». Таким образом, человек избавляется от болезненных напряжений либо путем фиктивного воплощения своих влечений (грезы), либо путем агрессивного акта (фанатизм).

Однако в таком истолковании массовой культуры немало неувязок уже хотя бы потому, что весь анализ, по сути дела, сводится здесь к регистрации различных проявлений эскапизма (бегства от жизни). Однообразное указание исследователя на то, что в культурной жизни можно обнаружить галлюцинаторные эффекты и сцены злодейства, не позволяет раскрыть содержание зрелища более конкретно, детализированно. Тогда Фромм делает следующий шаг. Он обращает внимание на всевозможные персонификации, порожденные психологическими механизмами, в частности, потребностью индивида в идентификации. Речь идет о том, что человек воспринимает мир как поток персонализированных образцов, постоянно соотносит себя с другими людьми, с их индивидуальными свойствами, обликом, характером. Индивид, собственно, и формируется, отождествляя себя с конкретным образом, персонажем, реальным или выдуманным.

Психоаналитики давно натолкнулись на это явление. Они подчеркивали, что поведение человека в значительной степени обусловлено тем, как он оценивает свои социальные роли. Оказалось, что многие представители средних слоев населения склонны в собственной оценке причислять себя к более состоятельным людям и соответственно следовать другим стандартам мыслей и поступков. Иначе говоря, выяснилось, что поведение человека регулируется не только присущими ему социальными ролями, но и тем, как он сам «определяет» себя. Например, тщетно искать в поступках скромной консьержки черты того образа жизни, который присущ людям ее профессии, если она сама мысленно отождествляет себя (идентифицирует) с кем-то, кому присущи неожиданные мотивы, необычные ценностные ориентации.

Манипулятивная пропаганда буквально одержима манией персонификации. Она предлагает аудитории многочисленные варианты, позволяющие отождествить себя с образами удачликов, суперменов, аутсайдеров, мстителей. В 1977 г. на экране американского телевидения появилась эффектная блондинка, причесанная по последней моде и осыпанная с головы до ног золотыми блестками. «Меня зовут Мамми Лиз». Телевизионная красавица призвала всех,

кто смотрит в эту минуту передачу, покупать «люкс-автомобиль новой фирмы «Твэнтис сенчури мотор каркомпани». В эфир был брошен клич: «Спешите, а то вас опередят! Чем скорее вы вложите деньги в это надежное дело, тем лучше!... За несколько месяцев фирма получила тысячу заявок с необходимым авансом. Но вскоре грянул скандал. Оказалось, что такой фирмы в природе не существует, ее «изобрел» мошенник-рецидивист, загримированный под блондинку на экране.

В данном случае интерес представляет не факт дутой рекламы, а конкретный, «удачно угаданный» облик персонификации. Преступник убедил аудиторию в реальном наличии суперавтомобиля не просто потому, что зрители вообще склонны обольщаться блондинками. В качестве рекламы он выбрал определенный образ — эффектный стереотип «блондинки», образы «размытой привлекательности», в котором можно увидеть и секретаршу, и представительницу фирмы, и спутницу жизни одновременно (заметим, — а не образ мужчины, делового человека).

Механизм персонификации действует изоциренно. Он опирается не только на психологические закономерности, но и на определенные социокультурные черты. Европейские телезрители, например, привыкли к мультипликационному персонажу Дональду Даку. Но вот телевизионную серию об утенке показали в одной африканской стране. И произошло непредвиденное: зрители стали бросать в экран различные предметы, выражать свое возмущение. Аудитория не приняла персонификацию, обнаружив в ней нечто несуразное и даже оскорбительное.

Зрители могут поверить в реальность вымышленного персонажа, если он не разрушает эффекта персонификации. Именно поэтому такой популярностью во всем мире пользуются телевизионные персонажи. Зрители привыкают к ним и воспринимают их как конкретных людей. Американский президент Дж.Кеннеди видел в механизме персонификации весьма эффективный способ идеологического влияния на массы. Как умный и расчетливый политик, он первым стал рекламировать Я. Флеминга, заявив, что это его любимый писатель. В результате главный герой произведения Я. Флеминга Джеймс Бонд превратился в модного персонажа, призванно вывести обывателя их состояния апатии и безверия.

В процессе социализации человек соотносит себя не только с конкретными ролями, но и с особым рода персонифицированными представлениями, которые созвучны его собственным личностным ориентациям. Это могут быть, например, литературные герои, реальные исторические личности, «условные» социально-психологи-

ческие или культурно-исторические типажи («романтик», «деловой человек», «сильная личность» и т.д.). Подобные идеальные образные конструкции, развертывание которых связано с интенсивной работой воображения, имеют для индивида ярко выраженную ценностную значимость.

У любого человека может происходить срыв духовной автоинтерпретации и замещение ее новой, фиктивной. Индивид, грубо говоря, перестает понимать, кто он такой и пытается выйти из тупика с помощью полуфантастической ориентации на образ, пришедший с экрана. Подросток, подражающий Штирлицу, студентка, неожиданно воплотившаяся в вамп-красавицу, бомж, вообразивший себя светским щеголем... Готовые стандарты нередко удовлетворяют психологические запросы людей.

Жизненный цикл

По мнению американского психолога Э. Эриксона, одной из основных координат идентичности является *жизненный цикл*. Он исходил из предположения, что не только до подросткового возраста индивид развивает предпосылки своего психологического роста, умственного созревания и социальной ответственности. Американский психолог вводит понятие «*кризис идентичности*». Каждый человек идет своим путем развития, переживает свои кризисы и находит их разрешение.

Любая стадия становится кризисом, поскольку начинающийся рост и осознание нового связаны с переменами в энергии инстинктов. Слово «кризис» Э. Эриксон употребляет так, чтобы выделить не угрозу катастрофы, а момент изменений, критический период повышенной уязвимости¹.

Наиболее радикальные изменения, начиная от глубин внутренней жизни и кончая внешними ее проявлениями, происходят в самом начале жизни. Что можно считать наиболее ранним и наиболее недифференцированным «чувством идентичности»? Эриксон считает, что оно порождается встречей матери и младенца, дающей взаимное доверие и взаимное узнавание. Это во всей своей детской простоте и является первым опытом того, что впоследствии вновь проявится в любви, в способности восхищаться и что может быть названо чувством «*благословенного присутствия*», потребность в котором на протяжении всей жизни остается основой для человека.

Отсутствие этого чувства или его ослабленность может опасно ограничить способность переживания «идентичности», когда в под-

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 105.

ростковом возрасте человек может оставить детство и встретить взрослость и вместе с ней начать лично выбирать свои любовные привязанности. Каждая следующая стадия и каждый следующий кризис имеют определенную связь с одним из базисных стремлений человека по той простой причине, что жизненный цикл человека и социальные институты развиваются одновременно. Между ними, как считает Эриксон, двойная связь: каждое новое поколение привносит в институты пережитки инфантильных потребностей и юношеского пыла и берет от них специфическое подкрепление своей детской витальности.

Американский психолог считал, что кризисы идентичности можно изучать по художественным творениям и оригинальным деяниям великих людей, которые смогли решить его для себя. Вездесущий хаос человеческого существования демонстрирует уникальные для данного периода решения. Но прежде чем погрузиться в клинические и биологические проблемы того, что в психологии чрезвычайных ситуаций называется спутанностью идентичности, нужно внести ясность в понятие «кризис идентичности».

В человеческой сущности есть многое, кроме идентичности, в каждом индивиде есть его «Я», есть центр сознания и воли, который должен трансцендировать и пережить психологическую идентичность.

Эриксон вводит еще одно значимое понятие — *психологический мораторий*, под которым подразумевается отсрочка, предоставленная кому-либо, кто не готов принять ответственность или хотел бы дать себе время на подготовку к зрелой жизни. Под психосоциальным мораторием Эриксон понимает запаздывание в принятии на себя взрослых обязанностей. Каждое общество и каждая культура устанавливает определенный мораторий для своих молодых граждан. Для большинства из них эти моратории совпадают с периодом учения и тех достижений данного периода этапа жизни, которые соответствуют ценностям общества.

Мораторий может стать периодом краж и видений, временем путешествий или работы, временем потерянной «юности» или академической жизни, временем самопожертвования или веселых шуток. Большую часть юношеской преступности Эриксон рассматривает как попытку создания психосоциального моратория. Но мораторий не требует того, чтобы быть пережитым сознательно. С другой стороны, молодой человек может ощущать себя вполне состоявшимся и только со временем узнать, что то, к чему он относился так серьезно, было всего лишь переходным периодом. Многие «выздоровевшие» деликвенты, возможно, чувствуют полное

отчуждение от «глупости», через которую они когда-то прошли. Между тем ясно, что любые экспериментирования с идентичностью означает также игру с внутренним огнем эмоций и побуждений и содержат в себе риск попасть в социальную яму, из которой нет выхода. Бывает и так, что мораторий отсутствует: индивид слишком рано определился или его достижениям способствовали какие-то обстоятельства.

Эриксон проводит различие между понятиями «идентичность» и «идентификация». Лингвистически, как и психологически, идентичность и идентификация имеют общий корень. *Идентификация* — это психологический механизм, а *идентичность* — результат процесса уподобления. Американский психолог показывает, что ограниченность механизма идентификации становится очевидной сразу же, как только мы предполагаем, что никакие детские идентификации, поставленные в ряд, не могут вылиться в нормально функционирующую личность. Психология полагает, что задачей психотерапии является замещение болезненных и чрезмерных идентификаций другими более желательными. Но как и любое лекарство «более желательные» идентификации должны быть полностью подчинены новому единому гештальту, который есть нечто большее, нежели просто сумма его частей.

Дело в том, что идентификация как механизм имеет определенные ограничения. На разных стадиях развития дети идентифицируют себя с теми аспектами окружающих людей, которые производят на них наибольшее впечатление, в реальности или в воображении — не имеет большого значения. Их идентификация с родителями, например, сосредоточена на определенных переоцениваемых и болезненно воспринимаемых частях тела, способностях и внешних атрибутах роли. Более того, эти аспекты привлекательны не столько своей социальной значимостью, сколько тем, что отвечают природе детской фантазии, и этим открывают путь к более реалистическому самоутверждению.

В более старшем возрасте ребенок сталкивается с понятной ему иерархией ролей, от младших сиблингов до прародителей и всех, кто, так или иначе принадлежит к семье в целом. На протяжении детства это составляет круг его представлений о том, кем он может стать, когда вырастет, и уже очень маленькие дети способны к идентификации с целым рядом людей и отношений, которые затем требуют «верификации» в дальнейшей жизни. Вот почему культурные и исторические перемены могут оказать такое травмирующее влияние на формирование идентичности: они могут разрушить внутреннюю иерархию ожиданий ребенка.

В свою очередь судьба детских идентификаций зависит от того, насколько удовлетворительным является взаимодействие с заслуживающими доверия представителями значимой для ребенка иерархии ролей, принадлежащих членам семьи разных поколений. Формирование идентичности, наконец, начинается там, где идентификация становится непригодной. Она вырастает из избирательного отказа от одних и взаимной ассимиляции других детских идентификаций и их объединения в новую конфигурацию, которая в свою очередь определяется процессом, процессом которого общество (часто через субкультуры) идентифицирует юного индивида с тем, кем он, само собой разумеется, должен стать. Общество, зачастую не без исходного недоверия, делает это с оттенком удивления и удовольствия от знакомства с новым индивидом. Общество в свою очередь тоже «признается» индивидом, ищущим у него признания. Иногда же оно, по некоторым признакам, может глубоко и с оттенком мстительности отвергаться индивидом, не ищущим его покровительства.

Общественные способы идентификации индивида впоследствии более или менее успешно стыкуются с индивидуальными способами идентификации. Если общество сочтет, что молодой человек вызывает неудовольствие и дискомфорт, оно может предложить ему способы изменения, не затрагивающие его «идентификации с собой». Желаемое, с точки зрения общества, изменение представляет собой простое проявление доброй воли или силы воли (он мог бы, если бы захотел), тогда как сопротивление такому изменению воспринимается как проявление злой воли и ли даже неполноценности, плохой наследственности или чего-то подобного. Так, общество часто недооценивает, до какой степени долгая сложная история детства ограничивает возможности молодого человека в отношении изменения идентичности, а также то, до какой степени само общество может, если только оно может, все же помочь ему определиться среди возможных выборов.

На протяжении всего детства происходит пробная кристаллизация идентичности, которая заставляет индивида чувствовать и верить (начиная с наиболее осознаваемых аспектов) в то, что, если он приблизительно знает, кто он такой, ему необходимо лишь понять, что эта уверенность в себе вновь может стать жертвой разрыва саморазвития. Примером может служить разрыв между требованиями, предъявляемыми конкретным окружением «маленькому мальчику», и ими же, предъявленными «большому мальчику», который в свою очередь может удивиться, почему сначала его заставили поверить, что быть маленьким прекрасно, только для того, чтобы по-

том заставить изменить этот не требующий усилий статус на специфические обязанности «большого».

Такой разрыв может в любое время привести к кризисам, которые могут быть компенсированы только последовательным нарастанием чувства реальности достижений. Остроумный, или жестокий, или хороший маленький мальчик, который становится прилежным, или вежливым, или твердым, выносливым большим мальчиком, должен быть способен — и ему должна быть дана такая возможность — соединить оба ряда ценностей в ту идентичность, которая позволяет ему в работе и игре, в официальном и интимном поведении (и позволять другим быть) комбинацией большого и маленького мальчика.

Общество поддерживает это развитие в том смысле, что дает ребенку возможность на каждой стадии ориентироваться в направлении полного «жизненного цикла» с его иерархией ролей, представляемых индивидами различных возрастов. Семья, соседи и школа обеспечивают контакты и пробную идентификацию с младшими и старшими детьми, с молодыми и старыми взрослыми. У ребенка в результате множества успешных пробных идентификаций начинают складываться ожидания по поводу того, что значит быть старше и что означает быть моложе, ожидания, которые становятся частью идентичности по мере того, как они, шаг за шагом, проверяются психосоциальным опытом.

Установившая к концу отрочества идентичность включает в себя все значимые идентификации, но в то же время и изменяет их с целью создания единого и причинно связанного целого.

Символическое перерождение и распад идентичности

Под так называемой *формулировкой* имеются в виду процессы, направленные на установление новых форм связи между «Я» и миром взамен утраченных, новую организацию психического опыта. Термин «формулировка» взят из работы Сусанны Лангер «Философия в новом ключе», где он относится, однако, вообще к построению внутренней системы символов, через которую осмысливается мир (что восходит в свою очередь к «Философии символических форм» Э. Кассирера), через который переживший должен преодолеть свою идентичность с жертвой или испытать «символическое перерождение».

При всем многообразии форм этот процесс направлен на достижение трех целей: (1) чувства органической связности с другими людьми и с миром в целом; (2) достижение целостности своего Я и

обретение смысла существования; (3) достижение чувства подвижности в пространстве (снятием внутреннего оцепенения или стасиса) и движением во времени (через преодоление фиксации на «неизгладимом образе», возникающем в момент катастрофы).

Речь идет не о какой-либо сознательно выработанной идеологии или «атомной философии». Большая роль принадлежит здесь бессознательной сфере, однако, способность к открытому и связанному выражению своей «формулировки» есть признак успешного завершения процесса. В целом женщины менее мужчин расположены к связанному формулированию, однако здесь мы имеем дело скорее с «имплицитной формулировкой», чем с ее отсутствием, имея в виду обязательство женщин по поддержанию органической жизни и отсюда склонность к *«органическому типу знания»* (Под органическим знанием понимается такое знание, которое сочетается с тесным опытом. Так, полным знанием действия атомной бомбы могут обладать только «хибакуся».)

Каждый выживший обладает каким-то видом «формулировки», сколько бы она ни была неполной или имплицитной. В целом процесс осмысливания пережитого опыта начинается уже с момента катастрофы. Не иметь никакой «формулировки» в момент встречи со смертью психологически непереносимо. Можно привести свидетельства лиц, переживших нацистский террор, которые свидетельствуют, что худшим для всего для них была беспричинность убийств и отсутствие в них какого бы то ни было смысла.

Во всех типах формулировок необходимо присутствуют *«психологическое непротивление»*, с одной стороны, и осознание своей особой миссии — с другой. Эти активное и пассивное начала различимы во всех формах борьбы за выживание. «Непротивление» (яп. «акираме») никоим образом не сводится к простой пассивности. Оно основывается на чувстве своей включенности в особый, сверхчеловеческий порядок вещей, что само способно внести известную гармонию в отношении с миром (хотя бы путем признания «своей судьбы»). Японское «акираме», производное от «акираму» — просветлять, включает момент просветления через связь со сверхчеловеческими силами. Огромное значение психологического непротивления в том, что сама неспособность к четкой формулировке пережитого опыта здесь становится частью самой формулировки (сопровождаясь «защитным смещением эмоций») и обеспечивает выход за пределы прежней ситуации (столь же смутным часто оказывается и осознанием своей миссии).

Непротивление тесно связано с японским буддизмом, даже если оно и выражалось в светских формах. Религиозные формулировки в

целом получили в Хиросиме преобладающее значение. В большинстве своем они давали известное облегчение, но почти всегда оно было неполным. Лишь отчасти это объяснимо ограниченным влиянием религии в современной Японии. Сам распад религиозной веры в момент катастрофы может нести какие-то защитные функции, ибо предотвращает появление интенсивного чувства вины.

В целом способность к сохранению религиозной установки оказалась сильнее у буддистов, чем у конко (распространенной в Хиросиме секты, соединившей элементы синтоизма, буддизма и христианства). Что касается христиан, то вся протестантская община в Хиросиме погибла, за исключением своего пастыря. По дошедшим до автора сведениям, католическая община Нагасаки (основанная еще в XVI в. святым Франциском Ксаверием) после 1945 г. распалась. Связь религиозной формулировки с комплексом вины и процессом оплакивания демонстрируется в показаниях одного буддиста, который сообщил, что среди катастрофы он около недели читал буддистские сутры, надеясь, что его усилия принесут какую-то помощь погибшим («я пытался несколько успокоить их души»). Он же включил в буддистский круг воздаяния президента Трумена в качестве «хладнокровного животного».

Христианство также обладает своей версией «акираме». Она присутствует в католической концепции провидения и подчинения воле божьей. Однако сознание того, что атомная бомба была делом человеческих рук, затрудняет принятие такой позиции. Единственный встреченный в американской литературе пример полностью удавшейся религиозной формулировки дала одна пожилая кореянка, обращенная американской миссией фундаменталистов. Несмотря на потерю пятерых из своих шестерых детей и тяжелые шрамы от ожогов, она сохраняла большую жизненность, в том смысле, и чувство движения во времени.

Этот пример интересен, поскольку он позволяет почувствовать ту мощь, какой обладало некогда христианство как средства преодоления даже самых крайних форм страха и чувства вины («Я сказала, что не могу предстать перед Богом из-за моей вины, потому что я убила своих детей. Я не давала им достаточно еды в самые тяжелые дни. Но мне ответили, что Бог принес в жертву своего единственного сына ради всех виновных людей и что Иисусом Христом искупается любой грех»).

Ее формулировка включала в себя и человеческое происхождение атомной бомбы, что явилось именно камнем преткновения для протестантского пастора («Хиросима была обращена в пепел людьми... Но хотя люди и говорят, что они могут делать то или это, если

на то не будет божьей воли, мир никогда не наступит. Какие бы мы не построили большие дома, когда упадет бомба, все обратится в прах. Когда я прочла об этом в Ветхом Завете (т.е. историю Содома и Гоморры), то поняла, что все в мире всегда шло таким путем. Поэтому каждый должен искать свою веру».

При неспособности достичь равновесия между непротивлением и чувством собственной миссии (или отсутствии того и другого) обычно возникает нигилистическая формулировка или, вернее, позиция, поскольку никакого преодоления при этом не достигается и уцелевший останется во власти смерти и разрушения. Пожелание другим испытать то, что перенес он сам, — явление скорее обычное, но в полном своем виде и в Хиросиме оно сводится к пожеланию «последнего воздаяния», того, чтобы атомная бомба поразила весь мир и все могли бы разделить их страдания.

Таким путем достигается первое требование — *восстановление связи пережившего с людьми*. Эта та область, которую Р. Лифтон называет «подпольем Хиросимы». В открытой форме желания такого рода он встретил только у одного ребенка. Рискованную задачу стать выразителем этих «неупоминаемых» влечений взял на себя писатель Кин Кокубо из молодого поколения Хиросимы, чья повесть «Огненный танец» близка по своей проблематике «Постороннему» Камю.

Автор не может примириться с тем, что когда-нибудь потомки «засыпят пещеры Хийиджимы» (места вблизи от гипоцентра, где многие пытались спастись), и с теми, которые некогда будут спрашивать: «Говорят, когда-то на Хиросиму упала атомная бомба. Интересно было бы узнать, что это могло быть такое?» Хиросима лежит залитая солнцем, но герою кажется, что вдоль ее улиц пробегает шепот «Да падет атомная бомба на весь мир!». Он может перестать быть всем «чужим», лишь когда каждый станет подобным ему, то есть чувствующим себя умершим или умирающим.

Среди японских интеллектуалов можно встретить суждения об атомной бомбе, весьма близкие к негативистским формулировкам. Так, один японский социолог поделился с Р. Лифтоном своей «фантазией». Прочный мир на земле, говорит он, установится лишь тогда, когда люди войдут в соприкосновение с существами иных миров и начнут с ними войны, конечно, с применением атомного оружия, что, наконец, и впервые объединит все человечество.

На этом примере видно, что негативистская формулировка также ставит целью достижение некой «гармонии», хотя бы путем непрерывного расширения «катастрофы» (В своей работе «Революционное бессмертие» (1968) Р. Лифтон придает такой же смысл концепции «перманентной революции»). Видна также близость

такого рода формулировок к паранойе с перенесением уже на космос мании вечного выживания.

Другой молодой японский писатель (не названный Р. Лифтоном по имени) связал эту тему с идеей вечного различия между Западом и Востоком. Его рассуждения могут быть любопытны тем, что перекликаются с некоторыми китайскими заявлениями об атомном оружии. Источник зла он видит в том, что западная цивилизация поставила в центр всего идею человека (гуманизма), чего не могло быть на Востоке. Поэтому, в частности, во Вторую мировую войну японцы исходили из того, что воюют с массой материала, с природными препятствиями; американцы же из того, что воюют с человеком, они измеряли свой успех числом убитых.

Японцы стремились разрушить только военную силу врага, в Пирл Харборе человек еще оставался человеком. В Хиросиме же он превратился в номер. Атомная бомба — конечный итог развития западного антропоцентризма. Для Востока человек — лишь призрак или песчинка природы. Это позволяет ему сохранить чувство символического бессмертия даже перед лицом полного уничтожения, что недоступно Западу. Каковы бы ни были разрушения, заявил этот писатель, что-нибудь все равно останется. На вопрос автора, включает ли это «что-нибудь» также и человека, он отвечал, что это вообще не обязательно, раз горы и реки все равно останутся.

Неизгладимый образ» катастрофы, «негатив» с которого хранится в бессознательном пережившего, способен насыщаться воспоминаниями и образами прошлых лет, становится выражением «*дефектной формулировки*». Так, один японский профессор (Кейсуки Кайрадо) пишет через 19 лет о том внутреннем образе, который всегда стоит перед ним.

Блеск Внутреннего моря в летние дни и резкие шумы военного города... Эти образы моей юности застыли во мне, как будто навсегда зафиксированные атомной вспышкой... Это я сам в молодые годы и в то же время — образ давно умершего ребенка, как бы запечатленной на мгновенной вспышке...

В этом можно видеть покровное воспоминание, замещающее образ самой катастрофы. Однако отождествление себя с «фотографией умершего ребенка», с застывшим образом, есть свидетельство потери внутреннего чувства и непреодоленной идентификации с умершим. Свидетель пишет о взрыве, который заставил все прошлое мгновенно застыть, и еще о том, что не существует слов, которые утешили бы морскую свинку, не знающую причин своей смерти. Таким образом, не наступает никакой перестройки, и образ катастрофы так и остается невыразимым и несмываемым.

В этой связи воспринимается и тот «молитвенный экстазис», который окружает все детали встречи со смертью, а, главное, намечается понимание того механизма, посредством которого религиозные и политические движения возникают как феномены выживания. В виде примеров можно привести значение свидетелей смерти Иисуса для возникновения христианства и, с другой стороны, роль выживших участников «Великого похода» в Китайской революции.

Идентификация с агрессором

При травматизации такого масштаба неизбежно вступает в действие защитный механизм, впервые описанный Анной Фрейд как «идентификация с агрессором»¹. Это попытки вступить в контакт с самой враждебной силой, овладеть ею, сделавшись частью ее самой. Действие данного механизма уже различимо в рассказах о необычайной красоте вставшего над Хиросимой многоцветного облака.

Спустя 60 лет после атомной бомбардировки в Хиросиме продолжают умирать люди.

Была ужасно яркая вспышка. Люди подняли глаза и увидели — в небе расцвело второе солнце: такое же прекрасное, как и первое. Я решил, что это божественное знамение — сама богиня Аматэрасу спустилась к нам, чтобы поддержать в войне. Потом меня как будто крепко обняло что-то горячее. Очнулся уже ночью. Все тело болело. Вокруг стоял сплошной вой и плач. В полной темноте город причудливо светился множеством красивых огоньков — повсюду тлели угли. Шатаясь, шли две молодые женщины, я взглянул на них и закричал от ужаса: с их лиц и рук полностью исчезла кожа, свисая длинными лохмотьями, а они почему-то не стонали. В углу обвалившейся стены сидел человек и пел колыбельную своему обуглившемуся ребенку. Я понял, что умер и попал в ад².

Те же попытки вступить в личные отношения с самой атомной бомбой или по крайней мере с ее всемогущей силой проявляются в манере наделять бомбу разного рода фамильярными кличками, иногда даже за счет регрессии до инфантильного уровня. Таково наименование бомбы на детском языке «пых-бум-бум», причем бывшие ближе к эпицентру называли ее просто «пых», поскольку они не слышали взрывной волны.

Изобретателей этих прозвищ можно считать за родоначальников литературной школы дадаистов, возникшей в Хиросиме. Это могло

¹ Freud A. Ego and mechanics of defence. L., 1946.

² См. Зотов Георгий. Понедельник в аду // Аргументы и факты. 2005. № 31.

бы пролить свет и на истоки европейского дадаизма, получившего развитие после Первой мировой войны.

Одно из самых впечатляющих описаний действия этого механизма находим на страницах «Хиросимского дневника» д-ра Хашии. Действие происходило в госпитале, когда там разнесся слух, что японцы сбросили атомную бомбу в США. Атмосфера мгновенно изменилась. Люди в Хиросиме улыбались впервые после 6 августа, некоторые запели патриотический гимн. Вновь пришедшие уже рассказывали о гибели Лос-Анжелеса и Сан-Франсиско. Даже умирающие вдруг нашли в себе силу подняться. Известие на какое-то время вдохнуло во всех новые силы, позволив ощутить себя самих не только жертвами, но и частью всемогущей силы, контролирующей жизнь и смерть.

Напомним, что случаи такой идентификации зафиксированы Б. Беттельхеймом в нацистских лагерях. Среди заключенных находились такие, которые стремились подражать манерам и языку охранников, перенимали нацистскую идеологию и даже нацепляли на себя детали эсэсовской формы. Это неприемлемое для сознания отождествление себя с агрессором не только обостряет чувство вины, но ведет и к ощущению фальши, неподлинности собственного существования.

Мы видим, что психология чрезвычайных ситуаций внесла существенные коррективы в истолкование механизма идентификации. Классическая психология рассматривала в качестве спутанной идентичности особую форму болезненного самосознания, которое фиксировало противоречия между самооценкой, образом «я» автономной личности и образом «самого себя» в глазах окружающих. При этом подчеркивалось, что тотальное разрушение самооценки резко контрастирует с нарциссическим и снобистским презрением к мнению других. Психология чрезвычайных ситуаций более основательно описала кризис идентичности, распад личности, парадоксальную драматургию этого защитного механизма.

Самой главной подделкой для хибакуси является сама жизнь. Необычайно упорная идентификация хибакусей как «мертвых» подчеркивает обсуждавшиеся нами проблемы зависимости и затрагивает все области существования. Ведь, кажется, хибакуси не только пережили атомную катастрофу, но и впитали ее, внедрили в свое существо, включая все ее составные части ужаса, зла и особенно смерти. Они чувствуют себя вынужденными жизненно слиться с умершими — не только с близкими, но и с другими безымянными мертвыми.

Мы сталкиваемся с конкретными проявлениями этой идентификации в вызванном бомбой непрекращающемся сиротливом чувстве

близости к умершим родителям — как это передано в двухдневных рассказах помощника владельца магазина перед семейным алтарем с памятными таблетками его отца, матери и младшего брата:

Хотя они теперь мертвые, каждый день утром и вечером я все еще рассказываю отцу, матери и младшему брату... как бы разговариваю с родителями... С чувством благодарности я говорю им, что сумел благополучно прожить еще один день... Хотя они на самом деле мертвы, я чувствую, они как будто наблюдают за нами... с ощущением, что в моем сердце они по прежнему живы... что ... мне очень помогает.

Лифтон подробно описывает механизм идентификации с агрессором. Он рассказывал о шинбуддисте, который отражал общий упор японского народного верования на неразрывное единство с мертвыми и на ответственность за умиротворение душ умерших ради уверенности, что они довольны. Этот человек рассказывал Лифтону, что таскал с собой эти памятные таблетки, пока не нашел постоянного дома, так что «Теперь, поскольку я сумел обрести жилье, они тоже должны здесь поселиться, чувствую, чтобы ни делал, они всегда духовно поддерживали меня». Но другой стороной этой веры является страх, что если души будут оставлены без ухода, они потеряют покой, начнут раздражаться и могут нанести вред живым, пренебрегающим ими. И здесь тоже атомная бомба различными способами нарушает равновесие: повинование никогда не кажется достаточным, обычные похоронные действия никогда не кажутся завершенными.

Люди все продолжают усилия ради мертвых. Девушка-бармен, также осиротевшая после атомного взрыва, сказала Лифтону, что «я думаю все больше и больше о маме», что (имея в виду трудности с ее мужем и ребенком) «могу рассказать ей о таком, пришедшем в голову, что не могла бы рассказать другим», и что «представляя при этом маму, я становлюсь при этом счастливее». Она также описывает регулярные сообщения для матери; в день, когда ей исполнилось восемнадцать, она сделала это в виде поэмы в прозе, записав ее в свой дневник:

Мне восемнадцать. Я перенесла много лишений и горя, а теперь стала молодой женщиной. Припудрив щеки, чуть подкрасив губы и надев платье в цветочках, я отправляюсь в парк, на романтическую прогулку. Видишь ли ты меня, мама, как я расту? Не могу забыть твое лицо. Перед твоей фотографией примеряю новое платье, причесываюсь, лишь бы все время показываться тебе. А ты видишь меня, мама, из того далека?

И публично тоже мертвые должны все время умиротворяться. На памятных церемониях в Хиросиме и Нагасаки Лифтон наблюдал, как сироты атомной бомбы выражают такие же чувства своим родителям и всем умершим родителям. Во время церемонии в Нагасаки мэр прямо заявил: «Город отстроен вновь благодаря защите душ умерших». А в широко распространенном фильме, в кадре про взрыв атомной бомбы (в самом пекле) детям-сиротам говорили, что им следует взять с собой самое необходимое, а они все равно, было видно, рвались назад, чтобы спасти фотографии умерших родителей.

Такие же примеры мы находим в отношении родителей к умершим детям. Эмоции фразы (цитированной выше, принадлежавшей родителям, собиравшим останки умерших сыновей) «Сыночек, я забираю тебя домой» животрепещущи и отнюдь не ограничены необразованными людьми. Лифтону рассказывали про известного преподавателя, чья дочь погибла, как думали, недалеко от университета (никто не знал точно где, так как останки не были найдены), который каждый раз 6 августа «молча шел к месту, где он думал, могла быть убита дочь, накапывал немного земли и молился за ее душу, чтобы почувствовать близость к ней».

Символика воды, истекающей из умирающего, тоже имеет дальние последствия. Она появилась вновь в отчете «Реки Хиросимы», опубликованном в национальном журнале в 1964 г., где автор писал о женщине «странного вида» среди многих посетителей Мемориала атомной бомбы в некое лето, несущей пивные бутылки, завернутые в фурушки; она встала на колени перед памятником, налила воды из бутылок себе в руки и обрызгала лежащие здесь цветы, затем повторила все действие перед каждым из нескольких памятников. Выяснилось, что она воспитательница детского сада, она рассказала автору статьи, что во время взрыва она видела много умирающих людей, просивших воды, но отказала им, согласно полученным предписаниям, однако предписания не помогли — «один за другим после тяжких страданий люди превращались в холодные трупы». Со своего рода «просьбой прощения» спустя много лет она пошла в ночь до наступления годовщины к усыпальнице с водопадом и совершила там обряд очищения; в следующее утро она набрала воды из него, чтобы доставить мертвым. В статье написано и о красоте рек, и о том, что они «поглотили много душ» во время бомбардировки. В ней также замечено, что «дождь никогда не идет 6 августа над Хиросимой». Вода, другими словами, представляется по существу жизнедающей силой, но и такой, что может также размывать жизнь. Краткий обряд, совершенный этой безвестной женщиной, обобщает психологическую борьбу живущих за успокоение мертвых.

Менее выраженным, но столь же важным, является полное страха желание отделиться от мертвых, неизбежная двойственность на фоне подчеркивания непрерывности и слияния всего человечества — живых и мертвых. К примеру, молодая работница одной конторы, обсуждая возможность ядерных войн в будущем, с большим страхом думает о мертвых атомной бомбы, представляя их в связи с возможностью своей смерти, столь же ужасной, как и их:

«Если бы мне пришлось в следующее мгновение умереть, я бы вникла тогда в весь болезненный опыт, умерших до меня... Если бы мне пришлось умереть так же, как и им...это было бы ужасно... думаю, они умерли в страшных муках... от смертельных болезней».

Не вполне ясно, предполагала ли она в воображении воссоединиться с умершими, хотя в любом случае ее самоотождествление с ними сильно. В то же время они остаются для нее несущими большую угрозу, и ее нажим на способ, каким они умерли, — «смертельные болезни» — остается в конце концов разновидностью японского народного верования, что души умерших столь насильственно и преждевременно особенно беспокойны, несчастны и опасны для живущих. Этот непрерывный страх перед мертвыми является постоянным побуждением, отмеченным исследователями у многих хикакуся времени бомбардировки, к тому, чтобы быстро избавиться от тел своих родственников, сохранив в памяти преувеличенные образы их внешних и внутренних повреждений, усугубляя то, что в любом случае является примером всеобщего беспокойства.

Следовательно, в своей преувеличенной покорности мертвым, хикакуся искупает не только собственное выживание после бомбы, но и неприемлемое желание прервать связь с теми, кто не выжил. Такого рода побуждение, объединяющее стремления к непрерывности и отделенности, также является всеобщим в человеческом обществе, и страх перед мертвыми столь же силен в японской культуре, как и в большинстве других. Но разрушения и заражение, вызванные атомной бомбой, физические и символические, усиливают потребность в единстве с мертвыми, увеличивая при этом и побуждение отделиться от них.

Одним из обобщающих примеров является особо сильное представление о мертвых как духовных посредниках — источнике моральных установлений живущим. Иногда, отвечая на вопросы про бомбу, говорят, например, следующее: «Те, кто лучше всего мог бы рассказать вам о бомбе, теперь мертвы» или «У мертвых, к сожалению, нет голоса». А некоторые в Хиросиме цитируют общеизвестное изречение: «У мертвых нет рта». Фоном таких выражений является не только чувство, что мертвые «лучше знают» об ужасах атом-

ной бомбы, но также чувство, что только они, а не выжившие, уполномочены решающе судить об этом.

Профессор английского языка выражает это чувство опять посредством литературного намека, в данном случае, строкой из Элиота:

Мне кажется, те, кто живут, весьма счастливы... У них есть голос для самовыражения, и вы, конечно, говорите с ними. А что же голоса умерших? Я думаю о поэме Элиота... «Четыре квартала», строка из которой, насколько я помню, гласит: «Есть некоторые люди, чей голос был неслышен при жизни, а после смерти... у них в конце концов появилась возможность говорить из огня». Эти слова меня глубоко тронули. Я думал о пламени Хиросимы... В те дни... мы теряли веру в язык... но когда я прочел эти строчки Элиота, ко мне вернулась моя прежняя наивная вера в язык — в его способность выразить наши чувства... Голоса умерших — вот важный вопрос. Надеюсь, по завершении исследования Вы обдумаете его...

Эта потребность в моральной покорности мертвым, глубоко повлияла на внутренний вопрос о том, что позволительно человеку как хибакусе, или точнее, что непозволительно. Хибакуси все время судят и действительно судят строго свое поведение и поведение других выживших на основании той степени уважения и ужаса, которая, очевидно, показывается в отношении к мертвым. Они, например, чрезвычайно подозрительны к любым индивидуальным или групповым попыткам социальных действий, связанных с опытом атомной бомбы. Пожалуй, они даже более придирчивы к участию хибакуси в таких мероприятиях, чем других людей, постоянно обвиняя такого человека в «продаже своего имени», «продаже бомбы», «продаже Хиросимы», или в поиске возможности стать «звездой атомной бомбы». «Забивающий гвозди» — выравнивающий людей японский культурный этос, так же, как и упомянутая ранее борьба с поддельной помощью, важны здесь, так же, как важен и горький опыт выживших, тасуемых честолюбивыми вождями. Но более основательным является внутреннее ощущение, что такие действия по самому существу «нечистые» и «оскорбляют мертвых».

Эти ощущения укореняются в обществе благодаря хибакусям, вовлеченным в общественные действия, и становятся проявлениями самобичевания. Известный политик, чья противоречивая карьера объединила старые политические приемы со страстным поощрением программ по оказанию медицинской и экономической помощи хибакусям, говорил, защищаясь, как бы в предчувствии нападок:

Возможно, вы встречались со многими жертвами бомбы, и некоторые, наверное, жаловались на определенные трудности... Я не

пытался продать свое имя — это не правда. Мой интерес был единственно в том, чтобы помочь этим людям — вся моя жизнь посвящена этому...

Если отвлечься от ответов на действительно имевшие место обвинения в «продаже имени», его слова обнаружат неприемлемое для него понимание, что направляющими в его деятельности были побуждения личного честолюбия и своекорыстия — именно наиболее нечистое и наиболее «оскорбительное для жертвы», а не чисто бескорыстное служение в интересах хибакусей. Так как все мероприятия (особенно политические) содержат частицу личного честолюбия и своекорыстия, он оказался подверженным чрезмерно строгим формам осуждения и самоосуждения (хотя я мог бы добавить, что он, как тем не менее оказалось, вполне успешно продолжал общественную деятельность и частную жизнь).

Хибакуса, таким образом, живут под постоянным бременем того, что они выжили. Эмоция, описанная буддистским священником в их состоянии выживания, — «Все эти люди чувствовали чудо, особую милость, судьбу, позволившую им жить... [они] чувствовали себя благословенными [аригатай]... благодарные, что смерть миновала» — становится постоянным психическим состоянием, в котором непозволительно забывать, что другие не получили такого благословения. Это как если бы они заключили молчаливое соглашение с мертвыми, по которому последние за свою смерть и позволение выжившим жить овеяны моральным совершенством в противоположность выжившим с ярмом самопорицаемой, захудалой жизни. Цитированное утверждение преподавателя из Нагасаки «Кто умер — мертв и понесет свою судьбу, но живущий обязан жить с этим темным чувством» — может быть понято как выражение связанности выжившего с мертвым. Оправданно ли изречение о Хиросиме, так часто проговариваемое главами государства и участниками общих обсуждений по ядерному оружию о будущих войнах: «выжившие позавидуют мертвым»? Несомненно, есть случаи, когда завидуют, но я хотел бы подчеркнуть не зависть, а отождествление хибакусей с мертвыми до чувства, *как если бы* они умерли сами.

Тогда идентичность хибакусей в некоем важном символическом смысле становится *идентичностью мертвых*, учитывая следующее умозаключение о себе:

Я почти умер; мне следовало умереть, и я вправду умер, или, по крайней мере, в действительности я не живу; или если живу, нехорошо, что это так; все, что я делаю для поддержания жизни, также нечисто и оскорбительно для умерших, которые одни

только чистые, проживая как мертвый, я занимаю место умерших и даю им жизнь.

Можно ли тогда сказать, что эта идентичность мертвых, с ее проклятьем жизни как таковой, толкает хибакусю прямо на путь к самоубийству? Не думаю. В течение времени, близкого к полному распаду непосредственно после взрыва, многие, несомненно, и в правду перестали бороться за жизнь и, тем самым, ускорили свою смерть. И мы наблюдали при обсуждении работы средств информации широко распространенный образ атомной бомбы, движущей людей к сумасшествию и заставляющей их убивать себя — образ, который всегда упрощает и часто искажает, но, тем не менее, содержит частицы правды. Хотя итоговые данные по самоубийствам среди хибакусей еще не обнародованы, мое общее впечатление, что они, как группа, не показали особенно сильной тяги к самоубийству, напротив, на всех этапах своего опыта упорно цеплялись за жизнь. Хотя они лелеют образ отдачи жизни мертвым в обмен на смерть — как мы знаем, прав писатель-промышленник — они стремятся, подобно ему, отвергнуть непосредственное саморазрушение на этой основе:

Хотя я сказал, что пожертвовал бы жизнью ради жизни моей дочери [умершей от заболевания, вызванного атомной бомбой], это не значит, что я не ценю свою жизнь. Были люди, совершавшие самоубийства после войны, но у меня нет уважения к ним, потому что у них не было уважения к собственной жизни. Не думаю, что можно что-то решить одной лишь смертью.

В этом человеке, как и в других хибакусах, все единство внутренне испытанной символики смерти, охватывающей идентичность мертвых, может довольно парадоксально служить средством к утверждению жизни. Ведь груз вины, который выживший несет с собой, особенно вины преимущества выжившего, его покорность мертвым — это его лучшее средство оправдания и утверждения его собственного существования. Однако оно остается существованием с огромной тенью, отброшенной наперерез ему, с жизнью, которую в глубоком символическом смысле выживший не считает своей.

Жуткая и нереальная атмосфера тесно связана с общим нарушением идентичности как потерей чувства собственного «Я», а равно и разрушением города, внезапным исчезновением «поля существования».

К потере идентичности вела абсурдная гротескность этих «ни живых, ни мертвых» человеческих фигур, с которыми выживший тесно отождествляет себя. «Вид у них был тот еще. Вся кожа почернела от ожогов, волосы на голове сгорели. Они протягивали руки

вот так (поскольку прикосновение к ожогам причиняло боль) и нельзя было сказать, смотрите вы на них спереди или сзади».

Литература

1. *Асанова Н.К.* Теории психосексуального развития. М., 1997.
2. *Гуревич П.С.* Приключения имиджа. М., 1994.
3. *Никитин Е.П., Харлампенкова Н.* Феномен человеческого самоутверждения. М., 2000.
4. *Психоанализ.* Популярная психология / Под ред. П.С. Гуревича. М., 1998.
5. *Хорни К.* Новые пути в психоанализе: Самоанализ // Собр. соч. в 3 томах, т. 2. М., 1997.
6. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М., 2003.
7. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Вопросы для повторения

1. Что такое «идентификация» и чем она отличается от «идентичности»?
2. В чем выражается амбивалентность механизма «идентификации»?
3. Как возможна идентификация с агрессором?
4. Что такое распад идентичности?
5. В чем выражается символическое перерождение?

Темы рефератов

1. Идентичность и идентификация: опыт сравнительного анализа.
2. Жизненный цикл как психологическое понятие.
3. Отождествление с агрессором как феномен.
4. Распад идентичности.
5. Спутанность идентичности.

Интроекция как защитный механизм

Он прижимался щекой
К вымытым дождем мостовым,
И он рыдал, попав в силки
Перевоплощения,
И снова вернулся к себе.

Фед Сноу

В отечественной литературе чаще всего описывается проективный механизм и его использование в клинической практике. Интроекции, как правило, уделяется мало внимания. Между тем работа с пациентами демонстрирует весьма интересные клинические истории, раскрывающие действие процессов и явления, которые контражны проективному механизму. Речь шла о том, что пациент с удовольствием принимает в себя аспекты внешнего мира. Слово *интроекция* в психоаналитической литературе впервые употребил Шандор Ференци в работе «Интроекция и трансфер» (1909). В проективном процессе пациент выносит свои собственные чувства и внутренние состояния вовне. Он приписывает их другому человеку. Пациент в этом случае наделяет другого человека теми свойствами и качествами, которыми он обладает сам. При интроекции психотерапевт сталкивается с противоположным феноменом. Пациент бессознательно вбирает в себя черты другого человека, который не только живет внутри невротика, но находит во внутреннем мире этого человека свою нишу. Так внешний мир становится объектом бессознательного фантазирования. Все, что принадлежит другому — его особенности, черты, качества, манеры, жесты — принимаются пациентом как органическая часть самого себя. Он бессознательно отождествляет себя с этим человеком. Внутренний образ значимого другого становится не только ориентиром поведения. Он в значительной мере определяет человеческую субъективность пациента.

Ребенок, начиная с самого раннего детства, должен иметь конкретный и достаточный опыт отношений с родителями, которые доставляют ему удовольствие. В процессе таких взаимодействий происходит трудноуловимый сознательный и бессознательный обмен информацией, что создает предпосылки для формирования ин-

троектов, то есть состояний, которые ребенок черпает из внешнего мира и погружает в себя. Это, прежде всего, образ матери, который либо доставляет удовольствие, либо, напротив, превращается в «карающую фигуру».

Количество интроектов определяется следующими факторами: качеством ранних отношений между матерью и ребенком; реакциями ребенка на ограничение и фрустрацию; способностями ребенка переносить фрустрации. Когда имеется повышенная напряженность в отношениях, стресс, тревога или фрустрация, восприятие родителей у ребенка в значительной мере искажается, привнося в складывающийся интроект бескомпромиссность и жесткость.

Формирование идеалов идет одновременно с формированием интроектов. Ранние образы желаемого идеального состояния себя основаны на реальном или воображаемом переживании безопасности, удовольствия и аффективного единства внутри диады «мать-ребенок». Поскольку родители в этом время воспринимаются как всемогущие и совершенные, рождается почва для идеальных объектных отношений. Таким образом, Эго-идеал содержит в себе доэдиповы фантазии о грандиозности и веру в родительское всемогущество.

Типичные конфликты для стадии воссоединения матери и ребенка, в которых желание ребенка наталкивается на материнские требования сдерживать импульсы, создают почву для внутриспсихического конфликта. Когда ребенок начинает видеть разницу между пожеланиями матери и своим внутренним миром импульсов и желаний, это его сердит и фрустрирует. Однако ребенок также знаком с регулирующим утешением, которое несет в себе материнская любовь. С ранних лет ребенок видит, что у матери также имеется свое представление об «идеальном ребенке». Поэтому ребенку приходится выбирать между несовместимыми желаниями свободно выражать свою волю и удовлетворением материнского идеала для достижения взаимной гармонии. Двойственность чувств все чаще обнаруживает себя.

Если материнские стандарты слишком высоки, мать чрезмерно критична, или же либидозные и агрессивные импульсы у ребенка трудно им контролируются, у малыша оказывается мало возможностей получить одобрение или поощрение. Он постоянно боится потерять материнскую любовь и утешение. Согласие с требованиями матери ведет не только к модификации поведения ребенка, но и облегчает их интернализацию и формирование более устойчивых интроектов. Поэтому уступчивость ребенка требованиям матери указывает на начало интернализации конфликта. Так как эти интроекты начинают проявляться (бессознательно) как авторитетный внутренний голос, то данный конфликт является главным достижением стадии воссоединения.

Идеализация ребенком родителей является нормальной стадией развития Супер-Эго, важной для обучения контролю над собственными импульсами. Завоевание любви становится столь же важным, как и удовлетворение влечения. Любовь родителей и трудности в преодолении болезненной амбивалентности способствуют тому, что ребенок уступает и в итоге идентифицируется с их требованиями и ожиданиями.

Недостаточная или преждевременно потерянная идеализация родителя ставит под угрозу чувство уверенности ребенка в умении справляться с инстинктивными импульсами, лишает важного источника чувства завершенности и самооценности. Напряженность конфликта между желаниями, связанными с влечениями и с объектом невелика, и, таким образом, невелика и мотивация соглашаться с желаниями объекта. При таких обстоятельствах, признание авторитета вместо того, чтобы привести к чувству гордости, может привести к боязни утратить власть и контроль, к пассивному смирению. Попытки ребенка сохранить или восстановить прежнее, теперь идеализированное, блаженное состояние могут вести патологическому упорству, характерному для ранних форм самовозвеличивания.

Уступчивость интроекту вносит вклад в устойчивость объекта и себя, обеспечивая впоследствии их надежность. Однако нельзя недооценивать трудности, с которыми сталкивается ребенок, уступая интроекту. Ребенок двух-трех лет испытывает угрызения совести, стыд и чувство вины в тот момент, когда его поведение плохо соотносится с требованиями интроекта. Однако болезненные эмоции не гарантируют, что подобные поступки не будут совершаться в будущем.

Защитный механизм интроекции нагляднее всего обнаруживается в экстремальных ситуациях — потеря близкого человека, иссушающая тоска по идеалу, эмоциональная зависимость и т.д. В этих случаях аналитик сталкивается с различными сложностями, предполагающими возможность более адекватного восстановления клинической истории.

Психоаналитик работает со своим пациентом над тем, чтобы вопреки (запечатленному в душе) социальному давлению, — подчеркивает Гельмут Дамер, — вновь ввести в разговорную коммуникацию экс-коммуникационные инстинктивные желания... Это восстановление воспоминаний является, по сути, борьбой (поддерживаемой терапевтом) за проникновение правды об истории жизни пациента против сопротивления цензуры, против биографической легенды, созданной невротически ослабленным Я. Достижимая таким образом терпимость пациента к социальному осуждению нуждается в социальной ратификации. Если этого не

происходит, пациент вновь отбрасывается в прежнее состояние, его обостренное чувство реальности, фермент социального изменения, остается неиспользованным¹.

Пациентка Л. обратилась к аналитику в связи с тем, что после развода с мужем, она никак не могла разорвать эмоциональные связи с ним. В течение дня она многократно звонила ему по телефону, но когда он оказывался у аппарата, пациентка молча клала трубку на рычаг. Так продолжалось много месяцев и превратилось в параноидальную привычку. Пациентка и сама понимала абсурдность своего поведения, но, разумеется, не могла объяснить его в клинических терминах. Она сама была инициатором развода, кроме того, она меньше всего рассчитывала на восстановление семьи. Но эмоциональный опыт совместной жизни привел к тому, что пациентка бессознательно воспроизводила образ мужа. Она пинала табуретку на кухне точно так же, как это делал ее бывший муж, приносила характерные словечки, которыми тот пользовался, спохватывалась, когда чувствовала, что жестикулирует, невольно подражая мужу. Получалось так, словно образ мужа постоянно ее преследует, проникая в ее собственный внутренний мир. Интроекция в данном случае выступала как защитный механизм, позволяющий переживать невротически сложившуюся стрессовую ситуацию. Аналитическая работа, разрушающая действие интроективного механизма, способствовала в конечном счете разрыву мучительных эмоциональных связей.

Обосновывая новое понятие, Ференци писал:

Если параноик выносит неприятные побуждения за пределы своего Я, то невротик, напротив, включает в Я как можно большую часть внешнего мира, превращая его в объект бессознательного фантазирования. По контрасту с проекцией этот процесс можно назвать интроекцией.

По мнению Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса, из этого нелегко, однако, извлечь строгое определение понятия интроекции, так как Ференци понимает его в широком смысле как «страсть к трансферу», приводящую невротика к ослаблению его свободно парящих аффектов путем расширения круга интересов. Действительно, Ференци называет интроекцией *тип поведения* (главным образом у истериков), который вполне можно было бы назвать и проекцией².

Однако клиническая практика показала, что различение понятий «проекции» и «интроекции» имеет строгую основу. Кроме того, и сам Ференци в значительной степени уточнил свой термин, раскрыв два типа адаптации к реальности — аллопластический и ауто-

¹ Г. Дамер. Шандор Ференци: его вклад в психоанализ. / Энциклопедия глубинной психологии. Том 1. М., 1998. С. 180.

² Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996. С. 172.

пластический. После работ Фрейда и Юнга термин «интроекция» обрел строгую концептуализацию. Юнг, в частности, рассматривал интроекцию как процесс ассимиляции объекта субъектом. Он также оценивал интроекцию как способ интернализации опыта. Именно Юнг показал, что как раз Авенариус толковал интроекцию как термин, соответствующий проекции.

Действительно, то вкладывание субъективного содержания в объект, которое Авенариус имел в виду, можно столь же удачно выразить понятием проекции, почему для этого процесса и следовало сохранить термин проекции. Но Ференци определил понятие интроекции как противоположное «проекции». Он имел в виду втягивание объекта в субъективный круг интересов, тогда как «проекция» для него есть выкладывание субъективных содержаний и переложение их в объект. Параноик вытесняет из своего эго все движения души, вызывающие неудовольствие, невротик, напротив, облегчает себя тем, что он воспринимает в свое эго большую часть внешнего мира. Первый механизм есть проекция, второй — интроекция. Интроекция, по мнению Юнга, есть своего рода «процесс разжижения», расширения круга интересов¹.

Психологически интроекция является процессом ассимиляции, проекция — же процессом диссимиляции. Возьмем для иллюстрации такой клинический случай. Пациентка В. потеряла дочь. Неожиданная смерть молодой девушки, само собой понятно, потрясла мать. Даже после нескольких лет пациентка не могла придти в себя. На проводимых сессиях она говорила о том, как изменился ее внутренний мир после похорон. Она нередко ощущает себя собственной дочерью. Пациентка не проецирует свои состояния на значимый для нее объект, а, напротив, ощущает ее присутствие в себе самой. Иногда, как она рассказывает, ей хочется поиграть в те игры, которые любила дочь. Порою, когда знакомые дочери звонят, чтобы выразить матери сочувствие в годовщины смерти, мать принимает это сочувствие в условном образе ушедшей дочери.

Фрейд также использует понятие «интроекции» в противовес проекции. В работе «Влечения и судьбы влечений» он связывает эту проблему с противопоставлением удовольствия и неудовольствия. Он пишет:

Я — удовольствие в чистом виде строится посредством интроекции всего того, что приносит неудовольствие». Австрийский психиатр связывает действие этого механизма с процессом идентификации. Если человек испытывает эмоциональные чувства к другому человеку, то потребность в отождествлении обнаруживает себя бессознательно. Об интроекции можно говорить в связи с

¹ Юнг К. Психологические типы. М., 1997. С. 526.

оральной инкорпорацией. Однако важно подчеркнуть, что термин «инкорпорация» — это не синоним «интроекции». Инкорпорация относится к работе фантазии. Психологически полноценный человек постоянно испытывает эмоциональные импульсы, идущие от реальной жизни. Напротив, эмоционально мертвый человек обращен внутрь себя: его чувства и действия подменяются размышлениями и фантазиями, а реальность компенсирует образы. «Чрезмерно развитая ментальная активность, подменяющая контакт с реальным миром, создает фальшивую живость. Несмотря на умственную активность, на физическом уровне заметна эмоциональная «омертвелость», тело остается «мертвым» и безжизненным¹.

Носители оральной структуры нередко предаются фантазиям, которые подменяют им контакт с реальностью. Пациентка М., озабоченная тем, что никогда в своей жизни не имела интимной близости с мужчиной, во время сеансов демонстрировала бурную работу фантазии. Она рассказывала, что однажды во время аутотренинга терапевт погладил ее руку. (На самом деле психолог хотел узнать, нагреваются ли пальцы). С этой минуты она решила, что между ними возникнут глубокие эмоциональные отношения. Фантазии на эти темы стали захватывать все ее существо. Ей даже снились сны, будто она в образе кита заглатывает своего возлюбленного. Разумеется, вскоре выяснилось, что терапевт не питает к ней никаких нежных чувств, что привело к фрустрации. Однако вскоре пациентка снова погрузилась в грезы. На этот раз пусковым механизмом явилась реплика одного из ее друзей, который осведомился, почему она пропустила очередную тусовку. И снова обычное любопытство она приняла за объяснение в любви. И тотчас же ушла в мир грезы.

Фрейд отмечал, что счастливый человек никогда не фантазирует. Неудовлетворенные желания есть движущие силы фантазии. Видный философский антрополог Арнольд Гелен назвал человека фантазирующим существом. Гелен, так же как З. Фрейд и А. Шопенгауэр, утверждает, что умеренные притязания на счастье затеняются картиной меланхолического существования человека. Он указывает, что институты радикально канализируют притязания субъекта, его представления и рефлексии. Он также критикует эпоху, которая не избавляет современного субъекта от упрека в том, что он утратил контакт с миром и стал пленником фантазии. «Что касается различных форм фантазий у «человека», — отмечает Х. Оттман, — то можно ясно заметить, что они тяготеют к внешнему поддержанию поведения, к бессубъектной фантазии, где внутрен-

¹ Лоуэн А. Предательство тела. Екатеринбург, 1999. С. 12.

ний мир оказывается внутренним внешним миром...»¹. Фантазии инкорпорации можно считать типично оральными. Не случайно во сне пациентка М. поглощает любимого человека. Это означает, что процесс формирования интроекции может сопровождаться фантазией инкорпорации. Эти фантазии нередко возникают у меланхолических (депрессивных) пациентов, интроекции возникают на оральной стадии развития либидо.

Интроекция как защитный механизм так и нормальный процесс развития. В качестве защиты интроекция уменьшает тревожность, порождаемую обособленностью. Но в то же время интроекция содействует формированию автономности личности. «Интроекция, по мнению Юнга, означает уподобление объекта субъекту, проекция же, напротив, — отличие объекта от субъекта, при помощи переложения какого-нибудь субъективного содержания на объект. Интроекция есть процесс экстраверсии, потому что для ассимиляции объекта необходима эмпатия и наделение объекта либидо»². Юнг различал также пассивную и активную интроекцию. Первая разновидность проявляется, среди прочего, при лечении неврозов и явлении переноса и, вообще, во всех случаях, когда объект оказывает на субъекта безусловное влияние. К последней разновидности принадлежит эмпатия как процесс адаптации.

Механизм интроекции в клинической практике описан также у К. Абрахама и М. Кляйн. Использование этого понятия в детском психоанализе описано достаточно обстоятельно. Дети часто в процессе игры воображают себя лошадкой или щенком. Такое отождествление может оказаться весьма глубоким и серьезным. Фрейд приводил пример, который он взял из одного психоаналитического журнала. Ребенок потерял своего котенка. Степень его эмоциональной привязанности была весьма значительной, поэтому он стал всем своим видом демонстрировать, что он котенок. Он ползал на четвереньках, отказывался от еды. Хотелось бы привести еще один пример. Он связан с клинической работой, в ходе которой терапевту было важно восстановить картину психологической травмы девочки Оли. Странность ее поведения состояла в том, что она панически избегала встречи с родным отцом после распада семьи. Стоило отцу придти в школу, как девочка пряталась в дальних шкафах, только чтобы не увидеться с отцом. Одновременно девочка испытывала сильную эмоциональную привязанность к отчиму, стараясь во всем походить на него. Играя в куклы, она называла себя его именем, точно так же, как и он, властно рассекала воздух рукой.

¹ *Оттман Х.* Человек как фантазирующее существо: теория фантазии А. Гелена // *Философия человека: традиции и современность.* Выпуск 2, 1991. С. 191.

² *Юнг К.Г.* Психологические типы. М., 1997. С. 526.

Говоря об отчине, она подчеркивала, что он жадный и бережливый, в то же время обнаруживала в себе эти черты. В процессе аналитической работы оказалось, что отец подверг девочку сексуальному приставанию. В результате отчим стал восприниматься Олей как избавитель, рыцарь и волшебник.

Термин «интроекция» в современном психоанализе приобрел дополнительные значения. Его нередко используют как синоним идентификации. Некоторые аналитики рассматривают этот механизм как примитивную форму идентификации, связанной с психотическим эффектом, когда границы между представлениями о себе и об объекте оказываются нечеткими. Уже говорилось вслед за Юнгом, что данный механизм можно отнести к психологической защите. Интроекция также может означать усвоение ребенком требований объекта и включение их в психику таким образом, что ребенок реагирует одинаково как в присутствии, так и в отсутствие этого объекта. В этом и заключается специфика употребления данного термина.

Ребенок подражает высказываниям, жестам и особенностям поведения родителей, что в то же время не всегда доставляет ему радость. Часто воспроизводится ошибочное, непрактичное или бесполезное поведение. Вспоминается шиллеровский Валленштейн: «Как он откашливается, как он сплевывает, все вы в точности у него переняли». Однако, по мнению Дитера Айке, гораздо важнее те процессы, которые, будучи усвоенными ребенком, изменяют его личность или влияют на формирование характера¹.

Маленький ребенок, если ему не удастся защитить себя, приспособляется из страха, поскольку аффекты взрослых слишком сильны и бурны. В таком случае ребенок бессознательно перенимает нечто из поведения взрослых. Так, дети перенимают страхи, не сознавая, что это не их собственный страх, а матери или отца. «Человек для своих галлюцинаций, фантазий или представлений нуждается в некоторых образцах. Просто необходимо связать их с чем-то знакомым. Этого, впрочем, ждет и читатель от нас, тех, кто пишет. Чтобы объяснить что-то новое, мы должны связать его с уже известным. Знакомое превращается у ребенка и, разумеется, также у взрослого в образ, или, как говорят аналитики, интроецируется. Тем самым оно не остается чем-то внешним по отношению к человеку, чем-то пережитым, но становится чем-то и внутри него самого. Эти феномены в психологии называются интроектами. В начальной стадии психоанализа их называли также имаго, внутренними образами².

¹ См.: *Энциклопедия* глубинной психологии. Том 1. М., 1998. С. 508.

² Там же. С. 509.

Фрейд описывал механизм интроекции как психический механизм, который оказывается основой идентификации и играет значительную роль в процессе формирования Супер-Эго. В психоаналитической традиции исследователи обращали внимание на различные параметры и качества интроецированных (внутренних) объектов. Эти объекты трактовались как специфические психические структуры, образовавшиеся в результате интроекции.

В психиатрии интроекция оценивается обычно как процесс и результат отождествления себя с образом другого человека (идеального или исторического героя, влиятельного лица, важной социальной фигуры). Психотик калечит собственную психику. Одна пациентка обладала неким «инфантильным» Я, которое явно не ведало ни о чем, кроме идеальной груди и состояния преследования. Преследователем было постоянно грозящее опасностью мужское присутствие, которое, как она опасалась, могло занять место хорошей матери. Это ее ужасно пугало. Она боялась, что ее оставят с этой фигурой. Обратив внимание на часто повторяющуюся последовательность событий, аналитик стал понимать, что пациентке необходимо накопить некоторый опыт. В ее психике парадоксально уживались два образа — «тот человек» и «не тот человек».

Механизм интроекции (примитивное присвоение чужого образа) определяется тем, насколько удовлетворительно взаимодействие между опекающим взрослым и опекаемым ребенком. Только переживание такой исходной взаимности создает у ребенка то ощущение безопасности, которое приводит его к первым «объектам» любви.

Клинический опыт, связанный с механизмом интроекции, требует, как мне кажется, более тщательного изучения.

Интроекция, которая является зеркальным отражением или дополнением проекции, сегодня стала предметом острых дискуссий. По мнению И.И. Пантелеевой, интроекция, даже в тех ситуациях, когда доминирующим процессом оказывается проекция и/или проективная идентификация, может иметь существенное значение для понимания полной картины происходящего¹.

Автор использует понятия проекции и проективной идентификации как синонимы, опираясь на сформулированное Элизабет Спиллиус мнение, что в клиническом смысле их разграничивать не имеет смысла, поскольку бессознательно, если не сознательно, человек сохраняет некоего рода контакт со своими спроецированными частями» (Spillius E. Clinical experiences of projective identification

¹ *Пантелеева И.И.* О роли интроекции в ситуациях доминирования проекции и/или проективной идентификации // Психоаналитический вестник. М., 2006, № 15. С. 130.

// Clinical lecture on Klein and Bion. London, 1992). Американский психиатр Г. Сирлз говорит о том, что теория позволяет достаточно легко прийти к выводу, что любой человек, имеющий слишком слабые границы Эго, способствующие массивной проекции, будет по той же причине иметь ярко выраженную склонность к проекции. Интроекция оказывается процессом, который во многих случаях намного менее заметен и распознавание его требует от психолога большего понимания себя, чем это обычно бывает в ситуации проекции.

Такие слова, используемые в психологии чрезвычайных ситуаций, как «инкорпорация», «бессознательная идентификация» и «интроекция», нередко используются как синонимы. Г. Сирлз описывает три основных вида реакций жертвы чрезвычайной ситуации на бессознательные процессы психолога: (1) он может воспринимать бессознательный процесс терапевта как одну из граней своей собственной личности; (2) воспринимать их в форме галлюцинаций; (3) разыгрывать их в своем поведении. На основе своего многолетнего клинического опыта он делает вид, что именно в работе с шизофрениками терапевт может наиболее ярко наблюдать определенные интроективные процессы, которые в действительности имеют место, в той или иной форме, в любом терапевтическом взаимодействии с любым пациентом невротического или психопатического типа¹.

Завершая итоги своего краткого обзора роли интроективных процессов в ситуациях доминирования проекции / проективной идентификации, И.И. Пантелеева выделяет три наиболее важных, с ее точки зрения, аспекта: теоретическое значение интроекции как части постоянно происходящих циклов проекции и интроекции; клиническое значение интроекции как возвращения субъектом спроецированных вовне частей своей личности и принятия изменяющихся интерпретаций; интроекции субъектом различных аспектов психолога или партнера, которые могут в дальнейшем влиять на принятие им отвергнутых и спроецированных вовне частей своей личности и приводить к тупиковым ситуациям в терапевтических или обычных межличностных отношениях.

Литература

1. Белл Д. Проективная идентификация // Пер. с англ. Материалы Кляйнианского семинара, октябрь 2004, Харьков, 2004.
2. Гуревич П.С. Клиническая психология. М., 2001.
3. Кейнсмент П. Обучаясь у пациента. Воронеж, 1995.

¹ Пантелеева И.И. О роли интроекции в ситуациях доминирования проекции и/или проективной идентификации // Психоаналитический вестник, 2006, № 15. С. 131.

4. *Кренберг О.* Агрессия при расстройствах личности. М., 1998.
5. *Пантелеева И.И.* О роли интроекции в ситуациях доминирования проекции и/или проективной идентификации // Психологический вестник. М., 2006, № 15.

Вопросы для повторения

1. В какой работе Шандор Ференци впервые употребил понятие «интроекции»?
2. Каковы трудности в понимании интроекции при сопоставлении ее с «проекцией» и «идентификацией»?
3. Что такое инкорпоративные фантазии?
4. Почему интроекция может рассматриваться как примитивное присвоение чужого опыта?
5. Какие три типа основных реакций жертвы на бессознательные процессы психолога описывает Г. Сирлз?

Темы рефератов

1. Интроекция как защитный механизм.
2. Ш. Ференци об интроекции.
3. Интроекция и проекция: опыт терминологического различения.
4. Бессознательная идентификация как явление.
5. Клинические аспекты интроекции.

Эффект катарсического прозрения

Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.

Максимилиан Волошин

Трудно сегодня представить недельную сводку новостей без катастроф и бедствий. Без крови и страданий, без смерти и всепожирающего пламени. Если приостановить эту череду трагических оповещений, не выдержит сердце, привыкшее к боли и потрясениям. Оно замрет от изумления, что самолет не упал, шахта не взорвалась, огонь не истребил престарелых, и здание с подложенным тротилом не рухнуло. Хроника крушений и взрывов стала такой же приметой жизни, как упавшая сосулька или раскрывшаяся почка. Можно ли назвать событие экстремальным, если оно стало каждодневным? Потрясенное сознание, уже получившее установку на огненную вспышку, не вынесет наступившей тишины и благовеста.

Каждый раз после очередного бедствия, мы задаемся вопросом *«Кто виноват?»* Но заведомо отвлекаемся от других, не менее значимых социальных и психологических проблем. Никто не задумывается над тем, сколь долго может сохранить себя в экстриме человеческая психика. Какова мера усталости металла, строительного блока, энергетического реактора? И что означает в этой ситуации расшатанность «человеческого фактора», предел людских возможностей и ресурсов! Наконец, что происходит с общественным сознанием, если оно постоянно испытывает шок и вечную встряску?

Здесь речь пойдет о тех глубинных последствиях, которые несут общественному сознанию экстремальные ситуации. Разумеется, они порождают массовые депрессии, уныние, разноликий ужас. Общественное сознание парализовано страхом. В этих условиях оно оказывается восприимчивым к панике, к подлым призывам, к параноидальной лепке сознания. С незапамятных времен психологи различают страх и ужас. «Сталкиваясь с враждебным, мы испытываем страх, сталкиваясь с неведомым — ужас», — отмечает австрийский писатель Герман Брох. Страх отличается отчетливостью, определенностью, его вызывает нечто конкретное, он поражает избирательно: я боюсь грома, микробов, побоев, злого волка. И боюсь за жизнь, кошелек, репутацию. Напротив, ужас покушается на все.

Он поражает отношение к миру вообще, потрясает планы и ориентиры, нарушает образ других и представление о самом себе, — пишет французский философ Андре Глюксманн, — Эксперты, политики, психологи всячески пытаются победить нарастающие страхи многочисленными и зачастую напрасными предосторожностями. Они стремятся обуздать неосязаемый ужас. Как опровергнуть смутное чувство неуверенности ни в чем? Какую гарантию дать человечеству, оказавшемуся внезапно без всяких гарантий? Даже если арестовать преступников или их сообщников и искоренить их сети, умножаются не только негодующие, но последователи, адепты и почитатели... Одиннадцатое сентября 2001 года будет всегда. Именно в масштабе его медийного и планетарного ужаса надо взвешивать наши чувства и наши решения»¹.

Ужас сегодня выражается в приступах ничтожных и несуразных решений. Шестьдесят процентов американцев отказываются летать самолетом, а в Париже тщательно заделаны общественные урны. Принцип беспорядка утверждает свое превосходство. Экспертизы ученых прогнозируют вселенский хаос. Привычки, правила, убеждения выворачиваются наизнанку. Тоталитарные силы ищут ресурсы всеобщей паники. Партии разыгрывают сценарии «систематического беспорядка». Повсеместно отрицается право на жизнь, цена ее оказывается ничтожной. Отныне линия фронта проходит внутри личности, народа, конфессии.

Однако можно говорить и о другом эффекте экстремальных ситуаций — о катарсическом прозрении людей, о готовности дать отпор тем, кто хотел бы уничтожить человечество, о мужестве и достоинстве тех, чей гнев и страх переплавлен в жизнестойкость и ясность сознания. Сегодня многие люди переживают состояние, которое Аристотель назвал катарсическим. Давно назрела необходимость понять, почему просвещенное человечество систематически игнорировало разоблачения, о которых писали в газетах и журналах. Что довело до такого безвольного и парализованного состояния глобальное сообщество, располагающее самыми мощными за всю историю средствами информации и влияния? Какие будущие потрясения искупят столь совершенное искусство скрывать лицо, притворяясь удивленным? Когда происходит, повторяется и вновь повторяется катастрофа, власть предрержащие непременно оправдываются — кто бы знал?

Когда Фукидид искал ответа в тридцати годах Пелопонесской войны, он позволил себе медицинский взгляд, осмотрел раны, проанализировал процесс разложения завоевателя, изучил загнивание греческой цивилизации от времен войны между полисами до войны

¹ Глюксманн А. Достоевский на Манхэттене. Екатеринбург, 2006. С. 12—13.

гражданской и самого глубокого безумия. Иначе говоря, классический историк сконцентрировался на том, чем пренебрегают современные: на долговременном контрразвитии.

Греческие зачинатели исторического исследования вооружались прямым взглядом на неблагоприятное развитие событий, не испытывая нужды в предварительной договоренности о хорошей мине при плохой игре, подобно тому как честные врачи диагностируют болезни, не рассуждая об универсальной идее здоровья. И наоборот, собравшись у изголовья разнообразно страдающего человечества, великие, управляющие едией Истории, до бесконечности разглагольствуют о глобальном здоровье; высшее знание о не и неотчуждаемое владение им они щедро приписывают себе¹.

Дети очень любили канарейку. Но вот она умерла. Все были очень расстроены. А ребята устроили пышные похороны птичке. Но в последующие дни произошло нечто непонятное. Фрейд никак не мог взять в толк, почему дети каждый день снова и снова хоронят канарейку. Если это травматическое переживание, то зачем дети его повторяют, ведь тем самым они возвращаются к травме.

Постепенно Фрейд нашел ответ на этот вопрос. Травматическое переживание не исчезает само. Есть только один путь «избыть» его, устранить из психики — это *повторное проживание события*. Таким образом, через цепь «повторений» наступает целительный эффект. В 1989 г. в Спитаке, где случилось землетрясение, был сооружен большой помост. На нем стояли маленькие хрупкие строения. Дети раскачивали помост и здания обрушивались. Они играли в землетрясение. Как это возможно? Воспроизводить то, что принесло Армении горе и катастрофу? Однако я заметил, что к помосту подходили время от времени взрослые. Они тоже подключались к этой игре. И тоже обретали душевное облегчение.

В истории человеческой культуры сложился феномен, который никогда больше не возрождался в Европе. Речь идет о древних мистериях, которые возвещали катарсический эффект.

В храме Изиды на горе Вати-эль-Хав только что отошла первая часть великого тайнодействия, на которую допускались верующие малого посвящения... Сегодня был седьмой день египетского месяца Фаменота, посвященный мистериям Озириса и Изиды. С вечера торжественная процессия трижды обходила вокруг храма со светильниками, пальмовыми ветвями и амфорами, с таинственными символами богов и со священными изображениями Фаллуса.

¹ Глюксманн А. Достоевский на Манхэттене. Екатеринбург, 2006. С. 56—57.

Это строчки из рассказа А.И. Куприна «Суламифь». Эрос — изначальная, стихийная, мощная страсть, которая запускает в действие механизм порождения мира. Образ живительной природы был неизменным компонентом мистических культов начала времен. Поклонение ей проявлялось в разнообразных формах, иногда аскетических, иногда бурных, оргиастических.

О том, каким был эрос в древних цивилизациях, мы можем судить по уникальным памятникам культуры — мистериям древнего мира, сугубо секретным обрядом с участием лишь посвященных. Только в средние века они превратились в театрализованные представления, доступные зрителям. Вот одна из мистерий. Бог Сет решил погубить собственного брата, божественного Озириса, пригласил его на пиршество. Там с помощью лукавых слов заставил лечь в роскошный гроб. Затем захлопнул крышку. Так свершилось задуманное. Гроб с телом великого бога оказался в Ниле.

Жена Озириса только что родила сына и совершенно ничего не знала о судьбе супруга. В тоске и рыданиях она отправилась на поиски. Рыбы рассказали ей историю о гробе, который волнами отнесло в море и прибило в Библосу. Там выросло громадное дерево и скрыло в своем стволе труп бога и его плавучий дом. Царь той страны даже не догадывался, что в мощной колонне, которую он приказал сделать из дерева, покоится сам бог Озирис, великий податель жизни.

Изида отправляется в Библос. Тяжелая каменистая дорога, жажда и зной окончательно порывают ее силы. Однако ей удается освободить гроб из середины дерева. Она уносит его и прячет в городскую стену. Но Сет опять тайно похищает тело Озириса, разрезает его на 14 частей и рассеивает по городам и селениям Египта. И все равно верная супруга не прекращает странствий и поисков.

В Древнем Египте оргии входили в высший культ скопического служения Изиде. Мистерия как раз и воспроизводила тайный смысл происходящего. Вот десять жрецов в белых одеждах, испещренных красными узорами, вышли на середину алтаря. Двое других, одетых в женское платье, изображают Нефтис и Изиду, оплакивающих Озириса... Мистерия рассказывала также об обряде скопической жертвенности. Вернейшие поклонники Изиды соглашались на оскотление, ибо эта кровавая жертва напоминала о расчлененном теле бога.

Многочисленные философы, мудрецы, ученые и писатели пытались распознать ускользающий смысл древних мистерий. Какие реальные события человеческой истории нашли отражение в этих культовых действиях? Отчего они вновь и вновь разыгрывались на протяжении веков? Почему священная жертва отрекалась от страсти во имя божественного плодородия? Наконец, какие стороны человеческой природы проявлялись в культовых действиях?

Разгадать смысл священных историй — значит проникнуть в тайну человеческой природы. Раскрыть феномен любви — по существу распознать феномен человек. Ведь каждый из нас, независимо от того, к какой культуре принадлежит, пытается преодолеть одиночество, обрести сладчайший миг единения. В человеческой любви и коренится та сила, которая создала миф.

Древние мистики утверждали, что любовь духа первична по отношению к любви тела. Любовь открывалась в мистериях во все времена и у всех народов. Это единственный путь к богу, к жизни вечной. Любовь нисходит с неба. Только она возвышает землю и освещает ее. Возможно, здесь и таится первоначальная разгадка. Любовь плоти делается великой и святой, когда она становится реализацией и завершением любви духа.

Какие чувства испытывал человек после и благодаря мистерии? Возвращаясь к обыденной жизни, он не мог забыть о глубинных переживаниях. Человек испытывал необыкновенное потрясение, завораживающее все его существо. В сравнении с этим очарованием рутинная жизнь казалась пресной и малопривлекательной. Она воспринималась как пролог к новой мистериальной реальности.

Вот, скажем, мистерии, которые воспроизводили историю убийства Загрея. В переводе с греческого это имя означает «великий ловчий», «великий охотник». Сказание об его убийстве и последующем воскресении в новом облике — образе священного козла — сопровождалось ритуальным действием. Разыгрывался акт кровавой оргиастической драмы. Люди превращались в иступленных богоубийц, жестоких сладострастников. Эрос обнажал свою природную стихию. Темные слепые страсти приводили к злодеянию. Но вместе с тем они несли в себе символический смысл. Этим достигался эффект катарсиса, целебного психологического взрыва.

Ужаснувшись разверзшейся бездне, участники мистерии завершали драму глубочайшим раскаянием. Они оплакивали жертву, рвали на себе одежды, покрывали собственное тело ранами, посыпали голову пеплом. Однако наступал и третий акт этой истории — возвращение в мир обновленного бога. Оно сопровождалось всеобщим примирением и ликованием. Эрос увлекал не только в «недр души помраченье» (М. Цветаева), он просветлял душу, пробуждал совесть». Не позволяйте себе превратить этот ужас в повседневность. Оказавшись действующими лицами драмы, опомнитесь, прокляните разрушительные страсти» — таков урок древних мистерий.

Человек становится «ослепленным», «одержимым». В ослеплении своем он может, как подчеркивал Ю.М. Бородай, вообразить, что все высшее — обман, насильственно навязанные цепи, что сам он в глубине своей вовсе и не желает ничего нравственного...Снять эту катаракту с глаз, заставить человека увидеть истину — подлин-

ную «сверхъестественную» сущность свою — вот цель *катарсиса* (просветления), осуществляемого средствами оргиастической мистерии, а позже — трагедии. Древнегреческое учение о катарсисе исходило из того, что только через трагедию может раскрыться подлинная истина. Цель катарсиса — достижение этой истины. Средство — трагедия, независимо от того, осуществляется ли она ритуально-оргиастически, реально-исторически или воплощается в произведении искусства.

Ритуал дионисической мистерии утверждал *законность* «богохульных вождений одержимого страстями человека; на время праздника он легализовал и даже «освящал» эти «подземные» влечения и, более того, требовал от каждого бесстрашного и последовательного выявления всех затаенных побуждений такого рода, их предельного обнажения и — осуществления! «Ослепленным» людям как бы говорилось: вам кажется, будто боги (или повеления нравственности) принуждают вас к чему-то противному существу вашему? Так пусть будет «все дозволено»: убьем бога, преступим самые страшные заповеди его, и в муках раскаяния вы обнаружите, что *убиваете самих себя*, насилуете собственную натуру¹.

Любовь имеет в качестве истока сексуальную чувственность, но не исчерпывается ею. В ней есть нечто неизмеримо большее. Союз душ, самораскрытие личности.

Катарсис — целебный психологический взрыв, очищение души. Первоначально это термин античной эстетики (науки о прекрасном), выразивший глубину воздействия искусства на человека. В древнегреческом словоупотреблении: освобождение души от «скверны», тела — от вредных веществ. Пифагорейцы, последователи древнегреческого философа и математика *Пифагора* (ок. 570 — ок. 498 до н.э.), полагали, что душа страдает от вредных примесей, от пагубных страстей. К таковым они относили гнев, вожделение, властолюбие, фанатизм, страх, ревность. Очистить душу от этих аффектов способна, по мнению пифагорейцев, специально подобранная музыка. Пифагор согласно легенде исцелял мелодиями не только душевные, но и телесные недуги.

В отличие от Пифагора Платон не рассчитывал на помощь искусства в исцелении души, но полагал, что можно очистить душу от чувственных вожделений, от всего телесного, от того, что может исказить красоту идеи. Он утверждал, что идеи пребывают в природе как бы в виде образцов. Вещи же сходны с ними и представляют собой их подобия. Причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им.

¹ *Бородай Ю.М.* Эротика, смерть, табу. М., 1996. С. 139.

Платоновское истолкование катарсиса было развито затем древнегреческим философом *Платином* (205—270), основателем неоплатонизма, позже приверженцами патристики (совокупности теологических, философских и политических доктрин христианских мыслителей II—VIII вв., которых называют «отцами церкви») и представителями эстетики.

Катарсис — важнейший момент развития действия в античной трагедии, предполагавшей эмоциональную разрядку. У древнегреческого философа Аристотеля (384—322 до н.э.) находим эстетическое определение катарсиса. В «*Политике*» он писал, что под влиянием музыки и песнопений психика человека начинает преображаться. В ней рождаются сильные чувства — жалость, страх, энтузиазм, сочувствие. Так слушатели получают некое очищение и облегчение, связанные с удовольствием. В «*Поэтике*» Аристотель показал катарсическое действие трагедии, определив трагедию как особого рода подражание посредством не рассказа, а действия, в котором благодаря состраданию и страху происходит просветление подобных аффектов (аффект — всякое эмоционально окрашенное состояние (приятное или неприятное, смутное или отчетливое), которое проявляется в общей душевной тональности или в сильной энергетической разрядке).

Цель трагедии — обеспечивать катарсис души, «очищение от страстей». Трагедии великих древнегреческих трагиков (V—IV вв. до н.э.) Еврипида, Эсхила и Софокла заканчиваются гибелью героев и самым, казалось бы, безнадежным отрицанием жизни. Однако трагедия не вселяет в нас отчаяния, а напротив, очищает душу и примиряет с жизнью. Как, каким образом безобразное и дисгармоничное, составляющее содержание трагического мифа, может примирять с жизнью? Достигается это той таинственной силой, которая скрыта в искусстве, — силой, претворяющей в красоту жизненный ужас и делающей его предметом нашего эстетического наслаждения. По Аристотелю («*Поэтика*», гл. VII), зритель, следит за событиями трагедии, испытывает душевное волнение: сострадание к герою, страх за его судьбу. Это волнение приводит зрителя к катарсису — очищает его душу, возвышает, воспитывает его.

Понятие «катарсис» вызвало к жизни огромное количество различных интерпретаций, среди которых основными являются религиозно-ритуальное прочтение термина, медицинско-физиологическое, эмоционально-психологическое и интеллигентное как рационально-интеллектуальное¹. По мнению некоторых исследователей, глубокий смысл греческого слова утерян. По мнению

¹ См. *Макуренкова С.* Онтология слова: Апология поэта. Обретение Атлантиды. М., 2004. С. 139.

Н. Гринцера, не случайно Аристотель говорил о том, что эмоции, возникающие в душе зрителей, сродни психологическим характеристикам описываемых действий, но им не тождественны. Страх зрителя подобен, но не равен страху героического героя. Об этом, возможно, говорит терминологическое разграничение у Аристотеля эмоциональных переживаний героя и зрителя. Аристотель подобным образом подчеркивал отличие подвергшихся катарсису зрительских чувств от сходных с ними претерпеваний характеров в драме, составляющих суть трагического сюжета¹.

Катарсис символизирует новое рождение. Вот как это описано в книге С. Макуренковой:

Зритель в театре испытывает симпатию (букв. Сострадание) и жалость к героям... Через симпатию и жалость герой и зритель становятся одним существом, одним целым, подверженным общему страданию (патосу). В момент катарсиса происходит *разделение единого сложного субъекта*. Изображаемое, сцена, а там находятся и души зрителей, разом отсекается, и тут — о, ужас! — на какой-то миг человек оказывается *нигде*: душа была там, а там все уже *кончилось*. Но в следующий же миг душа находит свое тело, входит в него и осознает — не разумом, а всем своим существом — что она на месте, что она спасена, а в том, что *там*, — отделено, отсечено и закончен, в то время как *здесь* все продолжается. Там — смерть, здесь — жизнь, хотя в первый миг казалось, что смерть — везде. Происходит уход от смерти, новое рождение. Это и есть катарсис².

Стало быть, настоящий катарсис — особый, а вовсе не обыденный опыт, о котором можно вскоре забыть. Душа возвращается в тело, обновленная и измененная, и требует обновления и изменения самой жизни. Итак, понятие «катарсис» впервые использовалось в древнегреческой культуре для характеристики некоторых элементов мистерий (об этом чуть позже) и религиозных праздников. Оно было унаследовано древнегреческой философией и употреблялось в ней в различных значениях (магическом, мистериальном, религиозном, физиологическом, медицинском, этическом, собственно философском и пр.).

В философской и психологической литературе понятие «катарсис» имеет более 1,5 тыс. различных толкований. В эстетике эпохи Возрождения преобладало как этическое понимание катарсиса, так и гедонистическое (т.е. получение удовольствия). У теоретиков классицизма катарсис связывался уже не столько со страстями,

¹ См. Гринцер Н.П., Гринцер П.А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000. С. 293.

² Макуренкова С. Указ. соч. С. 177.

сколько с разумом человека. У французского драматурга XVII в. П. Корнеля трагедия, демонстрируя, как страсти приводят людей к несчастьям, заставляет разум человека проявлять сдержанность.

В христианской концепции эпохи Просвещения находим осуждение катарсиса. Так, французский философ Ж.-Ж. Руссо (1712—1778) осуждал театр, ставя в упрек катарсису то, что он «лишь пустое мимолетное чувство, которое исчезает тотчас же. Вслед за иллюзией (иллюзия — искаженное восприятие реальности) это остаток естественного чувства, сразу же загубленный страстями, бесплодная жалость, которая удовлетворяется несколькими слезами, но не подвигла никого на малейшие проявления человеколюбия» («Об общественном договоре»).

По мнению немецкого поэта и философа Г. Лессинга (1729—1781), возбуждение страстей повышает социальную активность человека. Трагедия в конечном счете оказывается «поэмой, возбуждающей сострадание». Она призывает зрителя найти золотую середину между крайностями сострадания и страха. Немецкий поэт И.В. Гёте (1749—1832) считал, что *катарсис восстанавливает с помощью искусства разрушенную гармонию мира человека*.

В Новейшее время понятие «катарсис» получило значительное распространение в психологии и психотерапии, что было обусловлено использованием его в теории и психотерапевтической практике И. Брейера и З. Фрейда и достижением ими реального очищения психики пациентов от патогенной (Патогенный — чреватый страданиями, болезнью) информации, облегчения их страданий. В психоанализе катарсис понимается как удовольствие, которое человек испытывает во время спектакля от своих собственных эмоций, передающихся от эмоций другого человека (актера), а также как удовольствие от ощущения части своего прошлого Я (оно принимает облик Я другого человека), обеспечивающего безопасность. Сейчас существует множество психотерапевтических методик и приемов, рассчитанных на достижение катарсиса.

Однако не всякое душевное облегчение связано с катарсисом. В психоанализе чаще всего речь идет о смене душевных состояний, терапевтическом переходе от тоски к радости, от горя к наслаждению. Но это скорее всего сублимация (сублимация — переключение энергии с социально и культурно неприемлемых (низших, низменных) целей и объектов на социально и культурно приемлемые — высшие, возвышенные, нежели катарсис. Исследователи отмечают, что состояния катарсиса человек может достичь с помощью искусства (рассказ Г.И. Успенского «Выпрямила») и без посредства искусства или философии. Это возможно в том случае, если человек сможет научиться самостоятельно извлекать уроки из личной судьбы, особенно если в реальном содержании этой судьбы будут и

подлинно трагические события. Исцеление в психоанализе, как правило, ведет к катарсису.

Сегодня все человечество, включая Америку, осознало свою смертность. Этот опыт массового прозрения, вызывающий к катарсическому очищению.

Литература

1. *Бородай Ю.М.* Эротика, смерть, табу. М., 1996.
2. *Гринцер Н.П., Гринцер П.А.* Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000.
3. *Гуревич П.С.* Философия. Учебник для психологов. М., 2003.
4. Логос живого и герменевтика телесности. Постижение культуры // Сб. под ред. О.К. Румянцева. М., 2005.
5. *Макурenkova Светлана.* Онтология слова: Апология поэта. Обретение Атлантиды. М., 2004.

Вопросы для повторения

1. Каков смысл понятия «катарсис»?
2. Что выражали древние мистерии как феномен культуры?
3. Почему катарсис связан с трагедией?
4. В чем смысл катарсического эффекта в психологии?
5. Отчего повторное переживание травматических событий вызывает катарсический эффект?

Темы рефератов

1. Катарсис как психологический механизм.
2. Древние мистерии как феномен культуры.
3. Катарсический эффект в психотерапии.
4. Катарсис и сублимация: опыт терминологического различения.
5. Эффект катарсиса в античных трагедиях.

Психическое онемение

Не могу я писать о Беслане...
«Это было не с нами, не с нами!» —
жизнь кричит,
защищаясь от зла.
Здравый ум замечает:
«Не с нами, не с нами, —
наша очередь не подошла!»

Римма Казакова

Эффект мортификации

Зная значение латинского корня «mors», нетрудно догадаться, что данный термин связан со смертью, с переходом к психологическому взгляду на жизнь, при котором она больше не связывается с избытком и реализмом. *Mortificatio* — это процесс созидания смерти, уходящий от любых внешних проявлений в глубину, в мир «теней», в мир психической сущности. Любое наше умирание во время ночных сновидений и повседневных неурядиц — это переживание смерти. Все наши мортификации — это *переживание создания души*.

В процессе *mortificatio* первоматерия — наш первичный психический материал — прорабатывается независимо от того, что с нами происходит. «Самобичевание» может быть самоизбиением, самоизоляцией и приготовлением лакомой доли психической пищи. «Чтобы, например, приготовить из мяса деликатес, необходимо его отбивать, пока оно не станет мягким, нежным и сочным. Такой пропитанный разными приправами «продукт» представляет собой современный алхимический сосуд «мазохизатор», мучительно трансформирующий все, что в него попадает после битья, резки, перемальвания и раздробления»¹.

Греки полагали, что семя, брошенное в щелочный раствор, остается живым, испытывает мучения, измельчается в этом растворе — «мазохизируется» в лекарство. Здесь можно говорить не о собственно мазохизме, а о мазохистическом воздействии «со стороны». Это то, что с нами случается, в отличие от того, что мы собой представляем. Мы подвергаемся воздействию *mortificatio*, испытывая недовольство собой аутоагрессию, жестокое в себе отношение, отказывая себе в прощении и даже в пощаде. Получается так, слов-

¹ Козун Лин. Мазохизм. М., 2005. С. 88.

но наша душа в процессе умертвления громко плачет и молит о приговоре, тяжком наказании, смерти. В психике происходит некий грубый, давящий, насильственный, перемалывающий процесс, и мы чувствуем мучительную боль от того, что нас мучают, хлещут розгами, дают в прямом смысле слова.

Бывает заметно: с человеком что-то не так. Гомеопатической медицине известно, как проникать в противоположность и соприкасаться с ней. Алхимическое мышление состоит и в поиске сходства, и в поиске противоположности. Средством от унижения является не гордость, не утверждение самоуважения, не добродетель и не развитие положительных черт характера. Это — смирение. Есть случаи неудач, промахов, проявления постыдной слабости, порождаемые лишь чувственным отношением. Мортификация жестко напоминает о том, что у человека *не все* в порядке. В таких случаях чувство лучше всего сдерживать с помощью более негативного чувства: если мы погрузились на самое дно смерти, то можем в буквальном смысле слова умереть со стыда.

Стадия *mortificatio* порождает состояние, известное на языке религии как раскаяние. (В английском языке «*contrition*» произошло от латинского слова *terere*, означающего «перемалывать»). Когда нам приходится извиняться за серьезное оскорбление, мы не хотим, чтобы нас погладили по голове и сказали, что все в порядке, мы знаем, что на самом деле все плохо. Нам нужно, чтобы наши оскорбительные поступки и связанные с ними чувства осознали и подтвердили, а не извинили быстро и «между прочим», ибо в этом заключается утверждение серьезности страданий нашей души и нашей человеческой ограниченности. Обычная легкая симпатия только упрощает *mortificatio*. Мортификация — это полное стыда переживание смерти; наша душа не потерпит случайного искупления.

Mortificatio — это психологическая стадия, а не нравственное деяние. Ее нельзя назвать ни хорошей, ни плохой. Просто существует такой необходимый процесс. Если вспомнить о том, что *mortificatio* — это созидание смерти и процесс исключения всякой реалистичности, становится ясно, что этот процесс необходим не только для нравственного укрепления Эго, но для осознания жесткой психической реальности. Эта стадия вовлекает нас в глубокий вид «терапии реальностью». Мы раболепствуем, чтобы осознать свойства своей психики, находящейся вне контроля Эго, в особенности ее уродство или банальность. Это очень трудно сделать.

Немощь — это телесное проявление переживания смерти: незапное, драматическое и умертвляющее погружение в черную пучину смерти. В состоянии немощи человек теряется в смертельном забвении, находясь на границе в состоянии, когда пульсирует

жизнь, а Эго-сознание отсутствует. Как только человек очнется от этого состояния, к его стыду он вспоминает, что Эго находилось в полной власти тела, и тогда сразу наступает оцепенение и в его равновесии, и в его сопротивлении.

Умерщвление, которое испытывает человек, имеет определенные цели, если мы сумеем их определить. В мазохистских переживаниях есть смыслы, заслуживающие того, чтобы о них знали, потребности, которые должны быть удовлетворены. Франц Кафка писал:

Эх, что и говорить, когда надо, хочешь, не хочешь, а приходится учиться. Мне необходимо было найти выход, и я учился как одержимый. Я не давал себе ни минуты покоя, и я нещадно вытравлял из себя все, что мне мешало¹.

При мазохизме человек принимает свою боль — и даже ее приветствует не из поверхностного удовольствия, а вследствие глубокой необходимости.

Mortificatio — это мучительное действие реформирования, переплавления, изменения — металла, органического вещества, психологического комплекса — для того, чтобы душа могла возродиться из *massa confusa* буквально однозначного и прямолинейного понимания, односторонних идентификаций и доминирования Эго. Но это возрождение происходит через мучительное познание — гнозис — и через *психопатологию* («выстраданный смысл»), а вовсе не через божественное прощение.

Внимание и тщательность, с которой мы относимся к процессу *mortificatio*, стремление разбередить небольшие смертельные раны, посыпая их солью и пробуждая постыдные воспоминания, румянец извращенного желания, понятный лишь человеку, который его испытывает, — все это вместе взятое занимает место в нашей душе и в искусстве мазохизма.

Любая мортификация в душе ощущается как смерть. Иногда у нас появляется ощущение ожидания, пусть смутного и нереального, полусознанного, что мы находились на пути к смерти и что совершенно бесполезно ей сопротивляться. Отсутствие сопротивления при мазохизме превращается в подчинение смерти, а по существу — в соучастие в ней, это приводит к идее мазохизма как метафорического самоубийства.

В современной психологической литературе *мортификацией* называют психическое «онемение» (*numbing*). Этот процесс принимает различные формы и становится специфической проблемой современности. По сути, это блокирование чувств, эмоций и самих

¹ Кафка Франц. Новеллы и притчи. М., 1991. С. 378.

восприятий, что само по себе напоминает смерть. В крайних условиях, например, в лагерях смерти, это явление принимает предельные формы, буквально превращая людей в «ходячие трупы». Но в то же время психическая мортификация есть и защитный механизм, способный избавить индивид от крайнего психического стресса. Так, смерть близкого человека всегда включает онемения, неспособность поверить в случившееся, что облегчает затем травматический опыт и его символическое осмысление.

Выжившие решают при этом психологическую задачу — совместить чувство утраты с продолжением жизни. Но, становясь длительным, онемение само превращается в источник опасности для душевного здоровья. Психиатры и психологи сегодня все чаще подчеркивают жизненное значение траурных ритуалов, которые выработывались веками, облегчая жизненное преодоление неизбежных жизненных травм.

Эффект «психического онемения» стал хорошо знакомым современному миру.

Во время землетрясения в армянском Спитаке 1989 г. местные газеты опубликовали очерк об одном секретаре райкома партии. Во время бедствия погибли его жена и дети, родители, родственники. Он был на работе, а дом обрушился. Журналисты восхищались тем, что секретарь райкома, несмотря на такое горе, остался на посту, руководил подчиненными, звонил в организации и при этом сохранял на лице маску невозмутимого спокойствия.

Вот он герой! Однако этот человек, если говорить языком психологии, просто впал в состояние психического онемения. Внезапность кошмара не позволила ему осознать глубину бедствия и собственного горя. Он действовал автоматически, бессознательно. Настоящая трагедия началась для него тогда, когда он пришел в себя, вышел из состояния мортификации (психического онемения) и окажется один на один с обрушившимся на него горем.

Образы смерти

Р. Лифтон отмечал, что при переживании глубинного страха рождаются «образы смерти». Причудливо переплетаются лики жизни и гибели. Лифтон назвал это состояние «состоянием прижизненной смерти». По-русски это передается выражением «ни жив, ни мертв». Большинство свидетелей катастрофы говорят не об охватившей их панике, как можно было бы ожидать, но о наступившей после взрыва «мертвой тишине», об особом чувстве замедленности времени и нереальности всего происходящего. Люди приобретали движения автоматов.

Человек не способен длительное время выносить подобное «погружение в смерть». Через несколько минут, а иногда и секунд на-

ступало «психическое отключение». Это состояние своего рода психического паралича и чувство внутренней пустоты, при котором способность к восприятию сохранялась, но исчезали все эмоциональные реакции на происходящее. Нередко оно передается в таких выражениях, как «живой мертвец», «идуший за собственным трупом» и т.д.

Психическое замыкание с последующим хроническим омертвением — самый распространенный защитный механизм у людей, переживших Хиросиму. Его внутреннее содержание, однако, более сложно и двойственно по своей природе. Будучи средством эмоциональной дистанции «Я» и не переносимым внешним окружением, психическое замыкание само представляет собой обратимую символическую форму смерти, которая должна предотвратить наступление реальной смерти (на бессознательном уровне возникают представления о том, что я уже ничего не чувствую, следовательно, я умер и значит смерть больше не может иметь места).

Другое бессознательное умозаключение: «встреченная мною смерть не есть моя смерть, все происходящее не должно меня касаться» (разрыв идентификации и эмоционального соучастия в происходящем). Отсюда двойственный смысл часто приводимых свидетелями выражений: «перестал ощущать смерть», «потерял чувство опасности» (это потеря чувства опасности — явление вообще распространенное, которое само может нести в себе опасность для жизни).

Существенно, что процессы восприятия и мышления могут сохраняться при далеко зашедшем психическом омертвении. Однако в данном случае теряется целостность личности, что связывает сферу познания с чувством и действием. Состояние «неполной жизни» оказывается той ценой, которую уцелевший должен платить за избавление от настоящей смерти.

Психическое омертвение, будучи необходимым элементом в экономии выживания, относится в то же время к числу тех процессов, которые, возникнув как занятые реакции, сами способны обращаться в угрожающую жизни патогенную силу.

Классическим примером могут служить «мусульмане» нацистских концлагерей. Это то состояние, в котором заключенный становится в прямом смысле слова «ходячим трупом». Защитный процесс здесь заходит так далеко, что этот вид смерти уже перестает быть символическим или обратимым.

Речь идет, как полагает автор, не о гипотетическом «влечении к смерти», которому заключенный перестает сопротивляться, а о наступлении полной десимволизации и потере человеческой идентичности, а это уже есть смерть. В этой связи можно ответить и на нередко задаваемый вопрос, почему столько жертв нацистских ла-

герей не делало попыток активного сопротивления. В основе здесь лежит состояние психического омертвения, вплоть до потери способности чувствовать и действовать.

Проблема психического онемения существует и в более широком аспекте. С точки зрения психоанализа каждая встреча со смертью ведет к активации прежних опытов выживания, вплоть до наиболее ранних (включая страх отделения от матери, служащий моделью позднейших форм страха, включая и страх смерти). Поэтому опыт переживших ту или иную катастрофу не бывает никогда совершенно новым и не сводится к прежнему. Само это сочетание связано с оживлением чего-то старого и давно забытого, делает его трудно преодолимым. В этой связи представляют интерес и новейшие гипотезы о природе психосоматических заболеваний, как результата «включения индивида в интерперсональное поле, которое эффективно воспринимается как угроза для жизни или биологической целостности»¹.

Переживавший встречу со смертью на бессознательном уровне продолжает символически воспринимать происходящее как нечто, несущее в себе непрерывную угрозу, на которую он не способен реагировать иначе, как прибегая к языку телесных органов. Действительно, среди переживших Хиросиму и еще больше — у бывших заключенных лагерей — мы встречаем широкую шкалу физических и функциональных расстройств, охватывающих практически все системы и органы.

Этот синдром включает также и быструю утомляемость, бессоницу и т.д., все то, что в классической психиатрии именовалось «неврастенией» и некогда объяснялось слабостью или истощением «нервной системы». Можно считать, что в основе этого лежит то же нарушение системы бессознательной символизации, однако, скорее с повседневными формами выживания.

С другой стороны, бросается в глаза сходство тяжелых форм психического омертвения с шизофренией в том, что касается расщепления психики, аутизма, нарушений чувства реальности и эмоциональной сферы. Автор приводит слова американского психиатра Г. Сирлза: «При работе с шизофрениками скоро начинаешь сознавать, что большинство из них, если не все, потеряло способность непрерывно ощущать себя живыми». При этом мысль о самоубийстве обретают автономную жизнь и как бы делают сам акт излишним. Это могло бы быть поставлено в связь с относительной редкостью самоубийств среди «хибакуся» и жертв лагерей. Сам акт самоубийства есть магическая и отчаянная форма поиска овладения смертью или достижения символического бессмертия.

¹ *Ludu E. D. An overview of psychosomatic disease. Psychosomatics. 1963. P. 7.*

Это та цена, которую больной должен платить за свой непреодолимый страх перед смертью.

Различие же в том, что в атомной катастрофе психотический синдром «конца мира» переживается в обратном порядке. Переживший ее воспринимает почти тотальное уничтожение в своем внешнем опыте, тогда как психический больной проецирует на внешний мир свое внутреннее чувство психической смерти.

Не в столь резких повседневных формах психическое омертвление имеет широкую тенденцию к распространению в современном мире. Оно служило препятствием и для осознания психологических последствий атомной бомбардировки, а также правильной оценки других катастроф.

Автор отмечает, что долгое время он не мог подойти вплотную к изучению вопроса, пока не преодолел в себе эмоциональный барьер, выработав своего рода «селективное отключение», сосредоточив все внимание на чисто профессиональных задачах. Но подобного рода отключение необходимо, например, в работе хирурга, работников Красного креста или спасательных служб. Не в столь явной форме оно окружает все работы по производству, испытанию и планированию атомного оружия. Здесь имеет место то «сочетание технико-профессионального подхода с идеологическим императивом, которое заключает в себе особую опасность».

В этой связи особую ценность получает в наше время всякий опыт, способствующий прорыву через повседневное отключение, поскольку он может нести в себе элементы очищения и катарсиса. Так, студенты признавались автору, что после его лекций о Хиросиме они с трудом слушают других преподавателей, трактующих более ординарные темы.

После убийства Кеннеди массу людей нельзя было оторвать от экранов телевизоров, пока передавались все детали убийства и траурных церемоний. Через несколько дней, когда телестудии вернулись к своим рутинным программам, они испытывали чувство особой пустоты.

Краткая реальная встреча со смертью и связанные с ней реальные эмоции оказались предпочтительнее, чем повседневное психическое оцепенение. Та же потребность лежит в основе и массового распространения всякого рода наркотических и вообще так называемых психоделических средств. Однако длительное их применение само порождает новые формы психической отключенности. Таков парадокс, неотделимый от данной формы борьбы за выживание.

Парадоксально, что иногда психические изменения в человеке происходят в процессе испытания мучительных переживаний. По видимому, именно это имел в виду Иисус, говоря о том, что, теряя жизнь, человек ее обретает. Иногда, только вытерпев мучительное

переживание смерти и покорившись ей, индивид может выдержать и понять то, что необходимо его душе. Здесь нет и не может быть никаких гарантий. Истинное подчинение исключает «выпрашивание» награды, ибо в противном случае его нельзя назвать истинным.

Проблема психического омертвения существует и в более широком аспекте. С точки зрения психоанализа каждая встреча со смертью ведет к активизации прежних опытов выживания, вплоть до наиболее ранних, включая страх отделения от матери, который служит моделью позднейших форм страха, включая и страх смерти. Поэтому опыт переживших ту или иную катастрофу никогда не бывает совершенно новым, хотя и не сводится к прежнему.

Действительно, среди переживших Хиросиму (и еще больше у бывших заключенных) мы встречаем широкую шкалу физических и функциональных расстройств, охватывающих практически все системы и органы.

Этот синдром включает также и быструю утомляемость, бессоницу, все то, что в классической психиатрии именовалось неврастением и некогда объяснялось слабостью или истощением нервной системы. Можно считать, что в основе этого лежит то же нарушение системы бессознательной символизации, связанное, однако, с повседневными формами выживания.

К тому же бросается в глаза сходство тяжелых форм психического омертвения с шизофренией в том, что касается расщепления психики, нарушений чувства реальности и эмоциональной сферы, аутизма (стремление замкнуться в себе, отгородившись от внешнего мира, жизненная установка, предполагающая оценку мира сквозь призму собственного «Я»).

На юго-восточном побережье Шри-Ланки — смытые города и поселки, плачущие люди. Они прижимают к сердцу обломки домов и чудом уцелевшую утварь. В Хамбантоте, на юге острова, слезы и слова кончились. Поверить в то, что здесь когда-то было райское местечко, усыпанное домами и людьми, невозможно. По официальным данным 2005 г., в Хамбантоте погибло 5 тыс. человек. На самом деле их в три раза больше, но свидетельство о смерти давали родным, только если тело уже опознано. В Хамбантоте опознавать погибших просто было некому.

А вот как описывают газеты эффект мортификации.

Многие люди до сих пор в шоке и не осознают масштабов катастрофы. Лучше об этом не думать, чтобы не сойти с ума. У всех перед глазами молодая женщина, она с утра до ночи стоит на коленях перед океаном и что-то тихонько бормочет.

— И дети, и муж, и родители, все у нее погибли. А она тронулась, — говорят уцелевшие жители. — Мы подошли к ней и по-

слушали, о чем она просит Бога. Лучше бы мы этого не слышали...

Женщина просила прислать ей еще одну волну. Чтобы она забрала ее с собой¹.

Подводное землетрясение у берегов Пхукета — тысячи тел утопленников, погибших в результате чудовищного цунами 26 декабря 2004 г. Ожидая любых известий о судьбе своих пропавших во время цунами детей, пара сотен европейских туристов, несмотря на давно закончившийся отпуск, отказываются покидать разрушенную береговую линию Пхукета. Каждый день, как на работу, они приходят в местную больницу узнать, сколько обнаружено тел — море выбрасывает их каждый день

«Я знаю, мой мальчик жив, — всхлипывает опухшая от слез молодая шведка. — Он был у бассейна, когда пошла волна, я видела, как его смыло в море. Скорее всего, ребенка выбросило на какой-то остров. Я просила вертолет, чтобы осмотреть окрестности, но мне не дают».

Три дня маленький город Беслан, о котором сегодня знает весь мир, напоминал большую пороховую бочку. Жители города дни и ночи проводили на улице. Беслан стал черным от горя.. День знаний внезапно стал днем смерти для сотен людей, пришли не только ученики и учителя, но и бабушки, дедушки, родители, бывшие школьники со своими семьями. Многие матери держали на руках грудных младенцев. Самой младшей из них, АLINE Сулеймановой, ставшей потом такой же, как все, заложницей, было всего 5 месяцев.

Женщины во дворах после Беслана обсуждают, как лучше опознать покойников. Буднично — будто рассказывают рецепты знаменитых осетинских пирогов. Траурная процессия на другом конце улицы — нашли еще одну первоклашку. Теперь всю ночь родные, выстроившись в прямую линию, будут караулить ее душу.

«Счастливые родители: у них остался еще один ребенок. А как мне теперь жить, одной, ведь младшего сына я так и не опознала?» — спрашивает Эмма Бетророва, журналиста из Москвы.

Восьмилетнюю Розу каждый день приводит сюда, в родную школу, мама ее погибшей подруги. Она просит, чтобы девочка без конца вспоминала одни и те же подробности — последние мгновения жизни дочери.

Безумный шепот тонет в пустоте спортивного зала:

— Почему она погибла, Роза?! Почему ты не подбежала к ней, не помогла выбраться из пекла? Ведь она — твоя лучшая подруга... Почему ты выжила, а она — нет?! Почему?²

¹ МК. 2005. 21 января.

² Санжеева Екатерина // МК, 24 сентября 2004 года.

Жертвам той трагедии сочувствует весь мир, сообщила журналистка Юлия Александрова, — Известные американские психиатры профессора Роберт Кэнкро и Юджин Вест, которые помогали очевидцам событий 11 сентября в Нью-Йорке, приехали в Москву обменяться опытом с российскими коллегами. До сих пор психиатры разных стран сотрудничали мало. Поэтому в «чрезвычайных ситуациях» приходилось «изобретать колесо». А на это уходит драгоценное время. И если российские врачи в Беслане уже знали, как работать в условиях масштабного террора, то, по словам доктора Кэнкро, американцы в 2001 г. были настолько ошарашены трагедией в Нью-Йорке, что совершенно растерялись.

Тяжелее всего приходится детям. Изменения в психике у многих сначала не проявляются и могут «всплыть» только через 2—3 года. Поэтому психологическую помощь, в том числе и медикаментозную, нужно оказывать долго.

Когда дети из Беслана приехали в Москву, их попросили нарисовать что-нибудь. Точно сговорившись, на бумаге они изобразили черные, безликие фоны, за каждым из которых страх и слезы. Но уже через неделю на рисунках появились веселые оранжевые и желтые цвета, причудливые фигурки, синее море и яркое солнышко. Значит, ребята постепенно оттаивают...

Жертвы Беслана — не первые жертвы России, умершие в агонии от рук фанатиков. Майкл Берли в своей работе о Третьем рейхе пересказывает историю, которая произошла на Украине в августе 1941 г. Эта история была типичной для того времени, и тем она страшнее.

Немецкие войска около Киева систематически уничтожали гражданских заключенных. Среди заключенных было 90 детей. Пока офицеры обсуждали судьбу детей, их держали в заключении в спекающей жаре, не кормили и не поили. Чтобы не умереть с голоду, дети вынуждены были есть известь, которую они выковыривали из кирпичной кладки. В конце концов, удостоверившись, что все их действия полностью отвечают приказам вермахта, офицеры отвели детей в лесок и расстреляли.

Убийство детей не просто принималось как легитимная тактика, но и требовалось нацистской идеологией. Враг был животным, он должен был быть уничтожен, пока он не отомстил — а это значит, по словам Гимmlера, убийство даже младенца в колыбельке...

Когда мы рассуждаем об ужасах Беслана, мы должны понимать, что в сознательном массовом убийстве детей нет ничего специфически мусульманского, чеченского или «другого».

Есть соблазн, как пишет американская газета «Таймс», поглядев на запутанную карту Кавказа, считать убийство в Беслане новейшим взрывом древнего кланового бандитизма, враждой детей гор,

не поспевающих за ритмом цивилизации. Однако история Европы в прошлом столетии напоминает нам, что от Беслана до Белсена (концлагерь Берген-Белсен) один шаг. В обоих случаях мотивацией была не древняя антипатия, а современная идеология.

Нет нужды верить заявлениям путинских подконтрольных государству телеканалам о том, что некоторые из беслановских убийц были арабами, чтобы признать все-таки, что они действовали по шаблону «Аль-Кайеды». Они не только проявили жестокость, свойственную Усаме бен Ладену, но и действовали в соответствии с недавними чеченскими зверствами. Хотя чеченцы имеют долгую историю яростного сопротивления тем, кого они считают своими врагами, характер современного чеченского террора имеет гораздо больше общего с современной фундаменталистской практикой, чем с историческим кавказским сопротивлением.

Многие комментаторы, которые с безопасного расстояния давали Путину советы, призывали его найти способ дать независимость народу Чечни, за которую они борются. Однако верить в то, что нынешний чеченский терроризм — это просто борьба за национальное самоопределение, которая кончится с получением должной автономии, это значит слепо игнорировать характер того, что произошло в Беслане.

Люди, несущие ответственность за зверство, готовы ограничиться национальной независимостью не больше чем нацисты были готовы ограничить свои территориальные претензии Судетами. Не проводящие различий методы, используемые и нацистами, и беслановскими террористами, настолько неадекватны их политическим требованиям, что они не попадают в те группы, с которыми какая бы то ни было демократия может вести переговоры. В обоих случаях мир был вынужден иметь дело с людьми, национальные устремления которых формируют лишь часть тоталитарной идеологии, которая полное удовлетворение получает от массовых убийств.

Когда Россия предоставила Чечне более широкую автономию в 1990-х годах, территория Чечни стала трамплином для фундаменталистских группировок, намеренных распространить резню за ее границы. В подобных обстоятельствах россияне не могли согласиться с требованием уважать право на самоопределение не более, чем вы или я можем уважать права собственности, когда дом вашего соседа стал притоном для преступников. Когда другие злоупотребляют своей свободой, угрожая твоей безопасности, возникает потребность действовать.

Весной 2002 г. в США, в штате Питсбург, 20 чел. (14 из них — подростки) попали в больницу с симптомами, которые наблюдаются сейчас в Чечне: приступы удушья, озноб, ужас, частичная потеря памяти. Тогда американские психиатры списали загадочную бо-

лезнь на страх перед бактериологическим оружием. Но есть версия, что там было испытано какое-то вещество или прибор, который влиял на психику подростков.

Прояснилась причина, почему «чеченская болезнь» распространяется в основном среди девочек-подростков. У девочек в период полового созревания крайне неустойчивая психика. Поэтому в это время они подвержены любому воздействию извне.

— У меня заболели две дочери: Тамара и Зарема, — рассказывает Айза Закриева, — первые приступы начались у старшей Тамары еще в школе. Ее отправили в больницу, а Зарема увидела свою кричащую сестру в теленовостях. И тут же сама свалилась с приступом.

Находиться в грозненской больнице трудно даже людям с крепкими нервами. По коридору бежит мальчик лет 12. И вдруг ни с того ни с сего падает на пол. Прямо на наших глазах он начинает задыхаться. Так, словно его горло сжимают чьи-то невидимые руки.

Мать поднимает его на руки и уносит обратно в палату.

— Кто наслал на нас эту болезнь? Кто?

Версия о том, что террористы применила в Чечне психотропное оружие, возникла не на пустом месте.

Третьеклашку Алину, дочку Бэлы Цгоевой, приславшей письмо, вынес на руках спецназовец. Он не добежал до «скорой» — пуля снайпера оказалась быстрее. Парень рухнул на колени, но девочку не уронил. Ее подхватили другие.

«Пульки кругом свистели, я и сейчас, как глаза закрою, их слышу. А еще я помню каждого боевика, они ко мне каждую ночь приходят, обещают убить». Вот такие сны она мне рассказывает по утрам, — горько вздыхает Бэлла Цгоева. — А на самом деле не спит она по ночам — боится. Весь город не спит...»¹.

Сейчас в Беслане — массовая депрессия. Как жить дальше? Моральное состояние и у детей, и у взрослых просто ужасное. Это лишь кажется, что самое страшное уже позади, — для большинства из них все только начинается, — говорят психологи, работавшие в Беслане. Острая реакция на стресс прошла, теперь у всех так называемое посттравматическое стрессовое расстройство (ПССР) и полное нежелание жить. Если человек строит дальнейшие планы и о чем-то мечтает, мы благодарим Бога, значит, за него можно не беспокоиться. Но таких в городе — единицы. Константина Мамаева объявили сумасшедшим. Он отказался сдать кровь на ДНК. До сих пор верит, что его дочь Сабина жива.

В истории России было немало трагических страниц и тяжелых событий. Мы живем в условиях, сложившихся после распада ог-

¹ Маेतная Елизавета. Проклятые вопросы Беслана // МК. 8 октября 2004 г.

ромного, великого государства. После трагедии в Беслане президент Путин заявил: «Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительные сферы. Кроме того, наша страна — с некогда самой мощной системой защиты — в одночасье оказалась незащищенной ни с Запада, ни с Востока». Президент оценил то, что произошло как бесчеловечное беспрецедентное по своей жестокости преступление террористов. Это не вызов Президенту, парламенту или правительству. Это вызов всей России.

По мнению В.В. Путина, мы имеем дело не с отдельными акциями устрашения, не обособленными вылазками террористов. Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России. С тотальной, жестокой, полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников.

Трагедия в Беслане страшнее штурма Грозного и двух чеченских войн, вместе взятых. Большинство погибших заложников были найдены в спортивном зале (около 150 трупов). Это не считая фрагментов человеческих тел. В возникшем после двух взрывов пожаре (по оценкам специалистов, с температурой около 600 градусов С) от многих тел остались лишь крохотные останки плоти. Их засыпало сотнями килограммов упавшей после взрыва кровли. На полу спортзала образовался «слоеный пирог смерти» высотой почти в полметра. Один из оставшихся в живых заложников сравнил спортзал с металлургическим мартеном, в котором плавится сталь.

Трагедия длилась минимум 52 часа. Куда стекается информация о происходящем в таких случаях? В Совет безопасности. По закону это одна из главных его функций: немедленный анализ ситуации и немедленная выработка оперативных решений. Для этого в Совбезе есть специальное помещение, так называемая ситуативная комната. Сюда подведены всевозможные средства связи, сюда стекается информация со всего мира

Когда приехавшая журналистка в Беслан задала вопрос: как найти пострадавших, ей ответили: чего искать, заходи в любой дом, в каждой семье — горе. Самое ужасное, что в Беслане никто больше не плачет. Слез нет. Только древние старухи, пережившие своих правнуков, возводят к небу руки и посылают проклятия. Выжившие дети Беслана играют в войну, в захваты, в смертников. Психологи, присланные по разнарядке из Москвы, им не помогут. Отстоя в очереди к врачам, родители спасшихся детей расстраиваются:

— Какие-то глупые вопросы эти столичные врачи задают: «Как ты себя, деточка, чувствуешь?»

Журналистка Елена Сажнева пишет:

Никогда прежде я не видела детей, сошедших с ума. Вроде той четвероклассницы, что каждый день теперь, надевая празднич-

ный белый фартук, берет в руки букет и идет с отцом на линейку 1 сентября. Она входит в школу с улыбкой. И совсем не замечает разрухи вокруг, бутылок с питьевой водой, по периметру окруживших школу, не замечая меня с фотоаппаратом. Неужели для нее то 1 сентября никогда не закончится¹?

Были случаи, когда близкие родственники погибших, особенно детей, отказывались сдавать донорскую кровь. Беслановцев понять можно. Люди, пережившие страшную трагедию, до сих пор отказываются верить в смерть своих родных, близких. Самое тяжелое в работе специалистов — общение с родственниками погибших. Это тяжелее, чем проведение самой экспертизы. Отцам и матерям показывают все, что осталось от их детей. И не каждый может это выдержать. Иногда у родителей возникают сомнения: их ли это ребенок. Так было, например, с обгоревшим до неузнаваемости тельцем девочки. Отец вспомнил, что накануне 1 сентября он лично надел на руку ребенку подарок — серебряное кольцо. Расчистив обгоревшую ткань на руке трупа, специалисты обнаружили колечко.

Новое кладбище в Беслане назвали детским. Там осталась пара десятков вырытых, но не востребованных могил, которые зияют среди ярких, разноцветных, похожих на детские рисунки могил. Каждый день женщины приходят сюда навестить своих кровиночек. А многие на кладбище просто живут. Поэтому на каждой могиле развешаны и расставлены детские игрушки, стоят в кадках яркие искусственные цветы. Вокруг холмиков уже выложены аккуратной плиткой небольшие площадки, врыты скамейки и столики.

На кладбище всегда кто-то есть. Вот молодой человек упал на колени между двумя столбиками, на которых фотографии любимых людей, и, держась за них обеими руками, беззвучно рыдал. А потом стал механически тряпкой натирать до блеска плитку вокруг могил. Пожилая женщина в черном платке разложила, похоже, уже в тысячный раз, по местам игрушки на могилах двоих внуков и долго вытирала стекло, защищающее от дождя и снега веселые лица мальчиков. У многих могил до сих пор стоят наряженные новогодние елки. В Беслане новый, 2005 год, никто не встречал. Те, у кого погибли близкие, пришли на кладбище и просидели здесь до рассвета².

Вера в воскресенье умерших — действие механизма мортификации. Вот примеры из той же статьи.

В новогоднюю ночь мой Ашанчик всегда загадывал желание и верил, что оно обязательно сбудется, — вспоминает Земфира Урсова. — Вот и я всю ночь думала только об одном — вот бы

¹ Сажнева Екатерина. Поминальная пятница // МК. 24 сентября 2004 г.

² Кузнецова Татьяна, Кодзасова Индира. Город ангелов — 2 // АиФ. 2005. № 9.

мой сынок воскрес! Об этом думали все, кто пришел тогда на кладбище, я знаю. Я часто хожу в церковь, прошу об этом Бога. Потому что такие ангелочки, как наши детки, не могут не воскреснуть. Пока я в это верю, я живу».

«Мой Жорик вернется в августе, я точно знаю, — говорит, горько улыбаясь сама себе, Зифа, мама Георгия Агаева. Она вместе с двумя сыновьями, пятиклассником Сашей и второклассником Георгием, три дня просидела в спортзале захваченной школы. Дома оставалась маленькая дочь Вика, которую Зифа кормила грудью. Пока малышка надрывалась от крика, не принимая никакой другой еды, ее мама спасала в школе чужих детей: сначала кормила их грудью. Всех — и больших, и маленьких. Потом раздобыла чайную ложку, сцеживала молоко в нее и по каплям передавала всему спортзалу. В том аду она выжила вместе со старшим сыном — их выбросило в окно взрывной волной. Месяц Зифа пролежала в больнице: теперь на ее лице на полщечи шрам, нет половины зубов, а в голове навсегда застряли осколки. А потом для Зифы начался второй круг ада — почти полгода она ходила по моргам и искала тело Жоржика. Они до сих пор ищут его. Ведь сказала одна из десятков экстрасенсов, расхаживающих по бесланским дворам, что он вернется в августе. До августа они и будут жить ожиданием. «Вы не думайте, что я сумасшедшая, — говорит Зифа. Только те, кто три дня просидел в спортзале и видел, как нас убивают, меня понимают».

Самоубийство

Самоубийство в человеческом обществе известно с тех пор, как появилась летописная история. При этом небезынтересно отметить, что слово «самоубийство» (англ. *suicide*) относительно недавнего происхождения. Согласно Оксфордскому словарю, в письменных источниках впервые этот термин был употреблен в 1651 г. и произошел от латинского *suicidium*, возникшего на основе местоимения «себя» и глагола «убить».

Анализ проблемы самоубийства в исторической перспективе необходимо проводить в двух аспектах: (1) институциональном и (2) индивидуальном. *Институциональное*, или *социальное*, самоубийство является актом саморазрушения человека вследствие его идентификации с какой-либо социальной группой. Институциональные самоубийства существуют до недавнего времени и проявляются в самых различных формах. Например, общественное мнение всегда одобряет принесение в жертву своей жизни ради кого-то другого, так как это соответствует идеалам социума. Специфика институциональных самоубийств состоит в том, что они определяют не только причину саморазрушения, но и его форму. Например, самопожертвование вдов и слуг в случае смерти их господина или

самоубийства короля после определенного времени его царствования. В архаических культурах специфической функцией институционального самоубийства является выражение таких глубоко персонализированных чувств, как гнев или жажда мести.

В противоположность социальному *индивидуальное*, или *личное*, самоубийство является актом частного протеста или демонстрации против индивидуальных межличностных конфликтов, либо актом трангрессии против социума. Мотивы этого вида самоубийства могут лежать в стремлении сохранить свою честь и достоинство, искупить свою трусость или малодушие, избежать страданий и позора старости или болезни, сохранить свою неприкосновенность (неподверженность чьему-либо влиянию), в стремлении не допустить личного позора от пленения врагом, в нежелании испытывать мучения разлуки или потери объекта любви.

Интерес человека к самоубийству начинается как с фиксирования в летописях и исторических документах наиболее интересных случаев самоубийства, так и в формулировке моралистического отношения к фактам самоубийств, которое, как правило, закрепляется в государственных законодательных актах.

В китайских исторических хрониках зафиксировано немало случаев описания самоубийств государственных деятелей, императоров и простого народа. Все они подразделяются на три общих случая: самоубийство, совершенное высшими сановниками при крахе их политической игры и / или в случае военного поражения; самоубийства, совершенного в целях доказательства верности своему хозяину, императору, нации в целом; и самоубийства, совершаемые женами для доказательства своей верности умершим мужьям. Древние китайцы верили, например, что длительность жизни и процветание их императора в загробном мире зависит от погребения вместе с ним того, кто по случаю его смерти совершил самоубийство. Большинство самоубийств совершалось в кризисные периоды истории, когда возникала необходимость в силу сложившейся обстановки выбирать между разными враждующими группировками. Обычно это был выбор между верностью стране, верностью мужу и верностью отцу.

В истории самоубийств в Индии и Китае важное место занимает сати — самосожжение женщины на погребальном костре своего мужа. Этот обычай, институционализированный и санкционированный брахманизмом, и, очевидно, заимствованный у скифов, получил в Индии распространение еще в древности и постепенно превратился в настоящее социальное зло. В 1892 г. сати было объявлено противозаконным.

История не сохранила имени первого самоубийцы. Тем не менее известно, что первый царь израильский Саул покончил с собой

в 1058 г. до Рождества Христова. Иуда, предавший Христа, удавился. У некоторых народов существовали особые ритуалы добровольного ухода из жизни. Эскимосы почтенного возраста уходили в тундру замерзать. В античной Греции на острове Кеос выпивали чашу с цикутой. В Японии старики умирали на горе под названием Обясутэяма, которое переводится буквально как «Гора, где оставляют бабушек». Большинство мировых религий осуждают самоубийство как непростительный смертный грех. По сути суицид — убийство. Но преступник, посягнувший на чужую жизнь, еще может покаяться в своем поступке. У самоубийцы такой возможности нет. Русский философ Н.А. Бердяев писал о том, что самоубийство противно православию, что оно отрицает три важнейшие христианские заповеди: веру, надежду, любовь. Тех, кто наложил на себя руки, не отпевают, о них можно молиться только келейно — дома. Но даже строгие церковные правила допускают исключение для тех, кто покончил с собой в состоянии сильного аффекта или по причине душевной болезни. Поэта Марину Цветаеву каждый год в день ее гибели, 31 августа, отпевают в храме Большое Вознесение у Никитских ворот.

Самоубийство — наиболее тревожащая людей проблема жизни. Как может человек к ней приспособиться? Как можно понять этот феномен? Почему один совершает самоубийство? Почему другой не совершает его? Оно кажется непоправимо разрушительным, оставляя за собой вину, стыд и безнадежное удивление.

Психоаналитическая теория придерживается убеждения, что самоубийство — это вершина мазохизма. В ней мазохизм рассматривается как враждебность, обращенная внутрь человека и превращающая его в жертву; самоубийство как конечный акт садизма, направленный против себя. С этой точки зрения, мазохизм — прежде всего феномен Эго, его смертельный прыжок на виду у богов как единственная победа, которую человек одержал в жизни.

Такое понимание упускает парадоксальность и мазохизма, и смерти, а также любовь души к парадоксу и ее переживание парадокса. Сосредоточив свое внимание на физической смерти, наступающей во время самоубийства, мы теряем ощущение смерти как способа видения психического аспекта или сущности того, что происходит в нашей жизни. Мертвые, обитающие в подземном царстве Гадеса в древнегреческой мифологии, считались «теньями». Им, лишенным прелести и излишеств реальной жизни, а также сумятицы бодрствующего сознания, осталась только квинтэссенция.

Как правило, наше обыденное сознание не согласно с таким видением сущности, такой перспективой смерти и ему сопротивляется. Но в глубине души, в тайных ее движениях существует движение к смерти, к глубине, к сущности. Возможно, это скрытое дви-

жение больше всего проявляется у мазохистов. Сам мазохизм, видимо, является парадоксом, в котором сочетаются сопротивление смерти и смирение с ней.

Само по себе состояние *mortificatio*, или психологического мазохизма, не является патологическим. Наоборот, это средство, позволяющее нам через переживания видеть свою скрытую, разрушительную патологию. Мазохизм становится патологическим, если он воспринимается буквально и если его утонченное воздействие препятствует самораскрытию и самопознанию, а не ведет к ним. Когда мы меняемся слишком медленно и слишком незначительно, то есть имеет место почти полная идентификация, это может быть единственным средством увидеть себя. Если существует конкретное представление и единственная предпочтительная идентификация, мы все как бы застываем в строительном растворе, состоящим из разных компонентов нашей жизни. В таком же положении оказывается страдающий герой, отвергнутый любовник, косматый аскет, непонятый бунтарь, неоплаканный мученик, вечный страдалец. Мы выброшены из глубины страданий в сферу поверхностных явлений, явного страдания — фантазии мученичества.

При наличии некоторых условий индивид становится суицидальным и затем предпринимает попытку самоубийства. Эти условия тщательно исследовались социологами, начиная с Э. Дюркгейма. Любой человек становится суицидальным, когда бы он ни оказался в этих особых социальных условиях, и участвует в формировании стабильной переменной для каждого общества. Дюркгейм отмечает: «Причины смерти находятся скорее вовне, чем внутри нас, и оказываются действенными только при условии, что мы отказываемся проникнуть в их сферу».

Так как индивид опутан суицидальными тенденциями группы, из-за которых и происходит самоубийство, сам поступок как таковой *не может* считаться моральным или аморальным. В нем нет места для личного выбора. Самоубийство — это скорее социологическая проблема, в определенной степени отражающая состояние того или иного общества. Для социологии это состояние всегда является негативным. Самоубийство представляет разрыхление социальной структуры, ослабление групповых связей, дезинтеграцию. Кроме того, оно выражается еще и в том, что разрушает корневую метафору самой социологии. Самоубийство выступает как явный враг общества, соответственно к нему следует применять оборонительные и превентивные меры.

Социология, со своей стороны, стремится к предотвращению самоубийств, и Дюркгейм выработал несколько важных рекомендаций на эту тему. Главная цель — привести индивида обратно в группу, от которой он отстранился в результате развода или вдовств-

ва, успеха или неудачи и т.п., поскольку такие ситуации — движение в направлении индивидуальной изоляции, приводящей к суицидальной тенденции. Для социолога предотвращение самоубийства означает усиление группы, которая, конечно же, укрепляет корневую метафору самой социологии. Именно поэтому социологи так много внимания уделяют проблеме суицида. К тому же становится очевидным, что фундаментальной тенденцией, которую следует предотвращать, является не сам суицид, а разрушающее влияние индивидуальности.

Если предотвращение самоубийства как-то связано со снижением фактора индивидуальности, аналитик вряд ли сможет обратиться к социологии для формирования своей точки зрения. Он интерпретирует движение в направлении изоляции, проявления индивидуальности и ослабления связей с коллективом в совершенно ином ключе.

В поисках корневой метафоры, поддерживающей судебный запрет самоубийства и предотвращение самоубийства законом и обществом, нам следует обратиться к Библии. Церковный закон предшествовал светскому и заповедь «Не убий!» обеспечивает основание как для юридической, так и для теологической точки зрения.

Святой Августин в своем сочинении «О граде Божьем» рассматривает эту заповедь в связи с самоубийством Иуды и Лукреции — римлянки, покончившей с собой во имя своей непорочной чести. Августин сурово трактует заповедь. Она означает просто то, о чем говорится, ее нельзя изменить посредством предположения, что Бог сказал Моисею: не убий *других*. Самоубийство — это форма убийства, как утверждает и закон. И как о законе можно сказать, что он обязывает нас жить, так и о теологии — что она приказывает нам то же самое.

Почему теологию самоубийство страшит больше, чем любая другая форма убийства? Почему она так обеспокоена этим вопросом? В основе теологической точки зрения лежит идея творения. «Всемогущий Бог сотворил жизнь. Она принадлежит Ему». Мы не сотворили самих себя. Шестая заповедь вытекает из первой и второй, она ставит Бога превыше всего. Мы не можем лишать себя жизни, потому что она не наша. Она — часть творения Бога, и мы — его творения. Выбирая смерть, человек отказывается от Божьего мира и отрицает свое сотворение Богом. Решая, что настало время оставить жизнь, человек выказывает свою чудовищную гордыню. Он возносит себя на место судьи, откуда только Бог может управлять жизнью и смертью.

Самоубийство связано, прежде всего, с *душой* и лишь косвенно с медициной (психиатрией), социологией, юриспруденцией. Влечение к смерти не обязательно следует рассматривать как движение

против жизни. Оно было некоей потребностью встречи с абсолютной реальностью, потребностью жить более полной жизнью, пройдя через смертное переживание.

Литература

1. Арон Э. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
3. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1997.
4. Социокультурные проблемы адаптации. М., 1979.
5. Хиллман Джеймс. Самоубийство и душа. М., 2004.

Вопросы для повторения

1. Каково происхождение слова «мортификация»?
2. Объясните состояние «прижизненной смерти».
3. Как вы поняли, что такое психотический синдром «конца мира»?
4. Когда появилось слово «суицид»?
5. Каково социологическое толкование суицида?
6. Почему самоубийство — это вершина мазохизма?

Темы рефератов

1. Феномен самоубийства.
2. Психическое онемение.
3. Психологическое толкование суицида.
4. Социологическое толкование суицида.
5. Теология о самоубийстве.

Комплекс вины за выживание и феномен виктимизации

Да жалок тот, в ком совесть нечиста

Александр Пушкин

Вина и комплекс вины

Вина — человеческий поступок или помышление, заслуживающее упрека. Феномен вины возникает потому, что человек обладает свободой. Он способен на ответственный, нравственный поступок и может судить, насколько правомерным, справедливым и законным был тот или иной шаг. Античная трагедия неразрывно связана с родовой виной и мстью, с карой за преступление без вины и по неведению. Такова прежде всего трагедия Эдипа. У мифического персонажа нет сознательной вины и ответственности. Это связано с тем, что носителем нравственного закона в мире является еще не отдельная личность, а род.

Родовая месть есть самый характерный нравственный феномен древнего человечества. Мечь в древности еще не была связана с личной виной. Мечь и наказание не были направлены прямо на того, кто лично виновен и ответствен. Понятие личной вины и ответственности сложилось позже. Родовая месть была безличной. Когда родовая месть перешла к государству и государство стало субъектом мести и наказания, начала развиваться идея личной вины и ответственности.

По мнению Н.А. Бердяева, именно христианство восстало против рабской психологии обиды и противопоставило ей благородную психологию вины. «Переживание вины и есть переживание аристократической, переживание благородных, как переживание обиды есть переживание плебейское, унижительное¹. Христианство вознамерилось вырвать из человеческой души рессентимент, излечить человека от больного самолюбия и зависти.

Н.А. Бердяев считал, что благородство требует от человека сознания своей вины. Глубина совести, которая часто бывает закрыта

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 109.

и задавлена, всегда свидетельствует о наличии сознания вины. Нужно как можно больше брать вины на себя и как можно меньше возлагать ее на других. Аристократ, по его мнению, не тот, кто гордо сознает себя первым, привилегированным и охраняет это свое положение, а тот, кто сознает вину и греховность такого своего положения. Чувство же постоянной обиды есть, по Н.А. Бердяеву, именно плебейское чувство.

Н.А. Бердяев полемизировал с Ф. Ницше и М. Шелером, которые видели в христианстве выражение мести и злобы. Рессентимент, в которое входит зависть, подчеркивал Бердяев, явно не является благородным чувством. Но оно может иметь слишком большое основание. «Самое глубокое все же не сознание своей греховности, которая может оставаться в морально-психологической сфере, а метафизическое сознание положения человека в мире, который имеет бесконечные стремления и поставлен в условия конечного, сдавленного существования. В этом падшесть человека. И в этом источник образования непросветленными страстями иллюзорных ложных миров»¹.

Ф. Шиллер называл вину «величайшим злом». И.В. Гёте думал, что вся вина на земле отмщена.

С другой стороны, — подчеркивал В.С. Соловьев, — страдания могут быть заслуженными, т.е. причинами их могут быть дурные поступки, но само страдание отделяется от своей причины и не включает в себе нравственной вины, а, напротив, признается ее обличением и искуплением².

Раскрывая феномен вины в средневековом сознании, Э. Фромм показал, что тогда церковь внушала индивиду чувство вины, но в то же время заверяла его в своей безусловной любви и давала возможность всем своим детям верить в то, что Господь их любит и простит. Практика покупки индульгенций, которая играла большую роль во время позднего Средневековья и вызвала особенно яростные нападки на Мартина Лютера, была связана с ростом влияния идей о свободной воле человека и о ценности его усилий. Покупая индульгенцию у папского эmissара, человек освобождался от временного наказания, которое должно было заменить ему вечное. У него были все основания надеяться, что ему отпущены все грехи.

На первый взгляд, может показаться, что практика покупки у папы избавления от адových мук, — писал Э. Фромм, — противоречила идее эффективности собственных усилий человека в деле

¹ Указ. соч. С. 304.

² Соловьев В.С. Соч. в 2 томах, Т. 1. С. 155.

его спасения, поскольку эта практика основана на зависимости от власти церкви и от ее причастия. Хотя в какой-то мере это справедливо, такая практика несла в себе дух надежды и уверенности. Если человек может так легко избавиться от наказания, то бремя его вины существенно облегчается; он может сравнительно легко освободиться от груза прошлого и избавиться от одолевших его тревог¹.

Характеризуя авторитарную личность, Э. Фромм показал, что для человека такого типа недостаток силы может служить безошибочным признаком вины и неполноценности. Если власть, в которую он верит, проявляет слабость, то его любовь и уважение к ней превращаются в презрение и ненависть.

Как отмечал М. Хайдеггер,

Мы, нынешние люди, слишком склонны или понимать вину нравственно, или же опять толковать ее как определенный род действий. В обоих случаях мы загораживаем себе подступы к первоначальному смыслу того, что позднее будет названо причинностью. Пока эти подступы не откроются, мы не увидим и существа инструментальности, которая стоит на причинности².

Примеры «комплекса вины» можно зафиксировать и в Беслане. Тем, кто избежал участи заложников, свойственно мучительное чувство. Мать десятилетней девочки, которая успела сбежать с линейки и уже год переживает жесточайший стресс. Она постоянно твердит: «Я тоже хочу туда, на небо, им там лучше, чем мне здесь». Мать ходит за ней по пятам, потому что дочь однажды прыгнула в колодец и пыталась искалечить себя горячим утюгом. Никакой закон не признает ее потерпевшей, но ее состояние сродни тяжелому ранению. Таких детей в Беслане много.

Вот пример, связанный с иркутской авиакатастрофой. Молодой человек, который имел место в головной части салона, уступил его женщине с ребенком, сам же ушел в хвостовую часть самолета. После гибели женщины с ребенком этот пассажир испытывал настолько сильный комплекс вины, что считал себя «убийцей». Он даже обратился с просьбой наказать его за то, что произошло, как будто он сам мог предвидеть развитие событий.

Психическое отключение не в состоянии полностью оградить выжившего от воздействия извне. Более того, само оно часто сопровождается болезненными реакциями стыда, самоосуждения или чувства собственной вины. Эти реакции в целом автор именует

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 60.

² Хайдеггер М. Время и бытие. С. 224.

«комплексом вины за приоритет выживания». Прорываясь через состояние психического отключения, эти чувства затем в свою очередь его углубляют. Отмечалась интенсивность чувства вины у родителей по отношению к погибшим детям, но то же относится и к родителям со стороны детей, ставших «сиротами атомной бомбы» (особенно при более выраженном прежнем амбивалентном отношении к родителям).

Однако сами эти «генераторы вины» очень многообразны. Так, тот протестантский пастор, который воспринял катастрофу в образах страшного суда, испытывал острое чувство вины за то, что пережил всех своих 56 прихожан, а также и стыд за «провал» своего бога, который не спас новообращенных.

Более общие источники вины кроются в том, что человек осознает, что в момент катастрофы его первые действия подчинялись чувству самосохранения, что нередко заставляло его оставлять без помощи окружающих. Когда человек говорит, что он хотел бы умереть вместо другого, то для него сразу создается психологическая трудность: как бы он ни хотел этого, он испытывает еще и облегчение от того, что не может этого сделать. И еще больше он осуждает себя за то, что испытывает от этого облегчение.

Этот процесс порождает комплекс вины за то, что каждый сделал для умершего и оставляет выжившего наедине с его собственной субъективной версией «раны в самом порядке бытия». Существует прямое отношение между чувством вины и той ролью, которая отводится фактору случайности в выживании.

Счастливым исход приписывается при этом судьбе или, переводя на психологический язык, чувству собственной неуязвимости. Человек бессознательно чувствует себя должником перед неведомой силой, смертоносной для других. Слабым утешением могут служить рассказы о случаях самопожертвования и братского соучастия среди уцелевших, «близкие к «утопии после катастрофы» — отмечавшейся при других бедствиях. Но и здесь подчеркивается позднейший «провал утопии», наступившее затем общее равнодушие.

Само чувство вины рассматривается как ненависть, обращенная вовнутрь или на собственное «Я». В катастрофе такого масштаба оставшиеся в живых физически и эмоционально подавлены, чтобы выразить свой гнев по отношению к прямым виновникам (причем образ самих виновников двоятся между американскими и японскими милитаристами). Трудно прямо выразить свою ненависть к тому, что воспринимается как какая-то сверхчеловеческая космическая сила.

В своей работе «Печаль и меланхолия» З. Фрейд выделил в числе реакций на смерть близких людей и *стремление к идентификации*

с умершим (пример этого — сын, перенявший после смерти отца его привычки и манеры). Во время работы в Хиросиме автор поражался тем, какую большую роль в реакциях занимает этот тип идентификации. С ним связана и склонность судить себя глазами других, которой принадлежит особая роль в восточноазиатских культурах (что именуется «санкцией публичного стыда», тогда как в западной культуре центр тяжести лежит на внутренней совести и чувстве своей греховности).

С этим связана и та роль, которую приобретают для выживших в Хиросиме обвиняющие глаза умерших. Очень существенно, что эти глаза часто принадлежат «неизвестному умершему». Это говорит о том, что процесс идентификации не останавливается на близких людях, а идет дальше, включая сограждан, соотечественников и всех людей. Именно глаза неизвестного обладают особой силой воздействия, приближаясь к «всевидающему оку» божества или к «злому глазу» неведомой злой силы.

Идентификация с мертвыми, подобно летальной субстанции самой бомбы, способна излучаться вовне». Выживший чувствует себя виновным по отношению к умершим, японец вообще — ко всем выжившим, остальной мир (прежде всего — американцы) — к японцам. В какой бы слабой или непрямой форме ни ощущалось это явление на периферии, в нем часть того наследия вины, завещенного миру Хиросимой.

«Неизгладимый образ» катастрофы может насыщаться чувством вины, что приводит к формированию устойчивых образов навязчивого характера, которые можно было бы назвать «лицом ужаса». Эти образы, с которыми выживший в сильной степени отождествляет себя, возбуждают в нем интенсивные чувства жалости и самоосуждения. Нередко это раненый, умоляющий о глотке воды. Последнее можно поставить в связь с символическим отождествлением воды с жизнью или оживляющей силой («живая вода»). Таким образом, отказать кому-нибудь в глотке воды — то же, что лишить его жизни.

В связи с этим можно вспомнить, что после катастрофы масса людей в Хиросиме искали спасения в реках, причем многие утонули. В тот же круг представлений входит и убеждение, что 6 августа в Хиросиме никогда не бывает дождя. Появление подобных образов не ограничивается только Хиросимой. Был описан случай, когда воспоминания бывшего заключенного обретали временами такую актуальность и силу визуализации, что приводило к смешению прошлого с настоящим. Стены нью-йоркской квартиры исчезали и бывший заключенный видел себя в Освенциме.

Автор «Хиросимского дневника» д-р Хашийя передает, что раньше, находившиеся в госпитале вместе с ним вели подробные рассказы о всех пережитых ими ужасах. При этом их внимательно слушали и никто не останавливал, как будто бы эти страшные силы приносили слушателям какое-то облегчение. Дело в том, что каждый невольно находил в них подтверждение своей относительно более счастливой судьбы. *Равным* образом фиксация на образах ужаса могла привести и к возбуждению агрессивных и *первертированных* фантазий, неприемлемых для сознания и служащих в конечном счете стимулятором чувства вины. Фактором, усиливающим вину за выживание, служит амбивалентное отношение к самому умершему. Отмечалось, как быстро «хибакуся» стремилась избавиться от трупов своих близких.

Абурдно-гротескные формы атомной смерти и страх физического заражения соединялись при этом с более универсальным страхом «заразиться» самой смертью. Универсальным средством для разрешения этой дилеммы служат похоронные церемонии (согласно Ван-Геннепу — один из обрядов перехода). В основе их лежит стремление обеспечить переход умершего в некий иной план существования (одновременно удаление его из мира живых и обеспечение за ним того или другого вида бессмертия). Японский буддизм учит о быстром отделении душ от физических тел, причем души соединяются с духами предков, поселяясь на вершинах гор, и лишь в особых случаях спускаются в дома своих детей и на рисовые поля¹.

Такой результат, однако, достигается не всегда, с чем связаны представления о «бездомном мертвеце», существующие в большинстве примитивных и народных культов. К лицам этой категории относятся умершие насильственной смертью в очень молодом возрасте, самоубийцы, а также те, кто лишен ритуала погребения.

Бездомные или живые мертвецы («дикие души» и «голодные призраки» в Восточной Азии) считаются опасным для живых, особенно для непосредственно их переживших. О погибших в Хиросиме чаще всего думают именно как о бездомных душах. Они погибли насильственно, нередко безвременно и без потомства и во всех случаях без похоронного ритуала. Поэтому «бездомность умерших душ такого масштаба, как вызванная нацистскими преследованиями или атомной бомбардировкой, заставляет переживших тратить остаток своей жизни на «исправление» своих отношений с умершими».

Традиционный культ предков нигде в Японии не соблюдается с такой детальностью и широтой, как в Хиросиме, а мэр Нагасаки,

¹ Taijo Tajnamuro. Funeral buddism. Tokyo, 1963.

этой «забытой исторической сестры Хиросимы», прямо заявил: «город возрожден и пребывает под защитой душ наших погибших сограждан».

Наряду с телесными недомоганиями, враждебными реакциями и другими нарушениями обычных форм поведения, симптомы острого горя вообще заключают в себе чувство вины, навязчивое представление образа умершего (как бы современный человек не отрицал буквальную веру в души, он не может отказаться от потребности в визуализации умерших как продолжающих некую символическую жизнь).

В случаях же «незавершенного оплакивания» эти симптомы могут стать хроническими и вести к тяжелым формам депрессии или психосоматическим заболеваниям. «Однако, что именно потерял выживший и что он оплакивает? Он оплакивает не только своих близких, но еще и неодушевленные предметы и потерянные символы. Вещи, дома, улицы, которые он знал, верования, которые были разбиты. В целом, он оплакивает свое собственное прежнее «Я», ибо то, что было отнято у него, это неведение смерти и, особенно, гротескно-абсурдной смерти».

Эта неспособность вернуть свое потерянное состояние отныне связывает его с умершими. Пережившему Хиросиму трудно завершить процесс оплакивания еще и потому, что он не прошел через необходимый этап «предварительного траура» или подготовки к своей потере.

Автор не раз приходил к выводу, что психические и психосоматические нарушения у переживших относились к их неспособности преодолеть тот начальный момент катастрофы, о котором выше говорилось как о внезапном переходе от привычного способа существования.

Относительно бывших нацистских заключенных уже отмечалось «отсутствие могил» как препятствие к совершению скорбных церемоний и как причина позднейших расстройств. «Однако, — пишет автор, — вопрос идет скорее об отсутствии умершего. И переживший нацистские лагеря, и «хибакуся» осознает, что человеческие останки, вокруг которых могли быть организованы траурные действия, улетучиваются в дыму крематориев или мгновенно превращаются в ничто».

Траурные церемонии становятся поверхностными и не приносят ожидаемого от них облегчения, что не раз приходилось наблюдать в Хиросиме. В этих условиях переживший подвергается ряду психических и психосоматических расстройств, которые, как было недавно показано, имеют своим источником всякий незавершен-

ный процесс оплакивания» (Имеется в виду, прежде всего, работы английского психоаналитика Дж. Баульби, показавшего, что неизжитые реакции горя, особенно в раннем возрасте, служат основой многих позднейших заболеваний).

Исходя из этого, один из ведущих специалистов в области психосоматики предложил рассматривать самую реакцию горя как заболевание¹. Однако наблюдения автора говорят о том, что источником «болезни» для переживающего служит скорее не само оплакивание, а невозможность его завершения.

Вина — это состояние человека, вызванное нарушением им долга, требований авторитета, обязанностей, накладываемых законом или соглашением (договоренностью). Возможность виновности обусловлена ситуацией выбора. Вина человека может быть различной в зависимости от того, совершены ли те или иные действия умышленно или по незнанию, неосторожности, наивности. Но чаще всего вина связана с голосом собственности совести. Во время катастрофы иркутского самолета зафиксирован такой эпизод. Один молодой человек, который сидел в первом салоне, уступил это место женщине с ребенком, а сам ушел в хвостовой салон. Женщина и ребенок погибли, а молодой человек уцелел. Он постоянно грыз себя за то, что добровольно предложил это переселение. Ему казалось, что в смерти женщины виноват именно он.

Виктимизация

Виктимизация — это сформированные под влиянием неблагоприятных обстоятельств стереотипы поведения, провоцирующие человека к бессознательному поиску опасных для него ситуаций. Данное явление в большей степени изучено психологами на примере женщин, подвергавшихся в детстве сексуальному насилию. Женщины скорее склонны к подобному реагированию, однако виктимность может отмечаться и у мужчин, переживших насилие в детском или подростковом возрасте. Примерами виктимного поведения могут служить чрезмерная доверчивость и неосторожность при общении с малознакомыми людьми или выбор в партнеры личности, склонной к насилию. При построении стратегии психотерапии виктимных личностей важно учитывать выраженность свойственных им мазохистических черт, а также преобладание таких механизмов защиты, как отрицание или вытеснение.

Ниже помещен отрывок из моего материала «Я — садист», который был опубликован в «Независимой газете». В нем сделана по-

¹ Engel G. Is grief a mourning? // Psychosomatic medicine. 1961. V. 23. P. 18—22.

пытка выразить этот феномен через персонафицированный образ садиста.

Принято думать, что насильник — это страшный мужик с ножом, который караулит жертву темной ночью за гаражами. Дело в том, что только 20% насильников — это так называемые маньяки. Еще 30% — пьяные подростки и освободившиеся уголовники. Однако в половине случаев жертва хорошо знакома насильнику. В случае с девушками-подростками, которые не всегда могут сказать «нет» взрослому человеку.

Попробуем реконструировать психологическое состояние садиста, который сталкивается с феноменом виктимности:

«Жертва пошевелила элегантной ножкой. Короткая юбка облегла рельефные формы. Я затаился. Сладостное предощущение насилия захватило меня. Подобравшись, я выглянул из засады. Гонимая, казалось, совсем не чувствовала опасности. Напротив, она как будто нарочно выставляла свои прелести в расчете на потенциального зрителя. Я невольно поморщился:

— Типичный виктимный тип, — подумал я.

Прежде мне нравилась опасная игра, возникавшая в слюсте страстей преследователя и гонимой. Среди потока людей глаз мгновенно выхватывал ту, которая словно ждала захватывающего кровавого приключения. Она привораживала, манила, вызывая кромешные вожделения. Всем своим видом такая будто приговаривала:

— Эй, ты, садист, или как там тебя... Небось, слабо. Смотри, не прозевай свой шанс.

В молодости столь непредсказуемая манка воспламеняла кровь. Она с сейсмографической точностью отзывалась на встречные мимолетные толчки. Теперь эта жертвенность раздражала. В голову лезли непрошенные мысли:

— Кто тут кого выслеживает? Ну, чего ты, вертлявая...

Хотелось иного. Невинного, непрошенного. От преследуемой не должно исходить никаких сигналов. Все должно быть стерильно. Она даже не подозревает, что кто-то наблюдает за ней. В первую секунду глаза источают доброжелательность. И только потом испуг. Эта молниеносная вспышка страха после вечности покоя. Она пробуждает во мне насильника, омывая все мое существо накатом всемогущего чувства. Беспомощность жертвы только утраивает ярость. Могучий инстинкт жаждет крови и сладострастия.

У простых обыкновенных людей секс вовсе не сопряжен с насилием. Им неведомы древнейшие охотничьи импульсы, манящий зов преследования, сладчайший миг палаческого удовольствия. Они знают одну пресность жизни.

Жертва между тем обратила свой взор в мою сторону. В ее взгляде мелькнуло некое беспокойство, которое тут же сменилось вызовом. Я задрожал от нетерпения.

Как поразительно точно описал это состояние маркиз де Сад. Кумир, открывший нам глубины сокровенных мечтаний. В тот памятный день он отправился в Марсель. Здесь его ждал лакей, снявший для него апартаменты. Тривиальная любовная история? Ничего подобного. Молодому маркизу нужна была не просто партнерша. В комнате его ждали четыре обнаженные девицы, вид и прихотливость поз которых рождали откровенно содомные страсти. Парижане и раньше знали про обширные гаремы восточных шахов. Но там царили все-таки совсем иные порядки. Владыка искал наслаждения в объятиях одной прелестительницы, которую выбирал на каждую ночь...

Возгласы плоти буквально жгли меня. К черту предосторожности. Возможное воздаяние, и об этом пишет сиятельный маркиз, только воспламеняет похоть. Возможно ли утолять сладострастие в обществе четырех соблазнительниц? Оказывается, это не так просто. Страсть иногда угасает, несмотря на все старания, не захватывает. Как же взбодрить себя? Нежными ласками, лирическим шепотом? Нет... Есть другие, пока мало опробованные средства.

Мой идол берется за ремennую плетъ, на которой укреплены рыболовные крючки, и начинает хлестать свою подругу. Вид ее мучений вызывает у него не сострадание, а острое, жестокое желание. Наслаждение буквально захлестывает маркиза...

А что же его подруги, ставшие жертвой неистовства? Они еще не ведая толком, что испытанное ими извращение войдет в историю европейской сексуальности, торопятся в полицию. Сержант записывает их сбивчивые рассказы о плетке, о наглых домоганиях маркиза, не дозволенные даже в борделе, о порошке из шпанских мушек, который стимулирует похоть, и намеревается арестовать маркиза.

Наивный, самоуверенный маркиз. Сколь добропорядочно выглядят его эпатажирующие находки. Рыболовные крючки, африканские мушки... Бегство со свояченицей. Вседозволенные удовольствия. Однако ни одного удушения, ни одной смертельной расправы. А шуму-то, шуму на всю Европу, на весь мир.

Что знает парижский повеса, решивший изведать недопустимое, о странном замесе палачества и оргазма? Как можно окрестить запретные наслаждения, если в них только застывший ужас и боль, но нет смертельного исхода, сладострастной агонии? Это только название — садизм. Вот и старик Фрейд, размышляя о нас, садистах, разглядел в наших утехх только примесь агрессивности. В сексуальном влечении он углядел только этот, насильственный компонент. Что ведал он, австрийский психиатр, о более затейливых сублимациях сладчайшего чувства?

История человеческой культуры доказывает, что жестокость и половое влечение связаны тончайше. Но что знают люди, толкуя лишь об агрессивности либидо, про глубинные, трудноутолимые телесные сполохи? Даже Фрейд углядел в наших действиях только один исток

— неуверенность, испуг, желание компенсировать неудовлетворенные намерения.

Таких, как я, называют маньяками. Однако разве это параноидальное стремление, когда параноидальное стремление, когда страсть выступает в своем истинном, беспримесном облике? Разве смерть и зачатие не ходят рядом? Неужели это мания, когда человек до конца идет тропой страсти?

Девушка закричала. Я нащупал ее влажный кадык...!»

Отчаянные попытки обрести новую систему бессмертия могут привести к такой лжесистеме, какой является идеологический тоталитаризм, где та или иная идейная система возводится в ранг абсолютной истины, независимо от того, чем оказываются эти идеи при попытках применить их к действительности. Здесь самым условием веры оказывается разрыв между верой и данными непосредственных восприятий, что также разбивает искомую целостность. Вера не побуждает больше к внешней активности, но сама заранее предписывает те действия, которые являются «единственно правильными». Вместе с тем тоталитарная вера требует, чтобы все, кто не принадлежит к ней, воспринимались как само воплощение зла. Необходимым условием утверждения собственной силы оказывается превращение в жертвы других, что Лифтон назвал процессом *виктимизации* (от *victima* — жертва), чтобы подчеркнуть этим термином, что данный процесс порождается не врожденными агрессивными влечениями, но спецификой психоисторической ситуации.

Из исторических примеров можно отметить испанскую инквизицию XV—XVII вв., уничтожавшую всех, кто подозревался в любых отклонениях от ортодоксальной веры, не говоря уже о нацистской политике уничтожения «неполноценных народов», что считалось единственной возможностью сохранения собственной расовой и культурной чистоты. Это можно назвать «поддельной иммортализацией», при которой бессмертие одной группы может быть обеспечено только за счет гибели другой, а равно и выражением психологической трусости — неуверенности виктимизаторов в своем праве на бессмертие.

Виктимизация, хотя и не в столь крайних формах, почти универсально связывалась с прерогативами господствующей касты, класса или религии (кастовая система в Индии и Японии, отношение к неграм в США и т.д.). Сам образ жертвы амбивалентен: с одной стороны, утверждается ее неполноценность, с другой — она наделяется особо опасными свойствами или сверхъестественной силой. В популярной американской мифологии, особенно распространенной среди белых женщин, негры традиционно рассматривались в виде каких-то сексуальных чудовищ. Американские правые

видели в «красных» не просто политических противников, но и подозревали их в невидимой инфильтрации во всех сферах американского общества и обвиняют в неуловимой «подрывной» деятельности. Это всегда скрывает внутреннее сомнение виктимизаторов в своем праве на бессмертие.

В кальвинизме обрести спасение могли только избранные, заранее наделенные благодатью, причем главным признаком этой благодати оказывались в конце концов успехи в бизнесе.

Кастовая система в Индии также отражала связь между социальным положением и правом на бессмертие. Это находило свое обоснование в индуистской теологии, ставившей условия жизни каждого в зависимость от его прежних воплощений. Представители низших каст не имели права ходить по улицам, не замечая за собой своих следов, не могли плевать на землю и должны были носить на шее специальные плевательницы. Они должны были предупреждать криком о своем приближении, чтобы кто-нибудь не коснулся их опасной тени. И в Индии, и в Японии представители низших каст могли заниматься только работой, связанной со смертью или нечистотами (мясники, кожевенники, уборщики мусора и пр.).

Отношение к неграм в США, хотя и не приняло таких экзотических форм, однако, тоже может служить типичным примером виктимизации. Основы для превращения чернокожих в виктимизированную группу сложны и до конца не выяснены. Экономические или религиозные различия не способны объяснить этого целиком. Видимо, имеются и психологические основания — тенденция отождествлять черный цвет со смертью и трауром, а также с ночной темнотой и опасностями всякого рода (черная магия, черная сила).

Сам образ жертвы амбивалентен — с одной стороны, утверждается ее неполноценность, но с другой стороны — она нередко наделяется особо опасными свойствами или исключительной силой. Популярная американская мифология, изображающая негров как каких-то сексуальных чудовищ и особенно распространенная среди белых женщин, может служить примером этой второй тенденции. Этот двойственный образ жертвы отражает внутренние сомнения самих виктимизаторов в своем праве на совершенство.

Историки отмечают, что отношение к неграм-невольникам было более мягким в испанской и португальской Америке, чем в США. Возможные объяснения этого в том, что виктимизированными группами для испанцев и португальцев служили «неверные» (мусульмане и евреи), и создавать новые группы просто не было необходимости.

Столкновение различных типов иммортализации неизбежно приводит к сильнейшему напряжению, порождая иррациональные

страхи или взрывы агрессивности. «Суды Линча» могут служить здесь ярким примером. Американские правые видели в «красных» не просто политических противников, но подозревали их в невидимой инфильтрации во все сферы американского общества или обвиняют в неуловимой «подрывной деятельности».

Реакции на виктимизацию со стороны самих жертв также могут сильно различаться. В основном их можно, однако, свести к четырем типам:

(1) отождествление себя с виктимизаторами, провозглашение себя самих избранной группой. По существу это означает внутреннюю капитуляцию перед идеологией угнетателей. Таковы, например, действия черных экстремистов в США;

(2) попытки придать противоположный смысл самим признакам угнетенной группы. Такова идеология негритюда — утверждение, что все признаки черной расы должны стать источником гордости и чувства своего превосходства;

(3) выработка своей собственной аутентичной идентичности, не зараженной прежним травматическим опытом. Этот путь более труден, чем два предыдущих. Для групп, вступающих на такой путь, характерно, в частности, глубоко амбивалентное отношение ко всякого рода помощи извне: желание и принять ее, и сбросить обратно в лицо дарителям, что ныне особенно проявлялось в отношениях бывших колониальных стран к бывшим метрополиям. Богатый материал по этой теме содержат сочинения Ф. Фанона, анализирующие психологические аспекты колонизации и деколонизации. Вместе с тем это и проповедь насилия над бывшими колонизаторами как самоцели или способа самоутверждения;

(4) творческое обновление самих источников иммортализации. Это самый трудный путь. Таково, в частности, учение Ганди о воинствующем непротравлении, его призыв к индийцам утвердить свою идентичность в противовес англичанам именно через отрицание насилия. Эта духовная победа Ганди позволила избавить страну от длительной кровавой борьбы, которая иначе была бы неизбежной.

Психологи нередко говорят: «*виктимный тип*». Что имеется в виду? Определенный тип людей сами провоцируют насилие, жестокость. Они словно сами хотят быть жертвами. Психологи отмечают, что сейчас многие девочки физиологически готовы к половым контактам уже в 11 лет. Обычно они являются лидерами в подростковых компаниях, находят себе кавалеров и... начинают унижать своих подружек, которые еще не задумывались об отношениях полов. Именно эти девочки и являются потенциальными жертвами педофилов.

Они ведут себя как настоящие женщины: кокетничают, провоцируют окружающих мужчин, — отмечает психолог Наталья Савицкая. — С одной лишь разницей: повышая свою самооценку, они не задумываются о том, к чему это может привести. Девочки сами охотно идут на свидания, принимают приглашения зайти в гости. Звучит страшно, но дети ищут любви у насильника. Потому что не смогли найти ее дома¹.

Нам не нужно останавливаться на общих вопросах, поднятых в этом порядке об отношении страха смерти и психического оцепенения к виктимизации, также как и к садизму, агрессии или насилию; или о принятии вегетарианства как способа справиться с такими эмоциями. Что волнует нас больше, так это сильная уверенность, что *глубочайшие внутренние конфликты человека — это конфликты, относящиеся к примитивным эмоциям об уничтожении — с готовностью присоединяются к расовым вопросам, в особенности в ответ на смертоносное событие вроде атомной бомбардировки.*

Первого сентября в Беслане в 2005 г., в годовщину трагедии, не было. Но не было и второго, и третьего. В эти дни весь город пришел к развалинам школы № 1. Пришел, чтобы вспомнить, как ровно год назад рыдал здесь от бессилия и молил о чуде, в то время как в захваченной террористами школе умирали от жажды, выстрелов, взрывов и пожара самые любимые и близкие люди.

В условиях крайнего напряжения психики вступает в силу защитный механизм — *отвержение смерти*. Многие в Беслане до сих пор верят, что в один прекрасный день в город вернутся три с лишним сотни ангелов и все снова заживут счастливо. Вот только точной даты не знает никто. Газеты сообщают о Зифе Агаевой, которая три дня кормила заложников своим грудным молоком. В школе она была с двумя сыновьями. Вернулась домой вдвоем. Жорика искали полгода, сдали кучу анализов для экспертизы. Только в феврале 2005 г. его похоронили. Но Зифа тогда сказала: «Там не мой сын лежит». Ей гадалка нагадала, что мальчик вернется в августе. Все время Зифа готовилась к встрече с ним. Август закончился, и Жорик не пришел. «Наверное, год перепутала», — с укоризной качает головой молодая женщина. Она будет ждать сына, сколько надо августов. Он обязательно вернется, а иначе не будет смысла жить дальше.

Газета «Аргументы и факты» (2005, № 35) приводит и другие факты, которые свидетельствуют об отвержении смерти. Эльвира Туаева была в школе вместе с детьми, Хетагом и Кариной. Уже год

¹ АиФ, 2006, № 27.

они ходят на кладбище к двум могилам. С недавних пор стали приходиться втроем, с маленьким сыном. Его крохотное тельце Эльвира нашла однажды утром у порога своего дома. Он лежал в одеяле и безнадежно плакал. С женщиной случилась истерика: кто же это такой жестокий, что принес в дом, где оплакивают детей, чужого младенца? Она отнесла его в роддом и постаралась забыть о нем. Но однажды во сне ее доченька Карина, которая в жизни была такой ласковой и нежной, вдруг устроила маме скандал: почему она посмела оттолкнуть того малыша? Наутро Эльвира побежала в роддом и с ужасом узнала, что мальчика усыновила одна семья. Она пошла на все, чтобы вернуть его. И теперь, когда приходит на кладбище, рассказывает детям об их младшем брате и благодарит Карину — ведь жизнь постепенно обретает смысл.

Но немало в Беслане тех, кто пока еще не нашел соломинку, за которую мог бы ухватиться, чтобы снова научиться радоваться новому дню. Женщины в черном смотрят телевизор и рыдают. Им только что принесли кассету, на которой крупным планом сняты страницы из альбома памяти, где собраны фотографии всех погибших. И все это на фоне песни, которую сочинил, кажется, кто-то из Питера. «Год пройдет, уеду я отсюда, — говорит Залина Габурова, у которой в школе погибли мама и сын. — Больно мне ходить мимо ярких детских площадок, мимо новых школ».

Многие недоумевают, как могли нормальные люди поверить некому г-ну Грабовому. Собрав своих поклонников в конференц-зале гостиницы «Космос», он стал доказывать, что способен оживить погибших детей. Убеждая всех в своих магических способностях, он доказывал несчастным матерям, чьи дети ушли из жизни в момент теракта в Беслане, воскресить их. «Несколько лет назад его адепты, совершенно легально открывая офисы, распространили видеолекции новоявленного мессии, собирали в конференц-залах зачумленных его агитками людей. Там он появлялся на сцене, а затем и на экранах ТВ в элегантном костюме, сдержанно жестикулируя, говорил о создании Партии Своего Имени, которая выдвигает его кандидатуру на президентских выборах для того, чтобы никто не смог ему помешать сделать всех людей счастливыми. Отпечатанные типографским способом листовки, сообщавшие об этом, расходились по Москве, рассылались в редакции¹.

Действительно, ловкий безумец наших дней Грабовой пытался погрузить в сладкий сон как можно больше нынешних растерявшихся россиян, и Московская прокуратура, куда обращались встре-

¹ Гамаюнов Игорь. Поработители души. Кто остановит их преступную деятельность // Литературная газета, 2006, № 33. С. 12.

воженные масштабами этой акции журналисты и общественные деятели, несколько лет раздумывала, не нарушит ли она нашу суверенную демократию, если не остановит Грабового. Наконец, Грабового задержали.

Август в России — месяц повышенной опасности. Путч, захват боевиками Грозного в 96-м году, дефолт, нападение на Дагестан, «Курск», пожар на телебашне, два самолета, погубленным шахидками, взрыв на Рижской, да, собственно и Беслан, отставший от августа всего на один день, — вот краткий перечень трагических для страны событий, случившихся в последние годы на исходе лета.

Литература

1. *Апресян Р.Г.* Совесть // Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 781—782.
2. *Гуревич П.С.* Этика. М., 2006.
3. *Гюйо Ж.М.* История и критика современных английских учений о нравственности. Спб., 1898.
4. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
5. *Фромм Э.* Человек для себя // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М., 2004.

Вопросы для повторения

1. Как можно определить феномен вины?
2. Чем феномен вины отличается от феномена виктимизации?
3. Что такое поддельная иммортализация?
4. Как комплекс вины порождает такой фантом, как миссия Грабового?
5. Как можно определить «виктимный тип»?

Темы рефератов

1. Вина и виновность как муки совести.
2. Виктимизация как психологический феномен.
3. Психологический портрет виктимного типа.
4. Мессианство как способ манипулирования.

Часть IV

**ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ
КАК ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ**

Понятие ценности

Зову я смерть. Мне видеть неvertepeж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье.
И совершенству ложный приговор,
И девственность поруганную грубо,
И неуместный почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью сльвет,
И глупость в маске мудреца пророка,
И вдохновения зажатый рот
И праведность на службе у порока

Уильям Шекспир

Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической мотивации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютom. Это особенно заметно в современной России, которая неожиданно столкнулась с множеством ценностных ориентаций, требующих неотложного выбора. Жить в свободе или делегировать собственную волю вертикали власти? Обрести богатство или обеспечить себе счастливую человеческую жизнь без изысков? Родить третьего ребенка, но во имя любви, государственной целесообразности или ради свалившегося вдруг пособия? Пойти в армию: ради того, чтобы служить Отчизне или чтобы вернуться в отчий дом человеческим обрубком? Прослыть демократом, чтобы стать заложником авторитарных тенденций народовластия? Поддержать Иран в его противостоянии США или пристроиться в арьергарде международного гегемона?

Все чаще в практической жизни возникают, казалось бы, лишние в житейском контексте вопросы: зачем? во имя чего? Ради каких святынь? Представьте себе, вам говорят: вон там виднеется враг, надо во что бы то ни стало, не щадя жизни, добраться до него и там обосноваться. Но почему враг дороже жизни? А теперь иначе: «видите те три березки, это часть русской земли, которая принадлежала нашим дедам, мы должны ценой жизни, если понадобится, отбить ее у супостата». Я изложил мысль Н.А. Бердяева, который таким образом пытался объяснить, что такое ценность в человеческом существовании и как она придает смысл любому поступку.

Марксистски ориентированная социология не учитывала этот важнейший аспект бытия. Величие К. Маркса в том, что он раскрыл роль интересов в социальной жизни. Он показал, что отдельный человек и классы в целом защищают в истории собственные потребности и мечты. Если хочешь понять смысл исторического поворота, отыщи и осознай те интересы, которыми руководствуются люди. О том, что существуют иные, более глубинные мотивы человеческого поведения, К.Маркс, судя по всему, не догадывался.

Это не удивительно, потому что аксиология как наука о ценностях родилась в конце XIX в., когда исследователям открылся этот новый пласт человеческого бытия. В жизни конкретного человека, как и в истории народов, мы видим многочисленные примеры, когда люди действуют не ради корысти, не ради осознанных интересов, а во имя высоких целей, одухотворяющих святынь. Святым великомученикам Борису и Глебу кричали: убейте вашего брата, который незаконно завладел тронем и теперь наверняка уничтожит и вас. «Нет, — отвечали братья, — если ради власти нужно пролить кровь, мы ни ступим и шагу. А если, чтобы сохранить свою жизнь, нужно занести топор, мы лучше покорно уйдем из этой жизни».

В конце Второй мировой войны японский император добровольно отрекся от престола, ради спасения страны. Это был великий выбор, который принес ему известность, но лишил священной власти. А индийский лидер Махатма Ганди не призвал свой народ отстаивать свои интересы с оружием в руках. Напротив, он предложил индийцам противопоставить Западу собственные традиции и святыни, чтобы сохранить свою идентичность.

История окажется весьма обедненной, огрубленной, если мы устраним этот ценностный фундамент жизни. Люди отстаивают свои интересы, реализуют собственные цели. Но порой с предельной остротой возникают перед ними смысложизненные вопросы: зачем мы живем, что придает нашей жизни осознанное очарование, каковы наши одухотворяющие цели? Ценности позволяют нам подняться над прозаической суетностью, над прозой жизни, над утилитарностью повседневности.

Люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее ценности, к труду, к преобразованию бытия как смыслу человеческого существования. Марксисты, оценивая возможный ход событий, фиксировали классовые установки, полагая, что образ жизни людей повсюду одинаков и определяется, в конечном счете, экономическим расчетом. Но в истории массы часто действуют, словно вопреки собственной выгоде, пренебрегая корыстью и житейской логикой. Незыблемую сокровенную жизненную ориентацию филосо-

фы назвали ценностью. Это и есть то, без чего человек не мыслит полноценной жизни.

Сами же ценности родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогавшие человеку устоять перед лицом рока, тяжелых жизненных испытаний. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни.

В двух разных культурах мы можем обнаружить одни и те же ценности. Однако они выстраиваются в определенную иерархию, то есть то, что в одной культуре занимает высокое положение, в другой — оказывается на ином месте. Поэтому культура — это выстроенность ценностей, их своеобразное подчинение.

Бурное отвержение традиционных ценностей, рождение новых ценностных ориентаций усиливают меру человеческой ответственности за свои поступки. «Три фактора характеризуют человеческое существование как таковое: *духовность* человека, его *ответственность*, его *свобода*»¹. Поляризация ценностей ставит человека в положение выбора жизненных установок. Один говорит: «Для меня важно получить знания. Буду учиться, чтобы стать профессионалом, сведущим специалистом. Без знаний в нашу эпоху не проживешь...» Другой возражает: «Пойду работать в зарубежную фирму. Никакие специальные знания мне не нужны. За выполнение секретарских обязанностей мне будут платить столько, сколько не получает сегодня учитель... А может быть, даже и профессор. Для меня звание — это не главное...»

Мы живем в эпоху коренной ломки вековых ценностных ориентаций. Раннебуржуазная этика рассматривала труд как потребность человека и призвание жизни. Люди той эпохи считали, что человек, который не трудится, достоин презрения. Однако сегодня во многих цивилизованных странах говорят о крушении «этики труда». В раннебуржуазных странах люди работали в полную силу, оставляя лишь несколько часов на отдых. Но постепенно в общественном сознании укреплялось другое представление: труд — не самое насущное для человека. Нужны деньги, чтобы развлекаться, наслаждаться радостями жизни. А деньги можно получить, и не трудясь в «поте лица своего», а просто если улыбнется удача. Не исключено, скажем, использовать свой шанс в лотерее или принять участие в телевизионной викторине. Да мало ли как богатеют люди, не приложившие особого труда для своего благоденствия. Теперь во всем мире сетуют на отсутствие трудолюбия, размышляют над тем, как вернуть труду статус сверхзначимой жизненной ориентации.

¹ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000. С. 19.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. Но порою он принимает форму неожиданной перестройки всей системы представлений. К тому же ценностные ориентации одной, ушедшей эпохи могут возрождаться, обретать неожиданное звучание в другую эпоху. С этой точки зрения можно сказать: культура обладает некой сокровищницей, набором ценностных ориентаций, которые группируются в зависимости от преобладающей тенденции в обществе. Эту мысль М.М. Бахтин выразил следующим образом: «Человек однажды действительно утвердил все культурные ценности и теперь является связанным ими. Культурные ценности — это самоценности. Живому сознанию надлежит приспособиться к ним, утвердить их для себя...»

Напомним: люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее значимости, к труду, к преобразованию бытия, к земным радостям, к нравственным нормам вообще. Иногда возникает иллюзия, будто все ее ценности имеют вечный, непреходящий, общеисторический характер. Однако это не так. В каждой культуре рождаются, расцветают и умирают свои идеалы.

Но это вовсе не означает, будто вместе с культурой гибнут и ее ценности. Они могут возродиться в другой культуре. Наконец, культуры как бы аукаются, перекликаются между собой, существуют межкультурные ценности, которые не отменяют специфических ценностей каждой культуры.

Ценности связаны с правами эпохи. И это нередко выглядит впечатляюще, когда мы смотрим на прошлое.

Рабовладелец или феодал, перенесенные из древнего в современный мир, — пишет Э. Тоффлер, — с трудом смогли бы поверить и очень изумились, узнав, что мы меньше бьем рабочих, а производительность труда их — выше. Капитан корабля был бы поражен тем, что к матросам не применяются методы физического наказания, их не увозят в плавание насильно, предварительно опоив. Даже квалифицированный плотник или дубильщик из XVIII в. был бы поставлен в тупик, что он не может запросто дать в зубы своему ученику. Посмотрите — этот пример иллюстрирует вышесказанное — на цветную гравюру В. Хоггарта «Индустрия и лен», напечатанную в Англии в 1796 г. На ней мы видим двух «подмастерий» — один с удовольствием трудится за ткацким станком, другой — дремлет. Справа, размахивая тростью, подходит разъяренный босс колотить бездельника¹.

¹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2001. С. 65.

Само понятие ценности употребляется в современной психологической литературе в различных значениях:

- (1) Ценность отождествляется с новой идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира;
- (2) Ценность воспринимается как распространенный субъективный образ или представление, имеющее человеческое измерение;
- (3) Ценность синонимизируется с культурно-историческими стандартами;
- (4) Ценность ассоциируется с типом «достойного» поведения, с конкретным стилем жизни.

Ценность фиксируется и обозначается через определенные жизненные представления. Ее содержание раскрывается с помощью конкретного комплекса идей. Однако ценность ни в коей мере не может быть отождествлена с идеей, ибо между ними пролегает существенное, принципиальное различие. Идеи могут быть истинными и ложными, научными или религиозными, философскими или мистическими. Они характеризуются через тот тип мышления, который им дает нужный импульс. Главный критерий в данном отношении — степень истинности той или иной идеи.

Что же касается ценностей, то они тоже ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении, однако не всегда в соответствии с результатами познания. Например, наука утверждает, что все люди смертны. Это вовсе не означает, что каждый индивид воспринимает данное неопровержимое суждение как безусловное благо. Напротив, в сфере ценностного поведения человек как бы опровергает безоговорочность приведенного суждения. Человек в своем поведении может отвергать конечность своего существования. Более того, традиции некоторых культур опровергают идею смертности человека.

Личность далеко не всегда стремится жить по науке. Напротив, многие с опаской относятся к ее чисто умозрительным рекомендациям, хотят погрузиться в теплый мир мечты, презрев общезначимые реальности. Человек черпает жизненную энергию в том, что, по существу, противостоит холодному научному постулату. Стало быть, ценность — это понятие иное, нежели одухотворяющая истина.

Наука по своему определению отдалена от ценностей. Представим себе такую картину. На лужайке пасется ягненок. Вдруг появляется волк и разрывает его на части. Наука, разумеется, способна объяснить, что тут произошло. Однако само это истолкование, по существу, не затронет вопроса о смысле эпизода. Ученый может сказать: хищники поедают травоядных — так устроен мир. Однако

отчего и во имя чего ягненок оказывается жертвой? Увы, такой вопрос не соотнесен с логикой науки как средством объяснения мира.

Однако было бы не вполне точно отождествлять ценность только с субъективным образом, с индивидуальным предпочтением, возникающим в противовес аналитическому, всеобщему суждению. Разумеется, спектр ценностей в любой культуре широк, но не беспределен. Человек волен выбирать те или иные ориентации, но это происходит не в результате абсолютного своеволия. Иначе говоря, ценности обусловлены культурным контекстом и содержат в себе некую нормативность.

Человек соизмеряет свое поведение с нормой, с идеалом, целью, которые выступают в качестве образца, эталона. Понятия «добро» или «зло», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или «неправедное» могут быть названы ценностями, а связанные с ними взгляды, убеждения людей — ценностными идеями, которые могут оцениваться как приемлемые или неприемлемые, оптимистические или пессимистические, активно творческие или пассивно-созерцательные. Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают человеческое поведение, называют ценностными. Люди постоянно соизмеряют свои действия со своими целями, общепризнанными нормами. В истории сталкиваются различные идеалы, абсолюты и святыни. Ценности также более подвижны, нежели культурно-исторические стандарты. В рамках одной культуры может произойти смена ценностных ориентаций. Американский социолог Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» показал, что на протяжении исторической судьбы капиталистической формации радикально менялись ценностные ориентации от протестантской этики до модернизма, то есть совокупности новых жизненно-практических установок¹.

Ценность — это личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но собственно-го жизненного опыта людей. Понятие ценности крайне значимо для уяснения специфики культуры.

Аксиология (от греч. *axios* — ценность и *logos* — слово, понятие) — учение о ценностях, теория общезначимых принципов, определяющих направленность человеческой деятельности, мотивацию человеческих поступков.

Возникновение понятия ценности в конце XVIII в. было связано с пересмотром традиционного обоснования этики, характерного для античности и средних веков и предполагавшего тождество бытия и

¹ См.: Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.

блага. Понятие ценности впервые появляется у Канта, который противопоставил сферу нравственности (свободы) сфере природы (необходимости)¹.

В философской литературе часто пишут о том, что теория ценностей как особая область философского знания сложилась во второй половине XIX в. На самом деле в это время появилась так называемая «философия ценности», которая позже получила название *аксиологии*. «Однако ценностное отношение и стремление его теоретически постигнуть возникли задолго до этого, точно также, как эстетическое отношение человека и его осмысление существовали тысячелетия до того, как А.-Г. Баумгартен выдвинул идею эстетики как особой области знания»².

В русском языке слова «ценность», «оценка», очевидно, связаны со словом «цена». Но это слово в первоначальном смысле имело значение «возмездие», «воздаяние». Ценность выражает представления о совершенном человеке в различных культурах.

Ценность — это цель всякого поступка и усилия. Поскольку последнее понимает себя как культура, ценности становятся культурными ценностями, а те в свою очередь — вообще выражением высших целей творчества на службе самообеспечения человека как субъекта. Как отмечал М. Хайдеггер:

Отсюда только один шаг, — пишет М. Хайдеггер, — до того, чтобы сами ценности сделались предметами в себе. Ценность есть опредмеченная цель, определенная потребностями такого представления, которое самоучреждается в мире как картина. Ценность, по видимости, предполагает, что сообразующиеся с ней люди занимаются самым что ни на есть ценным; на самом деле ценность как раз и оказывается немощным и прохудившимся прикрытие для потерявшей объем и фон предметности сущего. Никто не умирает за голые ценности³.

Ценностью мы признаем, скажем, свободу народа, но по существу мы имеем тут в виду все-таки опять же свободу как благо, которым мы располагаем или не располагаем. Опять же свобода не могла бы для нас быть благом, если бы свобода как таковая не была заранее уже ценностью, чем-то таким, что мы ценим как значимое, стоящее, «о чем идет дело». Но что значит «значимо»? Хайдеггер отвечает:

¹ Гайденко П.П. Аксиология // Философский словарь. М., 2001. С. 16.

² Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994. С. 8.

³ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 56.

Значимо то, что играет важную роль. Вопросом остается: значима ли ценность, потому что она весома. Или всякий вес может быть измерен только значимостью? Если последнее верно, то спросим снова: что значит, ценность значима? Значимо что-то, потому что оно ценность, или оно ценность, потому что значимо? Что такое сама по себе ценность, что она значимая, стоящая? Значимость все же не нечто, она скорее род и способ, каким ценность, а именно в *качестве* ценности, «*есть*». Значимость есть род бытия. Ценность имеет место только в том или ином ценностном бытии¹.

Сегодня немало пишут о том, что поведение человека весьма сильно зависит от господствующей культуры. Многие оказывают воздействие на наше сознание. Как же можно проявить собственную уникальность? Возможно, мы только полагаем, будто у нас есть идеалы. А на самом деле они взяты из наличной культуры, некритически восприняты нами.

Каждый из нас выбирает ценностные ориентации из наличной культуры. По словам Людвиг Витгенштейна, культура — это как бы грандиозная организация, указывающая каждому, кто к ней принадлежит, его место, где он может работать в духе целого, а его сила с полным правом может измеряться его вкладом в смысл этого целого. «Я понимаю, — отмечал он, — что исчезновение культуры означает исчезновение не человеческих ценностей, а только определенных средств выражения этих ценностей».

Потребность в выражении духовных абсолютов неистребима. Ценности не угасают, а возрождаются в новой реальности. Но это вовсе не означает, будто наши предпочтения жестко сопряжены с тем, что принято в данной культуре. Многие люди обращаются к арсеналу общечеловеческих идеалов, но радикально отвергают ценности, бастающие, скажем, сегодня. В истории человечества были эпохи, когда люди следовали заповедям аскетизма. Например, в Древней Греции стоики учили отказываться от призрачных радостей жизни. Так поступали средневековые монахи и индийские отшельники.

В современной же культуре, напротив, аскетизм не популярен. И уже тем более никем не рассматривается как ценность. Многие люди хотят иметь множество товаров, различных жизненных благ, потреблять все, что может предложить постиндустриальная цивилизация. Господство таких ценностных ориентаций вызывает тревогу у социальных мыслителей. Как отмечал американский социолог Д. Белл, нынешняя цивилизация вызвала потребительский энтузи-

¹ Указ. соч. С. 71.

азм, спровоцировала различные потребности, которые невозможно удовлетворить, поскольку земные энергетические ресурсы не беспредельны. Между тем люди стремятся потреблять все больше и больше. Эпиграфом к книге «Культурные противоречия капитализма» Белл мог бы взять слова Н.А. Некрасова:

Идет громадная,
К соблазнам жадная
Толпа...

Как уже отмечалось, люди не просто выбирают ценности. Они придают им различную значимость, то есть выстраивают в определенную иерархическую систему. И вот получается, что одни ценности, скажем, правила, записанные в кодексе чести, живут в одной эпохе и умирают в другой. Но есть ценности, которые продолжают существовать в разных культурах, сменяющих друг друга. Наконец, такие ценности, которые можно назвать универсальными, или общечеловеческими.

Важнейшая задача аксиологии состоит в том, чтобы обосновать абсолютные ценности. Между тем куда бы мы ни обратили свой взор, мы всюду обнаруживаем *ценности относительные*. Вот что писал по этому поводу русский философ Николай Онуфриевич Лосский:

Быстрый бег гончей собаки, преследующей зайца, — добро для гончей и зло для зайца; в осажденной крепости, где гарнизон страдает от недостатка съестных припасов, съедание хлеба одним солдатом есть благо для него и бедствие для другого солдата; любовь Анны Карениной и Вронского — счастье для Вронского и несчастье для мужа Карениной; преодоление Карфагена Римом — счастье для Рима и бедствие для Карфагена¹.

Блез Паскаль говорил, что ветка никогда не сможет понять смысл всего дерева. Не напрашивается ли предположение, что человек в мире занимает лишь кажущееся положение завершающей ступени развития, что его положение является превосходящим лишь в рамках природы, только по отношению к животному; что в отношении «бытия в мире» (М. Хайдеггер) в конечном итоге можно сказать то же, что и об окружающих средах представителей животного мира.

Жизнь требует от человека исключительной гибкости в приспособлении к шансам, которые она ему дает. Ценности, которые реализуются в продуктивных творческих действиях, В. Франкл называет «созидательными». Но есть ценности, которые, по его типологии,

¹ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 288.

реализуются в наших переживаниях. Это «ценности переживания». Они проявляются в нашей чувствительности к явлениям окружающего мира — например, в благоговении перед красотой природы или произведений искусства. Нельзя недооценивать всей полноты смысла, которую приобретает наша жизнь благодаря этим ценностям. Наивысший смысл каждого данного момента человеческого существования определяется просто интенсивностью его переживания и не зависит от какого бы то ни было действия. Для тех, кто сомневается в этом, Франкл предлагает рассмотреть следующую ситуацию. Представьте себе истинного ценителя музыки, сидящего в концертном зале и поглощенного благородным звучанием любимой симфонии. Он охвачен таким эмоциональным трепетом, какой испытываем мы перед лицом чистейшей красоты. Попробуем теперь спросить его в этот самый момент, имеет ли смысл его жизнь. И он обязательно ответит, что действительно стоило жить — хотя бы ради того, чтобы испытать подобный момент духовного экстаза. Ибо даже несмотря на то, что речь идет об одном-единственном моменте, величие жизни может быть измерено величиим момента: ведь высота горной гряды определяется не высотой какой-нибудь долины, а величиной высочайшей вершины. Так же и жизненные пики определяют осмысленность всей жизни, и единичное событие может задним числом наполнить смыслом предшествующее существование. Спросите альпиниста, наблюдающего горный закат и ощутившего это великолепие природы до «мурашек по коже», — сможет ли он когда-нибудь после этих переживаний ощутить такую полноту и осмысленность своей жизни¹.

Франкл выделяет и третью возможную категорию ценностей — поскольку жизнь остается в основе своей осмысленной, даже когда она бесплодна в созидательном смысле и небогата переживаниями. Эта третья группа ценностей заключается в *отношении человека к факторам, ограничивающим его жизнь*. Именно реакция человека на ограничения его возможностей открывает для него принципиально новый тип ценностей, которые относятся к разряду высших ценностей. Таким образом, даже очевидно скудное существование — существование, бедное в отношении и созидательных ценностей, и ценностей переживания, — все же оставляет человеку последнюю и в действительности высшую возможность реализации ценностей. Ценности подобного рода В. Франкл называет «ценностями отношения». Ибо действительно значимым является отношение человека к судьбе, выпавшей на его долю. Другими словами, человек,

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 173.

сталкиваясь со своей судьбой и вынужденный ее принимать, все же имеет возможность реализовывать ценности отношения. То, как он принимает тяготы жизни, как несет свой крест, то мужество, что он проявляет в страданиях, достоинство, которое он выказывает, будучи приговорен и обречен, — все это является мерой того, насколько он состоялся как человек. Возможность реализовать ценности отношения появляется тогда, когда человек оказывается сурово обиженным судьбой и ему не остается ничего другого, как принять ее и нести свой крест. Речь в данном случае идет о мужестве и страдании, о достоинстве даже в падении и неудачах. Но как только мы вовлекли ценности отношения в область возможных ценностных категорий, обнаруживается, что человеческое существование, собственно, никогда не может стать действительно бессмысленным: жизнь человека сохраняет смысл пока он дышит; пока человек осознает себя, он несет ответственность за реализацию ценностей, даже если это лишь ценности отношения. Обязанность реализовывать ценности не оставляет человека до самого последнего мгновения его существования. И пусть возможности реализации ценностей творчества довольно ограничены, всегда есть возможность реализовать ценности отношения. Так подтверждается значимость мысли, которую В. Франкл принял за исходную точку: быть человеком — значит ясно осознавать свое бытие и свою ответственность перед ним.

В жизни человеку каждый раз предоставляется возможность обратиться то к одной, то к другой группе ценностей. Жизнь требует от нас либо реализации ценностей творчества, либо обращения к ценностям переживания. В первом случае мы можем обогатить мир своей деятельностью, а во втором обогатимся сами благодаря переживанию. В одном случае требование момента может быть реализовано путем деятельности, в другом — посредством нашего восприятия. Следовательно, и к радости человек может быть «обязан». Человека, который сидит в трамвае и становится свидетелем великолепного солнечного заката или чувствует запах цветущих акаций и не отдается переживанию этих природных явлений, а продолжает читать газету, можно считать в каком-то смысле «безответственным», игнорирующим требования момента¹.

Литература

1. *Гайденко П.П.* Аксиология // *Философский словарь*. М., 2001.
2. *Гуревич П.С.* Трансформация ценностей на рубеже тысячелетий

¹ Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 2000. С. 30.

- // Характер и личность. Многообразие и интеграция культурных ценностей на исходе XX века. М., 1999.
3. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994.
 4. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994. С. 8.
 5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001.
 6. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000.
 7. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 2000.
 8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
 9. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М., 2004.
 10. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

Вопросы для повторения

1. Что такое ценность и в чем ее отличие от интереса?
2. Существуют ли общечеловеческие идеалы?
3. Когда возникла аксиология и в чем ее существо?
4. Какие три категории ценностей выделял Виктор Франкл?
5. Как выстраивается иерархия ценностей?
6. Почему М. Хайдеггер считает, что никто не умирает за голые ценности?

Темы рефератов

1. Ценность как понятие аксиологии.
2. Иерархия ценностей в современную эпоху.
3. Ценность как культурно-исторический стандарт
4. Ломка ценностных ориентаций в наши дни.
5. Общечеловеческие ценности и их значение.

Тема 23

Крушение традиционных структур

Что там в дыму и печали?
Прошлое, — мне отвечали, —
Там драгоценные тени,
Ангелы там пролетели.
Что же мне делать с теньями,
С теми далекими днями,
Что отпылали, как в домне?
Помни, — сказали мне, — помни.

Лариса Миллер

Три «волны» Тоффлера

Еще несколько десятилетий назад философы и психологи писали о том, что мир находится на пороге неслыханных перемен. Американский социолог Д. Белл обстоятельно объяснял, почему должно исчезнуть традиционное общество. Жизнь в доиндустриальном обществе — а она все еще определяет условия в большинстве стран современного мира — представляет собой прежде всего игру с природой. Почти что единственной областью приложения рабочей силы являются там добывающие отрасли промышленности, сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, рыболовство, лесоводство. Люди трудятся унаследованными способами, с помощью примитивной мускульной силы, а их восприятие мира обусловлено превратностями стихийных явлений — временами года, бурями, плодородием, количеством воды, глубиной залежей ископаемых, засухами и наводнениями. Ритм жизни определяется этими случайностями. Восприятие времени является чем-то устойчивым, и темпы работы меняются в зависимости от времен года и погоды¹.

Американский социолог Э. Тоффлер предлагает расчленить человеческую историю на три «волны». Сначала была Первая волна, которую они называют «сельскохозяйственной цивилизацией». От Китая и Индии до Бенина и Мексики, от Греции до Рима возникали и приходили в упадок цивилизации, у которых, несмотря на внешние различия, были фундаментальные общие черты. Везде земля была основой экономики, жизни, культуры, семейной орга-

¹ Белл Д. Культурные противоречия капитализма. М., 1999. С. 40.

низации и политики. Везде господствовало простое разделение труда и существовало несколько четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы или крепостные. Везде власть была жестко авторитарной. Везде социальное происхождение определяло его место в жизни. Везде экономика была децентрализованной, каждая община производила большую часть необходимого.

Триста лет назад — плюс-минус полстолетия — произошел взрыв, ударные волны от которого обошли всю землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была, конечно, промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила, распространившаяся по миру — Вторая волна — пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов.

К середине прошлого века силы Первой волны были разбиты, и на Земле воцарилась «индустриальная цивилизация». Однако всевластие ее было недолгим, ибо чуть не одновременно с ее победой на мир начала накатываться новая — третья по счету — волна, несущая с собой новые институты, отношения, ценности.

Каждый человек имеет дело с этими составляющими человеческого опыта. Каждая цивилизация описывает их по-своему. Каждая цивилизация обучает своих детей справляться со временем и пространством. Необходимо объяснить через миф ли, метафору или научную теорию, как функционирует природа. И надо предложить некий ключ к пониманию того, как все это происходит в этом мире.

Наиболее знакомым из этих принципов Второй волны является стандартизация. Всем известно, что индустриальные общества производят миллионы совершенно одинаковых продуктов. Однако лишь немногие осознают, что с тех пор как возросло значение рынка, мы не просто стандартизировали бутылки «кока-колы», электрические лампочки и коробки передач, но приложили те же самые принципы ко многим другим вещам. Второй великий принцип, распространенный во всех обществах Второй волны, — специализация. Чем больше сглаживала Вторая волна различия в язык, сфере досуга и стилях жизни, тем более она нуждалась в различиях в сфере труда. Усилия их, Вторая волна заменила крестьянина, временного и непрофессионального «мастера на все руки» узким специалистом, выполняющим лишь одну-единственную задачу, снова и снова по методу Тейлора.

Цивилизация Второй волны создала полностью новый образ реальности, базирующийся на своеобразном представлении о времени и пространстве, материи и причинности. Собирая обломки прошлого, по-новому комбинируя их воедино, используя опыты и

эмпирические исследования, она круто изменила представления людей о мире вокруг себя и о себе в этом мире.

Синхронизация являлась одним из ведущих принципов цивилизации Второй волны, и всюду люди эпохи индустриализма участвовали в гонке за временем, желая не отстать, мельком нервно поглядывая на часы. Даже в древнейших обществах труд тщательно организован во времени. Воины-охотники обычно работали вместе, чтобы поймать свою жертву. Рыболовы согласовывали свои усилия при гребле или вытаскивании сети. Для гребца время маркировалось простым звукосочетанием из двух слогов, чем-то вроде «О-оп!».

Чтобы осознать время и добиться синхронизации, люди должны были изменить свои представления о времени, мысленный образ времени. А для этого была необходима «податливость времени».

Земледельческие народы, которым нужно было знать, когда сажать и когда убирать урожай, с замечательной точностью разработали систему измерения длинных промежутков времени. Поскольку им не требовалась строгая синхронизация труда, крестьяне редко определяли точные единицы для измерения коротких промежутков. Они обычно делили время не на неизменные единицы, подобно часам и минутам, а на неопределенные, неточные отрезки, исходя из количества времени, необходимого для какого-либо будничного дела. От фермера можно было услышать определение «время дойки одной коровы». На Мадагаскаре получила распространение единица времени, названная «варка риса», минута же обозначалась — «жарка одной саранчи». Англичане упоминали об «Отче наш», то есть времени, требующемся для чтения молитвы.

Вместо неопределенного промежутка «Отче наш» индустриальным обществам нужны были очень точные единицы, вроде часа, минуты или секунды. И эти единицы должны быть стандартными и не меняться в зависимости от времени года или места. Весь мир четко поделен на временные пояса. Мы говорим о «стандарте» времени. Летчики на всем земном шаре соотносятся со временем «зулу», то есть со средним временем по Гринвичу. По международному соглашению Гринвич в Англии стал точкой всемирного времени, от которой ведется остальной отсчет. Периодически, действуя одновременно и словно подчиняясь чьей-то единой воле, миллионы людей ставят свои часы на час вперед или назад, и что бы ни говорило нам наше внутреннее чувство о том, как время тянется медленно или же, напротив, быстро пролетает, один час теперь — это равнозначный, стандартизированный час.

Синхронизация. Стандартизация. Линейность. Эти понятия перевернули укоренившиеся представления о ритме и заставили про-

стых людей совсем по-иному обращаться со временем в повседневной жизни¹.

Одно остается непонятным. Индустриализм был кратким мигом в истории — всего лишь три столетия, исчезнувшие в безмерности времени. Что вызвало промышленный переворот? Что заставило Вторую волну пронестись по планете?

Вторая волна внесла изменения в шумовой фон: заводской гудок заменил крик петуха, визг тормозов — стрекотание сверчков. Особенно явственно это ощущалось по ночам, удлиняя часы бодрствования. Появились зрительные образы, не существовавшие прежде для человеческого глаза — съемки земной поверхности, сделанные с самолета, сюрреалистический монтаж в кинематографе, биологические организмы, впервые обнаруженные с помощью высокомоощного микроскопа. Аромат ночной земли вытеснили запах бензина и зловоние карболки. Изменился вкус мяса и овощей. Стало иным восприятие ландшафта в целом. Все это, несомненно, сказалось на рекламе, на ее содержании и исторических судьбах.

Машины лишили людей индивидуальности, а технология внесла рутинность во все сферы общественной жизни. Миллионы людей вставали примерно в одно время, сообща покидали пригороды, устремлялись к месту работы, смотрели одни и те же телепрограммы, что и их соседи, почти одновременно выключали свет. Люди привыкли одинаково одеваться, жить в однотипных жилищах. Тысячи научно-фантастических романов пронизывала мысль: чем выше уровень развития техники, чем она сложнее, тем более стандартизированными и одинаковыми становимся мы сами.

Но вот началась Третья волна. Тенденция к унификации породила контртенденцию. Появился запрос на новую технологию. «Информационный взрыв» рассматривается как порождение отживших структур. Однако почему прежние социальные структуры стали разрушаться? Откуда взялись новые запросы и потребности? Что, вообще говоря, порождает грандиозные технологические сдвиги? Тоффлер не отвечает на эти вопросы в духе технологического детерминизма, но подчеркивает великую роль техники в истории человечества.

Последовательно сменившие друг друга концепции модернизации и глобализации были одушевлены прогрессистским духом. Многие западные мыслители исходили из того, что чем дальше европейская цивилизация уходит от традиционного общества с присущим ему комплексом ценностных ориентаций, тем лучше. В этом

¹ См. об этом: *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.

контексте святыни традиционного общества стали трактоваться как безнадежно архаические, принадлежащие давно изжившему себя миру прошлого. Основной пафос названных концепций — устремление вперед, создание новых ценностных ориентаций.

Послевоенная теория модернизации придала его идеям решительно оптимистический и, как хочется сказать, типично американский оттенок. Хотя среди приверженцев теории модернизации не было согласия в том, какой будет нелинейная эволюция истории и есть ли у модернизации альтернативные пути, никто из них не сомневался, что история обладает направленностью и что в ее конце лежит либеральная демократия промышленно развитых стран. В 50-х — 60-х годах прошлого века они с большим энтузиазмом хотели создать свою новую общественную науку, чтобы помочь обретшим независимость странам третьего мира в экономическом и политическом развитии. Именно в этот период возник обостренный интерес к феномену традиции. Что представляет собой этот феномен? Какую роль он играет в жизни людей?

Традиция (от лат. *traditio* — передача) — средство кристаллизации и транслирования совокупного духовного опыта. Как ни странно, это слово имеет тот же корень, что и «предательство»: истинная верность традиции парадоксальным образом уживается с изменой. То, что кажется изменой, по сути дела, оказывается традиционным, и, наоборот, нечто каноническое, под которым понимают воспроизведение старых форм, повтор и имитацию, может обнаружить себя предательством по отношению к истинной традиции. Смысл традиции — передача культурной информации живым примером, воспроизведение сущности, живого духа культуры.

Многие философы, в том числе И.Г. Гердер, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, К. Поппер, так или иначе, касались феномена традиции. Традиция — это исторические сложившиеся и передаваемые из поколения в поколения, обычаи, обряды, нормы поведения, взгляды, вкусы, которые обнаруживаются в социально-культурном наследии. К Поппер пытался показать, что традиции могут служить своего рода связующим звеном, посредником и между личностями (и личными решениями) и между институтами.

К. Поппер ссылается на Э. Бёрка, чье осознание того значения, которое имеет традиция для функционирования социальных институтов, сильно повлияло на немецкое романтическое движение.

След этого влияния можно найти у Г. Гегеля, но только в гипертрофированной и неудовлетворительной форме исторического и эволюционистского релятивизма — в форме опасной традиции,

согласно которой то, во что верят сегодня, сегодня истинно. Из этой доктрины вытекает не менее опасное следствие, а именно — то, что было истинно вчера (истинно), а не просто то, во что «верили», может быть ложным завтра. Разумеется, такая теория вряд ли стимулирует уважение к традиции¹.

Модернизация

В современной культуре проблема традиции рассматривается в рамках общего процесса *модернизации*. Это собирательное понятие современного социального знания, которое характеризует разнообразные процессы и явления, сопровождающие становление индустриального общества западного типа. Модернизация показывает динамику движения к этой модели многих традиционных обществ.

Модернизация — это процесс перехода от традиционного общества, которое отождествляется главным образом социальными отношениями патриархально-феодалного типа, к современному обществу индустриального типа. Модернизация — это целостное обновление общества.

«Первичная» модернизация охватывает эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий и провозглашения равных гражданских прав, демократизации и т.д. «Вторичная» модернизация и индустриализация развивающихся стран, в отличие от первых, протекала при наличии зрелых социально-экономических отношений и культурных образцов. Здесь проблема «прорыва» традиционного образа жизни ставится как проблема формирования современного общества в разных странах и частях света.

Термин «модернизация» появился в середине прошлого столетия, когда культурологи анализировали те преобразования, которые происходили в доиндустриальных, аграрных и иных, например, колониальных и зависимых, обществах. Это понятие поначалу касалось в основном развивающихся стран. Оно обозначало главным образом экономические, политические и социальные изменения в обществах, которые переходили от традиционного типа к современному.

Позже этот термин стал выдвигаться уже в качестве универсальной модели, предназначенной для истолкования в едином ключе всех крупных событий современной политической истории. В наши дни термин приобрел еще один смысл. Культурологи, которые пользуются этим понятием, все чаще пишут уже не столько об

¹ Поннер К. Открытое общество и его враги, Т.2. С. 73.

индустриальном, сколько о постиндустриальном типе социума. Основные признаки модернизации: использование компьютерных технологий в ключевых отраслях общественного производства, расширение форм потребления, создание социальных, политических и культурных условий для развития нового производства. Модернизация вместе с тем не только захватывает производственную деятельность, но выражается также в новых типах духовности. Наконец, уже в наши дни термин «модернизация» постепенно отрывается от первоначального значения. Речь идет вообще о возможностях катапультирования общества в новое культурно-цивилизационное пространство.

В современной философской литературе все чаще проводится идея, что именно культура является той сферой социальной жизни, в которой рождаются импульсы общественной динамики. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, пронизательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, ее особенностей могут содействовать прогрессу общества, а в конечном итоге и всего человечества. Напротив, искаженное понимание сущности духовного содержания разрушает целостность культуры и порождает мучительные кризисные процессы.

Модернизация существует в виде двух основных моделей: вестернизации и догоняющей модели. *Вестернизация* предполагает внедрение в культурную ткань разных стран структур, технологий и образа жизни западного обществ. В основном такого рода преобразование происходило в форме колонизации. *Догоняющая модель* предполагает приблизить отсталые в экономическом отношении страны к развитым. С помощью индустриализации изменяется жизнь ряда стран, при этом модернизации рассматривается как исторический процесс, рационально направленный на радикальное преобразование структуры современного мира.

Теории модернизации в широком смысле слова не существует, имеются только концептуальные подходы и модели. Многие исследователи предполагают, что мировая тенденция индустриальной цивилизации обнаруживает себя в одинаковой мере в Европе, в Америке и в Азии, в демократических и авторитарных государствах. Утверждается также, что общество может выйти из статуса традиционного, но так и не стать модернизированным. В то же время возможно поразительное сплетение разных тенденций — причудливое соединение традиции и инновации. Так организация светской жизни не исключает роли мифа и религии в духовной сфере, проповедь индивидуализма не исключает сохранения определенных форм общинности и коллективности. Демократический характер

власти вполне совместим с авторитарными тенденциями и попытками упрочения «управляемой» демократии. Наращивание производительности совмещается с ограничениями пределов роста. Разрастание научного сознания соседствует с другими формами ценностной организации общества.

В этом контексте возник вопрос о том, что же такое традиция и какую роль она играет в жизни людей. Какое общество представляется нам более рентабельным, успешным и благоустроенным — то, которое ориентировано на прогресс, то есть на радикальные и поспешные преобразования или те, которые опираются на традицию, то есть на сохранение накопленного социального опыта?

Американский психолог Э. Эриксон считает, что каждая культура создает свою стратегию выживания. Ориентация на прогресс чревата войнами, катастрофами, разрывом между поколениями. Та же культура, которая предпочитает сохранить традицию, рискует оказаться обществом патриархальным, отсталым. Однако в начале нового тысячелетия ответ на поставленный вопрос оказывается открытым. В западной культуре прогресс объявлен мифом истории. В восточном сознании нередко разрушается традиция.

Культуры перестали быть герметически закрытыми ареалами. Неслыханная миграция населения, в результате которой экзотические духовные веяния опоясали земной шар. Грандиозные кросс-культурные контакты. Межнациональные браки. Экуменические волны. Поиск межрелигиозного вселенского диалога. Может быть, важно противостоять этим тенденциям? Именно так рассуждают многие культурологи традиционалистской ориентации. Не происходит ли порча великих заветов? Не рождается ли бессмысленная мозаика культурных веяний?

Между тем в современном мире продолжают существовать традиционные общества. Речь идет вовсе не о патриархальных социумах. Конкретное общество может быть весьма экономически состоятельным, в нем могут действовать современные политические структуры. Но вместе с тем такие общества сохраняют ориентацию на традицию. Она во многом определяет мышление людей, их образ жизни, жизненный уклад.

Представим себе молодого человека, который, будучи европейцем, хотел бы поступить на работе в модную фирму. Он передает в отдел кадров самохарактеристику, которая называется резюме. Из представленного документа становится очевидным, что молодой человек обладает неумемной энергией, инициативностью, готовностью все преобразовать на порученном ему участке. Надо полагать, менеджеры с пониманием отнесутся к такой саморекламе.

А теперь вообразим японскую девушку, которая тоже озабочена проблемами трудоустройства. В своем резюме она сообщает, что не обладает неумеренной инициативой, напротив, имеет обыкновение пунктуально точно выполнять порученное дело, без всяких изысков и нововведений. Кроме того, девушка обязуется не создавать в коллективе психологических проблем, вообще не «выпячивать» свое «я». Найти нужную нишу и трудиться в ней на процветание фирмы. Такую замечательную девушку фирма, надо полагать, с удовольствием примет на службу, будет опекать ее и относиться к ней как к родной даже после того, как со временем она выйдет на пенсию...

Еще пример. Молодой инженер придумал некое усовершенствование. Будучи европейцем, он описывает огромные преимущества, которые имеет его изобретение для фирмы. При этом отмечает свой личный вклад, личное творчество и даже намекает, что в случае признания его таланта, предложения такого рода полюбятся потоком.... А теперь про китайского инженера. Он воспитан в культуре, из которой очевидно, что все лучшее, все самое достойное хранится в традиции. Только она может помочь в этой жизни. Про свое изобретение он пишет так, что его собственная персона почти исчезает. Нет, это не он придумал. Так поступали предки, а он нашел в сокровищнице прошлого то, что может пригодится сегодня.

Какое разное отношение к традиции! Какой пиетет перед прошлым и какое забвение ушедшего. Вместе с тем многие современные исследователи, сторонники «социальной критики», обнаружили, что забвение традиционных ценностей негативно сказалась на современной жизни. Отныне во многих трудах ощущается тоска по традиционному укладу, по ценностным ориентациям прошлого. Одновременно ведется тотальная критика современной цивилизации.

Значительные беды человечества начались вместе с процессом урбанизации. Как только люди стали перебираться из деревни в город, они потеряли потребность в семье и в детях. Тем самым они обрекли себя на вырождение. По этой причине все развитые страны Европы и США, как утверждают сегодня многие социологи, обречены на вымирание. Так ли это на самом деле? Отвечает российский футуролог И.В. Бестужев-Лада:

Еще не в столь далекие в историческом отношении времена в России было 30—40% здорового населения, в каждой такой семье рождалось по 10—12—15 детей. Не все из них выживали, это правда. Но вместо двух родителей, отца и матери, оставалось минимум по 10—12 детей. И так далее, на протяжении десятков, сотен лет. Вместо двух родителей оставалось хотя бы по четыре продолжате-

ля рода. Шел нормальный рост населения, дети помогали родителям по хозяйству, каждый ребенок, как говорится, был при деле¹

С переездом крестьян в город положение меняется. Дети становятся обузой в семье. Поэтому, — разъясняет футуролог, — подростки сидят по подвалам, поют блатные песни, «колются», жгут лифты и плодят свою контркультуру, люто враждебную общественной философии. Они чувствуют, что осложняют жизнь родителям, что они чужие на празднике жизни. Когда приходит время заводить свои семьи, молодежь начинает соображать: им-то зачем такая трагикомедия? Тем более, что в городе никто не интересуется, женаты или холост.

По статистическим данным, две трети молодежи в возрасте от 18 до 25 лет сегодня не замужем и не женаты. Из семейных пар только 20% не имеют детей, а те, кто имеют, почти все одного ребенка. Отсюда масса печальных последствий. Один ребенок «заменяет» двух умерших родителей. Начинается вымирание. В России со скоростью миллион человек в год. В США у «белых» американцев, в Европе — то же самое. В однодетной семье трудно воспитать полноценного ребенка. В больших семьях этим занимаются, как правило, старшие братья и сестры. Замедляется процесс взросления, налицо инфантилизация.

Традиционные ценности

Может быть, стоит обратиться к традиционным ценностям? Не разумно ли восстановить те святыни, которые были значимы для наших предков? Разные эпохи, к примеру, демонстрировали различное ценностное отношение к труду. Были эпохи, когда труд был в почете, но иногда все решительно менялось. Правда, ни одна из религий не исповедовала отрицательного отношения к деятельности. В религиях практический, рациональный элемент всегда представлен достаточно отчетливо. Разумеется, в некоторых из них земной аспект представлен с особой значимостью. Даже те религиозные системы, которые исповедуют отрешенность от мира с его повседневными заботами и страстями, не отвергают труда. Если верующий настолько отошел от реальности, что погрузился в молитвенное созерцание, это вовсе не означает, что всякая мирская деятельность отвергается. Будда, к примеру, наставлял пахаря: «Вспахав эту пашню, ты избавляешься от страданий».

Можно полагать, что среди всех религий *буддизм* в большей мере отлучен от земного, мирского. При этом ожидание нирваны

¹ Бестужев И.В. На авось не пронесет // МК. 19 мая 2006 г.

(блаженного слияния с Абсолютом) — единственное реальное блаженство, которое жизнь может даровать человеку. Однако эта религиозная система не подвергает остракизму повседневное, мирское. Буддизм не подвергает гонению материальное, хотя и не культивирует, не внедряет его. К материальному просто не следует стремиться. В то же время обладание им оправдано, хотя и предполагает способность равнодушно потреблять, наслаждаться благами жизни. Но при этом буддист не пытается увеличить объем обладаемого.

Кстати, некоторые исследователи буддизма не без основания полагают, что установка буддизма, направленная на то, чтобы «победить себя», вооружает верующего, раскрепощает его энергию и призывает спокойно принимать любые удары судьбы. Все это благотворно сказывается на вполне земном, даже утилитарном, прагматическом отношении буддиста к жизни, активизирует его труд и энергию.

Буддизм как религия, философия и этика (именно все это и составляет его нерасторжимое единство) может дать ответ (хотя бы частично) на вопрос, почему, например, Япония после Второй мировой войны смогла устоять и столь успешно пройти через такие испытания, как иностранное вторжение, атомные бомбардировки, разрушение хозяйства, землетрясения, тайфуны, энергетические кризисы, эмбарго на продовольствие. Буддизм учит: нет на земле ничего постоянного, жизнь состоит из постоянных преобразований, этим она и прекрасна. От дел, добрых или злых, в буддизме зависит качество дальнейшего существования. «Черное, — говорил Будда, — отличается черным. Белое — белым. Дело — начало и причина всякого существования». Этот закон воздаяния обуславливался прежде всего моральным порядком вещей, законом связи причины и следствия. Для облегчения тяжелой участи простых людей Будда давал вполне практические и здравые с житейской точки зрения советы, например, рыть колодцы, разводить роши и сады плодовых деревьев, рассаживать вдоль дорог целебные травы. На эту сторону буддизма обратил внимание Д.И. Менделеев в своих «Заветных мыслях», написанных на склоне лет и ставших, по его словам, «всею совокупностью испытанного и узнанного в жизни». Обращение к Будде понадобилось великому химику для того, чтобы доказать, что «трудовое начало положено в основание спасения и внутреннего благополучия» крупнейших мировых религий и что буддизм в данном отношении не был исключением.

Менделеев напоминает, что Будда советовал своим последователям чаще совершать поступки милосердия. Это послужило для ученого основанием сделать вывод, что подобный совет «предполагает

лиц, могущих подать милостыню, а потому имеющих избытки, добываемые трудом, то есть совет, очевидно, относится к немногим и не может быть общим».

Близкий к буддизму индуизм, воспринимающий мир как единое, упорядоченное целое, а не случайное соединение вещей и явлений, считает уделом человеческое возвращение: новое рождение есть странствие души, постоянный жизненный круговорот. Как буддизм, индуизм нередко трактуется весьма односторонне — как религия, полностью отстраненная от реальной действительности, придающая фантастическое, мистическое, абстрактное направление индийской мысли и, наконец, пренебрежением, а то и презрением, относящимся к практической жизни. Такая искаженная интерпретация ведет к изображению индийцев как народа бездеятельного, склонного к постоянным грезам и фантазиям.

Отвечая исследователям, трактовавшим подобным образом эту религию, датский историк Э. Леманн писал еще в конце позапрошлого века:

Такое изображение верно только в применении к отдельным слоям этого народа и к некоторым периодам его истории; если же брать в расчет всю совокупность индусского населения и проследить весь ход его истории, то получится существенно иное впечатление.

И далее добавляет, что население Индии не имело недостатка... в способности к практической деятельности.

В «Бхагаватгите», иногда называемой Новым заветом индуизма, достаточно ясно выражен призыв к действию. В ней говорится, что человеку необходимо быть активным, ибо сам Господь действует, совершает поступки. «Не совершая дел, эти миры исчезли бы» — говорит главный герой Бхагаватгиты Кришна. И в другом месте: «Необходимое дело совершай, лучше бездействия дело».

Практически экономическая модель индуизма, как и буддизма, разработана довольно скудно. Редкие вкрапления мирской и хозяйственной этики тонут в основных текстах древних установлений о пагубности всякой привязанности. Видимо, для буддизма и индуизма нужна тонкая интерпретация их отношения к человеческой деятельности. В социальных программах этих религий содержится иной тип экономической рациональности, иные способы оправдания собственности и богатства, к которым невозможно подходить с западными мерками.

Все, что было сказано, в известной мере можно отнести и к некоторым другим восточным религиям — например, к *даосизму*, вос-

принявшему некоторые черты философии и культа буддизма в процессе адаптации последнего к китайской почве. Здесь же с древнейших времени в силу разных причин религиозное чувство было значительно ослаблено; в китайской традиции религией обернулась этика. Социальная этика и административная практика всегда играли в Китае более значительную роль, нежели мистика и индивидуалистические поиски спасения.

Даже в *даосизме* — этой китайской народной мистической практике — по мере того, как он более становился религией мира, заметно усиливался элемент рациональности. Постепенно адаптация приводила к тем же следствиям далеко не один лишь даосизм. Что касается последнего, казалось бы, далекая от прагматизма мистика даосизма обернулась в конце концов накоплением эмпирического материала в области химии, традиционной медицины (фармакология, иглотерапия и т.д.)

Однако характерные черты китайского национального характера в наивысшей степени воплотило конфуцианство, которое по отсутствию метафизики настолько рационально, что находится на границе того, что именуется «религиозной этикой». И вместе с тем оно резко отличается от прагматизма Запада. Превратившись в государственную религию и более чем на две тысячи лет ставшее идеологической основой китайской империи, конфуцианство, не ограничившись Китаем, перешагнуло его границы и благополучно обосновалось в Японии и соседних странах.

Даже самое беглое знакомство с конфуцианством не оставляет сомнений в характере его отношения к труду, собственности, богатству, нищете, производительной деятельности. Жизнь ставит перед человеком задачи, которые он неукоснительно должен выполнять, если они даже окажутся не по плечу. Конфуций не утверждал, что от людей зависит выполнение всего дела целиком, однако человек должен сделать все возможное для осуществления этого дела. Судьба человека как «путь» (по мысли Конфуция, путь адекватен истине, есть движение для достижения конечного результата. Развитие производства, экономное, бережное расходование средств и устранение злоупотреблений в управлении конфуцианство считало наиболее важным вопросом, относящимся к деятельности человека.

Этико-политические идеи Конфуция обычно характеризуют как теорию управления с помощью добродетели, то есть то же самое, что производство на основе человеческих отношений, активно внедряемое на современных передовых предприятиях всего мира. Для основателя конфуцианства ритуал был тем условным видом дея-

тельности, в котором особый акцент делался на гармонии, красоте и святости.

Конфуцианство — особая разновидность рационализма. В отличие от западного протестантского, конфуцианский рационализм отставал уже с древних времен сложившийся в Китае «обряд» справедливости. И конфуцианец, и пуританин — люди «здорового смысла», но если трезвость отношения к жизни пуританина предполагает мощный энтузиазм, внутреннюю психологическую напряженность отдельной личности, то конфуцианец, если не начисто, то преимущественно всего этого лишен. В противоположность пуританину вся жизнь конфуцианства была скована церемониальными оковами, а предприятия, на которых ему приходилось работать, были семейными или родовыми (клановыми), а потому управлялись не по законам рынка, а по правилам ритуала. При всей модернизации современной китайской экономики эта черта нередко в наши дни продолжает давать о себе знать и служит тормозом при решении функциональных производственных задач.

Конфуцианец (в отличие от протестанта) не верил в то, что его добродетельная жизнь на земле ведет к обретению рая после смерти. За добродетели и усердие, по его представлениям, полагается долгая жизнь, здоровье и богатство в этом мире и добрая память после смерти. Конфуцианство придавало большое значение бережливости — статус «благородного человека» предписывал иметь эту черту.

Варвары в Европе показывали презрение к созидательной деятельности. «Искусство войны проникает в среду варваров быстрее и глубже, чем любая другая отрасль техники»¹. К производительному труду в целом варварское общество относилось крайне противоречиво. «Свободный соплеменник, участник народного собрания был вместе с тем и домохозяином, скотоводом и земледельцем. Лишь владевшие значительным количеством рабов были вовсе избавлены от труда и могли вести праздную жизнь, какую описывал Тацит, повествуя о древнегерманских дружинниках и их вождях. Однако вряд ли оценка труда свободным дружинником была высокой. Естественно, что в обществе, которое в немалой степени жило войной, захватами и грабежами, вырабатывались героические идеалы поведения и наиболее достойным свободного человека занятием, приносящим ему славу и добычу, считалось военное дело. Поскольку же к нему так или иначе были причастны все соплеменники, то, вероятно, рядовые свободные, которым приходилось делить

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1977. С. 546.

свое время между походами и обработкой полей, не могли одинаково высоко ставить эти занятия. Свободный труд в собственном владении никогда не унижал, но мог ли он идти в сравнении с дружинными подвигами?»¹

Труд не признавался добродетелью и в античности, где политический человек ценился выше. Позднеантичная цивилизация не признавала высокого достоинства физического труда. К концу античной эпохи и земледельческое занятие не относили к числу гражданских добродетелей, как это было в более патриархальный период, во времена Цинцината. В период Римской империи стало расхожим в кругах господ представление о природной низости людей, занятых физическим трудом. Правда, киники, Сенека, Эпиктет и некоторые другие мыслители пытались преодолеть отрицательную оценку труда.

В христианстве произошла переоценка рабовладельческой морали. «Если кто не хочет трудиться, то и не ешь» (второе послание Павла к фессалоникийцам). Этот принцип раннего христианства переопределял сложившиеся приоритеты. Отныне тягчайшим грехом объявлялась праздность.

Христианское учение оценивало земные установления с точки зрения их пригодности как средства приближения к Богу, и в этом смысле определялось и отношение к труду. Трактовка труда, собственности, бедности, богатства в раннехристианской литературе — а эти сюжеты занимают в ней немалое место — может быть правильно понята, если принять во внимание, что все эти вопросы ставились в плане религиозно-этическом, неизменно спиритуализировались (осмысливались как духовные), отнюдь не составляя некоей системы «экономических взглядов». Собственно экономическая проблематика чужда сознанию евангелистов и отцов церкви, а равно и средневековых теоретиков, она поставлена здесь в совершенно иные понятийные связи и приобретает значение лишь в более широких мировоззренческих рамках².

Протестантская этика

В протестантской этике, если сопоставить эти ценностные ориентации с отношением к труду, то можно увидеть радикальное иное ценностное содержание. В XVI в. в Европе началось движение, которое получило название Реформации. В результате этого движения внутри христианства сложилось новое направление — протестантизм. В сложившемся протестантском *этносе* (своде мораль-

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир. М., 1990. С. 37.

² Там же. С. 36.

ных принципов) не просто признается достоинство труда, но и низость праздности. Труд рассматривается как призвание человека, как его предназначение. Высшее существо, как учил *Мартин Лютер* (1483—1546), вовсе не против деловой сметки, не против богатства. Более того, Лютер учил, что если человек получает прибыль небольшую, при том, что имеет возможность увеличить доход, то это означает, что он совершил грех перед Богом.

Протестантская этика освятила труд. Более того, она открыла в нем неисчерпаемую поэзию. Мир хозяйства традиционно считался мертвым, косным. Предполагалось, что сфера экономики с ее заботами о насущном ограничивает и стирает вдохновение души. В предшествующей культуре гений выглядел противостоянием ремесленника, а поэт — торговца, рыцарь — ростовщика. В эпоху Реформации возвышенность духа укоренилась в области самого хозяйства. Всякий труд, сопряженный с преобразованием жизни, оказывался поэтичным.

Одновременно была осуждена праздность. В ряде стран приняли законы против бродяг. Хозяйственная профессия оценивалась как ответ на призыв Бога. Следовательно, готовность перестраивать, украшать жизнь воспринималась как моральный долг. Этим же диктовалось желание совершенствовать свое мастерство, свой хозяйственный навык. Однако понимание труда как ценности еще не выражало целиком внутренний мир человека эпохи Реформации. Труд был соотнесен с аскетизмом, с высокой целью земного существования. Иначе говоря, вовсе не предполагалось, что полученная прибыль должна немедленно обслужить гедонические (связанные с наслаждением) потребности человека. Напротив, смысл труда усматривался в том, чтобы произвести некое накопление, преодолев искушение всяческих удовольствий. Если католицизм считал заботу о нищих святым и добрым поступком, то протестантизм отверг этот предрассудок. Милосердие понималось как готовность помочь обездоленному освоить профессию и позволить ему продуктивно работать.

Одной из высших добродетелей считалась бережливость. Но речь вовсе шла не о накоплении как таковом. Полученную прибыль человек новой эпохи не пускал в расход. Приращение не оседало мертвым грузом. Напротив, оно требовало от агента хозяйственной жизни еще большего напряжения. Важно было выйти за пределы повседневного наличного опыта и отыскать сферу малоизвестного, область риска. Эпоха Реформации открыла запредельность там, где она менее всего предполагалась, — в экономическом укладе, в мире хозяйства. Прибыль, следовательно, всегда больше того, что она приносит владельцу. Приращение богатства — это выход за преде-

лы насущного, нужного, потребляемого, это чистый прирост бытия. Это прыжок в неизвестность, это стихия творчества.

Прежние системы хозяйства были построены на потреблении того, что производилось, на некоем балансе вложения и отдачи. Подход к хозяйству был утилитарный: рабовладелец получал от рабов, а феодал от своих крестьян и вассалов все, что нужно было для роскошной жизни. Капитализм стал производить для расширения самого производства. Баланс уступил место авансу: капитализм — это искусство вложения средств, гениальная растрата. Раньше практические люди были заняты в основном отвлечением средств себе на пользу и в удовольствие, а капитализм стал их владеть, разбрасывать, тратить, как в бурной любовной среде¹.

Не случайно, по мнению некоторых исследователей, ускоренное развитие капитализма в Европе совпало с эпохой романтизма. Романтизм, стало быть, вовсе не протест против капитализма, против духа чистогана, как это традиционно осмысливалось в марксизме. У капитализма и романтизма — общая метафизическая установка: устремленность в бесконечность. По мнению М. Эпштейна, все античные, «наивные» формы хозяйствования, с их установкой на конечный, потребляемый продукт, были отброшены капитализмом, так же как романтизм устранил все наивные формы классицизма, в поэзии, с их установкой на наглядный, воплощенный, созерцаемый идеал. Идеал оказался отброшенным в будущее, в прошлое, в невозможное, в никуда. Поэзия стала томлением по недостижимому идеалу и насмешкой, иронией над всеми конечными формами его воплощения.

Таким образом, протестантская этика не просто опоэтизировала труд. Она придала ему новое, неведомое измерение, позволяющее переосмыслить человеческую природу, обрести новые грани безмерного бытия. Можно сказать, в эпоху Реформации стал вырабатываться человек — носитель другого характера, нежели в предшествующие эпохи. Он видел свое предназначение в свободе, в дерзновении.

Здесь пролегает глубинное отличие собственно предпринимательского труда от труда машинного, который идеализировался позже в марксизме. Пролетарий или разнорабочий тоже относится к труду как к благу. Однако это занятие выглядит поэтически окрашенным только в сочинениях идеологов коммунизма. На самом деле рутинный, механический труд не открывает в человеке ни особого достоинства, ни величия, ни творческих граней.

¹ Эпштейн М. Поэзия хозяйства // Независимая газета. 26 июня 1992 г.

Предпринимательство же провоцирует в человеке новые, малоизвестные стороны его натуры. Деловой расчет немислим без напряжения риска, конкретная выгода — без страха перед банкротством. Понимание труда как божественного призвания — это приглашение к иному существованию, к бесконечной игре возможностей. Человека отыскивает в наличном мире не себя самого, а иного, некий собственный идеал, именно то, кем он может стать. В человеке просыпается множество новых «Я», которые он стремится воплотить в дерзновенном замысле.

Когда немецкий социолог *Макс Вебер* (1864—1920) поставил вопрос: какое сплетение обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли определенные явления культуры, которые приобрели затем универсальное значение, он имел в виду прежде всего ценностные ориентации. Капиталистические авантюристы существовали во всем мире. Однако именно в Европе эпохи Реформации сложился новый комплекс жизненных ориентаций. Экономический рационализм, по мнению Вебера, зависит и от предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения¹.

Капитализм, как подчеркивал Вебер, существовал в Китае, Индии, Вавилоне, в древности, в средние века. Однако ему недоставало именно своеобразного этоса. У человека эпохи Реформации часто обнаруживается известная сдержанность и скромность. Индивиду докапиталистической эпохи накопление материальных благ благодаря личному аскетизму казалось непонятным и таинственным, грязным и достойным презрения.

Протестантская этика регламентировала образ жизни человека едва ли не во всем. Ее предписания касались не только производственной, но и социальной практики. Она требовала качества труда и дисциплины. Эта этика осуждала также пьянство и разврат, требовала крепить семью, приобщать детей к труду и обучать религиозной вере, то есть умению читать и понимать Библию.

После Второй мировой войны в западных странах произошла научно-техническая революция. Она решительно преобразила потребительский рынок. На прилавках, на лотках появились разнообразные товары. Однако эти товары никто, по существу, не покупал. Ведь господствовал протестантский этос, который предписывал воздержание, аскетизм. Для того чтобы сбыть товары, нужно было сломать традиции протестантского мировосприятия. Так, в западных странах протестантский этос стал помехой на пути разворачи-

¹ См. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1900. С. 61.

ния предпринимательства. Возникла другая задача — разрушить те ценности, которые веками ориентировали человеческое поведение. Нужны были массированные, неординарные усилия. Необходимо было прежние установки заменить новыми. Начался долгий период крушения протестантского этоса.

В результате проведенных усилий произошло преобразование ценностей. Прежде всего распалась «трудовая этика». Сегодня во многих странах социальные критики отмечают, что труд перестал рассматриваться как важное жизненное устремление. Люди уверены, что обрести богатство можно, вытащив удачный лотерейный билет, поймать свой шанс и, таким образом, сохранить свои жизненные позиции. Реклама всячески поддерживает эти установки. Массовая культура рассказывает о том, как, к примеру, провинциальная барышня стала кумиром публики, как некто возглавил крупное общественное движение, а кое-кто преуспел в торговле наркотиками. Понятное дело, все это меняет отношение к труду. Он перестает быть жизненным предназначением.

Персоналистская традиция

Наконец, следует сказать и о позиции православной церкви. Мы касались восточных религий, а также католицизма и протестантизма. Однако теперь настало время сказать о том, что православное сознание не приемлет дух стяжания и наживы. Вот почему, в частности, коренные преобразования в нашей стране идут мучительно медленно и сопровождаются тяжелыми противоречиями. Дух православия несовместим с теми ценностями, которые рождаются на пути к капитализму.

Мы осознаем сегодня, что всякое общественное установление, будь то закон, традиция или социальный институт, должно поворачиваться интересами *личности*. Идеальное человеческое поведение может создаваться, судя по всему, на предельном учете личности каждого индивида, его разума, воли и чувств, всей человеческой субъективности. Пренебрежение к слезе ребенка или даже к голосу, который «тоныше писка», оборачивается драмой или даже трагедией для других. Общество — это равнодействующая индивидуальных устремлений. Навязывание воли, парализующий «всех прочих», идеологии, безразличной к личности, к фанатически отвергающей «чуждые» ценности, неизменно сопряжено в панораме дрящей истории с возмездием.

Личность — ключевое, значимое слово. Когда в древности хотели сказать о ком-то, что он социально и духовно развитый человек, использовали латинское слово *persona* («маска актера»). Это слово подчеркивало социальность человека, его возвышение над природ-

ным миром. Поздняя античность называла человека персоной, чтобы подчеркнуть, что он не является лишь природным организмом, а обнаруживает сугубо человеческие качества.

Европейская культура основана на персоналистической традиции, то есть на уважении к уникальности и *незаместимости* человека. Эта традиция родилась в христианстве и затем стала основой европейской культуры. Слово со значением «личность» появилось в Западной Европе не ранее XVII в. В России это слово ввел *Н.М. Карамзин* (1766—1826). Характерно, что в китайском языке нет иероглифа, который выражал бы данный смысл. Карамзин считал человека общественным существом, способным к общению, интеллектуальному и нравственному совершенствованию. Личность — это хозяин собственной судьбы, собственной жизни.

Однако в современных условиях личность как ценность культуры ставит множество новых проблем. Персоналистская идея доводится до абсурда, освобождается от нравственных критериев, от размышлений о природе человека и его предназначении. В ряде современных публикаций говорится о личности без малейшей попытки войти в сферы культурологического анализа. Возникает малопривлекательный образ человека, выпавшего из лона человечества. Маячит угроза диктатуры индивида, готового отстаивать собственное своеволие в толпе внутри человеческого скопища.

Персоналистская психология, обосновывающая суверенитет личности, не может, я думаю, отвлечься от вопроса о том, каковы собственные пределы человека, в чем он черпает основы нравственности, что питает его волевые импульсы. Если мы решили вернуть нашему культурологическому мышлению антропологическое измерение, то начинать надо, видимо, не с культа индивида, не с безоговорочного признания его самоуправства, а с осмысления полярных ценностей, которые сложились сегодня на Западе и на Востоке.

Возвращая человеку его достоинство, его право строить мир по собственным меркам, нельзя, на мой взгляд, не видеть опасности скороспелого вывода: «Индивид превыше всего!». Шкала ценностей предпочтений применима к самому человеку. Он вовсе не единственный, а полномочный представитель человеческого рода.

Христианство, которое стало истоком европейской персоналистской традиции, возглашает не эгоистическое, а всечеловеческое. Оно, по выражению Л.П. Карсавина, — «единственная религия личности»¹. Христианство утверждает идею живого индивида, наделенного телесностью, разумом, чувствами, страстями. Однако оно

¹ *Карсавин Л.* Церковь, личность и государство // Путь (Париж). 1928. № 12. С. 32.

исключает безмерное поклонение человеку. Персоналистски ориентированная культурология менее всего озабочена тем, чтобы установить диктат индивида. В том-то и дело, что персоналистская культурология, задумавшись над предназначением человека, выдвигает перед ним определенные нравственные императивы, соразмеряет поступки с общечеловеческими целями. Свобода трагична. Она ставит человека перед выбором, потому что основана на нравственном законе. Личность отнюдь не стремится к диктаторскому самоутверждению и не пытается навязать общественной организации своекорыстные интересы.

Между тем социальные критики с тревогой пишут о том, что в современном западном мире принцип персонализма уже демонстрирует свои издержки. Мало кто хочет служить в армии и защищать страну. Рождается множество индивидуальных стилей поведения, многие из которых направлены против общества и его институтов. Может ли и дальше персоналистская традиция развешивать только позитивный потенциал.

Так, какой же вариант перспективнее для человечества?. Известный французский культуролог Луи Дюмон в книге «Человек иерархический» выступает против индивидуализма, столь укорененного в европейской культуре. «Человек иерархический» задуман как итог многолетних полевых исследований, размышлений и дискуссий. В работе европейскому укладу противостоит индийская система каст. С точки зрения обычного европейца, касты — это «институт, отрицающий права человека и представляющий собой препятствие на пути экономического прогресса множества людей». В лучшем случае каста для людей Запада — это некое извращение, аномалия, социальная система, столь же стабильная и мощная, сколь противная нашей морали и непостижимая для нашего разума. Л. Дюмон видит в системе каст равноправную «форму существования человечества». Эта система может открыть глаза на некоторые наши собственные черты. Принцип иерархии, лежащей, согласно Дюмону, в основе системы каст не бесполезен для понимания природы, пределов и условий реализации того морального и политического равенства, к которому мы стремимся. Современный человек, для которого собственно «человек начинается с Декларации прав человека, конечно, не захочет отбросить свои ценностные представления и заменить их другими.

Основное отличие между западной и индийской системами ценностей Дюмон видит в подходе к человеку и его месту в обществе. Две системы ценностей противопоставлены друг другу: первая соответствует обществу традиционному, вторая — современному. В

первой системе, как, впрочем, и в «Республике» Платона, главный упор — общество в целом, на человека коллективного. Идеал определяется как организация общества с точки зрения его целей (а не с точки зрения индивидуального счастья). Речь идет прежде всего о порядке, об иерархии. Каждый отдельный человек должен функционировать в определенной точке глобальной системы, и справедливость — это пропорциональное распределение социальных функций относительно целого.

Для современных людей, напротив, человеческое существо — это человек элементарный, неделимый. Каждый человек воплощает в каком-то смысле все человечество. Он — мера всех вещей. Сфера целей совпадает с законными целями каждого человека. То, что называется обществом — это средство, жизнь каждого человека — это цель. Дюмон отмечает: чтобы понять индийское общество, мы должны прежде всего понять его идеологию. Центральное понятие этой идеологии — иерархия. Основное значение имеет иерархия «чистого -нечистого», на основе которой все общество организуется в группы. Система каст и есть иерархически организованная совокупность групп, обладающих той или иной степенью чистоты.

Психологу, видимо, небезынтересно, что Дюмон излагает историю отношения к кастам. Он разделяет ее на три периода. Для первого (до конца XIX в.) характерно стремление объяснить сам факт существования системы каст, института столь удивительного и даже возмутительного для европейца. Во второй период (конец XIX в. — 1945 г.) эта «объяснительная» тенденция сохраняется, но преобладает уже подход описательный. Наконец, современный период, более полувека характеризуется интенсивными исследованиями социальных антропологов, методы описания уточняются, социологические соображения преобладают и вытесняют исследования истоков.

В первый («объяснительный») период было предложено много различных объяснений происхождения системы каст. Аббат Дюбуа, сын века Просвещения, считал систему каст «шедевром индийского законодательства». Он писал о том, что институт, подобный этому, был, вероятно, единственным средством, которое дальновидная предусмотрительность смогла изобрести для поддержания цивилизации у такого народа, как индийцы.

Джеймс Милль (не Джон Милль), оказавший большое влияние на умы индийских интеллигентов XIX и XX вв. объяснил происхождение каст уже совместным действием внутренних законов развития общества (прежде всего — необходимостью разделения труда) и воли законодателей, причем законодатель имеет здесь вторичную роль: разделение труда возникло само по себе.

Речь идет, замечает Дюмон, о дуализме, который нам еще встречается в сходных формах и от которого, вообще говоря, мы еще не избавились: перед современным культурологом все еще стоит задача увязать аспекты технические и экономические, с одной стороны, а с другой — религиозные. Тот же дуализм проявлялся в мышлении европейцев о кастах как противопоставление «религиозного» и «социального». Перед католическими миссионерами издавна стоял вопрос: считать ли касты явлением «религиозным» и (бороться с ним) или «просто социальным» (и приспособливаться к ним).

Было выдвинуто также несколько «исторических» теорий, объяснявших касты более или менее уникальным стечением обстоятельств и факторов. Среди исторических объяснений можно различать три типа: теорию индоевропейскую, или дравидийскую, теорию расовую и теорию диффузионистскую. Расовая теория каст (объясняющая их происхождение столкновением различных рас на территории Индии) вплоть до настоящего времени была наиболее распространенной.

Дюмон считает, что система каст устояла перед двухсотлетним напором Запада. Индия может преподать Западу ценный урок, выявив лишь, впрочем, тенденции, существующие подспудно в самой западной традиции (см. теории Гоббса, Руссо и Гегеля). Однако чем обусловлен такой интенсивный интерес к теории каст, который можно рассматривать как локальный аспект культурологии? Численность людей на земле катастрофически растет. Годятся ли европейские формы совместного существования для будущего? Нет ли в азиатском опыте более эффективных форм коллективной жизни, которые могут оказаться полезными для людей, — вот смысл данного исследования.

Европейская персоналистская традиция кажется сегодня западному миру непогрешимой, незаменимой. Но ценности меняются... Не придет ли время и для других ценностных ориентаций.

Каждая культура, напомним, содержит в себе набор святынь. Их расположение составляют внутренне устойчивое ядро культуры. Однако ценности, которые кажутся незыблемыми, со временем преобразуются. Только изменение ценностных ориентаций порождает социальную динамику. «Подвижные» социальные, культурные условия воздействуют на строй ценностей. Индивид черпает собственные практические и жизненные установки из арсенала человечества. Выбор ценностей для него свободен. Однако господствующие предпочтения рождают в нем стойкий костяк культуры как комплекса ценностей. В то же время психология подмечает, что на

солидном историческом пространстве заметны разительные повороты в ценностном арсенале.

Литература

1. *Бродов В.В.* Истоки философской мысли Индии. М., 1900.
2. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир. М., 1990.
3. *Гуревич П.С.* Трансформация ценностей на рубеже тысячелетий // Характер и личность. Многообразие и интеграция культурных ценностей на исходе XX века. Тверь. 1999. С. 11—17.
4. *Зыкова М.Н.* Фольклоротерапия: структурирование жизни через обряд. М., 2006.
5. *Лапицкий Марк.* Труд в традиционных религиях Востока // НГ — религии от 29 мая 1997. с. 6.
6. *Леонидов Ф.* Введение в вероучения народов мира. М., 2005.
7. *Мариносян Хачатур.* Честность выгодна капиталисту (Протестантский этос и его генезис) // Архетип, 1995, № 1.
8. *Панкин С.Ф.* Религиозная антропология. М., 2006.
9. *Сахипова Р.А.* Воспитание и обучение на традициях народной педагогики. М., 2005.
10. *Христианская культура сегодня.* М., 1995.

Вопросы для повторения

1. В чем смысл теории трех волн Э. Тоффлера?
2. Почему честность выгодна капиталисту?
3. Отчего Л. Дюмон считает, что кастовый строй может дать уроки Европе?
4. Какую роль в истории играют традиции?
5. В чем смысл вестернизации?
6. Какова логика глобализации?
7. Чем обусловлено крушение этики труда?

Темы рефератов

1. Концепция истории Д. Белла.
2. Тоффлер о логике исторического процесса.
3. Протестантский этос.
4. Общество традиционное и современное.
5. Труд в различных культурах.

Тема 24

Ценность как фактор государственной безопасности

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

Александр Пушкин

Связь между поколениями

До сих пор речь шла о ценностях, которые принадлежат отдельному человеку или отдельной культуре. Однако для психологии чрезвычайных ситуаций огромное значение приобретают те святыни, которые выступают в качестве фактора государственной безопасности: патриотизм, гражданственность, национальная идея и т.д. Сегодня этим ценностным ориентациям угрожает распад государственности, утрата патриотических и гражданственных чувств, терроризм и нарастание «фашистских» идей. Вот как пишет Юнна Мориц:

Фашистский туман над нами проплывает,
Над Гитлером горит сочувствия звезда,
Фашистский туман оптически сливает
Все то, что не должно забыться никогда.

Хейли и Элвин Тоффлеры в книге, о которой шла речь, упоминают о терроризме, даже подчеркивают его особенности. Но они не пишут об эффективности терроризма. Пока несколько человек с автоматами или взрывчаткой могут навязать свою волю государству, желающие реализовать такую возможность обнаружатся всегда. Терроризм многолик и динамичен: он постоянно меняет форму, содержание, идеологию, географию. Это не тот противник, которого можно обозначить на военных картах и штабных мониторах. Те средства фиксации террористов, которые называют супруги Тоффлер, явно не эффективны. Мировое сообщество оказалось не го-

товым к этой войне. Оно готовилось к ядерной, биологической или психологической войне. Но реальность оказалась иной...

Недавно газета Washington Times опубликовала индекс вероятности терактов в разных странах мира. США стоят в нем на четвертом месте после Колумбии, Израиля и Пакистана. Россия занимает шестнадцатое место, а самой безопасной из 186 стран названа Северная Корея. У многих возникает вопрос: не стоит ли ради безопасности пожертвовать свободой?

Русский философ В.С. Соловьев отмечал, что семья, отечество и человечество связаны друг с другом очевидной ценностной нитью. По его мнению, от века даны твердыни и устои жизни: семья, живым, личным отношением, связывающая наше настоящее с прошедшим и будущим; и отечество, расширяющее и наполняющее нашу душу содержанием души народной с ее славными преданиями и упованиями.

На всех своих ступенях общество по своему существенному содержанию есть нравственное *восполнение* или *осуществление* личности в данном жизненном круге; лишь объем этого круга не одинаков: на первой ступени он ограничивается для каждого своим родом, на втором — своим отечеством, а лишь на третьей личностно человеческая, достигшая ясного сознания своей внутренней бесконечности, стремится соответственным образом осуществить ее в совершенном обществе с упразднением уже всяких ограничений не по содержанию только, но и по объему жизненного взаимодействия¹.

Со времени христианства нам открыто наше безусловное достоинство, абсолютное значение внутреннего существа человека, его души.

Это безусловное достоинство налагает на нас и безусловную обязанность осуществлять правду во всей нашей жизни, не только личной, но и собирательной; при этом мы *несомненно* знаем, что осуществить такую задачу невозможно для каждого человека, в отдельности взятого или изолированного, что для ее совершения необходимо *восполнение* частной жизни общєю жизнью человечества. Один из способов такого восполнения, одна из форм общей жизни — форма главная и господствующая в настоящий исторический момент — есть *отечество*, определенным образом организованное в *государстве*.

Одна женщина рассказывала мне, что когда она была ребенком, она росла в семье безлюбной, мама не любила свою девочку, и поэтому девочка всегда говорила: «Когда я стану взрослой, конечно, я буду отчаянно любить своих детей». Теперь эта женщина — взрослая, у нее есть дети, и когда она общается со своей старшей дочерью, она с ужасом обнаруживает, что транслирует в своей жизни

¹ Соловьев В.С. Соч. в 2 томах. М., 1988. Т. 1. С. 284—285.

тот же самый сценарий. Она может оставить свою девочку среди улицы и с раздражением уйти домой. Она рассказывала, что однажды ей пришлось ехать с девочкой в поезде, и это было для нее мучительно. Чтобы избежать общения, она отвернулась к стене и притворилась больной. На обратном пути ей пришлось, по ее словам, выпить стакан водки, чтобы не проявить своей неприязни открыто.

Мне приходится часто принимать молодых пациентов, которые жалуются на своих родителей, рассказывают, как они их обижали в детстве, какие они странные. Одна пациентка постоянно писала мне в дневнике: «Не — на — ви — жу!». Это о матери. Таких клинических материалов много. Они показывают, как трудно складываются в нашей культуре отношения между родителями и детьми.

Как же решить проблему? Американский психоаналитик Эрик Эриксон отмечает, что открытие «примитивных» систем детского воспитания ясно показывает, что примитивные сообщества не относятся ни к младенческим стадиям человечества, ни к вызванным задержкой отклонениям от олицетворяемых нами гордых прогрессивных норм. Они являют собой совершенную форму зрелой человеческой жизни, простая цельность которой вполне могли бы вызывать у вас чувство доброй зависти. Давайте заново откроем для нас характерные особенности некоторых из этих форм жизни, изучая образцы, добытые в ходе наблюдений за жизнью американских индейцев¹.

Человеку свойственно долгое детство, а цивилизованному человеку — еще более долгое. Продолжительное детство делает человека в техническом и умственном отношении виртуозом, но и оставляет в нем пожизненный осадок эмоциональной незрелости. Хотя племена и народности, во многом неосознанно, используют воспитание детей для достижения своей особой формы зрелой идентичности, своего уникального варианта цельности, их постоянно преследуют иррациональные страхи родом из того самого детства, которое они эксплуатировали особым образом.

Один из исследователей Л. Демоз пришел к выводу, что именно конфликт между поколениями рождает «психогенные» факторы истории. «Центральная сила исторического изменения, — пишет он, — не техника и экономика, а психогенные изменения в личности, происходящие вследствие взаимодействий сменяющихся друг друга поколений родителей и детей»².

Индийские дети, которые приезжают в Россию, больше всего удивляются, что наши ребята зовут своих родителей на «ты». В Индии так не принято. К родителям обращаются только на «вы».

¹ Эриксон Э. Детство и общество, СПб., 2000. С. 100.

² Цит. по: Кон И.С. Ребенок и общество, М., 1988. С. 48.

Давайте подумаем, как лучше строить отношения с близкими. У Пушкина сказано «пустое вы» и «сердечное ты». Выражено это у поэта по другому поводу. Но все же — неужели лучше, общаясь с родителями, сохранять дистанцию?

Какая стратегия лучше? Сохранять эмоциональную близость, обращаться к родителям на «ты» или, рискуя этой дистанцией, нести эстафету уважения к родителям? Каждая культура выбирает свою стратегию. И в ней есть и положительное, и отрицательное. Наверное, китайская культура, которая ставила перед семьей проблему сохранения традиций, требовала от детей безоговорочного почитания. Философ Конфуций учил, что общество должно напоминать большую семью, в которой подданные чтят родителей и любят друг друга как братья. Древние китайцы не только с огромным уважением относились к родителям, но и следовали их воле. Девушка не могла выйти замуж, если родители не одобряли ее выбор. Нам, европейцам, трудно представить такую ситуацию, чтобы наши взрослые дети выбирали супруга по совету родителей. Это кажется невозможным. Даже после смерти отца или матери юноша, который хотел жениться на девушке, но не получил согласия родителей, должен был еще несколько лет ждать, когда по традиции можно было бы, наконец, возможно, жениться по своей воле.

Согласно законам средневекового Китая, взрослый сын мог поступиться запретом своих родителей только через пять лет после их кончины. Хорошо это или плохо? У каждого народа — свои культурные особенности, свои правила жизни. Человеку европейской культуры может показаться странным, что надо называть родителей на «вы», согласовывать свою любовь с отцом и матерью, чтить их волю даже после их смерти. Однако эти традиции помогали китайцам сохранять высокое достоинство семьи. Наверное, сын или дочь могли видеть у родителей какие-то недостатки. Но они ни на минуту не забывали, что именно эти люди, отец и мать, даровали им жизнь. В китайской культуре не мог появиться такой герой, как Павлик Морозов, потому что по китайским традициям Средневековья, сын, который донес на своего отца, наказывался сурово, вплоть до смертной казни.

В европейской культуре сердечная близость, возможность говорить с родителями как с равными (то есть на «ты») ценилась выше, чем в древнекитайской. Дети, рожденные в царских или королевских семьях, не могли жениться или выходить замуж без согласия родителей. Считались с волей отца или матери в тех случаях, когда родители располагали капиталом. Но в целом в европейской культуре не было такого культа семьи, как в древнем Китае. Дети далеко не всегда считались с волей родителей...

В результате европейская культура знает такое явление, как конфликт поколений. Родители не считают, что дети должны об-

ращаться к ним только на «вы»: близкое «ты» между родственникам гораздо лучше. Дети могут выбрать иной образ жизни, жениться по собственному выбору. Мы знаем тургеневское «Отцы и дети» и лермонтовское «Печально я гляжу на наше поколение...» Родители часто страдают, что дети живут своей жизнью, даже не посвящая в нее родителей, не оказывают отцу и матери должного уважения. Далеко не все родители проникаются мыслью, что именно родители подарили им возможность жить на этой Земле. Можно, например, услышать и такое: «А я вовсе не просил их рожать меня. Они даже не спросили мое мнение». В древнекитайской культуре такое совершенно невозможно. Юноша или девушка подчинялись воле родителей. Они знали, что сами станут стариками, и им будет оказано глубокое уважение, они будут вознаграждены за свое повиновение.

В нашей культуре действительно распалась связь поколений. Любой человек соединяет в себе прошлое, настоящее и будущее. Своих родителей, себя самого и своих детей. Христианская религия почерпнуло это триединство (то есть целостность трех слагаемых) из этой сути человека. И сделало это священным, чтобы помочь нам понять естественный закон жизни.

Без прошлого нет настоящего, потому что нет Сына.

Без настоящего невозможно будущее, потому что некому будет передать Завет.

В религиозной литературе Заветом называют соглашение Бога с человеком. Завет — это доброе согласие...

А если его нет, этого Завета? Если родители не сумели показать детям эту живую связь поколений, близость детей и родителей? Если дети не смогли осознать свое глубинное, святое родство с родителями?

Тогда Завет замещается в душе человека сиюсекундным распоряжением, приказом. Тогда будущему поколению передают не Завет, как надо жить, а правила, как надо выживать. И тогда исчезает преемственность жизни. Остаются люди, которым не надо рисковать жизнью, чтобы отстоять Завет для будущих поколений, а нужно просто воспользоваться моментом, чтобы что-то продать, а что-то купить...

Мы все чаще имеем дело с семьей, которая не передает эстафету. Христианская религия пыталась вбить в наше сознание простую истину естественного человеческого бытия — есть прошлое, настоящее и будущее — есть триединство. Прошлое, настоящее и будущее связаны между собой..

Перечитывая работу русского философа В.С. Соловьева «Оправдание добра», я испытывал недоумение, почему в этой большой работе автор пытается доказать нам простые истины. Речь идет о том, что человека формирует семья, Отечество и человечество в це-

лом. И эта — безусловная истина много раз проговаривается, доказывается. Очень долго и обстоятельно философ пишет о необходимости почитания родителей, как будто кому-то неясно, что память о родителях священна. Но если еще в позапрошлом веке это казалось важным пояснить, то в наше время это стало актуальной потребностью.

Без нравственной эстафеты, без передачи опыта поколений, воспитание кажется не только не продуктивным, но и бессмысленным. Иногда между родителями и детьми идет настоящая война. Вчера у меня была пациентка, которая рассказывала о том, как мама выгнала ее из дому, когда ей было 16 лет. Выгнала, не дав ей в дорогу абсолютно ничего. Она вышла на улицу, как была одета и стала спасать себя. Прошло время. Она вышла замуж, сейчас работает. Но у нее есть сестра. Сейчас ей тоже 16, и мама задумывается над тем, не поступить ли с младшей точно так же. Она готова ее выгнать на улицу.

Связь между поколениями — идея нравственная, это стратегия выживания. Она оказывается актуальной для всего западного мира. Сегодня массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости секса выше счастья материнства. Женские журналы, «мыльные оперы», дамские романы, телевизионные передачи в прайм-тайм — везде прославляется карьера, секс и независимость (и одиночество) женщин. Заботиться о ребенке — это удел бабушек. Брак и моногамия так же восхитительны, как сэндвич с пюре. Как часто по телевидению показывают передачи о материнстве?

Реклама уверяет покупателей, что во вселенной не найти абсолютных ценностей, вера в сверхъестественное — предрассудок. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается. Ее цель — наслаждение, доступное в единственном нам мире. Каждое общество вырабатывает собственный этический код для себя самого. Поскольку счастье — венец жизни и поскольку мы существа разумные, мы имеем право судить самостоятельно, когда жизненные тяготы перевешивают радости жизни и когда наступает срок прервать свой жизненный путь — то ли собственными руками, то ли при помощи семьи и врачей.

Первая заповедь «новой религии» звучит так: «Все образы жизни равноправны». Любовь и ее неперменный спутник, сексуальные отношения — это личное дело каждого. Государство не вправе вмешиваться в эту область. Данный принцип — все образы равноправны — подлежит фиксации в законе, а тех, кто отказывается подчиняться новым законам, должно наказывать. Если не уважаешь образ жизни соседа — значит, ты лицемер.

Старинная христианская мораль осуждала секс вне брака. Сегодня многие считают, что христианская мораль жестока и потому служит преградой на пути к счастью.

История показывает, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций. Одни достигали величия регулярно, другие к нему никогда не приближались. Разнятся образы жизни, религии, идеи; равенства нигде не найти нигде. В современной культуре обнаруживается опасная тенденция. Ее можно обозначить лозунгом — «Приемлемо все!» : традиционное и новейшее, архаическое и современное, разумное и неразумное, научное и житейское, возвышенное и низкое. Они сосуществуют, дополняют, взаимно пересекаются друг с другом. Получается, будто недопустимо выделение какого-то одного подхода в качестве образца. Бытие человека понимается не как движение к результату, а как бесконечное движение, ценное само по себе. Создание новых миров и воспроизведение старых, забытых образов, детский рисунок и фантазия шизофреника — все проявления нашего существования оказываются одинаково значимыми. Раскрепощенная психика должна получить возможность реализовать себя самым невероятным образом: от конструирования новых смыслов (Ж. Дёлез) до создания причудливых форм (Р. Вентури, М. Грейвс).

Нет ценностей более или менее значимых, они одинаковы. Это, оказывается, свойство мира. Принципиально меняется и трактовка сущности человека. Человек не столько трудится, сколько участвует в игре. Игровая деятельность пронизывает все формы культуры. Она считается тем многограннее и эффективнее, чем больше раскрепощена психика. Психика, освобожденная от традиционных запретов, получает возможность реализовать себя самым невероятным образом. Возникает новый тип сознания, где подобно вспышкам молнии интуитивные озарения переплетаются с догадками разума. Наука включает в себя элементы религиозного мировоззрения, религия пользуется данными науки. Произведения высокого искусства мирно сосуществуют с массовой культурой.

Конструирование действительности оказывается в этой системе ценностей основополагающим свойством человека. Не случайно самой популярной игрушкой детей конца прошлого века стал трансформер. В отличие от человека традиционной культуры, «новый человек» теряет стержневую основу. Возникает так называемый «феномен Протея». Жизнь человека превращается в калейдоскоп образов, в набор ролей им же самим и созданным. Утром он может присутствовать на богослужении, днем слушать лекцию о Ницше, за чашкой кофе рассуждать о запредельном мире, вечером пойти на концерт Баха, после чего отправиться на дискотеку, ночью же принять участие в «сатанинской мессе».

Современный человек в этой системе ценностей есть «Все», но в то же время «Ничто». При этом происходит распадение личности: она удваивается, утраивается, становится множественной и в этом

состоянии перестает быть личностью. Родители нередко ставят перед детьми странную задачу: «Будьте никем». Иначе говоря, не надо стремиться к тому, чтобы состояться, получить образование, добиться личностного роста. Это весьма трудно, это напрягает. Лучше просто идти по жизни, без особых усилий...

Мир превращается в арсенал моделей, противоположность искусственного и естественного исчезает. Создание искусственного климата, возможности моделирования собственного тела и даже полное воспроизведение себя путем клонирования, изменение психологического образа приводит к тому, что сама личность растворяется в потоке сменяющихся образов.

Понятие «Отечество»

Наши отцы дали нам не только жизнь, но и обеспечили наше существование. Сами они получили все это через Отечество. Отечество — это страна, где родился человека и гражданином которой он является. Именно поэтому уважительное отношение к отцу естественно переходит в почитание отечества. Вы родились в конкретной стране, у которой есть своя история, свои традиции. Естественно, они дороги вам, поскольку они составляют часть вашей жизни. Когда рождается семья, то она не поглощает ее отдельных членов, а дает возможность каждому ощутить себя личностью. Отечество тоже не принижает своих граждан, наоборот, возвышает их.

Почитание отцов, подчеркивает В. Соловьев, переходит в прославление отечества. Нравственная жизнь семьи невозможна вне отечества, а жизнь отечества — вне человечества. Дурной сын и дурной отец, — пишет Соловьев, — который не почитает своих предков и не заботится о воспитании своих потомков, не может быть хорошим патриотом. Плохой патриот не может быть служителем общего блага.

Понятие «отечества» близко понятию «родина». РОДИНА — это Родная страна. Однако по своему содержанию эти слова не одно и то же. Они могут совпадать, но могут и не совпадать. Родина — это страна, где человек родился. Но он может родиться в одной стране, а жить в другой. Поэтому его родина может не совпадать с отечеством. Людям свойственно гордиться своим отечеством. Во славу родины создаются гимны. Отечество украшают государственными флагами.

Гимн — хвалебная, торжественная песнь. Их роль была достаточно значительной еще в древней Греции. Известны эпические гимны Гомера. Не все они сохранились до нашего времени, но назначение гимнов осталось. В Средневековье они создали жанр религиозной лирики. Только вместо славы богам теперь прославляли

святах. В византийской церкви гимны считались отголоском небесного пения ангелов. Обычно гимны исполнялись без музыкального сопровождения.

Существуют гимны революционные, государственные, военные и другие. Государственные гимны стали появляться начиная с XVI в. века. Первой страной, учредившей государственный гимн, стала Голландия, освободившаяся от испанского владычества. Позже в XVIII в. гимны появились в Австро-Венгрии, Великобритании, Дании, Пруссии и других странах. Мелодиями гимнов обычно становились песни маршевого характера. За основу гимна Австро-Венгрии была взята тема из струнного квартета Й. Гайдна.

Интересна судьба гимна в России. В начале XIX в. им служил знаменитый полонез с хором О. Козловского на слова Г. Державина «Гром победы, раздавайся!» В 1833 г. А. Львов написал новый русский национальный гимн «Боже, царя храни». До 1944 г. Государственным гимном СССР был международный пролетарский гимн «Интернационал» (слова Э. Потье, музыка П. Дегейтера). 1 января 1944 г. по радио прозвучал новый гимн, музыка которого была написана А. Александровым, а авторами слов были С. Михалков и Г. Эль-Регистан. С 2000 г. у нас в стране утвержден новый гимн, поэт С. Михалков написал новые слова, а музыка А. Александрова осталась.

Впервые бело-сине-красный флаг с золотым двуглавым орлом в центре полотнища был использован императором Петром I в 1693 г. Цвета синий и красный были взяты у западных держав (Польши, Голландии и Франции). В январе 1705 г. именным указом Петра I бело-сине-красный флаг стал считаться стягом торгового флота. В апреле 1883 г. по случаю коронации императора Александра III этот флаг был использован для украшения домов согласно высочайшему указу. Но в 1886 г. по распоряжению императора Александра III бело-сине-красный флаг вновь был передан коммерческим судам.

Бело-сине-красный флаг просуществовал вплоть до крушения Российской империи. В современной России бело-сине-красный флаг стал государственным символом.

Патриотом называют человека, который подчиняет свою жизнь интересам отечества. Патриотизм — эмоциональное отношение к Родине, которое выражается в готовности служить ей и защищать ее. Гражданственность можно рассматривать как высшую форму патриотизма. В Древней Греции женщины и несовершеннолетние юноши могли проявлять лишь патриотизм. Что же касается гражданственности, то она рассматривалась как достоинство только полноправных граждан.

Государство сильно тогда, когда люди гордятся своим отечеством. Например, в США быть не патриотом считается дурным то-

ном. Каждый норовит во что бы то ни стало показать свою преданность родине. Когда самолет пересекает пространство, на котором находится страна, американцы встают и поют свой гимн. Средний американец идет в магазин, покупает флаг необходимого размера и украшает им принадлежащую ему собственность. Так же поступает и его сосед. В результате вся страна расцвечена звездно-полосатыми флагами, вывешенными на домах (снаружи и внутри), деревьях, автомобилях, столбах и т.д. Американцы носят кепки, куртки, штаны, купальники, плавки с государственной символикой.

Фермер, который находится в дальнем районе, начинает свое рабочее утро с того, что поднимает государственный флаг. Живя в США, человек не имеет обыкновения плохо отзываться об этой стране. Традиционный вопрос, который задают тем, кто собирается жить в США, нравится ли им эта страна. Причем уже сам вопрос вовсе не предполагает, что приезжий начнет взвешивать «за» и «против». От него ждут лишь возгласа восторга.

Патриотизм — это преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу и готовность к любым жертвам и подвигам во имя Родины. Однако не следует думать, будто любовь к Родине рождается просто так на основании только того, что родина есть. Не случайно В.С. Соловьев подчеркивал, что бывает патриотизм неразумный, когда любовь к отечеству выражает неприязнь к другим народам. Вместо желаемой пользы такой патриотизм может принести вред и привести народы к гибели. Бывает патриотизм пустой. Он выражает, как отмечает В.С. Соловьев, неоправданные претензии. Патриотизм может быть и лживым, который служит прикрытием для корыстных целей.

Патриотизм дает положительный эффект в поддержании государственной стабильности. Сейчас в нашей стране началось возрождение патриотических чувств. Несомненно, любовь к Родине, к ее традициям и истории поможет России занять достойное место внутри человечества.

Вера в то, что Советский Союз — лучшая в мире страна, оказалась подточена экономически и в головах миллионов людей настолько, что в 91-м гигантская система рухнула за три дня. Но, к сожалению, новые лидеры страны не понимали тогда и не поняли до сих пор, что модернизацию страны без модернизации сознания проводить невозможно. Первое, чем занялись большевики, организаторы французской, английской и американской революций и гражданских войн — это изменение сознания людей. Дэн Сяопин и его последователи, к примеру, сразу же связали великие китайские реформаторы с идеей «великого» Китая¹.

¹ Дондурей Д. В чем сила, брат? // АиФ, 2006, № 25.

В Древней Греции существовал такой обычай. Друзья, расставаясь, брали какой-нибудь предмет (глиняную лампадку, статуэтку или навощенную дощечку с какой-либо надписью) и разламывали пополам. Через несколько лет эти друзья или же их потомки при встрече узнавали друг друга, убедившись, что обе части соединяются и образуют единое целое — символ.

Символ — это условный знак чего-то. Скажем, якорь всегда вызывает у нас связь с морем, меч — с войной, голубь — с миром на земле. В истории культуры символ — предмет или слово, которое условно выражает смысл какого-нибудь явления. Например, в словах «Вакхической песни» Пушкина: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» солнце оказывается символом счастья, радости, разума.

Каждое государство имеет свои символы, которые выражают предназначение, судьбу этого государства. Российская Федерация также обрела государственную символику: герб, флаг и гимн. Для нашего народа это чрезвычайно важное событие. Прежде всего в символах выражается общая история государства, преемственность ее судьбы.

Герб — это отличительный знак государства. Он изображается на флагах, монетах и печатях. Герб — это исторически сложившийся символ. Уже в раннем Средневековье различались различные гербы. Они получали особое значение в крестовых походах XI—XII вв. как индивидуальные определительные знаки. Позже такой герб удостоверял личность и происхождение рыцаря.

Государственный герб России представляет собой древнего двуглавого орла. В 1473 г. он перешел к нам из Византии при вступлении в брак племянницы последнего императора Софьи Палеолог с великим князем Иоанном III. Россия, как преемница Византии, восприняла ее идею государственной власти и развила ее на основе собственного исторического опыта. Окончательный вид российский герб обрел в царствование Александра III. Его точное описание появилось в 1892 г. и вошло в Основные законы Российской империи.

Современный Государственный герб, как и его предшественник, представляет собой двуглавого орла с тремя коронами, скипетром и державой. На теле орла также расположен красный щит с белой фигурой Георгия Победоносца — древний русский герб.

Но между гербами Российской империи и Российской Федерации есть и существенные различия. Во-первых, в современном гербе отсутствует орден святого Андрея Первозванного, высшего наградного знака Российской империи. Во-вторых, на крыльях орла нет гербов отдельных областей царской России: царств Польского, Грузинского, Казанского, Херсонеса Таврического, Астраханского и Сибирского; великого княжества Финляндского и древних кня-

жеств Киевского, Владимирского и Новгородского. В-третьих, современный орел имеет золотой цвет, который всегда на Руси воспринимался как цвет святости, православия.

Двуглавый орел России — не только герб, но и символ. Тело орла — едино, как его сердце и душа. Это цельность формы питало внутренней энергией русскую нацию. Почитание предков и основанное на нем семейное воспитание побеждают безнравственную рознь и восстанавливают нравственную солидарность людей в порядке времени, или *последовательность бытия*... Семья есть ближайшее восстановление нравственной целостности в одном основном отношении — преемственности поколений.

В русской философии возникло понятие — «*русская идея*». Оно было введено В.С.Соловьевым и широко использовалось русскими философами в конце XIX — начале XX в. Эти мыслители пытались понять, как может сложиться историческая судьба России, каковы особенности русской культуры, что может объединить народы нашей страны. Русские философы писали также о том, что судьба России может оказать воздействие на историю человечества.

Россия всегда отличалась тем, что у нее были огромные неосвоенные пространства. На этих просторах проживало относительно малое население. Кроме того, специфику положения России определяло ее географическое положение между Европой и Азией. Тип хозяйства, который сложился в России, требовал коллективных усилий. Вырубить лес или вспахать землю легче не одному человеку, а нескольким семьям. Поэтому интересы одного человека в России не противопоставлялись интересам общества. Зато особое значение приобрел коллективизм, то есть способность жить вместе, помогать друг другу. Отсюда такие черты русского характера, как самопожертвование, широта души. Русский философ Н. Бердяев писал:

Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, который соединяет два мира.

Но какой части отдать предпочтение? Подводя итоги преобразованиям Петра I, Екатерина II в «Наказе» объявила своим подданным: «Россия есть европейская держава». Но в то же время поэт Александр Блок восклицал:

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Как же должна развиваться Россия? Идти ли по пути, который прошли народы Запада? Или, наоборот, искать свой особенный путь. Русская идея — это и есть поиск русского самосознания, осмысление исторической судьбы России и стремление понять роль нашей страны в истории человечества.

Братское единение — это одна из особенностей русского сознания. Речь идет о духе коллективизма. Человек отказывается от своеволия и сознательно подчиняет себя религиозной общине. Такая вера не разъединяет людей, а сплачивает их, направляет в сторону одной цели.

Национальная идея — это призыв, который способен сплотить народ, вызвать массовое воодушевление. Русские философы пытались осмыслить конкретную политическую ситуацию, в которой оказалась Россия во второй половине XIX в. Мыслители говорили о том, что Россия служит своеобразным щитом, который разделяет Восток и Запад. Предполагалось, что роль России, ее национальная идея состоит именно в том, чтобы объединить Восток и Запад.

Не только Россия, но и многие другие страны, в разное время пытались найти свою национальную идею, которая могла бы вызвать эмоциональный подъем, общий восторг и желание следовать определенным маршрутом. Так в США родилась «американская мечта». В газетах и кинофильмах утверждалось, что в Америке каждый человек может разбогатеть и хорошо устроиться в этой жизни. Любой чистильщик сапог, если поставит перед собой такую цель, может стать президентом страны. Многие американцы с воодушевлением относились к этой идее. Они верили в то, что именно Америка является самой идеальной страной в мире. Это представление об исключительности Америки сохранилось в сознании многих американцев.

В 1997 г. в нашей стране тоже широко обсуждалась возможность сформулировать национальную идею для нашей страны. Перед народом России встал вопрос: куда и как может двинуться страна? Национальная идея, принятая большинством общества, всегда делала государство могучим и процветающим. Однако такого рода идеи возникают не по приказу, а в гуще исторической жизни. В этом смысле поиск национальной идеи продолжается...

Литература

1. Батулин Ю.М. Право и политика в компьютерном мире. М., 1987.
2. Безюлева Г.В., Бондырева С.К., Клименко Н.И., Назарова Е.А., Шеламова Г.М. Социальная адаптация и профессиональная реабилитация мигрантов в учреждениях довузовского профессионального образования — запрос времени. Учеб. пособие. М., 2005.
3. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. М., 2000.
4. Природа против войны. Научные чтения, посвященные подготовке конференции. М., 1997.
5. Соловьев В.С. Соч. в 2 томах, М., 1988. Т. 1. С. 284—285.

6. *Тишков В.А.* Кризис понимания России. М., 2005.
7. *Узметов Т.Э.* Игры народов Средней Азии и Казахстана. М., 2006.

Вопросы для повторения

1. Каков психологический портрет террориста?
2. Что вы знаете о «фашизменном тумане» в нашей стране?
3. Что такое национальная идея?
4. Почему семья, отчизна и человечество, согласно Соловьеву, связаны одной нитью?
5. О чем говорится в работе В.С. Соловьева «Оправдание добра»?

Темы рефератов

1. Отцы и дети: конфликт поколений.
2. Особенности современного терроризма.
3. «Фашизменный туман» в России.
4. Поиски национальной идеи.
5. Отчизна и человечество.

НИГИЛИЗМ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть в них знак моей читая воли.

Александр Пушкин

Появление слова

Нигилизм (от лат. nihil — ничто) — в широком смысле отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры. Впервые это слово появилось у Ф.Г. Якоби (1743—1819) — немецкого писателя, философа и эссеиста, одного из представителей так называемой философии чувств и веры. Однако это понятие стало общераспространенным после выхода в свет романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Пушкин едва ли не первым в истории европейской культуры отверг искушение оправдывать человеческое злодейство. В отличие от романтической философии и литературы «черные» герои Пушкина не выглядят ни уродливыми, ни безобразными. Они блистают умом, пронизательностью, двусмысленной искренностью. Взять, к примеру, образ Онегина. Современники поэта подчас полагали, что взгляды этого персонажа совпадают с жизненными представлениями самого Пушкина. Вот почему русский критик Н.И. Надеждин присвоил уничижительный ярлык поэту, задолго до того как появился роман Тургенева.

Нигилизм разнолик и имеет собственную философию. Теоретический нигилизм отрицает возможность познания истины. Этический нигилизм отвергает ценности и нормы поведения. Политический нигилизм выступает против всякого общественного строя, каким бы способом он ни был вызван к жизни. Зачастую он представляет собой лишь крайний скептицизм, реакцию против догматизма, бессодержательность которого стала явной. Нигилизм существует через себя самого и для самого. Он определяет отношение к себе, отношение к другому, образ совместного бытия и противостояния с внешним миром. Он дает совокупность того, что эконо-

мисты и социологи называют «образом жизни» или «видением мира». Это отношение ко всему, в конечном счете, есть не что иное, как воплощение бесчеловечности.

Европейские исследователи, рассматривая наиболее известные порочные образы, пусть то шекспировский или мольеровский Скупец, отмечали лишь становление образа разрушителя. Шейлок с его «фунтом плоти» или Гарпагон с его шкатулкой — это только рабы своих сокровищ. Но вот уже Скупой рыцарь Пушкина достигает безграничной свободы. «Мне все послушно, я же — ничему». Его груды золота и камней воплощают всемогущество. «Лишь захочу — воздвигнутся чертоги».

Но собирается ли Скупой рыцарь воздвигать чертоги. Зачем расточать богатство? Его внутренние силы направлены на разрушение:

А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный ... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях, воя.

Итак, есть альтернатива: можно воздвигнуть чертог, а можно сберечь кубышку. Нацеленный скорее на уничтожение, чем на накопление, пушкинский скупец не ведает проблем Шейлока, равно как и Гарпагона. Он готов на детоубийство, поскольку наследник способен расточить накопленное. Но и его сын, принимая вызов отца, показывает, что его взгляды на семейные ценности нисколько не отличаются от отцовских. Если надо, можно и убить ближнего.

После выхода в свет романа Тургенева его герой превратился сразу в обобщенный образ русского нигилиста, а автора почему-то сочли и изобретателем самого слова. Именно так его воспринимали и в России и на Западе. Злодеяние в ряде произведений отнюдь не воспринимается как нечто экстраординарное. Оно выглядит как самое естественное поведение. Напротив, перерывы бесчеловечности, снисхождение, милосердие становятся чудесными и необъяснимыми. Как пишет французский философ Андре Глюксманн

Творчество Достоевского предполагает подобный ужасный фон, где взаимно разрушительные человеческие отношения раскрывают свою бесстыдную истину. Тогда выделялись бы инопланетяне. На кладбище сравнительно свежие покойники отводят себе три месяца, чтобы успеть полностью высказать до полного разложения: «Господа! Я предлагаю ничего не стыдиться!...хочу, что не лгать... На земле жить и не лгать невозможно... Все это там вверху было связано гнилыми ве-

ревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся» (Достоевский «Бобок»). В последнюю четверть часа, невыразимую (литературно выражаясь) или чудовишную (выражаясь романтически), нигилист сбрасывает маску¹.

Нигилист не желает ограничивать себя. Другой должен быть волей-неволей заражен нигилизмом. Благопристойность отказывается детализировать способы такого заражения. Мораль возмущается этим. Гоголь, отчаявшись показать что-нибудь «положительное», уничтожил вторую часть «Мертвых душ. Толстой проклял литературу. Достоевский, Белинский, Чернышевский и многие другие «ангажировались» направо и налево в надежде, что политические рецепты снимут их политический вопрос. Никакой мировой порядок не уравнивает несчастье счастьем, никакая невидимая рука не уравнивает преступление и наказание, приберегая кару для самого грешника. Безнаказанность извращенца, гордого своим извращением, стала статьёй веры, которую распространяет нигилист. Он получает одинаковое удовольствие от обращения в свою веру другого и от самоизвращения, чтобы доказать ближнему и дальнему, что разложение — царь мира и муза совести. Достоевский появился, чтобы указать непреодолимые для заразы границы.

Нигилизм Ницше

Мораль всегда придавала человеку абсолютную ценность, служила адвокатом Бога, охраняла его от презрения к себе, от восстания с его стороны на жизнь. Однако Ницше возвестил крушение этих ценностей. Человек оказывается один на один с бессмысленностью мира и должен научиться жить в этой бессмысленности без всяких иллюзий. Нигилизм стал признаком исчерпанности европейской культуры, поскольку религия, мораль, искусство, наука стали уже голыми идолами, формами самоотрицания и самоотчуждения человека.

Нигилисты живут «по ту сторону добра и зла». Ницше отчеканил эту формулу на основе будничного опыта. В слово «нигилизм» он вложил следующий смысл: «нет больше ничего, во имя чего следует жить и к чему надо было бы стремиться» Становится ясно, что все эти стремления совершенно тщетны. Ницше предчувствовал, что национальные или гражданские войны потрясут «все научное, философское и художественное бытие Европы». «Борьба против культуры» встала в повестку дня под его ужаснувшимся взором. Нигилизм против цивилизации. Будучи внимательным читателем

¹ Глюксманн А. Достоевский на Манхэттене. М., 2006. С. 101.

Стендаля и Достоевского, Ницше благодаря «русскому нигилизму» предугадал, что это угроза одновременно и внутренняя, и планетарная. Опыт, приобретенный Ницше в 1870 г. во французских лазаретах, события войны, которая имела для его мысли решающее значение или, по крайней мере, ускорила его эволюцию подобно катализатору, предстали через пятьдесят лет в бесконечно выросших масштабах. Пятьдесят лет спустя смерть сделалась мрачным господином всего, и страх смерти возопил до самого неба. Только тогда крушение ценностей стало очевидным.

Послеромантическая концепция Ф. Ницше ставила героя — «белокурую бестию», сверх-человека — вне добра и зла, освобождала его от нравственности. Для Ницше героическая стадия человеческой истории уже миновала, а нынешняя эпоха господства «я-человеческого, слишком человеческого заслуживает лишь критического осуждения. Вместе с тем она предвосхищает грядущего Сверхчеловека как будущего героя. Именно Ф. Ницше удалось лучше, чем кому-либо другому, предугадать наступление «европейского нигилизма» как будущего и судьбы, которая повсюду заявляет о себе множеством знамений и предзнаменований. Великое, смутно предчувствуемое событие, смерть Бога — стало началом крушения всех ценностей. С этого момента мораль, лишившись своей санкции, более «не в силах устоять», и вслед за ней рушатся все толкования, которые еще недавно позволяли оправдать и узаконить прежние нормы и ценности.

Ницше не принимал любовь и альтруизм, считая их выражением слабости и самоотрицания. Согласно Ницше, потребность в любви свойственна рабам, не способным бороться за то, чего они хотят, и потому стремящимся обрести желаемое через любовь. Альтруизм и любовь к человечеству становятся тем самым символом вырождения. Сущность хорошей и здоровой аристократии состоит для Ницше в том, что она готова жертвовать массами людей ради осуществления собственных интересов, не испытывая при этом сознания вины.

Ницше писал:

Если, например, аристократия, как это было во Франции в начале революции, с каким-то возвышенным отвращением отрекается от своих привилегий и приносит сама себя в жертву распущенности своего морального чувства, то это коррупция: это был собственно лишь заключительный акт той длившейся века коррупции, в силу которой она шаг за шагом уступала свои права на господство и принизилась до функции королевской власти (а в конце концов даже до ее наряда и украшения). Но в хорошей или здоровой аристократии существенно то, что она чувствует себя не функцией (все равно королевской власти или общества), а смыслом и выс-

шим оправданием существующего строя — что она поэтому со спокойной совестью принимает жертвы огромного числа людей, которые должны быть подавлены и принижены ради нее до степени людей неполных, до степени рабов и орудий¹.

Ницше толкует терпение как особую форму добродетели. Что такое терпение? По Ницше, это, прежде всего, особый способ видения мира и воздействия на вещи, особая жизненная позиция, связанная с преодолением самого себя — своей собственной вспыльчивости, поспешности, возбудимости. В противоположность нетерпению, терпение предполагает направленность всех сил на удержание реакции, на замедление эмоционального порыва, на охлаждение страсти. Терпение есть форма сохранения силы: при одном только намеке на ее исчезновение воля налагает запрет на ее внешнее проявление, на экспансию силы во вне. Терпение есть способ активного воздержания от инстинктивных импульсов и в качестве такового оно деятельностно противостоит пассивности нетерпения («принужден реагировать»). Терпение, наконец, есть интенсивный, творческий поиск свободы. Отказ от рабского следования страстям направлен на выработку новых, подлинно конструктивных состояний.

Сам переход от нетерпения к терпению предстает у Ницше в виде напряженной борьбы с привычными стереотипами — с идолами, закрепостившими сознание: с идолом торопливости, идолом «пожирателя» времени, идолом говорливости и т.д. Соответственно, основными мотивами ницшевского терпения оказываются прямо противоположные характеристики: медлительность, независимость от времени и внутреннее спокойствие перед ним, сдержанность и молчаливость.

Те же самые компоненты, будучи развернуты в методическом плане, с одной стороны, сохраняют мировоззренческий смысл терпения, а с другой — привносят в него новые, технические мотивы. В способе интерпретации терпения как метода виден возврат Ницше к классической традиции. Метод — это путь, медленный и долгий, который открывается при выходе из платоновской «пещеры». Если заключенный в нее попытается выйти слишком быстро, он будет ослеплен чрезмерным количеством света. Если же философ столь же быстро вернется обратно в темницу пещеры, он также будет ослеплен темнотой. Философия, как и филология, есть медленность без ограничений. Ошибка — это дочь поспешности, такого мнения придерживались и Платон, и Декарт, и Ницше. Философский метод заключается в том, чтобы не спешить — выигрывая время, не боясь потерять его.

¹ *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Собр. соч. в 2 т. М., 1990, Т.2. С. 380.

Филологическое и философское осмысление были резюмированы Ницше в этическом толковании терпения как некоторой формы добродетели. Терпение как добродетель означает: позволить всему идти своим ходом, научиться внимать «судьбоносности» каждого момента, находить в любом случайном рисунке реальности, его внутреннюю закономерность и красоту. В этом смысле ницшевское терпение есть, пользуясь языком Стендаля, постоянное «обещание счастья». Оно автономно-морально и потому противостоит любой патологии, «вульгарности». Его эквивалент в классической философской традиции — понятие свободы.

«Смерть Бога» — это образ, исчерпывающе характеризующий исторический процесс. Он отражает неверие, ставшее повседневной реальностью, десакрализацию существования, полный разрыв с миром Традиции, который, начавшись на Западе в эпоху Возрождения и гуманизма, приобретает в современном человечестве все более окончательный, очевидный и необратимый характер. Этот процесс охватывает все формы существования, включая также те, где он пока еще проявлен не столь отчетливо, благодаря действующему режиму масок, заменяющих «Бога, который умер».

В указанном процессе важно различать несколько стадий. Его первоначалом стал разрыв онтологического характера, вследствие которого из человеческой жизни исчезли все реальные связи с трансцендентностью. В этом событии было потенциально заложено все дальнейшее развитие нигилизма. Отныне единственной опорой для морали, утратившей свою прежнюю зависимость от богословия, стал авторитет разума, что, в частности, привело к появлению так называемой «автономной» морали. Это можно считать первым явлением, при помощи которого факт «смерти Бога» попытались скрыть от сознания. Характерной приметой рационалистической стадии, ознаменованной появлением таких концепций, как «стоицизм долга», «моральный фетишизм», стало низведение абсолюта с отныне утерянного священного уровня до уровня чисто человеческой морали. Стоит отметить, что помимо всего прочего это является одной из отличительных черт протестантизма. На спекулятивной уровне знаком или символом этой стадии стала кантовская теория категорического императива, этический рационализм и вышеупомянутая «автономная мораль».

Но как только исчезают корни, то есть распадается изначальная действенная связь человека с высшим миром, мораль утрачивает свое прежде непоколебимое основание. Вскоре она становится уязвимой для критики. В «автономной», то есть светской и рациональной, морали как всего лишь эхо древнего живого закона, остается только выхолощенное и застывшее «ты должен», которому желают придать силу закона, способного обуздать все природные побужде-

ния. Но при любой попытке определить конкретное содержание этого «ты должен» и тем самым узаконить его, почва ускользает из-под ног, ибо мысли, умеющей доходить до конца, не на что более опереться, она теряется в пустоте. Это справедливо уже для кантовской этики. Действительно, на этой первой стадии любой «императив» необходимо требует признания аксиоматической ценности за некими совершенно неочевидными предпосылками, которые к тому же устанавливаются исключительно на основании личных предпочтений или исходя из фактического устройства данного общества, каковое столь же необоснованно предполагается не подлежащим сомнению.

Следующая стадия распада, сменяющая этический рационализм, отмечена появлением утилитаристской, или «социальной» этики. Отказавшись от признания за «добром» и «злом» абсолютной внутренней основы, предлагают для обоснования действующих моральных норм руководствоваться теми же соображениями, к которым прибегают в повседневной жизни для достижения личной выгоды или общественного материального блага. Это мораль уже несет на себе стойкий отпечаток нигилизма. Поскольку более не существует никаких внутренних уз, можно попытаться обойти любую внешнюю социально-юридическую санкцию; всякое действие или поступок становятся дозволенными, если они не вступают в прямое противоречие с законом. Окончательно исчезает все, что имело бы внутренне нормативный и императивный характер. Все сводится к чисто формальному соблюдению правил, пришедших на смену ниспровергнутому религиозному закону. После непродолжительного периода господства пуританских норм и этического ригоризма буржуазный мир окончательно встал на этот путь; путь поклонения общественным идолам и конформизма, основанного на соображениях выгоды, трусости, лицемерии и инерции. Но индивидуализм конца XIX в. стал началом завершения этой стадии; началом стремительно распространяющегося анархического разложения, обретающего все более острые формы. Он пробудил силы хаоса, которым осталось уже недолго скрываться за фасадом мнимого благополучия.

Предыдущая стадия, затронувшая лишь ограниченные сферы существования, была временем романтических героев — эпохой человека, ощутившего свое одиночество перед лицом равнодушного божества, эрой высшего индивида, готового, несмотря ни на что, к трагическому самоутверждению и нарушающего общепринятые нормы не ради отрицания их законности как таковой, но в стремлении отстаивать свое исключительное право на запретное, как в добре, так и во зле. На идейном уровне этот процесс окончательно исчерпал себя у немецкого философа XIX в. *Макса Штирнера*, ко-

торый видел в любой морали последнюю форму идолопоклонства, подлежащего искоренению. В «потустороннем», продолжающем жить в душе человека он изобличал «новое небо», то есть коварный перенос во внутренний мир того внешнего, богословского потустороннего мира, который, казалось, был уже окончательно отвергнут прежде.

Преодолевая «внутреннего бога» и превознося свободного от закона «Единственного», отрицающего всякую ответственность и противостоящего всем ценностям и притязаниям со стороны общества (Штирнер Макс. Единственный и его собственность), Штирнер, по сути дела, установил границы пути, ранее проложенного нигилистически настроенными социал-революционерами (от которых и ведет свое происхождение понятие нигилизм).

Правда, в отличие от него они действовали, еще веруя в утопические идеи общественного устройства, борясь за торжество «справедливости», «свободы» и «гуманизма» над несправедливостью и тиранией, каковые они полагали присущими тогдашнему народу.

Но Штирнер не был до конца последовательным и радикальным. Он признавал «Единственного» не имея на это никакого права, без всяких на то оснований. Поистине его «единственный» обобран, голым и нищим пущен по миру. «Единственный» лишен реальности «я», реальности личности, ибо личность есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше и глубже ее. Личности нет, если нет ничего выше ее.

Европейский нигилизм, предсказанный Ницше как общее и закономерное явление, помимо области морали в узком смысле охватывают также сферу истины, мировоззрения и последней цели. «Смерть Бога» равнозначна потере всякого смысла жизни, всякого высшего оправдания существования. Круг проблем, поднятых Ницше, хорошо известен: в результате истощения жизненных сил и нарастания потребности в бегстве от действительности был выдуман «истинный мир» или «мир ценностей», оторванный от «этого мира», ему противостоящий, придающий ему лживый, обманчивый характер и отрицающий за ним всякую ценность; был вымышлен мир бытия, добра и духа, который стал отрицанием и проклятием для мира становления, чувств и живой действительности.

Распался именно этот вымышленный, «истинный» мир. Осознание же того, что и сам был всего лишь иллюзией, позволяет проследить само происхождение этого придуманного мира и выявить его человеческие, «слишком человеческие» и иррациональные корни. Вкладом Ницше — как «свободного ума» и «иммoralиста» — в нигилизм можно считать именно то, что он истолковывал «выс-

шие», «духовные» ценности не просто как ценности, рожденные обычными жизненными влечениями, но главным образом как ценности, рожденные исключительно побуждениями, характерными для «декадентской» и ослабленной жизни.

Итак, в результате единственно реальным остается только тот мир, который прежде подвергался отрицанию и осуждению во имя «высшего» мира, «Бога», «истины», то есть во имя того, чего нет, но что *должно* быть. Из этого вытекает следующий вывод: «Того, что должно быть — нет; то, что есть, суть то, чего быть не должно». Подобное состояние Ницше называл «трагической фазой» нигилизма. Это начало нищеты человека, лишённого Бога. Кажется, что существование отныне лишилось всякого смысла, всякой цели. Вместе с императивами, моральными ценностями и любимыми узлами рушатся все опоры. Здесь опять можно вспомнить Достоевского, который устами Кириллова говорит, что человек выдумал Бога только для того, чтобы быть в состоянии продолжать жить, — а, следовательно, Бог есть только «отчуждение Я». К еще более безоговорочным выводам пришел Сартр, который заявил, что «экзистенциализм не является атеизмом, если последний сводится исключительно к доказательству небытия Бога». И добавил к этому: «Даже если Бог есть, это ничего не меняет». Существование в своей обнаженной реальности полностью предоставлено себе самому и не имеет никакой точки отсчета вне себя, которая могла бы придать ему смысл в глазах человека.

Итак, указанный процесс развивался поэтапно. На первой стадии происходил своеобразный метафизический, или моральный бунт. На второй — те же причины, которые исподволь питали этот бунт, исчезают, растворяются, теряют свое содержание для нового типа человека, и именно эту вторую стадию можно считать собственно нигилистической, поскольку на ней главной темой становится чувство абсурда, чистой иррациональности человеческого состояния.

Имеет смысл сразу указать на факт существования определенного идеологического течения с соответствующей особой «историографией», согласно которому вышеописанный процесс (или, по крайней мере, его начальные стадии) имеет положительный характер, является неким завоеванием. Это очередной аспект современного нигилизма, подоплекой которому служит постыдное чувство «жертвенной эйфории». Хорошо известно, что со времени зарождения просветительства и либерализма и вплоть до формирования имманентного историзма, поначалу имевшего «идеалистический», а позднее материалистический и марксистский характер, приверженцы подобных учений истолковывали указанные стадии распада как

освобождение и новое самоутверждение человека, превозносили их как прогресс духа и как истинный «гуманизм».

Никакой Бог никогда не связывал человека. Божественный деспотизм является выдумкой чистой воды. Точно такой же выдумкой является деспотизм, которому, по мнению деятелей эпохи Просвещения и революционеров, мир Традиции был обязан своим вертикально ориентированным устройством, своей иерархической системой и разнообразными формами законной власти и священного владычества. Вопреки подобным представлениям, истинным основанием традиционного мира всегда был особый внутренний склад, способность к распознаванию и интересы, присущие особому человеческому типу, почти окончательно исчезнувшему в наше время. Некогда человек возжелал «освободиться» и ему было позволено это сделать.

Ему разрешили разорвать даже те узы, которые скорее поддерживали, нежели связывали его; ему дали «насладиться» всеми последствиями обретенной свободы, которые со строгой неумолимостью привели к нынешнему положению дел, к миру, в котором «Бог мертв», а жизнь превратилась в царство абсурда, где все возможно и все дозволено. Во всем произошедшем следует видеть исключительно то, что на Востоке называют законом согласованных действий и противодействий, который объективно работает «по ту сторону добра и зла», по ту сторону любой мелкой морали.

В последнее время разрыв увеличился, охватив уже не только уровень морали, но также онтологический и экзистенциальный уровень. Ценности, вчера подвергавшиеся сомнению и расшатывающиеся критикой немногих, сравнительно одиноких предвестников, сегодня окончательно утратили прочность в общем повседневном сознании. Речь идет не просто о «проблемах», но о таком состоянии дел, при котором имморалистический пафос вчерашних бунтарей уже кажется предельно устаревшим и надуманным. С некоторых пор подавляющее большинство западного человечества настолько свыклось с мыслью о полной бессмысленности жизни и ее абсолютной независимости от какого-либо высшего начала, что приноровилось проживать ее наиболее опасным и по возможности наименее неприятным образом.

Однако обратной стороной и неизбежным следствием подобного состояния является все большее оскудение внутренней жизни, которая становится бесформенной, непрочной и ускользающей, наряду со стремительным исчезновением всякой стойкости характера.

М. Хайдеггер определяет нигилизм как процесс обесценки прежних верховных ценностей¹ Когда эти верховные, впервые

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 79.

придающие ценность всему сущему ценности обесцениваются, лишается ценности и опирающееся на них сущее. Возникает ощущение неценности, ничтожества всего. «Нигилизм как падение космологических ценностей есть таким образом одновременно приход нигилизма как ощущения неценности всего, как психологического состояния» (там же).

Но при каких условиях возникает это состояние? Во-первых, в результате поиска смысла, которого не оказалось. «Смысл» означает то же, что ценность, потому что вместо бессмысленности Ницше ставит понятие «обесцененность». Поиски смысла заканчиваются разочарованием. Ницше понимает под смыслом то же, что и цель. Он перечисляет, каким мог бы быть искомый «смысл», то есть исторически рассуждая, каким он был в примечательных разновидностях. Тут речь идет о «возрастании любви и гармонии во взаимоотношениях людей», о «вечном мире», о приближении к состоянию всеобщего счастья.

Нигилизм как психологическое состояние, как «ощущение» обесценности сущего в целом наступает, когда за всем происходящим предполагают целость, систематизацию. Одновременно намечается еще вопрос, связано ли, и как, это «введение», «единства» для сущего в целом с вышеназванным исканием смысла. То, что человек ищет смысл и вводит высшее, всеохватывающее единство сущего, всегда можно доказать. Верить человеку в свою собственную «ценность» необходимо. Ведь речь все время идет об утверждении человека. Ценность должна быть придана сущему в целом для того, чтобы оказалась обеспечена самоценность человека. Царит не просто ощущение неценности действительного, но чувство *безысходности* внутри всего действительного...

Современный нигилизм

Гражданин бывает разным. В одном случае он выступает как радатель собственной выгоды, без особых угрызений защищает свои личные интересы, отстаивает свои права, присоединяется к разным группам давления. Порой, обнаруживая пронырливость, он отдается спекуляции. В другом случае гражданин неожиданно следует порывам сердца. Вдруг он слышит голос веры. Тогда он делает вид, что перестал быть корыстолюбцем. Теперь он набожный человек. Но тут является нигилист, который готов поспособствовать этому мнимому «перерождению». Нигилист доводит полярность до пароксизма. Он подталкивает индивида от повседневного цинизма к яркой одержимости. Заимствуя у настоящего свое отрицание прошлого, а у прошлого свой протест против настоящего, бунтующий разрушитель произрастает между ними. Он сокрушает будущее силой своего двойного отрицания или взрывается среди полета.

Считается, что только атавистические существа, вышедшие из какого-то ментального средневековья, — пишет Андре Глюксманн, — способны пожертвовать собой, дабы восславить Идеал ужасом. Как бы не так! Убийство и суицид доступны всем. Совмещение их совершается под покровительством Аллаха... Есть такие, которые идут на смерть ради фотографии с полным разворот в еженедельнике. Проявил ли особое мужество Мохаммед Атта, врезаясь в башни? Не больше и не меньше, чем мать или отец, кончающие с собой вместе с детьми. Мужество подростки бродит по улицам и рубрикам происшествий. Ни к чему симулировать экзотические тайны, если ад — это другие, а другие так похожи на нас» Исламский нигилизм — это прежде всего нигилизм, и как таковой — современная манера жить свою жизнь и прерывать жизни других. Патология поразила не только ислам: соперничающие религии и расхожие варианты неверия не дают иммунитета¹.

Что осталось от ученых и моральных упований, которыми тешились индустриальные революции славной эпохи? Они воспевали гармоничное и ласковое будущее: семья — базовая ячейка хорошо организованного общества. Следовательно, отечество, следовательно, человечество! Разрываясь между страхом и надеждой многочисленных потрясений, национальных апокалипсисов, искуплений или культурных ренессансов, современная испытывает очевидную подорванность. Между тем психологические интерпретации и социологические объяснения все упрощают. Они превращают в особый случай или в индивидуальную патологию нигилистическое состояние, универсальность которого становится все более очевидной.

Велико благонамеренное искушение вообразить, что персона, которая попирает мораль, это создание, у которого отсутствует мораль. Увечный сердцем нигилист с изуродованной совестью оказывается тогда сфотографированным в пустоте. Болезненно бесчувственный, неловко невежественный, он обманывал бы других, обманываясь относительно себя, не замечая грызущего его изнутри червя. Однако запомним, что аморальное не считается высшим злом с точки зрения лицемерия, которым поддерживаются образцы добродетели. Нигилисты более активны, чем реактивны. Не склонные к самоистязанию, они принимают себя такими, каковы они есть, и утверждают себя вопреки всем и вся.

Нигилисты, даже религиозные, включая талибов, шокируют постольку, поскольку избегают мучительных вопросов. Они цветут, потому что цветут, и распускаются без всяких «чего ради?», как роза у мистиков.

¹ Глюксманн А. Достоевский на Манхэттене. М., 2006. С. 72.

Вполне справедливо пожимая плечами на возражения, которые кажутся им нелепыми, не защищаются ли они категорическим «почему бы и нет?». Зачем отказывать себе в удовольствии? Зачем отказывать вкусить вкусное и не посягнуть на доступное посягательству? Отчего не убивать и не совершить самоубийство? Сколько подрывающих устои дерзостей, известных со времен греческих истоков западной цивилизации. Кто поверит тому, что они нашли окончательный ответ? Существует столько «почему бы и нет?», сколько позволяет видеть культура перед тем, как придать ей статус непристойности¹.

Нигилист — это скорее человек практики, нежели изобретатель теории. Он меньше думает о разработке тезисов, чем о подрыве. Нигилист оставляет небо облакам и присваивает землю в качестве театра действий. Остается привести его от довольства в ярость, а от его ярости в довольство. Истязатель оправдывает истязание своей полезностью. Мотивов, предлогов, оправданий всегда достаточно. Тело подвергается пытке, чтобы добиться признаний, разрушить сеть, предупредить покушение и, как говорится, спасти больше людей, чем изувечить. Бесплезно возражать, бесплезно выдвигать противоположные оценки, бесплезно умножать число мстителей, которые последуют за каждым растерзанным мучеником. Ни чьи расчеты и опровержения этих расчетов не могли объяснить колоссальную эпидемию пыток, которая в несколько десятков лет обесчестила большинство армий, подорвала уважение к стольким полициям и опорочила свои почтенные цели.

В апреле 2007 г. 23-летний корейский студент, выходец из Южной Кореи, убил 33 человека и ранил около 30 студентов и преподавателей. Сам преступник застрелился. Пытаясь найти причины такого «рекордного преступления», политики и журналисты называли десятки версий. Одни писали, что он был болезненно странным. Другие винили пропаганду насилием. В США почти каждый второй фильм — про маньяков или «просто» убийц. Третьи пеняли на перегиб со свободой, позволяющей в Америке покупать пистолеты чуть ли детям. Но все это не объясняет сам феномен. В России строже с покупкой оружия, демократии у нас немного. А циничных и странных убийств тоже немало.

Погоня за информацией есть лишь удобное оправдание практики, которая находит свою истину не в гипотетическом результате, но уже в самом действии. Голова жертвы заключается в пластиковый мешок. Если мешок прозрачный, это может показаться даже забавным. Человек помещается на дни и недели в яму, вырытую прямо в земле, столь тесную, что он не может пошевелиться. Уда-

¹ Глюксманн А. Указ. соч. С. 87—88.

рами кувалды ломают кости, руки, ноги, прилюдно насилуют и женщин, и мужчин.

Пытка проявляет микрологику господства через разрушение. Пытка не дуэль, не испытание воли, но метод управления телами и душами. Палач не ждет от своих жертв какого-то условного знака. Вынужденные признания, крики, плач, испуганное молчание, все годится, все не имеет значения. Доказательство авторитета, которым тешится истязатель, кроется целиком в его способности причинять зло, что удостоверяется не в конце операции, но в процессе. Если подвергаемый пытке по ходу дела умирает, его можно заменить и продолжить демонстрацию. Насильственное уничтожение другого делает меня единственным хозяином положения. Истязуемый другой уже не противостоит мне как природный враг или зверь. Моя пытка в его бессилии, которое я контролирую непрерывно посредством созданного для него ада. Пытка есть элементарная форма социальной связи, которая не предполагает ни равенства, ни взаимности, а торжествует в субординации полюсов.

Исследования и наблюдения за выжившими жертвами Холокоста послужили специфическим стимулом для новых формулировок, которые характеризуют травматический процесс. Воспоминания и интерпретации не остаются статическими, они ретроспективно меняются. Жертвы Холокоста вынуждены пересматривать и изменять свои представления и воспоминания о стрессовом эпохальном событии. Когда индивид сталкивается с воспоминаниям о событиях, которые не могут быть приняты с любовью, мирно и комфортно, он испытывает побуждение продолжить болезненные аффективные отклики и возобновлять борьбу против объектов, которые теперь очевидно находятся единственно в его собственной психике. Непреодоленные воспоминания представляют собой не излеченные раны, которые продолжают порождать болезненные эффекты. Воспоминания, которые не могут быть приняты, подвергаются повторной интерпретации или просто преобразуются. Жертвы Холокоста поэтому создают подчас даже мифологии, позволяющие сделать представления о пытках более терпимыми.

Важно, чтобы дети уцелевших жертв Холокоста чувствовали, что их родители способны поделиться с ними секретами своих крайне болезненных и унижительных переживаний. Искренность, абсолютная правда эти коммуникации не столь важны, как церемония продвижения к глубочайшей самости.

Активное и пассивное нигилистическое насыщение социальных структур оказывается более последовательным, чем это обычно представляют. Оно генерирует коллективы, которые функционируют в большой временной длительности и сохраняются вопреки действиям грозных и решительных противников. Подпольный крими-

нальный мир дает поразительный пример постоянства, основанного на нигилизме. «Закон среды» регулирует отношения между преступниками. Насилие, террор и коррупция организуют отношения среды с внешним миром.

Нигилизм, стало быть, не только процесс обесценивания верховных ценностей, не есть он и просто изъятие этих ценностей. Нигилизм «наступает» как психологическое состояние.

Литература

1. *Брентано Ф.* О происхождении нравственного сознания. СПб, 2000.
2. *Глюксманн А.* Достоевский на Манхэттене. М., 2006.
3. *Кристалл Дж.* Интеграция и самоисцеление. Аффект. Травма. Алекситимия. М., 2006.
4. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Собр. соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2.
5. *Ницше Ф.* К генеалогии морали: Poleмическое сочинение // Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2.
6. *Фромм Э.* Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000
7. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
8. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999.

Вопросы для повторения

1. Что такое «нигилизм»?
2. Кто писал о «смерти Бога»?
3. Как М. Хайдеггер характеризует нигилизм?
4. Что такое «утилитаристская этика»?
5. Почему нигилизм можно рассматривать как психологическое состояние?

Темы для рефератов:

1. Нигилизм как философия.
2. Нигилизм в русской литературе.
3. Обесценивание верховных ценностей.
4. Особенности современного нигилизма.
5. «Смерть Бога» как проявление нигилизма.

Противостояние культур

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье,
Нас самих во всех других,
Как бы им в даренье.

Борис Пастернак

Общечеловеческие ценности

Известно, что, став президентом, М.С. Горбачев провозгласил всевластие общечеловеческих ценностей. Этот лозунг вызвал огромные перемены в международной жизни. Однако постепенно он стал изживать себя. Противники ценностного подхода к истории заговорили о том, что никто не отменял классовые интересы, что этот призыв является иллюзорным и обманным, поскольку каждая страна упорно отстаивает свои собственные цели и стремления.

Драма М.С. Горбачева в том, что он (вместе со своими советниками) не вник в существо ценностного подхода. Ценностные ориентации рассматривались, во-первых, как синонимы интересов. Это противоречие так не удалось преодолеть. Во-вторых, М.С. Горбачев был убежден в том, что у всех народов одни и те же интересы, а это означает, что у них тождественны и ценностные ориентации. Но это совсем не так. В двух разных культурах мы можем обнаружить одни и те же ценности. Однако они выстраиваются в определенную иерархию, то есть то, что в одной культуре занимает высокое положение, в другой — оказывается на ином месте. Поэтому культура — это выстроенность ценностей, их своеобразное подчинение. Призывы М.С. Горбачева натолкнулись на принципиально иные иерархии ценностей.

Мы, европейцы, осознаем, к примеру, что всякое общественное установление, будь то закон, традиция или социальный институт, должно поворачиваться интересами личности. Идеальное человеческое поведение может создаваться, судя по всему, на предельном учете особенности каждого индивида, его разума, воли и чувств, всей человеческой субъективности. Пренебрежение к слезе ребенка или даже к голосу, который «тоньше писка», оборачивается драмой или даже трагедией для других. Общество — это равнодействующая индивидуальных устремлений. Навязывание воли, парализующей «всех прочих», идеологии, безразличной к личности и фанатически от-

вергающей «чуждые» ценности, неизменно сопряжено в панораме длящейся истории с возмездием.

В то же время социальные критики с тревогой пишут сегодня о том, что в современном западном мире принцип персонализма уже демонстрирует свои издержки. Политики жалуются, что многие не хотят служить в армии и защищать страну. Недавние события во Франции показали, что молодежь готова выступить за собственные привилегии, не считаясь ни с какими резонами общенациональной стратегии. Рождается множество индивидуальных стилей поведения, многие из которых направлены против общества и его институтов. Может ли и дальше персоналистская традиция развлекать только позитивный потенциал?

Другой тип поведения диктуется восточной культурой. В ней индивид считается частью целого: группы, коллектива, общины, государства. Он старается найти свою нишу в обществе, не выставляя преувеличенных требований. Французский социолог Л. Дюмон считает, к примеру, что индийская система каст устояла перед двухсотлетним напором Запада. Индия вообще может, по его мнению, преподать Западу ценный урок. Численность людей на Земле катастрофически растет. Годятся ли европейские формы совместного существования для будущего? Нет ли в азиатском опыте более эффективных форм коллективной жизни, которые могут оказаться полезными для людей?

Европейская персоналистская традиция кажется сегодня западному миру непогрешимой. Но ценности меняются... Не придет ли время и для других ценностных ориентаций?

С точки зрения европейцев, демократия доказала свою жизнеспособность. У нее есть недостатки, но все равно она — наиболее успешный политический режим. Там, где укрепляется демократия, бурно развивается экономика, политическая ситуация обретает стабильность, поскольку удается выравнять противоречивые интересы и идеалы разных слоев общества.

Но этот политический режим совсем не вызывает восторга у жителей восточных стран. Например, любая «демократизация» в Узбекистане приведет к власти радикальное движение «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». А это дестабилизирует регион, в том числе населенный мусульманами Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Национальные традиции Чечни не сочетаются с единовластием. Судьбы народов всегда решали группы старейшин. Вот почему выборы президента в стране всегда обречены, здесь не сойтись вековыми традициями Запада и Востока. Китайское руководство тоже не стремится открыть шлюзы демократическому переустройству.

Этот политический режим не рассматривается в качестве единственно целесообразного.

В истории постоянно меняются социальные реалии, рождаются новые духовные абсолюты. Распад старых форм жизни и появление новых ценностных мотивов, — подчеркивает В. Виндельбанд, — приводят в результате к возбужденному состоянию поиска и нащупывания, к интенсивному брожению, которое требует своего выражения. Однако далеко не всегда эти искания рожают новую культуру. Но для того чтобы возникла принципиально иная эпоха, нужны новые ценностные ориентации, которые формируют, как показывает немецкий философ, совершенно измененную структуру всей жизни.

То, что в одной культуре вызывает невротические реакции, в другой культуре может являться нормой. Возьмем некоторые иллюстрации. Человек архаической культуры был убежден в том, что для рождения ребенка нужно непременно убить чужака. Иначе откуда же возьмется душа, которая перейдет в чрево его жены? И вот он ходит в поисках жертвы, томясь отцовским инстинктом. Но жертва не торопится попасть под его стрелу. Это рождает напряженное, невротическое состояние. Но ведь современному человеку, готовому иметь потомка, совсем не обязательно убивать другого человека.

Или иное. Человек античного мира привык тратить заработанные деньги на собственные нужды. Сколько заработал — столько полагается и благ. Сама идея накопления, то есть оставления денег на «черный день», показалась бы ему странной. Тот же, кто откладывал сбережения, чувствовал себя не вполне уютно. Он невольно оказывался бы в невротической ситуации. Заимодавцы постоянно испытывали на себе диктат общих культурных традиций, порицающих «жизнь вперед».

Девушка, которая не стремится найти свое место в обществе, обрести социальный статус, была бы нормальной в культуре пуэбло. Однако в современном мире юная особа оказалась бы в невротической ситуации именно потому, что она не состоялась, не нашла себя. Можно ли считать нормальным человека, который утверждает, будто чувствует приближение животного и может показать на своем теле знаки, благодаря которым об этом узнают? Однако в культуре бушменов это считается обычной нормой. Европейец, попавший в такую социальную среду, видимо, мог бы испытывать невротические состояния.

Для японца совершить в определенных обстоятельствах акт харакири — ни что иное, как дело чести. Тот, кто не смог бы соответствовать долгу, стал бы презираем. Однако в православной культуре

такой поступок рассматривался бы как погубление души. Брачные контракты стали традицией в западном мире, но в российской культуре они приживаются с трудом. Сама мысль о разделении имущества в момент венчания, когда брак заключается перед Богом, рассматривается как кощунственная.

Человек архаической культуры, разговаривающий с умершим дедушкой, показался бы современному человеку психотиком. Но в давних культурах это было нормой. Для иудея отдать деньги под огромные проценты — причина радости, а для русского повод для исповеди и раскаяния. В пушкинской трагедии «Скупой рыцарь» Альбер корит ростовщика за то, что он не признает рыцарского слова, а тот не обращает внимания на этот нервный симптом. Трагедия заканчивается словами Герцога: «Ужасный век, ужасные сердца!» И в самом деле, есть от чего содрогнуться. Сын поднимает руку на отца. Угодничество заглядывает в чужие очи, вычитывая в них безжалостную волю. Люди готовы служить богатству, как «алжирский раб, как пес цепной». Страшное, не ведающее милосердия корыстолюбие. Сердце, обросшее мохом. Распад человеческого достоинства.

Однако спросим себя: какой же век оказался жестоким? Тот средневековый, с турнирами? Или последующий, вписавший в историю жуткие страницы первоначального накопления? А истребление целых народов — негров, индейцев, арабов, — сопутствующее эпохе колонизации. А может быть, «ужасные сердца» — это про нас? Ведь это мы, люди нашей эпохи, взметнули к небу грибовидное облако. Мы довели исстрадавшуюся природу до кровоточащих ран. Это нам в глаза смотрит обнаженная женщина из документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» о зверствах нацистов. Святая нашего времени, она прикрывает грудь руками перед мигом казни...

У индейцев (да и у белых американцев) о воинской доблести рассказывали скальпы, снимаемые даже с живых людей, а у русских в тот же исторический период и о той же доблести свидетельствовали прощение побежденных и забота о раненых и пленных. Еще несколько десятилетий назад женщина, вступившая в добрачные сексуальные отношения, считалась падшей. Ее презирали и она испытывала глубокие невротические чувства. Сегодня, похоже, свободные связи становятся популярными.

Индийские дети, которые приезжают в Россию, больше всего удивляются, что наши дети зовут родителей на «ты». В Индии так не принято. К родителям обращаются только на «вы». Давайте подумаем, как лучше строить отношения с близкими. У Пушкина ска-

зано «пустое вы» сменилось «сердечным ты». Выражено это у поэта по другому поводу, но все же — неужели лучше, общаясь с родителями, сохранять дистанцию?

Какая стратегия лучше? Каждая культура выбирает свою стратегию. И в ней, в этой стратегии, есть и положительное, и отрицательное. Наверное, китайская культура, которая ставила перед семьей проблему сохранения традиций, требовала от детей безоговорочного почитания. Философ Конфуций учил, что общество должно напоминать большую семью, в которой подданные чтят родителей и любят друг друга как братья. Древние китайцы не только с огромным уважением относились к отцу и матери, но и следовали их воле. Девушка не могла выйти замуж, если родители не одобряли ее выбор.

Нам, европейцам, трудно представить такую ситуацию, чтобы наши взрослые дети выбирали супруга или супругу по совету родителей. Это кажется невозможным. Даже после смерти отца или матери юноша, который хотел жениться на девушке, но не получил согласия родителей, должен был еще несколько лет ждать, когда, по этой традиции, можно было, наконец, жениться по своей воле.

По законам средневекового Китая, взрослый сын мог поступиться запретом своих родителей только через пять лет после их кончины. Хорошо это или плохо? У каждого народа — свои культурные особенности, свои правила жизни. Человеку европейской культуры может показаться странным, что надо называть родителей на «вы», согласовывать свою любовь с отцом и матерью, чтить их волю даже после их смерти. Однако эти традиции помогли китайцам сохранить высокое достоинство семьи. Наверное, сын или дочь могли видеть у родителей какие-то недостатки. Но они не на минуту не забывали, что именно эти люди, отец и мать, даровали им жизнь. В китайской культуре не мог появиться такой герой, как Павлик Морозов, потому что по китайским средневековым законам сын, который донес на отца, наказывался сурово, вплоть до смертной казни.

В европейской культуре сердечная близость, возможность говорить с родителями как с равными (то есть на «ты») ценилась выше, чем в древнекитайской. Дети, рожденные в царских или королевских семьях, не могли жениться или выходить замуж без согласия родителей. Считались с волей отца или матери в тех случаях, когда родители располагали капиталом. Но в целом в европейской культуре не было такого культа семьи, как в Древнем Китае. Дети далеко не всегда выполняли волю родителей.

В результате европейская культура знает такое явление, как конфликт поколений. Родители не считают, что дети должны об-

ращаться к ним только на «вы», близкое «ты» между родственниками гораздо лучше. Дети могут выбирать иной образ жизни, жениться по собственному выбору. Мы знаем тургеневское «Отцы и дети», лермонтовское «Печально я гляжу на наше поколение...» Родители часто страдают, что дети живут своей жизнью, даже не посвящая в нее родителей, не оказывают отцу и матери должного уважения. Далеко не все дети проникаются мыслью, что именно родители подарили им возможность жить на этой земле. Например, можно услышать такое: «А я вовсе не просил меня рожать. Они даже не спросили мое мнение». В древнекитайской культуре такое совершенно невозможно. Юноша и девушка подчинялись воле родителей. Они знали, что сами станут стариками и им будет оказано глубокое уважение, что они будут вознаграждены за свое поведение.

Мысль К. Хорни о том, что характер невроза зависит в первую очередь от социальных факторов, от культурных ценностей, оказалась весьма продуктивной. В результате внутри фрейдизма произошли существенные изменения. Так, оказались отвергнутыми теория сублимации и учение о либидо. Неофрейдисты по существу «социологизировали» психологию. Первые попытки объяснить сходства и различия культур предполагали психическое единство человека. Они изучали реакции человеческого организма на разнообразные стимулы и условия жизни. Человеческая психология оценивалась как пластичная и способная к бесконечной изменчивости.

Диалог ментальностей

Когда мы имеем дело с другой культурой, нас волнует вопрос, как избежать ошибок, которые связаны со своеобразием менталитета другой страны, другого народа. Почему европейцу трудно, например, войти в восточный бизнес? Деловая жизнь в Восточной Азии имеет «семейный характер». Предприниматели стараются вести дела не в одиночку, а опираясь на самых близких людей. Поэтому у них есть и личные отношения внутри фирмы и личные обязательства. Понятное дело, что иностранцу оказаться внутри этой восточной деловой этики трудно.

Восточная культура опирается на такие понятия, которые нелегко совмещаются в сознании европейца: иерархия и гармония. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

Столь же иным окажется и для европейца и, скажем, японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются рав-

ными и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для китайца или японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что два маршала или два сержанта могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархических ступеней.

В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, корпорация (компания), профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, приучен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти к другой группе. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в хоре или шагающий в строю¹.

Когда вы разговариваете с восточным человеком, вас может разочаровать его интерес к вам не как к личности, а как к выразителю социальной номенклатуры. Японец при первой беседе непременно постарается выяснить, каков ваш социальный статус, какую должность вы занимаете, какой имеете стаж, награды и характеристики. Он обязательно проверит, знают ли о вас более высокопоставленные особы. Судьба делового контакта зависит от всех этих сведений.

В значительной степени деловые отношения предполагают прямой контакт. Если знакомство происходит по факсу или даже по телефону, то оно вряд ли получит продолжение. В Западной Европе или Северной Америке — наоборот. Японца или китайца может удовлетворить только встреча лицом к лицу, обмен визитными карточками. Но еще большее значение будет иметь рекомендация. Ведь именно она может в какой-то степени помочь европейцу войти в систему деловых отношений японского бизнеса. При этом рекомендация не воспринимается как формальная вежливость, ни к чему не обязывающая любезность. Рекомендаторы несут ответственность за ту и другую сторону. Вот почему европейец, создающий деловые отношения на Востоке, стремится установить деловой контакт на как можно более высоком уровне.

Объясняя особенности деловой этики в Китае и Японии, Всеволод Овчинников приводит простую иллюстрацию. Конкуренция

¹ См.: *Овчинников Вс.* Выход на Восток // Популярная психология. 2004. № 5. С. 21.

на Западе ставит вопрос: кому достанется пирог? На Востоке же спорят, как его поделить? (там же, с.21). Да и сама конкуренция имеет у японца иной смысл и содержание. Европейец стремится одержать полную победу, устранить и унижить конкурента. Восточные бизнесмены стараются не допустить преобладания одной стороны над другой. Нельзя довести конкуренцию до такого накала, чтобы противник «потерял лицо», оказался униженным, оскорбленным, а тем более раздавленным. Лучше всего это выражает древнее право для рикши. Молодой возчик имел возможность опередить старого лишь сократив дистанцию, изменив маршрут. Ни в коем случае превосходство не должно обнаруживать себя в болезненной демонстративной форме.

Деловые круги Японии стараются свести прямое соперничество до малозаметного уровня. Если в Англии или США конкуренция базируется на «честной игре», то в Китае или Японии она предполагает получение «подобающей доли». «В каждой отрасли японского бизнеса есть то ли «большая тройка», то ли «большая четверка», то ли «большая пятерка». Они делят между собой львиную долю рынка. К примеру, 22 % для «Ниссана», 17 % для «Хонды», 14 % для «Мицубиси», а что осталось — на всех остальных (которые сами делят эту квоту между собой)¹.

Если какая-то фирма при заключении торговой или промышленной сделки пошла на уступки, то она получает преимущество при обсуждении другого вопроса, вообще не связанного с первым. В этом случае оценивается готовность партнеров идти на сделку, стремление к компромиссу рассматривается как безусловная добродетель. Нравственный подход к проблемам у восточных людей предполагает оценку поступка как хорошего или плохого, подходящего или неподходящего. Никто из деловых людей Востока не станет настаивать на пунктах контракта, если изменились обстоятельства. Если ситуация иная, стало быть, важно пересмотреть прежние договоренности.

Китайские и японские руководители редко принимают самостоятельное решение. Здесь ценится анонимное общее согласие. В американской фирме именно президент и совет директоров предлагают определенную волю и реализуют ее с помощью коллектива. В Азии нет движения команды сверху вниз. Напротив, все пункты соглашения, все стороны деловой жизни обсуждаются снизу. Поэтому руководитель выражает не чью-то личную волю. Он олицетворяет общее согласие, которое достигнуто путем долгих и разносторонних уступок.

¹ Овчинников В.с. Указ. соч. С. 21.

Никто из японцев не станет выделяться из коллектива, участвовать в открытой конфронтации. Поэтому выработка общего согласия длится долго. Каждый руководитель постепенно вносит поправки в свою позицию, ориентируясь на другие интересы. Дискуссия предполагает не желание «додавить партнера», а достижение некоего компромисса. Именно поэтому президент фирмы оказывается лишь арбитром, который выбирает из нескольких вариантов тот, который не вызывает новых дискуссий.

Не случайно европейские предприниматели в деловых переговорах с китайцами или японцами часто терпят поражение. Они требуют немедленного решения, незамедлительного действия, стараются сразу выложить все карты на стол. Но это не вызывает поддержки у их восточных партнеров. Американский предприниматель, так же как и современный российский, ставит во главу угла собственную прибыль. Человек Азии «раньше думает о родине, а потом о себе». Тщательно обсуждаются вопросы, связанные с долгом перед страной, перед персоналом. Тема реальной прибыли возникает в последнюю очередь. Сравните это с российской действительностью, с тщетными попытками склонить олигархов к благотворительности или к выполнению обязательств перед персоналом.

Европеец воспитан в духе идеалов свободы, культа индивидуализма. Дальневосточная мораль ставит общее благо выше личных интересов. По мнению Всеволода Овчинникова, эта черта генетически присуща и россиянам, которые по сути дела не столько европейцы, сколько евразийцы. Япония, вступившая на путь информационного развития, ощущает, что традиции порой мешают успешному продвижению страны. Групповая мораль не содействует творческому соревнованию, автономии индивида. Система пожизненного найма теряет смысл в эпоху информатики. В этом, по мнению В. Овчинникова, первопричина кризиса, который привел в 90-е годы к феномену «потерянного поколения».

Сознание человека Азии оказывается противоречивым в условиях информационного общества. С одной стороны, образ жизни японцев и традиционная мораль заставляют его быть застенчивым, скрываться за социальной маской. Но с другой стороны, это рождает чувство одиночества, жажду общения. Так, Япония предполагает выйти из «царства групп» в «царство личностей». Но произойдет ли при этом полное устранение традиционных культурных ценностей. В Японии и раньше происходили радикальные перемены, но она выдерживала их натиск, следуя мудрым принципам дзюдо — уступить натиску, идти на перемены, но при этом остаться собой. «Образно говоря, Япония никогда не станет русоволосой, хотя краситься под блондинов стало нынче модой «золотой молодежи»¹.

¹ Овчинников В.с. Указ. соч. С. 23.

В Йемене очень много предрассудков и правил, доходящих порой до абсурда. Например, женщинам нельзя ходить на кладбище, потому что мертвые могут увидеть, что находится у нее под абайей. Еще один запрет — женщинам нельзя бриться станком, а можно пользоваться только халявой — это смесь из жженого сахара и добавок для эпиляции. Ее наносят горячей на кожу как воск. Кстати, волосы после халявы растут гораздо медленнее, чем после восковой эпиляции. Обычно арабские женщины делают себе эпиляцию всего тела перед свадьбой. Восточные женщины (и танцовщицы не исключение) очень любят тяжелые пряные запахи. Когда возвращаешься с Востока, долгое время не можешь отвыкнуть от сладких духов. Тем более в Йемене и Иордании продаются ароматические эссенции, которые добавляют во все дорогие духи, а стоят они немного. Особенно ценится у тамошних мужчин и женщин бахор — помесь из эссенций. По четвергам в Йемене жена должна обкурить бахором волосы и одежду, зажечь бахоровые кусочки над свечой, чтобы комната пропиталась ароматом, в общем набахориться. На восточных мужчин этот запах действует похлещи виагры. Даже маленькие мальчики, почувствовав исходящий от тети аромат бахора, начинают к ней ластиться.

На протяжении четырех столетий в европейской культуре господствовала так называемая протестантская этика. Ее основные черты — труд, бережливость, аскетизм, опора на себя. В какие бы одежды не рядилась мораль, в ней почти всегда присутствовала мысль, что стремление достичь индивидуального спасения с помощью упорного труда, бережливости и конкурентной борьбы составляет суть успеха. Однако создание крупных организаций, корпораций сделало эти ценности не значимыми.

В противовес протестантской этики возникла новая этика, которую американский социолог У. Уайт назвал *социальной*. Он считал, что резонно было бы именовать ее организационной, или бюрократической этикой, но склонялся все-таки к понятию «социальной этики»¹.

Социальная этика

Под *социальной этикой* подразумевается корпус идей, который ограничивает ценности индивидуализма. Отсюда вера в группу как источник творчества, вера в возможности науки. Человек существует как элемент общества. Сам по себе он изолирован и бессмыслен.

¹ Уайт У. Организационный человек // Личность, культура, общество. М., 2002. С. 284.

Лишь поскольку он сотрудничает с другими, он начинает чего-то стоить, ибо, возвышая себя в группе, он помогает произвести целое, превосходящее сумму его частей. Теперь строгий и эгоистичный индивидуализм, который проповедовали от имени протестантской этики, перестали терпеть.

Сравним некоторые положения протестантской и социальной этики. Протестантский этос утверждал выживание наиболее приспособленных. Находясь на нижней ступени лестницы, вы можете найти в себе силы взобраться наверх. Вы можете это сделать, если имеете волю и силу поддержать себя. На вершине всегда достаточно места. Успех приходит к тому, кто старается заставить успех покориться себе. Верно Кассий говорил Бруту: «Не звезды, дорогой Брут, виноваты в том, что мы мелкие сошки, а наша природа». Вот почему миллионер, который был когда-то студентом, уверен, что все его одноклассники не стали миллионерами просто потому, что не захотели. Между тем реальные возможности занять верхние этажи власти и богатства резко сократились.

Протестантская этика проповедовала бережливость.

Как только станете зарабатывать деньги, заведите привычку сберегать часть своего жалованья или прибылей. Откладывайте доллар из каждых десяти заработанных. Настанет время в вашей жизни, когда, владея кое-какими деньгами, вы сможете контролировать обстоятельства; иначе обстоятельства будут контролировать вас...

Обратите внимание на употребление активной лексики: взобраться, сила, заставить, контролировать. Протестантская этика все еще с таким же упорством, как и раньше, рекомендовала человеку борьбу с его средой — такую практическую, сосредоточенную в «здесь и теперь» борьбу, которая приносит материальные вознаграждения. И духовные вознаграждения тоже. Практическая часть протестантской этики была, конечно, неполной без сопутствующего уверения в том, что такой успех хорош как в практическом, так и в моральном плане.

В условиях этой свободной системы управления, при которой индивид волен сам выбирать, как ему зарабатывать на жизнь или стремиться к обогащению, обычным результатом является конкуренция. Но тогда очевидно, что конкуренция на самом деле означает свободу трудиться. Так, каждый может сам выбрать для себя род занятий или профессию, а если она ему не нравится, может ее поменять. Он волен работать не покладая рук или не делать этого. Он может выдвигать свои условия при заключении сделок и сам устанавливать свою цену на собственный труд и производимую продукцию. Он свободен приобретать собственность, сколько пожелает, и

расстаться с ней. С помощью умноженных усилий или большего мастерства, если он может зарабатывать больше, он свободен жить лучше, равно как и его сосед волен последовать его примеру и придумать, как, в свою очередь, его превзойти. Если у кого-то есть талант делать деньги и распоряжаться ими, он свободен осуществить свой талант, равно как и другой свободен пользоваться этими средствами... Если индивид наслаждается деньгами, заработанными за счет собственной энергии и успешных действий, его соседям надлежит трудиться еще упорнее, чтобы они сами и их дети тоже могли наслаждаться тем же.

Время показало, что такая этика чересчур оптимистична. Если каждый мог верить, что преследование личного интереса автоматически улучшает положение всех, то применение упорного труда должно было установить со временем рай на земле. Один из идеологов этой морали писал:

Америка — поистине такое поле, на котором есть где развернуться человеческому роду. Это надежда и приют для угнетенных и упавших духом со всего мира. Именно воодушевляющий пример Америки — несравненной из наций земли, ярчайшей звезды на политическом небосводе — рассасывает затвердевшую опухоль аристократии и сеет по всему миру демократический дух. Это поистине драгоценная жемчужина, которой мир может смело доверить свои сердца. Здесь одно мерило: заслуги. Рождение ничего не значит. Выживают наиболее приспособленные. Заслуги — высшая и единственная добродетель, необходимая для достижения успеха. Здесь мирами и системами миров правит разум. Это внушающий благоговение монарх беспредельного пространства, и в человеческом обществе, особенно в Америке, он сияет как диадема на лбу у тех, кто стоит в передовых рядах человеческих дерзаний. Здесь признается лишь естественный порядок благородства, и на гербе его красуется не щит и не хвастливый геральдический знак, а лозунг «Разум и честность»¹.

Без этой этики капитализм был бы невозможен. Между тем индустриальная революция, которую породила на свет эта в высшей степени полезная этика, начала постепенно ее подтачивать. Наследники этой этики, жившие в XIX в., создавали все более коллективное общество, но упорно отрицали следствия этого. Сегодня начало прошлого столетия выглядит золотым веком индивидуализма, хотя к 80-м годам XIX в. корпорация уже показала то конечное бюрократическое направление, в которое она собиралась последо-

¹ *Clews Henry. Fifty Years in Wall Street. N.Y., 1908. P. 40.*

вать. По мере того как учреждения росли в размерах, возникали неувязки. Ведь одно из важнейших допущений протестантской этики состояло в том, что успех определяется не везением или средой, а только естественными качествами самого человека. Если люди богатели, значит, они этого заслуживали. Однако большая организация стала постоянной насмешкой над мечтой об индивидуальном успехе. Для каждого, кто работал в большой организации, было совершенно очевидно, что теми, кто лучше выживал, вовсе не обязательно были самые приспособленные. В большинстве своем это были те, кто имел лучшие шансы благодаря рождению или личным связям. В то время как продолжалась экспансия организаций, протестантская этика все больше и больше расходилась с той реальностью, которая создавалась самой Организацией.

Теперь о бережливости. Как может организационный человек быть бережливым? За него бережливы другие люди. Он все еще покупает большую часть своей страховки, но что касается откладывания денег на черный день, то тут он по большей части доверяется финансовому и кадровому отделам своей организации. В его профессиональном качестве бережливость тоже становится немного неамериканской. Протестантский человек пришел бы в ужас, если бы увидел современную расточительность публики. Разве не является надежда суметь в один прекрасный день купить какие-то удовольствия и наслаждаться ими великим стимулом к труду и усердию? Разве не может, следовательно, быть, что удовольствие производит больше, чем потребляет, ежели в отсутствие такого стимула люди были бы ленивыми и праздными, какими они естественным образом быть весьма склонны?

Теперь об упорном труде. Чего стоит капитализм, если мы не преобразим нашу производительность в увеличение досуга, в приумножение благодатной жизни? Для организационного человека это имеет огромный смысл. Он так же чувствителен к пугалу трудовой перегрузки и язвы, как его предки были чувствительны к пугалу нерадивости. Он разрывается на части. Он верит в досуг, но также верит в пуританское настаивание на упорном, самоотверженном труде. Он продолжает упорно работать, но теперь он чувствует себя немного виноватым.

Опора на себя? Корпоративные состояния разрастались в последнее время столь динамично, что чуть не до сих пор человек из менеджмента мог подавлять в себе мысль, что он — бюрократ. Бюрократами, как известно каждому бизнесмену, были те окопавшие-

ся люди, которые предпочитают авантюре безнаказанность. Младшее поколение менеджеров уже не твердит об опоре на себя.

Итак, в современном мире произошла грандиозная этическая революция. То, что было ориентиром для людей на протяжении четырех столетий, постепенно утрачивает свою силу.

Весной 2005 г. редактор отдела культуры датской газеты *Jyllands-Posten* Флемминг Роуз опубликовал в этой газете карикатуры на пророка Мухаммеда. Эти материалы вызвали огромный скандал, охвативший весь исламский мир. Датский писатель, который писал книгу про пророка Мухаммеда, выступил в прессе, заявив, что он не может найти для нее художника: все карикатуристы опасались за свою жизнь. Впоследствии удалось обязать художников, но они настаивали на анонимности. Карикатуристы знали судьбу голландского режиссера Тео Ван Гога, убитого исламистами, и голландской женщины-политика Аян Хирши Али, написавшей книгу, по которой и был снят фильм Ван Гога, вынужденной жить «в подполье».

Как-то один известный датский комик давал интервью и сказал, что он без проблем может изобразить сюжеты из Библии, но боится делать то же самое, используя Коран. Когда на встрече с имамами один из религиозных лидеров призвал главу государства вмешаться в работу датской прессы с тем, чтобы ислам получил более положительный образ. В Дании этот призыв был воспринят как призыв к цензуре датской прессы, что противоречит ценностям западного мира — в частности, свободе слова. Тогда у Ф. Роуза возникла идея написать письмо членам Союза карикатуристов и попросить их нарисовать Мухаммеда таким, как они его видят (это было принципиальным требованием), а потом опубликовать работы.

Гнев мусульман вызвала лишь одна карикатура, где пророк Мухаммед был изображен в тюрбане, из которого торчит тлеющий фитиль. Но из этого рисунка, по мнению Роуза, ни в коем случае не следует, что Мухаммед или все мусульмане — террористы. Карикатуры были напечатаны исключительно для внутренней датской, ну, максимум для скандинавской дискуссии о взаимоотношении свободы слова и религии. В Дании большинство мусульман интегрированы в общество, они — мирные люди, которые хотят спокойной и обеспеченной жизни. Но есть небольшая группа радикалов, которые хотят, как полагает Роуз, учредить в Дании закон шариата. Мусульманам запрещено изображать пророка, в каком бы то ни было виде. Но Дания — не религиозное государство, а современное светское, и ни одна религия не может навязать датчанам свои порядки и табу.

Роуз считает, что все, что происходит сейчас на Ближнем Востоке, ничего общего с этими карикатуристами не имеет. Те люди, которые жгут посольства, не видели рисунков и не читали текст. На протяжении какого-то времени группа радикальных имамов из Дании ездила в Ливан, Сирию и Египет и нарочно подогревала общество. Они говорили, что в Дании готовится новый перевод Корана, в котором цензуре подвергается слово «Бог», и это, по исламским традициям, серьезный грех.

В Нигерии протесты местных мусульман, спровоцированные скандалом из-за карикатуры, обернулись христианскими погромами. Озверевшая толпа, вооруженная железными прутьями, мачете и дубинками, спалила одиннадцать церквей. Забиты насмерть более полутора десятков человек, и это несмотря на то, что христианская община осудила датские карикатуры. В числе погибших — несколько детей. Одну из жертв сожгли заживо: на человека надели автомобильную крышку, облили бензином и подожгли. Конечно, противостояние между мусульманами и христианами в Нигерии родилось не сегодня и не вчера, однако картинки в датской газете стали подходящим поводом для резни.

Кровью обернулась похожая история и в Ливии. Несколько сот ливийцев пытались взять штурмом итальянское посольство в Бенгази. Полиция применила силу — погибли одиннадцать человек. За гнев против Италии, по-видимому, ответствен бывший министром по делам реформ Роберто Кальдероли, член праворадикальной Северной Лиги. Этот сеньор появился тогда на публике в футболке с карикатурами на пророка Мухаммеда — в знак солидарности, по его словам, с теми, кто стал жертвой «слепого религиозного насилия». В Ливии — некогда итальянской колонии — этот жест расценили как вызов.

Берлускони не осталось ничего иного, как возложить вину за кровавые события в Бенгази «на бессмысленные действия нашего министра», в результате чего Кальдероли пришлось подать в отставку. Ливийского министра внутренних дел за неадекватное применение насилия также сняли с должности.

Из-за карикатур будут, видимо, убивать и дальше. Пламенных призывов на этот счет хватает, да к тому же подкрепленных обещаниями материальной выгоды: так, один пакистанский мулла посулил миллион долларов тому, кто сумеет убить кого-нибудь из датских карикатуристов.

Столкновение ценностей разных цивилизаций вызвало множество разноречивых мнений. Верующие мусульмане сочли себя оскорбленными, их реакция, полагают некоторые, была чрезмерной.

Однако карикатуры на пророка для мусульманина равносильны разрушению храма. Вместе с тем возникло мнение, что исламисты посягают на такую ценность западной культуры, как свобода слова. Другие люди безоговорочно стали на сторону исламистов: нельзя оскорблять чужую веру.

Литература

1. *Ангел Е.* Этнос и история. М., 1988.
2. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
3. *Гуревич П.С.* Подлинное досье невротической личности // Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 2004.
4. *Карчевский Л.* Предпринимательская деятельность как предмет философского анализа. М., 2004.
5. *Овчинников В.* Выход на Восток // Популярная психология, 2004, № 4. С. 25.
6. *Уайт У.* Организационный человек // Личность, культура, общество. М., 2002.
7. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2005.

Вопросы для повторения

1. Что такое «социальная этика»?
2. Как можно описать организационного человека?
3. Чем объясняется конфликт с карикатурой на Мухаммеда?
4. Что такое «столкновение цивилизаций»?
5. Какова деловая этика японца?

Темы рефератов

1. Суть социальной этики.
2. Конфликт цивилизаций.
3. Деловая этика японца.
4. Организационный человек.
5. Противоборство религий.

Распад ценностей как катастрофа

Пройдут года, но не сотрется
Тот след во мгле густых стеблей.
Еще яснее отзовется
В душе — сквозь холод лет и дней.

Василий Казанцев

«Смерть Запада»

Почти столетие назад Освальд Шпенглер провозгласил закат Европы. Сегодня рассуждают уже не о сумерках западной цивилизации, а о ее смерти. Патрик Дж. Бьюкенен, советник президентов Никсона и Рейгана, кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 года, выступает в качестве провозвестника неоконсервативного мышления. Его концепция отличается от оптимистических прогнозов Ф. Фукуямы и от горьких констатаций С. Хантингтона относительно «конфликта цивилизаций». По мнению Бьюкенена, западная цивилизация погибнет не в результате применения оружия или экспансии насилия. Он убежден в том, что Запад погибнет, если не откажется от либеральных ценностей. Это произойдет плавно, без очевидных глобальных конфликтов, а путем неожиданного результата жизненных и практических установок людей западной культуры, доведенных до логического конца.

Вновь обретает популярность концепция М. Вебера, который утверждал, что именно ценностные ориентиры оказывают решающее воздействие на исторический процесс. Каждая культура сильна тем, что обретает собственную версию смысла существования. В одном случае смысл человеческого бытия усматривается в моральных установлениях земной человеческой жизни, в другом — в неких запредельных трансцендентных критериях, определяющих окончательную ценность человеческого присутствия на Земле. В то же время поискам смысла жизни противостоит идея бессмысленности всех человеческих упований и действий. В древнекитайской этике значимость человеческой жизни во многом определялась идеалом внутренней свободы, который получил развитие в учениях ранних конфуцианских и даосских мыслителей.

Европейская культура наших дней одушевлена идеей приобретаемости и наслаждения. Несколько десятилетий назад американский социолог Даниэль Белл предупреждал европейцев о том, что

революция растущих ожиданий приведет Запад к краху. Если же наслаждение оказывается главным смыслом жизни, то рядовая женщина может отказаться вынашивать и рожать ребенка. Зачем, если можно и так вполне шоколадно прожить собственную жизнь. И вспоминается фраза из Грибоедова: «Твой дядюшка пропрыгал ли свой век?»

Прирост населения всегда считался признаком здоровья нации в целом, депопуляция — признак болезни народа и общества. И вот обнаруживается, что западная цивилизация, несмотря на все свое могущество и богатство, находится в глубочайшем упадке. Ее состояние можно назвать синдромом Чеширского кота, как, этот кот, народы западной цивилизации, тают на глазах.

За сорок лет население земного шара увеличилось вдвое, с трех до шести миллиардов человек, но европейские (в широком смысле) народы прекратили воспроизводство. Во многих странах смертность ныне соответствует рождаемости, а то и превосходит последнюю. Из сорока семи европейских стран только одна, мусульманская Албания, демонстрировала в 2000 г. уровень рождаемости, достаточный для сохранения народа. Остальная Европа вымирает¹.

Имеется в виду не эпидемия чумы, не сокрушающая мощь войны, а влияния парка развлечений. Европейцев душит процветание. Комфорт — единственная вера нынешних поколений. Понятие жертвы ради семьи — основа человеческого общества — превратилось в исторический казус. Это не может не изумлять.

Неужели смерть Запада неотвратима? Может быть, подобно всем предыдущим кладбищенским прогнозам, это пророчество окажется несбыточным? Но на что можно уповать? Прежде всего, на преобразование ценностных ориентиров. Миллионы людей ощущают себя чужаками в собственной стране. Они отворачиваются от массовой-культуры с ее культом животного секса и гедонистических ценностей. Они наблюдают исчезновение старинных праздников и увядание прежних героев. Они видят как артефакты славного прошлого исчезают из музеев и заменяются чем-то уродливым, абстрактным. Низвергаются привычные, унаследованные от поколений предков моральные ценности.

На протяжении жизни одного поколения многим американцам довелось увидеть, как развенчивают их Бога, ниспровергают их героев, оскверняют их культуру, извращают моральные ценности, фактически вытесняют из страны².

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2004. С. 25.

² Там же. С. 17.

Массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости секса выше счастья материнства. Женские журналы, «мыльные оперы», дамские романы, телевизионные передачи в прайм-тайм — везде прославляется карьера, секс и независимость (и одиночество) женщин. Заботиться о ребенке — это удел бабушек. Брак и моногамия так же восхитительны, как сэндвич с пюре. Древний триумvirат «мир, плоть, дьявол» не только извлечен из небытия, но усиленно пропагандируется лучшими рекламными агентствами. Недавно по российскому телевидению прозвучала реплика одной теледивы: «Надо помнить, что все мы имеем срок годности». Человек стал приравниваться к товару.

Либеральная идеология утверждает равенство всех культур. Теперь нет критерия для того, чтобы одни культуры называть великими, а другим отказывать в этом. Первая заповедь нового евангелия (современной либеральной идеологии) звучит так: «Все образы жизни равноправны». Об этом писал в свое время Н.А. Бердяев в работе «Философия неравенства». Равенство — химера, в мире нет равенства. Но либеральные идеологии утверждают всеобщее равенство. Они видят задачу революции в том, чтобы устранить неравенство цивилизаций и культур. Согласно либеральному катехизису, ни одна религия не имеет приоритета перед другими, точно так же, как ни одна культура и ни одна цивилизация. Необходимо стремиться к «разнообразию», чтобы в обществе существовали все племена, все языки, все культуры, чтобы «цвели все цветы», чтобы в конце концов на нашей планете сложилось мультиэтническое и мультикультурное сообщество.

Действительно, еще А. Токвиль указывал, что достичь такой степени равенства, которая казалась бы всем справедливой, невозможно. Равенство — союзник политического Левиафана, тоталитарного государства. Н.А. Бердяев отмечал, что космическая жизнь иерархична. Иерархична и жизнь общественная, поскольку в ней есть космический лад и не разорвана органическая связь с космосом. Всякое разрушение космической иерархии атомизирует бытие. Критика неравенства сегодня означает возможность возрождения консервативных ценностей. Нет и никогда не было абсолютно разных народов, культур и цивилизаций. Одни достигали величия регулярно, другие к нему вообще не приближались. Разнятся образы жизни, религии, идеи; равенства не найти нигде. Пожалуй, важнейший, самый красноречивый и убедительный довод — не может быть равенства среди идей.

Бердяев и Токвиль развенчивали всего рода революции. Доставалось и ее пророкам. И здесь вновь мы могли бы сослаться на духовную традицию. Ж.де Местр стоял на почве религиозной и боролся с духом революции. Но неужели наши рассуждения о равенст-

ве народов — не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня — только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которые богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад, с его отвращением к войне, взращенном на бойнях и ужасах прошлого столетия, обречен проиграть? Как сказал Софокл, нужно подождать до вечера, чтобы понять, каким чудесным был день. Неужели уже наступил «вечер Запада»?

Запад — самая развитая цивилизация в истории человечества, а Америка — самое развитое государство этой цивилизации, превосходящее прочих в экономическом, научном, техническом и военном отношениях. Другой сверхдержавы не существует. Америка, Европа и Япония контролируют две трети мирового производства и две трети мировых доходов.

Неоконсервативный манифест полон противоречий. Поставленный диагноз — «смерть Запада» — оказывается всего лишь идеологической страшилкой. Если Запад обладает такой мощью и таким потенциалом, то о каком закате данной цивилизации может идти речь? Рецепт, который может спасти Америку, оказывается довольно простым. Речь идет о возрождении протестантизма (в России государственники вели бы разговор о восстановлении истинного православия), о новом крестовом походе за возвращение белых американцев к патриархальным ценностям общества и семьи.

Книга Бьюкенена по своей философско-идеологической направленности совпадает с умонастроениями определенной части российского общества. Разумеется, в нашей стране говорится не о величии Америки. Однако очевиден контур — вера в величие России, в консервативное возрождение ценности государства, патриотизма, исконности и державности. Интересно, как далеко качнется маятник?

Национализм как феномен

В советские времена в классе учились представители разных национальностей. Однако большая часть этих детей были обрусевшими. Приобщаясь к русской культуре, ребята не ощущали в полной мере болезненных проблем национальной идентичности. К тому же идеология национализма осуждалась. Воспитанные в традициях интернационализма, школьники не несли тяжелого бремени острых этнических проблем.

В наши дни ситуация радикально изменилась. Не только в России, но и в других странах вопрос об этнической тождественности оказался запутанным и мучительным. В самом деле, кого сегодня в США можно с полным правом назвать американцем? Коренных

индейцев, тропических негров, выходцев из Старого Света или недавних иммигрантов, создавших собственные этнические города и поселки? К изучению этой проблемы привлечены сегодня этнографы, психологи, социологи, философы. Возникли новые и подчас неожиданные подходы к, казалось бы, давно изученной проблеме. «Что такое национализм по своей сути: политический принцип или инструмент эмоционального сплочения?»¹. Заметим, что связь национализма с реальным этническим сознанием в данной работе, основанной на многочисленных западных источниках, вроде бы даже не возникает. Ценность статьи в том, что она раскрывает психологическое измерение проблемы.

Автор этой статьи — К.С. Шаров справедливо отмечает, что взаимное проникновение и смешение разнородных национализмов может быть и относительно безопасным для наций, и представляющим для них серьезную угрозу. При этом расшатывание национальных сообществ может осуществляться как внешними, так и внутренними националистическими противоречиями. После распада СССР в 1991 г. некоторые государства Восточной Европы и Прибалтики оказались в ситуации «сцепленных» националистических программ, имевших в своей основе антисоветские настроения. Из-за этого формирование многих социальных институтов в них проходило по похожим сценариям. Но это пример «мирного» взаимодействия национализмов.

Хуже, если взрывчатая сила национализма разносит сообщество в пух и прах. Но как обуздать эту мощную деструктивную силу? Вероятно, прежде всего, ее нужно изучить, составив достаточно рельефный социопсихологический портрет различных разновидностей национализма. Когда фашистский режим в Германии стал укрепляться, известный немецкий философ Т. Адорно вместе с американскими коллегами завершил огромное исследование, которое называлось «Авторитарная личность». Нет сомнений в том, что эта работа сохраняет свое значение и сегодня, поскольку в ней содержится социологический инструментарий, позволяющий перейти от общих призывов и заклинаний к реальному рассмотрению назревшей проблемы.

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить скрытый смысл мнений, которые выражали участники эксперимента. В ходе количественного анализа постепенно вырисовывалась «концентрическая» структура предрассудка. Антиеврейские и антинегрятские настроения оказались не самостоятельными установками, а проявлением более общей расистской установки. Последняя же в свою

¹ Шаров К.С. Политика и эмоциональность в феномене национализма // Личность, культура, общество. М., 2006. С. 51.

очередь оказалась обнаружением социального мышления и поведения определенного типа, в основе которого коренится какое-то глубокое психическое предрасположение.

Источниками для фиксации стереотипных настроений послужили фразы из ежедневных газет, типичные остроты обывательских разговоров, реплики о представителях разных этносов. Так удалось зафиксировать основные комплексы, бытующие в национальном сознании. Т. Адорно установил, что невежество и путаница возникают как при отсутствии необходимой информации, так и при ее переизбытке. Но особенно ценно — исследователь показал, что страх и нежелание думать стимулируется всей системой образования. Нет сомнения в том, что именно школьный класс оказывается той площадкой, где обнаруживают себя противоречия этнических взаимоотношений.

Разноэтничный класс

В классе, кроме русских, украинцев, евреев, казахов, могут оказаться африканцы, выходцы из исламских государств, немало и полукровок, которые переживают мучительный процесс идентификации. Каким должно быть образование в полиэтническом пространстве? Как учителю выходить из трудных ситуаций, не оскорбляя национальной тождественности ребенка? К примеру, индийский мальчик привык даже к родителям обращаться на «вы». Он просто потрясен тем непочтительным тоном, которым ребята разговаривают с педагогом. Арабский мальчик, с детства знающий, что можно мечтать о невозможном, как это принято в его культуре, огорчен тем, что его называют «вруном». Воспитанный в исламских традициях ребенок поражен тем, что видит изображение Бога в учебнике, поскольку в его культуре это считается кощунством. Грузинский подросток оскорблен стремлением учителя сломить его самолюбие. Негритянский мальчик уязвлен тем, что получил нелестную «кличку». Девочка японских кровей изо всех сил пытается «не потерять лицо», страшится коллективного мнения, но совсем не испытывает потребности в том, чтобы пооткровенничать с подругой.

Разность ментальностей обнаруживает себя и в учебном процессе. Кое-кто с трудом поднимается на вершины абстрактного мышления, постоянно требует конкретных иллюстраций, картинок. Кое-кому вообще не интересны разного рода примерчики. Он жаждет мыслительной активности. Иному тяжело писать, он человек устной культуры. Как справиться со всем этим разнообразием? Но главное — каким образом создать в классе дружную, рабочую атмосферу? Помочь ребятам преодолеть этнические предрассудки.

К этим проблемам нельзя подходить сугубо инструментально. Важно осознать, что ситуация изменилась не в отдельном классе

или отдельной школе, а в мире в целом. В новом столетии особую остроту приобрела проблема интеграционных культурных процессов. Разумеется, и прежде давали о себе знать сложности взаимодействия разных этносов в рамках поликультурных государственных образований. Противостояние Ирландии и Англии в рамках Великобритании, курдские конфликты в Турции и Ираке, противоречия между басками и испанцами, цепь конфликтов на Балканском полуострове. Но за последнее время ситуация радикально изменилась. Что же произошло во всем мире и, прежде всего, в нашей стране?

В нашей стране не только много различных этносов, различны и религиозные верования. Выпущенный в 1999 г. издательством «Республика» словарь «Религии народов современной России» очень быстро устарел. Причина тому — нахлынувшие волны эмиграции, которые в значительной мере изменили политэтническую картину страны.

Концепция мультикультурализма

Широкую популярность в гуманитарном блоке знаний до недавнего времени получила концепция мультикультурализма. Она зародилась в конце XIX — первой половине XX века. Такие исследователи, как М. Херсковиц, Ф. Боас, К. Клакхон специально изучали взаимоотношения культур, рас, народов. Представленная культурными антропологами концепция аккультурации рассматривала контакты культур как двусторонний процесс. Однако реальная историческая практика далеко не всегда подтверждала выводы ученых.

К тому же американские и латиноамериканские исследования рассматривали в основном влияние европейской культуры на культуры других народов. Обратное воздействие фиксировалось формально и зачастую без особых аргументов. Крайне редко фиксировались спонтанные преобразования, приводящие к видоизменению двух культур, вступивших в контакт.

Однако концепция мультикультурализма сохраняла свою научную респектабельность. Предполагалось, что хорошим примером гармоничного сосуществования разных культур может служить Америка. Долгое время в США был популярным своеобразный праздничный ритуал, который символически отражал процесс мирной ассимиляции разных культур. На площади сооружался огромный плавильный тигль. К нему со всех сторон шли в национальных костюмах представители экзотических культур, они поднимались на помост, входили вовнутрь сооружения и выходили с другой стороны, облаченные уже в сюртуки, жилеты, шляпы. Так выражалась идея плавной американизации разных этносов.

Исследователи отмечали «пограничность» американской культуры. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов. Порой оно виделось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях как последовательный процесс ассимиляции концепции «Доктрины Явственной судьбы», «Плавильного тигля»). Иногда на теоретическом горизонте появлялись радикальные теории этноцентризма, афроцентризма, полицентризма. Нередко «инаковые» культуры утверждали собственную культурную исключительность, самодостаточность, превосходство над другими этносами. В этом варианте мультикультурный радикализм порождал национализм и расизм «наоборот» («Upside Down») — этнокультурную фрагментацию и сепарацию, переворачиванию изначального смысла культурной множественности.

В результате особую остроту приобретала проблема культурной идентичности. Закрепившиеся представления об американской культуре как культуре в основе своей англосаксонской, отбросили на задворки цивилизационных процессов как представителей ряда европейских этнокультурных групп, так и представителей неевропейских рас и этносов. Оказалось, что культурному подавлению и процессам аккультурации подвергается ряд европейских, азиатских, семитских и африканских общностей. И вновь обозначился акцент на нетождественности многих культур.

Тем не менее мультикультурализм старался удержать позицию расового и этнического разнообразия в США. При этом одни исследователи ставили вопрос о неизбежном существовании доминирующей культуры, другие же — считали ее излишней. В американском сознании начался процесс, в ходе которого происходил пересмотр представлений о расовой и этнической иерархии. Проблема самооценности маргинальных, бесписьменных культур, которые считались до некоторых пор варварскими, получила развитие в концепции культурного релятивизма (М. Херсковиц, Ф. Боас). Согласно этой концепции, каждая культура, независимо от уровня ее производительных сил, имеет принципиально тот же уровень сложности, ценности и самобытности, что и любая другая. Каждая культура начинает рассматриваться как явление уникальное, не подлежащее кросс-культурному анализу. Сторонники такого взгляда отвергали обязательность критерия прогресса.

Так сложился определенный комплекс представлений о том, как следует осуществлять культурную политику в условиях полиэтничности — от полной ассимиляции «инаковых» культур до навязывания доминирующей культуры. Разумеется, американский мультикультурализм имеет солидный практический аспект. В США разворачивались государственные программы, которые включали в себя

социальные, образовательные и культурные аспекты. Одна из важнейших целей политики мультикультурализма — создание и поддержание социокультурного равновесия в обществе.

Конец XX — начало XXI века ознаменовались крушением идеи мультикультурализма. Идея равенства наций и государств стала подвергаться резкой критике. Вот некоторые узловые точки разворачивающихся на наших глазах этнических и культурных конфликтов. Мексика исторически настроена против США, мексиканцы, мягко говоря, недолюбливают северного соседа. Они считают, что американцы лишили их страну половины законной территории. Ныне в США граждане мексиканского происхождения составляют не менее одной пятой от общего количества жителей страны плюс, как минимум, миллион добавляется к их числу каждый год. У мексиканцев не только иная культура — в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывает, что людям разных рас сложнее ассимилироваться, нежели «родичам по расе». Шестьдесят миллионов граждан США, претендующих на немецкое происхождение, ассимилировались в Америке полностью, чего не скажешь о миллионах выходцах из Азии и Африки, и ныне не имеющих равных с белыми прав.

В отличие от иммигрантов прошлых лет, навсегда порвавших с отчизной перед тем, как взойти на борт корабля, мексиканцы отнюдь не порывают связей с родиной. Миллионы из них не испытывают ни малейшего желания учить английский язык или принимать американское гражданство — их дом Мексика, а не Америка, и они кичатся тем, что по-прежнему остаются мексиканцами. В Америку они пришли, чтобы получить работу. Вместо того чтобы постепенно ассимилироваться, они создают в американских городах «маленькие Тихуаны» — все равно как кубинцы с их «Малой Гаваной» в Майами. Разница между мексиканцами и кубинцами лишь в том, что первых в Америке в двадцать раз больше, нежели вторых. Они имеют собственное радиовещание и телевидение, собственные газеты, фильмы и журналы. Мексиканские американцы создают в США испаноязычную культуру, отличную от американской. Иначе говоря, фактически становятся нацией внутри нации.

Волны мексиканской иммиграции накатываются ныне уже не на ту Америку, которая принимала у себя европейцев. У других американских меньшинств сложилась убежденность в тезисах расовой справедливости и этнического равенства. Эти тезисы поддерживает и их культурная элита, которая отказалась от идеи Америки как «плавильного тигля» и ратует за прелести мультикультурализма. Сегодня этническим меньшинствам «настоятельно рекомендуется» придерживаться национальной идентичности — разумеется, вследствие этого мы наблюдаем резкий всплеск национализма.

С. Хантингтон, автор книги «Столкновение цивилизаций», называет иммиграцию «главным бичом нашего времени». Иммигрантов он делит на «обращенных», прибывших с тем, чтобы ассимилироваться в американском обществе, и «временщиков», приехавших по контракту на несколько лет. Хантингтон предостерегает: «Если свыше миллионов мексиканских солдат перейдут нашу границу, США воспримут это как угрозу национальным интересам и отреагируют соответственно. Однако мирное вторжение миллионов мексиканцев, как будто санкционированное президентом Висенте Фоксом, представляет не меньшую опасность для Америки, и на него США также должны отреагировать адекватно. Мексиканская иммиграция уникальна по своей сути, она является прямой угрозой нашей идентичности и культурной целостности, и, быть может, нашей национальной безопасности».

Западные государства и без насилия извне переживают процесс распада на этнической почве. Сепаратистские движения разорвали на части Югославию и Чехословакию; ныне они пытаются разделить Францию, Испанию и Италию. В 2001 г. в Германии начались торжества в честь древней Пруссии. В Великобритании «Юнион Джек» на дверцах такси и на эмблеме Чемпионата мира по футболу заменили средневековым крестом святого Георгия. Люди все меньше и меньше отождествляют себя с национальным государством — и все больше и больше с родом и семьей. В канадских провинциях Альберта и Саскачеван возникли партии независимости, а 14% населения Британской Колумбии высказывается за отделение от Канады.

Дух сепаратизма, национализма и разобщенности крепнет и в районах больших городов, населенных выходцами из Латинской Америки. Почему мексиканские иммигранты должны испытывать хотя бы подобие верности по отношению к стране, куда они переехали исключительно в поисках работы? И почему бы националистически настроенным и патриотичным мексиканцам не мечтать о собственной Реконките?

Латинос — наиболее динамично прирастающий этнический фрагмент американского общества. Вместе с этническими пропорциями внутри страны изменяется и американская политика. Нарастающая иммиграция, естественно, оказывается на руку левым и приводит их к власти. Администрация президента Буша в своих политических решениях и назначениях внимательно прислушивается к пожеланиям латинос, зачастую — в ущерб консерваторам. Нынешняя Америка уже не то «двухразовое» государство 1960-х годов, которое стремилось стереть этнические различия в обществе, где преобладание белого населения составляло 90%. Сегодня можно говорить о «мультирасовой», мультикультурной и мультиэтнической

стране. В США сегодня проживает 28,4 млн некоренных американцев. Половина из них — иммигранты из Латинской Америки и стран Карибского бассейна, четверть — из Азии; остальные — иммигранты из Африки, Ближнего Востока и Европы. Один из каждых пяти жителей Нью-Йорка или Флориды — некоренной американец, так же как и каждый четвертый из калифорнийцев.

Нарастающее количество иммигрантов из стран, культура которых имеет мало общего с американской, поднимает вопрос: «что такое нация?» Некоторые определяют нацию как народ, объединенный общим происхождением, языком, литературой, историей, героями, традициями, обычаями, установлениями и верой, как народ, который жил с незапамятных времен на конкретной территории. Таково «почвенническое» представление о нации. Но сегодня, как подчеркивал П. Бьюкенен, у американцев не осталось общих ценностей, общей истории и общих героев. То, что для половины Америки является героическим прошлым, для другой половины есть постыдные воспоминания. Колумб, Вашингтон, Джефферсон, Линкольн и Ли — все герои Америки и сегодня подвергаются нападкам. Привычные слова «свобода» и «равенство» употребляются ныне в совершенно разных значениях. Одной веры в демократические принципы недостаточно, чтобы сохранить нацию.

Как можно отделить народ от его корней? Ответ прост — уничтожить память. Лишить людей знания о том, кто они такие и откуда взялись. В современном государстве формула стирания памяти основана на лозунге Старшего Брата у Оруэлла: «Кто управляет прошлым, управляет будущим. Кто управляет настоящим, управляет прошлым». Уничтожьте записи о прошлом народа, оставьте его жить в невежестве относительно деянии предков — и опустевшие сосуды душ легко будет заполнить новой историей, как это описано в «1984». Развенчайте народных героев — и вы деморализуете целый народ.

3. Бжезинский в своей новой книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство (М., 2006) в числе тех вопросов, которые он освещает, нет последовательного анализа тех цивилизационных напряжений, с которыми столкнулась современная история. Мир ислама он называет «беспокойным». Согласитесь, в этом определении есть какое-то сглаживание проблемы. Речь не идет о цивилизационном своеобразии исламского мира, о хотя бы частичном поражении христианства в данном столкновении двух мировых религий. 3. Бжезинского волнуют только те трудности, с которыми сталкивается в этом регионе американская внешняя политика. Он отмечает, что Америке становится все труднее проводить последовательную долгосрочную политику, которая опиралась бы на вдумчивую и беспристрастную оценку современного состояния доктри-

нальных и культурных амбиций исламского мира, а также действительной угрозы, которую они представляют для глобальной безопасности.

Но ведь нетрудно представить себе и резоны исламского мира. Им тоже мнится, что у Америки есть доктринальные и культурные амбиции и что все это угрожает глобальной безопасности. По последним подсчетам, в 32 государствах, членах ООН мусульмане составляют не менее 86 % населения, еще в 9 — от 66 до 85%, что в сумме дает 41 страну, где доминируют мусульмане. Ислам рождает сегодня самое быстро растущее религиозное сообщество мира. Оценивая ситуацию, З. Бжезинский приходит к выводу, который, разумеется, не является откровением. Он полагает, что положение дел в мусульманском мире будет служить источником угроз международной опасности, периодически порождать вспышки терроризма и создавать атмосферу повсеместной напряженности.

Все это так. Но программа «демократического усыновления» исламского мира выглядит сомнительной. Преодолеть исламский фундаментализм с помощью механизмов демократии — задача утопическая. Однако в этой части изложения тон автора становится директивным. Он вразумляет и просвещает: «В конечном счете, интересы национальной безопасности Америки требуют, чтобы последователи мусульманства начали рассматривать себя как такую же часть формирующегося глобального сообщества, что и ныне процветающие демократические страны планеты с другими религиозными традициями».

Сказано — как отрезано. Раз Америке нужно, будут, мол, осознают себя частью того мира, где ныне главенствует Америка. А если не согласны? Уже после выхода книги З. Бжезинского Джордж Буш озвучил новую стратегию войны в Ираке. Он признал, что готов вести борьбу не идеями, а военной силой.

Автор книги — не сторонник военных действий. Он больше всего уповает на мудрость внешнеполитического курса. Нет сомнений в том, что политика выступает важным фактором исторического процесса. Но ведь она представляет собой искусство возможного. Выполнит ли исламский мир американские наставления, зависит не только от тонкости политических маневров. В основе разногласий — особенности цивилизационного свойства. Разнятся только не религиозные представления, но и образ жизни, который обладает достаточной устойчивостью.

Такой же подход у З. Бжезинского и к проблеме реванша Евразии. Автор книги убежден в том, что если Америка отступит от своих принципов, то она утратит свое стратегическое верховенство в Евразии. Но З. Бжезинский не оценивает евразийский мир по серьезным лекалам. Он убежден в том, что временная сила Евразии в

популярности популизма. Разумеется, любой успех в политике связан с тем, насколько удастся лидеру завоевать симпатии широкого массива людей. Но ведь здесь ситуация гораздо более серьезная. Китай выдвигает себя на роль предполагаемого лидера Азии вовсе не из политиканских соображений. На Востоке действительно складывается серьезная геополитическая сила, которая будет оказывать влияние на мировую политику.

Если рассматривать глобализацию как естественное следствие всемирной технологической революции, то без глобальной миграции не обойтись. Иммиграция, — считает Бжезинский, — является экономической и политической необходимостью для более процветающих стран со стареющим населением, а эмиграция может выполнять роль клапана для регулирования поднимающегося демографического давления в более бедных и густонаселенных странах «третьего мира». И опять-таки взрыв бурных эмоций, который обнаружился во Франции, не дал рецептов для снятия такого напряжения. Радикалы из мусульманской среды убедились в том, что они могут решать собственные проблемы путем бунта, саботажа, поджогов, терроризма. Это означает, что ядро иных цивилизаций в культурном теле коренных народов Старого Света может обнаружить себя с огромной силой. И в этом случае Европа никогда уже не станет равным игроком в геостратегической сфере.

Одним из самых значительных событий прошлого года стал произошедший весной взрыв цивилизационных напряжений в Европе, особенно во Франции. Вспомним пылающий Париж, толпы бунтующих мусульман-французов, создавших условия для крупнейшего политического кризиса в Европе. Адекватных шагов для снятия этого напряжения Европа и Франция сделать не смогли, напротив, только утвердили радикально мусульманскую часть своего населения во мнении, что она может решать свои проблемы посредством бунта, саботажа, поджогов, терроризма. Это очень серьезные события, поскольку плацдармы иных цивилизаций в теле коренных народов Старого Света могут проявить себя очень быстро и даже под влиянием толчка извне (со стороны тех же США), дабы Европа никогда уже не стала равным игроком в геостратегической сфере и не мешала Штатам проводить свою гегемонистскую внешнюю политику.

Однако не вся Европа сделала из этой трагедии правильные выводы. Например, власти туманного Альбиона испугались настолько, что британские законодатели запретили в канун Рождества вывешивать христианские рождественские символы в офисах и на предприятиях, чтобы не обидеть работающих там мусульман. Но такая политкорректность унижает христиан и одновременно вызывает у них к английским властям презрение мусульман.

К 80-м годам прошлого века в Советском Союзе назрели серьезные кризисные явления. Национализм и национальные движения развивались и усиливались за счет упадка советской системы. После распада СССР в начале 90-х годов национализм на постсоветском пространстве на короткий период достигает своей высшей точки, которая вызвала военные конфликты. Но уже после 1993 г. на большей части постсоветского пространства начинается процесс стабилизации национальных противоречий. Национальные идеалы во многом утрачивают свою привлекательность в глазах граждан вновь образованных государств, поскольку большинству из них национальные конфликты и распад СССР не принесли ничего, кроме новых трудностей.

Однако сегодня национальные напряжения нашли отражение и в нашей Кондопоге. Эффективные решения межэтнических проблем пока не выработаны, что подтверждает: Россия в этом смысле находится в тупике и выход из него должен быть найден как можно быстрее, иначе жить придется с мыслью о том, что междоцивилизационная война может быть развязана на территории страны в любой момент...

Литература

1. *Бжезинский З.* Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.
2. *Бондарева С.К., Колесов Д.* Выживание: факторы и механизмы. М., 2005.
3. *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. М., 2004.
4. *Гуревич П.С., Филатов О.К.* Философия образования. М., 2001.
5. *Миллерн А.* Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М., 2006.
6. *Тишков В.А.* Кризис понимания России. М., 2006.
7. *Шаров К.С.* Политика и эмоциональность в феномене национализма // *Личность, культура, общество.* М., 2006. С. 51.

Вопросы для повторения

1. В чем смысл концепции М. Вебера?
2. Что такое «дехристианизация?»
3. О чем печется Дж. Бьюкенен?
4. Почему неотвратима смерть Запада?
5. В чем смысл концепции О. Шпенглера?

Темы рефератов

1. Протестантская этика и ее историческая судьба.
2. Социальная этика.
3. Конфликт цивилизаций.
4. Столкновение мировых религий.
5. Гибель цивилизаций.

Современные смысло-жизненные ориентации

Паскаль знал бездну,
С ним была она

Шарль Бодлер

Век и его святыни

Ценностные ориентации, как уже отмечалось, меняются медленно, но большей частью незаметно. Проходит время, и люди поражаются тому, что живут уже в ином мире, в другом этическом и психологическом пространстве. Эпохи, само собой понятно, не выстраиваются хронологически, в точном совпадении с календарем. Однако у нас есть все основания именовать XVII в. — Новым временем, XVIII в. — эпохой Просвещения.

Минувшее столетие вошло в анналы истории как «век-волкодав». Но он все же обозначился в августе 1914 г., не по официальному исчислению, а когда разразилась Первая мировая война. Каковы же, на наш взгляд, важнейшие события уже взявшего старт нового тысячелетия?

Новый век, можно, по-видимому, считать «действующим» с 11 сентября 2001 г., когда свершилось дерзкое нападение террористов на Нью-Йорк. В этот день самолеты, захваченные террористами, вонзились в близнецы-небоскребы Даун-тауна, принадлежащие Всемирному торговому центру. Они превратили эти 110-этажные махины в груды развалин, в которых погибли более трех тысяч человек.

Мы сегодня понимаем, что любая современная проблема обретает относительную ясность только тогда, когда она осмысливается через животворящие святыни, через ломку вековых ценностей. Люди постоянно соизмеряют свои действия со своими целями, общепризнанными нормами. В истории сталкиваются различные идеалы, абсолюты и святыни. Ценности более подвижны, нежели культурно-исторические стандарты. В рамках одной культуры может произойти смена ценностных ориентаций. Американский социолог Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» показал, что на протяжении исторической судьбы капиталистической формации радикально менялись ценностные ориентации от протес-

тантской этики до модернизма, то есть совокупности новых жизненно-практических установок¹. В рамках одного века возможны самые различные представления о смысле жизни. Это особенно заметно в наши дни.

Смысл жизни — регулятивное понятие, присущее всякой развитой мировоззренческой системе, которое оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы, во имя чего необходима предписываемая ими деятельность. Разумеется, проблемы духа проступают и на уровне житейского, повседневного сознания. Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической ориентации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютом. Это особенно заметно в современной России, неожиданно столкнувшейся с множеством ценностных ориентаций, которые требуют неотложного выбора.

Все чаще в практической жизни возникают, казалось бы, лишние в житейском контексте вопросы: зачем? во имя чего? ради каких святынь? Сегодня мы толкуем о национальном проекте, призванном обеспечить рождаемость и предотвратить высокую смертность. Но сама ценность жизни при этом ускользает... Родить ребенка, но какого — болезненного, обреченного, несущего проклятие спившимся родителям? Предотвратить раннюю смерть пожилого человека, но превратить его существование в постоянную муку, обреченность, унижение?

В истории философии можно выделить два концептуально различных подхода к проблеме предназначенности человеческой жизни. В одном случае смысл человеческого существования усматривается в моральных установлениях земного бытия человека. В других — в неких запредельных трансцендентных критериях, определяющих окончательную ценность человеческой жизни. Наконец, поискам смысла жизни противостоит идея бессмысленности человеческих упований и действий.

Огромное многообразие смысложизненных ориентаций можно условно представить в виде двух моделей — гедонистической и стоической. Обе модели восходят к античной этике. Эвдемонизм рассматривал счастье как мотив и цель всех стремлений человека. Его представители считали счастливым и в то же время добродетельным человека, духовные и телесные способности которого могут беспрепятственно развиваться. Этим он приносит наслаждение не только себе, но и другим.

Античная этика, особенно классическая этика Аристотеля, видела в человеке существо, которое ищет счастье, блага, гармонии и может достигать их. Такое представление можно отыскать и в рабо-

¹ См.: *Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism*. N.Y., 1976.

тах Фомы Аквинского и в официальной католической теологии. Но в христианстве тем не менее этот идеал оказался надломленным.

В противовес гедонизму в Древней Греции родилось иное умонастроение, философское течение — стоицизм. Его представители утверждали, что человек вовсе не рожден для удовольствия. В мире много утрат, катастроф. Надо заблаговременно готовить себя к ним. Это установку можно выразить строкой из И. Бродского: «Человек есть испытатель боли». Нельзя поддаваться страстям — желанию, страху, наслаждению и скорби. Мудрец должен быть умеренным, мужественным, рассудительным и справедливым. Учение стоиков — это этика сурового долга.

Гедонистический идеал

Эти две установки прошли через всю европейскую историю. В работе «Неудовлетворенность культурой» Фрейд пишет: «Вопрос о смысле человеческой жизни ставился бесчисленное количество раз: на этот вопрос никогда не было дано удовлетворительного ответа, и, возможно, таковой вообще заповедан. Некоторые из вопрошавших добавляли: если бы оказалось, что жизнь не имеет никакого смысла, то она потеряла бы для нас всякую ценность. Но эти угрозы ничего не меняют. Скорее можно предположить, что мы вправе уклониться от ответа на вопрос¹.

Разумеется, отмечает Фрейд, религия берется ответить на этот вопрос о цели жизни. Мы едва ли ошибемся, если придем к заключению, что идея о цели жизни существует постольку, поскольку есть религиозное мировоззрение. Вот почему Фрейд пытается подойти к вопросу с иной стороны. Чего люди требуют от жизни и чего стремятся в ней достичь? Трудно ошибиться, полагает Фрейд, отвечая на этот вопрос: люди стремятся к счастью, они хотят стать и быть счастливыми. По мнению автора, это стремление имеет две стороны — положительную и отрицательную цели: отсутствие боли и неудовольствия, с одной стороны, переживание сильных чувств наслаждения — с другой.

Фрейд считал, что жизненная цель просто определяется программой принципа наслаждения. Этот принцип, по его словам, главенствует в деятельности душевного аппарата с самого начала. Его целенаправленность не подлежит никакому сомнению, в то время как его программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром. По замечанию Фрейда, «в плане «творения» отсутствует намерение сделать человека «счастливым»².

¹ Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 442.

² Там же. С. 443.

То, что понимается под счастьем в строгом смысле этого слова, проистекает, скорее, из внезапного удовлетворения потребности, достигшей высокой напряженности, и по своей природе возможно лишь как эпизодическое явление. Итак, возможности для нашего счастья ограничены. Значительно менее трудно избежать несчастья. Страдания угрожают нам с трех сторон: со стороны нашего собственного тела, судьба которого — упадок и разложение, не предотвратимые даже предупредительными сигналами боли и страха; со стороны внешнего мира, который может обрушиться на нас могущественные и неумолимые силы разрушения, и, наконец, со стороны наших взаимоотношений с другими людьми. Итак, смысл жизни, по Фрейду, в наслаждении.

Эта гедонистическая установка пронизывает современную западную культуру. Человеческая жизнь утратила прежнюю ценность, уже нет и в помине того бережного отношения к ней, с каким воспринимало ее поколение, вернувшееся с войны. Эвтаназия прижилась в Европе и сейчас проникает в Америку. В век индивидуализма люди верят в жизнь земную и отказываются верить в небесную. Они верят в качество жизни, а не в ее святость. Никто не желает, чтобы ему рассказывали, как он должен жить. Даже в глубинку проникли веяния сексуальной революции. «Занимайся собой!» — такова гедонистическая установка. Каждая американка детородного возраста имеет как минимум один аборт, а большинство — даже не два. Эти женщины хотят жить для себя и учат тому же своих дочерей, а, следовательно, будут голосовать против всякого политика, который попытается отобрать у них это право.

Какая сила может противостоять песне сирен гедонистической культуры, песне столь обольстительной и призывной, песне, которую повторяют едва ли не все, кто обращается к молодежи, — Голливуд, MTV, «мыльные оперы», телепередачи, глянцево-журналы, популярная музыка, дамские романы и прочие бестселлеры? Как помочь родителям, если даже учителя и священники раздают подросткам кондомы? Как побудить американок вспомнить о ценностях матерей и бабушек: добрый муж, дом в пригороде, куча детишек?

Гедонистическая установка — своеобразное евангелие нашего времени. У нее есть собственные заповеди, а именно: Бога нет, во вселенной не найти абсолютных ценностей, вера в сверхъестественное есть предрассудок. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается. Ее цель — наслаждение. Доступное в единственном известном нам мире. Каждое общество вырабатывает собственный этический код, у каждого человека есть право создать аналогичный код для себя самого. Поскольку счастье — венец жизни и поскольку мы существа рациональные, мы имеем право судить самостоя-

тельно, когда жизненные тяготы перевешивают радости жизни и когда наступает срок прервать жизненный путь — то ли собственными руками, то ли при помощи семьи и врачей.

Любовь и ее неперемный спутник — секс, есть здоровые, благие явления, поэтому дозволены любые добровольные сексуальные отношения, — это личное дело каждого, не более того, и государство не вправе вмешиваться в эту область. Данный принцип — все образы жизни равноправны — подлежит фиксации в законе, а тех, кто отказывается подчиняться новым законам, должно наказывать. Если не уважаешь образ жизни соседа, — значит, ты лицемер. Дискриминация по отношению к тем, кто исповедует образы жизни, отличные от твоего, — преступление. Зло, которое необходимо искоренить, — гомофобия, отнюдь не гомосексуализм.

Согласно гедонистической установке, старинная христианская этика осуждала секс вне брака и объявляла противоестественными гомосексуальные связи по той причине, что основами этой этики служили суеверия, христианское двуличие, религиозные догмы и варварские традиции. Христианская этика жестока, она угнетает человека и потому служить преградой на пути к счастью. Она несет ответственность за разрушение бесчисленного количества жизней, особенно жизней тех, кого влечет к представителям собственного пола.

В политике новая вера находит свое выражение в глобализации и в скептическом отношении к патриотизму, поскольку из истории известно, что чрезмерная любовь к своей стране нередко приводила к подозрительности по отношению к соседям и, как следствие, к войнам.

В современном сознании критика гедонистического понимания смысла жизни ведется по разным направлениям. Э. Фромм пишет:

Гедонистически ориентированным мыслителям не удалось адекватно проанализировать природу удовольствия; складывается впечатление, что их усилия сводятся к следующему утверждению: то, что в жизни легче всего — иметь удовольствие, — и есть то, что наиболее ценно. Но ничто по-настоящему ценное не является легко достижимым; тем самым их ошибка облегчила их оппонентам критику принципов свободы и счастья и позволила на этой основе утверждать, что именно отказ от удовольствия есть доказательство добродетели¹.

Гедонистический проект смысла жизни предполагает почти полное отвлечение от метафизических проблем. Сторонники этого идеала считают, что земные цели должны преобладать над неразрешимыми теологическими, расовыми или ксенофобскими спорами.

¹ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1998. С. 199.

Стойческий идеал

Известный австрийский ученый В. Франкл полемизирует с правомерностью гедонистической установки с позицией З. Фрейда. В действительности, отмечает он, удовольствие — не цель наших устремлений, а следствие их реализации. На этот факт указал еще Кант. А в отношении эвдемонизма М. Шелер отметил, что не удовольствие предшествует действию как его цель, а, напротив, действие «несет на своей спине» удовольствие. Вероятно, существуют особые состояния или обстоятельства, при которых удовольствие действительно может представлять собой цель волевого акта¹.

Франкл пишет: «Помимо этих особых случаев теория принципа удовольствия не учитывает существенно целенаправленный характер всей психической активности. В целом же человек хочет не удовольствия, а именно того, чего он хочет. Предметами человеческого хотения могут быть разные вещи, в то время как удовольствие остается всегда одним и тем же — как в случае ценностно-ориентированного поведения, так и в противоположном случае. Отсюда можно заключить, что признание принципа удовольствия должно было бы привести к нивелированию всех возможных целевых установок человека»².

Для зрителя в театре не так уж важно, смотрит ли он трагедию или комедию. Для него важнее содержание представления. И, конечно, никто не станет утверждать, что определенное число неудовольствия, которое может быть вызвано в душах зрителей при переживании на происходящей на сцене трагедии, является целью их посещения театра; тогда всех театралов можно было бы рассматривать как скрытых мазохистов.

Мы можем окончательно опровергнуть утверждение, что удовольствие является конечной целью всех, — а не только конечным итогом отдельных — устремлений таким образом, что мы перевернем это утверждение. Если бы, например, Наполеон действительно проводил свои сражения лишь затем, чтобы доставить себе чувство удовольствия от их победоносного исхода (то же самое чувство удовольствия, которое какой-нибудь простой солдат доставляет себе самым простым способом — например, едой, алкоголем и проститутками), тогда «последняя цель» последних наполеоновских сражений, «конечная цель» наполеоновских поражений, должна была бы заключаться, напротив, в чувстве неудовольствия, которое следовало за поражениями так же, как чувство удовольствия следовало за победами³.

¹ Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.

² Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 2000. С. 24—25.

³ Там же. С. 25.

Можно согласиться с В. Франклом, что смысл жизни не может быть в одном удовольствии. Во-первых, постоянное наслаждение создает пресыщение. Известно, что когда Швеция достигла идеала потребительского рая, там тотчас подскочила статистика самоубийств. Если бы удовольствие действительно составляло смысл жизни, тогда жизнь не имела бы никакого смысла. В-третьих, если руководствоваться статистическими данными, то можно утверждать, что нормальный человек в среднем в течение дня испытывает несравненно больше эмоций неудовольствия, чем удовольствия.

Несостоятельность принципа удовольствия в качестве максимы сохранялась бы и тогда, если бы он действительно происходил, как об этом пишет З. Фрейд в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия».

В психоаналитической теории, — пишет Фрейд, — мы без сомнений принимаем положение, что ход психических процессов автоматически регулируется принципом наслаждения, то есть мы считаем, что этот процесс каждый раз возбуждается связанным с неудовольствием напряжением и затем принимает такое направление, что его конечный результат совпадает с уменьшением этого напряжения — с избеганием неудовольствия или с порождением удовольствия¹.

По мнению Франкла, с постулированием любого, пусть даже универсального, принципа, с констатацией каких-либо космических тенденций вообще, с этической точки зрения еще совсем ничего не выяснено.

Проблема только начинается с вопроса, должны ли мы подчиняться таким тенденциям — там, где мы можем обнаружить их в нашем собственном душевном мире. Можно было бы также обоснованно предположить, что наша собственная задача состоит как раз в том, чтобы противостоять господству подобных как внешних, так и внутренних давлений².

Радость, рассуждает Франкл, может сделать жизнь содержательной только тогда, когда она имеет смысл. Ее узкий смысл не может, однако, заключаться в ней самой. На самом деле он лежит вне ее. Радость каждый раз направлена на предмет. Шелер показал, что радость — целенаправленное чувство, в противоположность простому удовольствию, которое он причисляет к ненаправленным чувствам, к чувствам, соответствующим определенному состоянию, к «чувствам-состояниям»³.

¹ Фрейд З. По ту сторону наслаждения // Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 194.

² Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 2000. С. 28.

³ Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 167.

Шелер указывает при этом на тот факт, что это различие находит свое выражение уже в повседневном языковом употреблении: удовольствие испытывают по поводу чего-то, а радуются чему-то. Радость никогда не может быть самоцелью.

Всякая человеческая личность, — пишет Франкл, — представляет собой нечто уникальное, и каждая из ее жизненных ситуаций неповторима. Эта уникальность и неповторимость проявляются и в конкретной задаче человека. Каждый человек может в каждый данный момент иметь только одну-единственную задачу; но именно это своеобразие составляет абсолютной этой задачи. Следовательно, хотя мир и рассматривается в перспективе, но каждому участку его соответствует лишь одна верная перспектива. Таким образом, существует абсолютная верность не вопреки, а как раз благодаря перспективной относительности.

Французский социолог Ж. Элюль выстраивает последовательную критику гедонистической установки. Полемизируя с социологом В. Скардильи, который убежден, что общество потребления «реабilitирует личность», Ж. Элюль отмечает:

В. Скардильи считает, что общество потребления восстанавливает человека. Человек предполагается, как принцип и как конечная цель экономической деятельности. Отныне изобретают новшества во имя его. Конечная и материальная нужда уступает место желанию, а бесконечность вещей стремится к бесконечности желаний. Допустим. Но какой человек? Универсальный потребитель, а желание — чего попало. Это ли идеал человеческий, к которому мы должны стремиться? А с другой стороны, этот же Скардильи объясняет нам, что этот новый человек может быть «произведен», напоминая нам о прогрессе медицины, со множеством банальностей, о терапевтическом создании комфорта с устранением боли, об эстетической медицине, приносящей красоту всем желающим и т.д.¹

Религиозный идеал

По мнению Н.А. Бердяева, жизнь должна иметь смысл, чтобы быть благом и ценностью. Но смысл не должен быть почерпнут из самого процесса жизни. Он должен возвышаться над жизнью. Оценка с точки зрения смысла всегда предполагает возвышение над тем, что оценивается. Мы принуждены признать, что есть какая-то истинная жизнь в отличие от ложной и падшей жизни. Кроме биологического понимания жизни есть духовное. Оно предполагает не только человеческую, но и божественную жизнь. По мнению Н.А. Бердяева, жизнь может стать для нас символом высшей ценности,

¹ Элюль Ж. Технологический блеф. СПб., 2001. С. 40.

высшего добра, но и сама ценность, само добро есть символ подлинного бытия, а само бытие есть лишь символ последней тайны.

Развивая эту мысль, Бердяев подчеркивает, что смысл человека всегда лежит в Боге, а не в мире, а не в природном. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если в нашем мире не было бы смерти, то жизнь была бы лишена смысла. Жизнь, по мнению Н.А. Бердяева, благородна только потому, что человек предназначен к другой, высшей, жизни.

Русский философ отмечал, что в человеческом вопрошании о страдании наибольший интерес представляет буддизм, стоицизм и христианство.

Эти три ответа, — писал он, — и сейчас являются основными. Стоическая борьба со страданиями есть и у тех, кто ничего не знает о стоиках. Буддизм и стоицизм не принимают страдания, хотят уйти от него и этим уходом получить облегчение. Христианство принимает страдание, принимает крест и в просветленном перенесении страдания ищет освобождения и спасения. Буддизм не принимает мира, хочет победить желание, привязывающее к миру, и достигнуть nirваны, которое не есть небытие, как обычно думают западные люди, и лежит по ту сторону бытия и небытия, не есть ни существование, ни не-существование»¹.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский полагает, что смысложизненные ориентации должны непременно иметь неземные истоки. Мы, отмечает он, зерно, положенное в землю. И поэтому нам сейчас не видна поверхность вселенной, та истинная картина природы, которая откроется нашим глазам в минуту так называемой смерти.

Что такое смерть, — пишет он, — Смерть — это вовсе не гроб, не балдахин, не черная повязка на руке, не могила в глине. Смерть — это, когда росток жизни нашей вылезает на поверхность земли и станет под прямые лучи Божьего солнца. Умереть и прорасти зерно жизни должно именно здесь, в земле. Это так называемое в Евангелии «рождение духом», «второе рождение» человека. Смерть же тела есть оставление ростком земли, выход из земли. Всякого человека, получившего хотя бы самую маленькую духовную закваску, хотя бы самую незначительную евангельскую жемчужинку «внутри себя» ожидает совсем не смерть, и даже далеко не смерть. Для мертвых же духом, конечно, гробы, могилы, черные повязки — это все реальности»².

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. М., 1999. С. 107.

² Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1992, с. 131.

Архиепископ полагает, что физическим глазам смысл жизни не виден. Но в него очень легко, более чем легко поверить, подумав над собой и над Евангелием. Об этом смысле кричит вся природа: о нем начинает кричать всякая пробудившаяся душа человека. Трудно теоретически представить себе человека, который атеистически прожив на земле «так, как будто ничего нет», вдруг очутится лицом к лицу с реальностью, не только более яркой, чем наша земля, но даже превосходящей все наши понятия о реальности.

Но религиозный смысложизненный идеал может принять и мессиански-агрессивный характер. Сегодня могущество бесчеловечности и действенность ненависти претерпевает опасные мутации. Новый терроризм объявил об отрицании всего. Никакие географические, нравственные или идеологические ограничения не могут умиловать его. Он режет своих не меньше, чем иноземцев. В этом постоянном нарушении всяческой сдержанности, диктуемой обычаями и нравами, он утверждает ужасное буйство. Ненависть ползет, как фукидидова «чума» — не чисто психологическая бубонная зараза, но полное расстройство рассудка, овладевающее и телом, и разумом, и людскими сообществами.

Французский философ А. Глюксманн предлагает проследить интеллектуальную историю ненависти. Активный нигилизм, отрицание жизни стали заметной приметой нашего времени. Он находит свое выражение в стиле исламиста-головореза, может беззаботно творить зло, поскольку зла нет, — и он спасает свои жертвы от влияния Великого Сатаны. Разве не заверяла одна фатва убийц из алжирских вооруженных исламских групп, что детишки, которых они резали, избавлялись от жизни в страданиях, чтобы примчаться в рай на четвертой скорости?»¹

Центральная проблема, которая волнует сегодня общественность — проблема самоидентификации в условиях взаимодействия культур. Что выражает сегодня понятие «американец». Это европеец (англичанин, испанец, француз, голландец)? Или это некий усредненный тип, сложившийся в результате смешения европейских этнокультурных цивилизаций с автохтонными американцами, афроамериканцами и азиатоевропейцами? Вопрос взаимодействия рас, этносов, культур становится одним из наиболее болезненных в современной структуре ценностных ориентаций.

Ценностный вакуум

«Здоровая» культура обладает щедрой палитрой ценностей. Они разнообразны и представлены в широком диапазоне. Кризисная

¹ Глюксманн А. *Философия ненависти*. М., 2006. С. 52.

культура, напротив, стремится обуздать спектр ценностных ориентаций, стянуть их к нескольким точкам, обескровить содержание культуры. Сегодня в отечественной культуре наметилась очевидная опасность, связанная с ценностным вакуумом.

Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты. Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл. Из всего этого вытекает, что смысл, о котором идет речь, должен меняться от ситуации к ситуации, так и от человека к человеку. Однако смысл вездесущ. Нет такой ситуации, в которой нам не была предоставлена жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не содержала бы наготове какое-нибудь дело. Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим.

В жизни не существует ситуаций, которые были действительно лишены смысла. Это можно объяснить тем, что представляющиеся нам негативными стороны человеческого существования — в частности, трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть, — также могут быть преобразованы в нечто позитивное, в достижение, если подойти к ним с правильной позиции и с адекватной установкой.

И все же дело доходит до экзистенциального вакуума. И это — в сердце общества изобилия, которое ни одну из базовых, по А. Маслоу, потребностей не оставляет неудовлетворенной. Это происходит именно оттого, что оно только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу. Общество изобилия порождает и изобилие свободного времени, которое, хоть, по идее, и предоставляет возможность для осмысленной организации жизни, в действительности же лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума.

Ныне мы живем в эпоху разрушающихся и исчезающих традиций. Поэтому, вместо того, чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бесцельности и пустоты, или экзистенциальным вакуумом. Тем не менее, даже если все универсальные ценности исчезнут, жизнь остается осмысленной, поскольку уникальные смыслы остаются не затронутыми потерей традиции. Конечно, для того чтобы человек мог найти смыслы даже в эру отсутствия ценностей, он должен быть наделен в полной мере способностью совести. Можно, следовательно, утверждать, что в такие времена, как наши, во времена, можно сказать, экзистенциального вакуума, основная задача образования состоит не в том, чтобы до-

вольствоваться передачей традиций и знаний, а и в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы.

Сегодня образование не может оставаться в русле традиции, оно должно развивать способность принимать независимые аутентичные решения. Во времена, когда десять заповедей теряют, по видимому, свою безусловную значимость, человек более чем когда-либо должен учиться прислушиваться к десяти тысячам заповедей, возникающих в десяти тысячах уникальных ситуаций, из которых состоит его жизнь. И в том, что касается этих заповедей, он может опираться и полагаться только на совесть. Живая, ясная и точная совесть — единственное, что дает человеку возможность сопротивляться эффектам экзистенциального вакуума — конформизму и тоталитаризму.

Все больше людей жалуются на то, что они называют «внутренней пустотой». В противоположность предельным переживаниям, так хорошо описанным А. Маслоу, экзистенциальный вакуум можно считать «переживанием бездны».

Экзистенциальный вакуум — это феномен, который одновременно усиливается и распространяется. Как с ним справиться? Можно предположить, что нам следует поддерживать здравую философию жизни, чтобы показать, что жизнь реально имеет смысл для каждого человека. Основные проявления экзистенциальной фрустрации — скука и апатия — стали вызовом образованию, так же как и психиатрия. В эпоху экзистенциального вакуума образование не должно ограничиваться и удовлетворяться передачей традиций и знаний, оно должно совершенствовать способность человека находить те уникальные смыслы, которые не задеты распадом универсальных ценностей.

В России ценностный вакуум особенно очевиден, поскольку он сопряжен с распадом базовых ценностей — патриотизма, нравственного здоровья, национальной идеи. Государство сильно тогда, когда люди гордятся своим отечеством. Например, в США быть не патриотом считается дурным тоном. Каждый норовит во что бы то ни стало показать свою преданность родине. Когда самолет пересекает пространство, на котором находится страна, американцы встают и поют свой гимн. Средний американец идет в магазин, покупает флаг необходимого размера и украшает им принадлежащую ему собственность. Так же поступает и его сосед. В результате вся страна расцвечена звездно-полосатыми флагами, вывешенными на домах (снаружи и внутри), деревьях, автомобилях, столбах и т.д. Американцы носят кепки, куртки, штаны, купальники, плавки с государственной символикой.

Фермер, который находится в дальнем районе, начинает свое рабочее утро с того, что поднимает государственный флаг. Живя в США, человек не имеет обыкновения плохо отзываться об этой стране. Традиционный вопрос, который задают тем, кто собирается жить в США, нравится ли им эта страна. Причем уже сам вопрос вовсе не предполагает, что приезжий начнет взвешивать «за» и «против». От него ждут лишь возгласа восторга.

Ценность фиксируется и обозначается через определенные жизненные представления. Ее содержание раскрывается с помощью конкретного комплекса идей. Однако ценность ни в коей мере не может быть отождествлена с идеей, ибо между ними пролегает существенное, принципиальное различие. Идеи могут быть истинными и ложными, научными или религиозными, философскими или мистическими. Они характеризуются через тот тип мышления, который им дает нужный импульс. Главный критерий в данном отношении — степень истинности той или иной идеи.

Что же касается ценностей, то они тоже ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении, однако не всегда в соответствии с результатами познания. Например, наука утверждает, что все люди смертны. Это вовсе не означает, что каждый индивид воспринимает данное неопровержимое суждение как безусловное благо. Напротив, в сфере ценностного поведения человек как бы опровергает безоговорочность приведенного суждения. Человек в своем поведении может отвергать конечность своего существования. Более того, традиции некоторых культур опровергают идею смертности человека.

Каждая культура содержит в себе набор святынь. Их соподчинение составляет внутренне устойчивое ядро культуры. Однако ценности, которые кажутся незыблемыми, со временем преобразуются. Только изменение ценностных ориентаций порождают социальную динамику. «Подвижные» социальные, культурные условия воздействуют на строй ценностей. Индивид черпает собственные практические и жизненные установки из арсенала человечества. Выбор ценностей для него свободен. Однако господствующие предпочтения составляют в нем стойкий костяк культуры как комплекса ценностей. В то же время на солидном историческом пространстве заметны разительные повороты в ценностном арсенале.

Итак, в современном мире произошла грандиозная этическая революция. То, что было ориентиром для людей на протяжении четырех столетий, постепенно утрачивает свою силу. Когда человек задумывается о тайне своей жизни и о тех связях, которые соединяют его с жизнью, у него неизбежно рождается иное отношение к жизни. Это не может не привести к этическому самоутверждению. Да, жить человеку станет труднее, чем раньше, когда он жил для

себя. Но в то же время жизнь его станет богаче, прекраснее и счастливее. Ведь человек будет не просто жить. Он будет по-настоящему чувствовать жизнь. Для человека действительно нравственного любая жизнь священна. Универсальная этика благоговения перед жизнью рождает сострадание не только к другому человеку, но и к животным, ко всему живому. Жизнеутверждающая позиция в целом неизменно порождает оптимистическую волю к жизни.

Литература

1. *Глюксманн А.* Философия ненависти. М., 2006.
2. *Гуревич П.С.* Меняются ценности — меняется эпоха // Вестник аналитики. М., 2006, № 4.
3. *Давидович В.Е.* Теория идеала. М., 1983.
4. *Лазарев В.В.* Этическая мысль в Германии и России. Осмысление фихтеанства русскими философами конца XIX — начала XX века. М., 2006.
5. *Спектр* антропологических учений / Под ред. П.С. Гуревича. М., 2006.

Вопросы для повторения

1. В чем смысл современного гедонистического идеала?
2. Как обнаруживает себя сегодня стоический идеал в арсенале современных ценностей?
3. Что можно оценить как «ценностный вакуум»?
4. В чем смысл современной этической революции?
5. Когда заметны разительные повороты в ценностном арсенале?

Темы рефератов

1. Святости нового века.
2. Современный гедонистический идеал.
3. Стоики нового тысячелетия.
4. Эпоха смыслоутраты.
5. Ценностный вакуум.

Заключение

Формируется новая цивилизация. Однако напрашивается теоретический вопрос: как мы в нее вписываемся? Не несут ли сегодняшние технологические изменения и социальные перевороты конец любви, дружбе, привязанности, общности? Не сделают ли завтрашние электронные чудеса человеческие отношения еще более бессодержательными и потребительскими, чем сегодня?

Мы фактически переживаем не просто разрушение техносферы, инфосферы, социосферы, но также и распад психосферы прежней стадии цивилизационного развития. Увеличивается процент подростковых самоубийств, ошеломляюще высок уровень алкоголизма, широко распространены психологические депрессии, вандализм и преступность. Американский футуролог Э. Тоффлер отмечает, что постоянно наступает все увеличивающаяся армия взвинченных, странных личностей, недоумков, чудиков и психов, чье антисоциальное поведение средства массовой информации часто окружают романтическим ореолом. По крайней мере, на Западе мы видим романтизацию безумства, прославление обитателей «гнезда кукушки». В бестселлерах объявляется, что сумасшествие — это миф...»¹

Миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более «высокому» состоянию сознания. За исключением Японии, где все еще существуют система пожизненной занятости и корпоративный патернализм (хотя для всё уменьшающегося процента рабочей силы), отношения на работе становятся все более непрочными и эмоционально неудовлетворительными.

Возрастает социальная разнородность и заявляет о себе феномен одиночества. Человеческие контакты затруднены. Каждый становится более разборчивым в социальных связях. Одиночество — это не личная проблема. Это результат общественной дезинтеграции. Воссоздание общности следует рассматривать только как малую часть большого процесса. Распад институтов технического общества разрушает во многом структуру и смысл нашей жизни. Почему многие тысячи вроде бы умных и удачливых людей позволяют втянуть себя в бесконечные культы? Создается не новый человек, а новый социальный характер. Черты этого характера порождаются напряжением, существующим между внутренними потребностями

¹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 1998. С. 578.

или желаниями индивидов. Сегодня многие родители испытывают мучительное разочарование, когда их дети, живя в гораздо более сложном мире, движутся по социально-экономической лестнице не вверх, а вниз. Исчезает возможность состояться с помощью своих детей.

Психология в современном мире призвана изучать не только индивидуальную психику. Пора серьезно заняться массово-психологическими процессами, изучением той психосферы, которая рождается в наши дни. У нас нет конкретных исследований, которые позволяли бы судить о том, каковы те ценностные ориентации, которые разделяют представители различных социальных слоев. Мы мало знаем о внутреннем мире конкретных людей, которые переживают невротические или психотические состояния. Вот почему крайне важно расширить сферы психологических исследований.

Оглавление

Опыт экстремальных событий	3
Часть I ЛЕТОПИСЬ ПСИХОЛОГИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ	15
Тема 1 Шок от будущего	16
<i>Литература 27 Вопросы для повторения 27</i>	
<i>Темы рефератов 27</i>	
Тема 2 Ситуации социального кризиса	28
Кризис культуры и экзистенциальное самоощущение человека	31
Кризис культуры (К. Ясперс)	38
<i>Литература 38 Вопросы для повторения 39</i>	
<i>Темы рефератов 39</i>	
Тема 3 Как на войне, только еще страшнее	40
<i>Литература 60 Вопросы для повторения 60</i>	
<i>Темы рефератов 60</i>	
Тема 4 Болезнь «колючей проволоки»	61
Три фазы психических реакций узников	61
<i>Литература 94 Вопросы для повторения 94</i>	
<i>Темы рефератов 94</i>	
Тема 5 Поток психобиографий	95
Психоистория и исторические биографии	96
«Смерть при жизни», утрата идентичности	99
Психоистория и лидерство	105
<i>Литература 109 Вопросы для повторения 110</i>	
<i>Темы рефератов 110</i>	
Тема 6 Владычество смерти	111
Переживание стадий жизненного цикла	112
Символическое бессмертие, или иммортализация	116
Преображение модусов бессмертия	121
Альтернативные формы выживания — поиск «нового рождения» и мортификация	125

Модусы бессмертия в исторической перспективе	127
<i>Литература 129 Вопросы для повторения 129</i>	
<i>Темы рефератов 129</i>	
Тема 7 Психология террора	130
Социальный кошмар	130
Террористы — кто они?	132
Общественное мнение и терроризм	135
Синдромы террориста	139
<i>Литература 142 Вопросы для повторения 142</i>	
<i>Темы рефератов 142</i>	
Тема 8 Опасность духовного обморока	143
Механика фальшивок	143
Политические психозы	145
Боеприпасы пропаганды	148
Спецэффекты информации	151
Инсценировка событий	154
<i>Литература 155 Вопросы для повторения 156</i>	
<i>Темы рефератов 156</i>	
Часть II ПРЕДЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ	157
Тема 9 Психические состояния	158
Язык эмоций	158
Фрустрация	160
Стресс	165
«Перегретый котел»	170
<i>Литература 172 Вопросы для повторения 173</i>	
<i>Темы рефератов 173</i>	
Тема 10 Страх как феномен	174
Страх как эмоциональное состояние	175
Глубинное влечение	176
Постижение страха	178
Экзистенциализм о страхе	180
Феномен страха в русской философии	183
Безотчетная тревога	187
Психоанализ о страхе	189
<i>Литература 190 Вопросы для повторения 191</i>	
<i>Темы рефератов 191</i>	

Тема 11 Тревожность как феномен	192
Страх как иррациональное состояние	192
Корни тревоги	195
Воплощенные узоры страха	198
Апокалипсическая культура	201
Трансперсональная психология о природе страха	202
Жало страха	204
Феноменология страха	205
<i>Литература 206 Вопросы для повторения 206</i>	
<i>Темы рефератов 206</i>	
Тема 12 Столкновение со смертью	207
Философское постижение феномена смерти	207
Образы смерти в различных культурах	210
Исследование Р. Лифтона	211
Разрушение человеческой матрицы	226
<i>Литература 228 Вопросы для повторения 229</i>	
<i>Темы рефератов 229</i>	
Тема 13 Зачарованность смертью	230
Паранойя выживания	230
Погружение в смерть	232
Некрофилия	234
<i>Литература 238 Вопросы для повторения 238</i>	
<i>Темы рефератов 238</i>	
Часть III ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ	239
Тема 14 Что должен знать человек, попавший в катастрофу	240
Монстры паники	240
Стандарты мышления	246
Степень критичности	248
Понятие выживания	256
<i>Литература 259 Вопросы для повторения 259</i>	
<i>Темы рефератов 259</i>	
Тема 15 Механизм сублимации	260
Переключение психической энергии	260
Феноменология художественного творчества	263
«Город трупов»: литературная охота	265
«Чинкон»	267

Сублимация в массовой культуре	268
Подлинная Хиросима	275
<i>Литература 277 Вопросы для повторения 277</i>	
<i>Темы рефератов 277</i>	
Тема 16 Механизм проекции	278
Перенос собственных состояний	278
«Мы» и «они»	281
Непохожее надо уничтожить...	284
Образ врага	289
Страх заражения	290
Эскалация ненависти	292
<i>Литература 295 Вопросы для повторения 295</i>	
<i>Темы рефератов 295</i>	
Тема 17 Механизм идентификации	296
Идентификация как психологический феномен	296
Прототип и его образ	298
Жизненный цикл	302
Символическое перерождение и распад идентичности	306
Идентификация с агрессором	311
<i>Литература 319 Вопросы для повторения 319</i>	
<i>Темы рефератов 319</i>	
Тема 18 Интроекция как защитный механизм	320
<i>Литература 329 Вопросы для повторения 330</i>	
<i>Темы рефератов 330</i>	
Тема 19 Эффект катарсического прозрения	331
<i>Литература 340 Вопросы для повторения 340</i>	
<i>Темы рефератов 340</i>	
Тема 20 Психическое онемение	341
Эффект мортификации	341
Образы смерти	344
Самоубийство	355
<i>Литература 360 Вопросы для повторения 360</i>	
<i>Темы рефератов 360</i>	

Тема 21 Комплекс вины за выживание и феномен виктимизации	361
Вина и комплекс вины	361
Виктимизация	368
<i>Литература 376 Вопросы для повторения 376</i>	
<i>Темы рефератов 376</i>	
Часть IV ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ	377
Тема 22 Понятие ценности	378
<i>Литература 388 Вопросы для повторения 389</i>	
<i>Темы рефератов 389</i>	
Тема 23 Крушение традиционных структур	390
Три «волны» Тоффлера	390
Модернизация	395
Традиционные ценности	399
Протестантская этика	404
Персоналистская традиция	408
<i>Литература 413 Вопросы для повторения 413</i>	
<i>Темы рефератов 413</i>	
Тема 24 Ценность как фактор государственной безопасности	414
Связь между поколениями	414
Понятие «Отечество»	421
<i>Литература 426 Вопросы для повторения 427</i>	
<i>Темы рефератов 427</i>	
Тема 25 Нигилизм как психологическое явление	428
Появление слова	428
Нигилизм Ницше	430
Современный нигилизм	438
<i>Литература 442 Вопросы для повторения 442</i>	
<i>Темы для рефератов: 442</i>	
Тема 26 Противостояние культур	443
Общечеловеческие ценности	443
Диалог ментальностей	448
Социальная этика	452

Литература 458 Вопросы для повторения 458

Темы рефератов 458

Тема 27 Распад ценностей как катастрофа 459

«Смерть Запада» 459

Национализм как феномен 462

Разноэтничный класс 464

Концепция мультикультурализма 465

Литература 472 Вопросы для повторения 472

Темы рефератов 472

Тема 28 Современные смысложизненные ориентации 473

Век и его святыни 473

Гедонистический идеал 475

Стоический идеал 478

Религиозный идеал 480

Ценностный вакуум 482

Литература 486 Вопросы для повторения 486

Темы рефератов 486

Заключение 487